

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
251

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 251. 2018

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-94375-255-1
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.251

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ КАМНЯ К БРОНЗЕ. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Зальцман Э. Б.</i> Изделия из янтаря с поселений восточной группы приморской культуры	7
<i>Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Лобода А. Ю., Хвостиков В. А.</i> Крюк с изображением сцены кулачного поединка из дольмена майкопской культуры, станица Царская, Северо-Западный Кавказ	25
<i>Корневский С. Н.</i> О символике погребений с оружием ударного действия у племен Кавминводской группы и погребения с каменным топором у ст. Галюгаевской (эпоха средней и начала поздней бронзы)	43
<i>Калмыков А. А., Березина Н. Я., Грески Ю., Добровольская М. В., Бужилова А. П.</i> Погребение мастера-литейщика лолинской культуры на Ставрополье	64
<i>Козенкова В. И., Мамаев Р. Х.</i> Могильник Сержень-юрт: новые находки	80

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ

<i>Волкова Е. В.</i> Об относительной устойчивости орнаментальных традиций в гончарстве (по материалам эпохи бронзы)	96
<i>Кукушкин И. А.</i> О семантике андроновского орнамента	111
<i>Шарганова О. Л.</i> Древнерусская лепная керамика Ростова Великого (технологический анализ)	126
<i>Бисерова А. В., Лапшин А. Г.</i> Гончарные клейма в виде трехлепестковой розетки из Владимира: опыт трасологического исследования	145
<i>Панченко К. И.</i> Керамические сосуды из некрополя Чудова монастыря Московского Кремля	158

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Двуреченская Н. Д.</i> К методике полевых исследований в горной местности (на примере эллинистической крепости Узундара)	168
<i>Разуваев Ю. Д.</i> Постройка IV–III вв. до н. э. с бронзолитейным комплексом на верхнедонском городище у с. Верхнее Казачье	181
<i>Балахванцев А. С., Шинкарь О. А.</i> Бронзовый котел с греческой надписью из курганного могильника у хут. Базки Волгоградской области	193
<i>Строков А. А.</i> Склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В. Д. Блаватского в Фанагории	204
<i>Яковчик М. С., Ениосова Н. В., Канторович А. Р., Маслов В. Е., Петренко В. Г.</i> Золотные нити из элитного аланского погребения у хут. Пегушин на Ставрополье	218
<i>Исланова И. В.</i> О поздних погребальных памятниках в восточной области культуры псковских длинных курганов	237
<i>Сакса А. И., Бельский С. В., Мизин В. Г.</i> Новые находки чашечных камней у д. Ольховка Приозерского района Ленинградской области	249

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

<i>Седов Вл. В.</i> Поперечно ориентированная гробница в храме на Пятницком ручье в Смоленске и ее аналоги	260
<i>Олейников О. М.</i> Новые находки энколпионов второй половины XIII – XV в. в Великом Новгороде	278
<i>Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А., Банников (Вяземский) А. В.</i> Некоторые итоги историко-археологического изучения напольной части Верхнего городища г. Торжка	291
<i>Чернецов А. В.</i> Нашествие Батые на Рязанскую землю на миниатюрах XVI в.	303
<i>Беляев Л. А., Глазунова О. Н.</i> «Лестница жизни»: археология и иконография в Новом Иерусалиме XVII–XVIII вв.	314

АРХЕОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Антипина Е. Е., Двуреченская С. О., Двуреченская Н. Д.</i> Реконструкция ряда аспектов хозяйственной жизни боспорского поселения «Госпиталь-1» (по археозоологическим данным 2017 г.)	328
<i>Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Спиридонова Е. А.</i> Изменения природной среды Кремлевского холма и его окрестностей в средневековье.	340
<i>Уханова Е. В.</i> Изотопный анализ коллагена в изучении пергамента средневековых рукописей: интерпретация первых результатов.	354

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.	363
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 241–250 ВЫПУСКАХ КРАТКИХ СООБЩЕНИЙ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ	366
ОТ РЕДАКЦИИ.	379

CONTENTS

FROM STONE TO BRONZE. NEW DISCOVERIES

<i>Zaltsman E. B.</i> Products of Amber Items from the Settlements of the Primorskya Culture Eastern Group	7
<i>Trifonov V. A., Shishlina N. I., Loboda A. Yu., Khvostikov V. A.</i> The Flesh-Hook Featuring a Scene of Fist Fighting from a Maikop Culture Dolmen near the Village of Tsarskaya in the Northwest Caucasus	25
<i>Korenevskiy S. N.</i> Symbolism of Burials with Impact Weapons among the Populations of the Caucasian Spas Group and Burials with Stone Axe near the Village of Galyugaevskaya (the Middle Bronze Age and the Early Late Bronze Period).	43
<i>Kalmykov A. A., Berezina N. Ya., Dobrovolskaya M. V., Greski Yu., Buzhilova A. P.</i> The Burial of a Lola Smelter in the Stavropol Region	64
<i>Kozenkova V. I., Mamaev R. Kh.</i> The Serzhen-yurt Cemetery: New Finds	80

RESEARCHES OF CERAMIC PRODUCTION

<i>Volkova E. V.</i> Relative Stability of Ornamental Pottery Traditions (based on Bronze Age materials).	96
<i>Kukushkin I. A.</i> Semantics of Andronovo Ornament	111
<i>Sharganova O. L.</i> Medieval Russia Hand-modelled Ceramics in Rostov the Great (technological analysis).	126
<i>Biserova A. V., Lapshin A. G.</i> Pottery Marks in the Form of a Three-petaled Rosette from Vladimir: Experience of Tracewear Analysis.	145
<i>Panchenko K. I.</i> Ceramic Vessels from the Necropolis in the Chudov Monastery of the Moscow Kremlin.	158

EARLY IRON AGE AND EARLY MIDDLE AGES

<i>Dvurechenskaya N. D.</i> The Methodology of Field Research in the Mountainous Area (the case of the Uzundara Hellenistic Fortress).	168
<i>Razuvaev Yu. D.</i> The Building of the 4 th –3 rd Centuries BC with a Bronze Casting Assemblage in the Upper Don Fortified Settlement near the Village of Verkhnee Kazachye.	181
<i>Balakhvantsev A. S., Shinkar O. A.</i> A Bronze Cauldron with a Greek Inscription from the Kurgan Cemetery near the Bazki Farmstead in the Volgograd Region	193
<i>Strokov A. A.</i> A Vault Dated to the Migration Period from V.D. Blavatskiy's Excavations in Phanagoria.	204
<i>Yakovchik M. S., Eniosova N. V., Kantorovich A. R., Maslov V. E., Petrenko V. G.</i> Gold Threads from the High-Status Alan Burial near the Pegushin Farmstead in the Stavropol Region	218
<i>Islanova I. V.</i> Later Burial Sites in the Eastern Area of the Pskov Long Kurgans Culture.	237
<i>Saksa A. I., Belskiy S. V., Mizin V. G.</i> New Finds of Cup-marked Stones near the Village of Ol'khovka, Priorsersky District, Leningrad Region	249

SLAVIC-RUSSIAN ANTIQUITIES

<i>Sedov V. V.</i> The Laterally-oriented Tomb in the Church-upon-Pyatnitsky Stream in Smolensk and its Analogies	260
<i>Oleynikov O. M.</i> New Finds of Encolpions of the Second Half of the 13 th –15 th Centuries in Veliky Novgorod	278
<i>Malygin P. D., Sarafanova N. A., Bannikov (Vyazemskiy) A. V.</i> Some Results of Historical-Archaeological Research of Field Part of the Upper Hillfort in Torzhok	291
<i>Chernetsov A. V.</i> Invasion of the Ryazan Land by Batu Khan in the 16 th Century Miniatures	303
<i>Belyaev L. A., Glazunova O. N.</i> The Ladder of Life: Archaeology and Iconography in the New Jerusalem Monastery in the 17 th –18 th centuries	314

ARCHAEOBIOLOGICAL INVESTIGATIONS

<i>Antipina E. E., Dvurechenskaya S. O., Dvurechenskaya N. D.</i> Reconstructing Some Household Life Aspects at the Hospital-1 Bosporan Settlement (2017 Archaeozoological Data)	328
<i>Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., Spiridonova E. A.</i> Changes in the Environment of the Kremlin Hill and its Vicinities in the Medieval Period.	340
<i>Ukhanova E. V.</i> Stable Isotope Analysis of Collagen in the Study of Medieval Manuscript Parchment: Interpretation of the First Results.	354

ABBREVIATIONS	363
-------------------------	-----

INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN ISSUES 241–250.	366
--	-----

SUBMISSION GUIDE	379
----------------------------	-----

Э. Б. Зальцман

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЯНТАРЯ С ПОСЕЛЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ ПРИМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. В ходе исследований поселений приморской культуры шнуровой керамики Прибрежное, Ушаково-1 и Ушаково-3 (Калининградская область) обнаружены украшения из янтаря. Янтарные изделия выявлены в постройках, а также ямах, предположительно интерпретируемых как погребения. Постройки в Прибрежном, в которых обнаружены янтарные украшения, датируются радиоуглеродным методом в интервале 3100–2700 гг. до н. э. (рис. 1). Выделяется объект А из постройки 9, где зафиксировано ожерелье, включающее подвески уплощенной формы, пуговицы линзовидного сечения и диски (рис. 2). В объекте № 60 обнаружено ожерелье, в состав которого входили три кольца и пуговица линзовидного сечения (рис. 3). В объекте № 46 выявлены два фрагмента керамики, включая амфору и обломок янтарной пронизи (рис. 3). В Прибрежном нет никаких свидетельств существования мастерских по изготовлению янтарных изделий. У населения восточной группы приморской культуры выработался особый подход к изготовлению предметов из янтаря. Они производились на сезонных стоянках, в районах сбора янтаря-сырца, после чего готовые изделия или полуфабрикаты переправлялись в крупные поселенческие центры, включая Прибрежное, Ниду, Сухач и др. Предположительно, начало обработки янтаря следует связывать с наиболее ранним этапом существования приморской культуры, который приходится на конец IV – перв. пол. III тыс. до н. э.

Ключевые слова: северо-восточное побережье Вислинского залива, Калининградская область, средний и поздний неолит, приморская культура, изделия из янтаря.

Восточное побережье Балтийского моря по праву считается важнейшим районом, где уже в IV тыс. до н. э. существовали центры по обработке янтаря. Залежи янтаря в отложениях третичного периода на Самбийском п-ве в этот период в силу недоступности не разрабатывались, хотя незначительная добыча на поверхности могла эпизодически происходить (как это показали недавние раскопки автором местонахождений более позднего времени вблизи пос. Краснофлотское Зеленоградского р-на). Крупных поселенческих центров среднего

и позднего неолита, несмотря на масштабные исследования, на Самбийском п-ве также не обнаружено. Основная масса янтаря-сырца в это время собиралась в прибрежной зоне Куршской косы, куда он, благодаря юго-западным ветрам, и вымывался.

Каких-либо значительных находок янтарных украшений раннего периода в непосредственной близости от Самбийского п-ва долгое время не происходило. Но за последние два десятка лет южнее Самбийского п-ва, в прибрежной зоне северо-восточной оконечности Вислинского залива, автору удалось открыть три поселения приморской культуры шнуровой керамики – Прибрежное, Ушаково-1 и Ушаково-3, раскопки которых дали новые находки изделий из янтаря (*Зальцман*, 2015). Наибольшее их количество происходит с поселения Прибрежное, относящееся, судя по радиоуглеродным датам, к первой фазе существования приморской культуры. На поселении выявлены следы крупнейших для Прибалтики домов двухрядной конструкции с апсидообразным завершением, длина некоторых из них достигала 35 м. Заполнение котлованов этих построек, как и культурный слой в целом, содержало массу керамического материала, каменные топоры трапециевидной формы, в том числе миниатюрные, изготовленные из привозной яшмы; иные изделия из камня, а также янтарные украшения определенных типов (*Zaltsman*, 2016. P. 265–274). Для 1-й фазы существования приморской культуры они пока являются ключевыми материалами из-за слабой изученности этого периода и наличия неясностей при выделении этапов в производстве древнейших янтарных украшений в Юго-Восточной Прибалтике (всего изделий из янтаря 51 шт., включая 6 полуобработанных).

Изначально изделия из янтаря в незначительном количестве встречались, за отдельными исключениями, лишь на дне заполнения котлованов длинных домов в центральной части поселения (постройки 1, 2, 4, 6), датированных радиоуглеродным методом в пределах 3100–2800 calBC (*Ibid*. P. 279). Девять дат, полученных по углю, кости и скорлупе лесного ореха, хорошо согласуются между собой (приложение 1). Крайне немногочисленные, янтарные украшения представлены здесь, прежде всего, 4 уплощенными подвесками, удлинненными или с расширенными боковыми сторонами (рис. 1: 7–10). Длина подвесок не превышала 5,2 см, ширина – до 4,7 см. Нижняя часть данного типа украшений имеет характерные выемку в основании или небольшой скос. Отверстия просверлены с 2 сторон. Почти все подвески отличались более или менее выраженной закругленностью углов.

Пластинчатая подвеска трапециевидной формы из очага (объект № 1), находящегося в непосредственной близости от постройки 1, в сечении уплощенная, в противоположность вышеописанным имеет в нижней части незначительную выпуклость (рис. 1: 14).

Нетипична для Юго-Восточной Прибалтики форма секирообразной подвески, найденной вне построек с заглубленным основанием, в западной части поселения (рис. 1: 12). Один из нижних углов изделия имеет резкую скошенность. Ближайшие аналогии можно увидеть среди отдельных зубообразных поздненеолитических подвесок Латвии (*Loze*, 2008. Att. 40: 14, 15). Однако в наибольшей степени подвеска напоминает некоторые разновидности украшений из янтаря в культуре одиночных погребений Ютландии (*Ebbesen*, 2006. Fig. 98: 2; *Hübner*, 2005. Taf. 186: 4).

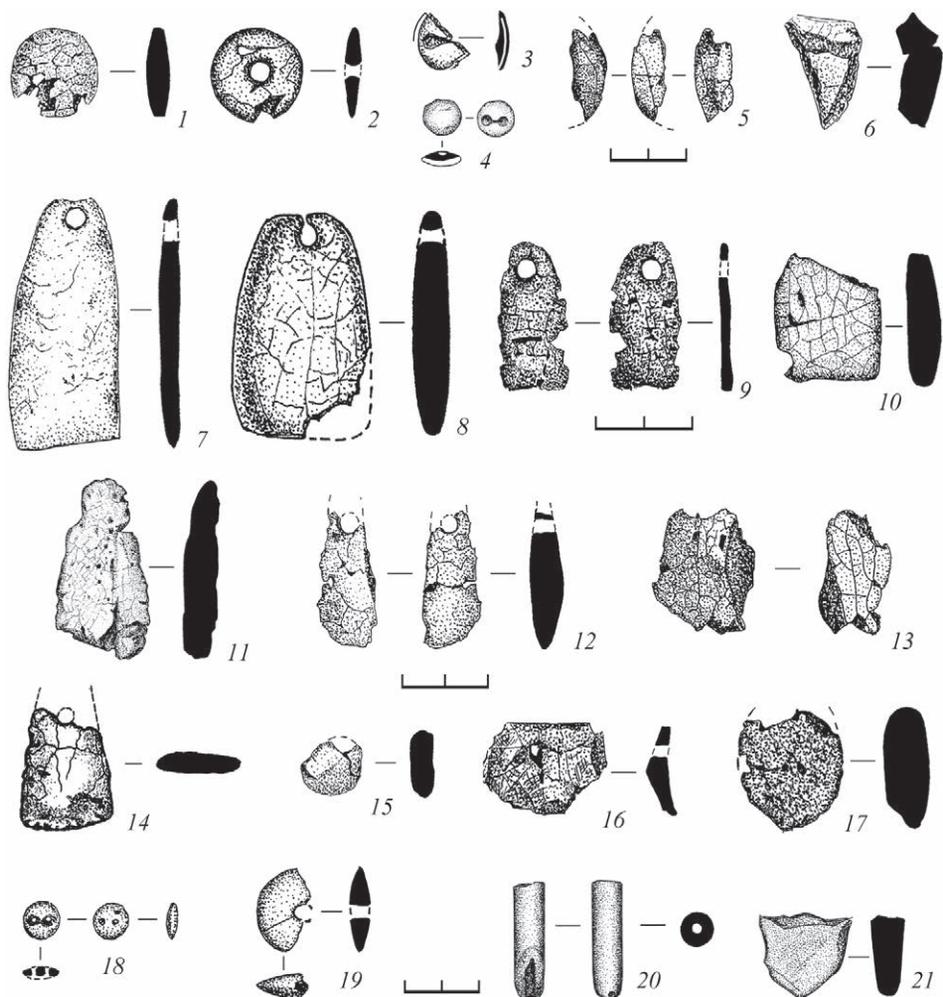

Рис. 1. Изделия из янтаря. Поселение Прибрежное:
нижний уровень заполнения котлованов построек (1–10), культурный слой (11–17).
Поселения Ушаково-1 (18–19), Ушаково-3 (20–21)

1, 5, 6, 13, 16, 17, 21 – полуобработанные изделия; 2, 19 – диски; 3, 4, 18 – пуговицы; 7–10, 14 – подвески уплощенные; 11 – подвеска с выделенной верхней частью; 12 – подвеска секирообразная; 15 – фрагмент удлиненной подвески; 20 – пронизь

Также в крайней северной части поселения обнаружена продолговатой формы подвеска из необработанного янтаря (рис. 1: 11). Лишь верхняя часть специально выделена для подвешивания, кроме того, следы незначительной обработки отмечаются по краям украшения. Размеры находки – 5,5 × 3 см. Невозможно утверждать наверняка, принадлежит ли подвеска основному шнуровому комплексу или она связана с материалами цедмарской культуры, которые также

фиксируются на данном участке (*Зальцман*, 2016). Наиболее близки подвеске трапеции с подчеркнутой «шеей» из Палангийского клада (*Rimantienė*, 1979. S. 109. Pav. 87).

К сожалению, только крайняя нижняя часть сохранилась от подвески, имеющей, по-видимому, узкую вытянутую форму (рис. 1: 15).

Из постройки 3 происходит янтарный диск с отверстием в центре (рис. 1: 2); в сечении линзовидный. Его диаметр – 2,5 см. Округлой формы пуговицы с V-образным отверстием на обратной стороне выявлены лишь в очаге жилища 2 и нижней части заполнения котлована жилища 5 (рис. 1: 3, 4). Оба экземпляра (диаметром 1,0 см и 1,5 см соответственно) имели линзовидное сечение.

На большинстве изделий из янтаря заметны следы воздействия высокой температуры, что связано с пожарами, уничтожившими жилые сооружения. Также велика вероятность, что в результате пожаров большинство янтарных украшений полностью сгорело.

Крайне редкими можно считать находки полуобработанных изделий и производственных отходов. Таковые обнаружены лишь в двух случаях в постройках (№ 2 и 4) и четыре экземпляра – в межжилищном пространстве, в нижней части культурного слоя (рис. 1: 1, 5, 6, 13, 15, 17). Почти все они оказались деформированными под воздействием высокой температуры. Сырцовый янтарь на поселении не засвидетельствован. Округлой формы предметы из постройки 4 и культурного слоя, наиболее вероятно, являются незаконченными дисками (рис. 1: 1, 5), а фрагмент овальной формы – незавершенной пуговицей (рис. 1: 17). В Сарнате подобного рода украшение выявлено в жилище V с керамикой нарвского типа (*Ванкина*, 1970. С. 109. Табл. XLIV: 2).

В межжилищном пространстве, а также на окраине поселения, в его западной части, обнаружено около 20 овальной формы ям, в заполнении которых, кроме 3 случаев, не зафиксировано ничего, исключая мелкие фрагменты керамики. Памятуя, что в силу особых почвенных условий костные остатки в районе поселения сохраняются крайне редко, имеет смысл предполагать в отношении отдельных объектов их особый характер. Соотнесение некоторых из этих ям с погребениями не кажется чем-то неприемлемым: могилы, лишенные какого-либо погребального инвентаря, являются нередкими для приморской культуры. В Жуцево, где в довоенное время выявлено 7 погребений с захороненными, лежащими в скорченном положении, не обнаружено каких-либо вещей (*Šturms*, 1970. S. 168, 169; *Žurek*, 1954. S. 25). Та же ситуация с тремя погребениями в Толкмизко (Толькемит) (*Šturms*, 1970. S. 168).

В Прибрежном среди указанных объектов выделяются три овальной формы ямы, в которых, в отличие от остальных, присутствовали изделия из янтаря.

В одном случае яма (объект А) размещалась в пределах восточной части неправильной прямоугольной формы постройки размером 4,8 × 3,2 м. Заполнение объекта А, выявленного на уровне материка, в верхней части содержало значительное количество фрагментов керамики, оказавшихся там при засыпке могильной ямы. Все фрагменты соответствуют основному керамическому комплексу поселения и связаны, что наиболее вероятно, с постройкой, в которой было совершено погребение. Яма в плане овальной формы, ориентирована по оси С–В, размером 3,1 × 1,8 м, заглублена в материк от 0,8 до 1,0 м (рис. 2: 1). Заполнение

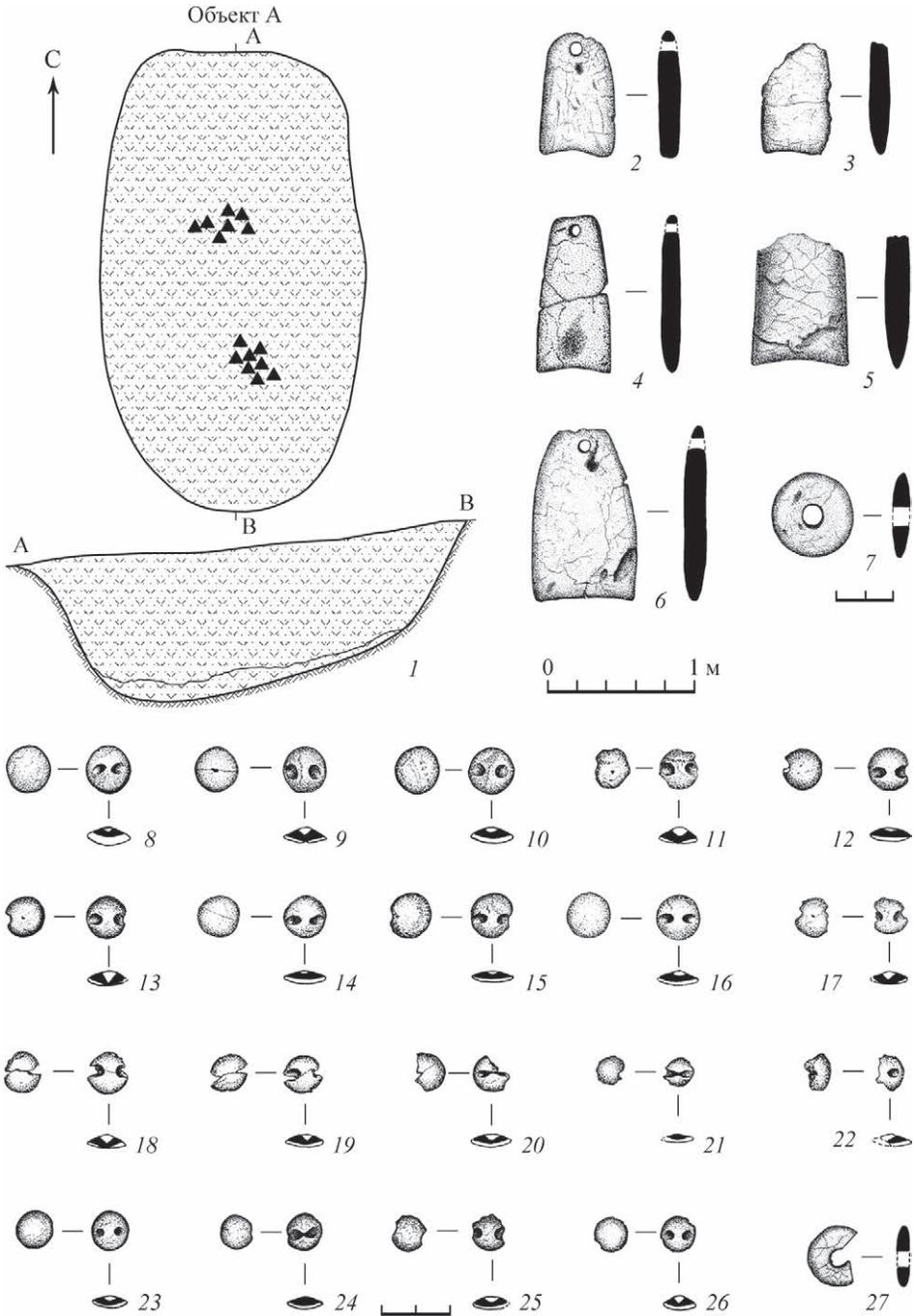

Рис. 2. Поселение Прибрежное, объект А. Украшения из янтаря
 1 – объект А; 2–6 – подвески уплощенные; 7, 27 – диски; 8–26 – пуговицы

в нижней части объекта представлено песком серого цвета (мощность не более 0,16 м), выше фиксировался песок светло-серого цвета. Стенки ямы относительно пологие.

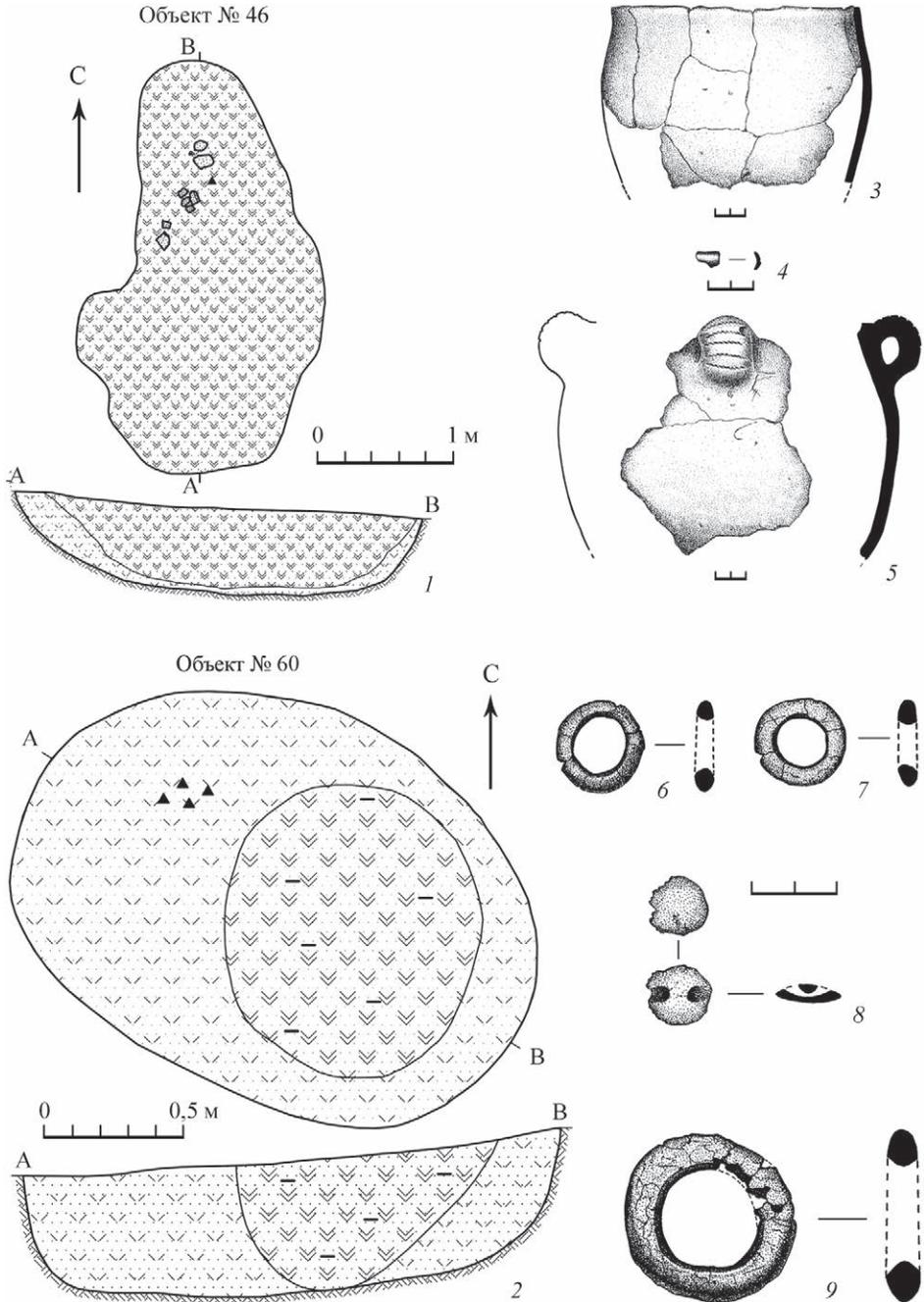
Находки, выявленные в объекте (в нижней его части), представлены исключительно янтарными украшениями (всего 29 шт.) (рис. 2). Большинство из них находилось в южной части ямы. Причем порядок расположения этой группы янтарных изделий не оставляет сомнений в их принадлежности к ожерелью. Ожерелье составляли, прежде всего, три уплощенной формы подвески, лежащие рядом (рис. 2: 2, 4, 6). Еще одна подвеска аналогичной формы также находилась поблизости, но оказалась смещенной и частично разрушенной, судя по многочисленным следам нор, грызунами (рис. 2: 3). Пятая подвеска, от которой сохранилась лишь нижняя часть, выявлена несколько выше ожерелья (рис. 2: 5). Она оказалась смещенной по той же причине, что и предыдущая. Все изделия имели хорошо выраженную выемку в основании. Размеры наиболее крупной подвески, имеющей заметное расширение по краям, – 5,8 × 3,5 см (рис. 2: 6).

Кроме того, ожерелье включало в себя линзообразного сечения диск с отверстием в центре (рис. 2: 7) и 16 округлых различной степени сохранности пуговиц, обнаруженных рядом с тремя подвесками (рис. 2: 8–22). Диаметр диска – 2,7 см. Пуговицы, в среднем, диаметром 1,4–1,0 см. Все они в сечении линзообразной конфигурации, с аккуратно выполненными отверстиями V-образной формы.

Ближе к продольной оси объекта, в его северной части, зафиксировано еще 6 пуговиц (рис. 2: 23–26), от двух из которых сохранились только незначительные фрагменты. Помимо пуговиц, здесь найден не полностью сохранившийся небольших размеров диск с линзообразным сечением, имеющий диаметр 2 см (рис. 2: 27).

В трех метрах юго-западнее объекта А размещался объект № 46, неправильной овальной формы, ориентированный в том же направлении, что и предыдущий. Размеры объекта – 3,0 × 1,8 м, заглублен в материк до 0,62 м (рис. 3: 1). Заполнение ямы представлено двумя слоями: основной слой, мощностью до 0,6 м, представлен песком темно-серого цвета, нижний образован песком светло-серого цвета. Стенки ямы покатые. Находки из нижней части объекта № 46 немногочисленны. К ним относятся фрагмент сосуда средних размеров и обломок амфоры с ушком, орнаментированным горизонтальными оттисками шнура (рис. 3: 3, 5). Типологически фрагменты соответствуют основным керамическим формам с поселения. Рядом с фрагментами выявлен обломок янтарной пронизи цилиндрической формы (рис. 3: 4).

Объект № 60 находился в 15 м южнее объекта А постройки 9, в межжилищном пространстве. Яма имела овальную форму (1,8 × 1,28 м), ориентирована по оси ЮВ–СЗ, заглублена в материк до 0,44 м (рис. 3: 2). Стенки ямы сравнительно прямые. Основное заполнение представлено песком светло-серого цвета. Юго-восточную часть объекта прорезала овальной формы яма темно-серого цвета (размером 0,9 × 1,0 м), имеющая ту же глубину, что и основной объект. Основные находки представлены тремя янтарными кольцами и одной пуговицей с линзообразным сечением, зафиксированными на дне (рис. 3: 6–9). Все кольца с заостренно-овальным поперечным сечением (рис. 3, 6, 7, 9). Диаметр

**Рис. 3. Поселение Прибрежное, объекты № 46 и 60.
Фрагменты керамики и янтарные украшения**

1 – объект № 46; 2 – объект № 60; 3 – фрагменты сосуда средних размеров; 4 – пронизь; 5 – фрагменты амфоры; 6, 7, 9 – кольца; 8 – пуговица

самого большого кольца составляет 4 см (рис. 3: 9). Округлой формы пуговица в сечении линзообразная, диаметром 1,5 см (рис. 3: 8).

Находки янтарных украшений с поселений Ушаково-1 и Ушаково-3 в количественном отношении незначительны. В Ушаково-1 найдено всего два предмета из янтаря – обломок диска линзовидного сечения диаметром 2,1 см и пуговица диаметром всего 1 см с просверленными насквозь отверстиями (рис. 1: 18, 19). Слои поселения Ушаково-3 также содержали малое количество предметов из янтаря: трубчатой формы бусину диаметром 0,08 см и полуобработанную угловатую пластину (рис. 1: 20, 21). Радиоуглеродные даты, полученные по углю из культурного слоя, в основном в пределах 2450–2200 calBC (приложение 2). Ближайшие аналогии керамическому материалу прослеживаются на стоянке Неджведжувка, где население занималось сбором янтаря и изготовлением из него в массовом количестве полуфабрикатов и готовых изделий. Стоянка датируется приблизительно тем же временем, что и основной культурный слой поселения Ушаково-3 (*Mazurowski*, 2014).

В приморской культуре известны по крайней мере еще три погребения (естественно, в пределах поселений), в которых присутствовали украшения из янтаря. Прежде всего, это могильная яма на поселении Сухач (Сукказе), обнаруженная в 1935 г. непосредственно вблизи входа в дом № 14, с восточной стороны. От умершего сохранилась лишь нижняя челюсть. Рядом лежали кремневый топорик трапециевидной формы и янтарное ожерелье, включающее 23 бусины (*Ehrlich*, 1936. S. 53. Taf. 22: 5; *Mazurowski*, 1983. S. 66). Другая погребальная яма, выявленная уже при раскопках начала 80-х гг. XX в., содержала фрагменты черепа ребенка и ожерелье, состоящее из 67 янтарных бусин овальной формы (*Mazurowski*, 1987. S. 155).

Вблизи поселка Рыбачий (Rossitten) на Куршской косе также в довоенное время выявлено случайным образом погребение в скорченном положении с инвентарем, включающим сломанную костяную иглу длиной 10 см, обломок каменного топора, кремневое лезвие с ретушью, каменный диск, окаменевший коралл и фрагмент янтарного кольца с овальным сечением (*Kilian*, 1955. S. 258. Abb. 293: a–f). Погребение из Рыбачьего с топориком и янтарным кольцом, аналогии которым имеются, прежде всего, в Прибрежном (*Зальцман*, 2010. Рис. 21: 8), предположительно не позднее 1-й пол. III тыс. до н. э.

В Прибалтике в составе ожерелья трапециевидные подвески и округлые пуговицы известны в могильнике Звейниекы. Здесь они в качестве погребального инвентаря встречались во 2-й группе могил, датируемых 1-й половиной III тыс. до н. э. и относящихся к постнарвской культуре. Среди них в особенности обращает на себя внимание мужское погребение 212. На шее погребенного находилось ожерелье, включающее 13 пуговицеобразных бусин с V-образным отверстием и 5 трапециевидных подвесок с прямой или выпуклой нижней гранью. В районе бедра также зафиксированы 32 пуговицеобразные бусины, 4 трапециевидные и две ромбовидные подвески (*Zagorska*, 2001. S. 118. Fig. 4: A–C). Расположение украшений аналогично обнаруженным в объекте А постройки 9 из Прибрежного. Частично соответствует и комплект янтарных украшений, хотя типологически они, что естественно, различаются.

Набор изделий из янтаря в Прибрежном, включающий пластинчатые подвески продолговатой и трапециевидной формы, линзовидные диски, кольца, округлые пуговицы с V-образным отверстием линзовидного сечения, полностью соответствует таковому из памятников конца IV – 1-й пол. III тыс. до н. э. в Восточной Прибалтике.

В мастерских Лубанской равнины, включающих, прежде всего, отдельные дома из Звидзе и Найниексте, основной набор янтарных украшений в среднем неолите состоял преимущественно из пластинчатых подвесок трапециевидной формы, пуговиц линзообразного и, реже, конического сечения, разновидностей трубчатых пронизей и более редких колец и дисков. Причем в большинстве случаев трапециевидные подвески и округлые пуговицы доминируют над остальными украшениями (*Loze, 2003. P. 84*). Нижнее основание у подвесок вогнутое или прямое, но встречается и выпуклой формы. Вогнутый нижний край типичен именно для трапециевидных подвесок основных средненеолитических янтарных мастерских Лубанской равнины.

Пуговицы считаются одним из самых обычных типов средненеолитических украшений из янтаря Лубанской равнины. Они округлой или, что гораздо реже, овальной формы. Для 1-й пол. III тыс. до н. э. наиболее характерны линзообразные в сечении формы, реже встречаются пуговицы только с одной выпуклой или конической стороной (*Ibid.*).

Кольца (диаметр – 1,5–7 см) чаще с округленно-треугольным поперечным сечением, реже встречаются с округленно-прямоугольным сечением (*Loze, 1999. P. 132. Fig. 4; 2003. P. 84*). Диски в поперечном сечении имеют треугольную форму, размеры их не более 3,3 см.

Аналогичные формы в период существования средненеолитических центров по изготовлению янтарных украшений проникли вплоть до Верхней Волги, где имели хождение приблизительно те же типы украшений: пуговицы, пронизи, кольца с линзовидным сечением, подвески трапециевидной формы (*Костылева, Уткин, 2000. С. 175*). Особенно выделяются погребения с многочисленными янтарными изделиями стоянок Сахтыш ПА и Сахтыш VIII. Погребения стоянки Сахтыш VIII отличаются преобладанием трапециевидных подвесок вытянутых пропорций с вогнутым или прямым основанием и пуговиц линзовидного сечения (*Костылева, Уткин, 2010. С. 60*). Отдельные подвески из погребений 4 и клада № 11 аналогичны обнаруженным в Прибрежном (*Там же. Рис. 78: 10, 11; 80: 23*), но большинство обычны именно для латвийских средненеолитических янтарных мастерских.

Для Прибрежного полные аналогии выявляются в основном в Швянтои 2/4А и 6 с литовского побережья, памятниках, ранее соотносимых с КША. Самая распространенная форма здесь – трапециевидная острогранная подвеска с выпуклыми боковыми гранями и выемкой в основании, а также пуговицеобразные бусины с линзообразным сечением (*Rimantienė, 2001. S. 89–91*). Кроме того, в набор входили шайбовидные кольца, трубчатые бусины и ладьевидные пуговицы. Лишь последние нетипичны для Прибрежного. Также следует подчеркнуть, что сходство не ограничивается только янтарными украшениями. Их сопровождают, как и в Прибрежном, каменные топоры трапециевидной формы, широкогорлые горшки, украшенные шнуровым и бисерным орнаментом, сосуды с почти прямым

венчиком. Чуждыми остаются лишь разновидности посуды, связанные с КША. Местонахождение Швянтойи 2/4А и поселение Швянтойи 6 датируются около 2720 calBC и 2630 calBC соответственно (*Szmyt*, 1999. P. 67).

Более поздние типы янтарных изделий известны с поселения КШК Швянтойи-1А, которое датируется в интервале 2870–2490 calBC (*Римантене*, 2004. С.160). Подвески с выпуклыми боковыми гранями и выемкой в основании еще остаются популярными, но теперь широко распространяются иные типы изделий: квадратные и прямоугольные пуговицы, округлые пуговицы с сегментовидным сечением. Кроме того, здесь пользовались популярностью подвески из необработанного янтаря (*Rimantienė*, 2001. S. 91, 92). В основном набор янтарных изделий совершенно иной, чем в Прибрежном, несмотря на единичные соответствия.

В собрании Юодкранте, судя по аналогиям, имеющим преимущественное отношение к приморской культуре, содержатся все те же особой формы подвески – вытянутой формы или с выпуклыми сторонами (*Klebs*, 1882. Taf. V: 5, 9; VI: 7, 9, 11; VIII: 11).

В целом, исходя из соответствий, выделяется область, включающая северо-восточное побережье Вислинского залива, Куршскую косу и прибрежные районы в Западной Литве, где не позднее начала III тысячелетия до н. э. получил распространение определенный набор янтарных украшений, включающий пуговицеобразные бусины с линзообразным сечением, уплощенные трапециевидные подвески с более или менее выпуклыми боковыми гранями или подвески удлиненной формы, боковые грани у которых незначительно выступают наружу или даже прямые. Нижнее основание в большинстве случаев имеет выемку, реже прямое. Комплекс украшений также включает линзовидные в сечении диски с отверстием в центре, пронизи и более редкие кольца. Подвески в форме овала, возможно, типичны для северной части очерченной территории. Подвески с выпуклыми боковыми гранями в таком случае являются местной особенностью в восточной группе приморской культуры шнуровой керамики. Отдельные находки подобных изделий встречались и в КША в Центральной Польше, что, возможно, указывает на связи в данном направлении (*Wisłański*, 1966. Rys. 26: 15). Хронологически этот комплекс украшений соответствует, судя по радиоуглеродным датам, промежутку с конца IV до середины III тыс. до н. э. В последней четверти III тыс. до н. э. и в начале II тыс. до н. э. в Прибалтике и сопредельных территориях широкое распространение получают иные формы изделий из янтаря: пуговицы с сегментовидным сечением, пуговицы овальной, прямоугольной и ладьевидной формы, крышевидные прямоугольные пуговицы, пластины овальной формы, подвески овально-удлиненной формы, зубообразные, ключеобразные и каплеобразные подвески, длинные и короткие цилиндрические, дискообразные, клинообразные, бочкообразные и многогранные бусины, а также разделители бусин в ожерельях (*Квятковская, Манастерский*, 2017. С. 206–208; *Loze*, 2004. Lp. 115–126; *Mażurowski*, 1983. S. 66–69).

В Прибрежном практически отсутствуют производственные отходы из янтаря, отбракованный и сырьевой материал. Нет никаких свидетельств существования здесь мастерских по изготовлению янтарных изделий. Почти все находки

янтарных украшений имеют законченный вид, исключая несколько полуобработанных продуктов. Это означает, что янтарные украшения не вырабатывались на поселении. Не обнаружены следы мастерских и в другом крупном поселении приморской культуры – Ниде (*Loze, 2004. Лр. 112*). Это поселение исследовалось на площади 4640 кв. м. Однако на данном памятнике выявлены только полуфабрикаты в количестве 48 экз., остальные находки – янтарь-сырец (*Rimantienė, 1989. Р. 82–86*).

На поселении Сухач (Сукказе) в основном обнаружено янтарное сырье и готовые изделия (большая часть готовых изделий происходит из погребения рядом с домом 14). Незначительное количество заготовок из янтара в доме 13 не является доказательством массового изготовления янтарных изделий (*Mazurowski, 1983. S. 66, 67*).

Совершенно прав Р. Мазуровский, утверждая, что изготовлением янтарных украшений население приморской культуры занималось в основном только вблизи мест сбора или добычи янтара, в пределах Куршской косы и Вислинских Жулав (*Mazurowski, 1999. Р. 122*). На стоянках Неджведжувка и Стары Бабки, расположенных вдоль одного из притоков Вислы, обнаружено около 17 000 незаконченных изделий (*Ibid. Р. 124*).

Такая картина разительно отличается от ситуации на поселениях нарвской и постнарвской культур в Латвии и Литве. В Сарнате, Звидзе, Швянтойи-23 в 1-й пол. III тыс. до н. э. существовали отдельные мастерские по обработке янтара. Янтарные предметы, сделанные в этих поселениях, изготавливались как для обмена, так и для внутреннего пользования. В Звидзе обработка янтара зафиксирована в 3 жилищах. Во всех случаях доказательством обработки являются производственные отходы, т. е. мелкие сколы, а также куски янтара со следами первичной обработки (*Loze, 2001. Р. 126*). Всего в Звидзе выявлено 924 готовых или полуготовых изделия – несравнимо больше, чем в Прибрежном (*Loze, 1988. С. 43*). В Сарнате в жилище № 2, где, по-видимому, несколько членов семьи занимались изготовлением янтарных украшений, найдено около 2000 фрагментов, отходов и готовых изделий (*Ванкина, 1970. С. 109; Bērziņš, 2003*).

Следовательно, у населения восточной группы приморской культуры выработался иной подход в отношении изготовления предметов из янтара. Они производились на сезонных стоянках, в районах сбора янтара-сырца, после чего готовые изделия или полуфабрикаты переправлялись в крупные поселенческие центры, включая Прибрежное, Ниду, Сухач, Ушаково-3 и др.

Наиболее вероятно, что население приморской культуры уже в начале III тыс. до н. э. использовало янтарь в обменных отношениях. С 2900–2850 гг. до н. э. янтарные украшения появляются в погребениях КША (*Czebreszuk, 2003. Р. 169, 170; Szmyt, 1999. Р. 135*). В основном представлены пуговицы с линзообразным сечением, диски и пронизи. Реже встречаются уплощенной формы пластины с выпуклыми боками и выемкой в основании, аналогичные получившим распространение в Прибрежном и Швянтойи 2/4А и 6. Принято считать, что распространению янтарных изделий в КША способствовало установление непосредственных контактов с населением нарвской культуры. Приморская культура в этом отношении игнорировалась. Однако исследования последних

лет подтверждают существование в приморской культуре протофазы, совпадающей с началом постнарвской культуры Латвии, а также фазы ПВ в КША. Трудно представить, что, занимая область между нарвской культурой и КША, население приморской культуры не принимало участия в обменных отношениях с соседними группами населения. В целом нет никаких препятствий для предположения о начале обработки янтаря, и не только для внутреннего пользования, уже на самом раннем этапе существования приморской культуры, т. е. не позднее 2900 ВС. В таком случае охарактеризованный комплекс янтарных изделий из Прибрежного следует относить к наиболее раннему этапу в обработке янтаря в восточной группе приморской культуры, о котором до недавнего времени ничего не было известно.

ЛИТЕРАТУРА

- Ванкина Л. В., 1970. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне. 268 с.
- Зальцман Э. Б., 2010. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. М.: ИА РАН. 312 с.
- Зальцман Э. Б., 2015. Итоги исследований поселений приморской культуры Прибрежное и Ушаково-3 // *Studia i materiały do badań nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu*. T. V. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. С. 5–47.
- Зальцман Э. Б., 2016. Находки материалов педмарской культуры на побережье Вислинского залива // *Studia i materiały do badań nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu*. T. VI. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. С. 5–21.
- Квятковская К., Манастерский Д., 2017. Происхождение уникальных позднеолитических изделий из янтаря из Северо-Восточной Польши // *Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене* / Отв. ред. Д. В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН. С. 205–212.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В., 2000. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш ПА // *ТАС*. Вып. 4. Т. 1. С. 175–184.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В., 2010. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: Таус. 300 с.
- Лозе И. А., 1988. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне. 212 с.
- Римантене Р. К., 2004. Хронология неолита Западной Литвы // *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии* / Отв. ред.: В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН. С. 155–162.
- Bērziņš V., 2003. Amber working as a specialist occupation at the Sārnate Neolithic site // *Amber in Archaeology: Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology (Talsi, 2001)* / Eds: C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers. P. 34–46.
- Czebreszuk J., 2003. Amber on the Threshold of a World Career // *Amber in Archaeology: Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology (Talsi, 2001)* / Eds: C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers. P. 164–179.
- Ebbesen K., 2006. The Battle Axe Period Stridsøksetid. København: Kvatro. 859 p.
- Ehrlich B., 1936. Succase // *Elbinger Jahrbuch*. Bd. 12/13. S. 1–98.
- Hübner E., 2005. Jungneolithische Gräber auf der Jütischen Halbinsel. Typologische und chronologische Studien zur Einzelgrabkultur. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab. 1502 S.
- Kilian L., 1955. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn: Rudolf Habelt Verlag. 320 S.
- Klebs R., 1882. Der Bernscheinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwartzort und anderen Lokalitäten Preussens. Königsberg: Hartung. 75 S. (Beitr. Naturkunde Preussens; Bd. 5.)

- Loze I., 1999. *The Processing of Amber during the Middle Neolithic in Latvia // Investigations into Amber: Proceedings of the International Interdisciplinary Symposium «Baltic Amber and other Fossil Resins» (2–6 September 1997, Gdansk) / Eds: B. Kosmowska-Ceranowicz, H. Paner. Gdańsk: The Archaeological Museum in Gdansk. P. 131–135.*
- Loze I., 2001. Some aspects of research on Middle Neolithic Amber in the Lake Lubāns Depression // *Baltic Amber in natural sciences, archaeology and applied Arts / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Acta Academiae Artium Vilmensis. P. 125–133.*
- Loze I., 2003. Middle Neolithic Amber Workshops in the Lake Lubāns Depression // *Amber in Archaeology / Amber in Archaeology: Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology (Talsi, 2001) / Eds: C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers. P. 72–89.*
- Loze I., 2004. *Senais dzintars Austrumbaltijā. Rezekne: Latgales Kultūras centra izdevniecība. 136 lp.*
- Loze I., 2008. *Lubāna ezera mitrāja neolīta dzintars un tā apstrādes darbņīcas. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds. 187 lp.*
- Mazurowski R. F., 1983. Bursztyn w epoce kamienia na ziemiach polskich // *Materiały starożytne I wczesnośredniowieczne. T. V. Warszawa: Pánstwowe Muzeum Archeologiczne. S. 7–130.*
- Mazurowski R. F., 1987. Nowe badania nad osadnictwem ludności kultury rzucewskiej w Suchaczu, woj. Elbląskie, w latach 1980–1983 // *Badania archeologiczne w woj. Elbląskim w latach 1980–83 / Red. A. Pawłowski. Malbork: Muzeum Zamkowe w Malborku. S. 141–163.*
- Mazurowski R. F., 1999. Exploitation and working of amber during the Late Neolithic period in the Żuławy region // *Investigations into Amber: Proceedings of the International Interdisciplinary Symposium «Baltic Amber and other Fossil Resins» (2–6 September 1997, Gdansk) / Eds: B. Kosmowska-Ceranowicz, H. Paner. Gdańsk: The Archaeological Museum in Gdansk: P.121–129.*
- Mazurowski R. F., 2014. Prahistoryczne bursztyniarstwo na Żuławach Wiślanych. Malbork: Muzeum Zamkowe w Malborku. 272 s.
- Rimantienė R., 1979. Pventoji. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius: Mokslas, 190 p.
- Rimantienė R., 1989. Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius: Mokslas. 211 p.
- Rimantienė R., 2001. Die Bernsteinerzeugnisse von Šventoji // *Baltic Amber in natural sciences, archaeology and applied Arts / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Acta Academiae Artium Vilmensis. S. 87–98.*
- Šturms E., 1970. Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn: Rudolf Habelt Verlag. 298 S.
- Szmyt M., 1999. Between west and east people of the Globular amphora culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC. Poznań: Institute of Prehistory. 349 p. (Baltic-Pontic Studies; vol. 8.)
- Wisłański T., 1966. Kultura amfor kulistych w Polsce północno-zachodniej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 285 s.
- Zagorska I., 2001. Amber graves of Zvejnieki burial ground // *Baltic Amber in natural sciences, archaeology and applied Arts / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Acta Academiae Artium Vilmensis. P. 109–124.*
- Zaltsman E., 2016. Chronological problems with sites of the Primorskaya culture on the north-eastern coast of the Vistula Lagoon // *Sprawozdania Archeologiczne. T. 68. Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. P. 263–299.*
- Żurek J., 1954. Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. Wejherowski, i kultura rzucewska // *Fontes Archaeologici Posnaniensis. T. 4 (1953). Poznań: Muzeum Archeologiczne w Poznaniu. S. 1–42.*

Сведения об авторе

Зальцман Эдвин Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: edwin_zalcman@mail.ru

E. B. Zaltsman

PRODUCTS OF AMBER ITEMS FROM THE SETTLEMENTS
OF THE PRIMORSKYA CULTURE EASTERN GROUP

Abstract. The excavations of Primorskaya culture settlements Pribrezhnoye, Ushakovo-1 and Ushakovo-3 (Kaliningrad region) have yielded products of amber. Amber items were retrieved from constructions as well as pits, presumably interpreted as burials. Radiocarbon dates from the constructions with amber items in Pribrezhnoye fall within 3100 – 2700 BC (fig. 1). Object A from dwelling 9 is notable for a necklace consisting of flattened pendants, lentoid buttons and discs (fig. 2). Another amber necklace from Object № 60 included 3 rings and lens-shaped button (fig. 3). Two fragments of ceramic and a piece of cylindrical-shaped amber bead were found in Object № 46. All products of amber found in Pribrezhnoye entirely correspond to amber repertoire from the settlements of the late IV – first half of the III mill. BC. Close analogies are revealed also at the settlements Šventoji 6 and 2/4A. The similarity is not limited to amber jewelry. Ceramic ware and stone axes are also similar in their ornaments and shapes. Amber waste products and raw materials have not been found at Pribrezhnoye. There are no traces of amber workshop at the site, which evidences that products of amber were not manufactured at the settlement. The same concerns other large settlements of Primorskaya culture. It means that population of the Eastern group of Primorskaya culture worked out a distinctive approach to making items of amber. These were made at seasonal short-term sites in the areas where raw amber was collected and then half-finished and finished products of amber were transported to large centers including Pribrezhnoye, Nida, Sukhach, etc. Most likely, the initial period of amber working was related to the early stage of the Primorskaya culture which dates back to the end of IV – first half of III mill. BC).

Keywords: northeast coast of the Vistula Bay, Kaliningrad Region, Middle and Late Neolithic, Primorskaya culture, amber products.

REFERENCES

- Bērziņš V., 2003. Amber working as a specialist occupation at the Sārnate Neolithic site, Latvia. *Amber in Archaeology. Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology (Talsi, 2001)*. C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd, eds. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers, pp. 34–46.
- Czebreszuk J., 2003. Amber on the Threshold of a World Career. *Amber in Archaeology. Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology (Talsi, 2001)*. C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd, eds. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers, pp. 164–179.
- Ebbesen K., 2006. The Battle Axe Period Stridsøksetid. København: Kvatro. 859 p.
- Ehrlich B., 1936. Succase. *Elbinger Jahrbuch*, 12/13, S. 1–98.
- Hübner E., 2005. Jungneolithische Gräber auf der Jütischen Halbinsel. Typologische und chronologische Studien zur Einzelgrabkultur. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab. 1502 S.
- Kilian L., 1955. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn: Rudolf Habelt Verlag. 320 S.
- Klebs R., 1882. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Bagerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens. Königsberg: Hartung. 75 S. (Beitr. Naturkunde Preussens, 5.)
- Kostyleva E. L., Utkin A. V., 2000. Volosovskie pogrebeniya s yantaryom mogil'nika Sakhtysh IIA [Volosovo burials with amber from cemetery Sakhtysh IIA]. *TAS*, vol. 1, iss. 4. Tver', pp. 175–184.
- Kostyleva E. L., Utkin A. V., 2010. Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: planigraficheskie i khronologicheskie struktury [Neo-Eneolithic

- cemeteries of Upper Volga region and Volga-Oka interfluvium: planigraphic and chronological structures]. Moscow: Taus. 300 p.
- Kvyatkovskaya K., Manasterskiy D., 2017. Proiskhozhdenie unikal'nykh pozdneneoliticheskikh izdeliy iz yantarya iz Severo-Vostochnoy Pol'she [Origin of unique late Neolithic items of amber from North-eastern Poland]. *Kul'turnye protsessy v tsirkumbaltiyskom prostranstve v rannem i srednem golotsene [Cultural processes in Circum-Baltic area in early and middle Holocene]*. D. V. Gerasimov, ed. St. Petersburg: MAE RAS, pp. 205–212.
- Loze I. A., 1988. Poseleniya kamennogo veka Lubanskoj niziny. Mezolit, ranniy i sredniy neolit [Stone Age settlements of Lubans depression. Mesolithic, Early and Middle Neolithic]. Riga: Zinatne. 212 p.
- Loze I., 1999. The Processing of Amber during the Middle Neolithic in Latvia. *Investigations into Amber: Proceedings of the International Interdisciplinary Symposium «Baltic Amber and other Fossil Resins»* (1997). B. Kosmowska-Ceranowicz, H. Paner, eds. Gdańsk: The Archaeological Museum in Gdansk, pp. 131–135.
- Loze I., 2001. Some aspects of research on Middle Neolithic Amber in the Lake Lubāns Depression. *Baltic Amber in natural sciences, archaeology and applied Arts*. A. Butrimas, ed. Vilnius: Acta Academiae Artium Vilmensis, pp. 125–133.
- Loze I., 2003. Middle Neolithic Amber Workshops in the Lake Lubans Depression. *Amber in Archaeology: Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology (2001)*. C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd, eds. Riga: Institute of the History of Latvia, pp. 72–89.
- Loze I., 2004. Senais dzintars Austrumbaltijā. Rezekne: Latgales Kultūras centra izdevniecība. 136 lp.
- Loze I., 2008. Lubāna ezera mitrāja neolīta dzintars un tā apstrādes darbnīcas. Riga: Latvijas vēstures institūta apgāds. 187 lp.
- Mazurowski R. F., 1983. Bursztyn w epoce kamienia na ziemiach polskich. *Materiały starożytne I wczesnośredniowieczne*, V. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, ss. 7–130.
- Mazurowski R. F., 1987. Nowe badania nad osadnictwem ludności kultury rzucewskiej w Suchaczu, woj. Elbląskie, w latach 1980–1983. *Badania archeologiczne w woj. Elbląskim w latach 1980–83*. A. Pawłowski, ed. Malbork: Muzeum Zamkowe w Malborku, ss. 141–163.
- Mazurowski R. F., 1999. Exploitation and working of amber during the Late Neolithic period in the Żuławy region. *Investigations into Amber: Proceedings of the International Interdisciplinary Symposium «Baltic Amber and other Fossil Resins»* (1997). B. Kosmowska-Ceranowicz, H. Paner, eds. Gdańsk: The Archaeological Museum in Gdansk, pp. 121–129.
- Mazurowski R. F., 2014. Prahisteryczne bursztyniarstwo na Żuławach Wiślanych. Malbork: Muzeum Zamkowe w Malborku. 272 s.
- Rimantienė R., 1979. Pventoji. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius: Mokslas, 190 p.
- Rimantienė R., 1989. Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius: Mokslas. 211 p.
- Rimantienė R., 2001. Die Bernsteinerzeugnisse von Šventoji. *Baltic Amber in natural sciences, archaeology and applied Arts*. A. Butrimas, ed. Vilnius: Acta Academiae Artium Vilmensis, Ss. 87–98.
- Rimantene R. K., 2004. Chronologija neolita Zapadnoy Litvy [Chronology of Neolithic in Western Lithuania]. *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeystviy v neolite Evrazii [Problems of chronology and ethno-cultural interaction in Eurasia Neolithic]*. V. I. Timofeev, G. I. Zaytseva, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 155–162.
- Šturms E., 1970. Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn: Rudolf Habelt Verlag. 298 S.
- Szmyt M., 1999. Between west and east people of the Globular amphora culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC. Poznań: Institute of Prehistory. 349 p. (Baltic-Pontic Studies, 8.)
- Vankina L. V., 1970. Torfyanikovaya stoyanka Sarnate [Peat-bog settlement Sarnate]. Riga: Zinatne. 268 p.
- Wisłański T., 1966. Kultura amfor kulistych w Polsce północno-zachodniej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 285 s.
- Zagorska I., 2001. Amber graves of Zvejnieki burial ground. *Baltic Amber in natural sciences, archaeology and applied Arts*. A. Butrimas, ed. Vilnius: Acta Academiae Artium Vilmensis, pp. 109–124.
- Zaltsman E. B., 2010. Poseleniya kul'tury shnurvoy keramiki na territorii Yugo-Vostochnoy Pribaltiki [Settlements of corded-ware culture in territory of South-eastern part of Baltic region]. Moscow: IA RAN. 312 p.

- Zaltsman E. B., 2015. Itogi issledovaniy poseleniy primorskoy kul'tury Pribrezhnoe i Ushakovo-3 [Results of investigations of Primorskaya culture settlements Pribrezhnoe and Ushakovo-3]. *Studia i materialy do badan nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu*, V. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 5–47.
- Zaltsman E. B., 2016. Hakhodki materialov tsedmarskoy kul'tury na poberezh'ye Bislinskogo zaliva [Finds of Tsedmar culture materials on the shores of Vistula lagoon]. *Studia i materialy do badan nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu*, VI. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 5–21.
- Zaltsman E., 2016. Chronological problems with sites of the Primorskaya culture on the north-eastern coast of the Vistula Lagoon. *Sprawozdania Archeologiczne*, 68. Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, pp. 263–299.
- Żurek J., 1954. Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. Wejherowski, i kultura rzucewska. *Fontes Archaeologici Posnaniensis*, 4 (1953). Poznań: Muzeum Archeologiczne w Poznaniu, ss. 1–42.

About the author

Zaltsman Edwin B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: edwin_zalcman@mail.ru

Приложение 1. Радиоуглеродные даты поселения Прибрежное

№ п/п	Датир. материал	Комплекс	Дата ВР	OxCal (2013) 68,2 %	OxCal (2013) 95,4 %	Лаб. шифр
1	уголь	Постройка 7 (нижний уровень заполнения)	4320 ± 90	3261–3255 (0,8%) 3098–2872 (65,9%) 2799–2793 (0,8%) 2786–2780 (0,7%)	3335–3211 (10,1%) 3192–3152 (2,4%) 3138–2837 (71,0%) 2816–2672 (11,9%)	Ле-8971
2	уголь	Постройка 4 (очаг)	4570 ± 60	3493–3468 (7,6%) 3375–3319 (21,8%) 3273–3267 (1,3%) 3236–3112 (37,4%)	3516–3397 (17,3%) 3385–3091 (78,1%)	Ki-10581
3	уголь	Постройка 4 (очаг)	4510 ± 60	3346–3308 (12,6%) 3301–3282 (6,1%) 3277–3265 (3,9%) 3240–3105 (45,6%)	3486–3474 (0,6%) 3372–3017 (94,8%)	Ki-9948
4	уголь charcoal	Постройка 3 (нижний уровень заполнения)	4410 ± 80	3316–3274 (7,7%) 3266–3237 (6,6%) 3110–2916 (53,9%)	3340–3204 (25,8%) 3198–2903 (69,6%)	Ле-6218
5	кость	Постройка 2 (нижний уровень заполнения)	4470 ± 60	3334–3212 (36,2%) 3190–3153 (10,2%) 3135–3086 (13,7%) 3061–3030 (8,2%)	3355–3008 (90,1%) 2985–2934 (5,3%)	Ki-11352
6	кость	Постройка 3 (нижний уровень заполнения)	4530 ± 60	3359–3311 (16,3%) 3295–3286 (2,7%) 3275–3265 (2,9%) 3239–3106 (46,2%)	3494–3467 (2,3%) 3375–3079 (88,6%) 3071–3025 (4,5%)	Ki-11351
7	кость	Постройка 6 (нижний уровень заполнения)	4570 ± 60	3493–3468 (7,6%) 3375–3319 (21,8%) 3273–3267 (1,3%) 3236–3112 (37,4%)	3516–3397 (17,3%) 3385–3091 (78,1%)	Ki-9949
8	скорлупа ореха	Постройка 7 (очаг В)	4470 ± 70	3335–3211 (35,1%) 3192–3152 (10,5%) 3137–3085 (14,0%) 3063–3029 (8,6%)	3357–3004 (87,7%) 2991–2930 (7,7%)	Ле-9055
9	уголь	Постройка 2 (очаг А)	4220 ± 40	2897–2862 (29,3%) 2807–2758 (33,9%) 2718–2708 (5,0%)	2908–2839 (37,1%) 2815–2675 (58,3%)	Ле-6217

Приложение 2. Радиоуглеродные даты поселения Ушаково-3

№ п/п	Датир. материал	Комплекс	Дата ВР	OxCal (2013) 68,2%	OxCal (2013) 95,4%	Лаб. индекс
1	уголь	Горизонт 7, культурный слой	3840 ± 90	2458–2201 (68,2%)	2565–2526 (2,1%) 2496–2033 (93,3%)	Ki-18300
2	уголь	Горизонт 10, культурный слой	3680 ± 80	2196–2171 (6,3%) 2146–1951 (61,9%)	2335–2324 (0,3%) 2307–1877 (94,0%) 1841–1823 (0,6%) 1795–1783 (0,4%)	Ki-18099
3	уголь	Горизонт 11, культурный слой	3510 ± 90	1950–1737 (63,8%) 1715–1696 (4,4%)	2127–2090 (2,1%) 2045–1621 (93,3%)	Ki-18608
4	уголь	Горизонт 14, культурный слой	3920 ± 80	2559–2536 (5,1%) 2491–2291 (63,1%)	2622–2194 (93,8%) 2175–2145 (1,6%)	Ki-18601
5	уголь	Горизонт 15, культурный слой	4010 ± 80	2836–2816 (3,8%) 2671–2455 (62,3%) 2418–2408 (1,4%) 2374–2369 (0,7%)	2865–2805 (7,7%) 2761–2296 (87,7%)	Ki-18105
6	уголь	Горизонт 17, культурный слой	3790 ± 50	2295–2139 (68,2%)	2455–2418 (3,0%) 2407–2376 (3,2%) 2351–2119 (81,6%) 2097–2040 (7,6%)	Ki-18605

В. А. Трифионов, Н. И. Шишлина, А. Ю. Лобода, В. А. Хвостиков

КРЮК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СЦЕНЫ КУЛАЧНОГО ПОЕДИНКА ИЗ ДОЛЬМЕНА МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СТАНИЦА ЦАРСКАЯ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ*

Резюме. В статье приведены результаты всестороннего анализа уникального бронзового крюка с антропоморфными фигурками из дольмена эпохи ранней бронзы (прибл. 3200–2900 до н. э.) у ст. Царская (совр. Новосвободная) на Северо-Западном Кавказе. Установлено, что предмет отлит из мышьяковой бронзы по технологии утрачиваемой восковой модели, является крюком для вынимания мяса из котла и входит в набор церемониальной посуды для общественной трапезы. Изображения пары обнаженных мужчин, стоящих в боксерской стойке, представляют сцену ритуального поединка в присутствии или в честь божества, чьим атрибутом являются бычьи рога, на которых соперники стоят. Предмет в целом ассоциируется с темой погребального пира и погребальных игр. Вероятно, что сюжет и иконография изображений восходят к канонам храмового шумерского искусства раннединастического, а возможно, и более раннего времени. Адаптация этой темы в майкопской культурной среде объясняется ее принадлежностью к кругу культур самой северной периферии переднеазиатской цивилизации. Пара фигур, изображенная на крюке из Царской, является самым ранним образцом антропоморфной металлической мелкой пластики на Кавказе и, видимо, самым ранним в мире скульптурным изображением кулачного поединка.

Ключевые слова: майкопская культура, бронзовая антропоморфная пластика, кулачный поединок, погребальный пир, Кавказ, Древний Восток, эпоха ранней бронзы.

* Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0009. «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)») – и при финансовой поддержке РФФИ (грант № 16-06-00026). Приносим благодарность Г. Сапожникову и С. Богаченко за фотографии и рисунок крюка.

Введение

В 1898 г. в окрестностях станицы Царской (современная ст. Новосвободная, Республика Адыгея, Северо-Западный Кавказ) (рис. 1) профессор Санкт-Петербургского университета, старший член Императорской археологической комиссии Н. И. Веселовский открыл две мегалитических гробницы с погребениями представителей местной социальной элиты эпохи ранней бронзы (ОАК..., 1901). В одной из них (курган 1), отличающейся особой роскошью и разнообразием инвентаря, «около груди» скорченного на боку погребенного вместе с инструментами и оружием был найден бронзовый «...наконечник... с тремя отрогами и двумя тонкими человеческими фигурами, стоящими одна против другой» (ОАК..., 1901. Табл. II: 29).

Б. А. Куфтин, несмотря на необычное взаимное расположение «зубцов», описывает предмет как «трехзубый крюк с полый втулкой», отмечая его «несомненно культовое назначение... поскольку этот крюк украшен... скульптурными антропоморфными изображениями (*Куфтин*, 1949. С. 281).

С 1904 г. вся коллекция хранится в Государственном историческом музее (Москва). Там же спустя почти 60 лет была издана книга с описанием коллекции из раскопок Н. И. Веселовского у ст. Царская в 1898 г. (*Попова*, 1963). Уникальный предмет с антропоморфными фигурками был представлен в ней как «маленькая вилка» с тремя загнутыми рогами, два из которых «существуют только для украшения». Т. Б. Попова отметила также ряд характерных особенностей фигурок и считала, что «...древний металлург-мастер изобразил двух борцов в боевой позиции» (Там же. С. 26. Табл. III: 3). А. А. Формозов рассматривал их в контексте универсального мифологического сюжета о соперничающих близнецах (*Формозов*, 1970).

По мнению С. Н. Корневского, который пользуется при описании предмета терминами «крюк» и «вилка» как синонимами, поза фигурок не боевая, а молитвенная: «...на новосвободненской вилке отлиты две фигурки людей в жесте адорации, с поднятыми вверх руками» (*Корневский*, 2011. С. 85).

В 2013–2016 гг. в рамках проекта по изучению комплексов из дольменов у ст. Царская с применением естественнонаучных методов были получены новые данные о хронологическом контексте этих погребений, а также выявлены прежде неизвестные характеристики отдельных находок, в том числе предмета с антропоморфными фигурками.

По результатам радиоуглеродного анализа погребение, где был найден этот предмет, относится к периоду приблизительно между 3200 и 2900 гг. до н. э. и представляет новосвободненский вариант майкопской культуры (*Трифонов и др.*, 2017). Таким образом, фигурки из гробницы сегодня являются самыми ранними образцами антропоморфной металлической мелкой пластики на Кавказе и, видимо, самым ранним в мире скульптурным изображением кулачно-го поединка. Это обстоятельство придает дополнительную важность полноте и точности описания уникального предмета.

Рис. 1. Карта Кавказа и части Западной Азии с памятниками, упомянутыми в статье
1 – Царская (совр. Новосвободная; 2 – Майкоп; 3 – Хафаджа (Khafajah); 4 – Бадра (Badra)

Задача и методы исследования

Главной задачей исследования является всесторонний анализ формы предмета с учетом материала и технологии изготовления, композиции декоративных элементов, иконографии и семантики сюжета, а также места предмета в погребальном и культурном контексте. Содержание элементов в сплаве определялось методами атомной эмиссии с индуктивно связанной плазмой (АЭС-ИСП) (ICP-AES) и масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (МС-ИСП) (ICP-MS). Атомно-эмиссионное определение элементов проводилось с использованием спектрометра iCAP-6500 Duo (Thermo Scientific, США). Для масс-спектрального определения элементов использовали квадрупольный масс-спектрометр X-7 (Thermo Scientific, США). Для проверки правильности проведения анализа использовался стандартный образец меди в виде стружки М-08-3 (ГСО 9103-2008) производства «ГИПРОНИКЕЛЬ», Россия, и стандартный образец Unalloyed copper NIST SRM 454, Cu XI (chips), производства США.

Обмеры выполнены электронным штангенциркулем и микрометром с точностью до 0,1 мм.

Технология изготовления определялась по результатам трасологического анализа и в ходе эксперимента по отливке аналогичного изделия по восковой модели. Экспериментальное литье выполнено профессиональным ювелиром с учетом археологических и исторических данных о раннем этапе развития литья по «методу утраченного воска» (Davey, 2009).

Описание и результаты обмеров

Предмет представляет собой бронзовый втульчатый крюк, у основания которого симметрично относительно втулки располагается пара «рогов» со стоящими на них двумя антропоморфными фигурами (рис. 2: 1–5; 3). В отличие от дополнительно прокованного квадратного в сечении крюка, овальные в сечении «рога» дополнительно не проковывались и не заострялись, что подчеркивает их декоративную функцию.

Фигуры изображают обращенных лицом друг к другу на расстоянии одного-двух «шагов» в левосторонней стойке «кулачных бойцов»: левая нога у обеих фигурок выдвинута чуть вперед, а правая сзади и на полшага вправо (рис. 2: 3). Согнутая в локте левая рука вынесена перед туловищем, локоть слегка опущен; левый кулак у одной фигурки – на уровне плеча, у другой – чуть выше. Правая рука также согнута в локте, а кулак на уровне подбородка (рис. 2: 4). Такое положение рук едва ли соответствует молитвенному – «в жесте адорации» (Кореневский, 2011. С. 85), – тем более что фигуры обращены лицом друг к другу, а не в сторону предполагаемого божества или его символа.

«Бойцы» почти полностью обнажены, отчетливо обозначены мышцы спины и ягодиц, рельефным валиком показаны пояса. Из-за коррозии металла не все детали просматриваются достаточно ясно. На голове одной из фигурок, возможно, изображена закрывающая уши налобная повязка. На широких лицах обозначены брови, глаза, нос с горбинкой и борода (рис. 3: 4, 5).

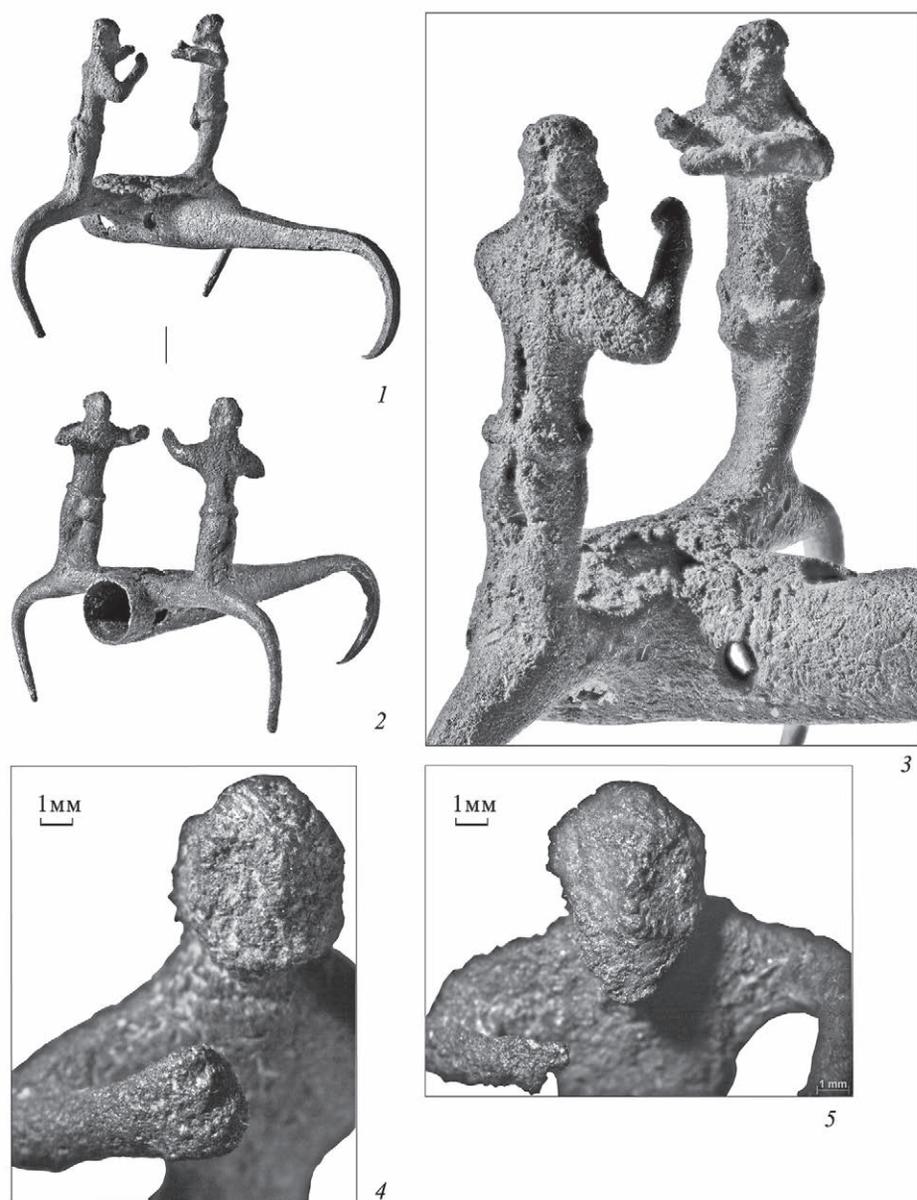

Рис. 2. Бронзовый крюк, Царская (совр. Новосвободная), дольмен в кургане 1, 1898 г., фотографии (1–5) (коллекция ГИМ, Москва)

1, 2 – «кулачные бойцы»; 3–5 – «кулачные бойцы», детали (4, 5 – дополнительная проработка деталей фигур резцом)

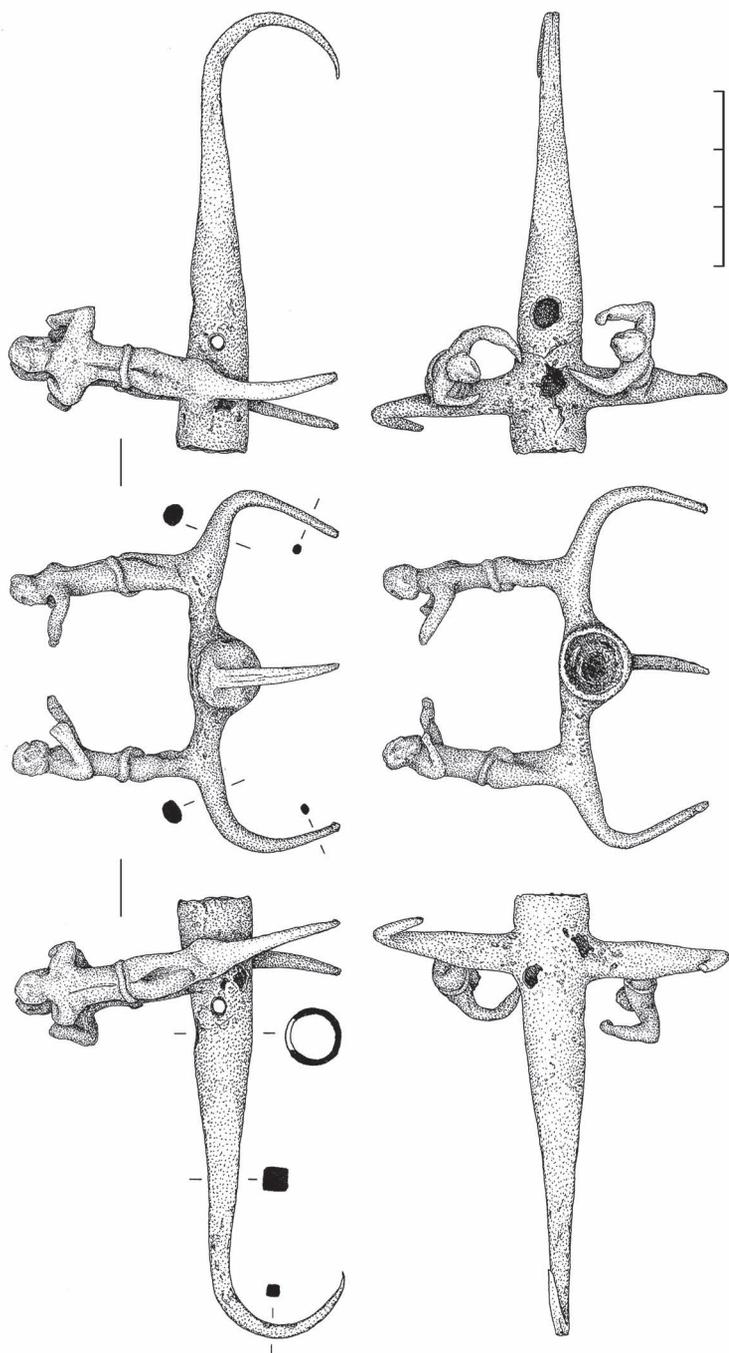

Рис. 3. Бронзовый крюк, Царская (совр. Новосвободная), курган I, 1898 г.

Для крепления крюка к деревянной ручке в его втулке с боков имелись два симметрично расположенных отверстия диаметром около 3 мм (рис. 3). Еще два отверстия диаметром около 5 мм располагались на верхней поверхности втулки, одно между фигурами и еще одно в 1 см от него. Назначение этих отверстий неясно.

Длина крюка с втулкой – 7,6 см, диаметр основания втулки – 1,2 см, ширина с боковыми «рогами» – 6,05 см, сечение крюка в основании квадратное (0,5 × 0,5 см), сечение «рогов» в средней части овальное (0,4 × 0,3 см), высота фигурок – 3,0 см и 3,2 см; общий вес предмета – 41,602 г.

Технология изготовления

Криволинейный характер объемных форм, гладкая поверхность, детали моделирования фигур и характер соединения различных частей крюка являются типичными признаками изготовления предмета путем единовременной отливки по «методу утраченного воска» (Davey, 2009. С. 150). Металлографический анализ для подтверждения этого вывода не проводился из опасений серьезно повредить миниатюрный предмет высокой культурно-исторической ценности. Цельная восковая модель предмета включала закрепленную штифтами монолитную глиняную конусообразную вставку для формирования втулки крюка. Отверстия от штифтов позднее использовались для крепления крюка к деревянной ручке. Из-за дополнительной обработки проковкой и поверхностной коррозии точно определить место присоединения вертикального литника и расположение газового канала не удалось, но экспериментальная отливка копии предмета позволяет предположить, что литник находился со стороны крюка – самой массивной части предмета. Такая технология обеспечивала хорошую проливку фигурок, «рогов» и втулки. Вероятно, следы литника и газовых каналов были убраны при проковке острия крюка. Не исключено, что при изготовлении оригинальной литейной формы использовались глины различной структуры: тонко отмученная глина – для первого слоя и точной передачи деталей модели, и глина с более грубыми примесями (песок или шамот) для наружного толстого слоя, который должен был предотвратить растрескивание формы во время сушки, обжига и литья (Ibid. С. 149, 150. Fig. 2). Эксперимент с литьем показал, что в форме из глины с грубыми примесями невозможно получить качественную копию всех деталей восковой модели.

После изготовления отливки острие было дополнительно проковано, заострено и загнуто. Также, вероятно, были загнуты концы «рогов», на которых размещаются человеческие фигурки.

Сохранились признаки дополнительной проработки деталей фигур резцом, включая кулаки и лицо (рис. 3: 4, 5).

Состав металла

Результаты АЭС-ИСП (ICP-MS) анализа элементного состава металла приведены в таблице.

Таблица. Результаты анализа элементного состава металла (wt%) крюка из погребения в кургане 1 у ст. Царская (совр. Новосвободная) (колл. ГИМ) методами атомной эмиссии с индуктивно связанной плазмой (АЭС-ИСП) (ICP-AES) и масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (МС-ИСП) (ICP-MS)

ГИМ	Cu	Sn	As	Ni	Ag	Sb	Pb
A89/79	97,7	0,00061	2,2	0,007	0,051	0,012	0,0128
ГИМ	Se	Au	Bi	Co	Hg	Te	Коэф. корр.
A89/79	0,0072	0,0046	0,00312	< 0.0001	< 0.00003	0,00077	1,02

Согласно результатам анализа, крюк был изготовлен из мышьяковой бронзы с содержанием мышьяка (As) 2,2 wt%, что указывает на намеренное легирование меди мышьяком (*Рындина, Равич, 2012*). При технологии литья по утрачиваемой восковой модели такое количество мышьяка заметно понижает температуру плавления, улучшает текучесть медного сплава и его микроструктуру, что в конечном счете сокращает количество поверхностных дефектов литья (*Charles, 1967*).

Композиция и сюжет изображения

При определении общего сюжета изображения следует иметь в виду, что «рога», расположенные у основания втулки крюка, не менее важный элемент композиции, чем стоящие на них сражающиеся мужчины. В общей композиции рога являются важным атрибутом, соотносимым с темой быка. В металлической пластике майкопской культуры она является основной (рис. 4: 1), и, возможно, втульчатые двузубые крюки¹, подобные тем, что были найдены вместе с однозубым крюком с фигурками, одно из ее проявлений (рис. 4: 3, 4). Ассоциативная связь между двузубыми крюками и бычьими рогами подчеркивается не только иконографическим сходством между изображениями бычьих рогов в майкопской пластике и формой двузубых крюков, но и изображением рогатых бычьих голов на одном из подобных крюков майкопской культуры (рис. 4: 3) (*Бронзовый век..., 2013. С. 313. Рис. 15; 16; Резепкин, 2012. С. 320. Рис. 2: 1*). Если отмеченные символические связи между бычьими рогами, двузубыми крюками и крюком с антропоморфными фигурами действительно существуют,

¹ Вслед за А. А. Иессеном подобные предметы описывают как вилообразные орудия или вилки (*Иессен, 1950. С. 173; Попова, 1963. С. 25–28; Мунчаев, 1975. С. 249; Корневский, 2011. С. 85; Бронзовый век..., 2013. С. 329*). С учетом формы и вероятной функции, эти предметы предпочтительнее называть двузубыми крюками (*Куфтин, 1949. С. 282; Резепкин, 1991. С. 180, 181*).

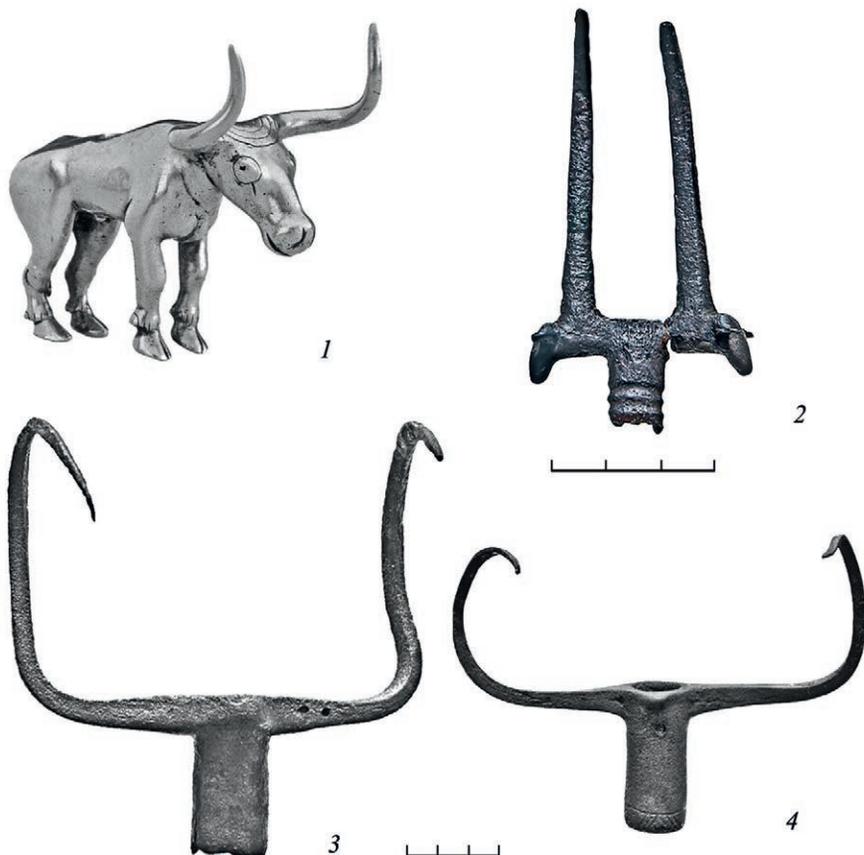

Рис. 4. Бронзовые двузубые крюки

1 – золотой бык, Майкопский курган, 1897 (по: *Бронзовый век...*, 2013. С. 313. Рис. 20: 15); 2 – крюк с протомами быков, Новосвободная (бывшая Царская), могильник Клады, курган 28, погребение 1 (по: *Резепкин*, 2012. С. 320. Рис. 2: 1); 3, 4 – Царская (совр. Новосвободная), dolmen в кургане 1, 1898 г. (коллекция ГИМ, Москва)

то выходит, что мужчины изображены сражающимися, стоя на рогах быка. Соответственно, бык и мужской ритуальный поединок являются темой основного сюжета композиции.

Функция предмета

Прямых указаний на функцию и способ использования крюка с антропоморфными фигурками нет, но общий контекст и форма предмета говорят в пользу его принадлежности к парадной или церемониальной столовой утвари – разновидности крюков для доставания горячего мяса из котлов (*Куфтин*, 1949. С. 280, 281; *Иессен*, 1950. С. 173). В погребении было три больших бронзовых котла

и три крюка – два двузубых (рис. 4: 3, 4) и один однозубый с фигурками, что, возможно, свидетельствует о функциональной связи котлов и крюков. Учитывая уникальный характер этого предмета, можно допустить, что он мог выполнять и роль навершия-жезла в руках распорядителя на пиру и в погребальных играх. В пользу предположения об особых функциях майкопских крюков с антропоморфными и зооморфными фигурами может служить их вдвое меньший размер относительно двузубых крюков без фигур, а также наблюдение Н. И. Веселовского, отметившего длинную деревянную рукоять (размером с лук) у бронзового однозубого крюка из дольмена в кургане 2 у ст. Царская (ОАК..., 1901. С. 38. Рис. 58).

Крюк с антропоморфными фигурами в погребальном контексте

Функция и символические элементы крюка, ассоциирующиеся с зооморфными и антропоморфными образами, служат ключом к пониманию основной темы погребального обряда в дольмене у ст. Царская. Это тема погребального пира в присутствии божества и сражающихся героев. Сам крюк связан с раздачей ритуальной мясной пищи, помещенной в самую дорогую посуду общего пользования – бронзовые котлы; пара рогов в основании крюка является атрибутом божества в образе быка или символом жертвенного животного божеству, а фигурки безоружных, почти полностью обнаженных сражающихся на кулаках мужчин воплощают тему погребальных игр.

Судя по количеству и разнообразию посуды, сопровождающей единственного погребенного, и характеру ее распределения в пределах погребального пространства, можно предположить, что тема коллективной трапезы была центральной в равной степени и в момент совершения обряда погребения и в воображаемом пространстве «потустороннего» мира. В первом случае на это указывают следы прощальной трапезы в виде костей животных (овцы, оленя) и разбитой посуды перед входом в погребальную камеру; во втором – комплект посуды для коллективной трапезы в закрытой погребальной камере, где располагались бронзовые котлы, чаши, крюки для мяса и ковш.

Вместе с тем погребальные пиры и погребальные игры являются широко распространенной темой мирового фольклора, и погребальный контекст дольмена у ст. Царская сам по себе не позволяет объяснить особенности стилистического оформления сцены борьбы или кулачного поединка обнаженных мужчин, изображенных на крюке. А. А. Формозов считал, что эта сцена представляет один из сюжетов индоевропейской мифологемы близнецов, связывающей искусство мегалитических культур Кавказа и Западной Европы (Формозов, 1970). Однако позднее выяснилось, что изображение сражающихся близнецов на стеле из Ле-Морели во Франции, которое А. А. Формозов и многие другие авторы считали одним из ключевых аргументов в пользу этой гипотезы, на самом деле является результатом грубой ошибки в копировании с оригинала (Trifonov, 2015).

Можно предположить, что этот сюжет и его стилистическое воплощение, вероятнее всего, имеют отношение к той же переднеазиатской культурной среде, к которой восходит большинство образов майкопского искусства (Трифонов, 1987; Корневский, 2011).

Иконография сцен мужского ритуального единоборства в переднеазиатском искусстве начала III тыс. до н. э.

В первую очередь обращают на себя внимание изображения сцен мужских поединков на каменных плакетках из храмовых комплексов раннединастического времени из района Диялы – области современного Ирака к востоку от Багдада.

На фрагменте известняковой плакетки из храма Нинту в Хафадже (рис. 5: 1) представлены сразу три разновидности единоборств, включая и боксерский поединок (*Frankfort*, 1943. P. 313. Pl. 62: A, B). На фрагменте аналогичной по назначению плакетки из района Диялы стойка противников и их сжатые кулаки (рис. 5: 2) определенно указывают на кулачный бой (*Strommengen, Hirmer*, 1962. Fig. 46: a, b). Такая же сцена изображена на фрагменте каменного рельефа из Бадры, хранящемся в музее Багдада (рис. 5: 3) (*Sjöberg*, 1985. P. 8. Fig. 3).

Как и на крюке из дольмена у ст. Царская, на всех трех каменных рельефах мужчины обнажены, на них нет ничего, кроме поясов. Даже с учетом технических различий между рельефом и круглой скульптурой, следует отметить сюжетное и стилистическое сходство между бронзовыми фигурками из Царской и изображениями «боксеров» на каменных плакетках из Месопотамии. Характерный внешний вид противников, стойка, положение рук, особенности в изображении глаз, носа, бороды – все это можно рассматривать как конкретные признаки принадлежности кавказских и переднеазиатских изображений к общей художественной школе с едиными сюжетными и стилистическими канонами.

Внешний вид фигурок на крюке из Царской имеет общие черты не только с «боксерами» на храмовых плакетках, но и с изображениями участников другой разновидности ритуальных поединков – борцами. Как правило, это изображения обнаженных, иногда бородатых, мужчин с поясом, который служил для борцовского захвата. К этой категории относятся как парные (рис. 5: 4), так, вероятно, и одиночные изображения борцов (*Frankfort*, 1943. P. 269, 305. Pl. 33; 34; 54: a–d; *Porada*, 1991. Fig. 1–9).

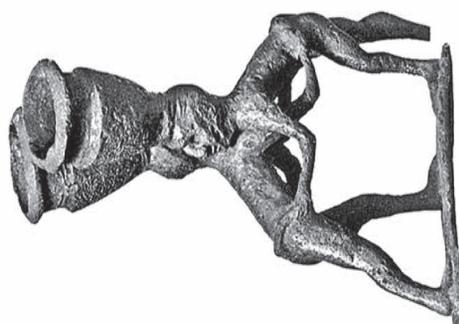
Нельзя не отметить, что иконография участников ритуальных поединков обладает общими чертами сходства с канонами изображения шумерского воинственного мифического существа Лахму – «Волосатого» – в виде обнаженного бородатого мужчины с поясом на талии (*Art of the First Cities...*, 2003. P. 48–50; *Collon*, 2005. P. 197).

Можно предположить, что тема ритуальных поединков существовала в месопотамском храмовом искусстве уже в позднеурукское время, когда появляются миниатюрные скульптуры обнаженных мужчин с согнутыми в локтях руками и кистями, сжатыми в кулаки, а не обхватывающими друг друга в обычном молитвенном жесте (*Moortgat*, 1969. Pl. 6; 7; *Art of the First Cities...*, 2003. P. 38). Для лучшего образца подобной скульптуры из урукского храма Инанны характерна подчеркнута развитая мускулатура и, возможно, пояс, на уровне которого «жрец-царь» держит кулаки (*Hansen*, 2003. P. 25. Fig. 11b).

Можно только догадываться о социальном статусе персонажей, которых изображают подобные скульптуры, но литературная месопотамская традиция определенно указывает, что участниками ритуальных поединков могли быть

2

4

1

3

в равной степени правители, жрецы, правители-жрецы, боги, герои и даже демоны (Sjöberg, 1985; Crowther, 2007; Kyle, 2007; Murray, 2010).

Несмотря на разнообразие возможных поводов для проведения ритуальных состязаний, их основной формой оставались храмовые праздники и погребальные игры, тесно связанные с культом героев и развитием представлений о смерти и бессмертии (Sjöberg, 1985; Birrell, 1981; Currie, 2005).

Месопотамские письменные и изобразительные источники III тыс. до н. э. согласованно представляют спортивные поединки как часть ритуала, сопровождавшегося банкетом и музыкой, что, в целом, соответствует общим стандартам шумерских погребальных ритуалов (Sjöberg, 1985; Katz, 2007).

Некоторые черты этих ритуалов можно обнаружить и в погребальном обряде дольменов Царской, что говорит о неслучайности сюжетного и стилистического сходства между кавказским и переднеазиатскими изображениями ритуального кулачного поединка.

Заключение

В результате технологического, функционального, сюжетного и иконографического анализа бронзового крюка из дольмена у Царской можно высказать обоснованное предположение, что этот предмет отлит из мышьяковой бронзы по технологии утрачиваемой восковой модели, является крюком для вынимания мяса из котла и входит в набор церемониальной посуды для общественной трапезы. Изображения пары обнаженных мужчин, стоящих в боксерской стойке, представляют сцену ритуального поединка в присутствии или в честь божества, чьим атрибутом являются бычьи рога, на которых соперники стоят. В равной степени рога могут символизировать и животное, сопровождающее божество или приносимое в жертву божеству или божествам (Van Buren, 1945; Van Dijk, 2011). Предмет в целом ассоциируется с темой погребального пира и погребальных игр.

Вероятно, что сюжет и иконография изображений восходят к канонам храмового шумерского искусства раннединастического, а возможно, и более раннего времени. Адаптация этой темы в майкопской культурной среде объясняется ее принадлежностью к кругу культур самой северной периферии переднеазиатской цивилизации.

В целом технология изготовления крюка с фигурами «методом литья по утраченному воску» также согласуется с общей традицией использования этого

Рис. 5. Изображения сцен мужского ритуального единоборства

1 – фрагмент каменной плакетки из храма Нинту (Nintu) в Хафаже (Khafajah), Ирак, высота – 9 см (по: Frankfort, 1943. P. 313. Pl. 62: A, B); 2 – фрагмент каменной плакетки из района Диялы (Diyala), Ирак, высота – 10 см (по: Strommengen, Hirmer, 1962. Fig. 46: a, b); 3 – фрагмент каменного рельефа, Бадра (Badra), Ирак, (по: Sjöberg, 1985. P. 8. Fig. 3); 4 – бронзовая статуэтка борцов из храма Нинту (Nintu) в Хафаже (Khafajah), Ирак, высота – 10,2 см (по: Frankfort, 1943. P. 305. Pl. 54, d).

метода как в контексте майкопской культуры, так и в переднеазиатской культурной среде IV–III тыс. до н. э. (Hunt, 1980; Davey, 2009; Минасян, 2013. С. 285).

Присутствие такого предмета в погребении новосвободненского варианта майкопской культуры согласуется с общим контекстом погребального обряда, характерного для всей группы погребений социальной элиты могильника Клады у ст. Новосвободная (бывш. Царская), к которому относится и дольмен, раскопанный в 1898 г. Н. И. Веселовским (Rezepkin, 2000; Резепкин, 2012).

Этот погребальный обряд представлял собой последовательность ритуалов с распределением разнообразного инвентаря по группам, сообразно их предназначению в проходах покойного в потусторонний мир и его пребыванию там. Часть инвентаря – это остатки убранства прощального пира, другая – тоже остатки, но уже банкета в потустороннем мире; еще одна группа вещей – подношения богам потустороннего мира; и только часть драгоценностей, оружия и инструментов, вероятно, навечно оставалась в личной собственности умершего. Церемонии включали игры (в дары входили наборы шаров и игральные кости) и сопровождалась музыкой (в одной из гробниц была найдена арфа) (Rezepkin, 2000. S. 59–61. Taf. 47: 1–3). Такая модель ритуального поведения в целом, соответствовала шумерским погребальным ритуалам, что служит дополнительным аргументом в пользу переднеазиатского происхождения сюжета и иконографии изображения на крюке из дольмена у ст. Царская (Katz, 2007).

Возможно, сюжет с ритуальными поединками, как и традиция использования крюков для раздачи мяса во время общественной трапезы, пережил майкопскую культуру на Северо-Западном Кавказе и вошел в практику погребальных ритуалов дольменной культуры. В пользу этого предположения говорит изображение ритуального поединка на дольмене в Джубге и трехзубый крюк для мяса из дольмена IV в Кюр-Дере, который выглядит переосмыслением однозубого крюка с «рогами» из Царской (Trifonov, 2015; Куфтин, 1949. С. 281. Табл. XXXII: 9).

ЛИТЕРАТУРА

- Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.
- Иессен А. А., 1950. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. Т. XII. С. 157–201.
- Корневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус. 336 с.
- Куфтин Б. А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси: Техника да Шрома. 360 с.
- Минасян Р. С., 2013. Древнейшие способы изготовления полей металлических бус // Шестая международная Кубанская археологическая конференция: материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 283–287.
- Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 1975. 416 с.
- ОАК за 1898 г. СПб.: ИАК, 1901. 197 с.
- Попова Т. Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной. М.: ГИМ. 48 с. (Труды ГИМ; вып. 34.)
- Резепкин А. Д., 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 167–197.
- Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 344 с. (Труды ИИМК; т. 37.)
- Рындина Н. В., Равич И. Г., 2012. О металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа (по данным химико-технологических исследований) // ВААЭ. № 2 (17). С. 4–20.

- Трифонов В. А., 1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192. С. 18–26.
- Трифонов В. А., Шишлина Н. И., ван дер Плихт Й., Фернандес Р., Хоммель П., 2017. Радиоуглеродная хронология дольменов эпохи ранней бронзы у ст. Царская, С-3 Кавказ, 1898 г. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 1042–1043.
- Формозов А. А., 1970. Эпический сюжет в Причерноморском искусстве бронзового века // КСИА. Вып. 123. С. 48–50.
- Art of the First Cities. The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus / Eds: J. Aruz, R. Wallenfels. New York: Metropolitan Museum of Art, 2003. 540 p.
- Birrell S., 1981. Sport as ritual: interpretations from Durkheim to Goffman // Social Forces. Vol. 60. No. 2. Special Issue. P. 354–376.
- Charles J. A., 1967. Early Arsenical Bronzes – A Metallurgical view // AJA. Vol. 71. Iss. 1. P. 21–26.
- Collon D., 2005. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. London: British Museum Press. 208 p.
- Crowther N. B., 2007. Sport in Ancient Times. Westport: Praeger. 208 p.
- Currie B., 2005. Pindar and the Cult of Heroes. Oxford: Oxford University Press. 504 p.
- Davey C. J., 2009. The Early History of Lost-Wax Casting // Metallurgy and Civilization: Eurasia and Beyond / Eds: J. Mei, Th. Rehren. London: Archetype. P. 147–154.
- Frankfort H., 1943. More Sculpture from the Diyala Region. Chicago: University of Chicago Press. 260 p. (Oriental Institute Publications; vol. 60.)
- Hansen D. P., 2003. Art of the Early City-States // Art of the First Cities. The Third Millennium B. C. from the Mediterranean to the Indus / Eds: J. Aruz, R. Wallenfels. New York: Metropolitan Museum of Art. P. 21–37.
- Hunt I., 1980. The Long History of Lost Wax Casting: Over Five Thousand Years of Art and Craftsmanship // Gold Bulletin. Vol. 13. Iss. 2. P. 63–69.
- Katz D., 2007. Sumerian funerary rituals in context // Performing death. Social analyses of funerary traditions in the Ancient Near East and Mediterranean / Ed. N. Lanery. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago. P. 167–188. (Oriental Institute Seminars; no. 3.)
- Kyle D. G., 2007. Sport and Spectacle in the Ancient World. Malden, MA: Blackwell. 389 p.
- Moortgat A., 1969. The Art of Ancient Mesopotamia: The Classical Art of the Near East. London; New York: Phaidon. 378 p.
- Murray S. R., 2010. Boxing Gloves of the Ancient World [Electronic resource] // Journal of Combative Sport: Electronic Journals of Martial Arts and Sciences. Access mode: http://ejmas.com/jcs/2010jcs/jcsart_murray_1007.html. Date of access: 31.05.2018.
- Porada E., 1991. A Male Figure in the Style of the Uruk Period // Near Eastern Studies / Eds: M. Mori, H. Ogawa, M. Yoshikawa. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. P. 335–346.
- Rezepkin A. D., 2000. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden: M. Leidorf. 159 S. (Archäologie in Eurasien; vol.10.)
- Sjöberg Å., 1985. «Trials of Strength»: Athletics in Mesopotamia // Expedition Magazine. Vol. 27. Iss. 2. P. 7–9.
- Strommenger E., Hirmer M., 1962. Fünf Jahrtausende Mesopotamien. Die Kunst von den Anfängen um 5000 v. Chr. bis zu Alexander der Grossen. München: Hirmer Verlag. 140 S.
- Trifonov V., 2015. Représentation, par similitude, de l'art mégalithique dans le Caucase occidental, en Crimée et en Europe occidentale // Actes du 3e Colloque International sur la statuaire mégalithique / Eds: G. Rodriguez, H. Marchesi. Paris: Errance. P. 81–88.
- Van Buren E. D., 1945. Symbols of the Gods in Mesopotamian Art. Rome: Pontificum Institutum Biblicum. 191 p. (Analesta Orientalia; 23.)
- Van Dijk R. M., 2011. The Motif of the Bull in the Ancient Near East: An Iconographic Study. Submitted in accordance with the requirements for the degree of Master of Arts in the subject Ancient Near Eastern Studies at the University of South Africa [Electronic resource]. Access mode: <http://uir.unisa.ac.za/handle/10500/5088>. Date of access: 31.05.2018.

Сведения об авторах

Трифонов Виктор Анатольевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая набережная, 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru;

Шишлина Наталия Ивановна, Государственный исторический музей, Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Лобода Анастасия Юрьевна, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123098, Россия; e-mail: lobodaau@mail.ru;

Хвостиков Владимир Анатольевич, Аналитический сертификационный испытательный центр Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт проблем технологии микроэлектроники и особо чистых материалов РАН, ул. Академика Осипяна, 6, Черноголовка, Московская обл., 142432, Россия; e-mail: khvos@iptm.ru

V. A. Trifonov, N. I. Shishlina, A. Yu. Loboda, V. A. Khvostikov

THE FLESH-HOOK FEATURING A SCENE
OF FIST FIGHTING FROM A MAIKOP CULTURE DOLMEN
NEAR THE VILLAGE OF TSARSKAYA IN THE NORTHWEST CAUCASUS

Abstract. The paper reports on the results of comprehensive analysis of a unique bronze flesh-hook featuring anthropomorphic figures from an Early Bronze Age dolmen (ca. 3200–2900 BC) near the village of Tsarskaya (contemporary Novosvobodnaya) in the Northwest Caucasus (fig. 1). It was established that the flesh-hook was cast from arsenical bronze with the use of the lost wax method and was used to take meat out of a cauldron and, therefore, it entered a ceremonial table-ware set used in public feasts. The depicted pair of naked men in boxing stand (fig. 2; 3) represents a scene of ritual fight in the presence of or in honor of a deity whose attribute are bull horns (fig. 4), on which fighters are standing. As a whole, the item is associated with the theme of a funeral feast and funeral games. The narrative scene and iconography of the images are likely to have its roots in the canons of Sumerian temple art of the Early Dynastic period and, probably, even of the earlier time (fig. 5). The adaptation of this narrative to the Maikop cultural milieu is explained by its attribution to the circle of cultures located in the northernmost periphery of the Western Asia civilization. Two figures depicted on the Tsarskaya flesh-hook represent the earliest example of anthropomorphic portable art in the Caucasus and the earliest sculptural image of fist fighting in the world.

Keywords: Maikop culture, fist fighting, Caucasus, Ancient East, Early Bronze Age.

REFERENCES

- Art of the First Cities. The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus. J. Aruz, R. Wallenfels, eds. New York: Metropolitan Museum of Art, 2003. 540 p.
- Birrell S., 1981. Sport as ritual: interpretations from Durkheim to Goffman. *Social Forces*, vol. 60, no. 2 (Special issue), pp. 354–376.
- Bronzovyy vek. Evropa bez granits. Chetvertoye – pervoye tysyacheletie do n. e.: katalog vystavki [Bronze Age. Europe without borders. Fourth – first millennia BC: catalogue of exhibition]. Yu. Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: Chisty list, 2013. 648 p.
- Charles J. A., 1967. Early Arsenical Bronzes – A Metallurgical view. *AJA*, vol. 71, iss. 1, pp. 21–26.
- Collon D., 2005. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. London: British Museum Press. 208 p.

- Crowther N. B., 2007. *Sport in Ancient Times*. Westport: Praeger. 208 p.
- Currie B., 2005. *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford: Oxford University Press. 504 p.
- Davey C. J., 2009. The Early History of Lost-Wax Casting. *Metallurgy and Civilization: Eurasia and Beyond*. J. Mei, Th. Rehren, eds. London: Archetype, pp. 147–154.
- Formozov A. A., 1970. Epicheskiy syuzhet v Prichernomorskom iskusstve bronzovogo veka [Epic subject in Pontic art of the Bronze Age]. *KSLA*, 123, pp. 48–50.
- Frankfort H., 1943. *More Sculpture from the Diyala Region*. Chicago: University of Chicago Press. 260 p. (Oriental Institute Publications, 60.)
- Hansen D. P., 2003. Art of the Early City-States. *Art of the First Cities. The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus*. J. Aruz, R. Wallenfels, eds. New York: Metropolitan Museum of Art, pp. 21–37.
- Hunt I., 1980. The Long History of Lost Wax Casting: Over Five Thousand Years of Art and Craftsmanship. *Gold Bulletin*, vol. 13, iss. 2, pp. 63–69.
- Iessen A. A., 1950. K khronologii «bol'shikh kubanskikh kurganov» [On chronology of «big Kuban' kurgans»]. *SA*, XII, pp. 157–201.
- Katz D., 2007. Sumerian funerary rituals in context. *Performing death. Social analyses of funerary traditions in the Ancient Near East and Mediterranean*. N. Lanery, ed. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, pp. 167–188. (Oriental Institute Seminars, 3.)
- Korenevskiy S. N., 2011. Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt [Earliest metal of the Fore-Caucasus. Typology. Historical-cultural aspect]. Moscow: Taus. 336 p.
- Kuftin B. A., 1949. *Materialy k arkheologii Kolkhidy* [Materials for archaeology of Colchis], I. Tbilisi: Tekhnika da Shroma. 360 p.
- Kyle D. G., 2007. *Sport and Spectacle in the Ancient World*. Malden, MA: Blackwell. 389 p.
- Minasyan R. S., 2013. Drevneyshie sposoby izgotovleniya polykh metallicheskikh bus [Earliest modes of producing hollow metal beads]. *Shestayaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii* [Sixth international Kuban' archaeological conference: proceedings]. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 283–287.
- Moortgat A., 1969. *The Art of Ancient Mesopotamia: The Classical Art of the Near East*. London; New York: Phaidon. 378 p.
- Munchayev R. M., 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka* [The Caucasus at the dawn of Bronze Age]. Moscow: Nauka. 416 p.
- Murray S. R., 2010. Boxing Gloves of the Ancient World (Electronic resource). *Journal of Combative Sport: Electronic Journals of Martial Arts and Sciences*. URL: http://ejmas.com/jcs/2010jcs/jcsart_murray_1007.html.
- OAK za 1898 g. [OAK for 1898]. St. Petersburg: Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya, 1901. 197 p.
- Popova T. B., 1963. Dol'meny stanitsy Novosvobodnoy [Dolmens of Novosvobodnaya Cossack village]. Moscow: GIM. 48 p. (Trudy GIM, 34.)
- Porada E., 1991. A Male Figure in the Style of the Uruk Period. *Near Eastern Studies*. M. Mori, H. Oga-wa, M. Yoshikawa, eds. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, pp. 335–346.
- Rezepkin A. D., 1991. Kurgan 31 mogil'nika Klady. Problemy genezisa i khronologii maikopskoy kul'tury [Kurgan 31 of cemetery Klady. Problems of origins and chronology of Maikop culture]. *Drevnie kul'tury Prikuban'ya* [Ancient cultures of Kuban' region]. V. M. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 167–197.
- Rezepkin A. D., 2000. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nord-westkaukasien. *Rahden: M. Leidorf*. 159 p. (Archäologie in Eurasien, 10.)
- Rezepkin A. D., 2012. Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady») [Novosvobodnaya culture (based on materials from cemetery «Klady»)]. St.Petersburg: Nestor-Istoriya. 344 p. (Trudy IIMK, 37.)
- Ryndina N. V., Ravich I. G., 2012. O metalloproduktse maikopskikh plemen Severnogo Kavkaza (po dannym khimiko-tekhnologicheskikh issledovaniy) [On metal production of Maikop tribes of North Caucasus (based on data of chemical-technological investigations)]. *VAAE*, 2 (17), pp. 4–20.
- Sjöberg Å., 1985. «Trials of Strength»: Athletics in Mesopotamia. *Expedition Magazine*, vol. 27, no. 2, pp. 7–9.

- Strommenger E., Hirmer M., 1962. Fünf Jahrtausende Mesopotamien. Die Kunst von den Anfängen um 5000 v. Chr. bis zu Alexander der Grossen. München: Hirmer Verlag. 140 S.
- Trifonov V. A., 1987. Nekotorye voprosy peredneaziatskikh svyazey maykopskoy kul'tury [Some problems of West-Asiatic connections of Maikop culture]. *KSLA*, 192, pp. 18–26.
- Trifonov V. A., Shishlina N. I., van der Plikht Y., Fernandes R., Hommel P., 2017. Radiouglerodnaya khronologiya dol'menov epokhi ranney bronzy u st. Tsarskaya, S-Z Kavkaz, 1898 g. [Radiocarbon chronology of Early Bronze Age dolmens near Cossack village Tsarskaya, N-W Caucasus, 1898]. *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s'yezd: sbornik nauchnykh trudov [V (XXI) All-Russian archaeological congress: collection of scientific works]*. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 1042–1043.
- Trifonov V., 2015. Représentation, par similitude, de l'art mégalithique dans le Caucase occidental, en Crimée et en Europe Occidentale. *Actes du 3e Colloque International sur la statuaire mégalithique (2012)*. G. Rodriguez, H. Marchesi, eds. Paris: Errance, pp. 81–88.
- Van Buren E. D., 1945. Symbols of the Gods in Mesopotamian Art. Rome: Pontificum Institutum Biblicum. 191 p. (Analesta Orientalia, 23.)
- Van Dijk R. M., 2011. The Motif of the Bull in the Ancient Near East: An Iconographic Study: Submitted in accordance with the requirements for the degree of Master of Arts in the subject Ancient Near Eastern Studies at the University of South Africa (Electronic resource). URL: <http://uir.unisa.ac.za/handle/10500/5088>.

About the authors

Trifonov Viktor A., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186; Russian Federation; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru;

Shishlina Nataliya I., The State History Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Loboda Anastasiya Yu., National Research Center «Kurchatov Institute», Akademika Kurchatova pl., Moscow, 123098, Russian Federation; e-mail: lobodaau@mail.ru;

Khvostikov Vladimir A., Analytical certification testing center of Federal State budgetary institution of science Institute of problems of technology of microelectronics and special materials Russian Academy of Sciences, ul. Akademika Osip'yana, 6, Chernogolovka, Moscow region, 142432, Russian Federation; e-mail: khvos@iptm.ru

С. Н. Корневский

О СИМВОЛИКЕ ПОГРЕБЕНИЙ С ОРУЖИЕМ
УДАРНОГО ДЕЙСТВИЯ У ПЛЕМЕН КАВМИНВОДСКОЙ ГРУППЫ
И ПОГРЕБЕНИЯ С КАМЕННЫМ ТОПОРОМ
У ст. ГАЛЮГАЕВСКОЙ
(ЭПОХА СРЕДНЕЙ И НАЧАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ)

Резюме. В статье проведен анализ находок оружия ударного действия (каменного навершия булавы и каменных топоров кабардино-пятигорского типа) в 13 комплексах Кавминводской группы. Подчеркнуто, что оружие ударного действия найдено в погребениях мужчин. Захоронения с топорами могут быть в курганах как основными, так и впускными. Особо рассматриваются комплексы орудий с каменными топорами. Наиболее часто с ними встречаются каменные терочники-куранты. Они, по наблюдениям Г. Ф. Коробковой, служили наковаленками. В итоге делается вывод о символике погребений с каменными топорами Кавминводской группы как символикe воинского статуса и ее связи с символикой умельцев – кузнецов.

Ключевые слова: оружие, топор, булава, кинжал, курган, погребение, могила, захоронение, Пятигорье, Предкавказье, комплекс, воин, обряд, родовой строй, престиж, терочник, наковаленка, кузнец

В настоящей статье предлагается обзор комплексов с оружием ударного действия в погребениях эпохи «средней бронзы» района Пятигорья и левобережья Терека из раскопок Предгорной экспедиции Института археологии 1982–1988 гг. Особый акцент сделан на возможности интерпретации символики находимого в погребениях оружия ударного действия в канонах погребальной практики местного населения Кавминводской группы северокавказской культурно-исторической общности, которая в целом датируется началом – серединой III тыс. до н. э.

Погребальные традиции Кавминводской группы связаны с захоронением сородичей в курганах – в каменных ящиках и ямах. При этом могилы располагаются по кольцевой системе, и между ними выстраиваются каменные дуги, как бы подчеркивая сохранение родственных связей между сородичами в потусто-

роннем мире (Корневский, 1990). Умерших сородичей племени Кавминводской группы укладывали на спину вытянуто. В область голени и ступней клали красную минеральную краску (типа охры или киновари). По этому признаку они сопоставимы с рядом культур медно-бронзового века Предкавказья и юга Восточной Европы (такими, как ямная и катакомбная). Подобная традиция обозначает, видимо, преемственность древних верований восточноевропейского населения еще со времен понто-предкавказского халколита (Корневский, 1999).

В статье приводятся изданные и еще неопубликованные материалы автора из раскопок Предгорной экспедиции ИА РАН 1982–1988 гг. Совместно с ними используются данные предшественников, которые внесли важный вклад в изучение феномена памятников среднебронзовой эпохи на Кавминводах. Таковыми являются публикации Д. Я. Самоквасова (1908), В. И. Марковина (1960), отчеты И. С. Гумилевского (1952), Э. В. Ртвеладзе (1965), Г. Я. Симакина (1967), Г. Е. Афанасьева (1976)¹.

Обобщение темы о Кавминводской группе памятников и находках в ее захоронениях оружия ударного действия уже состоялось в трех работах автора (Корневский, 1988; 1990; 1993). Это позволяет опустить ряд вводных подробностей в изложении и непосредственно сосредоточиться на поставленных вопросах.

Булавы

Погребение 5, курган 5, Нежинская группа II. Пригород г. Кисловодска. Раскопки С. Н. Корневского 1986 г. (Корневский, 1987). Каменный ящик захоронения был перекрыт каменными плитами. В ящике размером 2,03 × 0,97 м находился скелет мужчины 45–55 лет, лежавший на спине вытянуто, ориентированный головой на юг. В области стоп отмечено пятно красной охры. У левого плеча – каменная булава (рис. 1) из серпентинита, грушевидной формы с тщательно заполированной поверхностью. Высота изделия – 5,4 см. Диаметр – 6,7 см, вес – 300 г, отверстие для насада диаметром: вверху – 2,0 см, внизу – 1,5 см (в среднем – 1,7 см). У правого бедра найдена кость животного (Корневский, 1987).

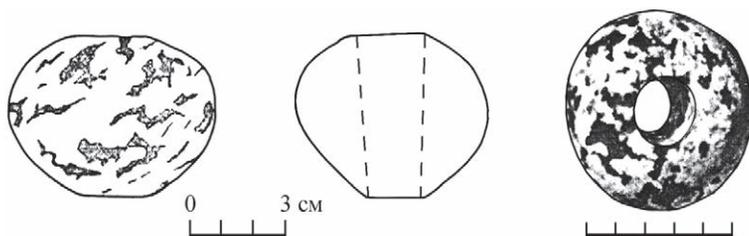

Рис. 1. Каменная булава. II Нежинская группа, курган 5, погребение 5

¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность Г. Е. Афанасьеву за разрешение публикации его раскопок 1975 г.

Кроме публикуемой находки, в сводке В. И. Марковина упоминается каменная булава из раскопок Д. Я. Самоквасова группы «Три Камня» в г. Кисловодске (Марковин, 1960. Рис. 20: 5). Но более подробно о ней сказать что-либо трудно.

Каменные топоры

Категория каменных топоров Кавминводской группы с учетом находок в курганах I Нежинской группы была проанализирована в монографии 1990 г. (Корневский, 1990). Более широко вопрос о них был рассмотрен в статье 1993 г. (Корневский, 1993). В ней автором было учтено около 40 комплексов с каменными топорами из Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Кавминвод, Верхнего Прикубанья (до ст. Отрадной). Предложена их классификация, охватывающая материалы из Центрального Предкавказья (с учетом уже выделенных В. И. Марковиным типов), а также сохранено понятие кабардино-пятигорских каменных топоров: граненых и гладких. В основе их классификации лежат, прежде всего, качественные признаки форм. Количественные показатели могут применяться уже для детализации выделенных групп изделий. Ниже перечислим выделенные группы каменных топоров Центрального Предкавказья без их детального упоминания, данного ранее (см.: Корневский, 1993). Датировка рассматриваемых топоров в целом относится к времени 28–24 вв. до н. э., судя по датам комплексов с близкими находками из Верхнего Прикубанья (Нечитайло, 1978. С. 58).

Группа А. Гладкие топоры со слабым изгибом корпуса в профиль, без пояска на втулке и выступа (шляпки) на обухе (рис. 2: 1, 2).

Группа Б. Гладкие топоры со слабым изгибом корпуса в профиль, пояском на втулке и без выступа-шляпки на диске обуха (рис. 2: 3).

Группы А и Б могут рассматриваться как общие кавказские типы оружия. Их формы нуждаются в дальнейшей детализации – в зависимости от длины обушной части и пропорций.

Группа В. Гладкие топоры с сильно изогнутым коленчатым профилем, расширенным в лопасть клином, пояском на втулке и с выступом-шляпкой на обухе.

Вариант В1 характеризуется одним-двумя валиками на втулке (рис. 2: 5).

Вариант В2 снабжен вырезанным елочным орнаментом на втулке (рис. 2: 4).

Группа Г. Топоры с гладким корпусом, лопастным клином, продольным валиком на спинке клина, выступом на диске обуха (рис. 2: 6). Группу представляет уникальная находка из к. 2 Нежинской группы I. Аналогия ей происходит из Верхнего Прикубанья (находка с паспортом «Черкессия») (Марковин, 1960. Рис. 9: 20). В работе 1990 г. мы предложили называть такие находки топорами «нежинского типа» (Корневский, 1990. С. 62).

Группа Д. Граненые топоры с валиком на спинке (рис. 2: 7).

В комплексах курганов топоры могут быть связаны и с основными, и с впускными захоронениями.

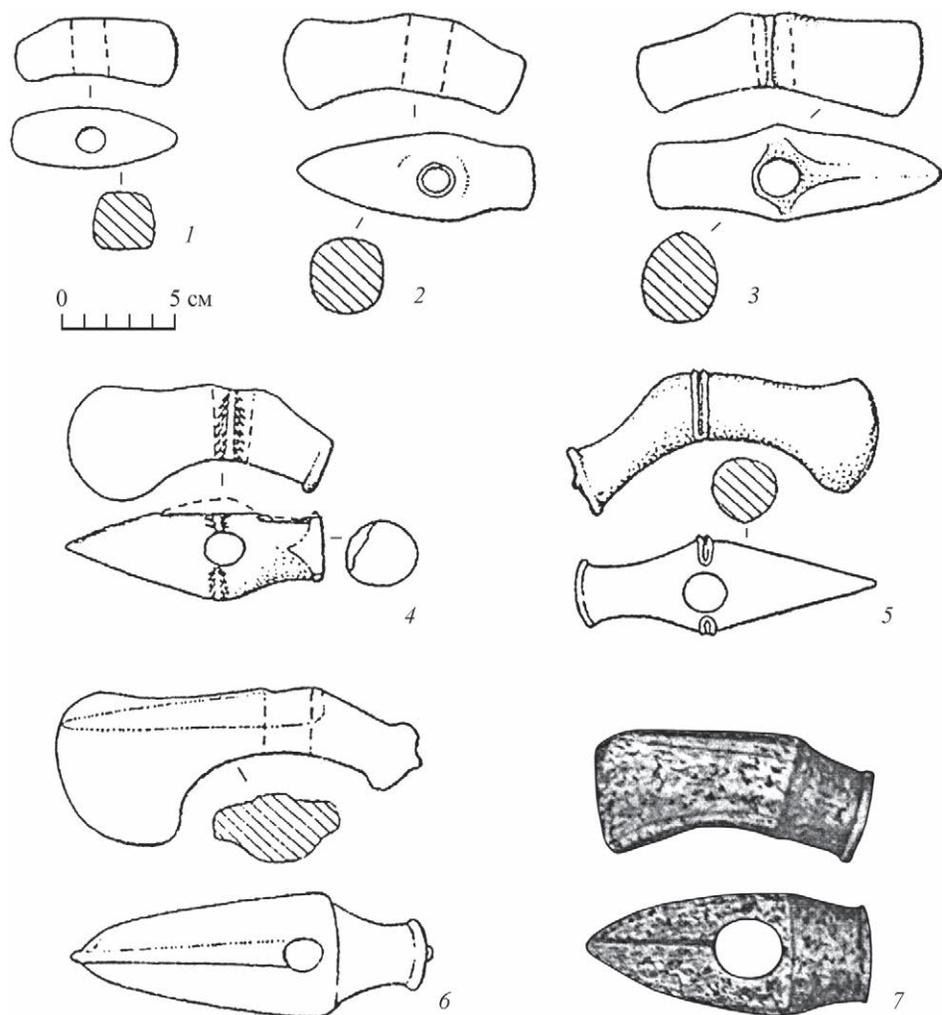

Рис. 2. Группы топоров Центрального Предкавказья

1, 2 – группа А; 3 – группа Б; 4 – группа В, вариант В2; 5 – группа В, вариант В1; 6 – группа Г; 7 – группа Д

1 – с. Чегем к. 5, п. 1; 2 – II Нежинская группа, к. 5, п. 10; 3 – Константиновское плато к. 2, п. 6а (по: *Гумилевский*, 1952); 4 – I Нежинская группа, к. 5, п. 8; 5 – курган у винсовхоза «Машук», п. 5 (по: *Афанасьев*, 1976); 6 – I Нежинская группа, к. 2, п. 12; 7 – Константиновское плато, к. 2 п. 16 (по: *Ртвеладзе*, 1965)

**Основные захоронения с каменными топорами
на Кавминводах и их аналоги**

Курган 3, погребение 6, I Нежинская группа. Пригород г. Кисловодска. Раскопки С. Н. Корневского 1983 г. (*Корневский*, 1983). Погребение совершено в яме размером 3,1 × 2 м. Глубина ямы от дневной поверхности – около 1,4 м. Над погребением был сооружен каменный навал. Заполнение ямы также составляли камни. Все щели между крупными камнями и стенками ямы заполнялись мелкими камешками. На глубине 20 см выше дна начали попадаться деревянные плашки. Ниже расчищен скелет юноши. Сохранность костей плохая. Поза погребенного – вытянуто на спине, головой на восток. Следы деревянного перекрытия сохранились в виде плашек, расположенных поперек костяка. У левой плечевой кости лежал каменный серпентинитовый граненый топор. Его длина – 8,2 см. На спинке вырезан валик. Отверстие для насада – 1,7 см (рис. 3: 6).

Курган 2, погребение 9, у г. Ракитной. Раскопки Г. Я. Симакина 1967 г. (*Симакин*, 1967). Курган находился между р. Аликоновкой и Березовкой – под Кисловодском, в местности, носящей название «Три Камня».

Погребение 9 было основным. Над ним был сооружен каменный навал диаметром 8 м и высотой 2,5 м. Яма (2,37 × 1,25 м) была углублена в материк на 0,9 м, ориентирована по линии запад – восток. Яму непосредственно на уровне погребенной почвы перекрывали каменные плиты, уложенные в четыре пласта. Заполнение ямы составлял грунт с включениями крошки красной минеральной краски. Скелет сохранился плохо. Поза покойного, однако, определяется однозначно: в положении вытянуто на спине, головой на восток. На дне отмечены следы красной краски, особенно интенсивные у ступней и на них. Череп погребенного лежал затылком вверх на грудных костях. Под скелетом прослеживался серый тлен.

В области таза обухом вверх воткнут в землю каменный серпентинитовый топорик с огранкой. На топоре прослеживались пятна красной краски. Длина топора – 7,5 см. Отверстие для насада имело диаметр 1,8 см (рис. 3: 1; 4: 1).

У северной стенки ямы, у кисти правой руки, находился терочник-курант. Предмет имел вид усеченного конуса: диаметры основания и верхней плоскости – 8,5 и 7,6 см соответственно. На верхней плоскости имелись следы охры (рис. 4: 3). В 15 см от черепа найден бронзовый черенковый кинжал с деформированным клинком (рис. 4, 2). Длина орудия – 11,7 см (рис. 4: 2) (Там же).

Курган у винсовхоза «Машук», погребение 5. Раскопки Г. Е. Афанасьева 1975 г.

Захоронение основное, совершено на уровне погребенной почвы. Могила была обложена рваным камнем на площади 3,55 × 2 м. По ее периметру был возведен каменный бортик. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на запад (рис. 5: 1). При погребенном найден гладкий топор группы В1, который характеризуется коленчатой формой тулова, лопастью на клине, кантом на обушной части и выступом на обушном диске. Длина топора – 16 см; диаметр отверстия для насада – 2,0 см. В набор приношений покойному входил терочник-курант (рис. 2: 5; 5: 3), бронзовый черенковый кинжал (рис. 5: 4), небольшой сосуд с орнаментом. У черепа покойного зафиксирована золотая подвеска

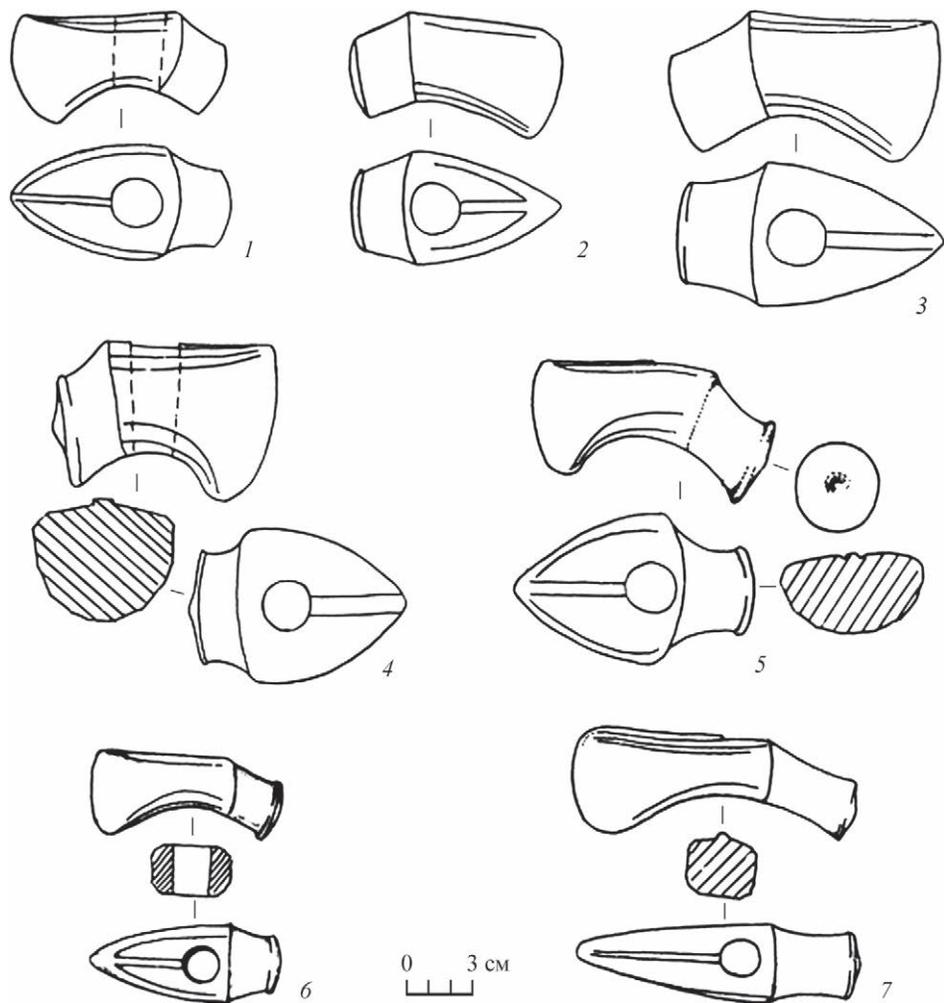
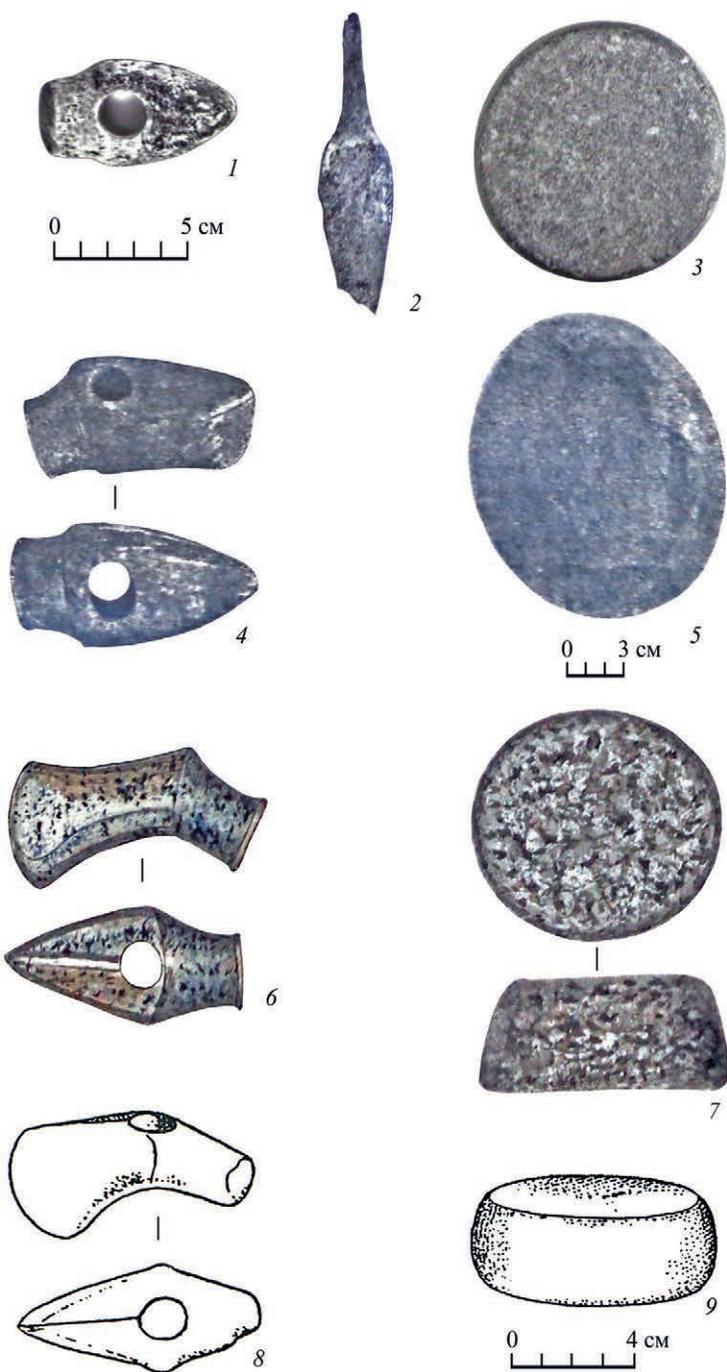

Рис. 3. Каменные топоры с огранкой

1 – г. Ракитная, к. 2, п. 9 (по: *Симакин*, 1967); 2 – Константиновское плато, к. 2, п. 16 (по: *Ртвеладзе*, 1965); 3 – Константиновское плато, к. 2, п. 14 (по: Там же); 4 – Константиновское плато, к. 2, п. 7 (по: *Гумилевский*, 1952); 5 – I Нежинская группа, к. 1 п. 6; 6 – I Нежинская группа, к. 3, п. 6; 7 – I Нежинская группа, к. 1, п. 2

Рис. 4. Комплексы с каменными топорами и курантами

1–3 – г. Ракитная, к. 2, п. 9 (по: *Симакин*, 1967); 4, 5 – с. Заюково, к. 2; 6, 7 – Константиновское плато к. 2 п. 14 (по: *Ртвеладзе*, 1965), 8, 9 – «Три Камня», к. IV, п. 8 (по: *Самковасов*, 1908; *Марковин*, 1960)

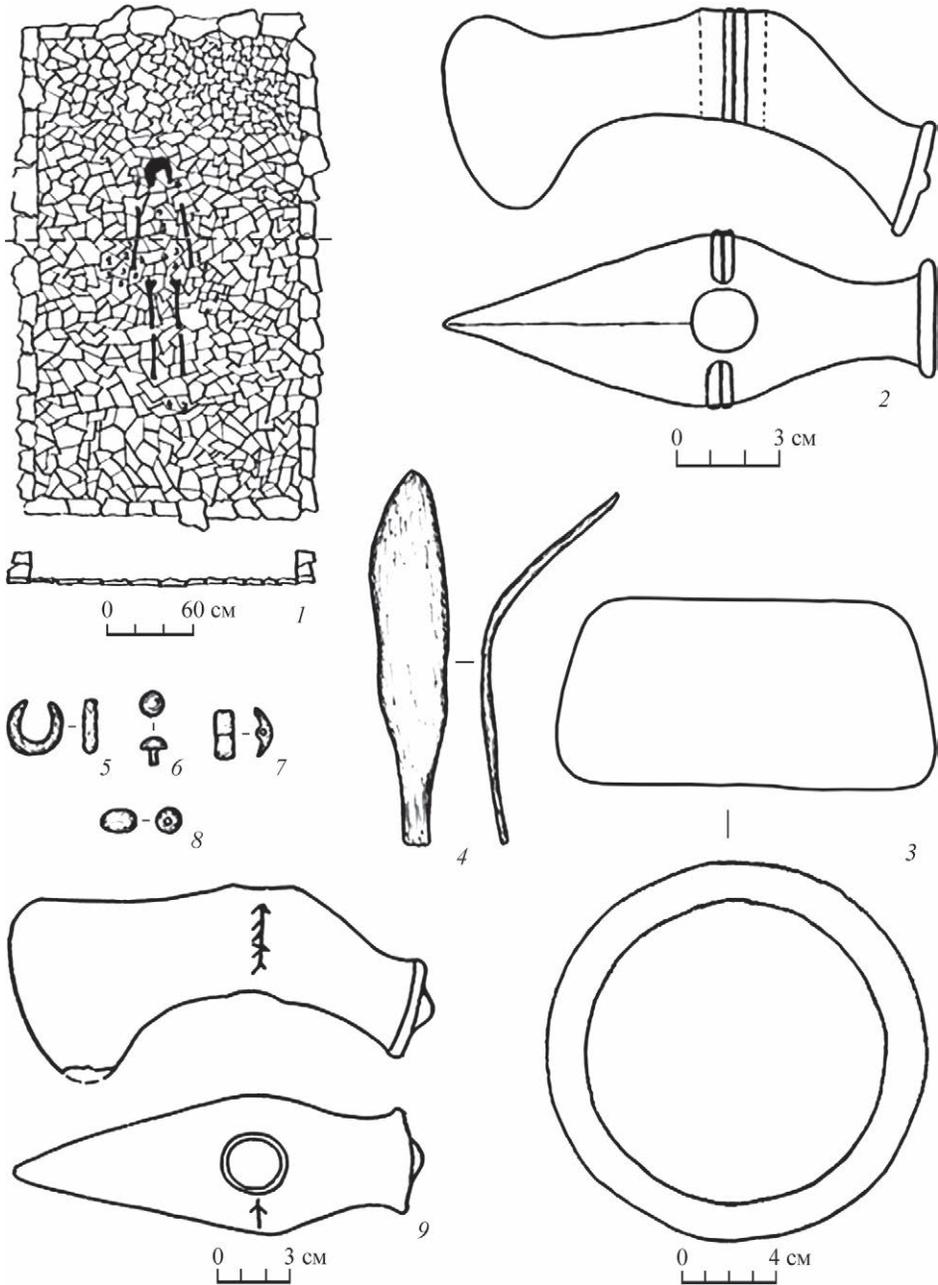

Рис. 5. Комплекс погребения 5 кургана у винсовхоза «Машук» (1–8) и находка в г. Кисловодске (9)

1 – план погребения; 2, 9 – топоры; 3 – курант; 4 – кинжал; 5 – височная подвеска; 6 – гвоздик; 7 – сегмент браслета; 8 – бусы

2, 3, 9 – камень; 4, 6–8 – бронза; 5 – золото

с разомкнутыми концами (рис. 5: 5). В области пояса найдены бронзовые сегменты браслета, гвоздик и бусы (рис. 5: 6–8) (Афанасьев, 1976; Корневский, 1993).

Курган 2, погребение 16, Константиновское плато у г. Пятигорска. Раскопки Э. В. Ртвеладзе 1965 г. Захоронение основное, совершено под каменным навалом высотой 1,5 см. Яма имела размеры $3,25 \times 2,9$ м и была глубиной более 1 м. Ориентирована длинной осью по линии запад – восток. На дно ямы был поставлен деревянный сруб, перекрытый деревянными плахами. Размеры сруба – $2,35 \times 1,12$ м. В срубе находился скелет рослого (1,8 м) мужчины в возрасте 40–50 лет. Поза покойного – на спине скорченно. У левой руки погребенного находился каменный топор граненого типа. Длина топора – 7,2 см, диаметр отверстия для насады – 1,8 см (рис. 2: 7; 3: 2).

Курган 2, погребение 2, у с. Заюково на р. Баксан (основное). Работы проведены А. А. Иессеном в 1934 г. в связи со строительством Баксанской ГЭС. Погребение было совершено в яме, вырытой с уровня материка. Яма (размеры по дну – $3,6 \times 2$ м) ориентирована по линии запад – восток. Заполнение составляли камни. Скелет взрослого мужчины лежал на спине вытянуто, головой на восток. У левого локтя находился топор с граненым корпусом из серпентинита (рис. 4: 4). Рядом лежал терочник-курант из базальта (рис. 4: 5), другой курант – у левой кисти. В области черепа стоял небольшой сосуд с орнаментом, выполненным косыми насечками в елочку. У ног был поставлен другой, более крупный, сосуд с двумя ручками. Погребение в кургане 2 у с. Заюково при его публикации было справедливо соотнесено с погребениями группы «Три Камня» в г. Кисловодске (Археологические исследования..., 1941. С. 226, 227. Рисунок), но, возможно, оно относится к кабардино-балкарскому участку северокавказской культуры, где наблюдается совмещение керамики Кавминводской группы и предгорных племен территории Кабардино-Балкарии (судя по крупному двуручному амфоровидному сосуду, тип которого не известен пока на Кавминводах).

Курган IV, погребение 8, группа «Три Камня» в г. Кисловодске. Раскопки Д. Я. Самоквасова. Структура кургана IV, описанного Д. Я. Самоквасовым в 1908 г., не вполне ясна из-за особенности методики раскопок курганов того времени. По его записям, погребение 8 было совершено в яме, вырытой в материке и перекрытой каменной плитой и навалом камней, напоминающим курганную насыпь, что вполне соответствует описанию основных захоронений в курганах Пятигорья. В могиле находился скелет в положении вытянуто на спине, головой на север. У левого бока скелета были найдены каменный серпентинитовый топор (рис. 4: 8), 2 терочника-куранта (рис. 4: 9), кусочки минерала малинового цвета, небольшой сосуд и зуб животного (Самоквасов, 1908. С. 28; Марковин, 1960. С. 55. Рис. 20: 1, 2).

Впускные захоронения с каменными топорами

Курган 2, погребение 14, Константиновское плато. Раскопки Э. В. Ртвеладзе 1965 г. Погребение совершено в каменном ящике под каменным навалом. Погребенный (мужчина 40–50 лет) лежал на спине вытянуто, головой на юго-восток. У головы стоял сосуд высотой 10,2 см. В районе груди найден каменный

граненый топор (рис. 3: 3; 4: 6). Длина орудия – 9,2 см, отверстие для насада имеет диаметр 1,6 см. У левой руки лежал каменный терочник-курант (диаметры – 7,8 и 4,6 см; толщина – 2,8 см) (рис. 4: 7). Кроме того, найдены 4 шнуровидных подвески (Ртвеладзе, 1965).

Курган 2, погребение ба, Константиновское плато. Раскопки И. С. Гумилевского 1952 г. Каменный ящик погр. ба находился под навалом из булыжника, частично разрушенным впускным захоронением б. Размер каменного навала – 3,5×2,5 м. В каменном ящике лежал скелет взрослого человека (мужчины), вытянуто на спине. Поверх него был уложен другой скелет (женщины?) в положении на спине скорченно. У локтя левой руки мужского костяка находился каменный топор группы Б из зеленоватого серпентинита. Он имел гладкий, отполированный до блеска корпус, без огранки, с пояском на втулке (рис. 2: 3). Длина топора – 12,6 см, диаметр втулки – 1,8 см. По замечанию автора раскопок, топор в употреблении не был (Гумилевский, 1952; Корневский, 1993. С. 81. Рис. 3).

Курган 2, погребение 7, Константиновское плато. Раскопки И. С. Гумилевского 1952 г. Погребение совершено в каменном ящике под навалом плит. Длина навала – 3,6 м, ширина – 2 м, высота – 0,8 м. Ящик ориентирован по линии север – юг. Он имел длину 1,97 м, ширину 0,9 м, глубину 0,84 м. В нем обнаружено два скелета. Нижний, предположительно мужской, лежал вытянуто на спине, головой на Юг. Поверх него находился женский (?) скелет в той же позе и с той же ориентацией.

В погребении найден граненый топор группы Д. Длина топора – 8,2 см; диаметр отверстия для насада – 1,6 см (рис. 3: 4). Украшения представлены двумя подвесками-стерженьками и бусами. Отмечен небольшой сосуд и 28 альчиков овцы (Гумилевский, 1952; Корневский, 1993. С. 81. Рис. 7).

Курган 1, погребение 2, Нежинская группа I. Раскопки С. Н. Корневского 1982 г. Погребение в яме с заплечиками с последовательным впуском захоронений. Размеры ямы: поверху (на уровне обнаружения) – 2,6×2 м; на уровне ступеньки – 2,15×1,2 м; на уровне дна – 2,1×0,85 м. Яма ориентирована по линии юг – север. В заполнении беспорядочно попадались кости подростка и взрослого человека, 10 альчиков барана, медная молоточковидная булавка с перевитым стержнем. Глубина камеры – около 70 см.

На дне камеры лежал скелет мужчины (20–25 лет), на спине вытянуто. У левого плеча находился граненый каменный топор-молот из серпентинита, близости от стоп были найдены две перевитые подвески-стерженьки, и одна бронзовая подвеска обнаружена у левой берцовой кости. Под левой кистью отмечено пятно охры. У правой лучевой кости, на дне, лежал фрагмент нижней челюсти человека.

Топор-молот (рис. 3: 7) относится к типу граненых топоров группы Д. Он изготовлен из светлого серпентинита. Его длина – 12,2 см. Обушная часть опущена вниз. На самом диске обуха имеется выступ-кнопка. Отверстие для насада имеет диаметр 1,6 см (Корневский, 1988. С. 10–12).

Курган 1, погребение 6, Нежинская группа I. Оно совершено в каменном ящике размером 2,1×0,8 м. Ящик ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. На дне ямщика находился скелет мужчины (зрелого возраста). Сохранность костей плохая. Заметны следы разрушения. Левая бедренная кость вывер-

нута суставом наружу. Пяточные кости лежали на груди и у левой кисти. Другие кости стопы обнаружены в заполнении могилы. Под погребенным прослежена подстилка из бурого и белого тлена, а в области таза, костей ног (ниже колен) – пятна ярко-красной краски.

У правого локтя покойного находился каменный граненый топор (рис. 3: 5). Его длина 10 см, на спинке имеется валик. Валик также вырезан на обухе. Диск обуха снабжен выступом-шляпкой. Отверстие для насада имеет диаметр 2,3 см.

Курган 2, погребение 12, Нежинская группа I. Погребение совершено в каменном ящике, который был поставлен в одну яму с каменным ящиком погребения 10. Пространство между ящиками засыпано черноземом, мешаной землей и камнями. В этом пространстве обнаружены обломки сосуда с орнаментом, пронизки, составленные из мелких бус, пронизки с двумя шишечками, а также три гишеровых бусины.

Ящик имел размеры 2,1 × 0,6 м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. На дне находилось парное захоронение мужчины и женщины. Оба скелета лежали на спине вытянуто, головами на юго-запад. Под погребенными прослеживался коричневый и белый тлен. В захоронении найдены обломки того же красноглиняного сосуда, фрагменты которого встречались и в пространстве между ящиками. Высота сосуда – 7 см. Орнамент нанесен оттиском шнура. Здесь же найдены кулон с 5 выступами и петелькой, а также гишеровые бусы и медные пронизы.

На дне ящика у плеча мужского скелета в землю был воткнут каменный топор из темного серпентинита длиной 15 см. Клин опора искусно вырезан. Его спинка плоская, брюшко сильно сужено. Лезвие расширяется в лопасть. Отверстие для насада имеет со стороны спинки диаметр 1,5 см, со стороны брюшка – 1,9 см, т. е. он немного расширяется книзу. Обушная часть опущена. Диск обуха отделен валиком, и на нем вырезана шляпка (рис. 2: б).

Курган 5, погребение 8, Нежинская группа II. Погребение совершено в каменном ящике в южной части кургана. В восточной части профиля была зафиксирована прослойка выкида из этого захоронения. В западной части профиля четко видно – каменный ящик был впущен в предматериковый слой у края насыпи. Ящик был ориентирован с запада на восток и перекрыт тесаными плитами из известняка.

В захоронении найдены останки двух человек – взрослого мужчины 20–35 лет и подростка в возрасте инфантилис II (7–12/14 лет). Кости мужчины были еще в древности потревожены и отодвинуты в восточную часть ящика. От них сохранились крылья таза, бедренные и берцовые кости, ребра, позвонки. Кости подростка лежат в западной части ямы. Они сохранились плохо, но позволяют прийти к выводу, что покойный был положен на спину, головой на запад. Левая рука была вытянута вдоль туловища. У южной стенки лежат кости ног мелкого рогатого скота.

В могилу был поставлен небольшой сосуд высотой 9,8 см серого и охристого цвета. Каменный топор лежал в центральной части могилы. Он имеет гладкую коленчатую форму с опущенным обухом и лезвие в виде расширенной вверх и вниз лопасти. Длина топора – 12,5 см; вес – 325 г; отверстие для насада имеет диаметры 1,9 и 1,8 см, т. е. сужается книзу. Обушная часть наклонена вниз. Обух

отделен кантом-валиком. Кнопки на обухе нет. Материал, из которого сделан топор, – мягкий сланец. Часть топора отслоилась. Втулка украшена вертикальной полосой с орнаментом в «ёлочку» (рис. 2: 4).

Курган 5, погребение 10, Нежинская группа II. Погребение расположено вплотную к стене-крепиде кургана в юго-западном секторе. Ящик перекрыт навалом из каменных плит. Все плиты сделаны из мягкого мелового известняка. Сам ящик сооружен также из плит белого мелового известняка и выделяется своим цветом среди всех ящиков кургана. Скелет лежал на спине вытянуто, головой на северо-запад. Он принадлежал мужчине в возрасте 20–35 лет. Дно погребения покрывал белый тлен с охрой. Особенно много охры было у окончания берцовых костей скелета.

На правой лучевой кости локтевого сустава находился каменный топор, положенный лезвием к туловищу. Длина топора – 11,8 см. Вес – 290 г. Топор гладкий полированный, без огранки корпуса, сделан из серпентинита (рис. 2: 2). Лезвие немного расширяется в лопасть вверх и вниз. Обушная часть наклонена вниз. Ее окончание (обух) не имеет выделения и выступа-шляпки. Отверстие для насада (диаметры – 2,0 и 1,6 см) сужается книзу. В юго-восточном углу ящика находился сосуд без орнамента, весь покрытый темным нагаром. Высота сосуда – 11,2 см.

Перейдем к обобщениям изложенного материала. В целом из курганов Кавминводской группы нам удалось учесть 13 комплексов с каменными топорами и один – с каменной булавой. 4 комплекса являются основными и 9 впускными. Погребения с каменными топорами в Нежинских курганах были нередки, но их число вряд ли превышает 5% общего количества захоронений.

Все погребения с каменными топорами однозначно мужские. Сами каменные топоры кабардино-пятигорского типа можно рассматривать, прежде всего, как оружие проламывающего ударного действия, а могилы с ними как воинские захоронения с оружием². Антропологические анализы показывают, что это были

² Н. Б. Виноградов в статье о символике топоров Южного Урала, касаясь топоров кабардино-пятигорского типа, пишет, что «боевому применению обсуждаемого типа топоров, как предметов вооружения, противоречат размеры самих изделий, диаметры проушин, материал изготовления, тщательность обработки поверхностей» (Виноградов, 2018. С. 278). Почему указанные им детали мешают признать за каменными топорами функции оружия, он не поясняет и не приводит собственную версию, что же это были за предметы для предкавказских племен. Поэтому его реплика выглядит голословной. Ударные функции каменных топоров с втулкой ставить под сомнение невозможно, как и всех многочисленных типов каменных топоров медно-бронзового века, кроме их вотивных форм и моделек. Отверстия для насада каменных предкавказских топоров стандартизированы – 1,7–2,0 см. Длина орудий – 7–16 см. Вес колеблется около 300 и более граммов. Эти данные похожи на показатели приводимой в статье каменной булавы, как представителя местного вооружения. Ее вес – 300 г. Отверстие для насада имеет диаметры 2,0 и 1,5 см. Тщательность отделки оружия является спецификой категории, как предметов особого престижа. Поэтому связь кабардино-пятигорских топоров с символикой воинских захоронений в Предкавказье представляется основной и весьма вероятной, но, конечно, не исключает иные мифологические представления, связанные с этой категорией оружия. Так называемые топоры кабардино-пятигорского типа эпохи

люди или в возрасте 20–35 лет (т. е. в самом расцвете сил), или в относительно пожилом возрасте – 40–50 лет. Примечательно, что погребение с каменной булавой принадлежало человеку 45–55 лет, т. е. «старшему мужчине». Подобные возрастные рамки для воинов медно-бронзового века довольно редки. Дожить до такого возраста в то время вообще было непросто. От прочих захоронений с воинской символикой погребение с каменной булавой в остальном ничем не отличается.

Весьма интересно расположение погребений с оружием ударного действия в структуре курганов. Так, основное погребение (№ 14) кургана 1 Нежинской группы I относится к протосреднебронзовой группе захоронений, а в кургане 5 Нежинской группы II – основное захоронение (№ 13) принадлежит долинскому варианту майкопско-новосвободненской общности. То есть комплексы эпохи средней бронзы с оружием ударного действия могли помещать в курганы к предку из предшествующей эпохи.

В кургане 2 на Константиновском плато (раскопки Э. В. Ртвеладзе) погребение 14 с каменным топором группы Д, как отмечалось выше, было впускным к основному захоронению 16, также содержащему каменный граненый топор.

Не зафиксировано случаев впуска погребений с каменными топорами в курганы, основные захоронения которых принадлежали мужчинам, погребенным без воинской символики, или женщинам. Вышеизложенная информация позволяет предполагать весьма высокий статус воинов в обществе племен Кавминводской группы, хотя мы не имеем примеров среди комплексов с каменными топорами захоронений с особенно богатым набором сопроводительного инвентаря. Иными словами, погребальная практика была связана или с военно-эгалитарными, или (существенно реже) с начальными военно-элитарными традициями престижа захоронения, при которых умершего могла выделять только одна золотая подвеска (Корневский, 2017).

Погребения с оружием ударного действия в основном были одиночными. Но в нескольких случаях можно отметить, что к захоронениям мужчин добавлялись погребения женщин. Женский труп при этом клали рядом или поверх мужского.

Формы могил с оружием ударного действия могут быть различными. В основном это каменные ящики, включенные в кольцевую систему родственных захоронений. Известно престижное погребение на уровне погребенной почвы на каменной выкладке, напоминающее майкопские погребения на галечной подстилке, также на уровне погребенной почвы. Одно захоронение совершено в белоснежном ящике из плит мелового известняка, еще одно – в деревянном срубе. А захоронение с каменным топором стало причиной разрушения могилы женщины и подростка.

Дух человека, погребенного с каменным топором, явно внушал страх его сородичам. Об этом свидетельствуют крупные навалы камня, многослойные перекрытия из каменных плит над каменными ящиками, плотное закрытие пазов вставками-камешками в навалах в захоронениях, где находилось такое оружие.

поздней бронзы Южного Урала, кроме находки в округе г. Тюмени (Виноградов, 2018. С. 277. Рис. 2: 1), образуют иной, срубно-алакульский, тип.

Каменные топоры кабардино-пятигорских типов выделяются тщательной отделкой и великолепной шлифовкой поверхности. Отверстия для рукояток имели стандартные размеры (диаметры – 1,6–1,8 см). Восстановить их технологично изготовления без специального анализа еще проблематично, но они были явно произведениями местных оружейников – камнерезов. Истоки мастерства уходят в эпоху майкопско-новосвободненской общности, в комплексах которой были зафиксированы полированные гладкие топоры и молоты, имеющие скос обушной части вниз (*Корневский*, 2017. С. 88).

В погребальной практике, по наблюдению Г. Ф. Коробковой над находками из Нежинских групп, использовались новые орудия и орудия, уже бывшие в употреблении (*Корневский*, 1993. С. 86). Дважды отмечалась охра на топорах, воткнутых в дно могилы.

Культурный аспект оружия мог подчеркивать елочный орнамент на поясах, обрамляющих втулки. Топоры с таким оформлением втулки известны по случайным находкам из хут. Родниковского, из Кисловодска, с. Атажукино в Прикубанье (*Марковин*, 1960. Рис. 9: 17, 19; 13: 41), а также в погребениях 1/8 с. Ногир, 21/3 с. Чегем I (*Корневский*, 1993. С. 22). Эта символика орнамента позволяет полагать, что он мог быть связан со знаками широко распространенного культа Древа Жизни. Такими мотивами или их отдельными элементами украшались гробницы военных лидеров предшествующей эпохи на широкой территории Предкавказья, Крыма и до Средней Европы.

Особое внимание в исследовании символики оружия ударного действия в погребальном обряде племен Кавминводской группы и Центрального Предкавказья следует уделить встречаемости каменных топоров с иными предметами трудовой деятельности. Последних изделий в погребениях Кавминводской группы немного. Так, практически исчезли медные тесла (*Марковин*, 1960, Рис. 20: 8), широко распространенные в эпоху майкопско-новосвободненской общности. Популярного у элиты майкопских племен сочетания топор и тесло нет вообще (*Корневский*, 2011; 2017).

Зато появились новые сочетания оружия и поделок из камня. Этими предметами являются т. н. терочки-куранты. Их формы были явно стандартизированы. Они представляют собой аккуратно выточенные каменные изделия в виде усеченного конуса с диаметрами: основания – 6–9 см, верхней плоскости – 4–8 см; и высотой (толщиной) 2–3 см. Куранты изготовлялись из твердых пород, например из базальта, гранита или диорита. Верхняя поверхность немного прогибалась внутрь, как ложе для обрабатываемой заготовки. Куранты в погребениях встречаются в количестве одного-двух экземпляров. Название «терочник» для них, конечно, условно.

В погребениях Кавминводской группы известно 9 находок курантов. Это погребения 1/19, 2/17³ I Нежинской группы; погребения Константиновского плато 2/8, 2/12, 2/14 из раскопок Э. В. Ртвеладзе и 3/4 из раскопок В. И. Марковина; погребение 2/9 из кургана у г. Ракитной; погребение 5 из кургана у винсовхоза «Машук» и IV/8 группы «Три Камня».

³ Запись 1/19 означает курган 1, погребение 19.

Из 13 погребений с каменными топорами и керамикой Кавминводской группы куранты обнаружены в шести (см. выше). При этом в основных захоронениях они встречены 4 раза. Один курант найден в самом престижном комплексе с золотой подвеской погребения 5 кургана у винсовхоза «Машук». Таким образом, встречаемость каменных курантов с каменными топорами в погребениях Кавминводской группы не является случайной.

При этом надо отметить, что такие сочетания вещей (каменный топор и курант) плохо прослеживаются по комплексам с вытянутыми на спине костяками Верхнего Прикубанья, по погребениям могильников Кабардино-Балкарии: Чегем I, II (*Бетрозов, Нагоев*, 1984), Лечинкай (*Батчаев*, 1984), Кишпек (*Мизиев*, 1984; *Чеченов*, 1984). Они зафиксированы лишь однажды: в погребении кургана 2 у с. Заюково на р. Баксан, где обнаружен сосуд Кавминводской группы.

С другой стороны, комплекс из боевого бронзового топора (типа Бичкин-Бурук) и двух терочников-курантов был найден в погребении 5 кургана 1 могильника Ильинский-1. Погребение было совершено в яме. В ней были размещены останки двух человек. Мужчина лежал на спине скорченно, и при нем находилась женщина, лежавшая на спине вытянуто. В этой же могиле были также найдены 10 небольших наконечников стрел с раздвоенным основанием (*Калмыков, Корневский*, 2001. С. 54–56. Рис. 2). Дата этого погребения – ГИН-10138: 4070 ± 50 ВР; 2866–2465 ВС. В данном случае мы сталкиваемся с близкими ритуалами воинских захоронений «позднеямных» племен северного Ставрополя и племен Кавминводской группы.

Г. Ф. Коробкова определила функциональную принадлежность курантов как наковаленок для обработки листового металла. На наковаленке из погребения 1/19 ею обнаружено две рабочие поверхности, на которых при увеличении под микроскопом были видны выбоины. Наковаленка из погребения 2/17 также имеет две рабочие поверхности – для обработки и тонкого и толстого листа (*Корневский*, 1990. С. 63).

Анализ находок курантов в захоронениях племен Кавминводской группы без каменных топоров очень интересен. Одна находка куранта связана с основным погребением 4 кургана 3 на Константиновском плато (*Марковин*, 1971. С. 38. Рис. 13: 26). Два случая – погребения 1/19, 2/17 Нежинской группы I (*Корневский*, 1990) – это детские захоронения. Погребения 2/8, 2/12 на Константиновское плато, судя по небольшим размерам костяков – 110, 125 и 140 см, принадлежат подросткам (*Ртвеладзе*, 1965. С. 20, 21). Все перечисленные выше комплексы с курантами на Кавминводах возможно интерпретировать как захоронения мужчин и отроков, так как ни в одном из них нет характерных женских украшений: костяных и бронзовых булавок, блях, дисковидных медальонов. При этом символика трудовой деятельности, связанная с наковаленкой-курантом, у племен Кавминводской группы могла передаваться по мужской линии по наследству, как показатель кланового мастерства.

Воинская символика наборов с топором и каменным курантом у племен поздней ямной культуры могла подчеркиваться также помещением в могилы стрел.

Сочетание в комплексе каменного топора и ладьевидной наковаленки встречается в ином культурном контексте – на левобережье р. Терек в районе ст. Галюгаевской во время раскопок там погребения 3 кургана 1 группы Галюгаевская 2.

Погребение 3 кургана 1 группы Галюгаевская 2. Раскопки С. Н. Кореневского 1988 г. (*Кореневский*, 1989). Группа расположена к северо-востоку от ст. Галюгаевской Курского района Ставропольского края, на левобережье р. Терек, на небольшом всхолмлении, которое получило название Галюгаевская 2. Курган имел высоту около 0,5 м. Диаметр кургана условно определяется в 20 м. Насыпь сложена желтоватой супесью, близкой по структуре к песку. В кургане найдено 7 захоронений, которые распадаются на две группы. Ранняя группа совершена на больших глубинах (около 1 м). Она представлена погребением 4 с покойным (мужчина 40–50 лет), положенным на спину скорченно, и парным погребением 7, где один скелет сохранил позу скорченно на спине, а вот второй явно побывал в огне. На обоих костяках отмечены следы красной краски. Дата захоронений соотносится с временем ямной культуры, но более точно в рамках энеолита – начала бронзового века не устанавливается.

Особую группу составили погребения в небольших ямах на глубинах 0,44–0,85 м: № 1 и 5 – дети, № 3 и 6 – взрослые. Погребенные в них лежат на боку скорченно, кисти рук – у лица. Группа занимает наименее древнее (по меркам медно-бронзового века) положение в кургане. Самым поздним (сарматского времени) является погребение 2 с костяком, положенным на спину вытянуто.

Каменный топор был найден в погребении 3, где скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти – у лица, и был ориентирован головой на северо-восток. Ноги сильно согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазу. Сохранность костей плохая. Череп разрушен ходкой бульдозера (рис. 6: 3).

Каменный топор находился перед грудью костяка. Его длина – 13,5 см. Корпус прямой и напоминает брусок. Отверстие для насада имеет верхний диаметр 2,5 см, нижний – 1,5 см. Клин топора имеет 6-стороннюю огранку со сглаженными границами граней. Орудие явно не принадлежит к топорам кабардино-пятигорского типа и благодаря 6-гранному сечению клина выглядит довольно оригинальным среди каменных топоров с прямым корпусом без скоса обушной части вниз (рис. 6: 1).

В ногах, слева, находился обломок каменной наковаленки (рис. 6, 2) размером 12 × 8,5 см. Сечение наковаленки подтреугольное, удобное для постановки инструмента на сыпучий грунт. Рабочая поверхность имеет следы от ударов, вытянутые наподобие желоба.

Погребения с аналогичной позой покойных относятся к поздней группе захоронений бронзового века в Терском бассейне. Она занимает более молодую позицию, чем погребения северокавказской и катакомбной культур в курганах у ст. Мекенской. Авторами раскопок этих курганов был поставлен вопрос о синхронности таких погребений захоронениям срубной культуры (*Крупнов, Мерперт*, 1963. С. 46). В настоящее время появление такой группы погребений можно, вероятно, соотнести с распространением скорченного на боку обряда ингумации в небольших ямах, сопоставимых по времени с Архонской группой захоронений в Северной Осетии периода перехода к эпохе позднего бронзового века, аликоновской группой погребений на Кавминводах и с более северными явлениями, которые связывают с распространением в Предкавказье носителей

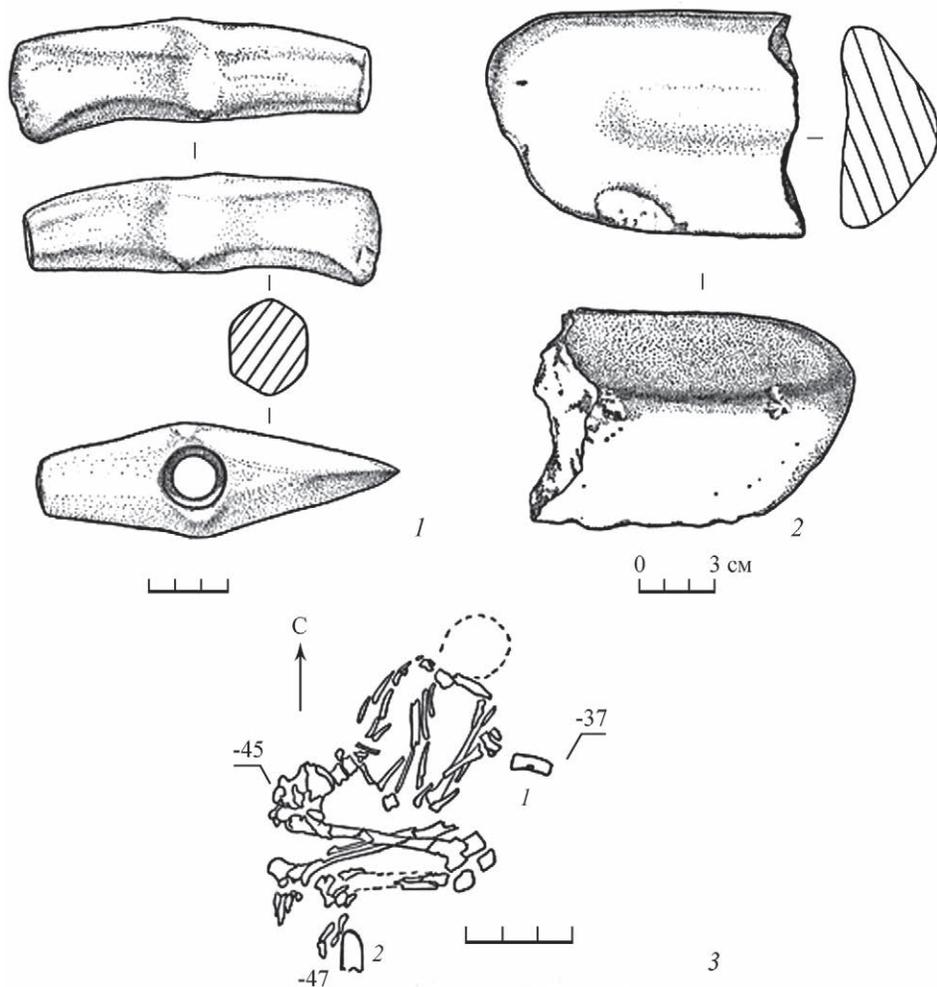

Рис. 6. Комплекс погребения 3 кургана 1 группы Галюгаевская 2

1 – каменный топор; 2 – каменная наковаленка; 3 – план погребения (1 – топор; 2 – наковаленка)

погребальной обрядности лолинской группы захоронений (Корневский, Мимоход, 2011. С. 67).

Подобный пример показывает, что символика погребения с наковаленкой сохранилась у населения степного Предкавказья в переходный период от среднего периода бронзового века к позднему. Что же могла означать такая символика?

Для ответа на этот вопрос обратим внимание на встречаемость оружия и орудий в погребениях степной зоны Предкавказья в период после исчезновения племен майкопско-новосвободненской общности. Прежде всего, надо вспомнить комплекс погребения 10 кургана 3 могильника Лебеди I с каменным

топором и литейными формами для топора (Гей, 1986. С. 18. Рис. 4: 3). Он четко показывал связь воинского престижа, обозначаемого наличием каменного топора, с кузнечным делом.

Устойчивое сочетание находок каменных топоров в погребениях Кавминводской группы с наковаленками-курантами могло означать связь воинского престижа человека с престижем мастера по обработке металла, кузнеца-умельца, оружейника. Подобная символика могла быть вполне в духе эпохи почитания статуса воинов-металлургов в погребальной практике. Она нашла наиболее активное отражение в комплексах племен Кавминводской группы и сохранилась до периода перехода от эпохи средней бронзы к поздней в среде терских племен степного Предкавказья.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Под ред. В. В. Гольмстен. М.; Л.: АН СССР, 1941. 327 с.
- Афанасьев Г. Е.*, 1976. Отчет о работе объединенной археологической экспедиции Пятигорского музея и СОНИИ в 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5445.
- Батчаев В. М.*, 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус. С. 112–163.
- Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х.*, 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I и Чегем II (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус. С. 7–87.
- Виноградов Н. Б.*, 2018. Символы топора в социально-культурной практике у населения позднего бронзового века Южного Зауралья // SP. № 2. С. 273–282.
- Гей А. Н.*, 1986. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1: Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). М.: Наука. С. 13–32.
- Гумилевский И. С.*, 1952. Отчет о раскопках кургана 2 на Константиновском плато близ г. Пятигорска // Архив ИА РАН. Р-1. № 1495.
- Калмыков А. А., Корневский С. Н.*, 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2: Археология, антропология, палеоклиматология. М.: Памятники исторической мысли. С. 52–63.
- Корневский С. Н.*, 1983. Отчет о раскопках на Кавминводах в 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 000384.
- Корневский С. Н.*, 1984. Отчет о работе Ставропольской экспедиции в 1983 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 00208.
- Корневский С. Н.*, 1987. Отчет о работе Предгорного отряда Ставропольской экспедиции в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 00090.
- Корневский С. Н.*, 1988. Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод: археологические источники. М. 258 с.: ил. Деп. в ИНИОН АН СССР 16.11.1988, № 36109.
- Корневский С. Н.*, 1989. Отчет о работе Предгорного отряда Ставропольской экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 00103.
- Корневский С. Н.*, 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. (Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод). М.: ИА РАН. 174 с.
- Корневский С. Н.*, 1993. Погребения с каменными топорами эпохи средней бронзы в Центральном Предкавказье // Социальная дифференциация общества. (Поиски археологических критериев). М.: Наука. С. 78–92.
- Корневский С. Н.*, 1999. Культ стопы у племен юга Восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзы (археологические источники и некоторые вопросы развития древних верова-

- ний) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Восточная литература. С. 54–77.
- Корневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус. 336 с.
- Корневский С. Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н. э.): очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: ИА РАН. 283 с.
- Корневский С. Н., Мимоход Р. А., 2011. Курганы позднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии: (по данным раскопок 1988 года). М.: ИА РАН. М. 120 с.
- Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я., 1963. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии / Ред. Е. И. Крупнов. М.: АН СССР. С. 9–48.
- Марковин В. И., 1960. Культура плен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: АН СССР. 149 с. (МИА; № 93.)
- Марковин В. И., 1971. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска // КСИА. Вып. 127. С. 35–44.
- Мизиев И. М., 1984. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус. С. 88–111.
- Нечитайло А. Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка. 150 с.
- Ртвеладзе Э. В., 1965. Отчет о раскопках курганов на Константиновском плато в полевой сезон 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3230.
- Самоковасов Д. Я., 1908. Описание археологических раскопок и собрания древностей. М.: Синод. тип. 271 с. (Труды Московского комитета по устройству Черниговского археологического съезда.)
- Симакин Г. Я., 1967. Археологические работы в Ставрополье // Архив ИА РАН. № 3460.
- Чеченов И. М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус. С. 164–253.

Сведения об авторе

Корневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

S. N. Korenevskiy

SYMBOLISM OF BURIALS WITH IMPACT WEAPONS
AMONG THE POPULATIONS OF THE CAUCASIAN SPAS GROUP
AND BURIALS WITH STONE AXE
NEAR THE VILLAGE OF GALYUGAEVSKAYA
(THE MIDDLE BRONZE AGE AND THE EARLY LATE BRONZE PERIOD)

Abstract. The paper analyzes finds of impact weapons (a stone mace head and stone axes of the Kabarda-Pyatigorye type) in 13 assemblages of the Caucasian Spas group. It emphasizes that impact weapons were found in the graves of males of the virile age. The burials with axes in the kurgans can be primary and secondary. Assemblages of implements containing stone axes are analyzed separately. Most frequently they are accompanied by grindstones/pestles. As G. F. Korobkova has observed, they were used as small anvils. The paper concludes that symbolism of the burials containing stone axes of the Caucasian Spas group indicates the military status and demonstrate that this symbolism is associated with symbolism of skilled metalsmiths.

Keywords: weapons, axe, mace, dagger, kurgan, burial, tomb, Pyatigorye, Fore-Caucasus, assemblage, warrior, clan system, prestige, grindstone, small anvil, blacksmith.

REFERENCES

- Afanas'yev G. E., 1976. Otchet o rabote ob'yedinennoy arkhеologicheskoy ekspeditsii Pyatigorskogo muzeya i SONII v 1975 g. [Report on works of joint archaeological expedition of Pyatigorsk museum and SONII in 1975]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya [Archaeological investigation in RSFSR. 1934–1936. Brief reports and information]. V. V. Gol'msten, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1941. 327 p.
- Batchayev V. M., 1984. Pogrebal'nyye pamyatniki u seleniy Lechinkay i Bylym [Burial sites near villages Lechinkay and Bylym]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979], 1. Nal'chik: El'brus, pp. 112–163.
- Betrozov R. Zh., Nagoyev A. Kh., 1984. Kurgany epokhi bronzy u seleniy Chegem I, Chegem II i Kishpek (1-ya i 3-ya gruppy) [Bronze Age kurgans near villages Chegem I, Chegem II and Kishpek (1st and 3rd groups)]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979], 1. Nal'chik: El'brus, pp. 7–87.
- Chechenov I. M., 1984. Vtoryye kurgannyye gruppy u seleniy Kishpek i Chegem II [Second kurgan groups near villages Kishpek and Chegem II]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979], 1. Nal'chik: El'brus, pp. 164–253.
- Gey A. N., 1986. Pogrebenie liteyshchika novotitorovskoy kul'tury iz Nizhnego Prikuban'ya [Caster's burial of Novotitorovka culture from Lower Kuban' region]. *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroykakh* [Archaeological discoveries in construction zones], 1. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoy ekspeditsii). Moscow: Nauka, pp. 13–32.
- Gumilevskiy I. S. Otchet o raskopkakh kurgana 2 na Konstantinovskom plato bliz g. Pyatigorska [Report on excavations of kurgan 2 at Konstantinovskoe plateau near Pyatigorsk city]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Kalmykov A. A., Korenevskiy S. N., 2001. Novoye pogrebenie s bronzovym toporom epokhi sredney bronzy iz stepnogo Predkavkaz'ya [New burial with bronze axe of Middle Bronze Age from steppe Fore-Caucasus]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Materials on research of historical-cultural heritage of North Caucasus], 2. *Arkheologiya, antropologiya, paleoklimatologiya* [Archaeology, anthropology, palaeoclimatology]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 52–63.
- Korenevskiy S. N., 1983. Otchet o raskopkakh na Kavminvodakh v 1982 g. [Report on excavations in Kavminvody in 1983]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Korenevskiy S. N., 1984. Otchet o rabote Stavropol'skoy ekspeditsii v 1983 g. [Report on work of Stavropol expedition in 1986]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Korenevskiy S. N., 1987. Otchet o rabote Predgornogo otryada Stavropol'skoy ekspeditsii v 1986 g. [Report on work of Piedmont group of Stavropol expedition in 1986]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Korenevskiy S. N., 1988. Nezhinskie kurgany epokhi bronzy rayona Kavkazskikh mineral'nykh vod: arkhеologicheskie istochniki [Nezhin Bronze Age kurgans in region of Caucasian Spas: archaeological sources]. Moscow. 258 p.: ill. Deponirovano v INION AN SSSR 16.11.1988, № 36109.
- Korenevskiy S. N., 1989. Otchet o rabote Predgornogo otryada Stavropol'skoy ekspeditsii v 1988 g. [Report on work of Piedmont group of Stavropol expedition in 1988]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Korenevskiy S. N., 1990. Pamyatniki naseleniya bronzovogo veka Tsentral'nogo Predkavkaz'ya. (Nezhenskie kurgany epokhi bronzy rayona Kavkazskikh Mineral'nykh Vod) [Sites of Bronze Age population in Central Fore-Caucasus. (Nezhen Bronze Age kurgans in region of Caucasian Spas)]. Moscow: IA RAN. 174 p.

- Korenevskiy S. N., 1993. Pogrebeniya s kamennymi toporami epokhi sredney bronzy v Tsentral'nom Predkavkaz'ye [Burials with stone axes of Middle Bronze Age in Central Fore-Caucasus]. *Sotsial'naya differentsiatsiya obshchestva. (Poiski arkheologicheskikh kriteriev) [Social differentiation of society. (Search of archaeological criteria)]*. Moscow: Nauka, pp. 78–92.
- Korenevskiy S. N., 1999. Kul't stopy u plemen yuga Vostochnoy Evropy Predkavkaz'ya v epokhu eneolita i bronzy (arkheologicheskie istochniki i nekotorye voprosy razvitiya drevnikh verovaniy) [Foot cult among tribes of South of Eastern Europe, Fore-Caucasus in Eneolithic and Bronze Age (archaeological sources and some problems of development of ancient beliefs)]. *Pogrebal'nyy obryad. Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy [Burial rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological concepts]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 54–77.
- Korenevskiy S. N., 2011. Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt [Earliest metal of Fore-Caucasus. Typology. Historical-cultural aspect]. Moscow: Taus. 336 p.
- Korenevskiy S. N., 2017. Oruzhie v kompleksakh kul'tur nachala medno-bronzovogo veka (V–IV tysyacheletiya do n. e.): ocherki voyenizatsii drevnikh obshchestv po dannym arkheologii. Podunav'ye, yug Vostochnoy Evropy, Kavkaz, Blizhniy Vostok [Weapons in complexes of cultures of beginning of Copper-bronze Age (V–IV millennia BC): essays on militarization of ancient societies based on data of archaeology. Danube region, South of Eastern Europe, Caucasus, Near East]. Moscow: Taus. 283 p.
- Korenevskiy S. N., Mimokhod R. A., 2011. Kurgany pozdnego perioda srednego bronzovogo veka u stanitsy Arkhonskaya v Severnoy Osetii: (po dannym raskopok 1988 goda) [Kurgans of late stage of Middle Bronze Age near village Arkhonskaya in North Ossetia: (based on data of excavations of 1988)]. Moscow: IA RAN. 120 p.
- Krupnov E. I., Merpert N. Ya., 1963. Kurgany u stanitsy Mekenskoy [Kurgans near Cossack village Mekenskaya]. *Drevnosti Checheno-Ingushetii [Antiquities of Chechen-Ingush Republic]*. E. I. Krupnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 9–48.
- Markovin V. I., 1960. Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n. e.) [Culture of tribes of North Caucasus in Bronze Age (II mill. BC)]. Moscow: AN SSSR. 149 p. (MIA, 93.)
- Markovin V. I., 1971. Kurgany Konstantinovskogo plato u g. Pyatigorsk [Kurgans of Konstantinovskoe plateau near Pyatigorsk city]. *KSIA*, 127, pp. 35–44.
- Miziev I. M., 1984. Dva kurgana u seleniy Kishpek i Kyzburun III [Two kurgans near villages Kishpek and Kyzburun III]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]*, 1. Nal'chik: El'brus, pp. 88–111.
- Nechitaylo A. L., 1978. Verkhnee Prikuban'ye v bronzovom veke [Upper Kuban' reaches in Bronze Age]. Kiev: Naukova dumka. 150 p.
- Rtveladze E. V., 1965. Otchet o raskopkakh kurganov na Konstantinovskom plato v polevoy sezon 1965 g. [Report on excavations at Konstantinovskoe plateau during field season of 1965]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Samokvasov D. Ya., 1908. Opisanie arkheologicheskikh raskopok i sobraniya drevnostey [Description of archaeological excavations and collection of antiquities]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. 271 p. (Trudy Moskovskogo komiteta po ustroystvu Chernigovskogo arkheologicheskogo s'yezda.)
- Simakin G. Ya., 1967. Arkheologicheskie raboty v Stavropol'ye [Archaeological works in Stavropol region]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).

About the author

Korenevskiy Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

А. А. Калмыков, Н. Я. Березина, Ю. Грески,
М. В. Добровольская, А. П. Бужилова

ПОГРЕБЕНИЕ МАСТЕРА-ЛИТЕЙЩИКА ЛОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТАВРОПОЛЬЕ

Резюме. Данная работа посвящена публикации и комплексному анализу погребения мастера-литейщика лолинской культуры эпохи средней бронзы, открытого в 2012 г. в степной зоне Центрального Предкавказья, недалеко от места слияния Большого Зеленчука и Кубани (рис. 1). По результатам радиоуглеродного датирования погребение отнесено к рубежу III и II тыс. до н. э. В нем обнаружен набор орудий для металлообработки: керамические тигель-лячка и сопло, а также каменный абразив (рис. 2: 2–4; 3: 2). До помещения в могилу инструменты использовались в практических целях по своему предназначению. С применением антропологических стандартов и биоархеологических подходов были изучены костные останки индивида. Это позволило реконструировать особенности его физического развития, состояния здоровья, образа жизни и, с привлечением аналогий, подтвердить связь его прижизненной деятельности с металлообработкой.

Ключевые слова: Предкавказье, Ставрополье, средняя бронза, лолинская культура, мастер-литейщик, металлообработка, биоархеология, травмы, переломы, изотопный анализ, химический состав костей.

Введение

В 2012 г. в степной зоне Центрального Предкавказья, недалеко от места слияния Большого Зеленчука и Кубани, был частично раскопан курганный могильник Невинномысский-3. Он состоял из 25 насыпей, возведенных на гребне мысового образования правобережья Кубани, у южного подножия Ставропольской возвышенности (Мячин, 2013) (рис. 1).

В кургане 6, располагавшемся в центральной части группы, было обнаружено погребение мастера-литейщика. Оно привлекло внимание не только своим редко встречающимся погребальным инвентарем производственного назначения, но и отчетливо видимыми дефектами костей правой ноги покойного.

Результатам комплексного исследования этого погребения посвящена данная статья.

Рис. 1. Местоположение могильника Невинномысский-3

Описание комплекса

Возникновение кургана 6 относится к эпохе ранней бронзы и связано с племенами ямной культурно-исторической общности. Ими был сложен каменный кромлех и возведена единственная сохранившаяся насыпь. Кромлех кольцевидный, диаметром немногим более 6 м, построен из различных по размеру камней и плит песчаника, не имевших следов обработки. Плиты и камни были уложены на погребенную почву в один ряд, друг возле друга. Размеры наиболее крупной плиты – $0,6 \times 0,5 \times 0,3$ м. Диаметр перекрывшей кромлех насыпи – 15 м, ее сохранившаяся высота – 0,7 м. Помимо основного погребения в курган было впущено еще 13 захоронений эпохи бронзы и раннего железного века. Самую многочисленную группу из пяти погребений составляли впускные посткатакомбные захоронения со схожим обрядом. Из них три погребения были без инвентаря; в одном, парном, у взрослого погребенного на поясе найдены подвески из раковин с центральным отверстием, а кроме них – шейная низка и ножной браслет из фаянсовых бус. Набор производственных орудий мастера-литейщика обнаружен в погребении 5.

Погребение 5 располагалось в юго-западном секторе кургана, у внешнего края кромлеха. От погребальной конструкции удалось проследить только несколько камней в ее верхней части и дно, отчетливо маркируемое покрывавшей его подстилкой. Дно могилы было гладким, плавно прогибалось от краев

к северо-восточной части, где располагался посткраниальный скелет. Такая конфигурация дна могилы наиболее характерна для камер редуцированных катакомб или небольших подбойных могил.

Погребение одиночное, индивид похоронен в сильно скорченном на левом боку положении, головой на восток – юго-восток. Расположение костей грудной клетки, ребер, позвонков и таза соответствовало положению тела на левом боку с завалом туловища на спину. Левая рука, согнутая в локтевом суставе под прямым углом, была развернута локтем от покойного и положена на дно могилы перед его грудью. Кисть располагалась на животе. Правая рука находилась в адоративной позиции, кистью у черепа. Ноги были согнуты под острыми углами в тазобедренных и коленных суставах. Кости правой ноги располагались поверх левой, стопы лежали на боку (рис. 2: 1; 3: 1).

За пределами подстилки, примерно в 0,3 м к югу от правого запястья, расчищена лопатка мелкого рогатого скота. Она лежала плашмя, с небольшим наклоном, и относительно близлежащих костей человека была приподнята на 6–15 см.

Сопровождавший покойного инвентарь был сосредоточен около левого локтя индивида, на подстилке. Предметы располагались в линию, один возле другого. В центре лежало керамическое сопло (нах. 2), с западной от него стороны – керамический тигель-лялька (нах. 1), с восточной – абразивный камень (нах. 3) (рис. 2: 1; 3: 2).

Тигель-лялька толстостенный, овально-ложковидной формы, с обозначенным сливом и плоской ручкой-выступом (рис. 2: 4). В тесте имеется примесь шамота и дресвы. Поверхность заглажена, коричневого цвета, с крупным темно-серым пятном от вторичного прокала. Еще одним вероятным свидетельством использования тигля-ляльки по назначению до его помещения в могилу, помимо вторичного прокала, являются многочисленные царапины внутри изделия. Их появление может быть результатом удаления из тигля-ляльки с помощью острого орудия плавильных остатков. Размеры изделия – 8,5 × 8,2 см, толщина по дну – 1,5 см. Сопло¹ усеченно-конической формы, с продольным сквозным отверстием, сужающимся от широкого конца к узкому (рис. 2: 2). Установить точные параметры отверстия из-за сильного разрушения предмета, произошедшего по причине ухудшения прочности керамики в результате вторичного прокала, не представляется возможным. Лучшее сохранившийся в узкой части участок отверстия был конический. Узкий конец сопла снаружи имеет небольшую закраину. Поверхность около широкого конца украшена горизонтальной вдавленной линией. Цвет внешней поверхности – темно-коричневый, внутри сопла и у широкого конца имеются следы гари и копоти. Высота – 6,7 см, диаметр по основанию – 4,5–4,7 см, по верху – 2,0 см. Примерный минимальный диаметр отверстия (по срезу узкого конца сопла) – около 0,5 см. Под абразив использован кварцевый, слабо ожелезненный крупнозернистый песчаник (рис. 2: 3), на широких плоскостях и гранях которого в результате использования появились

¹ При выемке из могилы разрушилось. В дальнейшем было реставрировано с учетом имеющейся фотодокументации и рисунков в натуральную величину, сделанных в полевых условиях *in situ*.

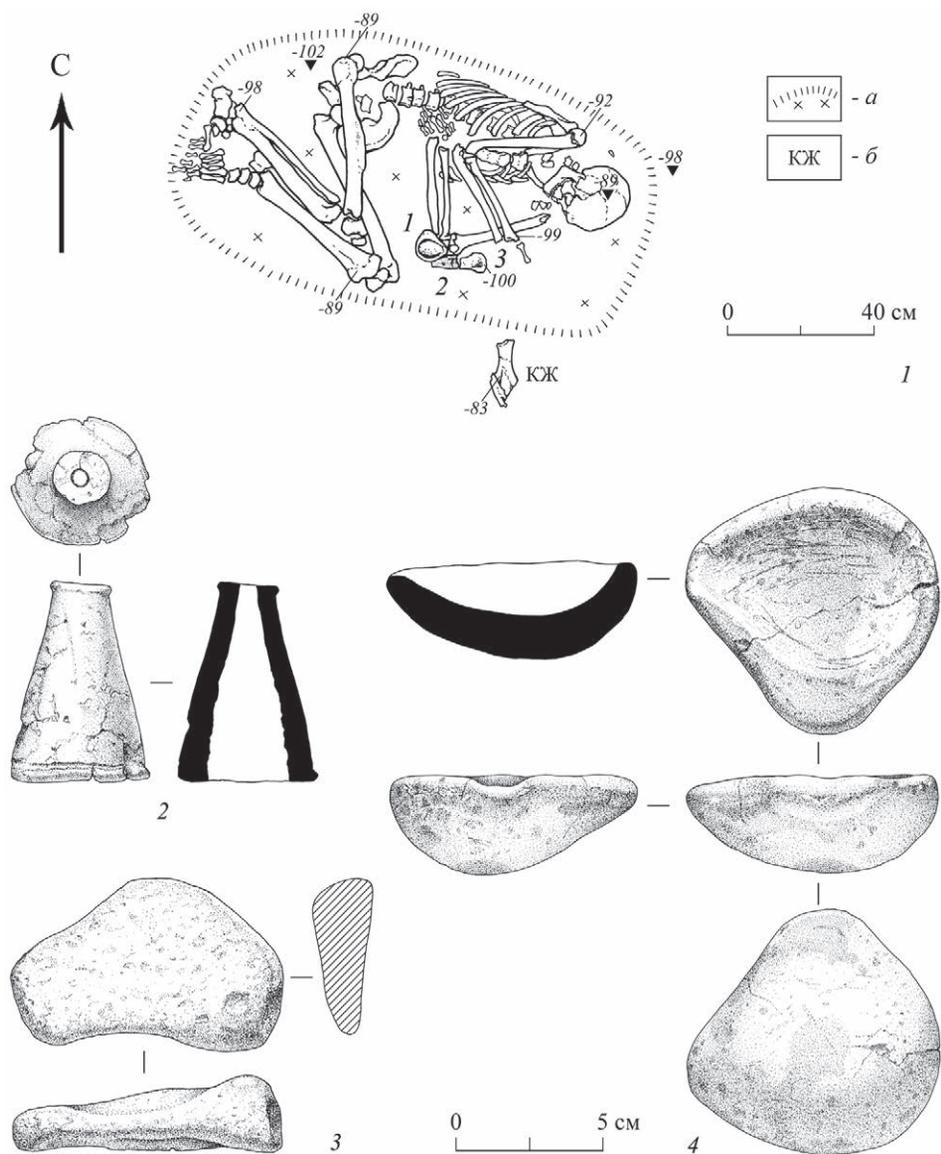

Рис. 2. Погребение Невинномысский-3 6/5. План (1) и погребальный инвентарь (2-4)

1 – план (1 – тигель-лячка; 2 – сопло; 3 – абразив; а – подстилка; б – кость животного);
2 – керамическое сопло; 3 – каменный абразив; 4 – керамический тигель-лячка

Рис. 3. Погребение Невинномыский-3 6/5 после расчистки

1 – общий вид; 2 – погребальный инвентарь, вид с юга; 3 – следы перелома и костный нарост на костях правой ноги индивида, вид с юга

следы стачивания. Размеры – $9,2 \times 5,1 \times 2,6$ см. На поверхности абразива и тигля-льяхки имеются пятна в виде капель и брызг от темно-коричневого вещества (жидкости?).

Археологический анализ комплекса

Культурная атрибуция погребения затруднений не вызывает. Оно относится к лолинской культуре, одному из наиболее крупных посткатакомбных образований², появившихся на юге Восточной Европы в финале эпохи средней бронзы на основе долгое время существовавших там и одновременно распавшихся катакомбных культур.

Основой формирования лолинской культуры выступила восточноманычская катакомбная культура. Многие традиции, свойственные последней, нашли свое продолжение в лолинской культуре. В том числе и традиция помещения в погребения профессиональных оружейных наборов. Центром формирования лолинской культуры стала долина Восточного Маныча, основной ареал охватил

² На сегодняшний день к ним, помимо лолинской культуры, можно отнести днепро-прутскую, днепо-донскую и доно-волжские бабинские культуры, а также кубанскую, архонскую и волго-уральскую культурные группы (*Мимоход*, 2016).

территорию Северо-Западного Прикаспия и север степной части Центрального Предкавказья. На различных этапах существования культуры границы ареала менялись. Существуют археологические свидетельства дальних проникновений носителей ранней долинской культуры за пределы основной концентрации памятников. Культура разделяется на три этапа, ее хронологические рамки по серии калиброванных радиоуглеродных данных устанавливаются в пределах XXII–XVIII вв. до н. э. (*Мимоход*, 2013. С. 339–442).

По совокупности признаков обряда погребения Невинномысский-3 6/5 следует отнести ко второму, развитому этапу культуры. Не противоречит этому и радиоуглеродная дата³, полученная по кости индивида методом AMS в Центре археометрии Курта Энгельхорна в г. Мангейме (Германия): MAMS-29812 BP 3631 ± 22. Ее калиброванное значение: BC cal (1σ) 2025-1962, BC cal (2σ) 2116–1925.

Представленные в погребении орудия служили для отливки и последующей первичной холодной обработки изделий. Орудиями для тепловой обработки металла являлись сопло, использовавшееся в качестве насадки для регулирования струи подаваемого из меха воздуха, и тигель-лялька – приспособление для плавки и разливки расплавленного металла. Для следующей за литьем технологической операции – первичной обработки и последующей правки отлитых изделий – использовался абразивный камень. Представленный набор далеко не в полной мере отражает весь технологический процесс изготовления металлических орудий. Однако данный факт не является необычным или исключительным случаем, поскольку погребальные наборы литейных инструментов эпохи средней бронзы не идентичны по составу и чаще встречаются в «усеченном» виде. Для долинской культуры эта неполнота даже более естественна, поскольку уже на раннем этапе существования культуры ей была присуща обедненность погребального комплекса, которая в дальнейшем только усиливалась. Никакого принципиального своеобразия ни сам набор, ни составляющие его инструменты не имеют (*Бочкарёв*, 1978; *Державин*, *Тихонов*, 1981; *Кубышев*, *Нечитайло*, 1991; *Шилов*, 1959; и др.).

Назначение находимых в погребальных комплексах эпохи бронзы предметов, в том числе и наборов орудий, в последнее время активно дискутируется. Вопреки безапелляционному первоначальному мнению об их утилитарном предназначении и отражении погребальным инвентарем трудовой деятельности древних людей, стало очевидным, что сопровождавший умерших орудийный набор в ряде случаев отличался от окружавших их при жизни предметов. Более того, ряд исследователей считают, что в первую очередь необходимо учитывать ритуальные причины появления орудий в могилах, а возможности использования этих орудий «вне ситуации ритуала должны стать предметом обсуждения» (*Андреева*, 2014. С. 112). Коснулись подобные рассуждения и литейных наборов.

Факт практического применения обнаруженных в погребении Невинномысский-3 6/5 предметов в производстве металлических изделий очевиден. На это,

³ Радиоуглеродное датирование и часть палеоантропологических исследований данного комплекса проведены в рамках международного междисциплинарного биоархеологического проекта BIOARCCAUCASUS.

прежде всего, указывают следы использования на всех орудиях, причем визуально соответствующие их прямому предназначению: теплового воздействия на обоих керамических изделиях, очистки тигеля-ляльки и стачивания на абразиве⁴. А вот вопрос непосредственного участия в литейном производстве захороненного с ними индивида не столь очевиден, и найти на него ответ может помочь исследование костных останков покойного.

В лолинской среде для производства орудий использовалась мышьяковая бронза. Это подтверждается довольно значительной серией спектральных анализов изготовленных на медной основе орудий, обнаруженных в лолинских захоронениях и погребениях культурных групп круга Лолы. Мышьяк в меди определен на уровне 0,98–9,41 % (*Гак, Мимоход, 2009; Мимоход, 2013. С. 87, 88, 434*). Таким образом, если в сферу профессиональной деятельности покойного входило литье, то легко испаряющийся при литье и даже ковке мышьяк, а также медь должны были попадать в организм человека и в результате продолжительной трудовой деятельности накапливаться в костной ткани, являясь, таким образом, индикатором активного взаимодействия человека с указанными химическими элементами.

С целью проверки наличия и уровня концентрации тяжелых металлов⁵, а также для понимания уровня мобильности индивида на протяжении жизни были проведены химический и изотопный анализы его костной ткани и эмали зубов. Кроме этого, были выявлены и изучены маркёры физической активности, физиологического стресса и травм, которые также могут помочь в реконструкции жизнедеятельности погребенного.

Палеоантропологические исследования⁶

Определение пола и возраста погребенного базировалось на данных, полученных при комплексном исследовании черепа и посткраниальной части скелета, методиками, принятыми в отечественной и зарубежной антропологии (*Алексеев, Дебц, 1964; Алексеев, 1966; Бужилова, 1995; Standards for data..., 1994; Brothwell, 1981; Brooks, Suchey, 1990; Meindl, Lovejoy, 1989*). Osteометрическое исследование проводилось по классической для отечественной антропологии программе, по методикам Р. Мартина (R. Martin) в обработке В. П. Алексеева (*Алексеев, 1966*); применялась разработанная А. П. Бужиловой методика палеопатологического анализа костного материала (*Бужилова, 1998*). Рентгенологические исследования

⁴ Судя по характерным следам, среди прочих предметов на абразиве могли обрабатывать и править длинные плоские орудия типа ножей.

⁵ И медь (металл), и мышьяк (полуметалл) в соответствии с большинством существующих на сегодняшний день определений тяжелых металлов, основывающихся не только на их свойствах, но и на степени вредного воздействия на окружающую среду и живые организмы, входят в данную категорию.

⁶ Палеоантропологические исследования частично выполнены при поддержке гранта РНФ №14-50-00029.

проведены на базе НИИ и Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова на микрофокусном рентгенологическом аппарате ПРДУ-02.

В результате исследований было установлено, что костные останки принадлежали мужчине 35–45 лет. Сохранность черепа и скелета хорошая: отсутствуют лишь части позвоночного столба, ребер и мелкие фрагменты черепа.

На черепе отмечены следы сильных воспалительных процессов лобной пазухи и верхнечелюстного синуса справа (слева кость не сохранилась), что свидетельствует о хроническом характере воспаления в синусах черепа. Практически на всех зубах имеется зубной камень, особенно развитый на лингвальной стороне моляров, что, возможно, указывает на наличие вязкой пищи в рационе погребенного. На сохранившихся молярах, премолярах и даже клыках прослеживаются интерпроксимальные бороздки – следы от возвратно-поступательных движений «зубочистки» в межзубном пространстве. Зафиксирован прижизненный перелом одного корня верхнего первого премоляра слева, а также следы воспалительного процесса на месте альвеолы медиального верхнего резца справа, возможно являющегося следствием инфекции или травмы.

На сохранившихся элементах позвоночника отмечено сращение тел двух последних шейных позвонков, суставная щель между которыми в результате анкилоза почти закрылась. У индивида зафиксирован заживший перелом ребра. Кроме него имеется заживший перелом дистальной части диафиза второй пястной кости левой руки, наблюдаются изгиб ее диафиза в сторону ладонной поверхности и некоторая деформация головки. В современной медицине подобные субкапитальные переломы фиксируются при ударе сжатой в кулак рукой по твердой поверхности.

Кости правой ноги также демонстрируют последствия травматического инцидента (рис. 3: 3). На правой бедренной кости в переднелатеральной части диафиза отмечен мощный костный нарост, вытянутый вдоль продольной оси кости (размеры – 138 × 35 мм, толщина – около 15 мм). На задней поверхности диафиза кости, где нарост отсутствует, поверхность гладкая, без следов перелома. Одними из наиболее вероятных причин возникновения данного образования являются оссификация обширной гематомы или миозит с последующей оссификацией части мышечной ткани. Рентгенологическое исследование нароста показало плотное структурированное костное образование с определенной направленностью внутреннего строения, что говорит в пользу миозита. Наиболее вероятно, что данное образование – это результат оссификации *M. femoris rectus* – прямой мышцы бедра. *M. femoris rectus* отвечает за поднятие ноги вверх и разгибание ее в колене, но скорее всего из-за этой патологии движение ноги в колене не было значительно ограничено.

Помимо воспалительного процесса с последующей оссификацией на бедренной кости у индивида отмечен хорошо заживший двухлодыжечный перелом правой ноги. Ось перелома идет по диагонали от медиальной части лодыжки большеберцовой кости вниз, к дистальному эпифизу малоберцовой кости. Большая и малые берцовые кости в месте перелома (в дистальной части конечности) срослись между собой. Значительного укорочения конечности, как и признаков осложнений или сильного воспалительного процесса, вызванного травмой, не выявлено.

Исследование посткраниального скелета показало также значительное развитие мест прикрепления мускулатуры на длинных костях конечностей, что предполагает мощно выраженную мускульную активность. На костях верхних конечностей эти признаки появляются сильнее слева.

Исследование состояния суставных поверхностей выявило артроз в области локтевых суставов (сильнее выражен слева), артроз мелких суставных поверхностей левой кисти (возможно, связан с травмой пястной кости) и голеностопных суставов, более явный справа, в области перелома.

Результаты исследования химического состава костей

С целью определения возможного активного прижизненного взаимодействия изучаемого индивида с металлами, в частности с медью, были проведены исследования качественного и количественного химического состава минеральной части костной ткани двух участков скелета – медиальных фаланг кисти и стопы. Анализ костной ткани был проведен в лаборатории ИПЭЭ им. А. Н. Северцова на TXRF-анализаторе S2 PICOFOX (Bruker) Л. А. Пельгуновой. Ею же был осуществлен количественный анализ концентрации металлов в костях.

Количественный анализ химического состава минеральной части костной ткани фаланг кисти (образец 1) и стопы (образец 2) выявил:

- 1) устойчивые величины присутствия меди в обоих образцах;
- 2) устойчивое присутствие свинца в обоих образцах;
- 3) присутствие в крайне малом количестве мышьяка в кости кисти;
- 4) наличие «следовых» количеств ртути в костной ткани стопы (табл. 1).

Таблица 1. Концентрации некоторых химических элементов в костной ткани стопы и кисти индивида из погребения Невинномысский-3 6/5 (мг/кг воздушно-сухой массы)

№	Образец	Cu	As	Pb	Hg
1	медиальная фаланга кисти	16,5	1,75	2,11	ниже чувствительности метода
2	медиальная фаланга стопы	17,9	ниже чувствительности метода	3,75	0,835

К полученной индивидуальной характеристике присутствия тяжелых металлов в костной ткани мастера-литейщика следует относиться с осторожностью. Для однозначных выводов о причинах появления металлов необходимо провести дополнительные исследования и сопоставления, в первую очередь, химического состава костной ткани индивидов из хронологически близких, однокультурных ему погребений из кургана 6 могильника Невинномысский-3. Но уже сейчас очевиден тот факт, что относительное содержание меди в костях исследуемого индивида сопоставимо с величинами, которые были определены у «кузнеца» (индивида № 8) из Пепкинского кургана (Добровольская, Медникова, 2011. С. 149) и у литейщика из Першина на Южном Урале (Добровольская, 2005. С. 183).

Практически «следовые» концентрации ртути и мышьяка, с одной стороны, не могут не обращать на себя внимание, особенно с учетом использования в лолинской среде для производства орудий мышьяковой бронзы, но, с другой стороны, призывают к осторожности в интерпретациях и необходимости накопления дополнительных данных.

Результаты изотопного анализа

Аналитические работы проводились Е. С. Богомоловым в Центре изотопных исследований ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского.

Для выяснения мобильности индивида на протяжении жизни было определено соотношение $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в образцах из первого верхнего моляра, третьего верхнего моляра и ребра. Поскольку эмаль коронки первого моляра верхней челюсти формируется к пяти годам (в среднем), эмаль коронки третьего моляра – к 13–15 годам, а костная ткань ребра отражает «статус» человека за последние несколько лет жизни, полученные нами результаты позволяют судить о величине соотношения изотопов в организме изучаемого индивида в трех временных срезах онтогенеза – от детского возраста к взрослому состоянию (табл. 2).

Таблица 2. Изотопный состав стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в образцах скелетных тканей индивида из погребения Невинномысский-3 6/5

№	Образец	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$
1	1-й верхний моляр	0,709871 ± 30
2	3-й верхний моляр	0,709435 ± 8
3	ребро	0,709447 ± 8

В целом показатели демонстрируют стабильность. Различия проявляются на уровне четвертого знака после запятой. Насколько это значимо? Полученные нами данные для индивидов из относительно обширного окружающего района, в частности – из могильников степного Прикубанья Пластуновский, Олений-1, Малаи-1, Лебеди-1, демонстрируют изменчивость в рамках 0,709418 ± 7–0,709571 ± 10, что идентично величинам изотопного соотношения во втором и третьем образцах мастера-литейщика из Невинномысского-3. Индивид из погребения Катусвина Кривица (Новороссийск) характеризуется величиной 0,709147 ± 13. Близки к величине изотопного соотношения в первом моляре исследуемого нами индивида данные, полученные для первого моляра женщины из группового захоронения майкопской культуры в могильнике Синюха (курган 1, погребение 12) близ современного г. Майкопа (*Шишлина и др.*, 2015. С. 267). Авторы указанной публикации приводят также сведения о вариациях стронциевого показателя на побережье Северо-Западного Кавказа в рамках от 0,7074 (Абрау-Дюрсо) до 0,7089 (Таманский полуостров). Для равнинно-предгорной зоны ими выявлены границы от 0,7075 до 0,7087, а для горных районов – от 0,7093 до 0,7099. На территории Восточного Кавказа, в частности

Дагестана, соотношения изотопов стронция более низкие и соответствуют границам 0,7080–0,7085 (*Шишлина и др.*, 2016. С. 36).

Таким образом, можно предполагать, что исследуемый индивид из Невинномысского-3 не совершал значительных переселений на протяжении жизни. Несколько более высокие показатели соотношения для эмали первого моляра могут быть интерпретированы как результат того, что раннее детство индивида могло проходить в несколько иных условиях. «Претендентами» на место, где прошло детство мастера-литейщика, могут быть районы кавказских равнин и предгорий. Однако достоверность реконструкции этой ранней «детской» миграции также требует дополнительных проверок.

Заключение

Погребенного в курганном могильнике Невинномысский-3 можно охарактеризовать как зрелого мужчину с хорошо развитой мускулатурой, выполнявшего требующую значительной мышечной силы работу с дополнительной нагрузкой на верхние конечности. Травмы верхней челюсти, заживший перелом ребра и субкапитальный перелом пястной кости второго луча левой руки, называемые в современной медицине переломами «боксера» или «скандалиста», свидетельствуют о внутригрупповых столкновениях, не носящих фатального характера. Более выраженное развитие мышц левой руки, а также перелом «боксера» на левой кисти характеризуют индивида как левшу. Травма правой ноги может быть связана с повседневной активностью индивида. Следует отметить незначительные осложнения двухлодыжечного перелома, что косвенно свидетельствует о квалифицированной медицинской помощи, оказанной пострадавшему.

К настоящему моменту среди всех описанных археологами погребений литейщиков эпохи бронзы лишь несколько были изучены с применением комплекса методов археологии, антропологии и изотопных исследований. Таковы погребения мальчика-подростка 11–12,5 лет из курганного могильника Першино (Каргалы), связанного с древнеямной общностью и датированного III тыс. до н. э. (раскопки Е. Н. Черных) (*Черных и др.*, 2005. С. 31–33); молодого мужчины 20–24 лет абашевской культуры, погребенного в Пепкинском кургане в Поволжье, датированное II тыс. до н. э. (раскопки А. Х. Халикова) (*Добровольская, Медникова*, 2011); мужчины 32–35 лет кротовской культуры из могильника Сопка-2 в Новосибирской области (*Молодин*, 1983), комплексный анализ которого на фоне еще нескольких индивидов из того же могильника был проведен группой исследователей (*Чикишева и др.*, 2006).

Всех исследованных литейщиков объединяет, в первую очередь, содержащий литейные принадлежности погребальный инвентарь; все они молодые мужчины, за исключением не достигшего этой возрастной категории мальчика-подростка из Першино; с мощным развитием мускулатуры, в особенности предплечья и кисти. Нередко фиксируются признаки элеваторной нагрузки на позвоночник (*Бужилова*, 2005. С. 166), переломы/травмы дистальных отделов конечностей (*Бужилова и др.*, 2006) и разрастания или оссификации мяг-

ких тканей в области пояса нижних конечностей и проксимального отдела ноги (Добровольская, Медникова, 2011). Данные микроэлементного анализа всех мастеров-литейщиков показывают как завышение уровня меди в целом по сравнению с другими индивидами в группе, так и локальное накопление элементов меди в костях верхних конечностей металлургов (Добровольская, 2005; Добровольская, Медникова, 2011).

Погребальный комплекс Невинномысский-3 6/5, включающий в себя плавленно-литейный инструментарий, в совокупности с выявленными ранее особенностями металлического инвентаря из погребений лолинской культуры (Гак, Мимоход, 2007. С. 92, 93) является веским доказательством существования у лолинских племен собственного металлопроизводства. Инструменты до помещения в могилу использовались в практических целях в литейном производстве и с высокой долей вероятности отражали прижизненную деятельность индивида в качестве мастера-литейщика. Полученные данные о соотношении изотопов стронция указывают на отсутствие длительных или регулярных эпизодов перемещения индивида на значительные расстояния.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 249 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Андреева М. В., 2014. Восточноманьчжская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус. 272 с.
- Бочкарёв В. С., 1978. Погребения литейщиков эпохи бронзы // Проблемы археологии. Вып. II: Сб. ст. в память проф. М. И. Артамонова. Л.: ЛГУ. С. 48–53.
- Бужилова А. П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М.: ИА РАН. 167 с.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад. С. 87–146.
- Бужилова А. П., 2005. Анализ двигательной активности и реконструкция профессиональной деятельности // Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 166–170.
- Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б., 2006. К проблеме реконструкции социальных взаимоотношений населения Барабинской степи (анализ травм и повреждений по антропологическим материалам серии Сопка 2) // АЭАЕ. № 3 (27). С. 148–156.
- Гак Е. И., Мимоход Р. А., 2007. Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: мат-лы Междунар. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе» / Сост. О. М. Давудов. Махачкала: Эпоха. С. 89–94.
- Гак Е. И., Мимоход Р. А., 2009. Металл изделий посткатакомбных памятников степного Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 66–68.
- Державин В. Л., Тихонов Б. Г., 1981. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. № 3. С. 252–258.
- Добровольская М. В., 2005. Химический состав минеральной части скелета // Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 177–184.
- Добровольская М. В., Медникова М. Б., 2011. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // АЭАЕ. № 2 (46). С. 143–156.

- Кубышев А. И., Нечитайло А. Л.*, 1991. Центры металлообрабатывающего производства Азово-Черноморской зоны (к постановке проблемы) // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Источники, проблемы, исследования. Киев: Респ. ассоц. молодых ученых и специалистов АН Украины. С. 5–21.
- Мимоход Р. А.*, 2013. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН. 568 с. (Мат-лы охранных археологических иссл.; т. 16.)
- Мимоход Р. А.*, 2016. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный: Чеченский гос. ун-т. С. 45–48.
- Молодин В. И.*, 1983. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири: межвуз. сб. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 96–109.
- Мячин С. В.*, 2013. Отчет. Охранно-спасательные раскопки курганных могильников «Тоннельный-4», «Тоннельный-5», «Тоннельный-7», «Невинномысский-4», «Невинномысский-3», «Невинномысский-2», «Невинномысский-1», «Надзорный-1» в Кочубеевском районе Ставропольского края в 2012 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 40853–40858.
- Черных Е. Н., Лебедева Е. Ю., Кузьминых С. В., Луньков В. Ю.*, 2005. Першинский некрополь: курган № 1 // Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 21–47.
- Чикишева Т. А., Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б.*, 2006. Методические подходы для реконструкции процессов адаптации (на примере населения кротовской культуры) // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. Т. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 391–393.
- Шилов В. П.*, 1959. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работы Сталинградской археологической экспедиции) / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: АН СССР. С. 11–38. (МИА; № 60.)
- Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., Идрисов И. А., Азаров Е. С.*, 2016. Вариации изотопного состава стронция в образцах современных улиток Восточной части Кавказа // Аридные экосистемы. Т. 22, № 2 (67). С. 32–40.
- Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., Эрлих В. Р., Ковалёв Д. С., Ван дер Плихт Й.*, 2015. Погребение майкопской культуры из могильника Синюха: результаты изотопного исследования // КСИА. Вып. 238. С. 262–276.
- Brooks S., Suchey J. M.*, 1990. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsadi-Nemeskeri and Suchey-Brooks methods // Human Evolution. Vol. 5. Iss. 3. P. 227–238.
- Brothwell D. R.*, 1981. Digging up bones: the excavation, treatment, and study of human skeletal remains. Ithaca: Cornell University Press. 208 p.
- Meindl R. S., Lovejoy C. O.*, 1989. Age changes in the pelvis: implications for paleodemography // Age markers in the human skeleton / Ed. M. Y. Işcan. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas. P. 137–168.
- Standards for data collection from human skeletal remains / Eds: J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey, 1994. 206 p. (Arkansas Archeological Survey Research Series; no. 44.)

Сведения об авторах

Калмыков Алексей Анатольевич, ООО «Наследие», ул. Орджоникидзе, 75, Ставрополь, 355008, Россия; e-mail: kalmykov_a_a@mail.ru;

Березина Наталия Яковлевна, НИИ и Музей антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия; e-mail: berezina.natalia@gmail.com;

Добровольская Мария Всеволодовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mk_pa@mail.ru;

Грески Юлия, Германский археологический институт, Im Dol 2-6, Haus 2 und 4, Берлин, 14195, Германия; e-mail: julia.gresky@dainst.de;

Бужилова Александра Петровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: albu_pa@mail.ru

A. A. Kalmykov, N. Ya. Berezina, M. V. Dobrovol'skaya,
Yu. Greski, A. P. Buzhilova

THE BURIAL OF A LOLA SMELTER IN THE STAVROPOL' REGION

Abstract. This paper presents the publication and comprehensive analysis of a smelter's grave attributed to the Lola culture of the Middle Bronze Age discovered in the steppe zone of the Central Fore-Caucasus in 2012 not far from the confluence of the Bolshoy Zelenchuk and the Kuban' Rivers (fig. 1). The radiocarbon dates put this burial around the transition period from the 1st to the 2nd millennia BC. It revealed a set of tools for metal working such as a ceramic crucible/clay ladle as well as a stone abrasive (fig. 2, 2–4; 3, 2). Before the tools were placed into the grave, they had been used for intended purposes. Bone remains of the deceased person were studied with the use of anthropological standards and bioarchaeological approaches. It helped reconstruct specific features of the physical development of the deceased person, his health conditions, his lifestyle and, drawing on analogies, confirm that his life activity was related to metal working.

Keywords: Fore-Caucasus, Stavropol Region, Middle Bronze Age, Lola culture, smelter, metal working, bioarchaeology, injuries, breaks, stable isotopic analysis, chemical composition of bones.

REFERECES

- Alekseev V. P., 1966. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry. Methodics of anthropological investigations]. Moscow: Nauka. 251 p.
- Alekseev V. P., Debets G. F., 1964. Kranimetriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranimetry. Methodics of anthropological investigations]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Andreeva M. V., 2014. Vostochnomanychskaya katakombnaya kul'tura: analiz materialov pogrebal'nykh pamyatnikov [East Manych catacomb culture: analysis of burial sites]. Moscow: Taus. 272 p.
- Bochkaryov V. S., 1978. Pogrebeniya liteyshchikov epokhi bronzy [Burials of Bronze Age casters]. *Problemy arkheologii [Problems of archaeology], II. Sbornik statey v pamyat' professora M. I. Artamonova [Collection of articles in memory of Professor M. I. Artamonov]*. Leningrad: Leningradskiy gos. universitet, pp. 48–53.
- Brooks S., Suchey J. M., 1990. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsadi-Nemeskeri and Suchey-Brooks methods. *Human Evolution*, vol. 5, iss. 3, pp. 227–238.
- Brothwell D. R., 1981. Digging up bones: the excavation, treatment, and study of human skeletal remains. Ithaca: Cornell University Press. 208 p.
- Buzhilova A. P., 1995. Drevnee naselenie: paleopatologicheskie aspekty issledovaniya [Ancient heritage: palaeopathological aspects of research]. Moscow: IA RAN. 167 p.
- Buzhilova A. P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Palaeopathology in bioarchaeological reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical ecology of man. Methods of biological investigations]*. Moscow: Staryy sad, pp. 87–146.
- Buzhilova A. P., 2005. Analiz dvigatel'noy aktivnosti i rekonstruktsiya professional'noy deyatel'nosti [Analysis of motor activity and reconstruction of professional occupation]. *Kargaly [Kargaly], IV*.

- Nekropoli na Kargalakh; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya [Cemeteries at Kargaly; population of Kargaly: palaeoanthropological investigations]*. E. N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 166–170.
- Buzhilova A. P., Dobrovolskaya M. V., Mednikova M. B., 2006. K probleme rekonstruktsii sotsial'nykh vzaimootnosheniy naseleniya Barabinskoy stepi (analiz travm i povrezhdeniy po antropologicheskim materialam serii Sopka 2) [On problem of reconstruction of social interrelations of population of Baraba steppe (analysis of traumas and injuries based on anthropological materials from Sopka 2 series)]. *AEAE*, 3 (27), pp. 148–156.
- Chernykh E. N., Lebedeva E. Yu., Kuzminykh S. V., Lun'kov V. Yu., 2005. Pershinskiy nekropol': kurgan № 1 [Pershino Cemetery: kurgan No. 1]. *Kargaly [Kargaly], IV. Nekropoli na Kargalakh; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya [Cemeteries at Kargaly; population of Kargaly: palaeoanthropological investigations]*. E. N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 21–211.
- Chikisheva T. A., Buzhilova A. P., Dobrovolskaya M. V., Mednikova M. B., 2006. Metodicheskie podkhody dlya rekonstruktsii protsessov adaptatsii (na primere naseleniya krotovskoy kul'tury) [Methodic approaches for reconstruction of adaptation processes (on example of population of Krotovo culture)]. *Sovremennyye problemy arkhologii Rossii: sbornik nauchnykh trudov [Modern problems of archaeology of Russia: collection of scientific works]*, 2. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 391–393.
- Derzhavin V. L., Tikhonov B. G., 1981. Pogrebenie liteyshchika epokhi sredney bronzy na Stavropol'ye [Burial of caster of Middle Bronze Age in Stavropol' region]. *SA*, 3, pp. 252–258.
- Dobrovolskaya M. V., 2005. Khimicheskii sostav mineral'noy chasti skeleta [Chemical composition of mineral part of human skeleton]. *Kargaly [Kargaly], IV. Nekropoli na Kargalakh; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya [Cemeteries at Kargaly; population of Kargaly: palaeoanthropological investigations]*. E. N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 177–184.
- Dobrovolskaya M. V., Mednikova M. B., 2011. «Mednyye lyudi» epokhi bronzy: rekonstruktsiya sostoyaniya zdorov'ya i sotsial'nogo statusa [«Copper peoples» of Bronze Age: reconstruction of health status and social status]. *AEAE*, 2 (46), pp. 143–156.
- Gak E. I., Mimokhod R. A., 2007. Metallokompleks pamyatnikov postkatakombnogo gorizonta Predkavkaz'ya [Metal complex of sites of post-Catacomb horizon in Fore-Caucasus]. *Arkhologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Noveyshie arkhologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze» [Archaeology, ethnology and folklore studies of Caucasus: proceedings of International conference «Newest archaeological and ethnographical investigations in the Caucasus»]*. O. M. Davudov, ed. Makhachkala: Epokha, pp. 89–94.
- Gak E. I., Mimokhod R. A., 2009. Metall izdeliy postkatakombnykh pamyatnikov stepnogo Predkavkaz'ya [Metal of items from post-Catacomb sites of steppe Fore-Caucasus]. *Pyataya Kubanskaya arkhologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [Fifth Kuban' archaeological conference: proceedings of conference]*. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet, pp. 66–68.
- Kubyshev A. I., Nechitaylo A. L., 1991. Tsenry metalloobrabatyvayushchego proizvodstva Azovo-Chernomorskoy zony (k postanovke problemy) [Centers of metalworking production in Azov-Black Sea zone (raising the problem)]. *Katakombnyye kul'tury Severnogo Prichernomor'ya. Istochniki, problemy, issledovaniya [Catacomb cultures of North Pontic zone. ources, problems, investigations]*. Kiev: Respublikanskaya assotsiatsiya molodykh uchenykh i spetsialistov Akademii nauk Ukrainy, pp. 5–21.
- Meindl R. S., Lovejoy C. O., 1989. Age changes in the pelvis: implications for paleodemography. *Age markers in the human skeleton*. M. Y. Işcan, ed. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas, pp. 137–168.
- Mimokhod R. A., 2013. Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka [Lola culture. North-West Caspian region at the turn of middle and late periods of Bronze Age]. Moscow: IA RAN. 568 p. (Materialy okhrannykh arkhologicheskikh issledovaniy, 16.)
- Mimokhod R. A., 2016. Blok postkatakombnykh kul'turnykh obrazovaniy v Vostochnoy Evrope: struktura i sodержanie [Block of post-Catacomb cultural formations in Eastern Europe: structure

- and contents]. *Izuchenie i sokhranenie arkhelogicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Investigation and preservation of archaeological heritage of peoples of Caucasus. XXIX Krupnov readings: proceedings of International scientific conference]*. Groznyy: Chechenskiy gos. universitet, pp. 45–48.
- Molodin V. I., 1983. Pogrebenie liteyshchika iz mogil'nika Sopka-2 [Burial of caster from cemetery Sopka-2]. *Drevnie gornyaki i metallurgi Sibiri: mezhvuzovskiy sbornik [Early miners and metallurgists of Siberia: inter-high school collection of works]*. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 96–109.
- Myachin S. V. Otchet. Okhranno-spatatel'nyye raskopki kurgannykh mogil'nikov «Tonnel'nyy-4», «Tonnel'nyy-5», «Tonnel'nyy-7», «Nevinnomysskiy-4», «Nevinnomysskiy-3», «Nevinnomysskiy-2», «Nevinnomysskiy-1», «Nadzornyy-1» v Kochubeevskom rayone Stavropol'skogo kraya v 2012 godu. Stavropol', 2013 [Report. Protection-rescue excavations of kurgan cemeteries «Tonnel'nyy-4», «Tonnel'nyy-5», «Tonnel'nyy-7», «Nevinnomysskiy-4», «Nevinnomysskiy-3», «Nevinnomysskiy-2», «Nevinnomysskiy-1», «Nadzornyy-1» in Kochubeevskiy district, Stavropol' region in 2012. Stavropol', 2013]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Shilov V. P., 1959. O drevney metallurgii i metalloobrabotke v Nizhnem Povolzh'ye [On ancient metallurgy and metalworking in Lower Volga region]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Itogi raboty Stalingradskoy arkhelogicheskoy ekspeditsii) [Antiquities of Lower Volga region (Results of work of Stalingrad archaeological expedition)]*. E. I. Krupnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 11–38. (MIA, 60.)
- Shishlina N. I., Larionova Yu. O., Erlikh V. R., Kovalev D. S., Van der Plikht Y., 2015. Pogrebenie maykopskoy kul'tury iz mogil'nika Sinyukha: rezul'taty izotopnogo issledovaniya [Maikop grave from the Sinyukha burial ground: results of stable isotope study]. *KSIA*, 238, pp. 262–276.
- Shishlina N. I., Larionova Yu. O., Idrisov I. A., Azarov E. S., 2016. Variatsii izotopnogo sostava strontsiya v obraztsakh sovremennykh ulitok Vostochnoy chasti Kavkaza [Variations of strontium isotope composition in samples of modern snails of eastern part of Caucasus]. *Aridnyye ekosistemy [Arid ecosystems]*, vol. 22, no. 2 (67), pp. 32–40.
- Standards for data collection from human skeletal remains. J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker, eds. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey, 1994. 206 p. (Arkansas Archeological survey research series, 44.)

About the authors

Kalmykov A. A., The Limited Liability Company «Nasledie», ul. Ordzhonikidze, 75, Stavropol, 355008, Russian Federation; e-mail: kalmykov_a_a@mail.ru;

Berezina Nataliya Ya., Research Institute and Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University; ul. Mokhovaya, 11, Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: berezina.natalia@gmail.com;

Dobrovolskaya Mariya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mk_pa@mail.ru;

Greski Yuliya, Deutsche Archäologische Institut, Im Dol 2-6, Haus 2 und 4, Berlin, 14195; Deutschland; e-mail: julia.gresky@dainst.de;

Buzhilova Alexandra P., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: albu_pa@mail.ru

В. И. Козенкова, Р. Х. Мамаев

МОГИЛЬНИК СЕРЖЕНЬ-ЮРТ: НОВЫЕ НАХОДКИ

Резюме. В статье публикуются новые археологические находки из известного могильника Сержень-юрт эпохи бронзы – раннего железного века, относящиеся к восточному варианту кобанской культуры (Е. И. Крупнов, В. И. Козенкова). Материалы добыты в 2014 г. местными специалистами из Отдела охраны памятников Чеченской Республики в результате экстремальных раскопок (эрозионные весенние паводки, сельскохозяйственные работы и т. п.) на территории могильного поля. Материалы X–VIII вв. до н. э. (рис. 1–4) количественно и качественно представляют исключительный интерес (особенно эксклюзивные предметы: бронзовый ажурный браслет (рис. 1: 8) и бронзовый орнаментированный боевой топор (рис. 4: III)) для уточнения общей характеристики памятника. Установлена их типологическая классификация и хронология. В статье подчеркивается необходимость усиления охраны могильника из-за очевидной угрозы разрушения в результате воздействия эрозийного природного и социального факторов.

Ключевые слова: Сержень-юрт, могильник, кобанская культура, типологическая классификация, хронология, угроза разрушения, охрана памятника.

Сержень-юртовский грунтовый могильник восточного варианта кобанской культуры открыт в возвышенной части Шалинского района Чеченской Республики в 1958 г. в результате широкомасштабных работ Северокавказской комплексной археологической экспедиции (СКАЭ) под руководством Е. И. Крупнова. Расположенный на первой предгорной плоской террасе, практически у входа в Веденское ущелье (бассейн р. Хулхулау), памятник был известен местным жителям задолго до прибытия в эти места археологов, поскольку потоки дождевых и весенних вод вымывали с северной стороны откоса террасы древние предметы из могил. В 1958 г. на краю верхней части проселочной дороги, ведущей по склону в лес, Р. М. Мунчаевым был заложен контрольный шурф, в котором было выявлено два плохо сохранившихся погребения с бронзовым инвентарем (Мунчаев, 1961. С. 58, 59. Рис. 18: 2, 3). С 1965 по 1975 г. в данном месте в северной

части террасы были развернуты широкие стационарные раскопки (нач. отряда В. И. Козенкова). В результате были открыты 92 погребения, главным образом X–VIII вв. до н. э., и 4 погребения самого начала VII в. до н. э.; выявлена восточная граница памятника (Козенкова, 2002). Разрозненные находки вещей предполагали в общем 99 могил.

Важное научное значение Сержень-юртовского могильника не только для древней истории Северного Кавказа высоко оценено в среде исследователей раннего железного века и кавказоведов, а также специалистов по кобанской культуре. Уникальные информативные материалы могильника получили европейскую известность (Kozenkova, 1992; 1994) и вызвали большой интерес у зарубежных коллег (Kossack, 1980. S. 131–134; Bouzek, 1984. S. 188, 189; Reinhold, 1997; 2007. S. 182–203). Памятник с давних времен состоит в реестре охраняемых государством объектов.

В 1987 г. на могильнике под руководством С. Л. Дударева были проведены еще одни, экстренные, раскопки по договору с дирекцией кирпичного завода г. Шали по причине якобы угрозы промышленного карьера завода археологическому объекту (Дударев, 2006). Погребальный инвентарь трех могил был опубликован в обобщающей монографии автора раскопок в качестве иллюстраций к тексту (Дударев, 1991. С. 31. Табл. 25–28). Большая часть информации о 13 раскопанных могилах оказалась утраченной (Дударев, 2006. С. 60). Вообще целесообразность этих работ, в особенности их результаты, не может не вызывать вопросов. Изданная через 9 лет публикация материалов могильника не отвечает на наиболее существенные из этих вопросов. Например: почему фактически за три года до «чеченской революции» (по выражению автора публикации), т. е. до 1994 г., не был послан отчет в Полевой комитет Института археологии; было ли поставлено руководство отдела в известность о заключении договора Археологической лабораторией Чечено-Ингушского государственного университета (рук. В. Б. Виноградов) с Шалинским кирпичным заводом. Остаются важные вопросы и по методике раскопок. Например: каково точное расстояние от карьера кирпичного завода до места раскопа; были ли в самом карьере археологические находки, если понадобилось столь неотложное вскрытие поверхности, оставленной на случай применения более совершенной методики изучения объекта в будущем; почему не указано расстояние от западного края площади стационарного раскопа 1975 г. В публикации не приведен даже схематический план расположения этих 13 могил, что было бы важно для дополнительной характеристики могильника; не указана даже глубина погребений от современной поверхности земли.

К сожалению, сведения об утрате информационных данных о могильнике продолжают поступать от местных жителей аула Сержень-юрт. Так, в марте 2014 г. в Центр археологических исследований АН Чеченской Республики поступило сообщение от проживающего в селении Асланбека Ахлудиевича Сайдаева о новых находках в результате обнажения поверхности памятника. Прибывшие на место специалисты из Отдела охраны памятников, в том числе археологи, среди которых был и Рашид Мамаев, один из авторов данной статьи, зафиксировали остатки двух могил. От костяков погребенных сохранилось лишь незначительное количество костного тлена и часть погребального инвентаря. Причем

одно из погребений было нарушено до приезда специалистов местными жителями, извлечены из могилы бронзовый браслет (погр. № 1). Второе (погр. № 2) – было расчищено Мамаевым, в результате чего комплекс погребального инвентаря удалось зафиксировать *in situ*.

Дополнительное расследование ситуации выявления новых материалов показало, что на руках у местных жителей оказались вещи, действительно происходившие из могильника и обнаруженные в результате эрозии поверхности весенними паводками и дождями склона террасы в разное время. Благодаря А. А. Сайдаеву они предоставлены для публикации и ниже приводится их характеристика.

Выявление находок 2014 г. имеет свою историю. По сообщению информатора с показом присланного видео, первоначальное место находки обнаружено по обломкам керамики прямо на полевой дороге, ведущей на террасу, в 25–30 м от ее верхней точки. Дорогу подправляли неоднократно. В частности, сообщалось, что ее «нарезали военные во время войны...», а по следам тракторных гусениц на фото и видео 2014 г. такая «подправка», т. е. разрушение поверхности могильника для сельскохозяйственных нужд, была произведена и в этом году, для чего вокруг был снят значительный слой земли. Конкретно непо потревоженное погребение было выявлено прибывшими археологами вблизи первой зафиксированной могилы № 1 наверху террасы, в 10 м, скорее всего, западнее края дороги, так как с востока находился овраг. При сопоставлении всех этих данных со схематическим планом раскопа 1965–1975 гг. (Козенкова, 2002. Вклейка. Рис. 4; 20) можно достаточно правдоподобно предположить, что новые погребения находились в непосредственной близости от старого раскопа конца 60-х гг. XX в. (квадрат 26 1969 г. с погр. 24, 27, 29, 31, 32), т. е. восточнее XXI семейно-родового участка некрополя (Там же. С. 122, 126. Рис. 20).

Новые находки из Сержень-юртовского могильника составляют три группы. Первая группа (рис. 1) – артефакты, выявленные в результате эрозионного процесса. Вторая (рис. 2) – погребальный инвентарь из могил, разрушенных в результате сельскохозяйственных работ 2014 г. Среди них браслет из погр. № 1. Третья (рис. 3) – комплекс погребального инвентаря в могиле № 2, сохранившейся *in situ*.

Первая группа включает главным образом бронзовые украшения костюма, а также два орудия труда (рис. 1). Особо подчеркнем, что целесообразность их публикации обусловлена тем, что эти предметы происходят не из грабительских раскопок в разных местах окрест селения Сержень-юрт, а непосредственно являются сборами из одного и того же места, т. е. из самого могильника. И хотя как носители информации артефакты ущербны, но, являясь типичными в погребениях, они важны при исследовании для учета общего количества известных типов и вариантов.

1. Скребок, кремневый, овальной формы, сечение в форме двояковыпуклой линзы (рис. 1: 1). Поверхность тщательно покрыта ретушью. Длина – 7,5 см. Относится к I типу (Козенкова, 1982. Табл. V: 5).

2. Фрагмент бронзовой лопастной височной подвески (рис. 1: 2) кольцевидной формы III типа (Там же. Табл. XXIII: 27). Диаметр – около 5 см.

Рис. 1. Сержень-юрт. Отдельные предметы из разрушенных в результате эрозионных процессов могил

1 – скребок; 2, 4, 5 – фрагменты височных подвесок; 3 – очковидная привеска; 6, 7 – спиралевидные височные подвески; 8, 10, 11 – браслеты; 9 – топор-тесло

1 – кремль; 2–11 – бронза

3. Привеска бронзовая, очковидной формы (VI тип, 1 вариант), из тонкой проволоки с завернутыми в разные стороны плоскими волотами диаметром 2,5 см (Козенкова, 1982. Табл. XXIV: 32). Длина – около 5 см.

4, 5. Фрагменты бронзовых лопатных височных подвесок (рис. 1: 4, 5) кольцевидной формы III типа, аналогичных № 2.

6, 7. Височные подвески, бронзовые, из круглой в сечении проволоки диаметром 0,3 см, свернутые в спираль кольцевидной формы в 2,5 оборота (рис. 1: 6, 7). Диаметр кольца – 1,5–2 см, длина – 2 см. Относятся к II типу, 6-му варианту (Там же. Табл. XXIII: 22).

8. Браслет бронзовый, литой, пластинчатый с закругленными концами (рис. 1: 8). На поверхности браслета – прорези овальных очертаний. Размеры: 6,5 × 4,1 см; ширина – 2,7 см. Относится к IV типу (Там же. Табл. XXVII: 9).

9. Топор-тесло, бронзовый, удлиненной трапециевидной формы, с закругленным лезвием, с двумя боковыми уступами в верхней части и овальной пяткой (рис. 1: 9). Отлит в односторчатой литейной форме, в результате чего лицевая сторона тесла выпуклая, а оборотная – плоская. Длина – 15 см, ширина лезвия – 5,5 см, ширина пятки – около 2,5 см. Относится к II типу (Там же. Табл. I: 24).

10. Браслет из бронзового, круглого в сечении дрота диаметром около 1 см (рис. 1: 10). На зауженных обрубленных концах орнамент в виде трех насечек. Диаметр браслета – 7–7,5 см. По очертаниям близок IX типу (Там же. Табл. XXVII: 16).

11. Браслет из бронзового дрота уплощенно-выпуклого в сечении. Концы браслета заужены (рис. 1: 11). Диаметр – 6,6 см. По очертаниям близок к X типу (Там же. Табл. XVIII: 1).

Вторая группа (рис. 2: 1–10) включает отдельные находки из снятого до уровня могил грунта при хозяйственных работах в 2014 г., в результате чего были разрушены погребения. В основном это украшения костюма и единичные предметы вооружения. Лишь в одном случае *in situ* зафиксирована часть упомянутого погр. № 1 с керамикой и браслетом (рис. 2: 9).

1. Фрагменты лопатных бронзовых височных подвесок кольцевидной формы (III тип) из тонко раскованной пластины выпукло-вогнутой формы (рис. 2: 1, 3–5) шириной 1,5 см. Диаметр подвесок – примерно 4,5 см (Там же. Табл. XXIII: 27).

2. Пластинчатый бронзовый литой браслет с тремя выпуклыми параллельными ребрами на лицевой стороне (рис. 2: 6). Тыльная сторона – гладкая. Один конец браслета обрублен, второй – закруглен. Рельефные ребра доходят до самого края концов браслета. Экземпляр относится к III типу, 1-му варианту (Там же. Табл. XXVII: 4). Размеры: 4,2 × 4,8 см, ширина – 2,3 см.

3. Пластинчатый литой бронзовый браслет с тремя выступающими параллельными ребрами на лицевой стороне, создающими рифленую поверхность (рис. 2: 9) из погр. № 1. Близок предыдущему экземпляру. Относится к III типу, 1 варианту (Там же. Табл. XXVII: 4). Размер: 5 × 6,5 см.

4. Два бронзовых литых пластинчатых браслета, украшенных на лицевой стороне, по краям и в центре пластины тремя орнаментальными поясками из выпуклых «перлов». Концы браслетов завершались острыми («рогатыми»)

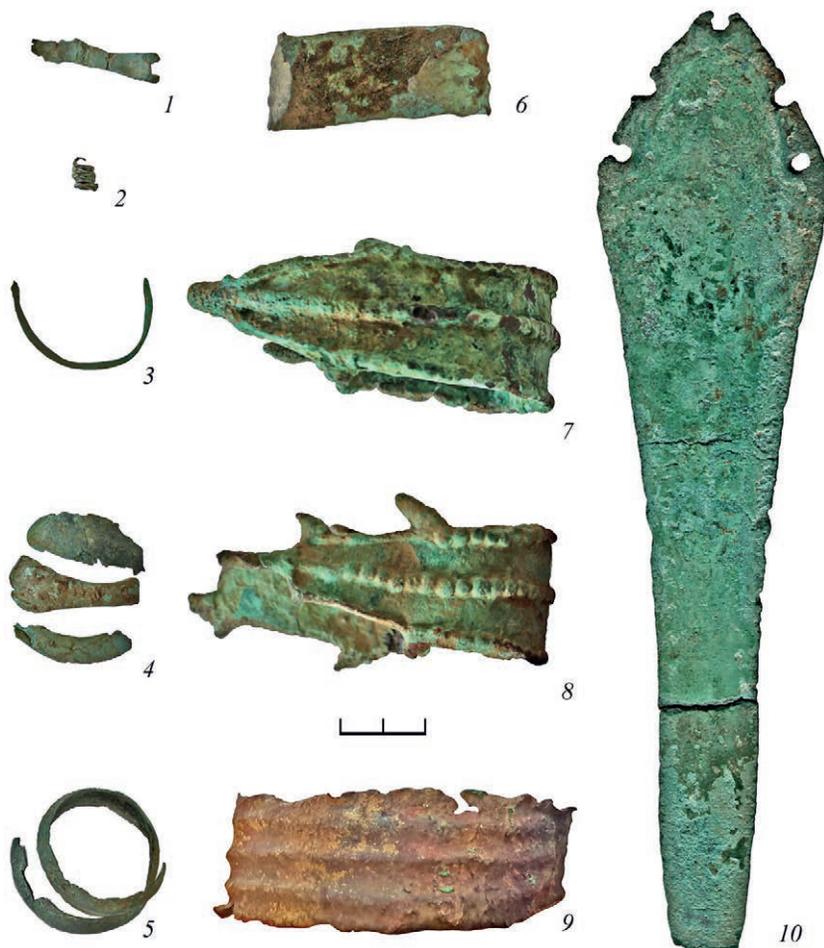

Рис. 2. Сержень-юрт. Отдельные бронзовые предметы из могил, разрушенных в результате сельскохозяйственных работ 2014 г.

1, 3–5 – фрагменты височных подвесок; 2 – фрагмент спирали; 6–8 – браслеты; 9 – погр. № 1 (2014 г.), манжетовидный браслет; 10 – клинок кинжала

отростками, отдаленно напоминая изображения морд животных (рис 2: 7, 8). Относятся к VI типу, 2-му варианту (Козенкова, 1982. Табл. XXVII: 12). Размеры: 5,5×7 см; ширина пластины в центре – 3,5 см.

5. Бронзовый литой кинжал без рукояти. Клинок вытянуто-треугольной формы, с обоюдоострыми лезвиями, с поперечным сечением в форме удлиненной двояко-выпуклой линзы (рис. 2: 10). На верхнем, расширенном и слегка заостренном краю 5 сквозных отверстий для прикрепления, скорее всего, деревянной рукояти. След окислов указывает на перекрестие дуговидной формы, отпечатавшееся на верхней части клинка. Хотя экземпляр поврежден, его длина

определяется достаточно точно в пределах 18 см. Типологически клинок относится к I группе, I типу, 1-му варианту (Козенкова, 1982. Табл. XIV: 1–4).

Третья группа (рис. 3) включает предметы погребального инвентаря из частично сохранившейся могилы № 2 (2014 г.).

Из-за особых природных условий, тяжелой глинистой породы, от скелета сохранился лишь костный тлен в виде кусочков черепа и косточек запястья рук внутри браслетов (рис. 4: II). По непотревоженному расположению вещей можно предполагать, что покойник был положен в типичной для захороненных в могильнике позе, головой на юго-восток. В области черепа лежали в растянутом, слегка изогнутом виде, параллельно друг другу две тонкие длинные спирали, как бы украшение головного убора и шеи. Северо-западнее от головных украшений, на небольшом расстоянии по прямой от них, находились два плотно прижатых друг к другу браслета с косточками рук внутри. Северо-восточнее остатков черепа, вблизи спиралей, как бы за спиной покойника, располагались наконечник копья и топор. В проушине овальной формы сохранились остатки деревянной рукояти. От оружия по линии СЗ – ЮВ до браслетов, т. е. до остатков рук, тянулся ряд из 24 тонких, плотно прилежавших друг к другу круглых блях. Они, видимо, были украшением перевязи-портупей, снятой и уложенной поверх тела захороненного. Общая, близкая друг к другу, дистанция вещей и их расположение (рис. 4: II) позволяют предполагать, что захоронение произведено скорченно, на левом боку, с руками перед корпусом. Остановимся подробнее на погребальном инвентаре.

1. Бронзовый литой топор с дважды изогнутым корпусом и широким закругленным лезвием со следами длительного использования (рис. 3: I). Конец обуха имел округлую, выделенную пятку. Проушина овальная, близко расположена к концу обуха. Боковые грани обуха – с тремя литыми, рельефными продольными полосами. На одной из широких сторон лезвия, у самой шейки, две параллельных насечки. Топор с обеих сторон украшен гравированным орнаментом (рис. 4: III). Декор на каждой стороне отличается. На спинке топора он состоит из двух, ползущих от конца лезвия к краю обуха, растянутых змей со стреловидными головами. На нижней боковой грани змей сопровождают по две рыбы. Тело рыб покрыто параллельными рядами точек, нанесенных чеканом. Узор, возможно, изображает чешую. След чекана виден и на изображениях змей на нижней боковой грани предмета. Топор относится к I отделу, I типу (Там же. Табл. XVI: I). Длина – 16,4 см.

2. Бронзовый литой наконечник копья (рис. 3: 2). Перо двулопастное, остролистное, с закругленными очертаниями в нижней части. В сечении ребро на пере дуговидное. Втулка цельнолитая, слабо коническая, почти цилиндрическая, с двумя отверстиями внизу для прикрепления древка. Наконечник относится к II отделу, I типу (Козенкова, 1982. Табл. XII: 10, 11). Длина – 19,4 см.

Рис. 3. Сержень-юрт. Погребальный комплекс из могилы № 2 (2014 г.).

Изделия из бронзы

1 – орнаментированный топор кобанского типа; 2 – наконечник копья; 3 – спираль головного украшения; 4 – спиралевидная височная подвеска; 5, 6 – браслеты; 7–24 – бляхи перевязи-портупей

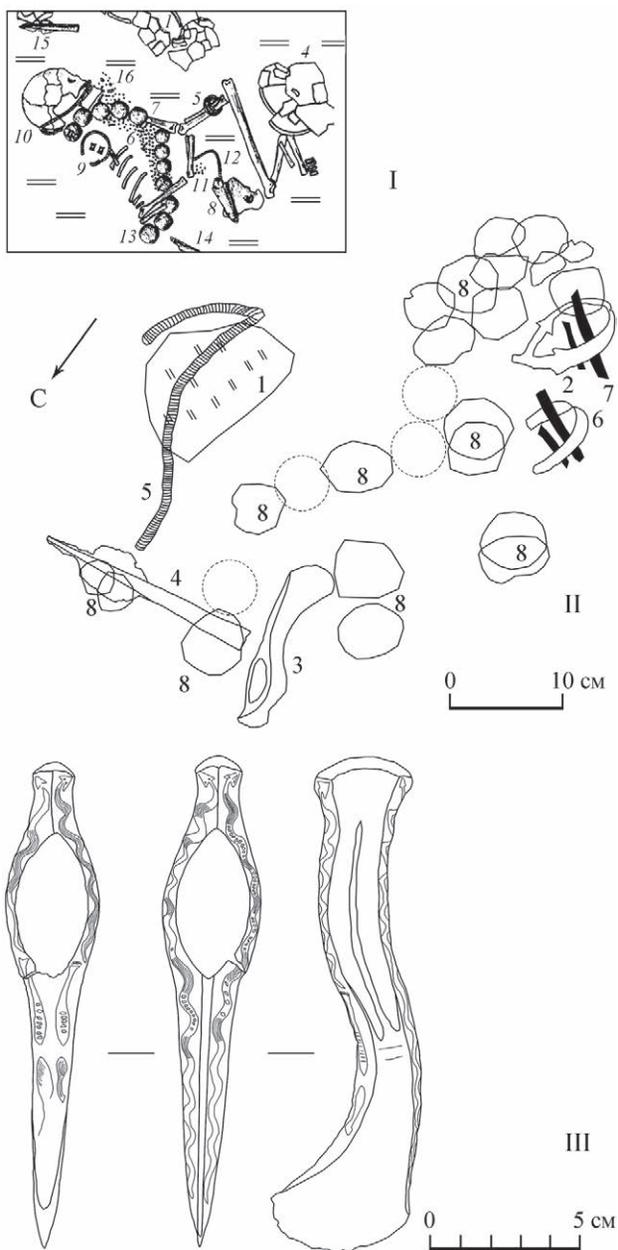

Рис. 4. Сержень-юртовский могильник. Сопоставление погребений разных лет

I – погр. № 24 (раскопки 1969 г.), план. Воин с перевязью-портупеей из бронзовых блях

II – погр. № 2 (2014 г.), план: *1* – тлен от костей черепа; *2* – фрагменты костей рук внутри браслетов; *3* – топор; *4* – наконечник копья; *5* – тонкая спираль головного украшения; *6*, *7* – браслеты; *8* – бляхи перевязи-портупеей

III – прорисовка орнамента на топоре из погр. № 2 (2014 г.)

3. Фрагмент длинной тонкой спирали из бронзовой плотно свернутой проволоки (рис. 3: 3). Относится к головному украшению. Диаметр спирали – 0,7–0,8 см.

4. Бронзовая височная подвеска из круглой в сечении проволоки, закрученной в 1,5 оборота (рис. 3: 4). Относится к II типу, 8-му варианту (Козенкова, 1982. Табл. XXIII: 25). Диаметр – 2 см.

5. Бронзовый литой пластинчатый браслет, декорированный на лицевой стороне, по краям и в центре, четырьмя поясками из выпуклых «перлов» (рис. 3: 5). Концы браслета оформлены острыми («рогатыми») отростками и шишечками, в целом напоминающая морды животных. Обратная сторона гладкая. Относится к VI типу, 1-му варианту (Там же. Табл. XXVII: 13). Размеры: 5,6 × 7 см; ширина пластины в центре – 3,5 см.

6. Бронзовый литой пластинчатый («манжетовидный») браслет (рис. 3: 6) с 5 рельефными продольными ребрами на лицевой стороне. Один конец браслета закруглен, второй – обрублен. Обратная сторона гладкая. По классификации близок 3-му варианту III типа (Там же. Табл. XXVII: 8). Размеры: 5 × 6,5 см, ширина в центре 3 см.

7. Дисквидные выпукло-вогнутые бляхи из тонкого бронзового листа с двумя отверстиями для крепления по краям (рис. 3: 7–24). Использовались для создания орнаментального ряда на широком поясе или на перевязи-портупее. Предметы относятся к I типу (Там же. Табл. XXXII: 6, 8). Диаметр – 6 см. Большинство экземпляров фрагментировано.

Публикуемые яркие материалы, несмотря на их отрывочный характер, несомненно, вносят новые штрихи в характеристику Сержень-юртовского могильника. Особо отметим редкое для материалов из поселения Сержень-юрт I и погребального инвентаря могильника тесло-топор II типа из *группы 1* (рис. 1: 9). Всего еще один такой экземпляр происходит из слоя XI – начала VII в. до н. э. одноименного поселения (Козенкова, 2001. С. 79. Рис. 84: 19). Близкие тесла-топоры входили в комплексы могил № 26 и 37 (Козенкова, 2002. Табл. 17: 6; 24: 1). Кроме особого морфологического сходства публикуемой новой находки с экземпляром из погр. № 26, важно отметить, что орудие сохранилось полностью, тогда как у вышеуказанных аналогий были поломаны пятки. Так же как и другие тесла из Сержень-юртовского комплекса поселения и могильника, тесло-топор из *группы 1* отлит в одностворчатой литейной форме. Аналогичное тесло из погр. № 26, где присутствует и биметаллический кинжал VIII – рубежа VIII–VII вв. до н. э. т. н. кабардино-пятигорского типа (Там же. С. 87, 88. Табл. 17: 7), позволяет более точно датировать публикуемую находку временем не позднее VIII в. до н. э.

Вышеперечисленные категории и типы бронзовых украшений одежды из новых случайных сборов и раскопок марта 2014 г. (*группы 1* и 2) массово представлены в относительно разновременных погребениях Сержень-юртовского могильника и других памятниках восточного варианта, что свидетельствует об устойчивости традиционной культуры. Конкретная датировка каждой могилы определена по сочетанию вещей в погребальном комплексе. В большинстве своем она соответствует X–VIII вв. до н. э. (Там же. С. 128. Табл. VI). Специфику восточного варианта кобанской культуры составляли массивные

браслеты VI типа, украшенные литым декором из поясков выпуклых перлов. Все они являются маркерами относительно ранних погребений не только в Сержень-юртовском могильнике (*Козенкова, 2002. С. 72. Табл. III; Дударев, 2006. С. 65. Рис. 31: 6*), но также и в Майртупском могильнике № 2 (*Виноградов, Дударев, 2003. Рис. 20: 1, 2; 24: 1, 2; 30: 2*). В последнем они имеют три пояска, т. е. относятся ко второму варианту. Погребальные комплексы старшей группы в Майртупе № 2 убедительно датируются XI – началом X в. до н. э. по некоторым аналогиям погребального инвентаря в белозерской культуре Северного Причерноморья, более раннего времени, чем комплексы Сержень-юртовского могильника (Там же. С. 26). В связи с этим можно полагать, что второй вариант браслетов VI типа относился к началу типологического ряда и оставался на протяжении всего времени эпонимом. Он был менее массовым, чем тип III наручного браслета, украшением костюма восточных «кобанцев». Вариант 1 типа VI (с четырьмя поясками) представлен только в трех погребениях (№ 38, 46, 53) IX в. до н. э., возможно являясь эксклюзивной локальной модификацией в захоронениях определенной семейно-родовой группы. Потому особенно важна комплексная находка еще одного такого экземпляра в публикуемом погр. № 2 из группы 3, уточняющая его датировку – также не позднее IX в. до н. э. (*Козенкова, 2002. С. 116, 128. Табл. IV; VI*).

Среди новых находок 2014 г. чрезвычайно важен «манжетовидный» пластинчатый ажурный браслет (рис. 1: 8). Этот тип браслета впервые выявлен в Сержень-юртовском могильнике, но представлен в старшей группе погребений (№ 17 и 19) Майртупского могильника № 2 (*Виноградов, Дударев, 2003. Рис. 21: 1; 22: 8, 9*). Значимость данной находки в том, что она доказательно маркирует наличие и в Сержень-юртовском могильнике более ранних могил, синхронных Майртупу № 2. По сути, это важное открытие, которое, возможно, заставит в случае будущих раскопок пересмотреть нижний хронологический рубеж Сержень-юртовского могильника. Также, безусловно, выдающаяся находка – уложенные в единый ряд бронзовые бляхи, служившие декором для портупей-перевязи (рис. 4: II), в погр. № 2. Ближайшая аналогия этому атрибуту воинского снаряжения имела в могиле № 24 из раскопок 1969 г. (рис. 4: I), где перевязь-портупея находилась на захороненном воине (*Козенкова, 2002. Табл. 15, 6–23*). По хронологии могила входит в группу, датируемую серединой VIII в. до н. э. (Там же. С. 128. Табл. VI). Судя по наличию в погребальном инвентаре наконечника копья и ножа из железа, погребение было более поздним, чем публикуемое № 2 (2014 г.). Сходство в воинском облачении двух покойников, возможно, свидетельствует о существовании близкородственной мужской престижной группы с одинаковой традицией в снаряжении воинов. Традиция украшения воинского костюма орнаментированной перевязью у населения кобанской культуры могла появиться из Передней Азии – в подражание ассирийской военной моде – тогда же, когда и бронзовые шлемы ассирийского типа, т. е. не позднее IX в. до н. э., в период наиболее активных ассиро-урартских военных баталий, которые не обошли стороной Закавказье (*Kossack, 1980. S. 111–115; Козенкова, 2013. С. 115. Рис. 59, 5*). Перевязи-портупеи, украшенные розетками, как непременный атрибут воинского костюма можно видеть на изображениях ассирийских царей X–IX – начала VII в. до н. э. (Британский музей..., 1980. С. 49–76. Илл. 51; 52;

54; 55; 72; 73). О раннем проникновении в Урарту в IX–VIII вв. до н. э. ассирийской моды в воинском снаряжении упоминал Б. Б. Пиотровский. Одно из доказательств этому в воинском костюме – декор в виде ленты-перевязи у статуэток знатных особ, составлявших части тронов начала VIII в. до н. э. из Топрах-кале (Пиотровский, 2011. С. 83, 207, 208. Рис. 77; 91; 144).

Представленный в погр. № 2 остролистый наконечник копья (рис. 3: 2) аналогичен наконечникам из погребений № 42 и 56 (Козенкова, 2002. Табл. 32: 3; 46, 1), входящих по хронологии в группу конца X – IX в. до н. э. (Там же. С. 128. Табл. VI).

Эксклюзивной находкой в погр. № 2 (2014 г.) оказался боевой топор. Типологически он схож с орнаментированным топором из погребения № 37 (Там же. Табл. 24: 7) начала VIII в. до н. э. Но только, в отличие от него, имел заметные следы изношенности лезвия. Еще более он отличался орнаментом, который не находит по схеме рисунка прямых аналогий среди кобанских топоров, украшенных изображениями змей и рыб (рис. 4: III). В ареале восточного варианта бронзовый топор с изображениями змей с двух сторон лезвия и на его боковых сторонах происходит из Пседахского могильника, расположенного на границе с центральным вариантом. Около конца обуха образы змей дополнены изображениями рыб. Топор обнаружен вне комплекса и по аналогичному экземпляру из погребения № 365 Глийского могильника датируется IX–VIII вв. до н. э. (Козенкова, 1986. С. 137. Рис. 3: 4; 2017. С. 49. Рис. 9: 13; Техов, 2002. С. 342. Табл. 61). Наиболее сопоставимы с экземпляром из погр. № 2 три топора I типа. Бронзовый топор из погр. № 362 могильника Клинь-яр-III (западного варианта кобанской культуры, из района Кавказских Минеральных Вод), орнаментированный изображением ползущих змей на лезвиях, выполненным инкрустацией железом. На боковых гранях у самого обуха – по две рыбы (Белинский, Дударев, 2015. Рис. 218: 6; 249: 1). Второй бронзовый топор с близкой, но не полностью идентичной схемой рисунка происходит из комплекса погр. № 37 Адайдонского могильника центрального варианта культуры (в высокогорье Северной Осетии), исследованного Х. Т. Чшиевым. На нем два огромных змея переползают с одной стороны лезвия на другую и сопровождаются хищниками. На боковых гранях, вокруг обушного отверстия, аналогичный сержень-юртовскому гравированный рисунок в виде двух змей, ползущих к концу обуха, и рыбы (Сокровища Алании, 2011. С. 80, 81. Илл. 77: a–d). Оба топора А. Ю. Скаков относит к подгруппе 1/1 (по его классификации) и датирует первым хронологическим периодом в развитии графического стиля, т. е. X в. до н. э. (Скаков, 2016. С. 235, 236). Самая близкая, почти полная, аналогия топору из погр. № 2 Сержень-юрта – это топор из случайных находок Д. Х. Гуважокова на юго-восточной окраине сел. Заюково в Баксанском ущелье Кабардино-Балкарии (ареал западного варианта кобанской культуры). Бронзовый топор I типа украшен на обеих боковых гранях гравированным рисунком – две вытянутые по всей длине змеи ползут от клинка к обуху. Поскольку топор не имел аналогий, А. Ю. Скаков не дает его полной характеристики в системе своей хронологической классификации по графическому стилю (Там же. С. 237, 239. Рис. 6: 2). Исходя из такой схемы рисунка на топоре, как сочетание змей и рыб, а также учитывая весь инвентарь погребального комплекса могилы № 2, который может быть датирован в пределах X–IX вв. до н. э.,

топор, по нашему мнению, можно соотнести с подгруппой 1/1 и датировать первым хронологическим периодом графического стиля, по А. Ю. Скакову, т. е. X в. до н. э.

Можно полагать, что для семейно-родственной группы XXI участка погребенных в Сержень-юртовском могильнике (*Козенкова*, 2002. С. 122. Табл. V) изображения змей и рыб составляли сакральную символику и были связаны с культом водной и подземной стихий Нижнего мира и единого с ними культа божеств Верхнего мира (*Козенкова*, 2017. С. 49–51. Рис. 9: 9–13; 10: 4), а именно – бога грозы, грома и молний, что подчеркивается стреловидной формой голов змей (рис. 3: 1; 4: III). Культ змеи засвидетельствован в погребениях и на других участках могильного поля. Например, на VII участке в погр. № 69 стилизованное изображение змеи отмечено в виде налипного орнамента на сосуде (*Козенкова*, 2002. С. 206. Рис. 20; Табл. 51: 16). Декор на топоре из погр. № 2 (2014 г.) позволяет говорить о том, что змея и рыба, скорее всего, были тотемами рода.

Новые находки 2014 г. из Сержень-юртовского могильника являются очередным подтверждением того, что по обилию и качеству артефактов памятник относится к выдающимся объектам древностей не только кобанской культуры, но и эпохи бронзы – раннего железа Кавказа в целом. Однако обстоятельства, в результате которых они были обнаружены, вызывают тревогу и озабоченность по поводу сохранности уникального объекта глубокой древности для будущих исследований. По имеющимся сообщениям, за 40 лет с окончания широких стационарных раскопок особенно проявились разрушительные для могильника факторы – а именно эрозионные природные процессы, в результате которых постепенно разрушается откос террасы, место расположения могильника. Но особенно активен демографический процесс. Селение Сержень-юрт, зажатое в узкой долине р. Хулхулау, интенсивно расширяется, а жилые усадьбы все чаще занимают возвышенные места. Эта угроза нависла вплотную и над террасой, на которой находится памятник. Подъем на террасу, где некогда была лишь узкая проселочная дорога, расширен тракторами с повреждением слоя памятника. За последние годы из-за изменения правовых норм землепользования, но в особенности из-за малочисленности кадров по охране памятников и профессиональных специалистов-археологов в Чеченской Республике, а также в связи с наличием «черных копателей» сохранение Сержень-юртовского могильника становится все более проблематичным. Безусловна необходимость в усилении контроля за сохранением погребального памятника. На наш взгляд, приемлемое решение состояло бы в создании вокруг него выделенной охранной зоны. Например, в виде ограждения предполагаемой, еще не исследованной, территории некрополя, куда не могло бы распространяться строительство современных жилых и хозяйственных объектов. Контролируемая зона ограждения могла бы стать также объектом туристического маршрута.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский А. Б., Дударев С. Л.*, 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа. М.: Дизайн-студия Б. 446 с.
- Британский музей. Лондон // Музеи мира. М.: Изобразительное искусство. 166 с.
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л.*, 2003. Могильник позднего бронзового века у сел. Майртуп в Чечне // МИАСК. Вып. 1 / Ред. С. Л. Дударев. Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т. С. 5–61.
- Дударев С. Л.*, 1991. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный. 144 с.
- Дударев С. Л.*, 2006. Раскопки Сержень-юртовского могильника в 1987 году // МИАСК. Вып. 6 / Ред. С. Л. Дударев. Армавир: Армавирский гос. пед. ун-т. С. 60–92.
- Козенкова В. И.*, 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука. 176 с. (САИ; вып. В2-5.)
- Козенкова В. И.*, 1986. Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976–1977 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука. С. 134–158.
- Козенкова В. И.*, 2001. Поселок-убежище у аула Сержень-юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука. 198 с.
- Козенкова В. И.*, 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-юрт, Чечня. М.: Памятники исторической мысли. 232 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; вып. III.)
- Козенкова В. И.*, 2013. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус. 252 с.
- Козенкова В. И.*, 2017. Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН. 114 с.
- Мунчаев Р. М.*, 1961. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (из результатов работ Северо-Кавказской экспедиции 1958 года) // КСИИМК. Вып. 84. С. 56–62.
- Пиотровский Б. Б.*, 2011. История и культура Урарту. СПб.: Искусство России: Филологический факультет СПбГУ. 653 с. (Классика Эрмитажа.)
- Скаков А. Ю.*, 2016. Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров // Кавказ и Степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа / Отв. ред.: А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда. М.: Ин-т востоковедения. С. 229–241.
- Сокровища Алании / Науч. ред. М. М. Блиев. М.: Эксмо, 2011. 239 с.
- Техов Б. В.*, 2002. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс. 512 с.
- Bouzek J.* 1984. Caucasus and Europa and the Cimmeric problem // Sborník Národního musea v Praze. Řada A: Historie. Vol. XXXVII (1983). No. 4. Pragae. P. 177–232.
- Kossack G.* 1980. «Kimmerisches» Bronzen Bemerkungen zur in Ost-und Mitteleuropa // Situla. No. 20/21. Ljubljana. S. 109–143.
- Kozenkova V. I.*, 1992. Serzen-Jurt. Ein Friedhof der späten Bronze- und frühen Eisenzeit im Nordostkaukasus. Mainz am Rhein: Verlag Philip von Zabern. 182 S. (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie; Bd. 48.)
- Kozenkova V. I.*, 1994. Anthropomorphic figurines from the north Caucasus // Antiquity. Vol. 68. Iss. 258. P. 141–146.
- Reinhold S.* 1997. Zeit oder Sozialstruktur? – Bemerkungen zur Anwendung von Korrespondenzanalysen bei Untersuchung prähistorische Grabfunde // Archäologie und Korrespondenzanalyse: Beispiele, Fragen, Perspektiven / Hrsg: J. Müller, A. Zimmermann. Espelkamp: Verlag Marie Leidorf. S. 161–174. (Internationale Archäologie; Bd. 23.)
- Reinhold S.* 2007. Die Spätbronze und frühe Eisenzeit im Kaukasus: materielle Kultur Chronologie und überregionale Beziehungen. Bonn: R. Habelt. 383 S. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; Bd. 144.)

Сведения об авторах

Козенкова Валентина Ивановна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, Москва, 117036, Россия

Мамаев Рашид Хамидович, Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, пр-т им. М. Эсамбаева, 13, Грозный, 364024, ЧР, Россия; e-mail: borz85@list.ru

V. I. Kozenkova, R. Kh. Mamaev

THE SERZHEN-YURT CEMETERY: NEW FINDS

Abstract. The paper publishes new archaeological finds from the well-known Serzhen'-yurt Cemetery of the Bronze–Early Iron Age attributed to the eastern variant of the Koban culture (E. I. Krupnov, V. I. Kozenkova). These finds were retrieved in 2014 by local specialists from the Department for Protection of Historical Sites in the Chechen Republic in the course of urgent excavations caused by extreme conditions (erosion caused by spring flooding, agricultural activities, etc.) within the area of the burial ground. In terms of their quantity and quality, these materials dated to the 10th–8th centuries BC (fig. 1–4), especially, such exclusive items as a bronze open-work bracelet (fig. 1: 8) and a bronze ornamented battle axe (fig. 4: III), are of exceptional value for clarification of the overall characteristics of the site. Their typological classification and chronology were defined. The paper highlights a need to reinforce protection of the cemetery because of imminent threat of damage due to natural erosion and the social factor.

Keywords: Serzhen'-yurt, cemetery, Koban culture, typological classification, chronology, threat of damage, site protection.

REFERENCES

- Belinskiy A. B., Dudarev S. L., 2015. Mogil'nik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostey Kavkaza i Yugo-Vostochnoy Evropy nachala epokhi rannego zheleza [Cemetery Klin-Yar III and its place among antiquities of Caucasus and South-Eastern Europe in the beginning of Early Iron Age]. Moscow: Dizayn-studiya B. 446 p.
- Bouzek J., 1984. Caucasus and Europe and the Cimmerian Problem. *Sbornik Národního musea v Praze. Řada A: Historie*, vol. 37 (1983), no. 4. Praha: Panorama, pp. 177–232.
- Britanskiy muzey. London [The British museum. London]. *Muzei mira [World museums]*. Moscow: Izobrazitel'noye iskusstvo, p. 166.
- Dudarev S. L., 1991. Oчерк drevney kul'tury Checheno-Ingushetii [Essay on ancient culture of Chechnya-Ingushetia]. Groznyy. 144 p.
- Dudarev S. L., 2006. Raskopki Serzhen'-yurtovskogo mogil'nika v 1987 godu [Excavations of Serzhen'-yurt cemetery in 1987]. *MIASK*, 6. S. L. Dudarev, ed. Armavir: Armavirskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 60–92.
- Kossack G., 1980. «Kimmerisches» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa. *Situla*, 20/21. Ljubljana, pp. 109–143.
- Kozenkova V. I., 1982. Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kul'tury. Vostochnyy variant [Typology and chronological classification of items of Koban culture. Eastern variant]. Moscow: Nauka. 176 p. (SAI.)
- Kozenkova V. I., 1986. Psedakhskiy mogil'nik kobanskoy kul'tury (po raskopkam 1976–1977 gg.) [Psedakhskiy cemetery of Koban culture (based on excavations of 1976–1977)]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza [New in archaeology of North Caucasus]*. Moscow: Nauka, pp. 134–158.
- Kozenkova V. I., 1992. Serzen-Jurt. Ein Friedhof der späten Bronze- und frühen Eisenzeit im Nordostkaukasus. Mainz am Rhein: Verlag Philip von Zabern. 182 p. (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, 48.)
- Kozenkova V. I., 1994. Anthropomorphic figurines from the north Caucasus. *Antiquity*, vol. 68, iss. 258, pp. 141–146.
- Kozenkova V. I., 2001. Poselok-ubezhishche kobanskoy kul'tury u aula Serzhen'-yurt v Chechne kak istoricheskiy istochnik (Severnnyy Kavkaz) [Settlement-refuge of Koban culture near village Serzhen'-yurt in Chechnya as historical source (North Caucasus)]. Moscow: Nauka. 198 p.
- Kozenkova V. I., 2002. U istokov gorskogo mentaliteta. Mogil'nik epokhi pozdney bronzy – rannego zheleza u aula Serzhen'-yurt, Chechnya [At the origins of mountaineers' mentality. Late Bronze –

- Early Iron Age cemetery near village Serzhen'-yurt, Chechnya]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 232 p. (Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza, III.)
- Kozenkova V. I., 2013. Kobanskaya kul'tura i okruzhayushchiy mir (vzaimosvyazi, problemy sud'by i sledov raznokul'turnykh infil'tratsiy v mestnoy srede) [Koban culture and world around (mutual relations, problems of destiny and traces of various cultural penetrations in aboriginal milieu)]. Moscow: Taus. 252 p.
- Kozenkova V. I., 2017. Spetsifika dukhovnogo mira kobahskikh plemen [Specificity of the inner life of Koban culture tribes]. Moscow: IA RAS, 114 p.
- Munchaev R. M., 1961. Novye dannye po arkheologii Checheno-Ingushetii (iz rezul'tatov rabot Severokavkazskoy ekspeditsii 1958 goda) [New data on archaeology of Chechnya-Ingushetia (from results of works of North Caucasus expedition in 1958)]. *KSIIMK*, 84, pp. 56–62.
- Piotrovskiy B. B., 2011. Istoriya i kul'tura Urartu [History and culture of Urartu]. St.Petersburg: Iskustvo Rossii: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gos. universiteta. 653 p. (Klassika Ermitazha.)
- Reinhold S., 1997. Zeit oder Sozialstruktur? – Bemerkungen zur Anwendung von Korrespondenzanalysen bei der Untersuchung prähistorischer Grabfunde. *Archäologie und Korrespondenzanalyse: Beispiele, Fragen, Perspektiven*. J. Müller, A. Zimmermann, eds. Espelkamp: Verlag Marie Leidorf, pp. 161–174. (Internationale Archäologie, 23.)
- Reinhold S., 2007. Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus: materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen. Bonn: R. Habelt. 383 p. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 144.)
- Skakov A. Yu., 2016. Obzor novykh nakhodok kobano-kolkhidskikh ornamentirovannykh toporov [Review of new finds of Koban-Colchis ornamented axes]. *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza [Caucasus and steppe on on threshold of Late Bronze and Early Iron ages]*. A. S. Balakhvantsev, S. V. Kullanda, eds. Moscow: Institut vostokovedeniya, pp. 229–241.
- Sokrovishcha Alanii [Treasures of Alania]. M. M. Blied, ed. Moscow: Eksmo, 2011. 239 p.
- Tekhov B. V., 2002. Tayny drevnikh pogrebeniy [Secrets of ancient burials]. Vladikavkaz: Proekt-Press. 512 p.
- Vinogradov V. B., Dudarev S. L., 2003. Mogil'nik pozdnego bronzovogo veka u sel. Mayrtup v Chechne [Late Bronze Age cemetery near village Mayrtup in Chechnya]. *MIASK*, 1. S. L. Dudarev, ed. Armavir: Armavirskiy gos. pedagogicheskii institut, pp. 5–61.

About the authors

Kozenkova V. I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation

Mamaev Rashid Kh., Institute of humanitarian studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, pr. im. M. Esambaeva, 13, Groznyy, 364024, Chechen Republic, Russian Federation e-mail: borz85@list.ru

Е. В. Волкова

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ГОНЧАРСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПОХИ БРОНЗЫ)

Резюме. Данная статья является результатом продолжения более ранних исследований автора, посвященных изучению степени относительной устойчивости орнаментальных традиций в гончарстве. Ранее на материалах 5 могильников фатьяновской культуры было выявлено, что наиболее устойчивой традицией является «вид орнамента», затем по степени устойчивости идет «орнаментальный образ» и наиболее изменчивым является «орнаментальный мотив». Источниковедческая база данного исследования охватывает все доступные сегодня для анализа сосуды фатьяновской и балановской культур, а также поздневолоховскую керамику ряда стоянок Верхнего и Среднего Поволжья. В результате внесены поправки в сделанный мною ранее вывод об относительной степени устойчивости разных орнаментальных традиций, в частности, предполагается, что наименее устойчивой орнаментальной традицией был не мотив, а орнаментальный образ. Кроме того, в статье описаны новые важные особенности проявления смешанности орнаментальных традиций в ходе смешения групп населения, владевших глубоко различными в культурном плане орнаментальными традициями.

Ключевые слова: керамика, орнамент, культурная традиция, фатьяновская культура, балановская культура, поздневолоховская керамика.

Благодаря исследованиям А. А. Бобринского нам известны механизм и скорость изменения технологических традиций в гончарстве в условиях смешения разных групп древнего населения. Им были выделены приспособительные гончарные традиции, изменяющиеся достаточно быстро, и субстратные традиции, крайне медленно реагирующие на развитие процессов культурного смешения (Бобринский, 1978). В свое время я попыталась выяснить на примере фатьяновцев, с какой относительной скоростью меняются орнаментальные традиции в условиях смешения групп близкородственного по культурному признаку населения (Волкова, 2010). Тогда было сделано два важных вывода. Во-первых, о том,

что между орнаментальными традициями различных структурных уровней существуют строго определенные взаимосвязи. Во-вторых, что орнаментальные традиции по мере убывания степени их устойчивости в процессе смешения располагаются следующим образом: 1) вид орнамента; 2) орнаментальный образ; 3) орнаментальный мотив (Волкова, 2010. С. 105).

Данная статья посвящена, по сути, той же проблеме, только исследование проводилось на более широком материале. Если предыдущая работа опиралась в основном на материалы пяти фатьяновских могильников (четыре Новинковских могильника в Тверской области и Волосово-Даниловский в Ярославской), то данное исследование охватывает всю доступную сегодня фатьяновскую и балановскую керамику, а также поздневолосовскую керамику со стоянок Дикариха, Станок, Николо-Перевоз I и II и поселения Галанкина Гора. Фатьяновская и поздневолосовская керамика залегают на рассматриваемых стоянках в одних и тех же стратиграфических горизонтах (Раушенбах, 1960; Никитин, 1973; Гадзяцкая, 1992), а балановская и поздневолосовская керамика на поселении Галанкина Гора находятся в одних и тех же жилищах (Халиков, 1969; Соловьев, 2000). Синхронность поздневолосовской культуры и фатьяновско-балановской культурной общности подтверждается наличием контактов между их носителями, которые фиксируются по смешанным гончарным традициям (Волкова, 2016; 2017). Данные смешанные традиции могли возникнуть только на основе традиций, характерных для каждой из этих групп населения. Всего было изучено около 2000 сосудов. Привлечение поздневолосовской керамики позволило проанализировать поведение орнаментальных традиций в условиях смешения групп населения с совершенно разными культурными традициями.

Начнем с того, что под орнаментом на глиняной посуде мы понимаем *систему символов*, нанесенных гончаром на ее поверхности. И если декорирование – это сознательное изменение гончаром внешнего облика поверхности сосуда, то орнамент представляет собой один из видов декорирования.

Существуют три основных направления изучения орнамента: *технологическое, стилистическое и семантическое* (Волкова, 1996. С. 34).

Технологическое направление включает изучение орнамента и способа работы им при нанесении орнамента. По технике и технологии нанесения орнамента может быть *расписным, скульптурным, графическим* или *смешанным*.

Стилистическое направление представляет собой структурный анализ орнамента на четырех орнаментальных уровнях (элемент, образ, мотив, композиция)¹.

Семантическое направление состоит в исследовании смысловой нагрузки орнамента. Данным направлением я пока не занималась, так как оно почти недоступно для доказательного анализа, кроме тех случаев, когда он касается поздних материалов, когда есть этнография или письменные источники.

Сама тема о традициях декорирования гончарных изделий очень обширна. В данной статье речь пойдет только о графическом орнаменте. Причем в первой

¹ Ю. Б. Цетлин выделяет 5 орнаментальных уровней: элемент, узор, мотив, образ и композиция (Цетлин, 2008. С. 19, 20).

ее части: об орнаменте, который наносили родственные фатьяновские и балановские скотоводческие племена, жившие в эпоху бронзы на территории Верхнего и Среднего Поволжья, на свою глиняную посуду. Такое сужение темы позволит рассмотреть динамику орнаментальных традиций на конкретном материале.

Посмотрим, в первую очередь, какие орнаментальные традиции существовали у фатьяновского и балановского населения. Начнем с *технологических* традиций. Это население орнаментировало свою глиняную посуду, главным образом, следующими пятью инструментами: 1) ножом для прочерчивания; 2) инструментом с рабочим краем, оставляющим небольшие округлые ямочки; 3) гладким и 4) зубчатым штампами; 5) шнуром.

Угол нанесения орнамента штампами по отношению к поверхности сосуда мог варьировать на одном сосуде от 90 до 45°. Нож при прочерчивании держали перпендикулярно к поверхности.

Стилистические традиции. Напомню, что в структуре графического орнамента я выделяю четыре орнаментальных уровня: элемент, образ, мотив, композиция (Волкова, 1996. С. 34, 35).

Элемент – это простейшая, неделимая, часть орнамента. В качестве элемента принято рассматривать один отпечаток или одну проведенную линию. Для фатьяновской и балановской посуды выделено три элемента орнамента: «короткая прямая линия», «длинная прямая линия» и «точка». Важно подчеркнуть, что элемент орнамента непосредственно связан с инструментом и способом нанесения орнамента с помощью этого инструмента, т. е. с технологией. Из элементов складываются орнаментальные образы. Большая часть орнаментальных образов состоит из элемента «короткая прямая линия», что обычно соответствует одному отпечатку штампа (реже – прочерченной линии).

Образ – это совокупность элементов, воспринимаемая как целое на уровне мотива. Образы могут быть *простые*, состоящие из одного отпечатка или проведенной линии, тогда они совпадают с элементом; или *сложные*, состоящие из нескольких элементов. Из образов складываются мотивы.

Для фатьяновского и балановского орнаментов характерны сложные образы, которые создаются дублированием в основном одного и того же элемента. По керамике этих культур выделено в общей сложности 28 орнаментальных образов (Волкова, 2010. С. 97–101). Из них только 7 являются общими для всей фатьяновско-балановской культурной общности: 1) горизонтальная прямая линия; 2) горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий; 3) горизонтальный зигзаг; 4) горизонтальная елочка; 5) косая решетка; 6) параллельные переменнo-наклонные линии и 7) группы вертикальных линий. При этом общих массовых образов для всех локальных групп фатьяновско-балановской культурной общности всего три. Это первые три образа из приведенного списка (под массовыми я понимаю образы, представленные не менее чем на 20 % сосудов локальной группы).

Локальные группы отличаются друг от друга набором массовых образов, степенью их распространенности, а также некоторыми редкими образами.

Мотив – это система организации образов. По принципам организации образов фатьяновские и балановские мотивы делятся на *шахматные* и *рядные*. На поверхности сосуда мотивы выполняют одну из двух функций: они являются

либо *основными мотивами*, заполняя всю орнаментальную зону, либо *дополнительными*, разделяя орнаментальные зоны между собой или ограничивая их. Дополнительные мотивы чаще всего простые, состоящие из одного орнаментального образа, например: прямая горизонтальная линия, горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий, горизонтальный зигзаг. Основные мотивы были, как правило, сложные, также состоящие из одного орнаментального образа, но тиражированного и расположенного в определенном порядке, например: неоконтурный ромб в шахматном или рядном мотивах, параллельные перемененно-наклонные линии в один или несколько рядов и т. д. Фатьяновские и балановские образы не просто тиражировались в мотивах, а располагались в определенном порядке, часто специфичном для каждого образа.

Различная организация одного и того же образа создает различные мотивы. У каждого образа обычно бывает два-три основных мотива. На уровне мотивов усиливается специфика керамики каждой локальной группы и каждого памятника.

Композиция – это система организации мотивов на поверхностях сосуда. Для фатьяновской и балановской керамики характерно, *во-первых*, нанесение орнамента только на внешнюю поверхность; *во-вторых*, расположение мотивов широкими горизонтальными полосами или зонами, отделенными друг от друга особыми разделительными мотивами. Обычно таких зон на сосуде бывает несколько, и они расположены в определенных местах в верхней части сосуда и часто на его донной части. Иногда на сосудах, особенно «амфорах», встречаются вертикальные орнаментальные зоны, так называемые лопасти.

Анализ композиции проводился на количественном уровне, а именно: подсчитывалось число орнаментальных зон на сосуде, без учета орнамента на дне, поскольку очень часто сохраняются только верхние части сосуда. У некоторых сосудов были орнаментированы только венчик и место перехода плеча в шею, чаще всего горизонтальным рядом вертикальных или наклонных линий или прямой горизонтальной линией. Эти сосуды было принято рассматривать как сосуды с одной орнаментальной зоной. Локальные группы различаются по особенностям распространения в них сосудов с разным количеством орнаментальных зон.

Итак, еще раз проследим, с какой относительной скоростью меняются четыре орнаментальные традиции: вид орнамента, элемент орнамента, орнаментальный образ и орнаментальный мотив в условиях смешения, *во-первых*, групп населения с близкими гончарными традициями, *во-вторых* – с глубоко различными традициями.

Для определения степени устойчивости разных орнаментальных традиций необходимо, *во-первых*, выявить характер их взаимосвязи, *во-вторых*, проанализировать зафиксированные случаи проявления смешанности орнаментальных традиций, такие как: 1) имитация чужого орнамента; 2) замена орнамента; 3) подражание чужому образу; 4) использование двух разных образов в рамках одной орнаментальной зоны; 5) незнание традиционного мотива определенных образов; 6) использование разных инструментов для нанесения одного и того же образа на один сосуд. Изучение взаимосвязи различных орнаментальных традиций позволяет определить степень их устойчивости по отношению друг к другу,

а анализ случаев смешанности орнаментальных традиций дает возможность уточнить и детализировать полученные выводы.

Анализ фатьяновской и балановской керамики выявил существование наиболее устойчивых связей между *видом орнаментира* и *элементами орнамента*. Все инструменты, кроме «ножа», оказались жестко связаны с определенными орнаментальными элементами.

В свою очередь *элементы орнамента* устойчиво связаны с конкретными *орнаментальными образами*. Соответственно, также прослеживается взаимосвязь *вида орнаментира* и *образа*, но она слабее двух других связей – между видом орнаментира и элементом и элементом и образом орнамента.

Установлено, что связь между *орнаментальным образом* и *мотивом* проявляется сильнее всего по керамике отдельных памятников (Волкова, 2010. С. 99). Это означает, что *у каждой группы населения, оставившей определенный могильник, существовали свои традиции по организации орнаментальных образов в мотивы на посуде*. Поэтому одни и те же орнаментальные образы, характерные для локальной группы или культуры в целом, на посуде из разных могильников организованы в мотивы по-своему. На схеме показана выявленная в ходе изучения относительная устойчивость связей между разными орнаментальными традициями (рис. 1).

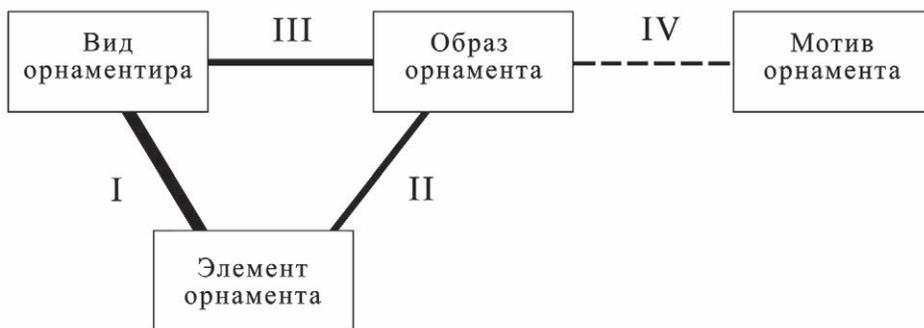

Рис. 1. Схема относительной устойчивости связей между разными орнаментальными традициями в гончарстве

Приведенные факты указывают на то, что орнаментальные традиции на уровне мотива более вариабельны, чем традиции на уровне образа. Значит ли это, что традиции исполнения мотивов были менее устойчивы?

Разберем отмеченные выше случаи смешения орнаментальных традиций, выявленные на фатьяновской и балановской посуде.

Имитация орнаментира. Зафиксировано 18 случаев. Под имитацией орнаментира понимается попытка гончара использовать свой инструмент для создания отпечатков, похожих на те, которые были нанесены чужим орнаментиром. В большинстве случаев гладким и реже зубчатым штампами имитировались отпечатки шнура (рис. 2: 2). Значительно реже (5 случаев) инструментом,

оставляющим одиночные неглубокие вдавления, имитировались отпечатки зубчатого штампа (рис. 2: 1). При имитации зубчатого штампа гончары всегда подражали наиболее распространенному на памятнике инструменту. Имитация орнамента зафиксирована на керамике только близкородственного населения.

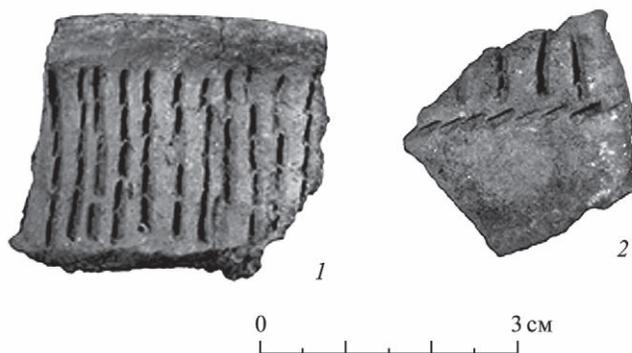

Рис. 2. Имитация вида орнамента

1, 2 – Волосово-Даниловский м-к, погр. 7

Таким образом, имитация инструмента для нанесения орнамента была вызвана стремлением создать строго определенный образ на посуде, который должен быть выполнен определенным орудием. Если у гончара не было нужного инструмента для создания данного образа, можно предположить, что образ был для него новым, а инструмент старым, предназначенным для исполнения его традиционного орнаментального образа. Отсюда следует, что при смешении носителей разных орнаментальных традиций образы изменялись быстрее орнаментиров. Судя по относительно редким случаям имитации орнаментиров, гончар достаточно быстро изготавливал нужный инструмент, возможно, после орнаментации нескольких сосудов старым.

Замена орнаментиров. Зафиксированы пока два таких случая. Первый на сосуде из Волосово-Даниловского могильника: на венчике этого сосуда сохранились затертые следы зубчатого штампа, которым гончар начал орнаментировать сосуд. Затем он затер эти отпечатки и продолжил орнаментировать сосуд гладким штампом. Вероятно, гончар по привычке начал орнаментировать сосуд своим обычным инструментом, а потом сообразил, что для создания подражания надо это делать другим орнаментиром. Второй случай – на сосуде из Балановского могильника. Здесь весь орнамент прочерчен ножом, а по плечу при создании образа «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» использовались и нож, и зубчатый штамп, которым был орнаментирован небольшой участок протяженностью 10 см. Данный факт можно объяснить только тем, что гончар начал орнаментировать сосуд зубчатым штампом, но, поняв свою ошибку, быстро перешел на нож и прочертил им весь остальной орнамент на сосуде.

Подражание орнаментальным образам (имеется в виду нетрадиционное исполнение образа). Всего зафиксировано 49 таких случаев.

На памятниках, где процессы смешения проходили между двумя *родственными* группами с очень близкими культурными традициями (например, в фатьяновских и балановских могильниках), зафиксировано 23 случая подражания чужим орнаментальным образам. Очевидно, что образы, которым подражали, были менее распространенными в одной из брачующихся групп населения. Поэтому для некоторых гончаров они еще не стали традиционными, привычными. Возможно также, что эта посуда орнаментировалась молодыми гончарами (учениками).

По материалам стоянок Дикариха, Станок, поселения Галанкина Гора зафиксировано 26 случаев подражания новым орнаментальным образам в результате смешения представителей фатьяновско-балановского и поздневолосовского населения, *неродственных* в культурном отношении и владевших глубоко различными культурными традициями. Здесь речь идет либо о подражании чужим культурным традициям, либо об утрате своих собственных культурных традиций.

Приведу несколько конкретных примеров подражания образам. Так, на рисунке представлено нетрадиционное исполнение некоторых образов «ромба» (рис. 3: 1–5). Традиционно образ «неоконтуренный ромб» складывался из 4 одинаковых элементов «короткая линия» (их могло быть и 5, но во всех ромбах обязательно наносилось одно и то же число элементов), которые располагались параллельно друг другу на одинаковом, достаточно близком расстоянии под углом примерно 45°. Далее мог добавляться еще один такой же элемент сверху, создавая образ «оконтуренный с одной стороны ромб», или сверху и снизу при образе «оконтуренный ромб».

В данном случае нарушение традиции проявлялось в том, что на изученных сосудах использовано *разное* количество элементов для создания образа ромба, например – от двух до четырех на одном сосуде (рис. 3: 2). Кроме того, на одном из сосудов нарушены наклон элементов, их параллельность и расстояние между ними, что сделало весь образ вообще не похожим на ромб (рис. 3: 4).

На следующих сосудах мы видим нетрадиционное создание образа «косая решетка» (рис. 3: 4–7). По фатьяновско-балановским традициям при создании этого образа сначала делался горизонтальный ряд параллельных наклонных в одну сторону элементов «короткая линия» по всему периметру горшка под углом примерно 45°, затем поверх этого ряда наносились эти же элементы, но наклоненные в противоположную сторону под тем же углом. На представленных сосудах мы видим два вида нарушения этих традиций: либо слишком разреженное нанесение элементов второго, «верхнего», ряда (рис. 3: 6, 7), либо, что встречается чаще, нанесение этого образа не двумя рядами наклонных элементов, а отдельными косыми крестиками, в результате чего возникает изображение, совершенно не похожее на образ «косая решетка» (рис. 3: 4, 5).

Даже образ «горизонтальная прямая линия» может быть выполнен нетрадиционно (рис. 3: 7). В частности, на керамике со стоянок Станок и Дикариха мы можем видеть, насколько далеки бывают образы-подражания от оригинала (рис. 3: 2, 3, 5). Эта нетрадиционность связана, с одной стороны, с использованием инструментов, неподходящих для создания данного образа, и с другой –

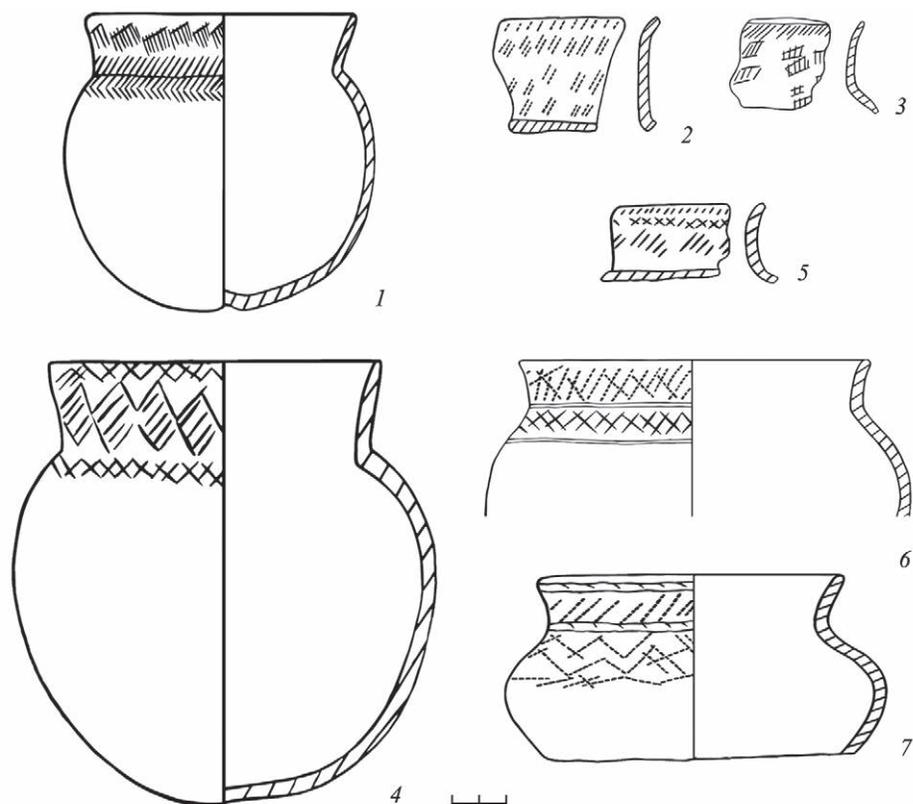

Рис. 3. Подражания орнаментальным образам.

Рисунки всех сосудов выполнены А. Д. Семеновым

(по: Гадзяцкая, 1976; Крайнов, 1963; 1964; Крайнов, Гадзяцкая, 1987; Соловьев, 2000)

1 – Волосово-Даниловский м-к, погр. 14; 2, 5 – стоянка Станок; 3 – стоянка Дикариха; 4 – Протасовский м-к; 6 – поселение Галанкина Гора; 7 – Истринский м-к

с восприятием гончара и группы населения, которая за ним стоит, именно такого образа как правильного.

Использование двух разных образов в рамках одной орнаментальной зоны. Зафиксировано 16 случаев. Напомню, что для фатьяновской и балановской посуды характерно повторение одного и того же образа в рамках одной орнаментальной зоны. Чаще всего это горизонтальные зоны, реже вертикальные. В фатьяновских могильниках найдено 10 сосудов, где такое повторение было нарушено, т. е. в рамках одной зоны сначала делался один образ в мотиве, а затем другой. В балановской культуре зафиксировано 6 таких сосудов. Во всех случаях речь идет о достаточно распространенных на керамике памятника орнаментальных образах. Тем не менее были гончары, которые не имели устойчивых представлений о том, какие именно образы следует наносить на сосуд, и это у близкородственного населения. На рисунке 4 даны три сосуда, на кото-

рых образ «параллельные переменные наклонные линии» в одной зоне переходит в другие образы (рис. 4: 1, 2, 3), и сосуд с образом «горизонтальный зигзаг», переходящим в «контурный ромб» (рис. 4: 4).

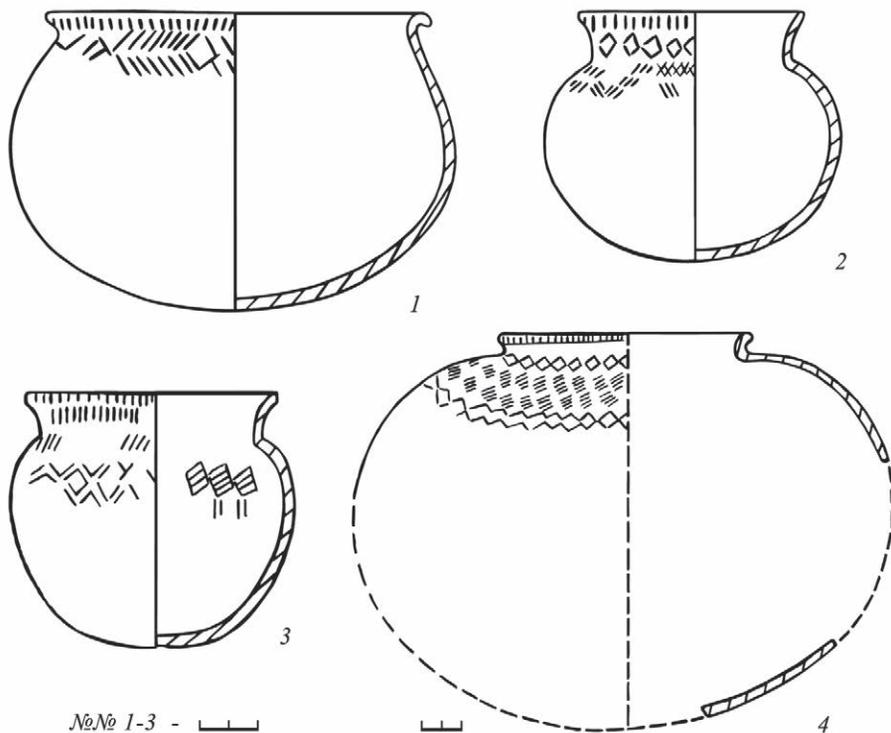

Рис. 4. Расположение двух разных образов в одной орнаментальной зоне

1 – Буньковский м-к; 2 – Волосово-Даниловский м-к, погр. 69; 3 – Волосово-Даниловский м-к, погр. 104; 4 – Волосово-Даниловский м-к, погр. 102

Незнание мотива определенных образов. Зафиксировано 20 случаев. В частности, в 9 случаях в одной орнаментальной зоне образ сначала идет в один ряд, а на отдельном отрезке – в несколько рядов, или образ занимает не всю протяженность зоны, а только ее отдельные участки.

Случаев, когда определенные образы расположены в «нестандартных» (нетрадиционных) для них мотивах, чуть больше: 6 – на фатьяновских сосудах и 5 – на балановских. Эти случаи свидетельствуют об отсутствии у гончаров устойчивых представлений о том, в каких мотивах должны наноситься определенные, опять-таки широко распространенные, орнаментальные образы. Возможно, это вызвано новизной самих образов, при расположении которых гончар допускал неточности из-за необходимости подражать каким-то новым для него образцам посуды. На рисунке 5 представлены некоторые примеры таких случаев. В трех

случаях (рис. 5: 1–3) показано незнание мотивов образа ромба. Напомню, что ромбы могли быть организованы либо в шахматном, либо в рядном мотиве, но всегда по своей функции эти мотивы были основными, а не дополнительными. На одном из сосудов ряд ромбов выполняет функцию именно разделительного мотива (рис. 5: 1). На двух других сосудах пытались создать шахматный мотив, но из-за несоблюдения необходимого расстояния между ромбами такой мотив не получился. На двух сосудах (рис. 5: 4, 5) продемонстрировано незнание мотива образа «параллельные переменные-наклонные линии», так как традиционно второй ряд этого образа наносился как бы со сдвигом, т. е. так, чтобы каждые две группы параллельных линий верхнего ряда и две нижнего создавали вместе большой крест. На следующем сосуде (рис. 5: 6) нарушен мотив образа «горизонтальный зигзаг». Традиционно, когда этот образ наносится в несколько горизонтальных рядов, то это делается ряд за рядом, причем одна вершина зигзага располагается строго под другой. На данном сосуде нарушена рядность нанесения образа, а в одном месте он нанесен как «вертикальная елочка» (т. е. нарушена последовательность создания элементов, из которых состоит этот образ). Гончар, орнаментировавший сосуд (рис. 5: 7), похоже, слабо себе представлял, как должны наноситься «лопасти» (вертикальные зоны орнамента) на фатьяновских амфорах. Мы здесь видим, что вертикальные зоны в одной лопасти разделены совершенно разными орнаментальными образами: «вертикальная прямая линия», «вертикальный зигзаг», «косая решетка». Эти нетрадиционные мотивы зафиксированы на сосудах как близкородственного, так и неродственного в культурном отношении населения.

Использование разных инструментов для нанесения одного и того же образа на один сосуд. Обычно весь орнамент на сосуде наносился одним или двумя инструментами. При этом если использовались два инструмента, то обязательно для создания разных орнаментальных образов. Случаи использования разных инструментов для нанесения одного и того же образа на сосуде достаточно редки. Они встречены на 4 фатьяновских и 3 балановских сосудах. Почти все они связаны с широко распространенным образом «горизонтальная прямая линия». На рис. 3 и 6 показаны сосуды, где этот образ выполнен и ножом и короткими либо гладкими, либо зубчатыми штампами (рис. 6: 1, 2, 3); сосуд, где этот образ сделан шнуром и зубчатым штампом (рис. 3: 7); и совсем редкий случай: образ «косая решетка» в одной орнаментальной зоне был сделан зубчатым штампом, а в следующей зоне – он же прочерчен ножом (рис. 3: 6). Почти все эти случаи зафиксированы по керамике близкородственного населения.

Необходимо также отметить факты частого присутствия сразу нескольких отклонений от традиционного орнамента на одном и том же сосуде. Так, например, на сосуде из Волосово-Даниловского могильника (рис. 2; 5: 1) зафиксированы имитация сразу двух инструментов: зубчатого штампа и шнура, и незнание мотива образа «ромб». На сосуде из Истринского могильника (рис. 3: 7) фиксируется и имитация инструмента, и подражание новому образу, и применение двух инструментов для создания одного и того же образа. О незнании фатьяновских традиций данным гончаром говорит не только орнамент, но и форма сосуда (угол наклона шеи, сформированное плечо). То же самое можно сказать о сосуде из Буньковского могильника (рис. 4: 1), который демонстрирует не только

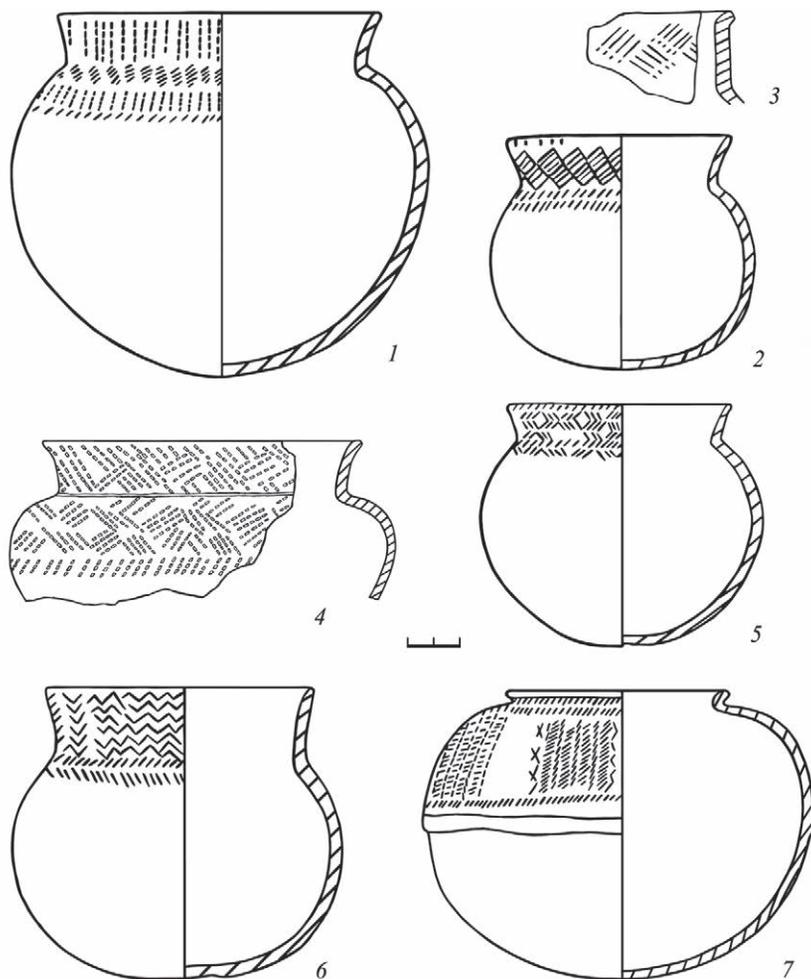

Рис. 5. Незнание мотива определенных образов

1 – Волосово-Даниловский м-к, погр. 7; 2 – Волосово-Даниловский м-к, погр. 104; 3, 4 – поселение Галанкина Гора; 5 – Ильинско-Хованский м-к, погр. 4; 6 – Протасовский м-к; 7 – Волосово-Даниловский м-к, погр. 84

незнание образа и его мотива, но и совершенно нефатьяновскую форму сосуда (отсутствие вертикальной шеи, низкая общая пропорциональность). Все это демонстрирует отсутствие у гончаров, сделавших данные сосуды, закрепленных в традиции навыков труда.

Таким образом, в результате проведенного исследования еще раз подтвердилось наличие сильной и устойчивой связи между *инструментом* для нанесения орнамента и *орнаментальным образом*, а также между элементом и образом. Факты имитации орнаментов, в основном зубчатого штампа и шнура, говорят о том, что определенные образы по традиции должны были создаваться строго

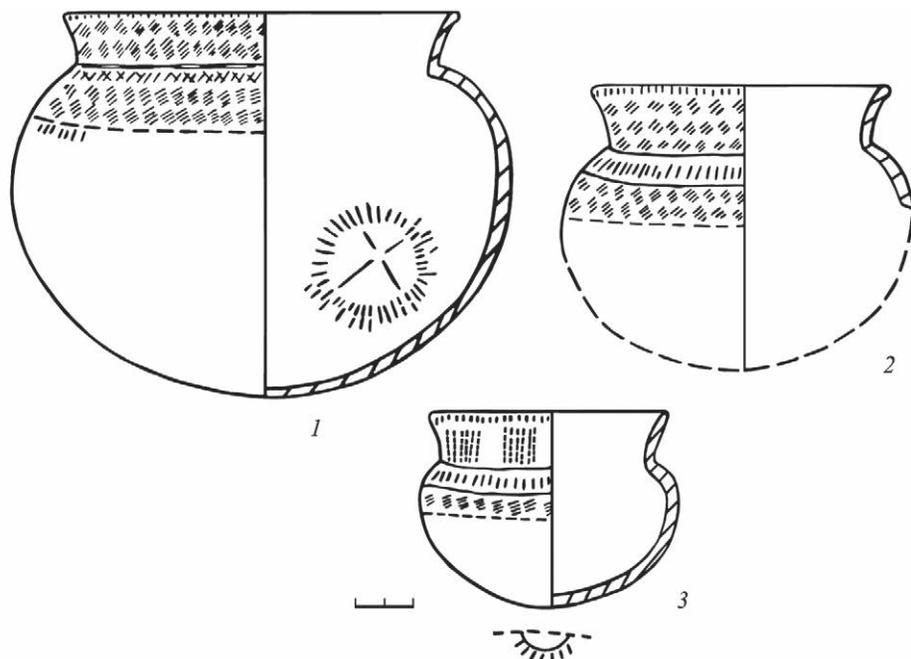

Рис. 6. Использование разных инструментов для нанесения одного и того же образа на сосуде. Волосово-Даниловский могильник (1–3)

1 – погр. 57; 2, 3 – погр. 102

определенными инструментами, отсутствовавшими в данных случаях у гончара. Значит, образ был для него новым, а инструмент, которым он пользовался, старым. Отсюда следует, что вид инструмента в ходе процессов смешения менялся медленнее, чем орнаментальный образ, т. е. это была более устойчивая традиция.

Как уже отмечалось, из всех выделенных случаев создания на сосудах нетрадиционного орнамента наиболее часто встречается подражание орнаментальным образам (49 сосудов). Это объясняется тем, что *орнаментальный образ является как бы «символом» определенного коллектива (скорее всего, рода), и поэтому его изображение говорит о принадлежности изделия (и человека) именно к этому коллективу. Традиции на уровне орнаментального образа характеризуют, прежде всего, локальные группы, а традиции на уровне орнаментальных мотивов – небольшие группы населения (скорее всего, родовые общины), оставившие отдельные памятники (поселения или могильники), на уровне которых только и могут происходить процессы смешения.*

В результате смешения населения двух родственных в культурном отношении групп, имеющих частично различные орнаментальные традиции, сначала появлялись сосуды с новыми орнаментальными образами, свойственными доминирующей группе населения, которые были выполнены рецессивными гончарами

своими старыми привычными орнаментами и организованы в мотивы, нетипичные для этих образов у доминирующей группы населения. Но у любого образа могло быть три варианта мотива: либо основной, дополнительный и рядный, либо (для ромбов) основной, рядный и шахматный. Нередко встречаются сосуды, на которых один и тот же образ в разных орнаментальных зонах организован в разные мотивы. То есть для любого фатьяновского и балановского образа были допустимы почти все эти варианты. Поэтому мотивы новых образов могли и меняться, и оставаться прежними, становясь традиционными для данной группы населения. Вид орнамента также мог меняться, а мог и оставаться прежним, особенно если он подходил по размеру для создания нужного нового образа.

Итак, в результате анализа всего материала я предлагаю несколько иную, более строгую, последовательность орнаментальных традиций по уменьшению степени их устойчивости:

1 – вид орнамента и элемент орнамента;

2 – орнаментальный мотив;

3 – орнаментальный образ.

Важно подчеркнуть, что все эти традиции относятся к группе *приспособительных*, так как даже вид орнамента меняется достаточно быстро, особенно если традиционным инструментом гончара было неудобно или трудоемко наносить новые для него орнаментальные образы.

Но если приспособительные технологические традиции в гончарстве могут меняться в условиях смешения населения в течение от 2–3 лет до максимум в пределах жизни одного поколения гончаров, то наиболее устойчивые традиции в орнаментации меняются намного быстрее (особенно в условиях смешения близкородственного населения): вероятно, это занимает не более года и зависит от периодичности изготовления посуды.

Кроме того, хочется обратить внимание еще на два сюжета.

Во-первых, при смешении глубоко различных в культурном отношении групп населения рецессивная группа воспринимает новые орнаментальные образы, сохраняя при этом свои традиционные орнаменты или постепенно заменяя их похожими на орнаменты доминантной группы. Так, например, в процессе смешения поздних волосовцев с фатьяновцами (стоянки Дикариха, Станок, Николо-Перевоз I и II и др.) или с балановцами (поселения Галанкина Гора, Нижняя стрелка IV, Удельный Шумец VII и др.) поздневолосовское население подражает фатьяновским и балановским орнаментальным образам, а свои орнаменты либо не меняет, либо меняет на орнаменты, похожие на фатьяновско-балановские, но далеко не тождественные им. В результате этого орнаментальный образ приобретает совсем другой облик, который и закрепляется у этого смешанного населения.

Во-вторых, зафиксировано 6 погребений (в Волосово-Даниловском и Воронковском фатьяновских могильниках), в которых найдено по два сосуда с нестандартными орнаментальными традициями вместе с традиционными орнаментированными сосудами. Это служит еще одним подтверждением сделанного мною ранее вывода о дуально-родовой структуре фатьяновского и балановского обществ.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 272 с.
- Волкова Е. В.*, 1996. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука. 121 с.
- Волкова Е. В.*, 2010. Орнаментальные традиции фатьяновских гончаров (опыт выделения субстратных и приспосабливаемых традиций) // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН. С. 88–106.
- Волкова Е. В.*, 2016. К вопросу о содержании термина «фатьяноидная» керамика // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: материалы Междунар. науч. конф. (24–27 мая 2016 г., Санкт-Петербург) / Ред.: О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН. С. 153–155.
- Волкова Е. В.*, 2017. Культурный состав населения и относительная периодизация жилищ поселения Галанкина Гора (по данным изучения керамики) // КСИА. Вып. 249. Ч. I. С. 153–165.
- Гадзяцкая О. С.*, 1976. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. М.: Наука. 135 с. (САИ; вып. В1-21.)
- Гадзяцкая О. С.*, 1992. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязминское междуречье) // СА. № 1. С. 122–141.
- Крайнов Д. А.*, 1963. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. М.: Наука. 51 с. (САИ; вып. В1-19.)
- Крайнов Д. А.*, 1964. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. М.: Наука. 70 с. (САИ; вып. В1-20.)
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С.*, 1987. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. М.: Наука. 144 с. (САИ; вып. В1-22.)
- Никитин А. Л.*, 1973. Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.) // СА. № 2. С. 158–177.
- Раушенбах В. М.*, 1960. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Археологический сборник. М.: Советская Россия. С. 28–37. (Труды ГИМ, вып. 37.)
- Соловьев Б. С.*, 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 264 с. (Труды марийской археологической экспедиции; т. VI.)
- Халиков А. Х.*, 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука. 395 с.
- Цетлин Ю. Б.*, 2008. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К. 352 с.

Сведения об авторе

Волкова Елена Витальевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: volk_h@mail.ru

E. V. Volkova

RELATIVE STABILITY OF ORNAMENTAL POTTERY TRADITIONS
(BASED ON BRONZE AGE MATERIALS)

Abstract. This paper is a follow-up of the earlier research carried out by the author to study the degree of relative stability of ornamental pottery traditions. The previous study of five Fatyanovo burial grounds identified that the most stable tradition is a type of the ornamental tool, then comes an «ornamental image», while the most variable attribute is an «ornamental motif». The historiographical database of this study covers all available Fatyanovo and Balanovo pots as well as Late Volosovo vessels from a number of sites in the Upper and Middle Volga Regions. This study is used to revise the earlier conclusion made by the author regarding the degree of relative stability of ornamental traditions; for example, it is now believed that the most stable ornamental tradition was

an ornamental image rather than the motif. Besides, the paper describes new important distinctive features of mixed ornamental traditions developed as groups with extremely different cultural ornamental traditions mingled together.

Keywords: ceramics, ornament, cultural tradition, Fatyanovo culture, Balanovo culture, Late Volosovo ceramics.

REFERENCES

- Bobrin'skiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy [Pottery-making of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Gadzyatskaya O. S., 1976. Pamyatniki fat'yanovskoy kul'tury. Ivanovsko-Gor'kovskaya gruppa [Sites of Fat'yanovo culture. Ivanovo-Gor'ky group]. Moscow: Nauka. 135 p. (SAI.)
- Gadzyatskaya O. S., 1992. Fat'yanovskiy komponent v kul'ture pozdney bronzy (Volgo-Klyaz'minskoe mezhdurech'e) [Fat'yanovo component in Late Bronze Age culture (Volga-Klyaz'ma interfluve)]. *SA*, 1, pp. 122–141.
- Khalikov A. Kh., 1969. Drevnyaya istoriya Srednego Povolzh'ya [Ancient history of Middle Volga region]. Moscow: Nauka. 395 p.
- Kraynov D. A., 1963. Pamyatniki fat'yanovskoy kul'tury. Moskovskaya gruppa [Sites of Fat'yanovo culture. Moscow group]. Moscow: Nauka. 51 p. (SAI.)
- Kraynov D. A., 1964. Pamyatniki fat'yanovskoy kul'tury. Yaroslavsko-Kalininskaya gruppa [Sites of Fat'yanovo culture. Yaroslavl-Kalinin group]. Moscow: Nauka. 70 p. (SAI.)
- Kraynov D. A., Gadzyatskaya O. S., 1987. Fat'yanovskaya kul'tura. Yaroslavskoye Povolzh'ye [Fat'yanovo culture. Volga region near Yaroslavl']. Moscow: Nauka. 144 p. (SAI.)
- Nikitin A. L., 1973. Mogil'nik Dikarikh na Pleshcheevom ozere (raskopki 1961 i 1964 gg.) [Cemetery Dikarikh at Pleshcheevo Lake (excavations of 1961 and 1964)]. *SA*, 2, pp. 158–177.
- Raushenbakh V. M., 1960. Fat'yanovskoe pogrebenie na neoliticheskom stoyanke Nikolo-Perevoz [Fat'yanovo burial at Neolithic settlement Nikolo-Perevoz]. *Arheologicheskiy sbornik [Archaeological annual]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 28–37. (Trudy GIM, 37.)
- Solov'yev B. S., 2000. Bronzovyy vek Mariyskogo Povolzh'ya [Bronze Age of Volga region in Mari territory]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NIIYaLI. 264 p. (Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, VI.)
- Tsetlin Yu. B., 2008. Neolit tsentra Russkoy ravniny. Ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kul'tur [Neolithic of the centre of Russian plain. Ornamentation of ceramics and method of periodization of cultures]. Tula: Grif i K. 352 p.
- Volkova E. V., 1996. Goncharstvo fat'yanovskikh plemen [Pottery-making of Fat'yanovo tribes]. Moscow: Nauka. 121 p.
- Volkova E. V., 2010. Ornamental'nyye traditsii fat'yanovskikh goncharov (opyt vydeleniya substratnykh i prisposobitel'nykh traditsiy) [Ornamentation traditions of Fat'yanovo potters (experience of singling out substrate and adaptation traditions)]. *Drevnee goncharstvo. Itogi i perspektivy izucheniya [Ancient pottery-making. Results and perspectives of studies]*. Moscow: IA RAN, pp. 88–106.
- Volkova E. V., 2016. K voprosu o soderzhanii termina «fat'yanoidnaya» keramika [On problem of contents of the term «Fat'yanovo-like» ceramics]. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneyshey keramiki: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (24–27 maya 2016 g., Sankt-Peterburg) [Traditions and innovations in studies of earliest ceramics: proceedings of international scientific conference (May 24–27, 2016, St. Petersburg)]*. O. V. Lozovskaya, A. N. Mazurkevich, E. V. Dolbunova, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 153–155.
- Volkova E. V., 2017. Kul'turnyy sostav naseleniya i otnositel'naya periodizatsiya zhilishch po-seleniya Galankina Gora (po dannym izucheniya keramiki) [The cultural composition of the population and relative periodization of dwellings at the Galankina Gora settlement (based on ceramic studies)]. *KSIA*, 249, pt. I, pp. 153–165.

About the author

Volkova Elena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: volk_h@mail.ru

И. А. Кукушкин

О СЕМАНТИКЕ АНДРОНОВСКОГО ОРНАМЕНТА*

Резюме. Особенностью сакрально-декоративного андроновского искусства является восприятие и реализация религиозно-мифологических представлений об окружающем мире через призму знаково-геометрической системы, ярко выраженную в керамической орнаментальной традиции и ритуально-магических украшениях женского погребального костюма. Очевидно, округлое днище горшков в перевернутом виде выступает в качестве семантического верха, сакрального центра, вокруг которого осуществляется круговое движение, видимо связанное с представлениями о небесной колеснице, символика которой ассоциировалась с меандрово-свастическим орнаментом. Предполагается, что таким образом изображалась Великая богиня и близнецы, которые в облике лошадей-птиц везут свою мать или сестру. Обычно она предстает в облике женщины или зоо-орнитоморфного персонажа. Причем округлое днище сосуда – это всевидящее око божества, которое иногда может быть дополнено свастикой-колесницей.

Ключевые слова: религиозно-мифологический, семантика, андроновский, жертвенник, орнамент, свастический, колесница.

Характерной особенностью андроновского сакрально-декоративного искусства является восприятие и реализация религиозно-мифологических представлений об окружающем мире через призму знаково-геометрической системы, ярко выраженную в керамической орнаментальной традиции и ритуально-магических украшениях женского погребального костюма, где одним из основных атрибутов являлись так называемые солярные бляшки.

Детальное описание андроновского орнамента достаточно хорошо известно, однако работ, где бы объектом исследования являлся сам орнамент, сравнительно немного. В последнее время обозначилась определенная тенденция

* Работа выполнена в рамках грантового проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы».

к извлечению более глубокой информации семантического характера из такого массового источника, каким является керамический материал, который доходит до исследователей в наиболее целостном, нередуцированном виде, в отличие от других археологических «текстов» (*Рудковский, 1992. С. 40*).

Начало целенаправленных исследований в области андроновской орнаментики связано с именем С. В. Зотовой. Она одна из первых попыталась выделить системообразующие элементы в так называемых ковровых орнаментах на посуде федоровской культуры и связать их с хронологическими признаками. На основании широких этнографических данных было высказано также предположение о том, что фигуры андроновского рисунка могут представлять собой родовые знаки, а их усложнение – отражать различные формы деления расселяющихся андроновских групп (*Зотова, 1965*).

В основу системного анализа композиционных особенностей андроновского орнамента, предпринятого Ю. И. Михайловым, было положено понятие «композиционный канон», что позволило выявить общекультурные черты в правилах построения декоративных схем и их региональную специфику. Автором выдвинуто предположение, что наиболее сложные декоративные построения могли отражать мифологический комплекс, связанный с космогоническими представлениями андроновского населения (*Михайлов, 1990. С. 2, 17*).

По мнению Э. Р. Усмановой, тема семантики андроновского орнамента до сих пор во многом остается terra incognita. Однако предполагается, что геометрия элементов андроновского орнамента входила в универсальный знаковый код, где языком орнамента могла описываться картина окружающего мира. Вероятно, расшифровка символов на сосудах и предметах станет возможной только при реконструкции основных принципов культурной матрицы андроновского мировоззрения (*Усманова, 2005. С. 93*).

Значительную работу по классификации андроновской керамики провела Е. Е. Кузьмина. Анализ горшковидных сосудов позволил выделить принципы орнаментации на трех основных типах: I – алакульский, где орнамент наносился по прямой сетке; II – федоровский, на котором орнамент наносился по косой сетке; III – кожумбердынский, производный от двух основных; орнамент наносился как по косой, так и по прямой сетке (*Кузьмина, 2008. С. 87*).

Т. В. Сметанина, исследующая семантику раннеандоновского орнамента, считает, что он представляет собой сложную в изобразительном плане структуру, в основе которой лежит геометрический стиль. На поверхности сосудов изображались те процессы, которые древние люди наблюдали в окружающем мире: явления природы, цикличность бытия, переосмысленные и отраженные с мировоззренческих позиций (*Сметанина, 2011*).

Структурные закономерности, связанные с принципами построения и размещения андроновского орнамента на керамических сосудах, подробно рассмотрены И. В. Рудковским. Им проведена масштабная статистика андроновских орнаментальных комплексов, построенная на новой таксономической базе, основу которой составляет определение типов геометрической симметрии и континуумных планов, на базе которых конструировались андроновские бордюры. Выделено восемь типов бордюрной симметрии и одиннадцать типов двумерных континуумов (*Рудковский, 2013. С. 82*).

Андроновскому орнаменту посвящено монографическое исследование И. В. Ковтуна. Согласно его выводам, сущностной чертой андроновского восприятия и отражения окружающего мира является культурная традиция, которой присуща развитая и «кодифицированная» система мировоззренческих представлений, сочетающаяся с исключительно аниконическим способом их содержательно «свернутой» фиксации в орнаментально-знаковых композициях. Отсутствие традиции фигуративных изображений и отражение их в ключевых мифологических представлениях в комбинациях абстрактных орнаментальных символов косвенно подтверждают, возможно, самые ранние в истории мировых религий монотеистические элементы в андроновской картине мироздания (*Ковтун*, 2016. С. 160–162).

Орнаментальные мотивы, представленные такими геометрическими фигурами, как кресты, кресты в круге, свастики, исследователи традиционно связывают с солярной символикой, знаками огня – земного и небесного; треугольники интерпретируются как обозначение гор, женского начала, лучей солнца; ромбы соответствуют знаку земли, поля; зигзаги отождествляются с изображениями водной стихии или существами с серпентоморфными чертами.

Заметное место в женском алакульском костюме отводилось так называемым солярным бляшкам. На округлых бляшках методом холодной чеканки изображались многолучевые звезды, кресты, свастики, концентрические окружности, зигзаги (рис. 1: 1–6). В центральной части обычно присутствует округлая выпуклость. Эти мотивы нередко полностью совпадают с рисунком на днищах керамической посуды (*Рудковский*, 2013. С. 180–187) или фиксируются при условной круговой развертке орнаментального поля сосудов. Причем свастические мотивы более всего характерны для федоровской керамики.

Подобные совпадения не могут быть случайными и отражают какие-то общие принципы мировоззренческих позиций и приоритетов, лежащих в основе этих культурных традиций. «Солярные» («лунарные») бляшки входили, как правило, в конструкцию гарнитуры женских головных украшений, т. е. были связаны с верхом, небом. Следовательно, и соответствующие изображения на днищах горшков также маркируют семантический верх и являются знаковым символом определенных божеств в системе космического мироустройства. Показательны изображения «мирового дерева», отмеченные на днищах сосудов (*Маргулан и др.*, 1966. Табл. VII, 1) и «солярных бляшках» (*Усманова*, 2005. Рис. 74, 8), объединяемых такими понятиями, как сакральный центр, ось мира, космический верх.

Принципом андроновской орнаментики является горизонтальное зонирование орнаментального поля, задающего три основных ряда значений: верх – середина – низ (*Михайлов*, 1990. С. 14), что позволяет сопоставить андроновский горшок с трехчастной моделью вселенной, объединяющей три сферы мироздания. Первая – это небесная, воздушная сфера; вторая зона сосуда – земная твердь; третья зона – это нижняя водная стихия, находящаяся под землей, Мировой океан, куда стекают все реки.

Таким образом, если андроновский сосуд представлялся моделью мирового устройства, а изготовление горшка отождествлялось с космическим актом творения вселенной (*Кузьмина*, 1986. С. 60, 70), то андроновский рисунок и горшок

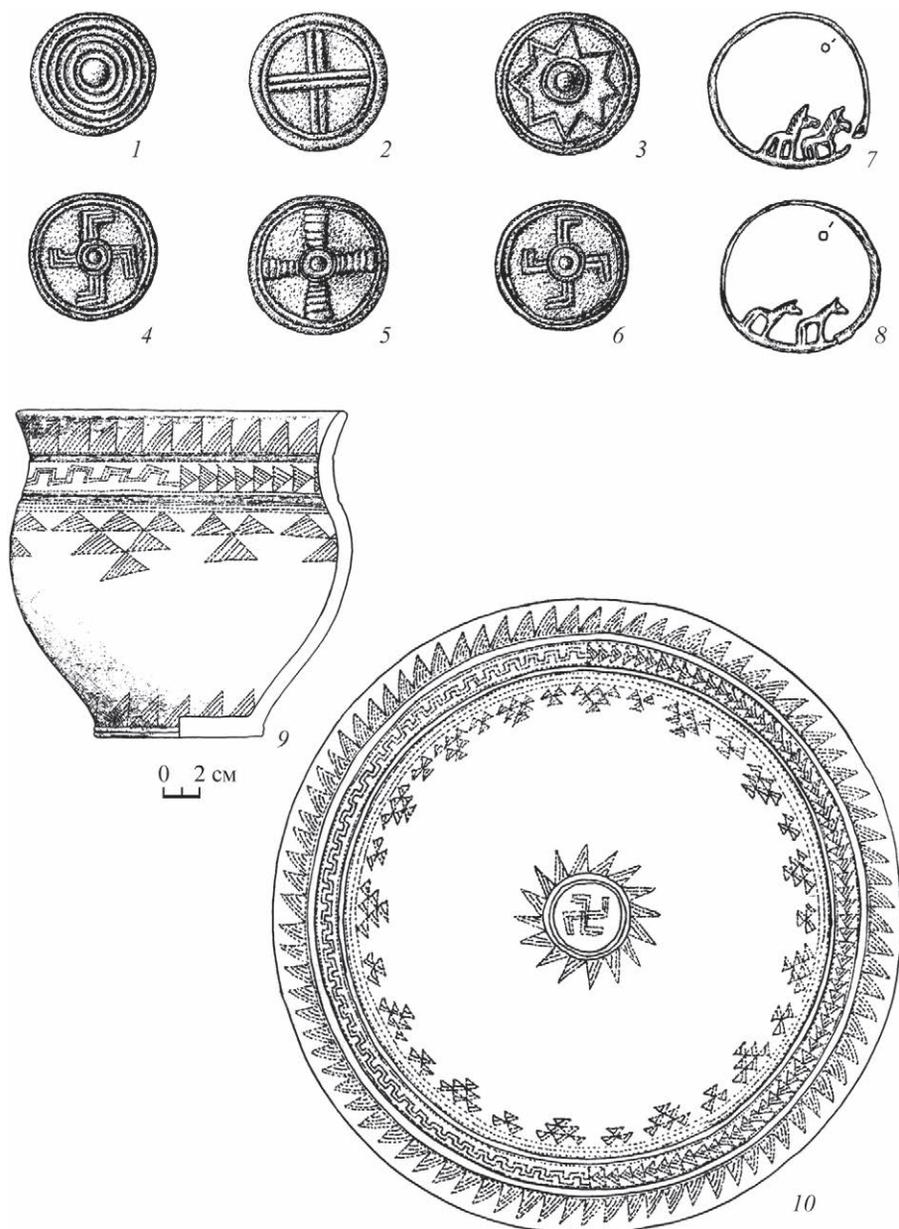

Рис. 1. Элементы и композиции орнаментов

1–6 – «соляные» бляшки. Могильник Джангильды 5, Северный Казахстан (по: *Усманова*, 2010); 7, 8 – золотые серьги с фигурками лошадей. Могильники Мыншункур III, Юго-Восточный Казахстан (по: *Акишев*, 1992) и Чесноково I, Алтайский край (по: *Кирюшин, Шульга*, 1996); 9, 10 – керамический сосуд и круговая развертка орнамента на нем. Могильник Бесоба, Центральный Казахстан

дополняли и целиком совпадали по своему сакральному значению, так как они неотделимы один от другого. Орнамент, по сути, играл основную роль в наглядной демонстрации и прочном закреплении традиционных космогонических представлений в андроновской среде.

Следовательно, на андроновской посуде отражена идея космического миропорядка, ярко проступающая на горшках с «богатой» орнаментацией и, довольно скромно, на другой категории керамики, в виде упрощенного варианта общеизвестного целого. Таким образом, если на тулове сосуда была изображена мифоритуальная картина окружающего мира, то игра элементов орнамента в виде негатив-позитивных преобразований (*Михайлов*, 2001. С. 238, 342–350. Табл. 23–31; *Рудковский*, 2014. С. 36–120), занимающих ту или иную зону, являлась следствием творческих изысков на общеизвестную мифологическую тематику. Взаимозаменяемость элементов орнамента, композиционная группировка которых, видимо, имеет сходное значение, характерна для андроновской традиции, на что могут указывать случаи начала и продолжения линии бордюрного рисунка разными знаковыми символами (рис. 1: 9). В чем-то эти многочисленные комбинаторные связи, которые образно можно назвать «орнаментальными гимнами» (*Михайлов*, 1990. С. 14), схожи с семантикой цветастых и высокопарных гимнов Ригvedы, посвященных значимым богам, где сакральное обращение к тому или иному божеству в результате подборки синонимичных метафор становилось вариативным, но в то же время служило достижению единой конкретной цели. Конечно, геометризм андроновского сакрально-декоративного искусства существенно затрудняет его семантический разбор, но в то же время относительно строгое соблюдение изобразительного канона делает его интерпретацию вполне возможной.

Разумеется, орнамент на сосуде кроме модели вселенной мог изображать и какой-то один определенный сюжет. В этом случае традиционное композиционное размещение рисунка могло нарушаться, а сами элементы смещаться в другие зоны, усиливая конкретную смысловую информативную нагрузку орнамента на отдельном сосуде.

Обращает на себя внимание рисунок, наносимый на днища андроновской посуды. Комплексный подход к исследованию андроновского орнамента позволил выявить около ста орнаментированных днищ, причем «собственно андроновским творческим приемом в заполнении дна является, прежде всего, изображение крестов, в том числе гаммированных» (*Михайлов*, 1990. С. 10). Как известно, крест (свастика), наряду с изображением солнца, маркирует семантический верх космоса. Округлое днище сосуда, следовательно, играет роль семантического верха, что и подтверждается крестом (свастикой), от которого соответственно расходятся лучи-треугольники, обычно наносившиеся в придонной части сосуда. Следовательно, наблюдается наложение свастики на солнечную или лунную символику (рис. 1: 9, 10).

Очевидно, округлое днище сосуда в перевернутом виде выступает в качестве семантического верха, неподвижного сакрального центра, вокруг которого осуществляется круговое движение, видимо связанное с представлениями о небесной колеснице, где округлое днище горшка и одиночный знак свастики предполагают некоторую статичность образа. К символике свастики относятся

также паркетный и решетчатый орнаменты, нередко наносившиеся на днища сосудов (Кукушкин, 2004. С. 279, 280).

С этой позиции утилитарная нижняя часть, дно горшка, превращается в семантическую верхнюю, и в этом перевернутом положении орнамент на сосуде, что называется, становится с «головы на ноги». Тем более что сакральные знаки на днище сосуда можно было нанести, только предварительно перевернув горшок.

На доказательность реальности такого подхода к проблеме изучения андроновского орнамента указывают регулярные находки сосудов, установленных вверх дном, при исследовании некрополей эпохи бронзы. Они зафиксированы в погребальных камерах, в верхней части заполнения неограбленных захоронений, в пределах оград и курганов, где они обычно интерпретируются как жертвенники. Сосуды, помещенные устьем вниз, известны как в алакульских, так и в федоровских памятниках, независимо от пола и возраста умерших (Михайлов, 1990. С. 12).

Свастические мотивы орнамента широко использовались и в декоре тулова керамических сосудов, хотя сама по себе свастика в чистом виде встречается довольно редко. Чаще всего в андроновской орнаментальной традиции она значительно усложняется, нередко превращаясь в причудливый меандро-свастический рисунок, где, однако, мотивы свастики сравнительно легко угадываются.

Опираясь на общепризнанную индоиранскую концепцию происхождения андроновских племен, можно предположить существование у населения степной бронзы мировоззренческих представлений, близких индоиранской космологической модели.

В древности для достижения оптимального зрительного эффекта при демонстрации семантики, предполагающей круговое движение того или иного предмета, применялся принцип кольцевого расположения однотипных объектов, например лошадей, или аналогичным образом воспроизводилось их многократно повторяющееся изображение. Подобный принцип отмечен в наскальных рисунках, размещении жертвенных животных, гекатомбах скифского времени (Кукушкин, 2004). Думается, меандро-свастическим орнаментом, замкнутым в круг на тулове сосуда, передавалось круговое движение небесной колесницы вокруг неподвижного центра, который маркировался округлым днищем сосуда, иногда дополненного свастикой. Реалистичные изображения колесниц единично отмечаются и на самих керамических сосудах (Кузьмина, 1986. С. 126).

Меандровые мотивы рисунка, расположенного чаще всего в нижней части шейки или по плечу сосуда, обычно более «спокойны». Они, как правило, не закручиваются в свастику, а изображаются в виде полусвастики Z-образной формы (или «уточка») с различными вариантами соединения, подчеркивающими линейное скольжение (рис. 2: 1, 2). Очевидно, это связано с тем, что шейка сосуда отождествлялась с водной стихией, где божество не едет-катится, а плывет по ночному, подземному океану, влекомое водоплавающими птицами или само принимающее облик птицы этого вида (рис. 2: 3).

Место меандра в нижней части шейки сосуда нередко занимает горизонтальный зигзаг или зигзагообразная лента, получаемая в результате негатив-позитив-

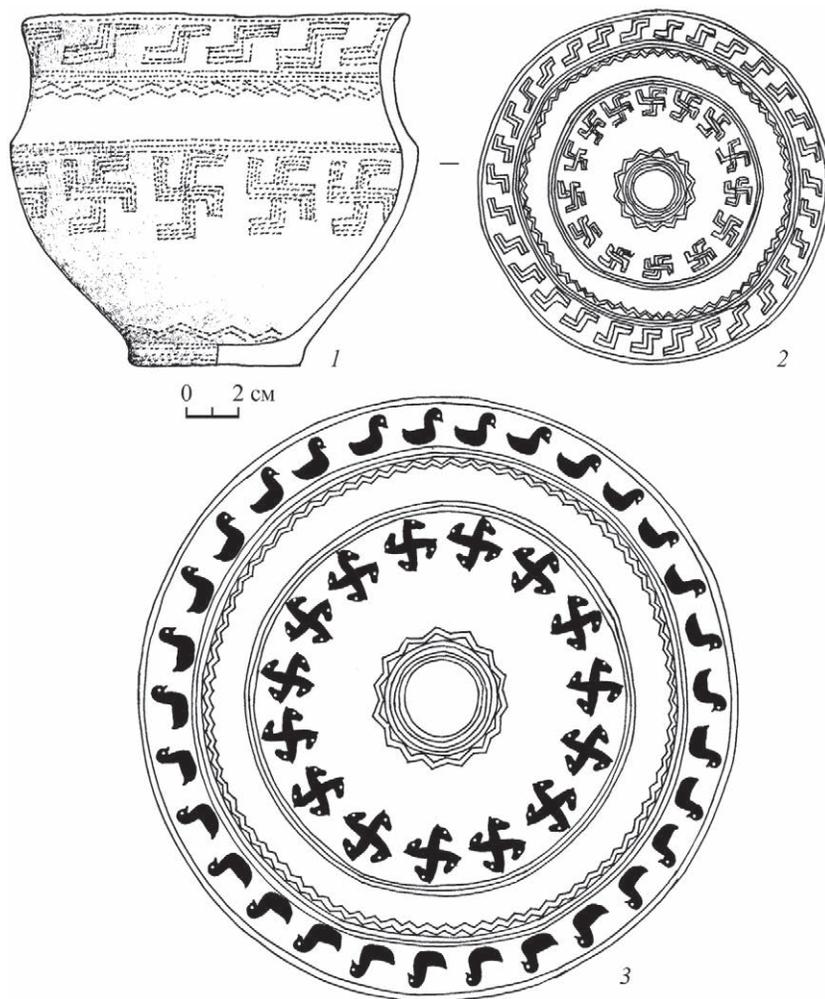

Рис. 2. Меандровые мотивы орнамента

1, 2 – керамический сосуд и круговая развертка орнамента на нем с условными реалистичными изображениями. Могильник Урефты I, Южное Зауралье (по: Стефанов, Корочкова, 2006); 3 – мифологическая реконструкция орнамента. Могильник Урефты I, Южное Зауралье (автор)

ных преобразований, которая, видимо, символизирует воду и движение, что совпадает по своему значению со знаками петроглифического письма древнейших мировых цивилизаций и этнографическими данными. Думается, и другие элементы орнамента, полученные в этой зоне сосуда путем негатив-позитивных преобразований, близки этим значениям. Символике воды может соответствовать и пустая зона по шейке сосуда, вероятно подчеркивающая бесцветные, прозрачные свойства самой жидкости и ее месторасположение на керамических изделиях.

Верхняя часть шейки горшков обычно украшалась «падающими», равнобедренными или прямоугольными треугольниками, которые могли олицетворять собой волны Мирового океана, который, по представлениям древних, со всех сторон омывал Землю, или образ мирового змея, кольцом охватывающего сушу. Любопытно, что иногда на керамике наблюдается изображение волнистой линии, обрамленной треугольниками, что в целом ассоциируется с плывущим мировым змеем, где его природа передается характерными чешуйчато-роговыми признаками. Особенно ярко это подчеркивается скошенными треугольниками, которые как бы наплывают, укладываются друг на друга.

Перечисленные свастические изображения широко присутствуют на андроновской керамике, являясь составной частью орнаментации, однако, за исключением дниц, использовались, как правило, в усеченном варианте на плечиках сосудов, особенно ярко проступая в федоровской традиции.

Андроновские свастические элементы орнамента нередко имеют окончания в виде двух-трех ветвей. Считается доказанным, что орнамент зачастую передает одну характерную черту прообраза. Так, наряду с обычной свастикой, ветви которой ассоциировались с головой лошади или птицы, известные по петроглифам и изображениям более позднего времени (*Кукушкин*, 2007. С. 149. Рис. 5), была также широко распространена свастика с удвоенными или утроенными ветвями, передающая в профиль ноги (хвост или голову) лошади, а также количество завуалированных персонажей – два или три (рис. 3: 1, 2). Причем, в отличие от обычной свастики, животные соединены головами, как, например, при изображении лошадей у мирового дерева (столба, оси, коновязи) (*Shvets*, 2012. Taf. 125). По нашему мнению, андроновская свастика передает профильное изображение парных лошадей, запряженных в колесницу, с которыми ассоциировались близнецы-Ашвины. Обобщенное имя братьев-близнецов, собственно, и означает коней. Петроглифические рисунки с изображениями коней и колесницы отмечаются практически на всей территории, занимаемой андроновскими племенами.

Погребальная практика, где впервые зафиксировано использование в ритуальных целях значительного количества домашних животных, и в первую очередь лошадей, отмечается в эпоху бронзы в погребальных комплексах синташтинской культуры Южного Зауралья. Показательно, что в некоторых погребениях и отдельно расположенных жертвенниках свастические признаки действительно присутствуют. Например, в погребениях 5 и 12 Синташтинского могильника расположение лошадей вполне может быть интерпретировано, как подчеркнуто свастическое (*Зданович, Куприянова*, 2010. С. 142. Рис. 7). Принципам свастики отвечает жертвенный комплекс I (СМ), где рядом с сосудом, установленным вверх дном, расположены головы животных, в том числе и коней, обращенных к нему лицевой частью (*Генинг и др.*, 1992. С. 127, 236). Перевернутые сосуды нередко сопровождают синташтинские жертвенники с костями животных в степном Приуралье (*Ткачев*, 2002. С. 56), известны в жертвенниках алакульской культуры Северного и Центрального Казахстана (*Усманова*, 2005. С. 41; *Кукушкин, Кукушкин*, 2015. С. 673).

Довольно часто крест наносили на округлые днища банок и горшков с упрощенной орнаментацией, так как «простейшая схема мира – это круг с вписанным в него крестом» (*Бессонова*, 1983. С. 83). Однако изображение свастики

Рис. 3. Свастические элементы орнамента

1, 2 – керамический сосуд и круговая развертка орнамента на нем со схематичным изображением лошадей. Могильник Лисаковский I, Северный Казахстан (по: Усманова, 2005)

на днище и меандрово-свастический рисунок на тулове сосуда довольно редко сочетаются на одном изделии. Следовательно, крест (свастика) может маркировать всю космогоническую модель мира на посуде в целом.

Утилитарный андроновский сосуд – это в то же время сакральный предмет, на котором графически зафиксирована космогоническая религиозно-мифологическая система, отражающая представления древнего населения об организованном пространстве окружающего мира – космосе. В сакральном (перевернутом) положении сосуд – это мировая ось, мировое дерево, вершина которого в виде округлого донца символизирует всевидящее око божества, иногда подчеркнутое свастикой-колесницей. По тулову свастическими мотивами передается круговое непрерывное движение небесной колесницы, проходящей по небосводу. Ниже – подземная водная стихия, преодолеваемая с помощью водоплавающих птиц. В целом вся картина воспроизводит циклическое круговое вращение, т. е. смену дня и ночи вокруг оси мира. Свастикой передавались множественность и близкий облик персонажей, мчавшихся на небесной колеснице. Например, в «Ригведе» колесница Ашвинов представлялась в виде трехместной трехколесной повозки, подразумевающей трех персонажей (*Елизаренкова*, 1989. С. 660). Эти мировоззренческие каноны нашли свое убедительное отражение в наскальном искусстве при изображении ряда колесниц, где место четырехугольного кузова занимает третье дополнительное колесо, расположенное в центре (*Самашев*, 1992. С. 78, 79. Рис. 90; 91). По параметрам и способам оформления оно ничем не отличается от боковых колес. Очевидно, именно таким наиболее простым и доступным способом древний художник передавал особенности сакральной колесницы триады.

В ведийской мифологии данный сюжет связан с представлениями о дочери солнца – Сурье, которую на колеснице везут Ашвины, два брата-близнеца в облике двух близнецных коней-птиц, являясь одновременно ее мужьями и сватами для Сомы (*Топоров*, 2000. С. 144, 145), на что могут косвенно указывать и некоторые эротические сцены, засвидетельствованные в наскальном искусстве (*Самашев*, 1992. С. 93. Рис. 110). В балтийской, латышской, традиции дочь солнца везут на лодке два брата-близнеца, сидящие на веслах (*Иванов*, 1972. С. 197). С представлениями о небесной колеснице, которую везут кони-близнецы белой и черной масти, может ассоциироваться Великая богиня, близкая к богине утренней зари Ушас, выступающей в роли сестры или матери Ашвинов (*Елизаренкова*, 1989. С. 572, 660). Она предстает в облике женщины или зоо-орнитоморфного персонажа. Вместе они составляют триединство или так называемую триаду. Возможно также, что правосторонняя или левосторонняя свастика фиксирует светлую и темную сторону божества. На женскую ипостась божества могут указывать шишечки-выступы, сгруппированные попарно, отмечаемые на тулове некоторых синташтинских сосудов и бытующих в более позднее время, в частности – на керамике бегазы-дандыбаевской культуры. Аналогичным образом маркировались женские статуэтки с орнитоморфными чертами, интерпретируемые как божества растительного мира в материалах Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (*Сарианиди*, 2001. С. 49. Рис. 16).

Свастика без ситуационного контекста – это, собственно, и есть триада (близнецы и богиня), где центральное сакрально значимое место, вокруг которого вращаются ветви-голова свастики, занимает так называемый всевидящий

глаз, изображавшийся в виде округлой выпуклости, круга с точкой или сквозного отверстия. Именно глаз, всевидящее око дневного или ночного светила, является характерным символом целого ряда индоевропейских верховных божеств (Горячев, Егорова, 2011. С. 41). Ярким примером является изображение на дисковидном щитковом псалии, найденном на поселении раннесрубной культуры Нижняя Красавка II (Нижнее Поволжье), где вокруг центрального округлого отверстия нанесен свастический рисунок в виде трех изогнутых ветвей, украшенных стилизованными головками лошадей (Лопатин, 2010. С. 141. Рис. 9–13).

Видимо, лошадь в эпоху бронзы, занявшая особое место в скотоводческих культурах Евразийского степного пояса, начинает достаточно устойчиво ассоциироваться со знаком свастики. Причем, судя по петроглифическим изображениям парных колесничных запряжек, петровским и раннеалакульским погребениям в сопровождении двух лошадей, в основе свастики лежал образ двух коней-птиц, совершающих круговое движение, равнозначное понятию колесницы. Показательно и число жертвенных лошадей в погребальных комплексах Синташтинского могильника, количество которых обычно составляет две или четыре в одном захоронении, т. е. воспроизводит условную или реальную свастику, отмечаемую и на погребальных сосудах (Генинг и др., 1992. С. 118, 380).

С этих позиций становится понятна семантика золотых сережек, найденных в федоровских могильниках Мыншункур III (Акишев, 1992. С. 7. Рис. 1) и Чесноково I (Кирюшин, Шульга, 1996. Рис. 2: 2, 3), где две колесничные лошадки в сейминско-турбинском стиле (рис. 1: 7, 8) совмещены с образом богини, изображенной в виде округлой серьги, символизирующей всевидящее око божества, форму которого подчеркивает мировой змей, хватаящий себя за хвост, т. е. аналогичные смысловому содержанию рисунка на орнаментированных днищах керамических сосудов. Ввиду сложности объемной передачи фигурок, обе лошадки изображены в профиль, следующие друг за другом, как и на навершии ножа из Сеймы (Бадер, 1971. С. 99). Однако в одном случае мастер все-таки сумел расположить на рукояти ножа двух лошадей параллельно друг другу, подчеркнув именно парность колесничных коней (Молодин, Нескоров, 2010. С. 65. Рис. 15).

Таким образом, мировоззренческие представления федоровского и алакульского населения опирались на единую религиозно-мифологическую систему, на что может указывать близкий по своей семантической нагрузке сакральный орнамент, наносившийся на днища сосудов и округлые металлические бляшки. Поэтому, несмотря на отдельные предпочтения в выборе приоритетных объектов культа, вызванных внутрисоциальными процессами, в целом прослеживается тенденция к дальнейшей унификации мировоззренческих стереотипов в более поздний период.

Интересно, что в эпоху финальной бронзы происходит повсеместное огрубление керамики и упрощение декора посуды. Не исключено, что гончарное дело, которым традиционно занимались женщины, по большей части становится мужской прерогативой, где полностью изменяется качество и сакральная значимость посуды. Происходит переориентация предметно выраженных и знаково-ориентированных мифологем с керамических форм на изделия из кости и рога, что нашло свое отражение в представительных коллекциях косторезного

искусства в виде различных предметов ритуального назначения: «зеркал», «жезлов», «уточек» и т. д. (Кукушкин, 2007. С. 134), в большом количестве, например, зафиксированных на крупнейшем поселении Кент в Центральном Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А., 1992. Происхождение «звериного» стиля в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения-1990: сб. мат-лов конф. Ч. I. М. С. 4–9.
- Бадер О. Н., 1971. Бронзовый нож из Сеймы с лошадьми на навершии // КСИА. Вып. 167. С. 98–103.
- Бессонова С. С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка. 139 с.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. I. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. 408 с.
- Горячев А. А., Егорова Т. А., 2011. Художественное своеобразие и семантический анализ образов «солнцеголовых» эпохи бронзы урочища Тамгалы в свете материалов письменной и изобразительной традиции древних цивилизаций // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы: Родничок. С. 27–47.
- Елизаренкова Т. Я., 1989. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука. С. 426–762.
- Зданович Д. Г., Куприянова Е. В., 2010. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. I. Челябинск: Челябинский гос. ун-т. С. 130–161.
- Зотова С. В., 1965. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. М.: Наука. С. 177–181. (МИА; № 130.)
- Иванов В. В., 1972. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках // Балтославянский сборник. М.: Наука. С. 193–205.
- Кирюшин Ю. Ф., Шульга П. И., 1996. Андроновское погребение на р. Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. № 2. С. 33–38.
- Ковтун И. В., 2016. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казанская недвижность. 547 с.
- Кузьмина Е. Е., 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 134 с.
- Кузьмина Е. Е., 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА. 358 с.
- Кукушкин И. А., 2004. Семантика массовых захоронений лошадей в царских курганах ранних кочевников // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: АГУ. С. 276–283.
- Кукушкин И. А., 2007. Мировоззренческие аспекты культуры населения финальной бронзы Центрального Казахстана // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда: Е. А. Сыгин. С. 133–150.
- Кукушкин И. А., Кукушкин А. И., 2015. Некоторые итоги исследований могильника Танабай // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана. С. 670–681.
- Лопатин В. А., 2010. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007–2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Наука. С. 126–156.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 436 с.
- Михайлов Ю. И., 1990. Орнамент андроновского керамического комплекса (проблема анализа и интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 18 с.
- Михайлов Ю. И., 2001. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвуиздат. 363 с.
- Молодин В. И., Нескоров А. В., 2010. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщикества XXI века) // АЭАЕ. № 3 (43). С. 58–71.

- Рудковский И. В.*, 1992. Элементы и мотивы в орнаментике (по андроновским материалам) // Маргулановские чтения-1990: сб. мат-лов конф. Ч. I. М. С. 40–43.
- Рудковский И. В.*, 2013. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы: Хикари. 192 с.
- Рудковский И. В.*, 2014. Археология Западной Сибири: симметрия археологических орнаментов. Томск: ТГПУ. 124 с.
- Самашев З. С.*, 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым. 288 с.
- Сарианиди В. И.*, 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-Медия. 246 с.
- Сметанина Т. В.*, 2011. Орнамент керамики как объект интерпретации // Маргулановские чтения-2011. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. С. 118–123.
- Стефанов В. И., Корочкова О. Н.*, 2006. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Уральский ун-т. 160 с.
- Ткачев В. В.*, 2002. Относительная хронология культурных образований конца эпохи средней – начала поздней бронзы в степном Приуралье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. С. 48–64.
- Топоров В. Н.*, 2000. Ашвины // Мифы народов мира. Т. 1. М.: БРЭ. С. 144–145.
- Усманова Э. Р.*, 2005. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда: Карагандинский гос. ун-т; Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья. 232 с.
- Усманова Э. Р.*, 2010. Костюм женщины эпохи бронзы. Опыт реконструкции. Караганда: Карагандинский гос. ун-т; Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья. 176 с.
- Shvets I.*, 2012. Studien zur felsbildkunst Kasachstans. Darmstadt; Mainz: Von Zabern. 267 p. (Materialien zur archaologie Kasachstans; Bd. 1.)

Сведения об авторе

Кукушкин Игорь Алексеевич, Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е. А. Букетова, ул. Университетская, 28, Караганда, 100028, Казахстан; e-mail: sai@ksu.kz

I. A. Kukushkin

SEMANTICS OF ANDRONOVO ORNAMENT

Abstract. Perception and implementation of religious and mythological concepts concerning the surrounding world through the prism of symbols and a geometrical system which is vividly expressed in a ceramic ornamental tradition and ritual and magic jewelry of women's funeral costume is a distinctive feature of Andronovo sacral decorative art. Evidently, a rounded bottom of pots placed upside down is perceived as a semantic top, a sacral center, with a circular motion organized around it, apparently, linked to concepts of a celestial chariot, symbolism of which were associated with a meander and swastika ornament. It is assumed that the Great Goddess and the twins represented as horses-birds carrying their mother or a sister were depicted this way. Usually the Great Goddess is shown as a woman or a zoo-ornithomorphic image. The round bottom of the vessel symbolizes the Eye of a deity which can be complemented with a chariot represented as a swastika motif.

Keywords: religious and mythological symbolism, semantics, Andronovo culture, sacrificial place, ornament, swastika compositions, chariot.

REFERECES

- Akishev K. A., 1992. Proiskhozhdenie «zverinogo» stilya v izobrazitel'nom iskusstve sakov [Origin of «animal» style in figurative art of the Saka]. *Margulanovskie chteniya-1990: sbornik materialov konferentsii [Margulan readings-1990: collection of conference transactions]*, I. Moscow, pp. 4–9.
- Bader O. N., 1971. Bronzovyy nozh iz Seimy s loshad'mi na navershii [Bronze knife from Seima with horses on pommel]. *KSIA*, 167, pp. 98–103.
- Bessonova S. S., 1983. Religioznye predstavleniya skifov [Religious concepts of Scythians]. Kiev: Naukova dumka. 139 p.
- Elizarenkova T. Ya., 1989. «Rigveda» – velikoye nachalo indiyaskoy literatury i kul'tury [«Rigveda» – great beginning of Indian literature and culture]. *Rigveda. Mandaly I–IV [Rigveda. Mandalas I–IV]*. Moscow: Nauka, pp. 426–762.
- Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V., 1992. Sintashta. Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Sintashta. Archaeological sites of Arian tribes of Ural-Kazakhstan steppes], 1. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo. 408 p.
- Goryachev A. A., Egorova T. A., 2011. Khudozhestvennoye svoeobrazie i semanticheskiy analiz obrazov «solntsegolovykh» epokhi bronzy urochishcha Tamgaly v svete materialov pis'mennoy i izobrazitel'noy traditsii drevnikh tsivilizatsiy [Art specifics and semantic analysis of «Sun-headed» images of Bronze Age in locality Tamgaly in light of materials of written and figurative tradition of ancient civilizations]. *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya [History and archaeology of Semirech'ye]*, 4. Almaty: Rodnichok, pp. 27–47.
- Ivanov V. V., 1972. Otrazhenie indoevropeyskoy terminologii bliznechnogo kul'ta v baltiyskikh yazykakh [Reflection of Indo-European terminology of twin cult in Baltic languages]. *Balto-slavyanskiy sbornik [Baltic-Slavic annual]*. Moscow: Nauka, pp. 193–205.
- Kiryushin Yu. F., Shul'ga P. I., 1996. Andronovskoye pogrebenie na r. Charysh [Andronovo burial on Charysh River]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Altai State university]*, 2, pp. 33–38.
- Kovtun I. V., 2016. Andronovskiy ornament (morfologiya i mifologiya) [Androbovo ornament (morphology and mythology)]. Kazan': Kazanskaya nedvizhimost'. 547 p.
- Kukushkin I. A., 2004. Semantika massovykh zakhroneniyy loshadey v tsarskikh kurganakh rannikh kochevnikov [Semantics of mass horse burials in royal kurgans of early nomads]. *Kompleksnyye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii [Complex investigations of ancient and traditional societies of Eurasia]*. Barnaul: Atayskiy gos. universitet, pp. 276–283.
- Kukushkin I. A., 2007. Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury naseleniya final'noy bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana [World-outlook aspects of culture of terminal Bronze Age population in Central Kazakhstan]. *Istoriko-kul'turnoye nasledie Saryarki [Historical-cultural heritage of Saryarki]*. Karaganda: E. A. Sytin, pp. 133–150.
- Kukushkin I. A., Kukushkin A. I., 2015. Nekotoryye itogi issledovaniy mogil'nika Tanabay [Some results of investigations of cemetery Tanabay]. *Kazakhskoye khanstvo v potoke istorii: sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 550-letiyu obrazovaniya Kazakhskogo khanstva [Kazakh khanate in stream of history: collection of scientific articles dedicated to 550th anniversary of formation of Kazakh khanate]*. Almaty: Institut arkheologii imeni A. Kh. Margulana, pp. 670–681.
- Kuz'mina E. E., 1986. Drevneyshie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya [Earliest stock-breeders from Urals to Tien-Shan]. Frunze: Ilim. 134 p.
- Kuz'mina E. E., 2008. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kul'turnoy obshchnosti [Classification and periodization of sites of the Andronovo cultural community]. Aktobe: PrintA. 358 p.
- Lopatin V. A., 2010. Pokrovskiy kul'turnyy kompleks poseleniya Nizhnyaya Krasavka-II (po materialam issledovaniy 2007–2009 godov) [Pokrovka cultural complex of settlement Krasavka-II (based on materials of investigations of 2007–2009)]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archaeology of East-European steppe]*. Saratov: Nauka, pp. 126–156.
- Margulan A. Kh., Akishev K. A., Kadyrbaev M. K., Orazbaev A. M., 1966. Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazakhstana [Ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. 436 p.

- Mikhaylov Yu. I., 1990. Ornament andronovskogo keramicheskogo kompleksa (problema analiza i interpretatsii): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Ornament of Andronovo ceramic complex (problem of analysis and interpretation): PhD thesis]. Kemerovo. 18 p.
- Mikhaylov Yu. I., 2001. Mirovozzrenie drevnikh obshchestv yuga Zapadnoy Sibiri (epokha bronzy) [World-outlook of ancient societies of the South of West Siberia (Bronze Age)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 363 p.
- Molodin V. I., Neskorov A. V., 2010. Kolleksiya seyminsko-turbinskikh bronz iz Priirtysh'ya (tragediya unikal'nogo pamyatnika – posledstviya bugrovshchichestva XXI veka) [Private collection of Seima-Turbino bronzes from the Irtysh: The tragedy of a unique site destroyed by unauthorized excavations]. *AEAE*, 3 (43), pp. 58–71.
- Rudkovskiy I. V., 1992. Elementy i motivy v ornamentike (po andronovskim materialam) [Elements and motifs in ornamentation (based on Andronovo materials)]. *Margulanovskie chteniya -1990: sbornik materialov konferentsii [Margulan readings-1990: collection of conference transactions]*, I. Moscow, pp. 40–43.
- Rudkovskiy I. V., 2013. Andronovskaya ornamentika v kontekste sistemoobrazuyushchikh invariantov [Andronovo ornamentation in context of system-forming invariants]. Almaty: Khikari. 192 p.
- Rudkovskiy I. V., 2014. Arkheologiya Zapadnoy Sibiri: simmetrometriya arkheologicheskikh ornamentov [Archaeology of West Siberia: symmetry-measuring of archaeological ornaments]. Tomsk: Tomskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 124 p.
- Samashev Z. S., 1992. Naskal'nyye izobrazheniya Verkhnego Priirtysh'ya [Rock art of Upper Irtysh region]. Alma-Ata: Gylym. 288 p.
- Sarianidi V. I., 2001. Nekropol' Gonura i iranskoye yazychestvo [Gonur necropolis and Iranian paganism]. Moscow: Mir-mediya. 246 p.
- Shvets I., 2012. Studien zur felsbildkunst Kasachstans. Darmstadt; Mainz: Von Zabern. 267 p. (Materialien zur Archäologie Kasachstans, 1.)
- Smetanina T. V., 2011. Ornament keramiki kak ob'ekt interpretatsii [Ornament on ceramics as object of interpretation]. *Margulanovskie chteniya-2011 [Margulan readings – 2011]*. Astana: Evraziyskiy natsional'nyy universitet imeni L. N. Gumileva, pp. 118–123.
- Stefanov V. I., Korochkova O. N., 2006. Urefty I: zaural'skiy pamyatnik v andronovskom kontekste [Urefty I: Trans-Uralian site in Andronovo context]. Yekaterinburg: Ural'skiy universitet. 160 p.
- Tkachev V. V., 2002. Otnositel'naya khronologiya kul'turnykh obrazovaniy kotsa epokhi sredney – nachala pozdney bronzy v stepnom Priural'ye [Relative chronology of cultural formations of the end of Middle Bronze Age – beginning of Late Bronze Age in steppe Urals region]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana [Problems of history and archaeology of West Kazakhstan]*, 1, pp. 48–64.
- Toporov V. N., 2000. Ashviny [Ashvins]. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the World]*, 1. Moscow: BRE, pp. 144–145.
- Usmanova E. R., 2005. Mogil'nik Lisakovskiy I: fakty i paralleli [Cemetery Lisakovskiy I: facts and parallels]. Karaganda: Karagandinskiy gos. universitet; Lisakovsk: Lisakovskiy muzey istorii i kul'tury Verkhnego Pritobol'ya. 232 p.
- Usmanova E. R., 2010. Kostyum zhenshchiny epokhi bronzy Kazakhstana: opyt rekonstruktsiy [Costume of woman of Bronze Age in Kazakhstan: experience of reconstruction]. Karaganda: Karagandinskiy gos. universitet; Lisakovsk: Lisakovskiy muzey istorii i kul'tury Verkhnego Pritobol'ya. 176 p.
- Zdanovich D. G., Kupriyanova E. V., 2010. Loshadi i bliznetsy: k «arkheologii rituala» Tsentral'noy Evrazii epokhi bronzy [Horses and twins: to «archaeology of ritual» in Central Asia during Bronze Age]. *Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: ancient heritage of South Urals]*, 1. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. universitet, pp. 130–161.
- Zotova S. V., 1965. Kovrovyye ornamenty andronovskoy keramiki [Carpet-like ornaments of Andronovo ceramics]. *Novoye v sovetskoy arkheologii [New in Soviet archaeology]*. Moscow: Nauka, pp. 177–181. (MIA, 130.)

About of author

Kukushkin Igor' A., Saryarka archaeological Institute at Karaganda state University named after E. A. Buketov, ul. Universitetskaya, 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan; e-mail: sai@ksu.kz

О. Л. Шарганова

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА РОСТОВА ВЕЛИКОГО (ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Резюме. Для изучения гончарных традиций древнерусского населения Ростова Великого были использованы материалы из двух раскопов на территории города. Технологическое изучение керамики проводилось по методике А. А. Бобринского в рамках историко-культурного подхода. Преобладали традиции отбора сильнозапеченных глин и составления формовочных масс по рецепту Г + Д + О. Традиция использования шамота фиксируется преимущественно в смешанном виде в рецепте Г + Д + Ш + О. Хронологических особенностей в распространении этих традиций не выявлено. Постепенные изменения касаются только рецепта Г + Д + О: это переход от крупной дресвы к более мелкой и от большей концентрации дресвы к меньшей, что было прослежено по керамике Григорьевского раскопа. Сопоставление материалов двух раскопов выявило некоторые особенности в традициях отбора глин, а также дало возможность предположить перемешанность нижних пластов Конюшенного раскопа. Выяснилось также, что существует определенная связь традиций изготовления орнаментированной посуды и использования шамота в качестве примеси.

Ключевые слова: Ростов Великий, лепная керамика, историко-культурный подход, гончарная технология.

Среди лепной керамики Ростова выделяются сосуды, отличающиеся по форме от мерянских. Они имеют короткий отогнутый венчик и часто орнаментированы насечкой по краю. Такую керамику принято считать древнерусской. Она постепенно сменяет мерянскую и, в свою очередь, вытесняется круговой посудой (Леонтьев, Самойлович, 1991).

Для технологического изучения была отобрана керамика из раскопок А. Е. Леонтьева на территории Конюшенного двора (раскопки 2013 г.) и с южной стороны от церкви Григория Богослова в Митрополичьем саду Ростовского кремля (раскопки 1992–1996 гг.)¹. Всего были изучены обломки от 210 сосудов, 91 сосуда – из Григорьевского раскопа и 119 сосудов – из Конюшенного.

¹ Выражаю искреннюю признательность в. н. с. ИА РАН А. Е. Леонтьеву за возможность изучения керамики из его раскопок и помощь в работе с коллекциями.

На Григорьевском раскопе нижние пласты датируются IX – третьей четвертью X в. Лепная керамика преобладает в пластах с 14-го по 9-й (они датируются IX – второй половиной XI в.), встречается также в 7–8-м пластах (датирующихся второй половиной XI – первой половиной XII в.). Изученная древнерусская керамика датируется концом X – первой половиной XII в. Для датировки пластов этого раскопа были использованы дендродаты (*Самойлович, 2001. С. 238*).

На территории Конюшенного двора нижние отложения культурного слоя относятся к концу X в. Древнерусская лепная керамика здесь встречается наряду с круговой во всех пластах, но преобладает в 23-м и 24-м. Основная масса изученных сосудов происходит из пластов 23 и 22, которые датируются соответственно концом X – первой половиной и третьей четвертью XI в. Пласты Конюшенного раскопа в отсутствие дендродат датировались автором раскопок по монетам и другим характерным находкам.

В данной работе на основании имеющихся датировок все сосуды (за исключением нескольких происходящих из ям) были объединены в хронологические группы (см. табл. 3). Группы с 1-й по 3-ю относятся ко времени бытования лепной керамики. К 4-й и 5-й группам относятся пласты, сформировавшиеся в то время, когда круговая посуда распространилась и начала количественно преобладать над лепной.

Целью работы является изучение одной из групп лепной керамики Ростова, которую принято связывать с его древнерусским населением. Анализ керамики, которая отличается по внешним признакам от местной мерянской, дает возможность определить гончарные традиции пришлого населения и выяснить, насколько однородным оно было. В дальнейшем после получения более широких сравнительных материалов информация о гончарных традициях станет одним из источников при выяснении происхождения этого населения.

Имеющиеся материалы позволяют поставить следующие задачи:

1) получить информацию о навыках труда гончаров на подготовительной стадии гончарного производства, включающей отбор и подготовку исходного сырья и составление формовочных масс;

2) сопоставить данные о технологии изготовления древнерусской керамики, полученные по двум раскопам, что позволяет выявить локальные особенности гончарных традиций;

3) проследить изменение гончарных традиций во времени (прежде всего по материалам Григорьевского раскопа);

4) выяснить технологические особенности орнаментированной и неорнаментированной посуды.

Для того чтобы связать технологическую информацию с морфологией сосудов, отдельно рассматривались орнаментированные и неорнаментированные сосуды. Из 210 сосудов орнаментированы 107 (53,9% керамики Григорьевского раскопа и 52,1% Конюшенного). Преобладает орнаментация уплощенного края сосуда насечками. Редко встречаются отпечатки гребенчатого штампа по краю или по краю и плечу, а также пальцевые вдавления по краю сосуда. Посуда с орнаментом фиксируется уже во второй хронологической группе, но в третьей она начинает количественно преобладать над неорнаментированной. Эта тенденция наблюдается на обоих раскопах.

Изучение керамики проводилось в рамках историко-культурного подхода по методике А. А. Бобринского (*Бобринский*, 1978; 1999). Проведенный анализ включал следующие этапы: 1) отбор образцов керамики от разных сосудов, 2) повторный обжиг небольших обломков от каждого сосуда в муфельной печи при температуре 850 °С для оценки степени ожелезненности глинистого сырья, 3) анализ степени запесоченности глин для обобщенной характеристики навыков отбора исходного сырья, 4) качественный и количественный анализ состава формовочных масс керамики. Анализ велся по свежим изломам керамики с помощью бинокулярного микроскопа МБС-9.

Исходное сырье

Для характеристики пластичного сырья использовались данные об особенностях естественной примеси песка в глине. По каждому образцу оценивалось количество фракций песка разного размера: менее 0,1 мм; 0,1–0,2; 0,2–0,3; 0,4–1,0 и больше 1,0 мм. Поскольку точные подсчеты очень мелких фракций затруднительны, для их характеристики использовались понятия «единичные», «редкие», «мало», «есть», «много». Кроме того, учитывался цвет повторно обожженных в окислительной среде фрагментов сосудов, в результате чего глины были условно разделены на ожелезненные, среднежелезненные и нежелезненные.

Были выделены следующие разновидности *глин* (табл. 1; 2²).

Сильнозапесоченные глины:

глина 1 – ожелезненная с большим количеством пылевидного песка; более крупного песка очень мало или почти нет. Включения бурого железняка размером 0,5–1,5 мм зафиксированы не во всех образцах;

глина 1а – среднежелезненная с большим количеством пылевидного песка и песка размером 0,1–0,2 мм; в меньшем количестве присутствует песок размером 0,2–0,3 и 0,4 мм. Характерны единичные включения бурого железняка;

глина 1б – среднежелезненная с большим количеством песка размером от пылевидного до 0,3 мм. Присутствует песок размером 0,4–0,6 мм. Включений бурого железняка не зафиксировано;

глина 2 – ожелезненная, содержит пылевидный песок и песок размером 0,1–0,2 мм, часто в заметном количестве присутствует песок размером 0,2–0,3 мм и редкие более крупные зерна. Глины этой разновидности почти не содержат бурого железняка;

глина 2б – ожелезненная, содержит большое количество песка размером 0,05–0,2 мм, присутствует также песок размером 0,2–0,3 мм, редкие зерна размером 0,4–1,0 мм и единичные более крупные. Бурый железняк содержится в виде единичных включений;

глина 2/2б – ожелезненная, содержит пылевидный песок, большое количество песка размером 0,1–0,2 мм, песок размером 0,2–0,3 мм, а также 0,5–1,0 мм;

глина 5 – ожелезненная, содержит много мельчайшего пылевидного песка и небольшое количество песка размером 0,1–0,3 мм. Более крупный песок редко

² Все таблицы располагаются в конце статьи.

встречается в виде единичных включений. Бурый железняк встречается в небольшом количестве в ряде образцов;

Среднезапесоченные глины:

глина 3 – ожелезненная, содержит пылевидный песок, иногда в небольшом количестве, небольшое количество песка размером 0,1–0,3 мм, редкие более крупные зерна. Бурый железняк присутствует в небольшой концентрации;

глина 3а – ожелезненная, практически не заметен пылевидный песок, но есть песок размером 0,1–0,3 мм, а также редкие включения песка размером 0,4–0,6 мм и единичные зерна до 1,5 мм;

глина 5а – ожелезненная, содержит преимущественно пылевидный песок в относительно небольшой концентрации. Включения бурого железняка зафиксированы только в части образцов. В некоторых случаях в глине встречаются комочки более плотной глины. Близка к глине 5, но отличается от нее меньшим количеством пылевидного песка;

глина 5б – среднеожелезненная, содержит преимущественно пылевидный песок в относительно небольшой концентрации. Характерны включения бурого железняка размером не более 2 мм;

глина 6 – неожелезненная, содержит пылевидный песок и песок размером 0,1–0,2 мм, а также небольшое количество песка размером 0,2–0,3 мм. Характерны мелкие включения бурого железняка (0,1–0,2 мм);

Слабозапесоченные глины:

глина 4 – ожелезненная, содержит очень мало пылевидного песка, небольшое количество песка размером 0,1–0,3 мм и отдельные более крупные зерна. Включения бурого железняка не характерны: представлены единичными включениями в редких образцах;

глина 4а – слабозапесоченная; отличается от глины 4 присутствием округлых включений глинистого минерала (?) размером 0,5–1,5 мм.

В ряде случаев отмечается естественная неоднородность глин, при которой в изломе встречаются комочки, отличающиеся от основной по степени запесоченности, а иногда и ожелезненности. Наиболее часто неоднородность сырья фиксировалась для глин 1, 2, 5, 5а, 4.

Некоторые из этих глин можно соотнести с определенными «районами» добычи пластичного сырья в соответствии с существующей методикой, согласно которой качественный состав естественных примесей указывает на предполагаемый «район», а концентрация этих примесей – на условное «место» добычи внутри «района» (*Бобринский*, 1999. С. 25). Так, глины 1а и 1б сходны по степени ожелезненности (обе среднеожелезненные), для обеих характерно присутствие пылевидного песка в большом количестве. Но в глине 1б содержится и относительно крупный песок (0,4–0,6 мм), в то время как в глине 1а максимальный размер включений песка 0,3–0,4 мм. К одному району добычи можно отнести глины 5 и 5а. В них содержится мельчайший пылевидный песок, но в разной концентрации. Вероятно, глины 3 и 3а можно также отнести к одному району, поскольку они различаются прежде всего концентрацией пылевидного песка.

В целом для древнерусской керамики характерно применение сильнозапесоченных глин: из них изготовлены 71,5% сосудов Григорьевского раскопа и 63% сосудов Конюшенного раскопа. Средне- и слабозапесоченные глины

использовались значительно меньше. Для Григорьевского раскопа это 15,4 и 13,2% соответственно, а для Конюшенного – 31,8 и 5%. Использование смеси двух глин зафиксировано в одном сосуде, где в глину 5 добавлена среднежелезная глина, не относящаяся ни к одной из выделенных разновидностей.

Анализ керамики из разных хронологических групп (табл. 1, 2) позволил выяснить, что традиция использования сильнозапесоченных глин была преобладающей на всех этапах. Можно отметить, что в материалах Григорьевского раскопа прослеживается увеличение числа сосудов из среднезапесоченной глины: если во 2-й хронологической группе их всего 5%, то в третьей уже 21,2%, а затем доля сосудов из этих глин остается практически постоянной (от 17 до 21%). Следовательно, распространение традиции использования среднезапесоченных глин на Григорьевском раскопе относится к 1-й половине XI в. Для керамики Конюшенного раскопа, если не учитывать малочисленные 2-ю и 5-ю хронологические группы, характерна постоянная доля сосудов из среднезапесоченных глин (30 и 23% в 3-й и 4-й хронологических группах). Сосуды, изготовленные из слабозапесоченных глин, встречаются в разных хронологических группах, однако они слишком малочисленны для того, чтобы можно было делать заключение об определенных тенденциях в их распространении.

Были зафиксированы две разновидности *минеральных примесей* – дресва и шамот. *Органические компоненты* представлены дробленой раковинной моллюсков и сырьем растительного происхождения. Включения раковины белого и дымчато-серого цвета представляют собой обломки преимущественно с пластинчатой структурой размером от мельчайших до 3 мм в одном случае и до 5 мм – в другом. Реже встречаются обломки с неразделенными пластинчатым и столбчатым слоями. Те образцы сосудов с примесью раковины, которые были дополнительно нагреты в окислительной среде при температуре каления глины, не разрушились. Эти признаки указывают на предварительную термическую обработку раковины перед ее измельчением (Салугина, 2006. С. 380–381).

Кроме того, в формовочных массах присутствуют следы очень мелких растительных остатков, а реже и более крупных. Признаки органических растворов в виде пленок на поверхностях тонких пустот или в углублениях от зерен минеральных примесей относительно редки. Можно предположить, что органика (вероятно, навоз) использовалась в сухом состоянии после предварительного измельчения и просеивания.

Рецепты формовочных масс

Значительно преобладает один рецепт формовочной массы – Г + Д + О (81%) (табл. 3)³. Традиция использования шамота зафиксирована в двух рецептах: Г + Ш + О (1%) и Г + Д + Ш + О (17%). Остальные рецепты представлены единичными сосудами. Один сосуд был изготовлен из формовочной массы

³ Сокращения, использованные в тексте: Г – глина, Д – дресва, Ш – шамот, П – песок, Р – раковина (искусственная примесь в формовочной массе), О – органика, О? – органика неизвестного происхождения.

без минеральных примесей (рецепт Г + О). В двух других фиксируется примесь дробленной раковины. Большая концентрация позволяет предположить ее искусственное происхождение. Минеральные примеси в одном из этих сосудов представлены дресвой, в другом – шамотом.

Заметных хронологических особенностей распространения различных рецептов не наблюдается (табл. 3). Рецепт Г + Д + О преобладает во всех хронологических группах. Следующий по распространенности рецепт Г + Д + Ш + О также представлен во всех группах (за исключением малочисленной 1-й). В 5-й хронологической группе доля сосудов с шамотом незначительно увеличивается. Если рассматривать керамику двух раскопов отдельно и исключить малочисленные группы, то можно отметить, что этот рецепт наибольшее распространение получил в 3-й хронологической группе.

Сравнение данных по двум раскопам показывает, что массовый рецепт Г + Д + О, а также рецепты Г + Ш + О и Г + Д + Ш + О составляют очень близкие доли в керамике каждого из них. Отличия прослеживаются по редким рецептам: рецепт Г + О зафиксирован в керамике Григорьевского раскопа, а рецепты Г + Д + Р + О? и Г + Ш + Р + О в керамике Конюшенного.

Из табл. 4 и 5 видно, что сосуды с рецептом формовочной массы Г + Д + О изготовлены из разнообразных глин, но некоторые глины использовались редко, а другие представлены большими группами сосудов. Наиболее распространенными разновидностями были глины 1а, 2, 5, 5а. Однако в керамике Григорьевского раскопа преобладают глины 2 и 5, а в керамике Конюшенного раскопа – глины 1а, 5 и 5а.

Глины с очень мелким пылевидным песком (глины 5 и 5а) использовались широко: из них изготовлено большинство сосудов обоих раскопов. Таблицы 4 и 5 показывают, что залежи этих глин разрабатывались группами гончаров, владевших разными навыками составления формовочных масс: эти глины зафиксированы как в рецептах с дресвой, так и с шамотом. Важно также отметить, что гончары, делавшие керамику с примесью шамота, использовали преимущественно эти глины, а другие разновидности глин в рецептах Г + Ш + О и Г + Д + Ш + О зафиксированы по редким или единичным сосудам.

Рецепт Г + Д + О

Рассмотрим подробнее особенности массового рецепта Г + Д + О, по которому были изготовлены 170 сосудов.

Размер дресвы в этом рецепте составляет от 2 до 4 мм: незначительно преобладают сосуды с дресвой размером до 2 мм (47,1%), сосуды с дресвой до 3 мм составляют 40,6%, до 4 мм – 12,3%.

Если рассмотреть материалы двух раскопов отдельно (табл. 6, 7), можно заметить, что в керамике Григорьевского раскопа во 2-й хронологической группе значительно преобладают сосуды с дресвой до 3 мм, в 3-й они также многочисленны, хотя доля сосудов с дресвой до 2 мм выше, чем во 2-й группе. Сосуды с дресвой до 2 мм начинают преобладать только в 4-й хронологической группе. В керамике Конюшенного раскопа в 3-й хронологической группе сосуды

с дресвой до 2 мм заметно преобладают, а в 4-й группе число сосудов с дресвой до 2 и 3 мм одинаково.

Традиция *просеивания дресвы*, о которой свидетельствует тот факт, что в изломах отсутствуют ее включения размером менее 0,5–1,0 мм, была зафиксирована по 25,3 % сосудов с рецептом формовочных масс Г + Д + О из Григорьевского раскопа и 22,2 % из Конюшенного. Эта традиция прослеживается в керамике 1–4-й хронологических групп Григорьевского раскопа: ее максимальное распространение фиксируется во 2-й и 3-й группах, затем доля сосудов с просеянной дресвой сокращается. В керамике Конюшенного раскопа такие сосуды присутствуют во всех хронологических группах, но наибольшая их доля приходится на 3-ю и 4-ю группы.

Традиция просеивания чаще сочетается с традицией использования относительно крупной дресвы. Так, среди сосудов с дресвой до 2 мм просеянная дресва была зафиксирована в 9 % случаев, а среди сосудов с дресвой до 4 мм – в 68 %.

Судя по тому, что сосуды с просеянной дресвой изготовлены из разных по запесоченности глин, а кроме того, из нескольких разновидностей сильно-запесоченной глины, можно предположить, что эта традиция существовала у нескольких групп гончаров.

В керамике Григорьевского раскопа во 2-й и 3-й хронологических группах преобладающей *концентрацией дресвы* была 1 : 3 (табл. 8). Затем, начиная с 4-й группы, преобладающая концентрация снижается и составляет 1 : 4. Для Конюшенного раскопа (табл. 9) характерно распространение керамики с небольшой концентрацией дресвы (1 : 4) уже в 3-й хронологической группе. Здесь и в 3-й и в 4-й хронологических группах сосуды с концентрацией дресвы 1 : 3 незначительно превышают по количеству сосуды с концентрацией 1 : 4.

Редкие рецепты

Рецепт Г + Ш + О представлен двумя сосудами. Шамот в одном из них имеет размер до 2 мм, в другом до 3, концентрация в обоих случаях 1 : 4. В одном из сосудов встречаются очень редкие включения дресвы. Это позволяет предположить, что шамот был изготовлен из сосуда с такой примесью.

Рецепт Г + Д + Ш + О был зафиксирован в 35 сосудах. В большинстве случаев (20 сосудов) обе минеральные примеси присутствуют в формовочной массе в равных или очень близких долях. Несмотря на то, что традиция использования дресвы была доминирующей, в 5 сосудах шамота содержится больше, чем дресвы. Для 6 сосудов характерна очень маленькая концентрация обеих примесей.

Для обсуждения вопроса о составах формовочных масс сосудов, использованных для изготовления шамота, очень мало данных. В редких случаях удалось зафиксировать дресву в зернах шамота или в виде единичных включений в формовочной массе. Глина, из которой были изготовлены эти сосуды, в большинстве случаев аналогична основному пластичному сырью сосудов. Однако есть и ряд образцов, шамот для которых был изготовлен из нескольких сосудов, различающихся по глинистому сырью.

В сосуде с рецептом формовочной массы $\Gamma + Д + Р + О$? дресва присутствует в очень маленькой концентрации 1 : 5, включения раковины размером до 5 мм многочисленны, а органические включения имеют, вероятно, естественное происхождение.

Другой сосуд с примесью раковины (рецепт $\Gamma + Ш + Р + О$) содержит шамот размером до 2 мм в концентрации 1 : 3. Основная масса включений раковины не превышает 3 мм. Органика в этом рецепте представлена мелкими растительными включениями без признаков присутствия органического раствора.

Такая же органическая добавка, вероятно, была использована в рецепте $\Gamma + О$.

Технологические особенности неорнаментированной и орнаментированной керамики

Если рассмотреть отдельно орнаментированную и неорнаментированную керамику, то становится заметным, что для орнаментированной керамики очень редко использовалась слабозапесоченная глина, она зафиксирована всего в одном сосуде.

Подсчет числа орнаментированных и неорнаментированных сосудов с разными рецептами формовочных масс показал, что в группе сосудов с рецептом $\Gamma + Д + О$ присутствуют орнаментированные и неорнаментированные сосуды. Среди сосудов с рецептом $\Gamma + Д + Ш + О$ заметно преобладают орнаментированные сосуды: они составляют 72,2% для Григорьевского и 76,5% для Конюшенного раскопов.

В керамике Григорьевского раскопа в рецепте $\Gamma + Д + О$ использовалась преимущественно дресва размером до 3 мм, а в керамике Конюшенного – до 2 мм как среди орнаментированной, так и среди неорнаментированной керамики. Однако среди сосудов с наиболее мелкой дресвой (до 2 мм) преобладают орнаментированные (53,8% для Григорьевского раскопа и 61,1% для Конюшенного), среди сосудов с дресвой до 3 мм в равной мере встречаются орнаментированные и неорнаментированные. Очень крупная дресва (до 4 мм) встречается преимущественно в неорнаментированных сосудах (83,3% для Григорьевского раскопа и 86,7% для Конюшенного).

Среди сосудов с просеянной дресвой заметно преобладают неорнаментированные (83,3% в керамике Григорьевского раскопа и 90,9% в керамике Конюшенного).

Для неорнаментированных сосудов характерна очень большая концентрация дресвы, 1 : 2–1 : 3. На Конюшенном раскопе все сосуды с такой концентрацией не орнаментированы, а на Григорьевском – 81,8%. Среди сосудов с небольшой концентрацией дресвы преобладают орнаментированные: из сосудов Григорьевского раскопа с концентрацией дресвы 1 : 4 орнаментированы 60%, Конюшенного – 69,4%. Орнамент имеют и почти все сосуды с концентрацией дресвы 1 : 5.

Таким образом, изучение лепной древнерусской керамики Ростова позволило сделать ряд **выводов**.

1. Были выявлены следующие технологические традиции.

На ступени отбора исходного сырья заметно преобладала традиция отбора ожелезненных сильнозапесоченных глин (66,7 %). Существовали также традиции использования средне- (24,8 %) и слабозапесоченных (8,6 %) глин. Выделение целого ряда разновидностей глин позволяет предположить, что работали разные группы гончаров, владевшие разными навыками отбора глин и пользовавшиеся разными залежами.

На ступени составления формовочных масс доминирует одна традиция – изготовления сосудов по рецепту Г + Д + О (80,9 %). Более редкая традиция использования шамота фиксируется преимущественно в рецепте Г + Д + Ш + О (16,7 %) и очень редко в рецепте Г + Ш + О (0,9 %). Единичными сосудами представлены рецепты Г + О, Г + Д + Р + О?, Г + Ш + Р + О.

2. Сравнение данных о технологии изготовления орнаментированной и неорнаментированной керамики выявило определенные закономерности. С неорнаментированной керамикой связана традиция использования слабозапесоченных глин, а также традиции просеивания дресвы, использования крупной дресвы и дресвы в большой концентрации в рецепте Г + Д + О. Более 70 % сосудов с рецептом формовочной массы Г + Д + Ш + О орнаментированы.

3. Хронологические изменения в традициях использования глин разной степени запесоченности минимальны. Преобладание традиции отбора сильнозапесоченных глин характерно для всех хронологических групп керамики. Можно отметить только, что в материалах Григорьевского раскопа прослеживается увеличение числа сосудов из среднезапесоченной глины: если во 2-й хронологической группе их всего 5 %, то в третьей уже 21,2 %.

Хронологических особенностей в распространении рецептов формовочных масс практически не наблюдается. Для всех периодов характерно преобладание рецепта Г + Д + О, а рецепт Г + Д + Ш + О распространяется уже начиная со 2-й хронологической группы, и число таких сосудов далее остается постоянным. Можно отметить лишь небольшое увеличение доли сосудов с таким рецептом в 3-й хронологической группе и сокращение их числа в 4-й. Предположительно, эту тенденцию можно связать с распространением круговой посуды, а следовательно, и традиции использования дресвы в период, соответствующий 4-й хронологической группе лепной керамики (*Шарганова, Леонтьев, 2018*).

Выяснилось, что изменения касаются традиции составления формовочных масс по рецепту Г + Д + О. Причем прослеживаются они только по керамике Григорьевского раскопа. Здесь наблюдается тенденция к переходу от крупной дресвы к более мелкой и от большей концентрации дресвы к меньшей. По керамике Конюшенного раскопа не удалось проследить определенной динамики.

4. Сопоставление материалов двух раскопов, с одной стороны, показывает локальные вариации традиций в пределах одного поселения, а с другой – может указывать на хронологические особенности разных участков.

В обеих локальных группах преобладает традиция отбора сильнозапесоченных глин, но в керамике Конюшенного раскопа больше доля сосудов из среднезапесоченных, а в керамике Григорьевского – из слабозапесоченных. Если более детально рассмотреть традиции отбора глин, то можно отметить, что есть разновидности глин, которые фиксируются в большом числе сосудов обеих

раскопов (например, глина 5), а есть разновидности, которые были встречены преимущественно в керамике одного из них (например, глина 1а – в керамике Конюшенного, а глина 2 – в керамике Григорьевского раскопа). Следовательно, можно отметить, что, хотя раскопы и находятся на небольшом расстоянии друг от друга, есть детали, которые отличают керамику каждого из них.

Однако в целом, если учитывать только такую характеристику глин, как запесоченность, можно отметить, что по этому параметру керамика Конюшенного раскопа близка керамике 3–5-й хронологических групп Григорьевского.

Соотношение групп сосудов с разными рецептами формовочных масс в керамике двух раскопов очень близко. Разница – в сосудах с редкими рецептами. На Конюшенном раскопе найдены два сосуда с примесью раковины (рецепты Г + Д + Р + О? и Г + Ш + Р + О), на Григорьевском – сосуд с рецептом Г + О. Редкие сосуды с примесью раковины на Григорьевском раскопе также имеются, хотя по форме их сложно с уверенностью отнести к древнерусским.

Определенное изменение гончарных традиций, прослеженное по керамике Григорьевского раскопа, не выявляется по керамике Конюшенного раскопа. Это прежде всего связано с тем, что керамика последнего в основном относится к двум хронологическим группам (3-й и 4-й). Но сопоставление даже этих двух групп керамики Конюшенного раскопа между собой не выявляет тенденций, отмеченных для Григорьевского.

Данный факт может свидетельствовать как о большей перемешанности нижних пластов Конюшенного раскопа, так и об относительно узкой дате горизонта залегания лепной керамики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А. А.*, 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография / Науч. ред. А. А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 5–109.
- Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г.*, 1991. Керамика Ростова X–XIII веков // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь: Тверской гос. ун-т. С. 56–66.
- Салугина Н. П.*, 2006. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России: материалы Всерос. археолог. съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Т. II. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 379–381.
- Самойлович Н. Г.*, 2001. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований: Труды Отдела охранных раскопок. М.: ИА РАН. С. 226–242
- Шарганова О. Л., Леонтьев А. Е.*, 2018. Технологическое изучение круговой керамики Ростова (по материалам раскопок Конюшенного двора 2013 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья: материалы XXVIII Научного семинара. Вып. 11. Тверь. С. 61–70.

Сведения об авторе

Шарганова Ольга Львовна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Москва, 119192, Россия; Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ol-sharganova@yandex.ru

O. L. Sharganova

MEDIEVAL RUSSIA HAND-MODELLED CERAMICS
IN ROSTOV THE GREAT (TECHNOLOGICAL ANALYSIS)

Abstract. To study pottery traditions of the Medieval Russia population in Rostov the Great, materials retrieved from two excavation trenches in the city were used. The technological examination of the ceramics was based on A. A. Bobrinsky's methodology with the use of the historical and cultural approach. Traditions of selecting oversanded clay and using the 'clay + broken stone + organic materials' formula predominated. The tradition of using grog is recorded mainly in a mixed formula: 'clay + broken stone + grog + organic materials'. No chronological characteristics in the spread of these traditions were identified. Gradual changes occurred only in the 'clay + broken stone + organic materials' formula and consisted in a shift from coarse-grained broken stone to fine-grained broken stone and from larger broken stone quantities to smaller grit quantities and can be traced in the ceramics from the Grigoryevsky excavation trench. Comparison of the materials from these two excavation pits identified some specific features of clay selection and also suggested that the lower layers of the Konyushenny excavation trench had been dislodged. A certain linkage of traditions of making ornamented vessels and using grog as temper was also established.

Keywords: Rostov the Great, hand-modelled ceramics, historical and cultural approach, pottery-making technology.

REFERENCES

- Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and research methods]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery-making technology as object of historical-cultural research]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (kollektivnaya monografiya)* [Topical problems of investigation of ancient pottery-making (collective monograph)]. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109.
- Leont'ev A. E., Samoylovich N. G., 1991. Keramika Rostova X–XIII vekov [Ceramics of Rostov in X–XIII centuries]. *Keramika rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya Verkhnevolzh'ya i sosednikh territoriy* [Ceramics of Early Iron Age and Middle Ages in Upper Volga region and adjacent territories]. Tver': Tverskoy gos. universitet, pp. 56–66.
- Salugina N. P., 2006. K metodike opredeleniya rakoviny v sostave drevney keramiki [On method of determination of shells in paste of ancient ceramics]. *Sovremennye problemy arkheologii Rossii: materialy Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Modern problems of archaeology of Russia: proceedings of All-Russian archaeological congress], II. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 379–381.
- Samoylovich N. G., 2001. Stratigrafiya i khronologiya Grigor'evskogo raskopa v Mitropolich'em sadu Rostovskogo kremlya [Stratigraphy and chronology of Grigor'evskiy excavation trench in Metropolitan garden of Rostov kremlin]. *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy: Trudy Otdela okhrannykh raskopok IA RAN* [Practice and theory of archaeological investigations: Proceedings of Department of rescue excavations of IA RAS]. Moscow: IA RAN, pp. 226–242.
- Sharganova O. L., Leont'ev A. E., 2018. Tekhnologicheskoe izuchenie krugovoy keramiki Rostova (po materialam raskopok Konyushennogo dvora 2013 g.) [Technological research of wheel-made pottery of Rostov (based on materials from excavations of Konyushenny court in 2013)]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya: materialy XXVIII zasedaniya*

nauchnogo seminara [Tver', Tver' land and adjacent territories in medieval epoch: transactions of XXVIII session of scientific seminar], 11. Tver', pp. 61–70.

About the author

Sharganova Ol'ga L., Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky av., 27/4, Moscow, 119992; Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: ol-sharganova@yandex.ru

Таблица 1. Разновидности глин в керамике Григорьевского раскопа,
число сосудов и %

Хронологическая группа	Ожелезненные глины												Всего
	Сильнозапесоченные						Среднезапесоченные				Слабозапесоченные		
	Гл. 1	Гл. 1а	Гл. 2	Гл. 2/2б	Гл. 5	Смесь 2-х гл.	Гл. 3	Гл. 5а	Гл. 3а	Гл. 4	Гл. 4а		
5	-	-	2	-	6		-	-	2	-	-	-	10
	80%						20%				-	100%	
4	4	-	3	-	9	1	-	-	4	-	1	1	23
	74%						17,4%				8,7%	100%	
3	1	2	10	-	9	-	-	-	6	1	3	1	33
	66,7%						21,2%				12,1%	100%	
2	1	-	2	1	12	-	1	-	-	-	3	-	20
	80%						5%				15%	100%	
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2
	-						-				100%	100%	
ямы	1				1						1	-	3
Всего	7	2	17	1	37	1	1	10	3	3	10	2	91
	7,7%	2,2%	18,7%	1,1%	40,7%	1,1%	1,1%	11%	3,3%	11%	11%	2,2%	100%
	64						14				12	91	
	71,4%						15,4%				13,2%	100%	

Таблица 2. Разновидности глин в керамике Коношского раскопа,
число сосудов и %

Хронологическая группа	Ожелезненные										Неожезленные		Всего				
	Сильнозапасоченные					Среднезапасоченные					Слабозапасоченные			Среднезапасоченные			
	Гл. 1	Гл. 1а	Гл. 1б	Гл. 2	Гл. 5	Гл. 5а	Гл. 3	Гл. 4	Гл. 6								
5	1	1	-	-	2	2	2	-								8	
	50%										50%					100%	
4	2	8	1	2	9	5	3	-				4				35	
	62,9%										22,9%		11,4%			100%	
3	3	14	4	6	15	17	3	-				2	1			66	
	50%										30,3%		3%		1,5%		100%
2	-	1	1		1	2										5	
	60%										40%					100%	
ямы	1				2	2										5	
Всего	7	24	6	8	29	28	8	1				6	1			119	
	5,9%	20,2%	5,0%	6,7%	24,4%	23,5%	6,7%	0,8%			0,8%	5,0%	0,8%			100%	
	75										37		6		1		
	63,0%										31,0%		5,0%		0,8%		

Таблица 3. Рецепты формовочных масс лепной древнерусской керамики, число сосудов и %

Рецепты	Хронологические группы керамики					Ямы	Всего
	1	2	3	4	5		
	IX-3-я четв. X в.	K. X в.	1-я пол. XI в.	2-я пол. XI в.	1-я пол. XII в.		
<i>Пласты Григорьевского раскопа</i>	13, 14	11, 12	10	8, 9	7		
<i>Пласты Конюшенного раскопа</i>	–	24	23	21, 22	18, 19, 20		
Г+Д+О	2	20 80 %	81 81,8 %	50 86,2 %	12 66,7 %	5	170 80,9 %
<i>Григорьевский раскоп</i>	2	17 85 %	26 78,8 %	20 86,9 %	4 40 %	2	71 78 %
<i>Конюшенный раскоп</i>	-	3 60 %	55 83,3 %	30 85,7 %	8 100 %	3	99 83,2 %
Г+Ш+О	–			1 1,7 %	1 5,5 %		2 0,9 %
<i>Григорьевский раскоп</i>					1 10 %		1 1,1 %
<i>Конюшенный раскоп</i>				1 2,8 %			1 0,8 %
Г+Д+Ш+О	–	5 20 %	17 17,2 %	5 8,6 %	5 27,8 %	3	35 16,7 %
<i>Григорьевский раскоп</i>		3 15 %	7 21,2 %	2 8,7 %	5 50 %	1	18 19,8 %
<i>Конюшенный раскоп</i>		2 40 %	10 15,1 %	3 8,6 %		2	17 14,3 %
Г+О	–			1 1,7 %			1 0,5 %
<i>Григорьевский раскоп</i>				1 4,3 %			1 1,1 %
Г+Д+Р+О?	–		1 1 %				1 0,5 %
<i>Конюшенный раскоп</i>			1 1,5 %				1 0,8 %
Г+Ш+Р+О	–			1 1,7 %			1 0,5 %
<i>Конюшенный раскоп</i>				1 2,8 %			1 0,8 %
Всего, Григорьевский раскоп	2	20 100 %	33 100 %	23 100 %	10 100 %	3	91 100 %
Всего, Конюшенный раскоп	0	5 100 %	66 100 %	35 100 %	8 100 %	5	119 100 %
Всего	2	25 100 %	99 100 %	58 100 %	18 100 %	8	210 100 %

Таблица 4. Разновидности глин в рецептах формовочных масс (Григорьевский раскоп), число сосудов и %

Разновидности глин		Рецепты формовочных масс				Всего
		Г+Д+О	Г+Ш+О	Г+Д+Ш+О	Г+О	
Сильнозапасоченные	Глина 1	6 8,4%		1 5,5%		7 7,7%
	Глина 1а	2 2,8%				2 2,2%
	Глина 2	15 21,1%		2 11,1%		17 18,7%
	Глина 2б	-		1 5,5%		1 1,1%
	Глина 5	23 32,4%	1 100%	12 66,7%	1 100%	37 40,7%
	Смесь глин	1 1,4%				1 1,1%
Среднезапасоченные	Глина 3	1 1,4%				1 1,1%
	Глина 5а	9 12,7%		1 5,5%		10 11%
	Глина 3а	3 4,2%				3 3,3%
Слабозапасоченная	Глина 4	9 12,7%		1 5,5%		10 11%
	Глина 4а	2 2,8%				2 2,2%
Всего		71 100%	1 100%	18 100%	1 100%	91 100%

**Таблица 5. Разновидности глин в рецептах формовочных масс
(Конюшенный раскоп), число сосудов и %**

Разновидности глин		Рецепты формовочных масс					Всего
		Г+Д+О	Г+Ш+О	Г+Д+Ш+О	Г+Д+Р+О?	Г+Ш+Р+О	
Сильнозапасоченные	Глина 1	6 6,1 %		1 5,9 %			7 5,9 %
	Глина 1а	22 22,2 %		1 5,9 %	1 100 %		24 20,2 %
	Глина 1б	6 6,1 %					6 5,0 %
	Глина 2	7 7,1 %		1 5,9 %			8 6,7 %
	Глина 2б	1 1 %					1 0,8 %
	Глина 5	18 18,2 %	1 100 %	10 58,8 %			29 24,4 %
Среднезапасоченные	Глина 3	7 7,1 %				1 100 %	8 6,7 %
	Глина 5а	24 24,2 %		4 23,5 %			28 23,5 %
	Глина 5б	1 1 %					1 0,8 %
	Глина 6	1 1 %					1 0,8 %
Слабозапасоченная	Глина 4	6 6,1 %					6 5,0 %
Всего		99 100 %	1 100 %	17 100 %	1 100 %	1 100 %	119 100 %

Таблица 6. Размер дресвы в рецепте Г + Д + О в керамике разных хронологических групп (Григорьевский раскоп), число сосудов и %

Размер дресвы, мм	Хронологические группы					Ямы	Всего
	1	2	3	4	5		
1,1–2	1	1 5,9%	9 34,6%	12 60,0%	3 75,0%	–	26 36,6%
2,1–3	1	14 82,3%	14 53,8%	8 40,0%	1 25,0%	1	39 54,9%
3,1–4	–	2 11,8%	3 11,5%	–		1	6 8,4%
Всего	2	17 100%	26 100%	20 100%	4 100%	2	71 100%

Таблица 7. Размер дресвы в рецепте Г + Д + О в керамике разных хронологических групп (Конюшенный раскоп), число сосудов и %

Размер дресвы, мм	Хронологические группы				Ямы	Всего
	2	3	4	5		
1,1–2	–	33 60,0%	11 36,7%	7 87,5%	3	54 54,5%
2,1–3	2	15 27,3%	12 40,0%	1 12,5%		30 30,3%
3,1–4	1	7 12,7%	7 23,3%	–		15 15,1%
Всего	3	55 100%	30 100%	8 100%	3	99 100%

Таблица 8. Концентрация дресвы в рецепте Г + Д + О в керамике разных хронологических групп (Григорьевский раскоп), число сосудов и %

Концентрация дресвы	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Ямы	Всего
1:2–1:3	1	5 29,4%	2 7,7%	1 5%	0	2	11 15,5%
1:3	0	11 64,7%	19 73,1%	6 30%	2 50%	0	38 53,5%
1:4	1	1 5,9%	4 15,5%	12 60%	2 50%	0	20 28,2%
1:5	0	0	1 3,8%	1 5%	0	0	2 2,8%
Всего	2	17 100%	26 100%	20 100%	4 100%	2	71 100%

Таблица 9. Концентрация дровы в рецепте Г+Д+О в керамике разных хронологических групп (Конюшенный раскоп), число сосудов и %

Концентрация дровы	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Ямы	Всего
1:2–1:3	1	6 10,9%	2 6,7%	0	0	9 9,1%
1:3	2	28 50,9%	15 50%	3 37,5%	1	49 49,5%
1:4	0	20 36,4%	12 40%	4 50%	0	36 36,4%
1:5	0	1 1,8%	1 3,3%	1 12,5%	2	5 5%
Всего	3	55 100%	30 100%	8 100%	3	99 100%

А. В. Бисерова, А. Г. Лапшин

ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА В ВИДЕ ТРЕХЛЕПЕСТКОВОЙ РОЗЕТКИ ИЗ ВЛАДИМИРА: ОПЫТ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Резюме. Среди рельефных изображений на днищах сероглиняных сосудов, обнаруженных в ходе археологического изучения памятников Владимиро-Суздальской земли, особое место занимают фрагменты сосудов с трехлепестковой розеткой. Они обнаружены в слоях Владимира второй половины XII – начала XIII в., Суздаля – второй половины XI – XII в. и Ярополча Залеского – второй половины XII – начала XIII в. Вне пределов Владимиро-Суздальской земли эти знаки не встречаются. Большинство клейм этой группы происходят из Владимира. Трехлепестковая розетка обнаружена во всех частях города и является наиболее встречаемым знаком во Владимире. В ходе изучения данной группы материалов была выявлена серия клейм, идентифицированных как оттиски одной матрицы (т. е. выполненных на одном гончарном круге). Настоящая публикация представляет опыт трасологического исследования и апробации критериев идентификации оттисков одной матрицы ручного гончарного круга.

Ключевые слова: Владимир-на-Клязьме, сероглиняная керамика, гончарные клейма, малый круг-подставка ручного гончарного круга, морфология клейма, матрица, трехлепестковая розетка с поворотной симметрией, трасология оттиска, ядровая древесина, заболонь, годовичные кольца.

Рельефные изображения на донцах сероглиняных сосудов, определяемые как «гончарные клейма», представляют многочисленную группу материалов археологии Древней Руси. За более чем 150 лет изучения этих материалов накоплен значительный опыт, созданы типологии и представлены соответствующие комментарии и интерпретации. Критерием классификации форм клейм выступает изображение фигуры в совокупности с его денотатом, что может

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-11-33001/17-ОГОН «Гончарные клейма древнего Владимира: трехлепестковая розетка».

быть определено как «характер рисунка оттиска» (Коваль, 2002. С. 129; Кадиева, 2007. С. 172–196; Князева, 2007. С. 122–127; Лапшин, Бисерова, 2016. С. 272–287). В соответствии с этим критерием выделяются типологические группы (и подгруппы) клейм. По материалам Владимиро-Суздальской Руси наиболее многочисленными из этих групп являются «княжеские знаки» и «трехлепестковые розетки». Однако при ясном понимании проблемы типологии клейм вне внимания исследователей остается вопрос о выявлении среди множества клейм одной группы оттисков одной матрицы. Работы в данном направлении представляются важными, ибо позволят выйти на количественные и качественные характеристики использования одного гончарного круга, а при накоплении аналогичных данных по другим типологическим группам – приблизиться к пониманию структуры и характера гончарного производства Северо-Восточной Руси домонгольского времени.

Настоящая публикация представляет результаты исследования по идентификации оттисков одной матрицы на донцах древнерусских сероглиняных сосудов. Группу материалов исследования составили фрагменты сероглиняных сосудов с рельефным изображением трехлепестковой розетки на донце (рис. 1). Это изображение представляет собой три одинаковые по длине прямые или слегка изогнутые линии, исходящие из одной точки и заканчивающиеся окружностью или овалом. Элементы изображения расположены по отношению друг к другу симметрично по осям с углом 120 градусов. Типологически данное изображение входит в группу «розетки» и представляет вид «розетка трехлепестковая с поворотной симметрией» (Кокорина, Лихтер, 2007. С. 89–94). Гончарные клейма в виде трехлепестковой розетки обнаружены в слоях Суздаля второй половины XI – XII в., а также Владимира, Ярополча Залесского второй половины XII – начала XIII в. (Кадиева, 2007. С. 178. Рис. 4: 1–10). Вне пределов Владимиро-Суздальской земли эти знаки не встречаются. Большинство клейм этой группы происходят из Владимира. «Трехлепестковые розетки» – не самая многочисленная группа рельефных изображений на донцах сероглиняных сосудов. В ходе нашей работы было обследовано 742 гончарных клейма XII–XIII вв.: 239 (32%) – «княжеские знаки», 207 (28%) – розетки, 197 (27%) – геометрические фигуры, 99 (13%) – сложные фигуры. Как видим, розетки – вторая по количеству группа. Однако особенностью этой группы является ее низкая вариабельность: из 207 единиц группы 171 (83%) повторяет изображение трехлепестковой розетки с поворотной симметрией. В других группах повторяемость изображения составляет не более 5%. Таким образом, трехлепестковая розетка с поворотной симметрией – самое распространенное гончарное клеймо древнего Владимира. Данные знаки соотносятся только с сероглиняной керамикой и использованием ручного гончарного круга. Инвариантность морфологии «трехлепестковой розетки с поворотной симметрией» и ее множественность указывают на стабильность денотата этого знака в период его использования. Очевидно, данный знак был своего рода эндемиком этого региона и использовался лишь в домонгольский период.

Материалы, привлеченные в нашем исследовании, получены в ходе археологических работ во Владимире-на-Клязьме, проведенных в период с 1937 по 2012 г. под руководством Абрамова Д. В., Воронина Н. Н., Грибова Н. Н.,

Рис. 1. Фрагменты сероглиняных сосудов с рельефным изображением «трехлепестковой розетки» из раскопок в г. Владимире

Григорьева Д. Н., Глазова В. П., Жарнова Ю. Э., Захаровой Н. М., Кабаева Д. А., Кильдюшевского В. И., Курбатова А. В., Лапшина А. Г., Мошениной Н. Н., Моржерина К. Ю., Мухиной Т. М., Очеретиной С. В., Очеретина И. А., Раппопорта П. А., Сазонова С. В., Седовой М. В., Чивилева В. В., Шакуловой А. Д., Щапова А. Н., Ющенко Н. Е. В настоящее время эти материалы хранятся в фондах Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, а также в коллекциях ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ» и ОАО «Владимирреставрация»¹.

Итак, фокусную группу представляемого исследования составил 171 фрагмент сероглиняных сосудов с рельефными изображениями трехлепестковой розетки с поворотной симметрией на донце, полученный в ходе археологического изучения древнего Владимира. Цель исследования – выявить среди материалов фокусной группы оттиски одной матрицы. Методика работы включала визуальное обследование каждого изображения с применением оптических приборов (10-кратная лупа диаметром 100 мм, микроскоп МБС-1 с увеличением в 10, 20, 40, 60 раз) и измерительных инструментов (ШЦ-I – штангенциркуль

¹ Авторы выражают благодарность за содействие при проведении данного исследования генеральному директору Владимиро-Суздальского музея-заповедника И. В. Копышеву, заместителю генерального директора ВСМЗ по научной работе М. Е. Родиной, начальнику отдела археологии ОАО «Владимирреставрация» Н. М. Захаровой.

для измерения наружных и внутренних размеров и с линейкой для измерения глубин). При обследовании образцов учитывались особенности производства древнерусской сероглиняной керамики на ручном гончарном круге. Формирование рельефного изображения происходило на этапе лепки донца сосуда. Матрица клейма располагалась на поверхности малого круга-подставки ручного гончарного круга. В процессе изготовления донцев сосуда формовочная масса заполняла желобки, в результате чего формировалось рельефное изображение. Исходя из этого, были сформированы две группы критериев идентификации оттисков одной матрицы. Первая группа – особенности рельефного изображения: морфология знака (индивидуальность графической последовательности), размеры изображения, своеобразие деталей рельефного изображения (профиль валика, формирующего рисунок клейма, симметрия изображения, расположение изображения относительно центра донца, детальность проработки изображения). Вторая группа – особенности оттискивающей поверхности (характеристики матрицы и поверхности малого круга-подставки), которые определяются характером материала, из которого изготовлен малый круг, и изменениями этого материала (соответственно – изменениями оттискивающей поверхности) в процессе эксплуатации гончарного круга.

В результате обследования образцов фокусной группы в соответствии с означенными критериями были выделены 10 фрагментов сероглиняных сосудов, имеющих на донцах рельефные изображения в виде трехлепестковой розетки с поворотной симметрией, идентифицированные как оттиски одной матрицы: на 6 фрагментах изображения сохранились полностью, на 4 – сохранились два из трех лучей с кольцами на концах.

Характеристики первой группы показателей (особенности рельефного изображения) отобранных образцов одинаковые. Во-первых, размеры изображения: диаметр окружностей на концах лучей – 10 мм, вертикальный луч – 10 мм, нижние лучи (правый и левый) – по 7 мм: единственный размер, который варьируется, – это высота валика, формирующего изображение: от 0,6 до 1,4 мм. Во-вторых, морфологические особенности изображения: полукруглый профиль валика, формирующего рисунок клейма, симметричность изображения, расположение изображения по центру сосуда, детальность и аккуратность проработки клейма. В-третьих, к особенностям изображения следует отнести также утолщение валика на отрезках нижних дуг правого и левого колец (рис. 2). В-четвертых, диаметр донцев сосудов – 90–100 мм. Дифференциация ± 10 мм в данном случае вполне объяснима. Большинство донцев сероглиняных сосудов имеют валик («заусенцы»), возникший в процессе прикрепления первой ленты к только что сформированному донцу сосуда. Иногда эти «заусенцы» подправлялись плоским инструментом, иногда оставлялись. На образце № 1 (рис. 3) просматривается неаккуратно заглаженная линия примыкания ленты тулова к донцу сосуда. Толщина ленты и диаметр заготовки донца были, вероятно, стандартизированы на уровне существовавших метрических систем: вариации, исчисляемые в миллиметрах, были вполне допустимы. Однако, дельта (Δ) + 3 мм в радиусе заготовки донца и толщине ленты стенки приводит к увеличению на 12 мм диаметра донца готового сосуда. Таким образом, по метрическим характеристикам и морфологическим особенностям

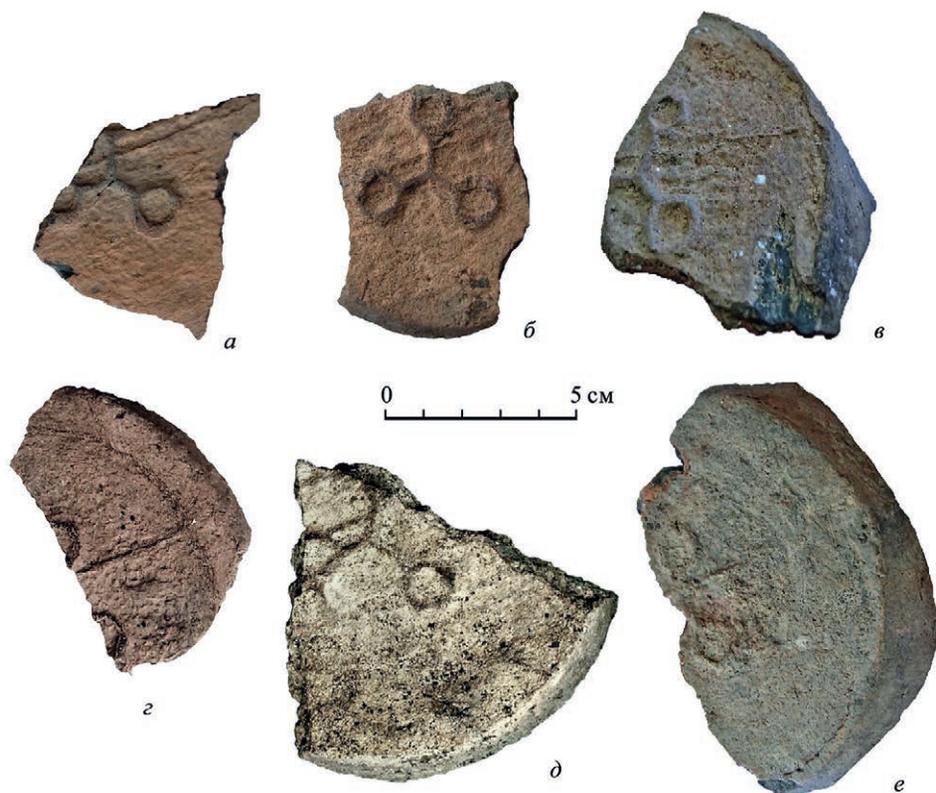

Рис. 2. Фрагменты сероглиняных сосудов с рельефным изображением «трехлепестковой розетки» из раскопок в г. Владимире, идентифицированные как оттиски одной матрицы

а – образец № 9 (раскопки 2004 г., Торговые ряды – VIII, рук. А. В. Курбатов); *б* – образец № 10 (раскопки 2004 г., Торговые ряды – VIII, рук. А. В. Курбатов); *в* – образец № 2 (раскопки 2011 г., ул. Златовратского, 1, рук. Д. А. Кабаев); *г* – образец № 5 (раскопки 2009 г., ул. Большая Нижегородская, 12–14, рук. А. Г. Лапшин); *д* – образец № 12 (раскопки 2006 г., ул. Большая Московская, 1, рук. Д. А. Кабаев); *е* – образец № 3 (раскопки 2011 г., ул. Большая Московская, 104, рук. Д. А. Кабаев)

изображений выявленную группу клейм можно определить как оттиски одной матрицы.

Характеристики второй группы показателей (особенности оттискивающей поверхности) описываемой серии клейм также одинаковы. Одной из трасологических особенностей данных фрагментов является рельефная хорда, рассекающая вертикальный луч пополам и проходящая в касание с кольцом нижнего левого луча. Это хорда зафиксирована на всех фрагментах и представляет собой оттиск метиковой трещины в поперечном спиле бревна. Трещины этого типа возникают в растущем дереве, располагаются по направлениям радиуса и ограничиваются зоной ядра или спелой древесины (*Вакин и др.*, 1980. С. 71–72.

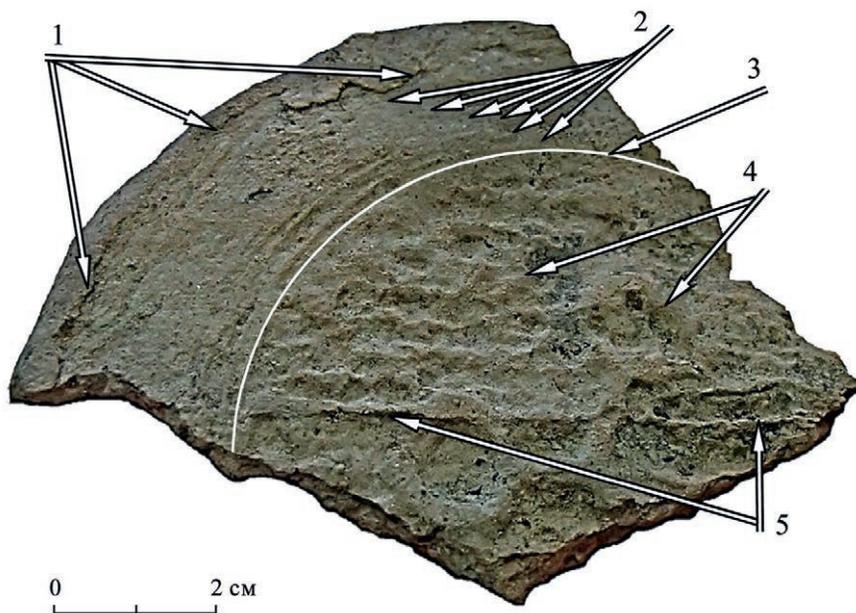

Рис. 3. Фрагмент сероглиняного сосуда с рельефным изображением «трехлепестковой розетки» из раскопок в г. Владимире – образец № 1 (раскопки 2011 г., ул. Златовратского, 1, рук. Д. А. Кабаев)

1 – линия примыкания к донцу нижней ленты, формирующей тулово сосуда; 2 – шесть концентрических линий, формирующих окружности диаметром 6,0–8,5 см – оттиски годовичных колец торцевого среза бревна; 3 – круг диаметром 6,0 см с неровной поверхностью; 4 – мелкие частицы древесного угля, интегрированные в формовочную массу; 5 – оттиск метиковой трещины в заготовке деревянного круга-подставки

Рис. XIX). «Простым метиком» называют трещину, идущую по одному радиусу или диаметру на торце. Длина оттиска метиковой трещины на образцах исследуемой группы варьировалась. Самый короткий оттиск – 25 мм – имеется на фрагменте № 10. Нет ни одного фрагмента с полностью сохранившимся донцем и, соответственно, с полностью сохранившимся оттиском метиковой трещины. Гипотетически максимальную длину оттиска метиковой трещины можно определить как сумму максимально сохранившихся отрезков оттиска слева и справа от вертикального луча – 80 мм (рис. 2: 3).

Различия в длине оттисков метиковой трещины на образцах исследуемой группы могут быть объяснены при учете технологических особенностей производства сероглиняных сосудов на ручном гончарном круге. Эксплуатация малого круга-подставки происходит в условиях значительных колебаний режима влажности: в процессе производства гончарной посуды имеет место увлажнение древесины круга; в период «непроизводства» (или покоя гончарного станка) происходит ее (древесины) усушка. Ритм и амплитуда чередования цикла «увлажнение – усушка» нерегулярны. Однако в обоих случаях изменяются

размеры древесины – при повышении влажности древесина разбухает (увеличивается в объеме и линейных размерах), при уменьшении влажности – усыхает (уменьшается в объеме и линейных размерах). Наибольшие изменения при этом происходят по тангенциальным направлениям, меньше – по радиальным, наименьшие – по осевым (*Санаев и др.*, 2015. С. 54–58). С учетом типологических особенностей метиковой трещины можно констатировать, что изменения режима влажности отражаются на ее размерах: при увлажнении трещина сужается, при усыхании – расширяется. То есть меняется не длина и глубина трещины, а ее ширина. Именно это является важной деталью при объяснении различий в длине оттисков метиковой трещины на образцах исследуемой группы: оттиск трещины в поверхности сухого деревянного круга-подставки длиннее оттиска трещины в поверхности разбухшего от влаги круга. В таком случае длина оттиска метиковой трещины не является *прямым* показателем деструкции древесины круга. Говоря другими словами, мы не можем рассматривать длину оттиска метиковой трещины как хронологический маркер в исследуемой серии образцов: формула «чем длиннее оттиск, тем позднее сделан сосуд» не функционирует. В таком случае хронологическими индикаторами в исследуемой группе остаются высота и детальность рельефного изображения.

На 6 из 10 образцов выявленной группы просматриваются внутренние круги и концентрические линии. Наиболее полно эти круги и линии просматриваются у образцов с самым низким рельефом изображения (0,6 мм) (рис. 2: в; 3; табл. 1). Шесть концентрических линий, формирующих окружности диаметром 60–85 мм, являются оттисками годовичных колец торцевого спила бревна, формирующих заболонь (т. е. наружные молодые, физиологически активные слои древесины, примыкающие к коре). Внутренний круг диаметром 60 мм имеет неровную поверхность. Неровности представляют собой мелкие лакуны и являются оттисками мелких дефектов на торцевом срезе, возникших в результате разрушения годовичных колец ядра ствола. Каждое годовичное кольцо образуют две части: внутренняя часть кольца (весенняя – светлая и рыхлая) и наружная часть (летне-осенняя – более темная и плотная). Годовичные кольца первых лет жизни дерева толще, чем в последующие годы. Процессы разрушения внутренней части более старых широких колец идут быстрее, чем в более молодых кольцах. То есть центральная часть поперечного спила (зона ядра ствола) более подвержена разрушению, чем периферическая: мягкая ткань ядра выкрошивается быстрее — это приводит к появлению лакун на поверхности среза. О детальности передачи оттискивающей поверхности свидетельствует следующий факт. При 20-кратном увеличении на исследуемой поверхности образца № 1 (рис. 3) просматриваются мелкие частицы древесного угля, интегрированные в формовочную массу. На сколах данного фрагмента таких частиц не выявлено. То есть означенные мелкие частицы угля попали из зольной подсыпки в формовочную массу на этапе формирования донца. Таким образом, просматривается закономерность: сокращение высоты рельефа изображения прямо пропорционально увеличению неровностей внутреннего круга и появлению лакун по линии более молодых годовичных колец. Другими словами – ухудшение качества оттиска матрицы было следствием износа деревянного круга-подставки (эрозия древесины).

Таблица 1. Фрагменты сероглиняных сосудов с клеймом в виде трехлепестковой розетки, идентифицированные как оттиски одной матрицы

№ п/п	№ по паспорту	Год раскопа	Адрес раскопа	Автор раскопа	Тип сосуда	Диаметр донца, мм	Размеры клейма		
							Диаметр кольца, мм	Длина луча, мм	Высота валика изображения, мм
«Ветшаный город»									
1	117	2011	ул. Златовратского, 1	Кабаев Д. А.	горшок	100	10	7–10	0,6
2	181	2011	ул. Златовратского, 1	Кабаев Д. А.	горшок	90	10	7–10	0,6
3	91	2011	ул. Большая Московская, 104	Кабаев Д. А.	горшок	100	10	7–10	0,7
4	59	2011	ул. Большая Московская, 104	Кабаев Д. А.	горшок	95	10	7–10	0,8
5	14	2009	ул. Большая Нижегородская, 14–22	Лапшин А. Г.	горшок	100	10	–	1,2
Мономахов город									
6	В366732/82	1983	ул. Подбельского, 13	Мошенина Н. Н.	горшок	90	10	7–10	1,1
7	В366732/24	1983	ул. Подбельского, 13	Мошенина Н. Н.	горшок	100	10	7–10	1,1
8	178	2003	ул. Подбельского, 12	Шакулова Л. Д.	горшок	90	10	7	0,7
Новый город									
9	390	2004	Торговые ряды – VIII	Курбатов А. В.	горшок	100	10	7–10	1,4
10	38	2004	Торговые ряды – VIII	Курбатов А. В.	горшок	90	10	7–10	1,4
11	366	2009	ул. Девическая, 2а	Сазонов С. В.	горшок	100	10	7–10	0,8
12	9	2006	ул. Большая Московская, 1	Кабаев Д. А.	горшок	100	10	7–10	1,0

Систематизация показателей обследованных образцов позволила увеличить группу оттисков одной матрицы. В изначально отобранную группу (10 единиц) были включены фрагменты донцев с рельефным изображением, сохранившимся не меньше чем на $\frac{2}{3}$ – т. е. изображения с двумя и более лучами. Идентификация фрагментов с сохранившимся одним лучом, одним кольцом или его фрагментом была бы затруднительна. Однако на основании совокупности характеристик первой и второй групп особенностей донцев с рельефными изображениями еще два фрагмента (образец № 5 и образец № 8) были отнесены к описанной выше группе оттисков: морфологические и метрические характеристики фрагментов изображений на обоих образцах соответствуют характеристикам описанной группы; оттиски трещины, годовичных колец и внутреннего круга с неровной поверхностью присутствуют. Таким образом, в ходе нашего исследования были выявлены 12 фрагментов донцев сероглиняных сосудов, выполненных на одном деревянном круге-подставке с матрицей в виде трехлепестковой розетки и метиковой трещиной по линии диаметра. Образец № 9 (рис. 2) имеет характеристики наиболее раннего оттиска: высокий рельеф оттиска (1,4 мм) и отсутствие деталей оттиска, свидетельствующих о разрушении рабочей поверхности круга-подставки гончарного станка. Образец № 1 (рис. 3) имеет характеристики наиболее позднего оттиска: низкий рельеф (0,6 мм) и наличие деталей оттиска, свидетельствующих о разрушении рабочей поверхности круга-подставки гончарного станка (оттиски годовичных колец и внутреннего круга с неровной поверхностью).

С этими заключениями соотносятся трасологические наблюдения по вопросу о породе дерева, из которого был изготовлен круг-подставка, использованный в производстве описанных выше фрагментов сероглиняной посуды. Идентификационными параметрами в данном случае выступают характеристики структуры и свойств древесины в совокупности с доступностью разных пород дерева в качестве сырья. Систематизация данных параметров (табл. 2) позволяет заключить, что древесиной, из которой был изготовлен круг-подставка, использованный в производстве описанных выше фрагментов, была сосна: 1 – произрастает в непосредственной близости от Владимира (Владимирская область..., 2018), доступна; 2 – стойка к воздействию влаги; 3 – имеет достаточно продолжительное время жизни и эксплуатации; 4 – относится к «мягким породам», легка в обработке; 5 – чаще других пород имеет метиковые трещины; 6 – относится к ядровым породам (ядровая часть разрушается быстрее заболони – трасологическая картина соответствует характеру разрушения ядровой и заболонной части).

Морфологические, метрические и трасологические характеристики изображений выявленной серии идентичны, но не на 100 %. Варьируются высота рельефного изображения, ширина и длина оттиска торцевой трещины, четкость отпечатков годовичных колец, степень неровности поверхности вокруг изображения. Все это можно объяснить изменениями в матрице, происходившими в процессе эксплуатации гончарного круга: по мере использования круга-подставки с матрицей знака качество оттиска снижалось; с течением времени древесина круга подвергалась эрозии, матрица забивалась формовочной массой и не восстанавливалась или восстанавливалась редко. В конечном итоге оттиск исчезал,

и на круге производили продукцию без клейма. По мнению Н. Н. Грибова, это отчасти объясняет малый процент клейменных донцев в общей массе находок древнерусской керамики (Грибов, 2001. С. 51). Учитывая морфологические и трасологические особенности фрагментов сосудов выявленной группы, можно ответить на вопрос о том, какие из них были произведены раньше, а какие позже. Показателями раннего происхождения сосуда будут четкость и детальность рельефа в совокупности с ровной поверхностью круга. И наоборот, показателями позднего происхождения сосуда будут меньшие четкость и детальность рельефа в совокупности с отпечатками разрушающейся поверхности круга-подставки. Таким образом, хронология производства сосудов описываемой серии может быть представлена последовательностью (используются порядковые номера образцов в табл. 1): 9–10–5–6–7–12–4–11–3–8–1–2.

Таблица 2. Свойства пород древесины Мещерской низменности

Порода древесины	Доступность в качестве сырья	Стойкость к воздействию влаги	Легкость обработки (мягкая порода)	Продолжительное время жизни	Ядровая порода	Более быстрое разрушение ядровой части
Сосна	+	+	+	+	+	+
Ель	+	–	+	–	–	–
Дуб	+	–	–	+	+	–
Береза	+	–	–	–	–	–
Осина	+	–	+	–	–	–
Рябина	–	–	+	–	–	–
Ольха	+	–	+	–	–	–

Образцы выявленной группы оттисков одной матрицы обнаружены во всех трех частях древнего Владимира: «Ветшаном городе», Мономаховом городе, Новом городе (табл. 1). При ранжировании образцов группы по мере убывания высоты рельефного изображения, детальности его оттиска и увеличения следов разрушения оттискивающей поверхности просматриваются закономерности топографии распространения и использования сероглиняных сосудов, произведенных на одном круге. Среди двенадцати образцов группы выявлены три пары рельефов одной высоты: № 1 + № 2 – по 0,6 мм; № 6 + № 7 – по 1,1 мм; № 9 + № 10 – по 1,4 мм. Примечательно, что данные пары происходят из одних и тех же раскопов. Можно полагать, что сосуды, произведенные друг за другом, использовались в одних хозяйственных комплексах. Наиболее ранние оттиски выявленной серии (фрагменты с наиболее высоким рельефным изображением) происходят из Нового города (образцы № 9 и 10 – раскопки 2004 г., Торговые ряды – VIII, рук. А. В. Курбатов); наиболее поздние – из «Ветшаного города» (образцы № 1 и 2 – раскопки 2011 г., ул. Златовратского, 1, рук. Д. А. Кабаев);

промежуточное положение занимают фрагменты, происходящие из Мономахова города (образцы № 6 и 7 – раскопки 1983 г., ул. Подбельского, 13, рук. Н. Н. Мошенина). Вместе с тем в выявленной серии оттисков одной матрицы имеются образцы, схожие по морфологическим и трасологическим характеристикам, но обнаруженные в разных частях города. Это следующие пары: образец № 4 (раскопки 2011 г., ул. Большая Московская, 104, рук. Д. А. Кабаев) и образец № 11 (раскопки 2009 г., ул. Девическая, 2а, рук. С. В. Сазонов); образец № 3 (раскопки 2011 г., ул. Большая Московская, 104; рук. Д. А. Кабаев) и образец № 8 (раскопки 2003 г., ул. Подбельского, 12; рук. Л. Д. Шакулова). С учетом этого хронологический ряд производства сосудов описываемой серии может быть дополнен знаком «||» (пауза) и представлен следующим образом (используются порядковые номера образцов в табл. 1): 9–10 || 5 || 6–7 || 12 || 4–11 || 3–8 || 1–2. «Пауза» в производстве означает неиспользование круга – т. е. период, когда в дереве круга происходили процессы влагоотдачи и структурной трансформации. Несмотря на количественную ограниченность исследуемой группы, полученный хронологический ряд позволяет говорить об определенном ритме производства – за один цикл работы на данном круге изготавливали два сосуда.

Итак, морфологические и трасологические особенности образцов группы гончарных клейм в виде трехлепестковой розетки из древнего Владимира позволили выделить серию фрагментов сероглиняных сосудов, выполненных на одном круге-подставке. Этот круг-подставка представлял собой поперечный спил соснового бревна диаметром 90–95 мм с характерной метиковой трещиной. На рабочей поверхности круга была вырезана матрица в виде трехлепестковой розетки. В процессе эксплуатации поверхность круга разрушалась и снижалось качество оттиска розетки. Продукция, выполненная на данном круге, имела хождение во всех трех частях домонгольского Владимира. Использование круга-подставки вписывается в определенный ритм производства – за один цикл работы на данном круге изготавливали два сосуда.

Введение в науку новых материалов подтвердит или скорректирует наши выводы и предположения. Однако опыт, представленный в данной публикации, указывает на безусловную важность применения подходов трасологии (антропоскопия и механоскопия) в ходе работы с такой многочисленной и информативной группой материалов, как фрагменты сероглиняных сосудов с рельефными изображениями на донцах.

ЛИТЕРАТУРА

- Вакин А. Т., Полубояринов О. И., Соловьев В. А., 1980. Пороки древесины. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Лесная промышленность. 112 с.
- Владимирская область [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/activity/regions/vladimirskaia_oblast/. Дата обращения: 29.04.2018.
- Грибов Н. Н., 2001. Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т. С. 38–55.
- Кадиева Е. К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра России Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–196.

- Князева Н. А., 2007. Гончарные клейма средневекового Владимира (Из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника) // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы науч. семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 122–127.
- Коваль В. Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 125–135.
- Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А., 2007. Морфология декора. М.: URSS. 200 с.
- Лапшин А. Г., Бисерова А. В., 2016. Гончарные клейма древнего Владимира (Опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли: мат-лы науч. семинара. Вып. 6 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 272–287.
- Санаев В. Г., Уголев Б. Н., Галкин В. П., Калинина А. А., Аксенов П. А., 2015. Изменение усушки древесины при развитии сушильных напряжений // Лесной вестник. Т. 19. № 1. С. 54–58.

Сведения об авторах

Бисерова Анжелика Владимировна, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, ул. Горького, 87, г. Владимир, 600000, Россия; e-mail: abiserova2@mail.ru;

Лапшин Александр Геннадьевич, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, ул. Горького, 87, г. Владимир, 600000, Россия; e-mail: lapshin-lapshin@mail.ru

A. V. Biserova, A. G. Lapshin

POTTERY MARKS IN THE FORM OF A THREE-PETALED ROSETTE
FROM VLADIMIR: EXPERIENCE OF TRACEWEAR ANALYSIS

Abstract. Among relief images on the bottoms of grey clay pots discovered during excavations of the sites in the Vladimir-Suzdal Land, fragments of vessels with a three-petaled rosette are of special interest. They have been discovered in the layers in Vladimir dated to the second half of the 12th – early 13th centuries, the layers in Suzdal dated to the second half of the 11th–12th centuries and the layers in Yaropolch Zalesky dated to the second half of the 12th – early 13th centuries. These marks are not found beyond the boundaries of the Vladimir-Suzdal Land. Most marks of this group originate from Vladimir. The three-petaled rosette has been discovered in all parts of the city and is the most frequently found mark in Vladimir. The study of this group of materials has revealed a series of marks identified as impressions of one intaglio matrix (i. e. made on the same potter's wheel). This publication describes the experience of the tracewear analysis and testing of the criteria used to identify impressions of one intaglio matrix of the potter's wheel turned by hand.

Keywords: Vladimir-upon-Klyazma, grey clay pottery, pottery marks, small disk-stand of the potter's wheel turned by hand, mark morphology, intaglio matrix, three-petaled rosette with rotational symmetry, impression tracewear analysis, heartwood timber, sap wood, annual rings.

REFERENCES

- Gribov N. N., 2001. Goncharnyye kleyma selishcha Blizhnee Konstantinovo-1 [Potter's marks from open settlement Blizhnee Konstantinovo-1]. *Nizhegorodskie issledovaniya po krayevedeniyu i arkhologii* [Nizhny Novgorod investigations on local lore and archaeology]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy gos. universitet, pp. 38–55.
- Kadieva E. K., 2007. Kleyma na krugovoy posude Tsentra Rossii i Severo-Vostochnoy Rusi: khronologiya i rasprostranenie [Marks on wheel-made pottery from Central Russia and NorthEastern Rus: chronology and spread]. *AP*, 3. Moscow: IA RAN, pp. 172–196.
- Knyazeva N. A., 2007. Goncharnyye kleyma srednevekovogo Vladimira (Iz arkhologicheskikh kollektsey Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika) [Potter's marks of medieval Vladimir (From archaeological collections of Vladimir-Suzdal museum-reserve)]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminar* [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: proceedings of scientific seminar], 1. Moscow: IA RAN, pp. 122–127.
- Kokorina Yu. G., Likhter Yu. A., 2007. Morfologiya dekora [Morphology of decoration]. Moscow: URSS. 200 c.
- Koval V. Yu., 2002. Kleyma na srednevekovoy russkoy keramike. (opyt issledovaniya na primere Rostislavlya Ryazanskogo) [Marks of medieval Russian ceramics (experience of research baed on example of Rostislavl Ryazanskiy)]. *Tver', tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver', Tver' land and adjacent territories in Middle Ages], 4. Tver': Staryy gorod, pp. 125–135.
- Lapshin A. G., Biserova A. V., 2016. Goncharnyye kleyma drevnego Vladimira (Opyt sistematzatsii) [Potter's marks of ancient Vladimir (Experience of systematization)]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminar* [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: proceedings of scientific seminar], 6. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 272–287.
- Sanaev V. G., Ugolev B. N., Galkin V. P., Kalinina A. A., Aksenov P. A., 2015. Izmenenie usushki drevesiny pri razvitii sushil'nykh napryazheniy [Changing the shrinkage of wood in development of drying stresses]. *Lesnoy vestnik* [Forest bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 54–58.
- Vakin A. T., Poluboyarinov O. I., Solov'yov V. A., 1980. Poroki drevesiny [Wood defects]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Lesnaya promyshlennost'. 112 p.
- Vladimirskaya oblast'. Elektronnyy resurs [Vladimir region. Electronic resource]. Ministerstvo prirodnykh resursov i ekologii Rossiyskoy Federatsii [Ministry of natural resources and environment of the Russian Federation]. URL: http://www.mnr.gov.ru/activity/regions/vladimirskaya_oblast/.

About the authors

Biserova Anzhelika V., Alexander G. and Nikolaj G. Stoletovs Vladimir State university, ul. Gor'kogo, 87, Vladimir, 600000, Russian Federation; e-mail: abiserova2@mail.ru;

Lapshin Alexander G., Alexander G. and Nikolaj G. Stoletovs Vladimir State university, ul. Gor'kogo, 87, Vladimir, 600000, Russian Federation; e-mail: lapshin-lapshin@mail.ru

К. И. Панченко

КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Резюме. В статье дается морфологическое и технологическое описание керамических погребальных сосудов XIV–XVI вв. из захоронений, раскопанных в 2016–2017 гг. в Чудовом монастыре Московского Кремля, рассматриваются некоторые закономерности обряда погребения с использованием керамических сосудов и связь полученных археологических данных с историческими источниками.

Ключевые слова: Чудов монастырь, некрополь, керамические погребальные сосуды, погребальный обряд.

Среди скудного христианского погребального инвентаря в средневековых захоронениях из некрополя при церкви Чуда архистратига Михаила в Московском Кремле найдены керамические сосудики для елеса, которые заслуживают отдельного внимания. Они давно были известны по кладбищам на территории Московского Кремля (*Авдусина и др.*, 1984. С. 205–208) и на множестве других некрополей г. Москвы (*Беляев*, 1991. С. 50, 51; 1995. С. 204, 205; 2017. С. 120–124, *Розенфельдт*, 1968. С. 49). Однако вопрос о назначении и роли в христианском погребальном обряде этих сосудов остается пока не ясным до конца.

По мнению Т. Д. Пановой, в Московском Кремле в эпоху Средневековья располагалось не менее 14 кладбищ и до 2016 г. на 7 кладбищах были обнаружены керамические погребальные сосуды (*Авдусина и др.*, 1984. С. 205–208, *Панова*, 1989. С. 220). К сожалению, полученные ранее данные по кремлевским погребениям и сосудам в них не равноценны и не равнозначны, т. к. на этих кладбищах проводились только локальные выборочные археологические исследования, а часть информации утеряна. Раскопки участка некрополя под руководством Н. А. Макарова и В. Ю. Коваля¹ при церкви Чуда архистратига

¹ Автор выражает глубокую благодарность руководителям работ за предоставленную возможность обработки керамических сосудов из погребений и предварительной публикации материала.

Михаила в 2016–2017 гг. впервые за все время позволили получить большой объем материала для научных исследований и должны стать отправным образцом для последующих сравнений и исследований могильников и погребального инвентаря на территории Московского Кремля.

В ходе археологических раскопок на некрополе при церкви Чуда архистратига Михаила было найдено 14 погребальных керамических сосудов. 12 из них происходят из захоронений: 10 найдены *in situ* и представлены полными формами, одна полная форма из потревоженного захоронения, половина одного сосуда из погребения, нарушенного поздним подзахоронением. Один нецелый сосуд нашли в перекопе XX в. и один мелкий обломок сосуда происходит из строительного горизонта XVI в., задевшего ранние погребения.

По технологическим характеристикам керамические погребальные сосуды из Чудова монастыря делятся на 2 группы: поливные и неполивные. Поливные сосуды составляют подавляющее большинство (93 %). Полива прозрачная или полупрозрачная, в основном не очень хорошего качества: потрескавшаяся, патирированная, плохо скреплена с черепком и отслаивается (рис. 1–2: 1–10).

Неполивная керамика впервые найдена *in situ* в погребении на территории Московского Кремля и представлена чернолощеной мини-кубышкой. Необходимо отметить, что при исследованиях в 2014 г. на территории 14-го корпуса был найден обломок краснолощеной чашечки, атрибутированной как погребальная. К сожалению, сосуд нашли в мусорном слое XX в. и он имеет явные признаки вторичного пребывания в огне. Все это не позволяет считать его происходящим из погребения (Макаров, Беляев, 2015. С. 12).

В глиняном тесте всех групп изделий присутствовал песок в концентрации не менее 25 %. В подавляющем большинстве случаев (около 80 %) размер зерен песка не превышал 0,6–0,8 мм. В тесте одной миниатюрной чашечки зафиксирована очень мелкая фракция песка (зерна до 0,4 мм). У двух сосудов большой чашечки и мини-кубышки помимо мелких песчинок присутствовало около 50 % крупных зерен (0,8–1,3 мм). Отдельно следует отметить, что у белоглиняной мини-кубышки и белоглиняной маленькой чашечки цвет песка имеет красноватый оттенок. Этот факт с большой долей вероятности свидетельствует о наличии как минимум двух центров производства белоглиняной поливной посуды, бытовавшей в Москве в позднем Средневековье.

По цвету глин поливные сосуды из Чудова монастыря делятся на 2 типа: красножгущиеся (красноглиняные) из ожелезненных глин и светложгущиеся (белоглиняные) из нежелезненных и слабожелезненных глин. Полива наносилась на всю поверхность изделий, исключение зафиксировано только у одной мини-кубышки. Поливная красноглиняная погребальная посуда полностью покрывалась белым ангобом под поливу, белоглиняная – не ангобировалась. Т. Д. Авдусина и другие исследователи выделили изделия из слабожелезненных глин в отдельный тип: розовоглиняные сосуды (Авдусина и др., 1984. С. 207). В действительности керамика из таких глин занимает промежуточную позицию между красноглиняной и белоглиняной посудой, т. к. при очень слабонасыщенных оттенках красного цвета поверхность сосуда не ангобировалась под поливу, а при более насыщенном цвете покрывалась ангобом. Соответственно, логичнее будет разделять поливные сосуды на 2 типа: 1 – красноглиняные ангобированные, 2 – белоглиняные.

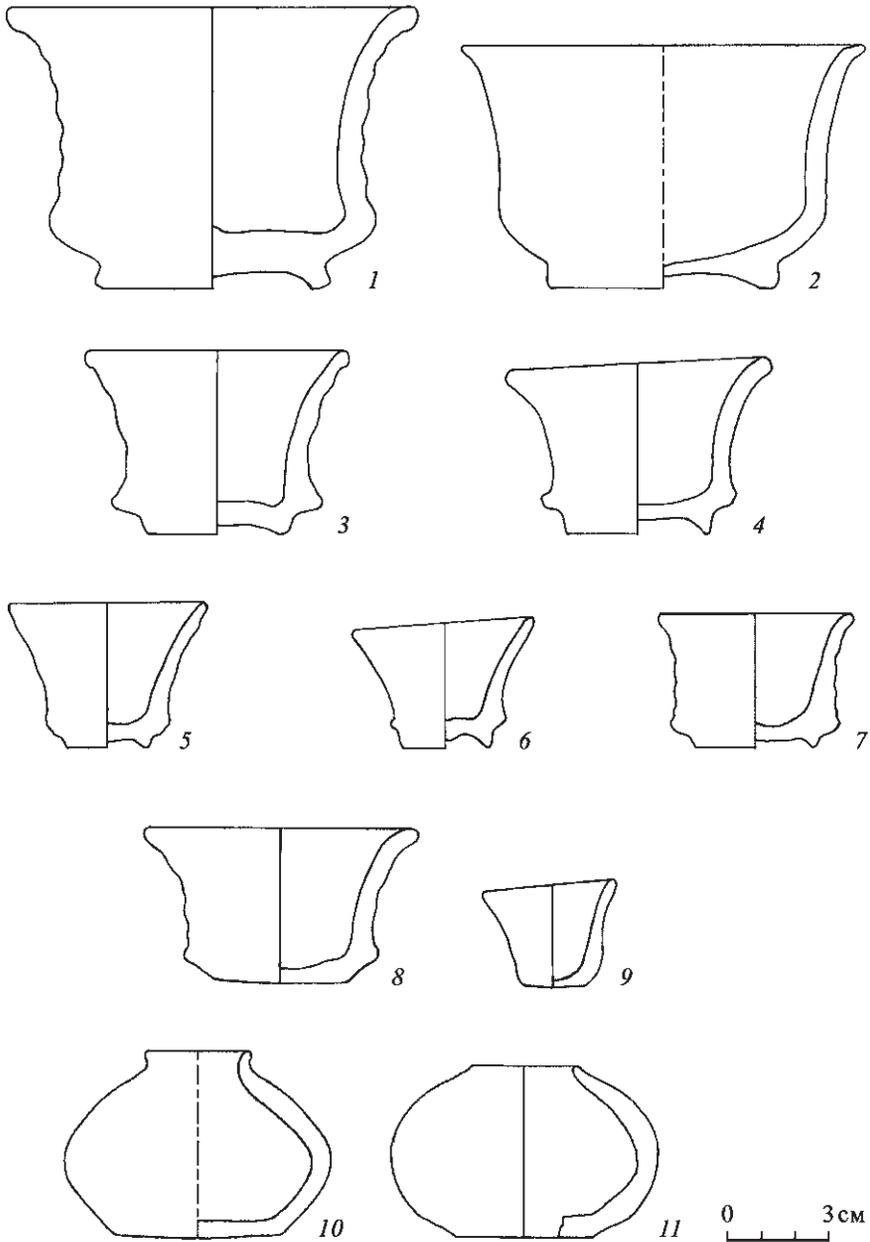

Рис. 1. Поливные погребальные керамические сосуды конца XIV – XVI в.
 1–7 – чашечки, подтип 2; 8–9 – чашечки, подтип 1; 10–11 – мини-кубышки
 1, 2, 8 – сосуды из красножгущихся глин; 3–7, 9–11 – сосуды из светложгущихся глин
 2, 5 – светло-желтая полива; 1, 3–4, 6–11 – зеленая полива

Рис. 2. Погребальные керамические сосуды конца XIV – XVI в.
Номера сосудов с 1 по 10 соответствуют номерам на рис. 1.
12 – чернолощенная мини-кубышка

По результатам раскопок на некрополе при церкви Чуда архистратига Михаила доминируют сосуды второго типа, их доля составляет 64 % всей погребальной керамики, 29 % приходится на тип 1 и 7 % – на чернолощеную керамику.

В группе поливной керамики преобладают погребальные сосуды с поливой зеленого цвета разных оттенков и насыщенности – 85 %. Полива светло-желтого тона или прозрачная составляет 15 %.

В погребениях некрополя найдено 2 типа форм сосудов: чашечки и мини-кубышки. Как назывались чашечки в средние века, неизвестно, в археологической литературе встречаются и другие названия: лампадки, кубки (Беляев, 2017. С. 120–123). Однако даже М. Г. Рабинович, говоря о погребальных сосудах как о лампадах, описывает их как «небольшие сосудики в виде чашечек» (Рабинович, 1949. С. 78). На данный момент «чашечки» и «чаши» для сосудов большого размера, вероятно, наиболее подходящее название для такого типа изделий. Термин «мини-кубышки» был введен в научный обиход Л. А. Беляевым, после того как они были впервые найдены в погребениях Богоявленского и Данилова монастырей. Название этих сосудиков также достаточно условное, скорее всего, они являлись чернильницами. Интересно, что наличие мини-кубышек в захоронениях на данный момент известно только на монастырских кладбищах г. Москвы, эта особенность ранее была отмечена Л. А. Беляевым (Беляев, 1995. С. 79–82).

Среди керамических сосудов доля поливных чашечек в погребениях Чудова монастыря составляет $\frac{3}{4}$. По форме поливные чашечки из погребений делятся на два подтипа: подтип 1 (2 шт.) – без кольцевого поддона (рис. 1–2: 8, 9), подтип 2 (8 шт.) – с кольцевым поддоном (рис. 1–2: 1–7). Красножгущиеся и светложгущиеся сосуды представлены поровну в подтипе 1, соотношение красноглиняной и светлоглиняной керамики в подтипе 2 составляет 2 : 6.

По объему² чашечки из Чудова монастыря делятся на большие (чаши) (2 шт.) 375–400 мл (рис. 1–2: 1, 2), маленькие (3 шт.) 80–125 мл (рис. 1–2: 3, 4, 8) и миниатюрные (5 шт.) 15–40 мл (рис. 1–2: 5–7, 9). Размеры у больших сосудов колебались в следующих пределах: высота 71–84 мм, диаметр венчика 120–123 мм, диаметр поддона 67–69 мм. Найденные на некрополе чаши сделаны только из красножгущихся глин и покрыты светло-зеленой и светло-желтой (прозрачной) поливой. Стенки одного сосуда имели волнистую поверхность.

Размеры у маленьких чашечек имели следующие параметры: высота 45–55 мм, диаметр венчика 75–82 мм, диаметр дна, поддона 40–44 мм. Два сосуда этого размера сделаны из светложгущихся глин, один – из красножгущейся глины. В качестве декора 2 чашечки имели слаборифленую поверхность.

Размеры у мини-чашечек были следующие: высота 31–40 мм, диаметр венчика 39–60 мм, диаметр дна или поддона 20–35 мм. Все найденные мини-чашечки сделаны из светложгущихся глин. Цвета поливы – светло-зеленый, зеленый, оливковый и прозрачный. Две мини-чашечки имеют слаборифленую поверхность.

² Объем целых сосудов рассчитан по объему воды, налитой до краев, для обломков объем рассчитывался по формуле для тел вращения.

Погребальные чашечки из некрополя Чудова монастыря по форме и технологическим характеристикам не отличались от найденных ранее на средневековых кладбищах Московского Кремля и г. Москвы (*Авдусина и др.*, 1984; *Беляев*, 1991; 2017; *Розенфельдт*, 1968). По количеству керамических чашечек из захоронений с монастырского некрополя при церкви Чуда архистратига Михаила можно сравнить данные исследований погребений Вознесенского монастыря в Кремле. Однако такое сравнение возможно при условии серьезной оговорки, т. к. сосуды из Вознесенского некрополя собраны только из элитных захоронений в каменных саркофагах, а погребальные чашечки из Чудова монастыря происходят в основном из грунтовых могил, за исключением одной из саркофага.

При сравнении керамических чашечек из Чудова и Вознесенского монастырей выделяется ряд отличий.

Первое – в Вознесенском монастыре доминируют красноглиняные сосуды (70 % против 33 % Чудова), а в Чудовом – светлоглиняные (67 % против 30 %). Что послужило причиной такого различия, пока сказать сложно, это может быть связано как с временным фактором, так и с особенностями выборки из некрополей.

Второе – на некрополе Чудова монастыря мини-чашечки составляют половину от всех чашечек, тогда как при церкви Вознесения только десятая часть, а чашечки среднего размера (объем 140–250 мл), найденные на Вознесенском некрополе, на Чудовом отсутствуют. Преобладание чашечек большего объема в захоронениях Вознесенского некрополя, скорее всего, связано с тем, что они происходят, с одной стороны, из захоронений высшей знати, с другой – в выборке отсутствуют погребения XIV в.

Третье – мини-кубышки обнаружены только в погребениях Чудова монастыря. По цвету поливы, типам форм и декору чашечек показатели из некрополей Чудова и Вознесенского монастырей отличаются не более чем на 5 %.

Основной проблемой до сих пор остается время бытования чашечек, т. к. очень мало датированных погребений. Т. Д. Авдусиной и другими исследователями бытование керамических погребальных чашечек датируется серединой XIV в. – рубежом XV–XVI вв. (*Авдусина и др.*, 1984. С. 208). Л. А. Беляевым допускается появление такого типа сосудов в XIV в., но их распространение он относит к середине XV – середине XVI в. (*Беляев*, 2017. С. 121–122). Предположение о том, что небольшие чашечки самые ранние, можно считать вполне обоснованным (*Беляев*, 1995. С. 117), но у нас пока нет доказательств, что они совсем не встречаются на позднем этапе бытования погребальной посуды. К тому же, если все небольшие чашечки датировать концом XIV – первой половиной XV в., можно говорить только о поступлении данных сосудов из других регионов в Москву, т. к. в большинстве случаев они изготовлены из светлоглиняных глин с примесью песка в тесте и покрыты поливой, а такие традиции гончарного производства не встречаются в Москве в это время. Красноглиняные сосуды с ангобом под поливу также не могли производиться московскими гончарами ранее второй половины XV в., т. к. ангобированная керамика неизвестна в Москве до этого времени (*Московская керамика...*, 1991. Табл. А. Рис. 2).

Мини-кубышки среди средневековых некрополей Московского Кремля найдены пока только в Чудовом монастыре, хотя такие сосуды известны по находкам

в Богоявленском, Даниловом монастырях (Беляев, 1995. С. 79, 116–117). По форме они похожи на московские кубышки, но не имеют горла и состоят из одного тулова с почти невыделенным венчиком. На некрополе Чудова монастыря 2 мини-кубышки изготовлены из светложгущихся глин, одна из них полностью покрыта поливой, другая только с внешней стороны (рис. 1: 10–11; 2: 10). Еще одна мини-кубышка чернолощенная (рис. 2: 12), лощение сплошное всей внешней поверхности. Объем этих сосудов составляет 51, 95 и 105 мл, высота 45–54 мм. Аналогичные мини-кубышки из других монастырей датируются второй половиной XV – первой половиной XVI в. (Беляев, 1995. С. 79). Скорее всего, поливные и чернолощенные мини-кубышки были распространены в XVI в., потому что в погребениях Чудова монастыря, которые можно отнести к XV в., такие формы сосудов не найдены.

На раскопанном участке некрополя у церкви Чуда архистратига Михаила около 11 %³ захоронений были с сосудами, подавляющее большинство из них керамические (92 %). Последнее объясняется тем, что сохранились только захоронения последней трети XIV – XVI в., а могилы XVII–XVIII вв. были в основном уничтожены во время строительства 14-го корпуса.

Особый интерес представляет планиграфия погребений с сосудами, их можно разделить на три отдельные группы. Первая группа, не менее 8 захоронений (по найденным сосудам), достаточно компактно располагалась у западной половины северной стены церкви. Вторая группа, 3 погребения, разрежена у юго-западного угла церкви. Третья группа, 3 могилы, наиболее удаленная от церкви, приблизительно в 3–4-м ряду захоронений на западе. Таким образом, больше всех выделяется 1-я группа погребений. Этот участок, вероятно, был местом захоронений одного или двух знатных родов, т. к. именно там найдены женские погребения с сосудами. Примечательна также третья группа захоронений, потому что в них найдены только мини-кубышки поливные и чернолощенная. Данный факт может дополнительно подтверждать поздний период бытования таких сосудов.

Традиция помещать стеклянные бальзамарии в христианские захоронения известна еще с позднеантичного времени. Исследователь византийского погребального обряда М. В. Фомин предположил, что в сосудах было освященное масло (Фомин, 2001. С. 115). Интересно отметить, что византийские захоронения по усредненным показателям из христианских могильников содержат около 12 % сосудов для елея (Там же. С. 255), что очень близко к данным из Чудова монастыря. Такую закономерность вряд ли можно считать случайной для христианского погребального обряда. Однако при учете доли погребений с сосудами нужно брать в расчет, где и при какой церкви сделаны захоронения. Например, доля погребений с сосудами в Коломенском не превышает 2 % (Беляев, 1991. С. 46–51), в то время как в элитных захоронениях из некрополя Вознесенского монастыря Московского Кремля она доходит до 30 %.

В целом наличие сосуда в погребении, скорее всего, указывает на статус и достаток погребенного, особенно в России, где масло для елея было труднодоступным товаром. Даже в начале XX в. взамен поливания елеем усопшего посыпали пеплом от кадила (Булгаков, 1913. С. 1323).

³ Здесь и далее в расчет включено и погребение со стеклянным сосудом.

Чудов монастырь был мужским, поэтому преобладание мужских погребений с сосудами, составлявшими 83 %, над женскими (17 %) вполне естественно. В 7 мужских погребениях керамические сосуды найдены у головы покойных, с правой стороны у четырех человек, с левой у трех. В одном случае сосуд находился в ногах погребенного между колен. Один сосуд, предположительно, отнесен к нарушенному погребению, поэтому его расположение в захоронении неизвестно. В женских погребениях 1 сосуд находился слева от головы, другой у тазовых костей. Скорее всего, последний сосуд сместился со своего первоначального положения по причине сильной просадки погребения в раннюю яму.

К сожалению, выборка по погребениям недостаточна для обоснованных заключений, но в целом на раскопанном участке могильника прослеживается некая закономерность и преобладают захоронения с сосудами в головах. Такое положение сосудов, в которых был елей для последнего возлияния на усопшего, неслучайно для христианского погребального обряда. Елей на голове очень символичен в христианстве. Во-первых – он отождествляется с помазанием на царство: «возьми сосуд с елеем, и вылей на голову его, и скажи: “так говорит Господь: помазую тебя в царя над Израилем”» (4 Цар. 9:1–3) Во-вторых, это получение благополучия и божественного благословения: «да не оскудевает елей на голове твоей» (Екк. 9:8). В-третьих – это очищение души и тела: «а остальной елей, который на ладони священника, возложит он на голову очищаемого, и очистит его священник пред лицом Господа» (Лев. 14:18). Таким образом, расположение сосуда для елея в головах у мирянина завершало символический акт последнего очищения и благословения покойного на последующую жизнь.

Одним из признаков захоронения священника является сосуд, поставленный в ноги погребенного (*Киприан*, 1880, Стб. 245–246), по крайней мере, следование именно такой традиции зафиксировано в погребениях XV–XVI вв. в Троице-Сергиевом монастыре (*Панченко*, 2016. С. 553). На некрополе Чудова монастыря только один погребенный был с сосудом в ногах. Погребение этого человека вообще выделяется среди всех: он положен в белокаменный антропоморфный саркофаг, который перекрыт ранней белокаменной прямоугольной могильной плитой, а не стандартной крышкой. Поливная красноглиняная чаша (рис. 1–2: 1), обнаруженная в саркофаге, имеет самый большой объем из всех найденных погребальных сосудов. Само захоронение находилось рядом с северной стеной церкви Чуда архистратига Михаила. Чудов монастырь долгое время был местом захоронения иерархов православной церкви, в том числе опальных (*Панова*, 2003. С. 107–108), поэтому вполне можно предположить, что так был погребен один из представителей духовенства. В то же время из-за недостатка имеющихся на сегодняшний день фактов нельзя исключить вероятность, что это погребение какого-то очень знатного мирянина.

В целом можно отметить, что найденные в погребениях при церкви Чуда архистратига Михаила керамические сосуды стали важным источником для реконструкции христианского средневекового погребального обряда на Руси, а наличие ранних чашечек является дополнительным археологическим подтверждением существования Чудова монастыря во второй половине XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д.*, 1984. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. № 2. С. 201–212.
- Беляев Л. А.*, 1991. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: Гос. музей-заповедник «Коломенское». С. 47–57.
- Беляев Л. А.*, 1995. Древние монастыри Москвы по данным археологии. 2-е изд. М.: ИА РАН. 310 с.
- Беляев Л. А.*, 2017. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке / Отв. ред.: Л. А. Беляев, М. И. Гоняный. Смоленск: Свиток. С. 119–136.
- Булгаков С. В.*, 1913. Настольная книга для священно-церковно-служителей. 3-е изд. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры. 1794 с.
- Киприан*, 1880. Киприана, смиренного митрополита Киевского и всея Руси, ответ ко Афанасию, вопросившему о неких потребных вещах // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. СПб. С. 244–270.
- Макаров Н. А., Беляев Л. А.*, 2015. Отчет о проведении археологических исследований на территории Московского Кремля (корпус № 14, двор № 2) в 2014 году // Архив ИА РАН. № 356.
- Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С. З. Чернов, М. Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР, 1991. 198 с. (Материалы и исследования по археологии Москвы; т. 5.)
- Панова Т. Д.*, 1989. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // СА. № 1. С. 219–234.
- Панова Т. Д.*, 2003. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик. 224 с.
- Панченко К. И.*, 2016. Керамические сосуды XV–XVI веков из погребений Троице-Сергиевой лавры // АП. Вып. 12 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 547–554.
- Рабинович М. Г.*, 1949. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 57–105. (МИА; № 12.)
- Розенфельдт Р. Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII веков. М.: Наука. 125 с.
- Фомин М. В.*, 2001. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков: Коллегиум. 290 с.

Сведения об авторе

Панченко Константин Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: pakoi@mail.ru

K. I. Panchenko

CERAMIC VESSELS FROM THE NECROPOLIS
IN THE CHUDOV MONASTERY OF THE MOSCOW KREMLIN

Abstract. The paper contains a morphological and technological description of ceramic burial vessels dated to the 14th–16th centuries from the graves excavated in the Chudov Monastery of the Moscow Kremlin in 2016–2017 and examines some distinctive characteristics of the funerary rite with the use of ceramic vessels as well as the links between the archaeological data obtained and historical sources.

Keywords: Chudov Monastery, necropolis, ceramic burial vessels, funerary rite.

REFERENCES

- Avdusina T. D., Vladimirskaya N. S., Panova T. D., 1984. Russkaya polivnaya keramika iz raskopok moskovskogo kremlya [Russian glazed ceramics from excavations of Moscow Kremlin]. *SA*, 2, pp. 201–212.
- Belyayev L. A., 1991. Srednevekovyy nekropol' Kolomenskogo [Medieval necropolis of Kolomenskoe]. *Kolomenskoye. Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye. Materials and investigations]*, 2. Moscow: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kolomenskoye», pp. 47–57.
- Belyayev L. A., 1995. Drevnie monastyri Moskvyy po dannym arkheologii [Ancient monastery of Moscow according to data of archaeology]. 2nd edition. Moscow: IA RAN. 310 p.
- Belyayev L. A., 2017. K istorii i metodike izucheniya pogrebal'nykh sosudov Pozdnego Srednevekov'ya [Studying the funerary vessels of the late Medieval period Russia: history and methods]. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N. A. Krenke [De mare ad mare. Studies in archaeology and history in honour of Nikolay Krenke]*. L. A. Belyayev, M. I. Gonyanyy, eds. Smolensk: Svitok, pp. 119–136.
- Bulgakov S. V., 1913. Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-tserkovno-sluzhiteley [Handbook for the Holy Church ministers]. 3rd edition. Kiev: Tipografiya Kievo-Pecherskoy Uspenskoy lavry. 1794 p.
- Fomin M. V., 2001. Pogrebal'naya traditsiya i obryad v vizantiyskom Khersonese (IV–X vv.) [Burial tradition and rite in Byzantine Chersonese (IV–X cc.)]. Kharkov: Kollegium. 290 p.
- Kiprian, 1880. Kipriana, smirennogo mitropolita Kievskogo i vseya Rusi, otvet ko Afanasiyu, voprosivshemu o nekoikh potrebnnykh veshchakh [Cyprian, the humble Metropolitan of Kiev and all Russia, the answer to Athanasius, who asked about some needs]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiey [Russian historic library, edited by Archeographic commission]*, 6. St. Petersburg, pp. 244–270.
- Makarov N. A., Belyayev L. A., 2015. Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovaniy na territorii Moskovskogo Kremlya (korpus № 14, dvor № 2) v 2014 godu [Report on conducting of archaeological investigations in territory of Moscow Kremlin (building 14, courtyard 2) in 2014]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Moskovskaya keramika [Moscow ceramics]. S. Z. Chernov, M. D. Poluboyarinova, eds. Moscow: IA AN SSSR, 1991. 198 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvyy, 5.)
- Panchenko K. I., 2016. Keramicheskie sosudy XV–XVI vekov iz pogrebeniy Troitse-Sergievoy lavry [Ceramic vessels of XV–XVI centuries from burials of Troitse-Sergieva lavra]. *AP*, 12. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 547–554.
- Panova T. D., 1989. Pogrebal'nyye komplekсы na territorii Moskovskogo Kremlya [Burial complexes in territory of Moscow Kremlin]. *SA*. № 1, pp. 219–234.
- Panova T. D., 2003. Kremlevskie usypal'nitsy. Istoriya, sud'ba, tayna [Kremlin tombs. History, destiny, mystery]. Moscow: Indrik. 224 p.
- Rabinovich M. G., 1949. Moskovskaya keramika [Moscow ceramics]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvyy [Materials and investigations on archaeology of Moscow]*, II. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 57–105. (MIA, 12.)
- Rozenfel'dt R. L., 1968. Moskovskoye keramicheskoye proizvodstvo XII–XVIII vekov [Moscow ceramic production of XII–XVIII centuries]. Moscow: Nauka. 125 p.

About the author

Panchenko Konstantin I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: pakoi@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Н. Д. Двуреченская

К МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГОРНОЙ МЕСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КРЕПОСТИ УЗУНДАРА)

Резюме. В статье описаны методы, примененные в ходе комплексных полевых археологических исследований в условиях высокогорья на бактрийской крепости Узундара IV–II в. до н. э. К ним относятся: сканирование памятников без нарушения культурного слоя (георадарные исследования); вскрытие стен по внешним и внутренним фасадам, с сохранением дерна на верхнем ребре; восполнение дернового покрытия на участках стен, где не удалось его сохранить; укрепление наклоненных стен возведением приставных стен-«заплаток»; реконструкция плохо сохранившихся стен методом наращивания каменной кладки по-сухому; планшетный сбор подъемного материала.

Ключевые слова: методы полевых исследований, горный рельеф, Бактрия, эллинистическая крепость Узундара, консервация каменных построек, фортификация, планшетные сборы.

В 2013 г. Бактрийский отряд Среднеазиатской археологической экспедиции ИА РАН совместно с сотрудниками Тохаристанской археологической экспедиции Института искусствознания АН Республики Узбекистан приступил к стационарным исследованиям горной крепости Узундара. На территории Северной Бактрии до этого времени не были известны археологические памятники эллинистического времени, сооруженные из камня. Основным строительным материалом большинства древнебактрийских памятников традиционно являлся сырцовый кирпич и пахсовые блоки.

На высоте 1700 м крепость Узундара занимает всю площадь относительно пологого и узкого – до 120 м в ширину – языка горы Сусизтаг между одноименным ущельем Узундара, глубиной более 100 м, и урочищем Кара-Камар, глубиной до 60 м. Магистральное направление уклона на этом участке – юго-восток, в сторону долины реки Шуроб.

В плане крепость ромбовидная с отрезком выносных стен на северо-западе и цитаделью на отдельно стоящем подтреугольном в плане холме на юго-востоке. Крепость укреплена тринадцатью башнями, три из которых являются выносными (*Ртвеладзе, Двуреченская, 2015. С. 37–46; Двуреченская, 2015. С. 124–133*). Все фортификационные объекты памятника значительно пострадали и потеряли от половины и более своей высоты. Они представляют, как правило, развалы колотого камня по обе стороны крепостных стен или на четыре стороны вокруг башен.

Горная местность с ярко выраженным рельефом с перепадом высот между отдельными объектами памятника до восьмидесяти метров, практическое отсутствие больших горизонтальных площадей, большой снежный покров зимой, ежегодные весенние дожди, сход талых вод и селей, незначительная растительность, которая бы способствовала предотвращению смыва культурного слоя, — характеристики, которые потребовали внимательного отношения к выбору места закладки стационарных раскопов, с четким представлением о дальнейших этапах консервации открытых архитектурных объектов. Это же требование содержится пункт 4.21 «Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации»: «В случае ведения постоянных археологических раскопок на одном объекте археологического наследия с оставлением обнаруженных архитектурных остатков в открытом виде должны быть приняты меры к их сохранению и консервации» (Положение...). В данной статье вашему вниманию предлагается рассмотреть практические решения, примененные в ходе комплексных археологических исследований бактрийской крепости Узундара IV–II в. до н. э.

В первую очередь были проведены георадарные исследования. С помощью среднечастотного импульсного георадара «ЛЮЗА-1В» было отсканировано 27 профилей на разных участках памятника: 14 — на крепостных стенах, 3 — на башнях, 4 — на внутренней площадке крепости и 5 было получено с цитадели в районе Скального комплекса (*Двуреченская, Морозов, 2017. Рис. 1*). Серии георадарных профилей позволили получить предварительные данные по расположению фортификационных и архитектурных объектов без повреждения культурного слоя. Эти данные были сопоставлены с данными трех археологических раскопов, которые были заложены в 2014 г. Результаты этого сопоставления определили стратегию разворачивания дальнейших исследований на крепости Узундара.

Наиболее высоко по рельефу горы расположена западная крепостная стена. Ее гребень хорошо читается и маркируется языками крупных каменных развалов с внутренней стороны крепости. В середине XX в. в районе угловой юго-западной башни стена была прорезана техникой в ходе прокладки дороги для сельскохозяйственных нужд жителей поселка Сайроб, расположенного в долине в 6 км к югу.

Западная стена крепости расположена на пути основных сходов талых вод и селей, она дала возможность проследить этапы разрушения археологических объектов: постепенное вымывание весенней талой водой глиняных растворов из каменной кладки стен и неизбежно следующий затем развал самой кладки. Наблюдения за процессами разрушения археологических объектов на памятнике заставили оперативно внести коррективы в методику полевых работ.

Вскрытие стен по внешним и внутренним фасадам, с сохранением дерна на верхнем ребре

Весной 2014 г. был заложен раскоп II с целью проследить характер западной крепостной стены. Была произведена зачистка в месте разреза стены дорогой, получены фасы и направление стены. Исходя из этих данных, вскрытие началось сверху вдоль обоих фасов: по внутреннему на длину не менее 10 м, по внешнему не менее чем на 3 м. Такая конфигурация раскопа позволила минимизировать скопление талых вод перед вскрытыми частями стен и предотвратить их быстрое разрушение. В целях сохранения крепостной стены от размывания и быстрого последующего разрушения раскоп не затрагивал непосредственно ребро стены, которое было покрыто хорошо развитым дерном – единственной скрепляющей и удерживающей силой. То есть видимое по микрорельефу направление стены было отслежено зачистками в уже существующем разрезе и раскопано по внутреннему и внешнему фасадам.

В результате археологических раскопок установлено, что толщина стены составляет 3,5 м, сложена она из двух каменных кладок каждая мощностью до 1 м, из двух рядов камней. Внутреннее пространство между этими стенами плотно забутовано таким же камнем, но с большим количеством мелко-го гравия и глины. По типологии С. Д. Крыжицкого, такая кладка наиболее близка к трехслойной однорядной постелистой (*Крыжицкий*, 1982. С. 24. Рис. 5). По внешнему фасу стена прослежена на 3,30 м в длину и 1,3 м высоты. Сложена из разногабаритных камней, размеры которых варьируют от 15 × 5 до 40 × 25 см. В высоту кладка открыта на 6 рядов. В качестве раствора применялась глина с добавлением мелкого щебня или гравия. Следует отметить, что подобный раствор использовался строителями эллинистической Бактрии. Наиболее наглядный пример дают материалы городища Тахти-Сангин (*Дружинина, Инагаки*, 2009. С. 102).

Внутренний фас стены прослежен на 10 м в длину и на 2,60 м в высоту. Кладка сохранилась в высоту до 12 рядов камней, размеры которых варьируются от 13 × 7 до 44 × 35 см. Разногабаритные камни имеют, как правило, одну обколотую выровненную сторону, которая и являлась лицевой. В целях сохранения современной дороги западная крепостная стена была прослежена на полную высоту от основания ее фундамента только на участке в 2 м длиной. Для этого на крайнем северном участке раскопа у вскрытой стены по уровню поверхности дороги был заложен шурф 1, позволивший выяснить характер фундамента крепостной стены. Она была возведена на щебневой нивелировочной подсыпке мощностью до 20 см поверх чистой материковой скалы.

Нетронутый в ходе раскопок слой дерна на ребре западной крепостной стены шириной в 3,5 м был довольно мощный и развитый (до 0,20 м), благодаря чему он «цементирует» кладку каменных стен сверху, существенно замедляя их разрушение и размывание. Дёрн представлен здесь плотным суглинком, густо заросшим травянистыми растениями, скрепленный переплетением их корней.

В современном строительстве широко используют способность дерна защищать почву от уплотнения и размыва (к примеру, на откосах шоссе и железных дорог, откосах каналов и др.). Таким образом, оставляемый нами на ребре

стен дерн задерживает и перерабатывает в себе все виды осадков, а в случаях их переизбытка, как правило, вода стекает в стороны, а не внутрь стен, предотвращая разрушение изнутри с последующим вспучиванием. Таким образом, в ходе раскопок, ведущихся по внутренним и внешним фасадам построек без вскрытия дернового слоя на их ребре, одновременно с открытием архитектуры производится ее первичная консервация.

При исследованиях цитадели крепости Узундара техника раскопок со вскрытием внутренних и внешних объемов архитектурных построек и расчисткой стен по внутреннему и внешнему фасаду, без затрагивания дернового слоя над ними, продолжала использоваться. Однако при усложнении задачи, когда нет повреждений дневной поверхности, а анализ микрорельефа не дает однозначных результатов, раскоп закладывается по классической схеме с полным вскрытием поверхностного слоя. Для минимизации разрушений в условия горной местности наиболее целесообразной представляется закладка узких и длинных разведочных траншей. Они позволяют выявить основные архитектурные линии и затем вернуться к использованию техники вскрытия стен по внешним и внутренним фасадам, с сохранением дерна на верхнем ребре (рис. 1).

Рис. 1. Сохранение стен архитектурных сооружений без вскрытия дерна. Цитадель крепости Узундара, восточный сектор, помещение 3, вид с юго-запада. Фото

Восполнение дернового покрытия на участках стен, где не удалось его сохранить

В тех случаях, когда метод сохранения дернового слоя на ребре стен не удавалось соблюсти, т. к. это предполагает в определенной степени предугадывание направления ранее открытых участков стен, то нами на этих участках производилась искусственная рекультивация и воспроизведение дернового покрытия с его уплотнением почвой и поливом в конце раскопок. Для этого использовался ранее изъятый здесь же при раскопках дерн, нарезанный квадратиками (приблизительно 30 × 30 см).

Такая методика, помимо решения важных вопросов по сохранению и консервации археологического памятника, позволяет также достичь его наилучшей визуализации. Вскрытые архитектурные объекты становятся «музеем под открытым небом» (рис. 1). Особенно это важно, когда сохранность архитектурных объектов очень низкая, к примеру в один-два ряда каменной кладки. В открытом, не укрепленном дерном состоянии, такие стены не продержатся и одного весеннего сезона. При использовании методики сохранения дерна над верхним ребром стен они сохраняют свой вид значительно дольше.

Безусловно, есть и обратная сторона этого метода – необходимость отступления от обычных методик сплошного вскрытия в рамках всей площади заложеного археологического раскопа. Однако результат, полученный в итоге, на наш взгляд, оправдывает небольшое отклонение от общепринятой методики.

Еще одним существенным плюсом является доступность метода с экономической стороны, не требующего дополнительных затрат на консервирующие и закрепляющие компоненты. В случае с каменной архитектурой в горной местности с тяжелыми условиями доставки грузов нам представляется этот метод не только оправданным, но и необходимым.

Укрепление наклоненных стен возведением приставных стен-«заплаток»

На цитадели крепости Узундара был заложен участок раскопа в районе юго-западной крепостной стены с целью выявления генерального плана и характера кладки фортификационных укреплений со стороны ущелья Узундара. Удалось вскрыть и проследить характер крепостной стены на длину 17,5 м по внутреннему фасу. На вскрытом участке сохранность стены удовлетворительная. Максимально сохранившаяся высота достигает 1,6 м, около 8 рядов камня. На юго-восточном участке стена имела заметный наклон внутрь крепости, который выявил крен стены, очевидно образовавшийся еще в древности, в сторону магистрального направления уклона скалы. Следующий сезон продемонстрировал, что такие стены даже с непотревоженным сверху дерном не могут сохраняться и рушатся. Для предотвращения дальнейшего разрушения участок обвала стены был расчищен, и вплотную к нему была возведена стена из сложенного на сухую камня. Такие подпорные стены-«заплатки» ранее хорошо себя зарекомендовали на участке раскопа 1. Визуально приставные подпорные стены четко отличаются

от древней кладки в первую очередь отсутствием раствора. В отличие от сохраняемого дерна наверху стен такие «заплатки» смотрятся на памятнике менее органично. Однако использование их имеет временный характер с целью предотвращения быстрого обвала наклоненных стен. Выигранное время в несколько сезонов позволит авторам раскопок выбрать и подготовить те способы реставрации и консервации, которые будут носить значительно более долговременный характер. Бесспорным плюсом является то, что подпорные стены, сложенные по-сухому, относительно легко и быстро разбираются, не требуют специального оборудования.

Реконструкция плохо сохранившихся стен методом наращивания кладки по-сухому

При широкоплощадных раскопках цитадели крепости Узундара внутри пояса фортификационных укреплений были открыты примыкающие к ним помещения, стены которых были значительно тоньше фортификационных. Зачастую они были менее 1 м в толщину, кроме того, их сохранность по высоте также была минимальной, составляя 1–2 ряда каменной кладки. После проведения всех циклов археологической фиксации (фото, чертежи, топосъемка) представлялось невозможным оставлять их в открытом состоянии, т. к. это было равнозначно их полной потере на следующий же сезон. Напомним, что вся застройка крепости Узундара расположена на материковой скале, имеющей на разных участках значительный, часто разнонаправленный уклон. Весенние талые воды, дожди и сели сносят все слабо укрепленные сооружения по уклону вниз. В этой связи наиболее удобным способом консервации плохо сохранившихся стен стало наращивание их методом сухой кладки в 2–3 ряда. Визуально такое наращивание легко отличается от подлинной древней кладки отсутствием раствора, не нарушает представление о характере застройки, а главное – позволяет сохранить остатки стен от полной утраты. Два-три ряда кладки на сухую оказываются достаточными для удержания остатков древней стены на месте. Отметим важное обстоятельство, что материалом для кладки является камень из развалов этих же стен, обколотый и подготовленный к работе древними мастерами, что усиливает их аутентичность (рис. 2).

Планишетный сбор подъемного материала (т. е. с привязкой GPS-приемником или тахеометром к генеральному плану памятника). Этот метод позволяет не утрачивать безвозвратно ежегодно перемещаемый вниз по склонам подъемный археологический материал, а также выделить сопутствующие памятнику и расположенные за пределами его территории объекты без стационарных построек, такие как дороги, торговые площадки, легкие хозяйственные постройки и др.

Метод планшетных сборов подъемного материала давно и широко используется в археологии. Существует два типа планшетных сборов: 1 – визуальный сбор без вспомогательных средств и без вскрышных работ с инструментальной привязкой к плану археологического объекта; 2 – сбор материала при помощи металлодетектора со вскрытием дернового слоя и инструментальной привязкой к плану археологического объекта.

Рис. 2. Нарращивание стен кладкой по-сухому и рекультивация дерна на их ребре. Цитадель крепости Узундара, юго-восточная башня, вид с юга. Фото

Если первый метод давно апробирован и не только общепринят в академической науке, но и обязателен как при проведении разведочных работ, так и при археологических раскопках (Положение..., 2013. С. 8, 9), то второй метод значительно младше и зародился лишь в конце XX столетия с появлением и широким распространением металлодетекторов. К сожалению, внимание на эти аппараты обратили не только ученые, но и грабители, в результате чего тень пала на всех, кто использовал этот инструмент. Долгое время Отдел полевых исследований запрещал использование металлодетекторов в ходе археологических исследований. Однако очевидная польза их применения пробила брешь, и с определенными ограничениями, но в целом на сегодня этот инструмент нашел свое место в различных циклах археологических исследований наряду с другим обширным набором цифровых и аналоговых измерительных приборов (Там же. С. 10–11. П. 3.12; С. 16. П. 4.15).

Планшетные сборы материала с металлодетекторами оказались неоценимыми в комплексных исследованиях таких особых археологических памятников, как ратные поля (Гоняный, Двуреченский, 2013. С. 331).

В условиях высокогорной крепости, размещенной между двумя природными отвесными склонами ущелья Узундара и урочища Кара-Камар с многометровыми перепадами высот между отдельными постройками памятника, очевидно, что часть материалов безвозвратно смывается ежегодно в сезон дождей, схода снега и селей. В этой ситуации использование метода планшетного сбора

подъемных материалов, залегающих в дерновом слое, при помощи металлодетектора представляется не только желательным, но и необходимым.

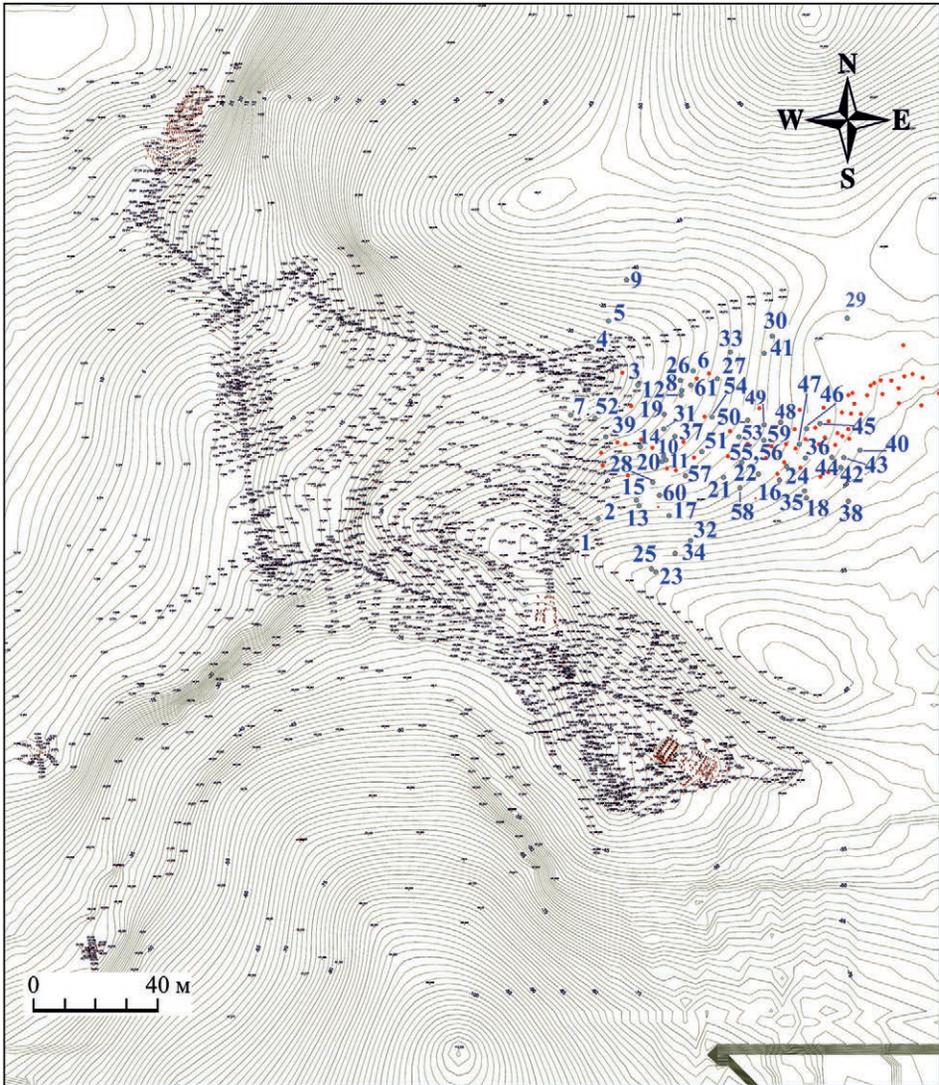
В ходе археологических исследований крепости Узундара с 2014 г. мы приступили к планшетным сборам подъемного материала, сконцентрировавшись на изучении территорий за пределами крепости, в частности у подножия крепостных стен с внешней стороны, в каменных развалах на склонах ущелья Узундара и урочища Кара-Камар, а также на склонах к востоку от входного комплекса. Эти сборы позволили обнаружить скопление находок наконечников стрел разных типов, которые лежали на природной скальной террасе-полочке, ниже на 10 м по внешнему склону от подножия южной крепостной стены. Здесь были сконцентрированы развалы камня из разрушившейся каменной кладки. Характер и расположение этих наконечников дали возможность предположить, что крепость неоднократно штурмовалась со стороны сквозного одноименного ущелья в разные хронологические периоды.

Второй чрезвычайно интересный эпизод был выявлен также за пределами теперь уже восточной крепостной стены, в районе предполагаемого входного комплекса. За несколько сезонов на одной небольшой площадке к юго-востоку от угловой северо-восточной башни крепости была выявлена большая концентрация разнообразных находок, включающих в том числе многочисленный монетный материал (рис. 3¹). Анализ местоположения вещевого материала привел к мысли о наличии здесь за пределами крепости, неподалеку от предполагаемых входных ворот, торговой площадки или рынка. Именно здесь, за пределами крепостных стен, воины гарнизона имели возможность купить продукты питания и разнообразные ремесленные изделия местного производства, которые жители с ближайших селений приносили сюда для продажи с определенной периодичностью. На мысль о мелкой розничной торговле, происходившей на этой площадке, натолкнули находки монет очень мелкого номинала от дихалков до гемихалков. Помимо торговой площадки, удалось по концентрации находок проследить дорогу, подходившую к крепости в древности (рис. 3).

В целом за четыре года исследований, производившихся параллельно с археологическими раскопками, планшетные сборы подъемного материала позволили спасти от дальнейшего перемещения вниз по склонам с последующей утратой значительное число индивидуальных находок и комплексной информации о жизни крепости за пределами ее крепостных стен (табл. 1).

Таким образом, археологическое изучение горной крепости Узундара поставило перед исследователями целый ряд методологических вопросов по сохранению вновь вскрытых в ходе раскопок архитектурных и фортификационных объектов. Решения, которые были найдены и апробированы в ходе работ Бактрийского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции ИА РАН, на наш взгляд, могут быть предложены к практическому применению и на других памятниках с архитектурными постройками из колотого камня на глиняном растворе в условиях высокогорья.

¹ Планеграфия индивидуальных находок с предполагаемой торговой площадки подготовлена к. и. н. О. В. Двуреченским.

● 1 а ● б

Рис. 3. Топографический план крепости Узундара с торговой площадкой у ее восточной стены

голубой – место находки, связанной с торговой площадью; *красный* – находки, маркирующие дорогу; 1–61 – порядковый номер в табл. 1

**Таблица 1. Список индивидуальных находок
с предполагаемой торговой площадки
близ входного комплекса крепости Узундара**

№ п/п	Номер полевой описи	Наименование индивидуальных находок с предполагаемой торговой площадки у восточной стены крепости Узундара	Полевой сезон
1	1	монета Сотер Мегас	весна 2015
2	10	листовидная металлическая подвеска	весна 2015
3	50	браслет со сплюсненным концом	весна 2015
4	192	монета Евтидема I	весна 2015
5	3	монета Евтидема I	осень 2015
6	98	бронзовая бусина с насечками	осень 2015
7	182	пряжка от ремня, сумки или сундука, возможно, от лошади	осень 2016
8	185	монета Евтидема I	осень 2016
9	186	монета Деметрия с отверстием	осень 2016
10	206	монета Диодота	осень 2016
11	208	игла	осень 2016
12	241	предмет бронзовый	осень 2016
13	243	рукоять пластинчатого ножа	осень 2016
14	249	фибула	осень 2016
15	250	предмет железный (прокол)	осень 2016
16	262	монета Евтидема	осень 2016
17	263	монета Диодота 2	осень 2016
18	264	монета Евтидема I	осень 2016
19	265	монета Евтидема I	осень 2016
20	282	монета Евтидема I	осень 2016
21	292	иголка	осень 2016
22	293	пластина в форме глаза (?)	осень 2016
23	294	монета Евтидема	осень 2016
24	295	кольцо железное скрученное	осень 2016
25	296	фрагмент бронзового предмета, сужающийся к одному концу	осень 2016
26	299	булава четырехугольная с ромбовидными плоскостями (?)	осень 2016
27	314	предмет треугольный с отверстием	осень 2016
28	338	железная (пряжка от сумки?)	осень 2016
29	341	бусина	осень 2016
30	342	пуговица	осень 2016
31	345	иголка	осень 2016

Окончание таблицы 1

№ п/п	Номер полевой описи	Наименование индивидуальных находок с предполагаемой торговой площадки у восточной стены крепости Узундара	Полевой сезон
32	347	монета Диодота	осень 2016
33	348	пластина железная с отверстием	осень 2016
34	368	монета Евтидема	осень 2016
35	370	монета Евтидема	осень 2016
36	371	монета Евтидема	осень 2016
37	372	монета Антиоха	осень 2016
38	374	монета Диодота	осень 2016
39	375	монета типа Александра	осень 2016
40	377	предмет медный плоский, сложенный пополам	осень 2016
41	379	предмет медный плоский овальный	осень 2016
42	387	бусина с рифленой поверхностью	осень 2016
43	388	кольцо с декорированным рифленным краем	осень 2016
44	525	пластина медная в виде листочка с надрезанными краями с обеих сторон	осень 2016
45	531	нож черешковый, с вытянутым лавролистным полотном	осень 2016
46	533	фрагмент бубенчика (?) шаровидной формы	осень 2016
47	534	стержень округлый в сечении, с утолщением в нижней части, слегка заострен на конце	осень 2016
48	535	игла круглая в сечении с вытянутым овальным ушком	осень 2016
49	536	фрагмент музыкального инструмента типа варган в виде вытянутой пластины с фигурным концом	осень 2016
50	537	музыкальный инструмент типа варган в виде вытянутой пластины с фигурным концом	осень 2016
51	26	рукоять пластинчатого ножа с отверстием и клепкой	осень 2017
52	27	изделие железное вытянутое, с круглыми в сечении концами и ромбовидным сечением центральной широкой части (шило?)	осень 2017
53	53	монета Евтидема I	осень 2017
54	59	монета Евтидема I	осень 2017
55	60	монета Герая	осень 2017
56	61	монета Герая	осень 2017
57	62	перстня фрагмент	осень 2017
58	68	фигурная ручка	осень 2017
59	71	монета Евтидема I	осень 2017
60	175	монета – подражание Гелиоклу	осень 2017

1. Сканирования памятников без нарушения культурного слоя (георадарные исследования).
2. Вскрытие стен по внешним и внутренним фасадам, с сохранением дерна на верхнем ребре.
3. Восполнение дернового покрытия на участках стен, где не удалось его сохранить.
4. Укрепление наклоненных стен возведением приставных стен-«заплаток».
5. Реконструкция плохо сохранившихся стен методом наращивания кладки по-сухому.
6. Планшетный сбор подъемного материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоняный М. И., Двуреченский О. В., 2013. История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения // «Сей день пребудет вечным памятником...». Бородино. 1812–2012: мат-лы Междунар. науч. конф. (3–7 сентября 2012 г.). Можайск: Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник. С. 333–350.
- Двуреченская Н. Д., 2015. Предварительные материалы археологических работ 2014 г. на крепости Узундара // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. С. 124–133.
- Двуреченская Н. Д., Морозов П. А., 2017. Результаты георадарной разведки на крепости Узундара в 2014 году [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. Вып. 8. М. CD.
- Дружинина А. П., Инагаки Х., 2009. Общие результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2007 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXIII. Душанбе. С. 101–106.
- Крыжицкий С. Д., 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Киев: Наукова думка. 166 с.
- Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации: утверждено постановлением бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук № 32 от 20.06.2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archaeolog.ru/index.php?id=2&id_nws=479&zid=9. Дата обращения: 28.06.2018.
- Ртвеладзе Э. В., Двуреченская Н. Д., 2015 Узундара – эллинистическая крепость в Бактрии (материалы рекогносцировочно-разведывательных работ 2013 г.) // O'zbekiston arxeologiyasi. № 2. С. 37–46.

Сведения об авторе

Двуреченская Нигора Давлятовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nigoradvur@mail.ru

N. D. Dvurechenskaya

THE METHODOLOGY OF FIELD RESEARCH IN THE MOUNTAINOUS AREA (THE CASE OF THE UZUNDARA HELLENISTIC FORTRESS)

Abstract. The paper describes methods employed during comprehensive field archaeological research in the conditions of high mountains in Uzundara, which is a Bactrian fortress of the 4th–2nd centuries BC. The research methods include non-invasive scanning of the sites (geo-radar studies); unearthing of the walls on the external and

internal faces, keeping the turf on the upper rib intact; replenishment of the turf on the wall sections where it was not preserved; reinforcement of the inclined walls by erecting 'patch' side walls; reconstruction of poorly preserved walls by retrofitting the masonry with the use of the dry method; tablet-based recording of surface finds.

Keywords: field research methods, mountainous terrain, Bactria, Hellenistic Uzundara fortress, conservation of stone constructions, fortification, tablet-based recording of surface finds.

REFERENCES

- Druzhinina A. P., Inagaki Kh., 2009. Obshchie rezul'taty arkhеologicheskikh issledovaniy na gorodishche Takhti-Sangin v 2007 g. [General results of archaeological investigations at hillfort Takhti-Sangin in 2007]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XXXIII. Dushanbe, pp. 101–106.
- Dvurechenskaya N. D., 2015. Predvaritel'nye materialy arkhеologicheskikh rabot 2014 g. na kreposti Uzundara [Preliminary materials of archaeological works of 2014 at hillfort Uzundara]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]*, 1, pp. 124–133.
- Dvurechenskaya N. D., Morozov P. A., 2017. Rezul'taty georadarnoy razvedki na kreposti Uzundara v 2014 godu (Elektronnyy resurs) [Results of geo-radar field survey at hillfort Uzundara in 2014 (Electronic resource)]. *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and geoinformatics]*, 8. Moscow. CD.
- Gonyanyy M. I., Dvurechenskiy O. V., 2013. Istoriya i nekotorye metodicheskie podkhody arkhеologicheskogo izucheniya Borodinskogo srazheniya [History and some methodic approaches of archaeological study of Borodino battle]. «*Sey den' prebudet vechnym pamyatnikom...*». *Borodino. 1812–2012: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2012) [«This day will remain an eternal monument...». Borodino. 1812–2012: proceedings of International scientific conference (2012)]*. Mzhaysk: Gosudarstvennyy Borodinskiy voenno-istoricheskiy muzey-zapovednik, pp. 333–350.
- Kryzhitskiy S. D., 1982. Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (VI v. do n. e. – IV v. n. e.) [Dwelling houses of antique cities of North Pontic zone (VI c. BC – IV c. AD)]. Kiev: Naukova dumka. 166 p.
- Polozhenie o poryadke provedeniya arkhеologicheskikh polevykh rabot i sostavleniya nauchnoy otchetnoy dokumentatsii: utverzhdeno postanovleniem byuro Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk Rossiyskoy akademii nauk № 32 ot 20.06.2018 g. (Elektronnyy resurs) [Regulations on the procedure of archaeological field works and order of preparation of scientific reporting documents: approved by resolution of the Bureau of the Department of historical and philological sciences of the Russian Academy of Sciences № 32 issued 20.06.2018 (Electronic resource)]. URL: http://archaeolog.ru/index.php?id=2&id_nws=479&zid=9.
- Rtveladze E. V., Dvurechenskaya N. D., 2015 Uzundara – ellinisticheskaya krepost' v Baktrii (materialy rekognostsirovochno-razvedyvatel'nykh rabot 2013 g.) [Uzundara – Hellenistic hillfort in Bactria (materials of reconnaissance-survey works in 2013)]. *O'zbekiston arxeologiyasi*, 2, pp. 37–46.

About the author

Dvurechenskaya Nigora D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nigoradvur@mail.ru

Ю. Д. Разуваев

ПОСТРОЙКА IV–III вв. до н. э. С БРОНЗОЛИТЕЙНЫМ КОМПЛЕКСОМ НА ВЕРХНЕДОНСКОМ ГОРОДИЩЕ У с. ВЕРХНЕЕ КАЗАЧЬЕ*

Резюме. Статья посвящена публикации материалов, полученных при раскопках укреплений многослойного городища у с. Верхнее Казачье в Липецкой области. В ней анализируется стратиграфия внутреннего вала, керамические и вещевые находки. Под насыпью вала выявлена сгоревшая длинная наземная постройка шириной около 4 м, располагавшаяся вдоль оборонительной линии. Ее исследованная часть, видимо, делилась на два помещения, в каждом из которых имелся очаг. Найденные на уровне пола бытовые остатки (фрагменты лепных сосудов, отчасти реконструированных, стеклянная бусина, два железных ножа) позволили определить жилое назначение строения и датировать его в рамках IV–III вв. до н. э. В площади постройки встречены свидетельства бронзолитейного производства. Это яма $0,92 \times 0,86$ м, углубленная в материковую глину на 0,45 м. В ней обнаружены остатки рухнувшего земляного свода и обломки двух глиняных тиглей с корольками бронзы. С учетом имеющихся аналогий сооружение интерпретировано как основание печи-горна.

Ключевые слова: Верхнее Подонье, скифское время, городище, жилая постройка, бронзолитейный комплекс.

В 2015 и 2016 гг. совместная экспедиция Воронежского государственного педагогического университета и общественной организации «Фонд научного краеведения Липецкой области» провела раскопки многослойного городища на северо-восточной окраине с. Верхнее Казачье в Задонском районе Липецкой области. Был исследован участок памятника в 1299 кв. м (примерно пятая часть площади), включая обе линии укреплений. Получены материалы разных исторических периодов – от эпохи ранней бронзы до древнерусского времени.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту 15–01–00103.

Городище занимает часть мыса левого коренного берега Дона, возвышаясь над поймой реки на 50 м (рис. 1). Подход к нему со стороны плато, возможный по узкому перешейку, преграждает основная оборонительная линия, состоящая из четырех рвов и валов. Она была изучена раскопом 1, в пределы которого попала часть наземной постройки скифского времени с материалами как бытового, так и хозяйственного назначения.

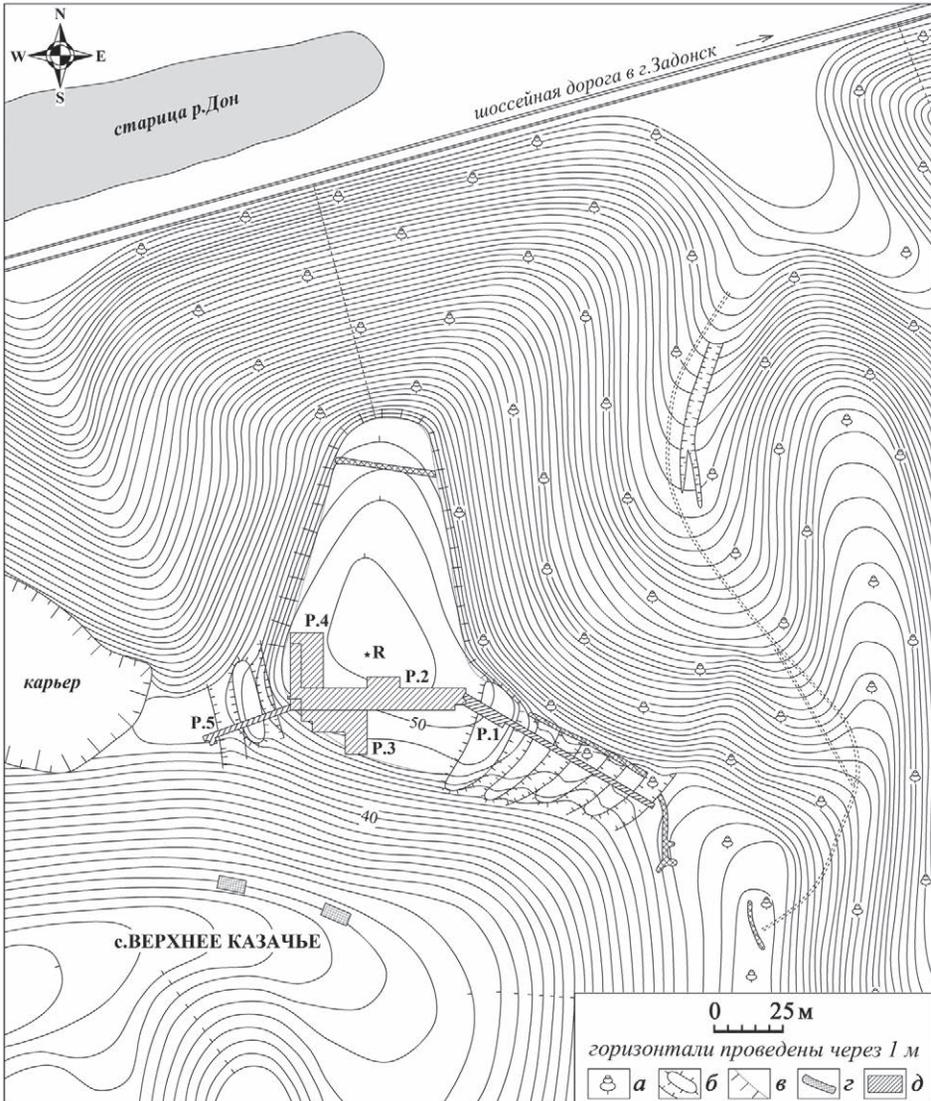

Рис. 1. План городища у с. Верхнее Казачье

a – лес; *б* – ров и вал; *в* – эскарп; *г* – траншея военного времени; *д* – раскоп

Данное строение выявлено в нижней части пола внутреннего (наиболее крупного) вала (рис. 2). В свое время оно, видимо, составляло единый комплекс с фортификационными сооружениями. Жилые помещения, примыкавшие к оборонительной стене, неоднократно были прослежены на скифоидных городищах лесостепного Подонья (Медведев, 2012. С. 136; Разуваев, 2002. С. 141, 142; 2016а. С. 80). Известны они и на поселениях городецкой культуры, концентрирующихся преимущественно в северной части региона (Разуваев, 2016б. С. 130–133). Впрочем, и на тех, и на других местоположение, параметры и назначение построек скорее угадывались по ямкам и канавкам в материке, по особенностям стратиграфии валов, по скоплениям бытовых отходов. В данном же случае удалось получить более определенную информацию о строениях такого рода.

Городищенский вал в современном состоянии имеет длину 40 м и ширину 16 м, над материком возвышается на 1,7 м. История его сооружения охватывает длительный период времени. В самом низу насыпи находятся остатки деревоземляных фортификаций начала эпохи раннего железа (Разуваев, 2018), верхние же пласты содержат материалы скифского, сарматского, гуннского и славянского времени.

Основу первой оборонительной системы составляли две деревянные стены, размещавшиеся в углубленных в глинистый материк параллельных канавках (на рис. 2 это объекты 46 и 49). В результате пожара на этом месте образовалась небольшая насыщенная продуктами горения земляная насыпь. Поверх нее лежит слой глины, выброшенной из рва при возведении новых укреплений, относящихся к тому же времени и тоже уничтоженных пожаром.

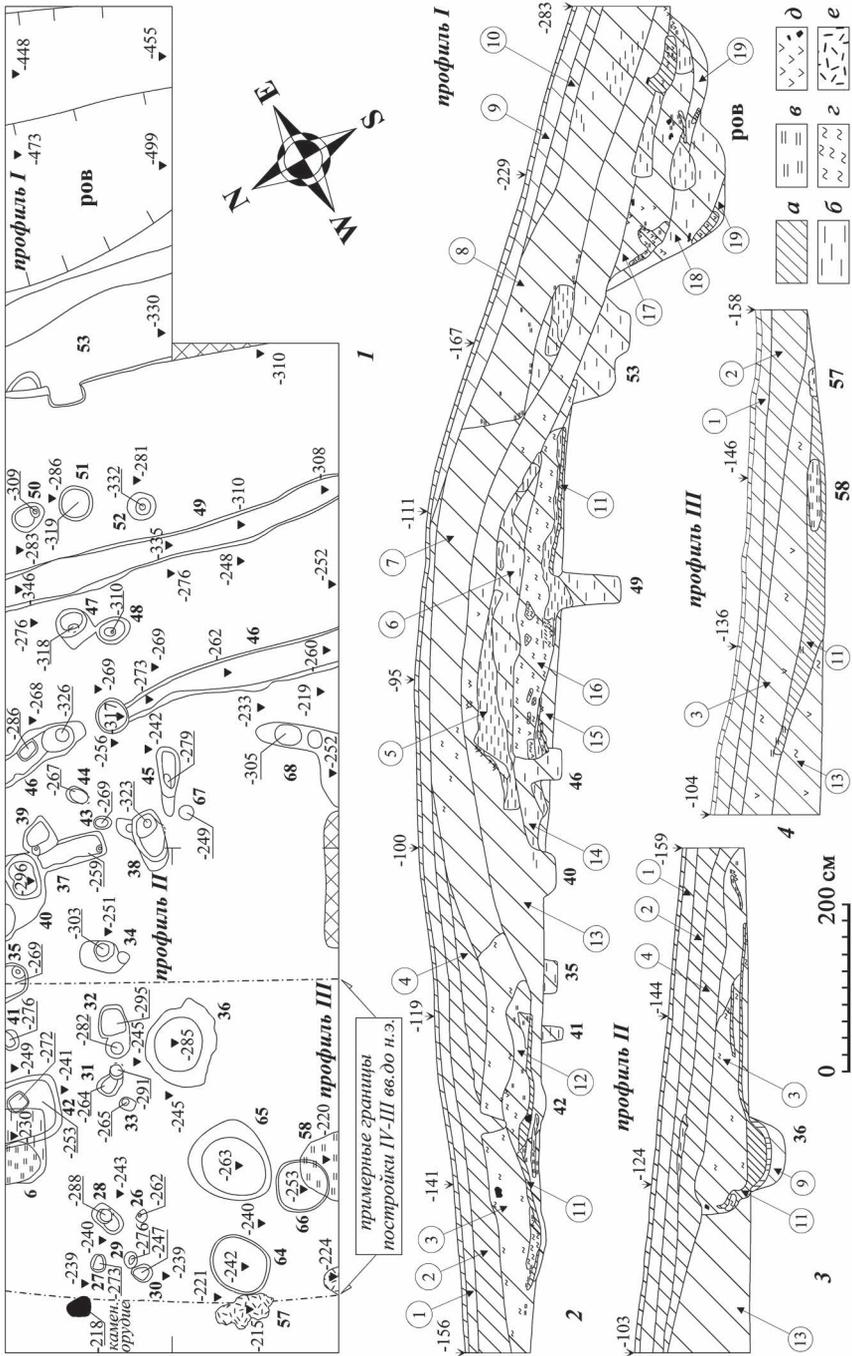
Древнейшие напластования и ров перекрывает слой серого суглинка с отдельными мелкими угольками, насыпанный, скорее всего, уже в скифское время. Он дает представление о размерах тогдашнего вала, ширина которого по основанию достигала 13 м, а высота над погребенной почвой – 1,0 м. Во внутреннюю полу этой насыпи и был впущен низ публикуемой постройки, пол которой либо превышал на 5–10 см уровень материка, либо находился чуть ниже.

Само строение сгорело, но кое-какие следы оставило. Прежде всего, это отложившийся внизу слой черной углистой почвы, толщина которого обычно составляла порядка 0,06 м, но кое-где достигала и 0,2 м (рис. 2). Он залегал широкой полосой по линии ЮЮЗ – ССВ, уходя под борта раскопа. Видно, что постройка имела ширину 3,65–3,75 м, площадь же его исследованной части составила 15 кв. м. Скорее всего, сооружение было значительной длины, размещаясь вдоль всего вала.

Местоположение обращенной внутрь городища стенки строения показывало и скопление комков глиняной обмазки (объект 57). Судя по отпечаткам на них, стенка состояла из жердей относительно небольшого диаметра. Обмазка покрывала ее не везде, а лишь вблизи одного из очагов, где, по-видимому, имелась нужда в дополнительной ветрозащите.

В исследованной части постройки находились два очага-кострища, наполовину попавшие в раскоп. Они располагались чуть выше материка и отстояли друг от друга на 3 с небольшим метра.

Южный очаг (объект 58), расчищенный на участке $0,8 \times 0,45$ м, имел вид овальной площадки обожженной почвы толщиной около 0,15 м.

Второе отопительное устройство (объект 6) было расчищено на участке $0,90 \times 0,48$ м. Оно представляло собой подпрямоугольную глинистую площадку толщиной около 0,05 м, северо-западная часть которой имеет вид прокаленного округлого пятна диаметром 0,48 м.

На уровне пола постройки часто попадались фрагменты лепной посуды и костей животных. Особенно много их было около второго из вышеописанных очагов. Здесь лежали обломки частично реконструированного крупного горшка, орнаментированного пальцевыми защипами по венчику (рис. 4: 1). Были еще и фрагменты двух горшков поменьше, также украшенных защипами (рис. 4: 2, 3).

Помимо керамики, найдены два обломанных железных ножа с выгнутой спинкой (рис. 5: 1, 2), глиняный грузик почти биконической формы (рис. 5: 3). Среди фрагментов крупного горшка возле очага лежала половинка округлой бусины из глухого бирюзового стекла с бело-синими глазками (рис. 5: 4). Этот предмет следует соотносить с типом 53а (по классификации Е. М. Алексеевой), датированным IV–III вв. до н. э. (Алексеева, 1975. С. 65).

В полутора метрах от того же очага, у края углистого заполнения пола постройки, обнаружено крупное орудие из кварцитового песчаника, напоминающее по форме шаровидный сегмент. Трасологическое исследование, проведенное В. В. Килейниковым¹, показало, что на плоской стороне орудия производилось дробление какой-то твердой породы, а участки его боковой грани использовались в качестве наковальни.

Как видно, практически все находки с пола постройки относятся к бытовым остаткам, тем самым демонстрируют жилой характер строения.

Интересные данные получены при флотации образцов грунта, взятых с того же уровня². Были выявлены зерновки культурных и сорных растений. Среди

Рис. 2. Городище у с. Верхнее Казачье. План и профили участка раскопа 1 на внутреннем валу

a – гумусированный суглинок; *b* – глина; *v* – обожженная почва; *z* – зола; *д* – уголь; *e* – глиняная обмазка

Основные слои насыпи вала: 1 – темно-серый с коричневатым оттенком суглинок; 2 – темно-серый суглинок; 3 – серый суглинок с золой; 4 – темно-серый рыхлый суглинок; 5 – материковая желтая глина; 6 – желтая глина, перемешанная с серым суглинком; 7 – серый суглинок; 8 – серый суглинок с включениями мелких комочков обожженной земли; 9 – коричнево-серый суглинок; 10 – темно-серый комковатый суглинок; 11 – черная углистая почва; 12 – коричнево-серый суглинок с включениями обожженной земли; 13 – серый суглинок с отдельными угольками; 14 – серый суглинок, перемешанный с глиной; 15 – светло-серый суглинок (погребенная почва); 16 – светло-серая листовая почва с включениями линз золы и отдельных угольков; 17 – серый суглинок с включениями глины, большим количеством углей; 18 – желто-серая глинистая почва; 19 – серый суглинок

¹ Автор выражает благодарность В. В. Килейникову за проделанную работу и разрешение воспользоваться ее результатами.

² Исследование проведено С. А. Горбаненко совместно с А. Н. Меркуловым и М. С. Сергеевой, которым автор выражает свою признательность. Результаты ими изложены в докладе на международной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи» в г. Белгороде, который будет опубликован в сборнике материалов.

первых имелись ячмень, пшеница, рожь, горох, но особенно много оказалось проса: 181 против 53. Все зерновки проса были лучшей сохранности и не имели пленок. Не исключено, что переработка их в пшено осуществлялась в постройке как раз накануне пожара.

В заполнении пола обнаружены и четыре обломка скорлупы лещины. Произрастает этот орех, прежде всего, в широколиственных лесах. И действительно, образцы соответствующих древесных пород (ясень, дуб, тополь, ильмовые) так же были получены при флотации. В этом отношении палеоэкология городищенской округи сходна с современной ситуацией³.

В границах постройки выявлено полтора десятка углубленных в материк мелких и крупных ям, в основном неглубоких. Судя по стратиграфическим данным, с постройкой связаны лишь некоторые из них.

Это восемь (пожалуй, даже девять) ямок (объекты 26–32), располагавшихся практически в линию. Они вполне могли остаться от столбов поперечной стенки, которая разделяла два помещения со своим очагом. Ямки различались параметрами, имея размеры в диапазоне от 0,15 до 0,4 м и глубину 0,2–0,5 м. Их заполнение состояло из гумусированного суглинка, перемешанного с желтой глиной, и в большинстве случаев в верхней части включало угли.

Яма (объект 36) была наполовину засыпана тем же грунтом, что и низ постройки. Таким образом, оба сооружения и возникли, и разрушились одновременно. Яма в плане обладала не вполне правильными, но близкими к окружности очертаниями и полуовальным профилем (рис. 3). С юго-восточной стороны у нее имелась небольшая подпрямоугольная приступка с покатым дном. Размеры ямы по верху – 0,92 × 0,86 м, глубина – 0,45 м. На уровне материка вокруг пятна ее заполнения лежали комки прокаленной почвы черного цвета, оставшиеся от рухнувшего свода, а сверху – две обугленные деревянные плашки размерами 48 × 10 и 26 × 4 см и толщиной 4 см (рис. 3: 1). В самой яме части свода залегали практически сплошным, просевшим вниз слоем толщиной около 5 см (рис. 3: 2). На некоторых комках спекшейся, насыщенной песком почвы остались отпечатки деревянного каркаса – жердей или веток диаметром около 2 см. Выше остатков свода яму заполняла, как уже говорилось, углистая черная земля, а ниже – коричнево-серый суглинок с прослойками желтой глины и, у самого дна, углистой почвы.

В яме обнаружено более 80 фрагментов лепной керамики и 42 обломка костей (четыре обгоревшие) животных. Эти материалы большей частью попали туда уже после обрушения свода. Отдельные черепки лежали у края ямы или сползли вниз вдоль стенок (рис. 3: 1, 2). Некоторые обломки принадлежали двум горшкам, неорнаментированному и украшенному пальцевыми защипами по венчику (рис. 4: 4, 5). Вверху ямы в перевернутом состоянии был обнаружен практически целый горшок (рис. 3: 2). Он неорнаментирован, имеет следы ремонта – пару отверстий на плечиках (рис. 4: 6). Внизу же ямы, в центре вогнутого дна, находился большой обломок лощеного кувшина – днище с частью тулова (рис. 4: 7). Похоже, эта чашевидная емкость была намеренно вкопана здесь (рис. 3: 3).

³ Тяготение городищ скифского времени к лесам можно считать твердо установленным фактом (Разуваев, 2008).

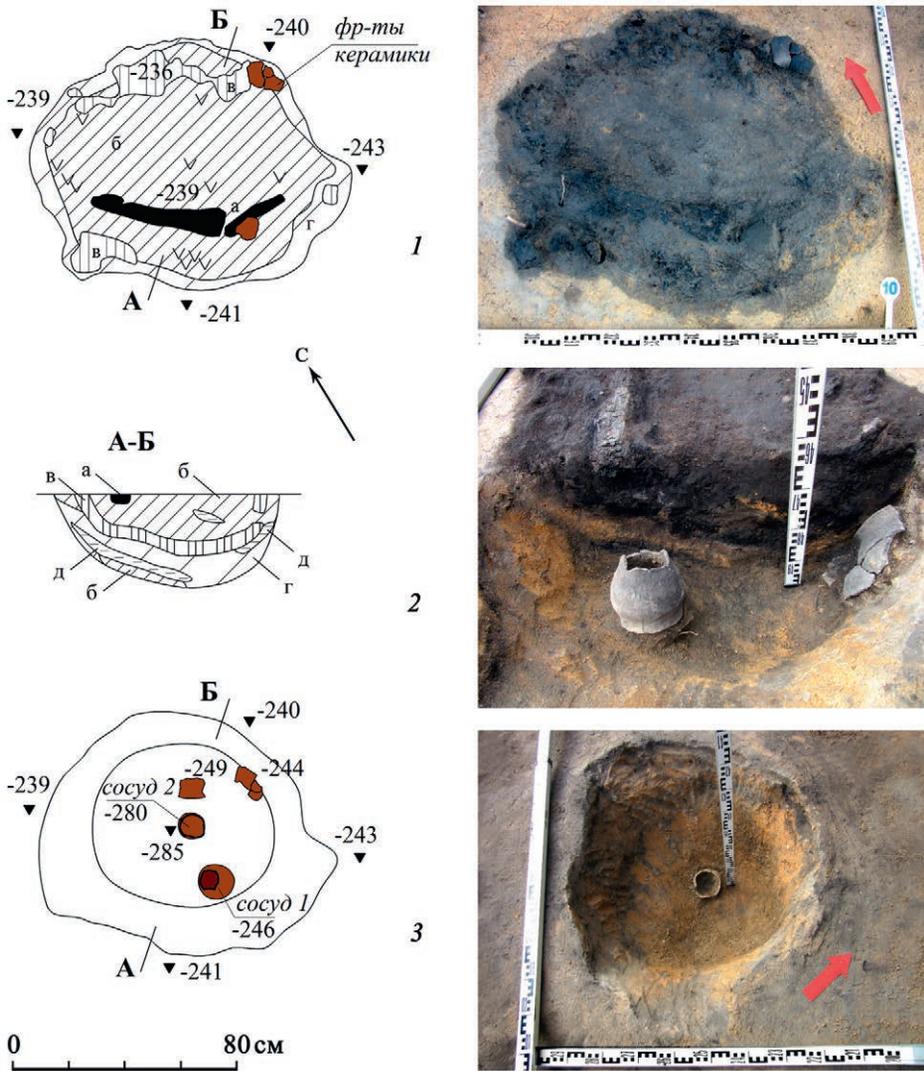
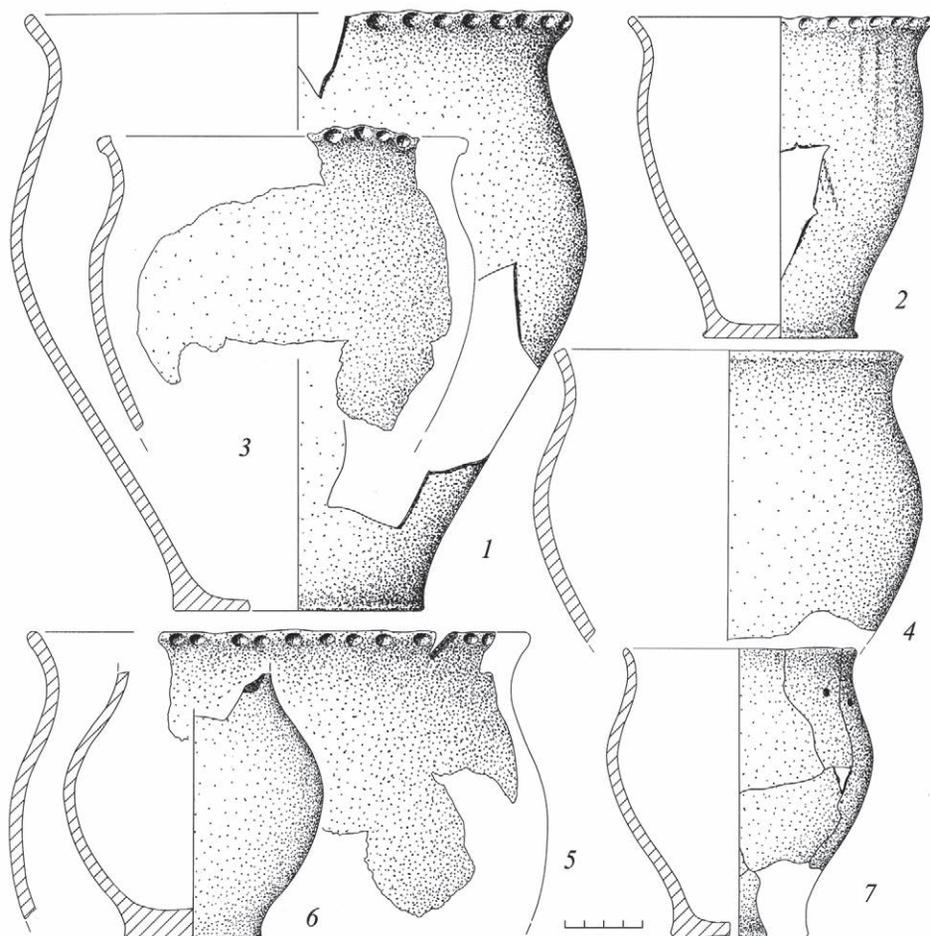

Рис. 3. Городище у с. Верхнее Казачье. Основание печи-горна – яма 36

1 – пятно заполнения; 2 – профиль заполнения; 3 – расчищенная яма

а – горелое дерево; *б* – черная углистая почва; *в* – спекшаяся земля черного цвета; *г* – коричнево-серый суглинок; *д* – желтая глина

**Рис. 4. Городище у с. Верхнее Казачье.
Лепные сосуды с пола постройки (1–3) и из ямы 36 (4–7)**

Из ямы происходят обломки двух глиняных тиглей, подвергавшихся воздействию огня. Изделия представляли собой небольшие ковшки с плоской горизонтальной ручкой (рис. 5: 5, 6). Судя по наличию на стенках медных окислов, тигли использовались для плавки бронзы, корольки которой сохранились в обоих. Сплав характеризуется высоким содержанием свинца (табл.⁴). Такая лигатура относительно редка для скифской эпохи (*Барцева*, 1981. С. 17).

С учетом характерных находок, яму следует рассматривать в качестве остатков бронзолитейного комплекса. Ее форма вполне соответствует однокамерным

⁴ Химическому анализу был подвергнут металл из более тонкостенного тигля (рис. 5: 5). Исследование проведено при содействии кафедры технологии сварочного производства и диагностики Воронежского государственного технического университета.

основаниям печей-горнов (Бельтикова, 1981. С. 124, 125; Татаринов, 1977. С. 195–197). Для этих сооружений характерно наличие свода и приступки-предпечья.

Таблица. Химический состав сплава из тигля
(массовая доля элементов указана в %)

Образец	Cu	Sn	Pb	Si	Fe
королек	77,8	0,6	16,4	3,5	1,3

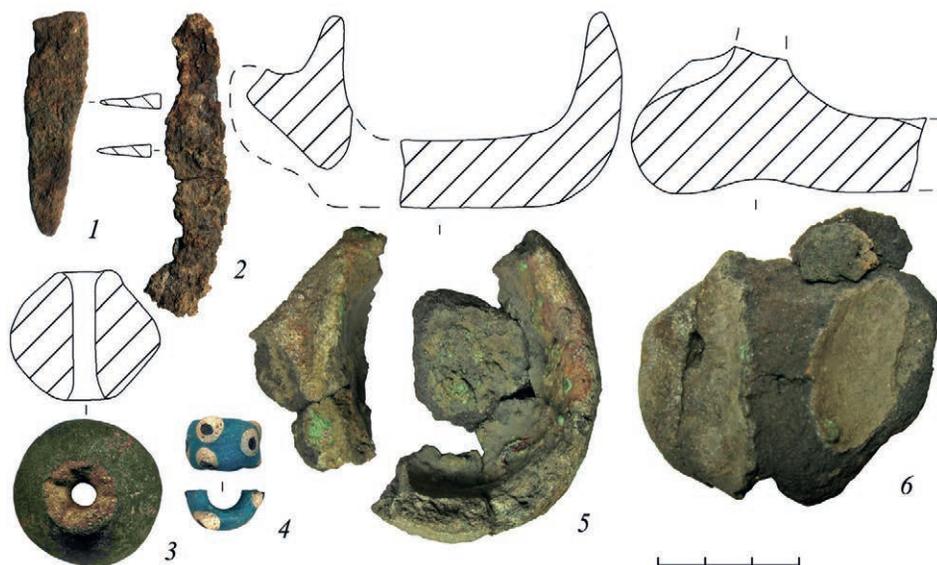

Рис. 5. Городище у с. Верхнее Казачье. Индивидуальные находки с пола постройки (1–3) и из ямы 36 (4–7)

1, 2 – железо; 3, 5, 6 – глина; 4 – стекло

Вкопанная в дно ямы полусферическая часть кувшина вполне могла послужить для тигельной плавки, применявшейся в древности (Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 50, 54; Татаринов, 1977. С. 197). Правда, эта возможность, видимо, осталась нереализованной, поскольку на сосуде не заметно ошлаковок, хотя следы огневого воздействия как будто присутствуют.

Огонь в яме явно разводился, хотя ее стенки с виду не прокалены⁵. На дне найдены угли, пусть и немного. Земляной свод спекся от сильного жара. В свою очередь, и разломанные тигли свидетельствуют о том, что литейный процесс

⁵ Для понимания степени сохранности рассматриваемой конструкции следует иметь в виду, что перекрывающая ее насыпь вала лишь немногим превышала 1 м.

(хотя бы в виде переплавки лома) в постройке производился. С учетом местонахождения данных предметов, вряд ли следует предполагать использование очагов, в принципе вполне возможное (*Сунчугашев*, 1969. С. 96, 97).

Скорее всего, бронзолитейная печь была очищена для нового рабочего цикла, из-за пожара не состоявшегося. Вообще же, судя по малочисленности соответствующих находок, она эксплуатировалась либо недолго, либо эпизодически.

Металлургические комплексы в небольшом количестве известны и на других поселениях лесостепного Подонья (*Меркулов*, 2016. С. 101–104). Кстати, на Семилукском городище открыта яма с приступкой, представляющая собой довольно близкую аналогию публикуемой (*Пряхин, Разуваев*, 1995. С. 56). Она имела сходные размеры, хотя и отличалась вертикальными прокаленными стенками и плоским дном. Главное, в этой яме тоже были найдены части рухнувшего свода и, над ними, глиняный тигель – толстостенный сосуд в виде колбы.

Важно, что всем известным комплексам сопутствует немного свидетельств металлургии и металлообработки. Надо полагать, это показатель уровня продуктивности местного ремесла.

Вышеназванные керамические и вещевые находки типичны для многочисленных в лесостепном Подонье скифоидных памятников IV–III вв. до н. э. Городище у с. Верхнее Казачье является самым северным на Дону укрепленным поселением этого круга. Впрочем, в его слое представлены и материалы городищской культуры. Однако в постройке найдена лишь керамика, имеющая примесь мелкой дресвы и довольно тщательно заглаженную поверхность. Ни одного черепка с более крупной дресвой и «рогожной» или «сетчатой» поверхностью здесь не обнаружено.

Благодаря исследованию публикуемого строительного комплекса зримо подтвержден факт применения в местном домостроительстве длинных построек легкого типа, примыкавших к оборонительной линии. Удалось выявить некоторые конструктивные особенности такого сооружения: деление на отдельные помещения, использование открытых очагов. Прослежено, что в жилище не только протекала повседневная жизнь его обитателей, но осуществлялась и производственная деятельность. Тем самым полученные материалы послужили уточнению наших представлений о быте и хозяйстве оседлого населения донской лесостепи.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М.*, 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 120 с. (САИ; вып. Г1-12.)
- Барцева Т. Б.*, 1981. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. М.: Наука. 127 с.
- Бельтикова Г. В.*, 1981. О зауральской металлургии VII–III вв. до н. э. // ВАН. Вып. 15. С. 118–125.
- Кузнецова Э. Ф., Тепловодская Т. М.*, 1994. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым. 207 с.
- Медведев А. П.*, 2012. Городище скифского времени Верхняя Покровка II // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рожд. А. И. Пузиковой). Курск: Курский гос. обл. музей археологии. С. 136–141. (Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья; вып. IV).

- Меркулов А. Н., 2016. Хозяйственно-производственные комплексы среднедонского населения скифского времени // КСИА. Вып. 242. С. 96–112.
- Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д., 1995. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Пото́чья. Вып. 4 / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл. С. 43–68.
- Разуваев Ю. Д., 2002. Городище скифского времени у с. Губарево на Верхнем Дону // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. С. 138–145.
- Разуваев Ю. Д., 2008. О ландшафтной приуроченности скифоидных городищ Верхнего Дона // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 14–17.
- Разуваев Ю. Д., 2016а. Городище V века до н. э. у с. Петино на Верхнем Дону // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 77–82.
- Разуваев Ю. Д., 2016б. Домостроительство городецкого населения донской лесостепи // Поволжская археология. № 3 (17). С. 124–138.
- Разуваев Ю. Д., 2018. Новые поселенческие материалы начала раннего железного века на Верхнем Дону // РА. № 1. 93–104.
- Сунчугашев Я. И., 1996. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.: Наука. 140 с.
- Татаринов С. И., 1977. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе // СА. № 4. С. 192–207.

Сведения об авторе

Разуваев Юрий Дмитриевич, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия; e-mail: razuvaevyd@mail.ru

Yu. D. Razuvaev

THE BUILDING OF THE 4th – 3rd CENTURIES BC
WITH A BRONZE CASTING ASSEMBLAGE IN THE UPPER DON FORTIFIED
SETTLEMENT NEAR THE VILLAGE OF VERKHNEE KAZACHYE

Abstract. The paper publishes materials discovered during excavations of a multilayer fortified settlement near the village of Verkhnee Kazachye, Lipetsk Region. It analyzes the stratigraphy of the inner rampart, ceramic finds and other assets. A long burned out building around four meters wide which was located along the defense line was identified. Its excavated part seems to have been divided into two rooms, with a hearth in each room. Household remains (fragments of hand-made pots, some of which were reconstructed; a glass bead, two iron knives) permitted the team to identify the construction as living quarters and date it to the 4th–3rd centuries BC. Traces of bronze casting production were identified within the building footprint. It is a 0.95 × 0.86 m pit which is 0.45 m sunk into land clay. It revealed remains of collapsed earth roof and fragments of two clay crucibles with bronze beads. Given available analogies, this construction was interpreted as the basis of a metallurgical furnace.

Keywords: Upper Don Region, Scythian period, ruins of a settlement, living construction, bronze casting assemblage.

REFERECES

- Alekseeva E. M., 1975. Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of North Pontic zone]. Moscow: Nauka. 120 p. (SAI).
- Bartseva T. B., 1981. Tsvetnaya metalloobrabotka skifskogo vremeni. Lesostepnoye dneprovskoye levoberezh'ye [Non-ferrous metalworking of Scythian period. Dnieper left bank forest-steppe]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Bel'tikova G. V., 1981. O zaural'skoy metallurgii VII–III vv. do n. e. [On Transural metallurgy of VII–III cc. BC]. *IAU*, 15, pp. 118–125.
- Kuznetsova E. F., Teplovodskaya T. M., 1994. Drevnyaya metallurgiya i goncharstvo Tsentral'nogo Kazakhstana [Ancient metallurgy and pottery-making of Central Kazakhstan]. Almaty: Gylym. 207 p.
- Medvedev A. P., 2012. Gorodishche skifskogo vremeni Verkhnyaya Pokrovka II [Hillfort of Scythian time Verkhnyaya Pokrovka II]. *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ya ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov'ya (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Puzikovoy) [Antiquities of Dnieper left bank region from Stone Age to late Middle Ages (toward 80th anniversary of A. I. Puzikova)]*. Kursk: Kurskiy gos. oblastnoy muzey arkheologii, pp. 136–141. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo levoberezh'ya, IV.)
- Merkulov A. N., 2016. Khozyaystvenno-proizvodstvennyye komplekсы srednedonskogo naseleniya skifskogo vremeni [Household production constructions of the Middle Don population from the Scythian period]. *KSIA*, 242, pp. 96–112.
- Pryakhin A. D., Razuvayev Yu. D., 1995. Semilukskoye gorodishche pozdneskifskogo vremeni na r. Don (osnovnyye rezul'taty raskopok 1984–1993 gg.) [Semiluki hillfort of late Scythian time on river Don (main results of excavations of 1984–1993)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Pooch'ya [Archaeological sites of Middle Oka region]*, 4. V. P. Chelyapov, ed. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoj oblasti, pp. 43–68.
- Razuvayev Yu. D., 2002. Gorodishche skifskogo vremeni u s. Gubarevo na Verkhnem Donu [Hillfort of Scythian time near village Gubarevo on Upper Don]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Archaeological sites of Eastern Europe: inter-high school collection of scientific works]*, 9. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 138–145.
- Razuvayev Yu. D., 2008. O landshaftnoy priurochennosti skifoidnykh gorodishch Verkhnego Dona [On landscape situation of Scythian-like hillforts of Upper Don]. *Verkhnee Podon'ye: Arkheologiya. Istoriya [Upper Don region: Archaeology. History]*, 3. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 14–17.
- Razuvayev Yu. D., 2016a. Gorodishche V veka do n. e. u s. Petino na Verkhnem Donu [Hillfort of V century BC near village Petino on Upper Don]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Bulletin of Voronezh state university. Ser.: History. Political sciences. Social sciences]*, 1, pp. 77–82.
- Razuvayev Yu. D., 2016b. Domostroitel'stvo gorodetskogo naseleniya donskey lesostepi [House-building of Gorodets population of Don forest-steppe]. *Povolzhskaya arkheologiya [Archaeology of Volga region]*, 3 (17), pp. 124–138.
- Razuvayev Yu. D., 2018. Novyye poselencheskie materialy nachala rannego zheleznoogo veka na Verkhnem Donu [New materials from Upper Don settlements of the beginning of Early Iron Age]. *RA*, 1. 93–104.
- Sunchugashev Ya. I., 1969. Gornoye delo i vyplavka metallov v drevney Tuve [Mining and smelting of metals in ancient Tuva]. Moscow: Nauka. 140 p.
- Tatarinov S. I., 1977. O gorno-metallurgicheskoy tsentre epokhi bronzy v Donbasse [On mining and metallurgical centre in Donbass]. *SA*, 4, pp. 192–207.

About the author

Razuvaev Yu. D., Voronezh State Pedagogical University, ul. Lenina, 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; e-mail: razuvaevyd@mail.ru

А. С. Балахванцев, О. А. Шинкарь

БРОНЗОВЫЙ КОТЕЛ С ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У ХУТ. БАЗКИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Резюме. В результате археологических раскопок на правом берегу р. Дон в Волгоградской области в кургане № 1 у хут. Базки в насыпи найден бронзовый кованый котел раннесарматского времени с греческой надписью на плечиках сосуда. Надпись читается как [H]ΔΔΔΖΓ | ΔΙΡΙΝΑΚΟΥ и переводится: (Вес) 181 (драхм) (собственность) Диринака. По типологическим особенностям и палеографическим данным котел можно датировать в пределах II, возможно, начала I в. до н. э.

Ключевые слова: курганная группа, погребальный обряд, ранние сарматы, бронзовый котел, импортная металлическая посуда, греческая надпись.

В 2017 г. на территории Серафимовичского района Волгоградской области у хут. Базки была раскопана расположенная на высокой правой надпойменной террасе р. Дон курганная группа, состоящая из двух насыпей. В кургане № 1, относящемся к эпохе средней бронзы, обнаружено единственное впускное сарматское погребение № 3, которое было совершено в подбойной могиле. Вход в подбой перекрыт деревянными ветками-столбиками (диаметром 15–20 мм), вкопанными в дно входной ямы. На дне подбоя в деревянном гробу, вытянуто на спине, головой на юго-запад лежала погребенная женщина 35–45 лет¹.

За головой погребенной находились два лепных сосуда, большой и маленький. У правого плеча обнаружен фрагмент бронзового литого зеркала с валиком по краю. Реконструируемый диаметр зеркала – 16 см. Рядом с зеркалом найден кусок смолистого вещества со следами соскабливания (возможно, наркотическое вещество – опий-сырец?). На груди погребенной находился амулет – клык со сквозным отверстием в средней части корня (верхний правый клык волка –

¹ Антропологическое определение принадлежит к. и. н. Е. В. Перерве.

Canis Lupus)², который долго и бережно носился владелицей. Клык отколот в древности и тщательно заполирован от долгой носки. На локте правой руки, кистях обеих рук и щиколотках ног найдены стеклянные округлые бусы полупрозрачного синего и желтого цвета, по всей вероятности, они служили элементами украшения одежды. У ноги слева от погребенной лежали кости передней ноги молодого барашка и железный нож с горбатой спинкой. По погребальному обряду и вещевому материалу погребение относится к заключительному этапу раннесарматской культуры II–I вв. до н. э.

Бронзовый кованый котел найден в насыпи кургана на расстоянии 3,5 м к северо-востоку от узкой прямоугольной входной ямы сарматского погребения. находка определяется как импортная, редко встречающаяся в раннесарматское время, и, несомненно, относится к социально престижному атрибуту погребального обряда. Уже давно многими исследователями подмечено, что поступление к сарматам Волго-Донских степей античного импорта, в частности металлической посуды, приобретает массовый характер только с I в. н. э. (*Raev*, 1986. P. 58–63; *Сергацков*, 1994. С. 19–27; 2004. С. 146–148; *Скрипкин*, 1997. С. 32–36).

Котел располагался в насыпи, на глубине 1,1 м от нулевой отметки центра кургана. Котел сильно деформирован в древности (смят по вертикали). После реставрации было установлено, что котел имел шаровидное тулово, короткое цилиндрическое горло и немного отогнутый венчик. Самая широкая часть тулова находится в нижней трети сосуда. Дно округлой формы.

Котел, вероятно, имел 2 ручки, утраченные в древности. На котле фиксируются следы крепления от одной из утраченных ручек. На горле котла пробиты два отверстия, в которых сохранились две заклепки. Тело заклепок имеет квадратную в сечении форму, сами заклепки оконечены округлыми шляпками. Третье отверстие пробито на боку в верхней трети тулова котла, визуальное – ровно посередине между двумя верхними отверстиями. Заклепка не сохранилась. Все три отверстия были системой крепления ручки котла. С другого бока система крепления была симметричная, но из-за утраты части сосуда она не сохранилась. При помощи заклепок крепилась литая ручка-накладка в виде колец, переходящих в прямоугольную пластину, которая заканчивалась листовидными или сердцевидными атташами, как на двух котлах из хут. Аверина Воронежской области (случайная находка, сделанная экскаваторщиком в насыпи кургана) (*Медведев*, 1996. С. 25) и погребения № 4 кургана № 27 Жутовского могильника в Волгоградской области (*Шилов*, 1975. С. 139).

Размеры котла: высота – 16,3 см, диаметр венчика – 17 см, диаметр горла в месте перехода в тулово – 17,6 см, максимальный диаметр тулова – 24 см. Технологически котел изготовлен в технике выколотки (древний способковки – дифовка)³. Толщина стенок тулова и дна равна 0,2 мм, толщина венчика – 1,2 мм.

² Остеологическое определение принадлежит научному сотруднику лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН к. и. н. Л. В. Яворской.

³ Реставратор Волгоградского областного краеведческого музея, научный сотрудник А. Г. Черемушников использовал тот же метод при восстановлении формы смятого котла: грел газовой горелкой до темно-красного цвета, т. е. примерно до температуры

Лист меди на горле и венчике загибается в два слоя, что отчетливо фиксируется в профиле изделия на сломе (рис. 1: 1, 2).

После реставрации на плечиках котла отчетливо проявилась надпись (рис. 1: 2; 2). Надпись выполнена в технике точечного накола с помощью керна. Окончание керна представляло собой стержень округлого сечения. Округлые отверстия неглубоко, но четко впечатались в плечики котла.

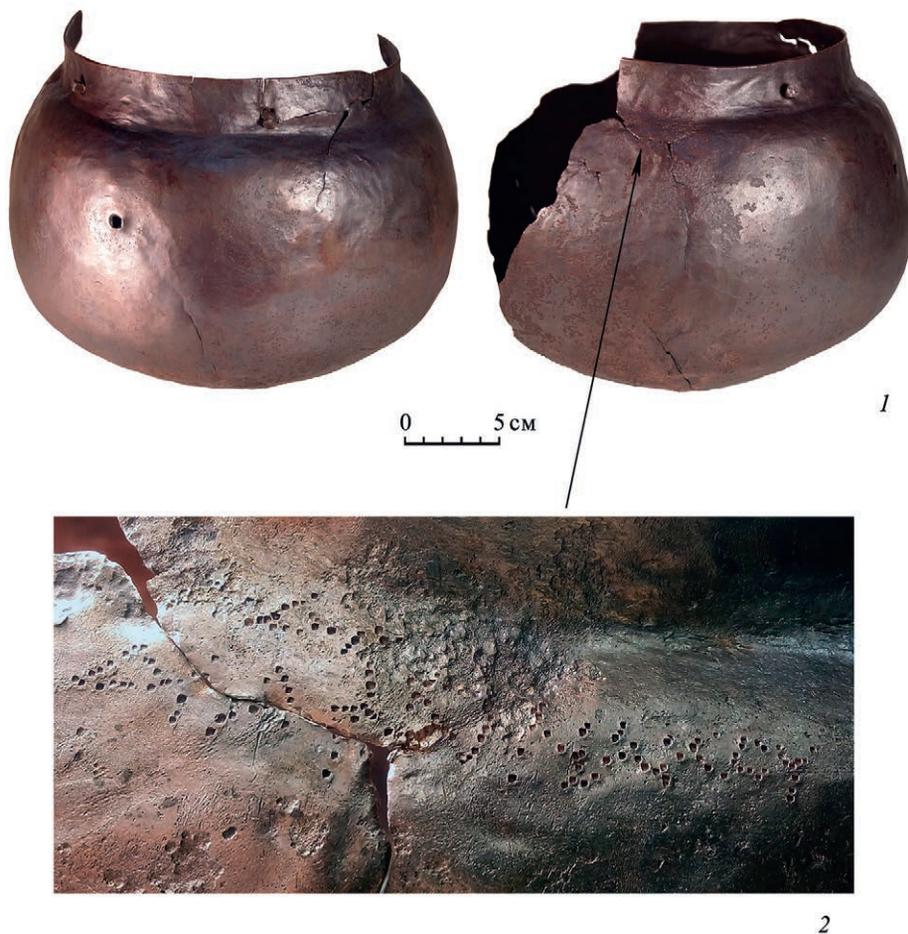

Рис. 1. Фото бронзового котла из кургана 1 курганной группы у хут. Базки с греческой надписью

1 – фото бронзового котла из кургана 1 курганной группы у хут. Базки; 2 – фото греческой надписи на плечиках бронзового котла (увеличено)

800–900 °С. Участок котла с греческой надписью нагревался паяльной лампой. При изготовлении такой формы без нагрева не обойтись: отжиг делает металл мягче и снимает напряжение, возникающее при выколотке. Только неглубокие полусферы можно делать на холодную.

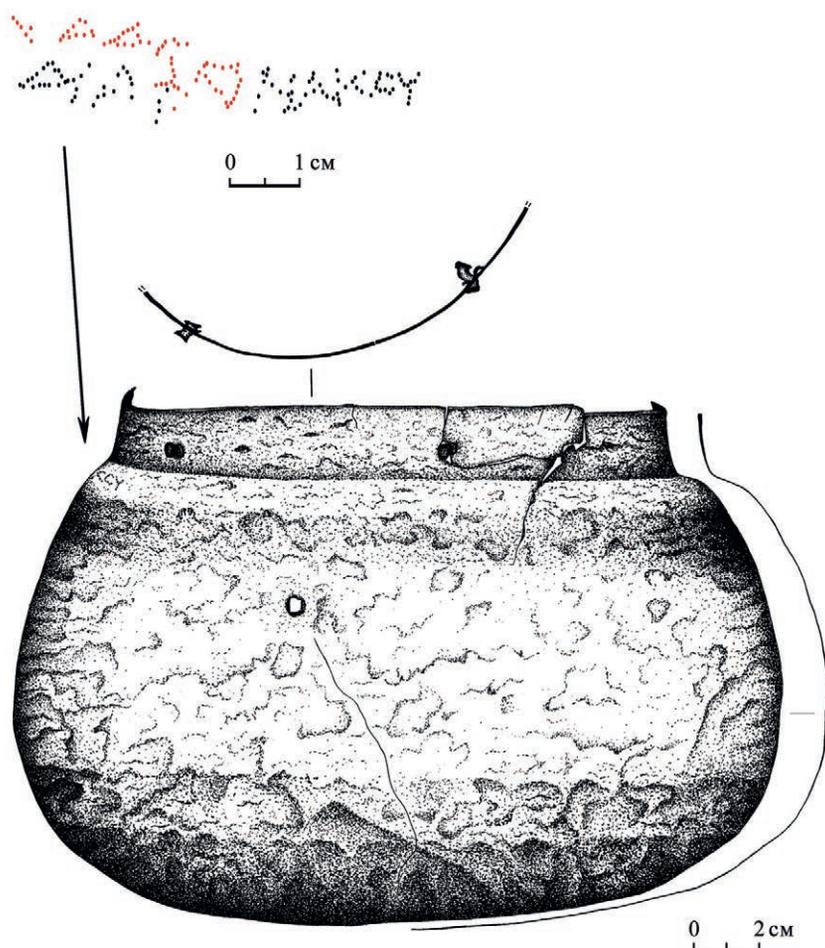

Рис. 2. Прорисовка бронзового котла и греческой надписи

Знаки первой строки выделены красным цветом

Учитывая, что надпись выполнена весьма неумело и небрежно, с некоторой долей условности можно сказать, что она состоит из двух строк. Высота букв от 0,4 до 0,6 см, общая длина надписи – 6 см. Первый знак верхней строки практически полностью уничтожен прошедшей через него сквозной трещиной, но, судя по сохранившейся нижней горизонтальной гасте, это – *дельта*. Второй знак из-за коррозии сохранился крайне плохо, но тем не менее его можно тоже понять как *дельту*. Третий знак также является *дельтой*. Особую сложность из-за крайне небрежного написания создает понимание четвертого знака, который, скорее всего, является *дзетой*. Пятый знак Γ похож на греческую букву *ню*, у которой левая вертикаль слегка длиннее правой, а их верхние концы соединены горизонтальной гастой.

Предложенное прочтение знаков дает основание утверждать, что первая строка надписи представляет собой цифровое обозначение. Следует заметить,

что обозначение веса даже на серебряной посуде указывалось довольно редко (*Oliver, 1977. P. 79; Gill, 2008. P. 336–337; Tzochet, 2016. P. 783–784*). Что же касается бронзовых котлов, то здесь можно привести только три примера: котелок из Донецкой области (*Михлин, 1974. С. 30. Рис. 1; Виноградов, 1984. С. 39*) и две глиняные литейные формы для отливки котлов, найденные в Таджикистане (*Демиденко, 2014. Рис. 1, 2; Балахванцев, 2014. С. 89–90*). Еще большую редкость находке придает то, что обозначение веса дается в акрофонической системе.

Дельта, повторяющаяся три раза, соответствует числу «10» (*Tod, 1912. P. 101, 123–124; Mc Lean, 2002. P. 58*). Как уже было отмечено выше, наибольшую сложность представляет понимание следующего знака, похожего на букву *дзета*. Дело в том, что *дзета* в значении «1 драхма» встречается только в Кирене (*Tod, 1927. P. 149*)⁴, цифровая система которой не принадлежит к числу акрофонических (*Tod, 1937. P. 255*). Следующий за *дзетой* знак P обозначает число «50» (*Mc Lean, 2002. P. 60*). Обычно левая ножка у него значительно длиннее правой (*Tod, 1912. P. 101, 104–105, 113–116, 119*), однако в надписи из Эпидавра (*Tod, 1937. P. 242–243*) этот знак выписан так же, как и на донской находке. Важно отметить, что данная цифра стоит явно не на месте: при акрофонической записи большее число всегда предшествует меньшему (*Mc Lean, 2002. P. 60*). Видимо, при написании цифрового обозначения исполнитель пропустил знак P (= 50), который должен был находиться перед первой *дельтой*, и, пытаясь исправить свою ошибку, разместил его в самом конце строки⁵.

В сумме дошедшие до нас знаки дают число «81», что, с учетом веса аттической драхмы – 4,3 г (*Tzochet, 2016. P. 786*), – значительно меньше веса даже сохранившейся части котла (710 г). Это, как минимум, делает необходимым восстановить в начале первой строки *эту*, обозначающую число «100» (*Mc Lean, 2002. P. 58*). В таком случае обозначение веса котла в надписи составляло бы 181 драхму (778,3 г)⁶.

Нижняя строка начинается с *дельты*, горизонталь которой сильно поднята вправо, за ней следует *йота*, после которой идет *ро*. Следующая буква – *йота* – размещена так близко к *дзете* из верхней строки, что практически сливается с ее нижней гаской. После исполнитель надписи сделал большой пропуск и продолжил фактически на уровне первой строки: *ню, альфа, каппа, омикрон, пси-лон*. Таким образом, все слово читается как ΔΙΡΙΝΑΚΟΥ. Оно является личным именем, скорее всего сарматским: в скифском языке начальное -d перешло бы в -l (*Кулланда, 2016. С. 98*). Ранее данное имя в эпиграфике Северного Причерноморья не встречалось. Судя по тому, что никаких следов букв перед начальной

⁴ Трудно сказать, объясняется ли факт использования киренского знака тесными контактами эллинистического Боспора с птолемеевским Египтом (*Vinogradov, 1999. S. 271–302; Ладынин, 2007. С. 235–252*), в состав которого входила и Кирена, либо какими-то особенностями биографии составителя надписи.

⁵ Допущенная ошибка, а также крайне неумелое начертание букв свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что исполнивший надпись ремесленник был неграмотен и копировал ее с имевшейся у него прописи.

⁶ Впрочем, не исключено, что на несохранившейся части котла присутствовал еще один знак «10», что дало бы нам вес в 191 драхму.

дельтой не сохранилось, перед нами не патронимик, а имя самого владельца котла, стоящее в родительном падеже.

Итак, текст надписи можно представить в следующем виде:

[Н]ΔΔΔΖΓ
ΔΙΡΙΝΑΚΟΥ

Перевод: (Вес) 181 (драхм) (собственность) Диринака.

Говорить о палеографии надписи довольно сложно, так как буквы выбиты крайне неуклюже. Можно отметить лишь «приплюснутую» форму *дельты*, левая сторона которой длиннее правой, прямую перекладину и некоторую изогнутость косых линий у *альфы*, а также *омикрон*, почти укладывающийся в габариты строки. Данные особенности шрифта донской надписи сближают ее с посвящением из Гермонассы (КБН, 1044) середины II в. до н. э. (Виноградов, 1987. С. 59) и граффити с поселения Кульчук рубежа III–II вв. до н. э. (Емец, 2012. С. 291. № 1231) и середины II – I в. до н. э. (Там же. С. 297. № 1279). Вместе с тем надпись на котелке из Донецкой области, относящаяся к концу I в. до н. э. – началу I в. н. э. (Михлин, 1974. С. 31; Виноградов, 1984. С. 42. Прим. 3), дает нам отличные от донской формы *ню*, *альфы*, *дельты*, *ипсилона*. Все это позволяет датировать надпись Диринака в пределах II, возможно, начала I в. до н. э.

Морфологически, по признаку «форма тулова» и «форма венчика», котел из Базков относится к типу I, по типологии С. В. Демиденко (Демиденко, 2008. С. 44. Рис. 21). По форме ручки определяется вариант, который в нашем случае неопределим из-за полного отсутствия самой ручки. Можно только предполагать, какими были кольца и как они крепились.

В связи с находкой бронзового котла из Базков возникает еще ряд важных вопросов: это дата и место производства такого вида металлической посуды.

Такой тип котлов имеет очень широкую дату и находится в пределах II в. до н. э. – начала II в. н. э. С территории Волгоградской области происходят несколько похожих по форме тулова и способу крепления ручек котлов. Самая близкая аналогия происходит из погребения 4 кургана 27 Жутовского могильника (котел найден в закрытом погребальном комплексе, который датируется II–I вв. до н. э.) (Скрипкин, Шинкарь, 2010. С. 125–137). Типологически похожи котлы из погребения 4 кургана 1 у с. Киляковка (I в. н. э.) и погребения 1 кургана 1 могильника Октябрьский V (вторая половина I в. н. э.) (Мыськов, 1992. С. 126; Мыськов и др., 1999. С. 149–159. Рис. 4, 12). Подобная форма котлов встречена в соседней Ростовской области в погребении 3 кургана 6 могильника «Валовой I» (I – начало II в. н. э.) и погребении 2 кургана 84 могильника «Новый» (I в. н. э.) (Демиденко, 2008. С. 44; Ильюков, Власкин, 1992. С. 100–102. Рис. 26: 7).

Зная о бережном отношении кочевников к металлической посуде, которую не раз ремонтировали, продлевая ей срок службы, с уверенностью можно говорить о передаче кованых котлов по наследству. Видимо, до даты превращения таких предметов в «мертвую культуру» проходит большой промежуток времени. Котлы выступают в роли дорогого «бабушкиного сервиза», который латают

и перелатывают тем, что есть под рукой. Так, котлы из Киляковки, Валового I имеют несколько металлических заплат, а на дне котла из Жутово стояла войлочная заплатка, скрепленная жилами через пробитые дырочки на дне котла.

Отличительной особенностью котла из Базков является его размер. Из известных аналогий он самый маленький и самый легкий.

Задаваясь вопросом о дате котла из Базков и исходя из стратиграфических наблюдений, расположения его в кургане, можно сделать вывод, что котел связан с раннесарматским погребением № 3, которое датируется заключительным этапом раннесарматского времени – II–I вв. до н. э. Присутствие на котле надписи позволяет сузить его дату до II, возможно, начала I в. до н. э.

Рассуждая о месте производства котла из Базков, нужно вспомнить еще об одной серии кованых бронзовых котлов, датируемых исследователями более ранним временем, не относящимся к сарматам. Подобная форма встречается у котлов из I Малого и IV Семибратнего курганов (V в. до н. э.), Курджипского кургана (IV в. до н. э.) из Прикубанья; Куковой могилы (первая половина – середина V в. до н. э.) и Вергины на Балканах; Авериного (IV–III вв. до н. э.) в Воронежской области (Галанина, 1980. С. 35–36; Медведев, 1996. С. 25). Котлы этой серии объединяет техника производства методом выколотки, похожие формы тулова и способы крепления ручек, но они отличаются большими размерами, нежели котлы более поздней хронологической серии кованых котлов по типологии С. В. Демиденко (тип I) с территории Волго-Донских степей.

Существует несколько гипотез о происхождении серии бронзовых кованых котлов V–III вв. до н. э. Так, А. П. Медведев пишет о появлении близкого типа котлов еще в раннеархаическое время в Греции и Малой Азии, а с VI в. до н. э. – в Этрурии, поддерживая ранее высказанную гипотезу В. П. Шилова о возможности этрусского происхождения формы жутовского котла (Медведев, 1996. С. 25; Шилов, 1975. С. 139). Л. К. Галанина, анализируя котлы подобной формы из Семибратних курганов и Курджипса в Прикубанье, не исключает возможность производства котлов в меото-скифской среде (Галанина, 1980. С. 35–36). Автор типологии бронзовых котлов – С. В. Демиденко – отмечает типологические и технологические особенности сарматских кованых котлов II–I вв. до н. э. – III в. н. э., которые, по его мнению, восходят к меото-скифским образцам V–IV вв. до н. э. (Демиденко, 2008. С. 49). Исследователь приходит к выводу о производстве кованых котлов типа I с шаровидным туловом с различными вариантами литых ручек в прикубанских, меотских центрах (Там же. С. 63).

Технологически обе рассматриваемые серии кованых котлов производились в технике дифовки и территориально располагались в одном ареале обитания древних кочевых племен раннего железного века. Можно предполагать, что существует преемственность между этими сериями кованых котлов. Вполне вероятно, что котлы небольших размеров (тип I, по С. В. Демиденко) являлись дериватами котлов более раннего времени и, по всей видимости, могли быть произведены в местных прикубанских, меотских мастерских. Учитывая же наличие греческой надписи на котле, найденном у хут. Базки, с большой долей вероятности следует связать его происхождение с греческими мастерскими Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Балахванцев А. С.*, 2014. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма // РА. № 4. С. 89–96.
- Виноградов Ю. Г.*, 1984. Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 37–43.
- Виноградов Ю. Г.*, 1987. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. № 1. С. 55–87.
- Галанина Л. К.*, 1980. Курджинский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Л.: Искусство. 127 с.
- Демиденко С. В.*, 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М.: ЛКИ. 328 с.
- Демиденко С. В.*, 2014. Котлы типа «Тахти – Сангин – Бармашино»: к проблеме взаимопроникновения традиций металлообработки в Центральной Азии // РА. № 4. С. 75–88.
- Емец И. А.*, 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.: Спутник+. 478 с.
- Ильюков Л. В., Власкин М. В.*, 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ. 288 с.
- Кулланда С. В.*, 2016. Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 232 с.
- Ладынин И. А.*, 2007. Еще раз о перстнях «Птолемеевского типа» из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н. э. // ДБ. Т. 11. М.: ИА РАН. С. 235–252.
- Медведев А. П.*, 1996. Медные кованые котлы из Аверинского кургана на Среднем Дону // Античная цивилизация и варварский мир: тез. докл. V археологического семинара. Новочеркасск. С. 23–25.
- Михлин Б. Ю.*, 1974. Граффити на котле из Донецкой области // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. С. 29–32.
- Мыськов Е. П.*, 1992. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Кияловки // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград: Перемена. С. 118–138.
- Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С.*, 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 149–159.
- Сергацков И. В.*, 1994. Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры // Проблемы всеобщей истории: мат-лы науч. конф. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 19–27.
- Сергацков И. В.*, 2004. Бронзовый котел из Жутовского могильника в Волгоградской области // РА. № 1. С. 146–148.
- Скрипкин А. С.*, 1997. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. 104 с.
- Скрипкин А. С., Шинкарь О. А.*, 2010. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // РА. № 1. С. 125–137.
- Шилов В. П.*, 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука. 208 с.
- Gill D. W. J.*, 2008. Inscribed Silver Plate from Tomb II at Vergina: Chronological Implications // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. Vol. 77. P. 335–358.
- Mc Lean B. H.*, 2002. An introduction to Greek epigraphy of the Hellenistic and Roman periods from Alexander the Great down to the reign of Constantine (323 B.C. – A.D. 337). Ann Arbor: University of Michigan Press. 516 p.
- Oliver A.*, 1977. Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo: The Toledo Museum of Art. 175 p.
- Raev B. A.*, 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Reports. 135 p. (BAR International Series; 278.)

- Tod M. N.*, 1912. The Greek Numeral Notation // Annual of the British School at Athens. Vol. 18: 1911/1912. P. 98–132.
- Tod M. N.*, 1927. Further Notes on the Greek Acrophonic Numerals // Annual of the British School at Athens. Vol. 28: 1926/1927. P. 141–157.
- Tod M. N.*, 1937. The Greek Acrophonic Numerals // Annual of the British School at Athens. Vol. 37: 1936/1937. P. 236–258.
- Tzochev C.*, 2016. Accounts from the Treasury of Seuthes III: Inscribed Silver Plate Found in the Tomb of the Golyama Kosmatka Mound // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 85. No. 4. P. 779–794.
- Vinogradov Ju. G.*, 1999. Der Staatsbesuch der 'Isis' im Bosporos // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5. Iss. 4. P. 271–302.

Сведения об авторах

Балахванцев Арчил Савелич, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия; e-mail: balakhvantsev@gmail.com;

Шинкарь Ольга Анатольевна, Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, Волгоград, 400066, Россия; e-mail: olga.shinkar@mail.ru

A. S. Balakhvantsev, O. A. Shinkar'

A BRONZE CAULDRON WITH A GREEK INSCRIPTION
FROM THE KURGAN CEMETERY NEAR THE BAZKI FARMSTEAD
IN THE VOLGOGRAD REGION

Abstract. Archaeological excavations on the right bank of the Don River in the Volgograd Region revealed a hammered bronze cauldron of the Early Sarmatian period in the mound of kurgan 1 near the Bazki farmstead. The cauldron bears a Greek inscription placed on the vessel shoulders. The inscription reads as [H]ΔΔΔΖϜ | ΔΙΡΙΝΑΚΟΥ and is interpreted as (Weight) 181 (drachms) (owned by) Dirinak. Regarding typological characteristics and paleographic data, the dating puts the cauldron within II – possibly, early I century BC.

Keywords: kurgan group, funerary rite, early Sarmatians, bronze cauldron, imported metal vessels, Greek inscription.

REFERENCES

- Balakhvantsev A. S., 2014. Novaya nadpis' iz Takhti-Sangina i nekotorye problemy vostochnogo ellinizma [New inscription from Takhti-Sangin and some problems of Eastern Hellenism]. *RA*, 4, pp. 89–96.
- Demidenko S. V., 2008. Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n. e. – III v. n. e.) [Bronze cauldrons of ancient tribes of Lower Volga region and South Urals (V c. BC – III c. AD)]. Moscow: LKI. 328 p.
- Demidenko S. V., 2014. Kotly tipa «Takhti-Sangin – Barmashino»: k probleme vzaimoproniknoveniya traditsiy metalloobrabotki v Tsentral'noy Azii [Cauldrons of «Takhti-Sangin – Barmashino» type: to the problem of convergence of the metalwork in Central Asia]. *RA*, 4, pp. 75–88.
- Galanina L. K., 1980. Kurdzhipskiy kurgan. Pamyatnik kul'tury prikubanskikh plemen IV veka do n. e. [Kurdzhip kurgan. Monument of culture of Kuban' tribes, IV century BC]. Leningrad: Iskusstvo. 127 p.

- Gill D. W. J., 2008. Inscribed Silver Plate from Tomb II at Vergina: Chronological Implications. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, 77, pp. 335–358.
- Il'yukov L. V., Vlaskin M. V., 1992. Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha [Sarmatians of Sal and Manych interfluvium]. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gos. universitet. 288 p.
- Kullanda S. V., 2016. Skify: yazyk i etnogenez [The Scythians: language and ethnic genesis]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 232 p.
- Ladynin I. A., 2007. Eshche raz o perstnyakh «Ptolemeyevskogo tipa» iz Severnogo Prichernomor'ya: k vozmozhnoy interpretatsii v svete vneshney politiki ellinisticheskogo Egipta v III v. do n. e. [Once again on fingerings of «Ptolemaic type» from North Pontic zone: to possible interpretation in light of foreign policy of Hellenistic Egypt in III c. BC]. *DB*, 11. Moscow: IA RAN, pp. 235–252.
- Mc Lean B. H., 2002. An introduction to Greek epigraphy of the Hellenistic and Roman periods from Alexander the Great down to the reign of Constantine (323 B.C. – A.D. 337). Ann Arbor: University of Michigan Press. 516 p.
- Medvedev A. P., 1996. Mednye kovanye kotly iz Averinskogo kurgana na Srednem Donu [Copper hammered cauldrons from Averinskiy kurgan on Middle Don]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir: tezisy dokladov V arkhologicheskogo seminaru [Antique civilization and barbaric world: abstracts of V archaeological seminar]*. Novocherkassk, pp. 23–25.
- Mikhlin B. Yu., 1974. Graffiti na kotle iz Donetskoy oblasti [Graffiti on cauldron from Donetsk region]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphics]*, XI, pp. 29–32.
- Mys'kov E. P., 1992. Sarmatskie pogrebeniya iz kurganov u Volzhskogo i Kilyakovki [Sarmatian burials from kurgans near Volzhskiy and Kilyakovka]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey [Antiquities of Volga-Don steppes]*, 2. Volgograd: Peremena, pp. 118–138.
- Mys'kov E. P., Kiyashko A. V., Skripkin A. S., 1999. Pogrebenie sarmatskoy znati s Esaulovskogo Aksaya [Burial of Sarmatian elite from Esaulovskiy Aksay]. *Nizhnevolzhskiy arkhologicheskij vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]*, 2. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 149–159.
- Oliver A., 1977. Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo: The Toledo Museum of Art. 175 p.
- Raev B. A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Reports. 135 p. (BAR International Series, 278.)
- Sergatskov I. V., 1994. Sarmaty Volgo-Donskikh stepey i Rim v pervykh vekakh nashey ery [Sarmatians of Volga-Don steppes and Rome in first centuries of new era]. *Problemy vseobshchey istorii: materialy nauchnoy konferentsii [Problems of general history: proceedings of scientific conference]*. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 19–27.
- Sergatskov I. V., 2004. Bronzovyy kotel iz Zhutovskogo mogil'nika v Volgogradskoy oblasti [Bronze cauldron from Zhutovo cemetery in Volgograd region]. *RA*, 1, pp. 146–148.
- Shilov V. P., 1975. Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya [Essays on history of ancient tribes of Lower Volga region]. Leningrad: Nauka. 208 p.
- Skripkin A. S., 1997. *Etyudy po istorii i kul'ture sarmatov [Essays on history and culture of the Sarmatians]*. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet. 104 p.
- Skripkin A. S., Shinkar' O. A., 2010. Zhutovskiy kurgan № 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurech'ye [Sarmatian-time kurgan Zhutovsky 27 in the Volga-Don interstream region]. *RA*, 1, pp. 125–137.
- Tod M. N., 1912. The Greek Numeral Notation. *Annual of the British School at Athens*, 18 (1911/1912), pp. 98–132.
- Tod M. N., 1927. Further Notes on the Greek Acrophonic Numerals. *Annual of the British School at Athens*, 28 (1926/1927), pp. 141–157.
- Tod M. N., 1937. The Greek Acrophonic Numerals. *Annual of the British School at Athens*, 37 (1936/1937), pp. 236–258.
- Tzochev C., 2016. Accounts from the Treasury of Seuthes III: Inscribed Silver Plate Found in the Tomb of the Golyama Kosmatka Mound. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, vol. 85, no. 4, pp. 779–794.
- Vinogradov Ju. G., 1999. Der Staatsbesuch der 'Isis' im Bosporos. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 5, iss. 4, pp. 271–302.

- Vinogradov Yu. G., 1984. Dva bronzovykh kotla s grecheskimi nadpisyami iz sarmatskikh stepey Donbassa i Povolzh'ya [Two bronze cauldrons with Greek inscriptions from Sarmatian steppes of Donbass and Volga region]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoye vremya* [Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian time]. A. I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka, pp. 37–43.
- Vinogradov Yu. G., 1987. Votivnaya nadpis' docheri tsarya Skilura iz Pantikapeya i problemy istorii Skifii i Bospora vo II v. do n. e. [Votive inscription of King Scilur's daughter from Panticapaeum and problems of history of Scythia and Bosphorus in II c. BC]. *VDI*, 1, pp. 55–87.
- Yemets I. A., 2012. Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniy Severnogo Prichernomor'ya (podgotovitelnye materialy k Korpusu). [Graffiti and dipinti from Classical cities and settlements of North Pontic region (preparatory materials for the Corpus)]. Moscow: Sputnik. 478 p.

About the authors

Balakhvantsev Archil S., Institute for Oriental studies Russian Academy of Sciences, ul. Rozhdestvenka, 12, Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: balakhvantsev@gmail.com;

Shinkar' Olga A., Volgograd regional scientific-production centre for protection of monuments of history and culture, ul. Kommunisticheskaya, 19, Volgograd, 400066, Russian Federation; e-mail: olga.shinkar@mail.ru

А. А. Строков

СКЛЕП ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ РАСКОПОК В. Д. БЛАВАТСКОГО В ФАНАГОРИИ*

Резюме. В 1937 г. совместная экспедиция ГМИИ им. А. С. Пушкина и ГИМ под руководством В. Д. Блаватского исследовала участок западного некрополя Фанагории, где были обнаружены в том числе захоронения эпохи Великого переселения народов. Данная работа посвящена публикации наиболее богатого погребения – двухкамерного склепа № 50. В статье собраны все доступные сведения об этой гробнице, представлен анализ погребального обряда, инвентаря, делаются выводы о датировке комплекса, а также о социальном статусе погребенных.

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, V в. н. э., Таманский полуостров, склеп, пряжка, фибула, краснолаковая керамика.

В последние 10 лет значительно возрос интерес исследователей к позднеантичной эпохе на Таманском полуострове, появился целый ряд работ, посвященных этому времени, прежде всего публикационного характера (*Ворошилова*, 2013; *Медведев*, 2013; *Абрамзон и др.*, 2017). Данная статья также посвящена этой проблематике: наиболее полной публикации материалов одного из богатейших захоронений эпохи Великого переселения народов, исследованного в Фанагории, – склепа № 50 1937 г. Для этого были привлечены все возможные материалы – публикации и отчет В. Д. Блаватского, хранящийся в ИИМК РАН, полевая документация экспедиции из Научно-ведомственного архива ГИМ (в архивных материалах какой-либо новой информации найти не удалось – публикация В. Д. Блаватского 1941 г. практически полностью совпадает с отчетом), а также полевые описи находки, хранящиеся в фондах Отдела искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. А. С. Пушкина¹. К сожалению, погребальный

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 15-31-01278.

¹ За возможность ознакомления с материалами выражаю глубокую признательность С. И. Финогеновой и О. В. Тугушевой, А. Н. Ворошилову – за предоставленную копию отчета В. Д. Блаватского из архива ИИМК РАН.

инвентарь сохранился не полностью, поэтому не для всех предметов имеются иллюстрации (они будут отмечены курсивом).

В 1937 г. совместная Фанагорийская экспедиция ГМИИ им. А. С. Пушкина и ГИМ (более подробно об организации данных работ и степени участия музеев см.: *Застрожнова (Панкратова)*, 2014) исследовала участок Западного некрополя, где был обнаружен ряд захоронений IV–V вв. н. э. Отчет В. Д. Блаватского об этих работах был опубликован (*Блаватский*, 1941), однако он содержит лишь краткие описания погребальных сооружений и инвентаря, иллюстрации даны только для наиболее ярких находок. Мечи из интересующего нас склепа были опубликованы Н. И. Сокольским (1954). В своей статье, посвященной стеклянным стаканом с каплями синего стекла, Н. П. Сорокина приводит иллюстрацию инвентаря склепа 50 (*Сорокина*, 1971. Рис. 6: 2), однако без дальнейшего его рассмотрения. Таким образом, ни в одной из вышеупомянутых работ, да и позднее (см., например: Крым..., 2003), авторы не ставили целью собрать полностью весь доступный материал о данной могиле.

Захоронение № 50 было открыто на участке «Некрополь С» Фанагории, приблизительно в 100 метрах на юг от уреза воды Таманского залива, на вершине холма приморской террасы. Оно представляло собой большой двухкамерный грунтовый склеп (описание и размеры даются по отчету В. Д. Блаватского и его чертежам). Он состоял из дромоса, двух камер прямоугольной формы и узких коридоров, соединявших их с дромосом (рис. 1: 1). Они располагались в одну линию, гробница ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Следует отметить, что В. Д. Блаватский в своей статье использовал несколько отличающуюся от принятой в современной российской археологии терминологию при описании конструкции склепов (*Ворошилова и др.*, 2015) – входную шахту, которую сейчас принято называть дромосом, он именует «колодезь», а узкие небольшие коридоры, соединявшие дромос с камерами, в свою очередь, описывает как «дромос» (*Блаватский*, 1941. С. 44).

Дромос склепа имел подпрямоугольную форму 2,7 м длиной, 0,8 шириной и 5,95 м глубиной, слегка расширялся к ЮЗ. Заполнение представляло собой серовато-желтый песчаный суглинок, в котором были встречены следы камки. В заполнении дромоса обнаружены красноглиняный одноручный кувшин (рис. 1: 2) с прочерченным орнаментом на плечах (известен только по иллюстрации: *Блаватский*, 1941. Табл. IX: 2), *фрагменты других керамических и стеклянных сосудов* (в т. ч. с каплями синего стекла), *стеклянная бусина* и *обломки костей человека и животных* (возможно, вынесенных грабителями из камер).

С обеих сторон дромоса были выкопаны две прямоугольные камеры (которые получили условные названия «восточная» и «западная»), соединенные с ним узкими входными коридорами (длина: восточного – 1,4 м, западного – 1,33 м; ширина: восточного – 0,56–0,65 м, западного – 0,5–0,65 м). Уровни обоих коридоров были ниже уровня дромоса: восточный – на 0,22 м, западный – на 0,14 м. Коридор западной камеры имел каменный заклад, нарушенный грабителями: одна плита лежала у ступеньки, другая была отодвинута и прислонена к северо-восточному борту дромоса. В. Д. Блаватский отмечает наличие нескольких грабительских шахт, что говорит о значительном ограблении захоронения еще в древности.

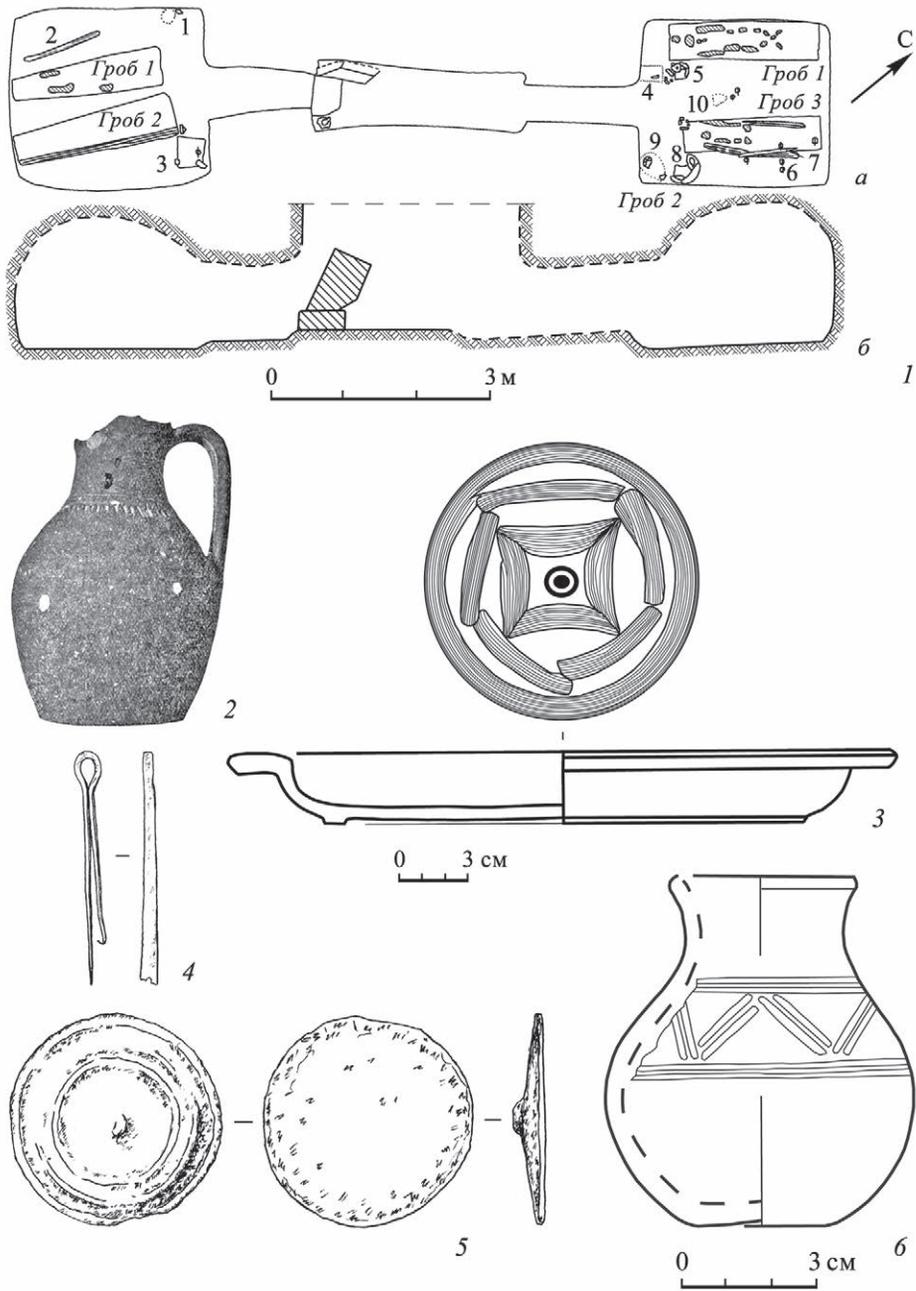

Рис. 1. Фанагория. Склеп 50 1937 г.

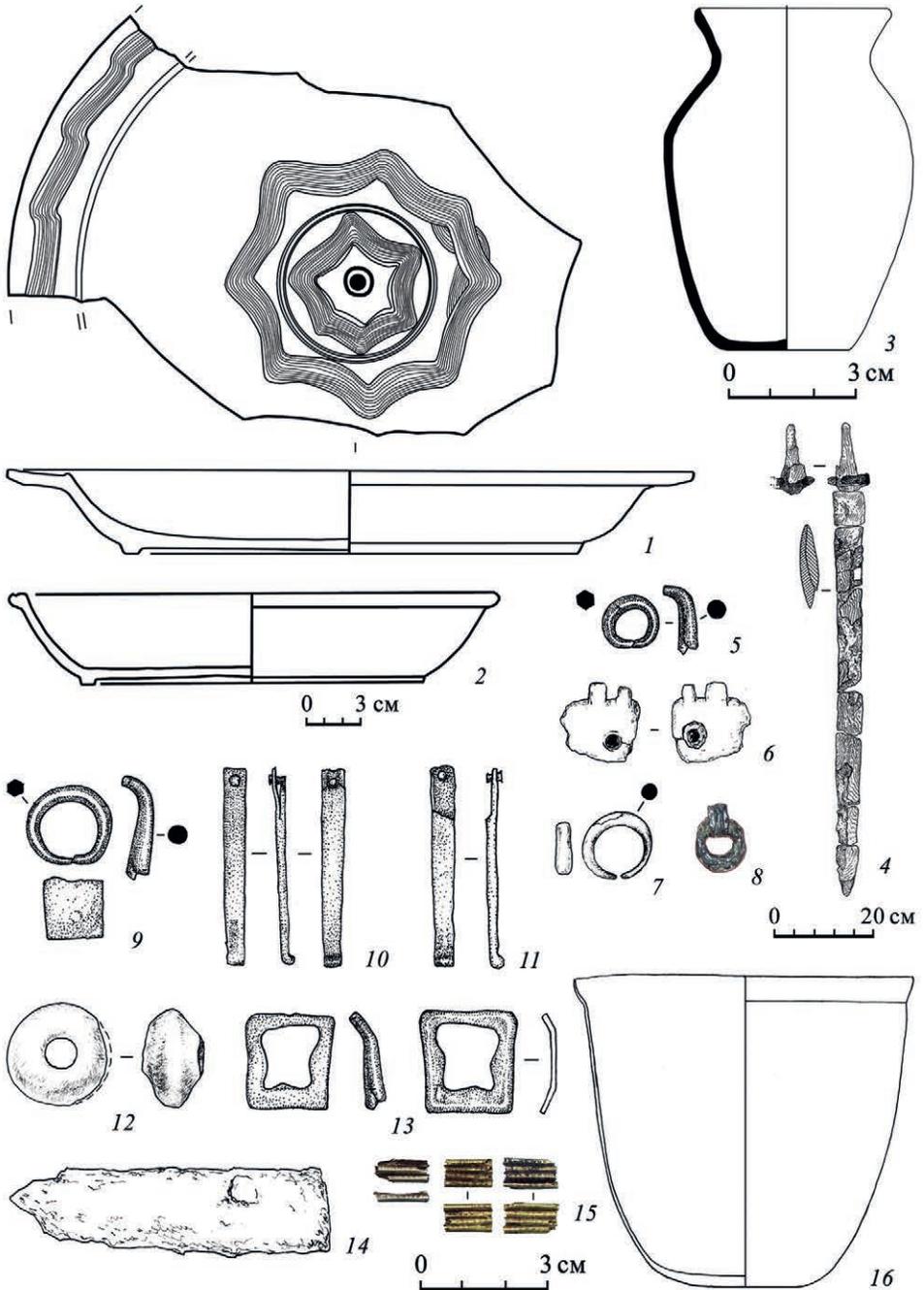
1 – план захоронения; 2 – кувшин из дромоса склепа (по: *Блаватский, 1941*), без масштаба; 3–6 – инвентарь захоронения в гробу 1

2, 3, 6 – глина; 4–5 – бронза

Восточная камера имела размеры ок. $2 \times 2,5$ м (вытянута по линии ССЗ – ЮЮВ). В. Д. Блаватский по сохранившимся стенкам установил, что обе камеры имели полуциркулярный свод (рис. 1: 1б). В восточной камере стояло три гроба. **Гроб 1** имел прямоугольную форму размером $2,05 \times 0,5$ м, был вплотную приставлен к северо-западной стенке камеры, на которой остался отпечаток доски высотой 0,2 м. На досках гроба был прослежен тлен погребенного, который лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ноги перекрышены, головой на ЮЗЗ, ко входу в камеру. В районе гроба 1 были сделаны некоторые находки. В головах были обнаружены следы шкатулки, в которой находились *железный нож, грецкие орехи и миндаль*, а также бронзовое зеркало (рис. 1: 5), орнаментированное тремя концентрическими рельефными кругами, с центральной петлей типа Карповка – Анке 4, по А. В. Мاستыковой (2009. С. 83, 84).

Чуть ближе к гробу находилось другое скопление находок. Это *пряслице*, а также *открытый стеклянный сосуд*, которые лежали в большом краснолаковом блюде (рис. 1: 3) формы 3 понтийской краснолаковой керамики (Ponticredslipware – PRSW), по К. Домжальскому, дно которого было украшено орнаментом в виде концентрических кругов и волнистых линий. Под блюдом были найдены бронзовые щипчики (рис. 1: 4), рядом стоял закрытый сероглиняный сосуд с пролощенным орнаментом (рис. 1: 6). У северной стенки камеры в районе гроба 1 были также найдены *серебряные пластинка и 2 кольца* (одно из них, возможно, представляло собой серьгу). Судя по инвентарю (зеркало, пинцет, возможно, украшения в виде серег), это захоронение принадлежало женщине.

Гроб 2 стоял у юго-восточной стенки камеры. Его форму, как и точное положение костяка (В. Д. Блаватский указывает, что погребенный, скорее всего, также был ориентирован на ЮЗЗ – к входу в камеру), исследователям установить не удалось, так как он был разрушен стоявшим рядом гробом 3. В головах у покойного был обнаружен погребальный инвентарь, который, скорее всего, относился к данному захоронению. Это большое краснолаковое блюдо формы 3 PRSW (рис. 2: 1), венчик и дно которого были украшены прочерченным волнистым орнаментом; краснолаковая тарелка (рис. 2: 2) формы 2 PRSW (*Arsen'eva, Domžalski, 2002. P. 426*), а также следы *орехов и миндаля, сероглиняная миска, серолощенный сосуд* (рис. 2, 3), *фрагменты стеклянного сосуда, 2 пряслица*. Вдоль гроба лежал железный меч (рис. 2: 4) длиной 0,97 м (*Сокольский, 1954. С. 164. Табл. V: 5*) с остатками деревянных ножен, украшенных ромбическим орнаментом, к которым пристали остатки ткани и волосков. В. Д. Блаватский указывает, что у гроба 2 была обнаружена и бронзовая оправа ножен меча, однако ее изображения нет. Н. И. Сокольский также отмечает, что меч был без оправы. Неподалеку от меча были найдены 2 серебряные пряжки с округлыми рамками и хоботковыми язычками, одна из них с прямоугольным щитком (рис. 2: 5, 9); еще одна пряжка, но бронзовая (рис. 2: 7); серебряные: пластинчатый щиток от пряжки (рис. 2: 6), небольшое кольцо с петлей (рис. 2: 8), видимо также являвшееся деталью ременной гарнитуры, и два пластинчатых наконечника ремня с валиком на конце (рис. 2: 10, 11). Судя по инвентарю, захоронение 2 восточной камеры принадлежало взрослому мужчине-воину.

Гроб 3 стоял ближе к середине камеры, его размеры составили $1,79 \times 0,38$ м. В. Д. Блаватский, исходя из небольших размеров гроба, считает его захоронением подростка. Погребенный лежал вытянуто на ЮЗЗ, головой к выходу из камеры. Около правой руки, в районе таза было обнаружено каменное биконическое пряслице (рис. 2: 12), около гроба, в головах – серебряная пряжка прямоугольной формы с хоботковым язычком (рис. 2: 13), стеклянный стакан из зеленоватого стекла (рис. 2: 16), золотые пронизки, спаянные из четырех трубочек золотого листа (рис. 2: 15) (*Трейстер*, 2015. Кат. 13), и *бронзовая пластина*. Также у гроба 3 обнаружен железный нож (рис. 2: 14).

В заполнении восточной камеры был сделан ряд находок: краснолаковая миска формы 1 PRSW (рис. 3: 1), серебряная двупластинчатая фибула (рис. 3: 2) с позолоченными пальметовидными накладками у оснований дужки, пастовая бусина с орнаментом в виде волнистых полос желтого и голубого цвета (рис. 3: 3), глиняное пряслице (рис. 3: 4), бронзовая серьга с полиэдрическим окончанием (рис. 3: 5), 5 серебряных бесщитковых пряжек с округлой рамкой и хоботковыми язычками, сильно выступающими за рамку, одна из них с зооморфным язычком (рис. 3: 6–10), круглая золотая пластинка с шестью узкими валиками (рис. 3: 11) (Там же. Кат. 12), а также фрагменты других *керамических и стеклянных сосудов*. Принадлежность данных находок к какому-то конкретному захоронению в восточной камере установить невозможно, однако можно предполагать, что фибула и серьга относились к погребенной в гробу 1 женщине.

Перейдем к описанию западной камеры. По форме она очень похожа на восточную – почти прямоугольная, длина ее стенок варьирует от 2 до 2,5 м. В камере было 3 захоронения – 2 в гробах и одно полностью разрушенное детское в северо-восточном углу камеры, около которого обнаружены лишь скопление костяных *астрагалов* (около 20) и следы плетеной корзинки (*Блаватский*, 1941. С. 47).

Гроб 1 имел длину 1,9 м и был сбит из плоских досок, в нем – погребенный, уложенный вытянуто, головой на СВВ, к выходу из камеры. Вдоль гроба лежал железный меч (рис. 3: 19) длиной 0,9 м, с прямым перекрестьем длиной 7 см и найденным неподалеку *алебастровым навершием*, вставленным в *бронзовую изогнутую пластину*. На мече сохранились остатки деревянных ножен, обитых бархатной тканью лилового цвета. На расстоянии 0,06 см от перекрестья ножны перетянуты бронзовой пластиной, сохранилась и бронзовая бутероль. Около меча были найдены 6 серебряных пряжек разного размера с округлыми рамками и хоботковыми язычками (рис. 3: 12–17), одна из которых, крупная поясная, имела язычок, украшенный насечками (рис. 3: 15), а также серебряный пластинчатый наконечник ремня с сужающимся концом (рис. 3: 18). Судя по обнаруженному инвентарю, в гробу 1 был захоронен мужчина-воин.

Рис. 2. Фанагория. Склеп 50 1937 г. Восточная камера

1–11 – инвентарь гроба 2; 12–16 – инвентарь гроба 3

1–3 – глина (3 – по: *Сорокина*, 1971); 4 – железо, дерево (по: *Сокольский*, 1954); 5, 6, 8, 9–11, 13 – серебро; 7 – бронза; 12 – камень; 14 – железо; 15 – золото (по: *Трейстер*, 2015); 16 – стекло

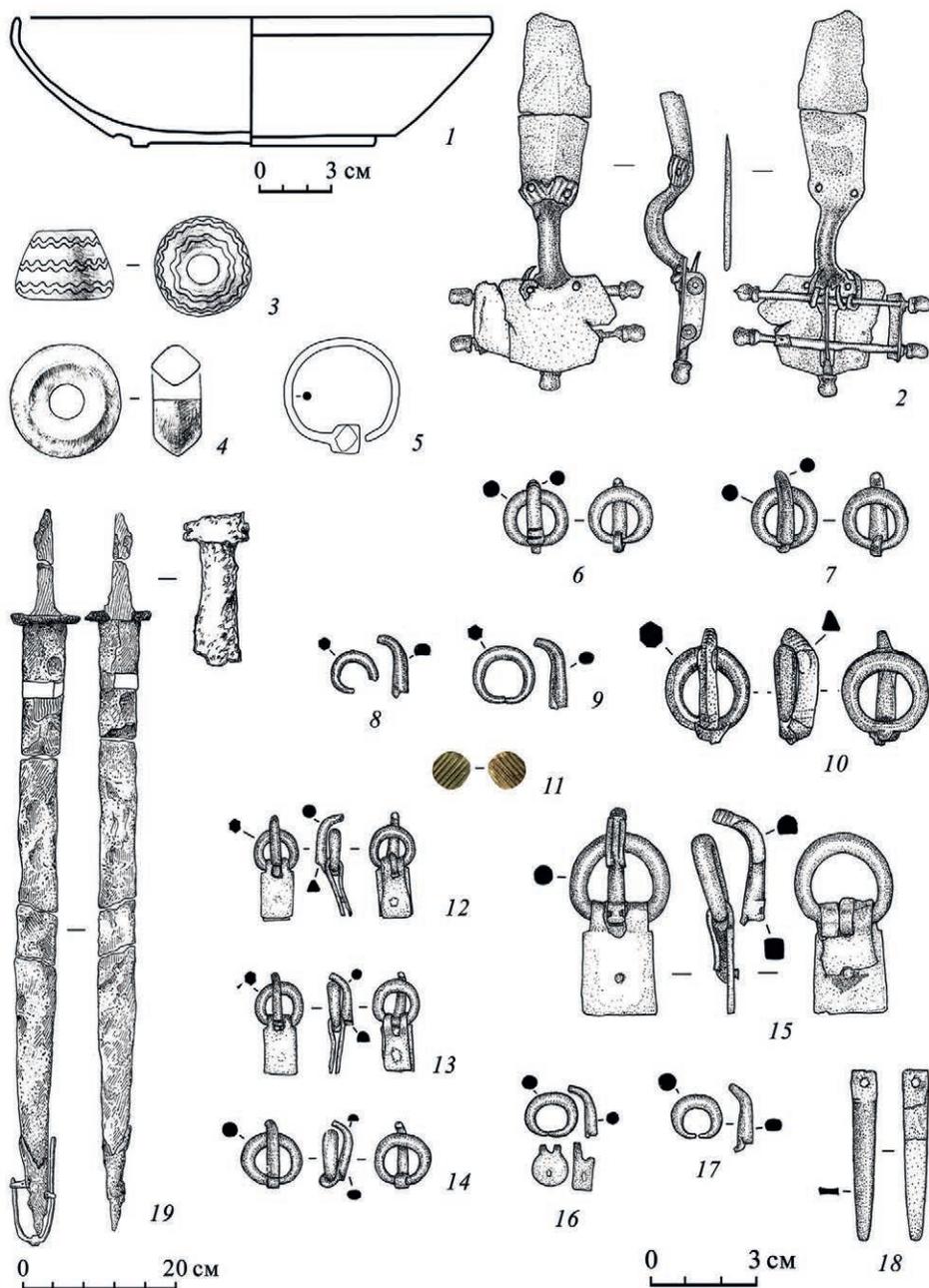

Рис. 3. Фанагория. Склеп 50 1937 г.

1-11 – заполнение восточной камеры; 12-19 – инвентарь гроба 1 в западной камере; 1, 4 – глина; 2, 6-10, 12-18 – серебро; 3 – раковина; 5 – бронза; 11 – золото (по: *Трейстер*, 2015); 19 – железо, дерево, ткань, бронза (по: *Сокольский*, 1954)

Гроб 2 стоял к ЮВ от гроба 1. Его длина – 1,95 м, ширина в ногах – 0,3 м, в головах – 0,5 м. Погребенный лежал головой на СВВ, к выходу из камеры. Положение скелета в гробу из-за высокой степени разрушения захоронения прослежено не было. В районе гроба 2 были сделаны следующие находки: фрагмент краснолаковой тарелки формы 3 PRSW (рис. 4: 1), серебряная пряжка с овальной рамкой, хоботковым язычком, сильно выступающим за нее, и прямоугольным пластинчатым щитком (рис. 4: 2); овальное пряслице (бусина?) (рис. 4: 3); деревянная шкатулка, от которой сохранилась железная пластина замка (рис. 4: 4). По находке бусины и шкатулки (в предположительно женском захоронении в восточной камере также была обнаружена деревянная шкатулка) можно утверждать, что в гробу 2 захоронена женщина.

Также в заполнении западной камеры и ее входного коридора были найдены золотой листок от погребального венка (рис. 4: 5) (*Трейстер*, 2015. Кат. 14) и золотой перстень (рис. 4: 6) с шинкой, орнаментированной продольными валиками, с круглым пластинчатым щитком с сердоликовой вставкой, обведенной рубчатой проволокой (Там же. Кат. 15); а также 6 серебряных пряжек (рис. 4: 7–11) с округлыми рамками, у некоторых из них сохранился хоботковый язычок (рис. 4: 8–9, 11), у одной имелись петли от почти полностью распавшегося пластинчатого щитка (рис. 4: 9). Две пряжки имели прямоугольные щитки, обтянутые фольгой с рубчатым орнаментом по краям, со вставками красных камней (рис. 4: 7–8). В работе Н. П. Сорокиной также приводится изображение стеклянного стакана (рис. 4: 12) с отогнутым венчиком и украшенного напаянными каплями и нитями синего стекла типа I-Б из погребения 50 (*Сорокина*, 1971. Рис. 6: 2; *Засеукая*, 2000. Рис. 2: 2). К сожалению, сопоставление публикаций, архивных источников и музейной коллекции не дало результатов и не позволило точно локализовать эту находку в склепе.

Первостепенное значение имеет вопрос хронологии, который осложняется сильным ограблением склепа. Сам В. Д. Блаватский датировал склеп № 50 IV в. н. э. (*Блаватский*, 1941. С. 48), вслед за ним и Н. И. Сокольский относит мечи из него к IV в. (*Сокольский*, 1954. С. 162). Н. П. Сорокина датирует стаканы с каплями синего стекла и двупластинчатую фибулу из восточной камеры в пределах конца IV – перв. пол. V в. (*Сорокина*, 1971. С. 97). Среди специалистов, изучающих эпоху Великого переселения народов, прочно утвердилась датировка рассматриваемого и подобных ему захоронений V в. н. э. (см.: *Паромов*, 2003. С. 158. Табл. 64). Тем не менее есть основания для сужения данной датировки.

Основными хроноиндикаторами являются принадлежности ременных гарнитур, фибулы и краснолаковая посуда. Наиболее репрезентативную группу в склепе 50 представляют собой пряжки. Подавляющее большинство из них серебряные (20 экз.), лишь одна – бронзовая. Практически все они изготовлены в схожей технике – рамка сделана из округлого или многогранного прута, утолщающегося в передней части; язычки (также из прута) подвижные, массивные, как правило, округлые, иногда – треугольные (рис. 3: 10), квадратные (рис. 4: 11) или сегментовидные (рис. 3: 15) в сечении, крепились с помощью небольшой петли к тыльной стороне рамки. У основания язычков имеется высокий уступ, кончик языка сильно вытянут и охватывает рамку. Некоторые пряжки имели щитки, в основном прямоугольной формы. Данные застежки являются типичными

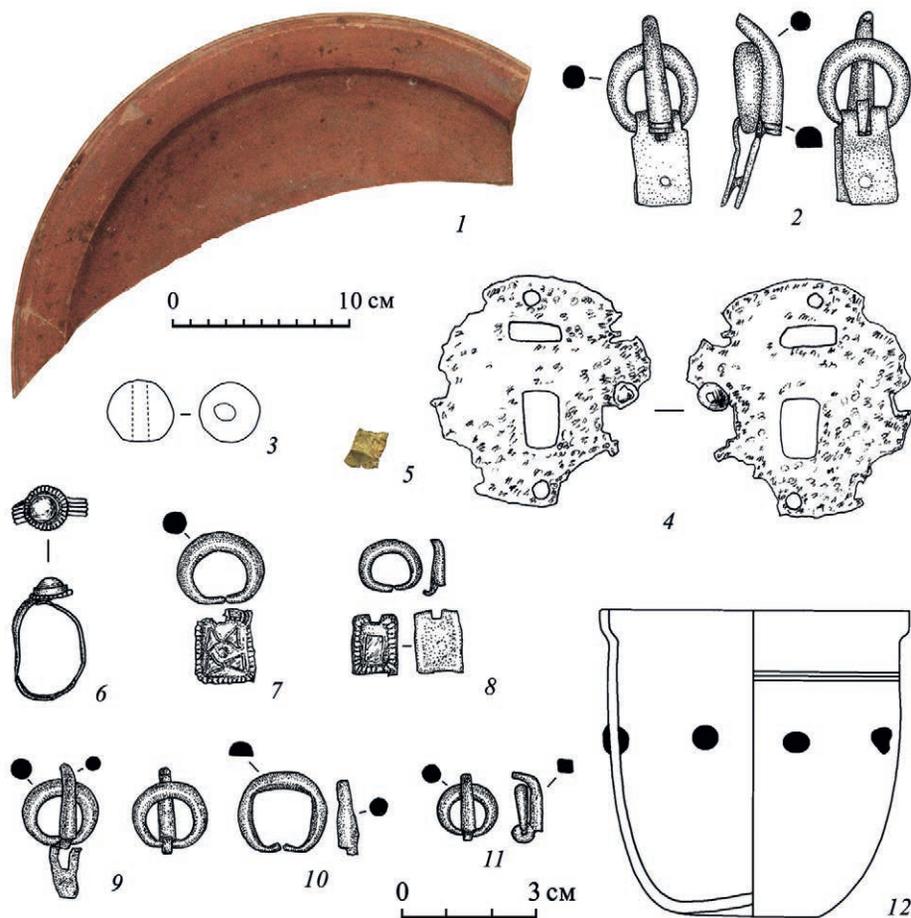

Рис. 4. Фанагория. Склеп 50 1937 г.

1–5 – инвентарь гроба 2 в западной камере; 6–11 – находки во входном коридоре и заполнении западной камеры

1, 3 – глина; 2, 7–11 – серебро; 4 – железо; 5, 6 – золото (5 – по: *Трейстер*, 2015), 12 – стекло (по: *Сорокина*, 1971)

для древностей конца IV – перв. пол.V в., или фазы D2 среднедунайской хронологии (*Tejral*, 1997. S. 338, 357. Abb. 17), сильно выступающие за рамку язычки четко отличают их от находок предыдущего IV в. (*Малашев*, 2000. С. 209). Они встречаются на значительных территориях Восточной и Центральной Европы, проникая вместе с носителями дунайско-понтийских традиций далеко на запад, например в Британию (*Ager*, 2012. Fig. 1). Такие пряжки были встречены в 4 из 6 захоронений склепа 50 фанагорийского некрополя. Несколько выделяется находка пряжки с прямоугольной рамкой, выполненной из ковanej пластины, однако она тоже имеет свойственный для V в. хоботковый язычок (рис. 2: 13).

Пряжки с инкрустированными красными камнями щитками (рис. 4: 7–8) также являются яркими индикаторами «гуннской» эпохи. Примечательно, что найденные в фанагорийском склепе застежки выполнены в отличной от дунайской манере: сами пряжки серебряные, а щитки обтянуты золотой фольгой, камни вставлены не в перегородчатой технике, а в отдельно напаянные гнезда, что является типичным для восточноевропейских древностей (Tejral, 2011.S. 210). Не противоречат данной датировке и находки других элементов ременных гарнитур – это, прежде всего, наконечники ремней. Пластинчатые серебряные наконечники с валиком на конце (рис. 2, 10, 11) имеют прямые аналогии в таких ярких памятниках «гуннской» эпохи, как Синявка или Унтерзибенбрунн (Tejral, 2011. Abb. 167, 4–6; Kazanski, 1996. Fig. 5).

Важное значение для датировки захоронения имеет находка в заполнении восточной камеры двупластинчатой фибулы с пальметками (рис. 3: 2). По форме она напоминает крупные смолинские фибулы, известны подобные фибулы в Боспорском некрополе (склеп 165) (Засеукая, 1994. С. 82), однако фанагорийский экземпляр отличается от них намного более скромными размерами (ок. 9,6 см в длину сохранившейся части, без кнопки). Наиболее близкие аналогии – фибулы типа 1а могильника Дюрсо, которые А. В. Дмитриев считает наиболее ранними на памятнике и датирует втор. пол. V в. (Дмитриев, 1982. С. 75, 103. Рис. 1: 1). Считается, что могильник был оставлен готами-тетракситами и не мог быть основан ранее, чем после битвы при Недао (454 г.). Тем не менее сомнения в такой привязке существуют, поэтому возможна и более ранняя датировка начальной фазы могильника (Шукин, 2005. С. 454). К тому же очевидно, что мода на ношение таких застежек могла сформироваться на Боспоре на порядок раньше, чем у населения, оставившего могильник на р. Дюрсо. Следует учитывать, что в склепе 50 фанагорийского некрополя нет вещей, которые могли бы датироваться втор. пол. V в. С определенной степенью уверенности можно говорить о том, что, скорее всего, эта фибула относилась к женскому захоронению в гробу 1 восточной камеры, где было обнаружено большое краснолаковое блюдо формы 3 PRSW 1-й пол. V в. Остальные находки в камере также укладываются в пределы 1-й пол. V в., что дает основания датировать рассматриваемую фибулуэтим же временем, хотя, возможно, она тяготеет ближе к середине V в.

Среди других находок необходимо упомянуть краснолаковую керамику форм 1 (рис. 3: 1), 2 (рис. 2: 2) и 3 (рис. 1: 3; 2: 1; 4: 1) группы «понтийская краснолаковая». К. Домжалский датирует форму 1 серединой IV – серединой V в., форма 2 отличается от формы 1 лишь несколько более отогнутым венчиком и соответствует начальной фазе производства формы 1, т. е. середине – конц IV в. Однако в исследуемом склепе 50 чаша данной формы была обнаружена с инвентарем 1-й пол. V в. Форма 3 датируется концом IV – серединой V в., что соответствует фазе D2 (Arsen'eva, Domžalski, 2002. P. 424, 425).

Не противоречат предложенной дате и другие находки. Серьга с литым многогранником из склепа 50 (рис. 3: 5) относится к типу 1-1, по Э. А. Хайрединовой, которые очень часто встречаются в крымских могильниках с материалами 1-й пол. V в. (Хайрединова, 2015. С. 96). Известны они и на Боспоре и, в частности, в Фанагории в контексте находок гуннской эпохи (Корпусова, 1973. Рис. 4: 18; Ворошилова, 2013. Рис. 3: 1). Хорошо известны в материалах V в. и бронзовые

зеркала с концентрическими кольцами и центральной петлей (*Мастыкова*, 2009. С. 83, 84; *Корпусова*, 1973. Рис. 4, 22; *Засецкая*, 1994. С. 77), 1-й пол. V в. датируют Н. П. Сорокина и И. П. Засецкая стаканы с каплями синего стекла типа I-B (*Засецкая*, 2000. С. 215). Схожий с фанагорийским перстень был найден в погребении V в. Унтерзибенбрунн (*Kazanski*, 1996. Fig. 1).

Подводя итог, следует сказать, что склеп 50 может быть датирован перв. пол. V в. Скорее всего, захоронения в нем почти синхронны и принадлежали одному-двум поколениям. Погребение в гробу 1 в восточной камере по фибуле с некоторой долей условности следует отнести к середине V в. Интересно отметить, что в каждой из камер склепа, судя по инвентарю, были захоронены мужчина и женщина, а в восточной камере, по мнению В. Д. Блаватского, также было погребение подростка (гроб 3), которое, судя по всему, было совершено несколько позже, чем потревоженное им погребение в гробу 2, поэтому эти захоронения могут считаться здесь наиболее поздними.

Таким образом, склеп 50 представляет собой монументальную семейную усыпальницу. В нем, видимо, были похоронены семьи высокопоставленных воинов. Конечно, невозможно точно судить о половозрастной характеристике индивидов только по инвентарю и размерам скелетов без антропологического анализа, а многие усыпальницы предыдущей римской эпохи, традиционно считавшиеся семейными, могут быть захоронениями не семей, а каких-либо социальных групп (см. подробнее: *Добровольская*, 2016). В случае с фанагорийским склепом более справедливой кажется традиционная точка зрения.

Судя по описанию В. Д. Блаватского, мечи в склепе 50 имели богато украшенные ножны, изготовленные из дерева, декорированные бархатом и различными накладками, элементы одежды (пряжки, фибулы) сделаны из серебра, найдены 5 больших краснолаковых блюд и фрагменты нескольких других, а также многочисленной стеклянной посуды. Погребальное сооружение отличается особенной монументальностью – склеп 50 имел длину около 10 м, а дромос был глубиной 6 м (от современной дневной поверхности). Как показало исследование социальной структуры позднеантичного Боспора (*Строков*, 2018), погребение 50 относится к высшей по социальному статусу группе населения позднеантичного Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Внуков С. Ю.*, 2017. Золотая индикация с полуфоллиса Константина I из Восточного некрополя Фанагории // КСИА. Вып. 249. Ч. I. С. 277–285.
- Блаватский В. Д.*, 1941. Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 г. // Работы археологических экспедиций / Под. ред. Д. Н. Эдинга. М.: ГИМ. С. 5–62. (Труды ГИМ; вып. XVI.)
- Ворошилова О. М.*, 2013. Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году // SP. № 4. С. 123–131.
- Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н., Кадиева А. А., Болелов С. Б.*, 2015. Склеп // БРЭ. Т. 30. М.: БРЭ. С. 350.
- Дмитриев А. В.*, 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред.: А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 69–107.

- Добровольская М. В.*, 2016. Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени восточного некрополя Фанагории // КСИА. Вып. 244. С. 299–309.
- Засецкая И. П.*, 1994. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая И. П.*, 2000. О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // НАВ. Вып. 3. С. 209–236.
- Застрожная (Панкратова) Е. Г.*, 2014. Фанагорийская археологическая экспедиция Государственного исторического музея. 1936–1937, 1939 г. // Государственный исторический музей и отечественная археология: К 100-летию отдела археологических памятников. М.: ГИМ. С. 112–125.
- Корпусова В. М.*, 1973. Сільське населення пізньюантичного Боспору // Археологія. Вип. 8. Київ. С. 27–45.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред.: Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука. 2003. 533 с. (Археология.)
- Малашев В. Ю.*, 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона; вып. I.)
- Мастыкова А. В.*, 2009. Женский костюм центрального и западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.
- Медведев А. П.*, 2013. Позднеантичный некрополь Фанагории IV–V вв. (раскопки 2005 г.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1: Материалы по археологии и истории Фанагории / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 330–402.
- Паромов Я. М.*, 2003. Фанагорийская округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред.: Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 157–158. (Археология.)
- Сокольский Н. И.*, 1954. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: АН СССР. С. 123–196. (МИА; № 33.)
- Сорокина Н. П.*, 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4. С. 85–101.
- Строков А. А.*, 2018. К изучению социальной структуры позднеантичного Азиатского Боспора // РА. № 1. С. 17–35.
- Трейстер М. Ю.*, 2015. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2: Золото Фанагории / Ред. М. Ю. Трейстера. М.: ИА РАН. С. 340–390.
- Хайрединова Э. А.*, 2015. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. Вып. XX. С. 95–132.
- Щукин М. Б.*, 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 576 с.
- Ager B.*, 2012. Kingsholm, Gloucester. Burial B1, revisited // Transactions of Bristol & Gloucestershire Archaeological Society. Vol. 130. P.117–130.
- Arsen'eva T., Domžalski K.*, 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Bd. 8. P. 415–491.
- Kazanski M.*, 1996. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques: Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes (19–21 octobre 1995). Sophia Antipolis: Editions APDCA. P. 109–126.
- Tejral J.*, 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik. S. 321–390.
- Tejral J.*, 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik Brno. 467 S.

Сведения об авторе

Строков Антон Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: anton-strokov@yandex.ru

A. A. Strokov

A VAULT DATED TO THE MIGRATION PERIOD
FROM V. D. BLAVATSKIY'S EXCAVATIONS IN PHANAGORIA

Abstract. In 1937 a joint expedition of the Pushkin Museum of Fine Arts and the State Historical Museum (GIM) led by V. D. Blavatskiy excavated a section in the Phanagoria west necropolis where graves of the Migration Period were discovered among other burials. This paper publishes the richest burial, i. e. two-chamber vault No. 50. The paper contains all available data about the tomb, analyzes the burial rite, funerary offerings, provides conclusions about the assemblage dating as well as the social status of the deceased.

Keywords: Migration Period, 5th century AD, Taman' peninsula, vault, buckle, fibula, red-glazed ceramics.

REFERENCES

- Abramzon M. G., Voroshilov A. N., Voroshilova O. M., Vnukov S. Yu., 2017. Zolotaya indikatsiya s polufollisa Konstantina I iz Vostochnogo nekropolya Fanagorii [A gold danake of Constantine the Great from the Phanagorian Eastern necropolis]. *KSIA*, iss. 249, part I, pp. 277–285.
- Ager B., 2012. Kingsholm, Gloucester, burial B1 revisited. *Transactions of Bristol & Gloucestershire Archaeological Society*, 130. pp. 117–130.
- Arsen'eva T., Domžalski K., 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua*, 8, pp. 415–491.
- Blavatskiy V. D., 1941. Otchet o raskopkakh Fanagorii v 1936–1937 g. [Report on excavations in Phanagoria in 1936–1937]. *Raboty arkheologicheskikh ekspeditsiy [Works of archaeological expeditions]*. D. N. Eding, ed. Moscow: GIM, pp. 5–62. (Trudy GIM, XVI.)
- Dmitriev A. V., 1982. Rannesrednevekovyye fibuly iz mogil'nika na r. Dyurso [Early memetry on Dyurso River]. *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov [Antiquities of Migration period of V–VIII centuries]*. A. K. Ambroz, I. F. Erdelyi, eds. Moscow: Nauka, pp. 69–107.
- Dobrovol'skaya M. V., 2016. Opyt izucheniya skeletnykh materialov iz skleпов rimskogo vremeni vostochnogo nekropolya Fanagorii [Experience of studying skeletal remains from the Roman period vaults in the Phanagoria Eastern necropolis]. *KSIA*, 244, pp. 299–309.
- Kazanski M., 1996. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique. *L'identité des populations archéologiques: Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes (1995)*. Sophia Antipolis: Editions APDCA, pp. 109–126.
- Khayredinova E. A., 2015. Ser'gi s litym nepodvizhnym mnogogrannikom iz Kryma [Earrings with cast stationary polyhedron from Crimea]. *MAIET*, XX, pp. 95–132.
- Korpusova V. M., 1973. Sil's'ke naseennya pizn'oantichnogo Bosporu [Rural population of Late Classical Bosphorus]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 8, pp. 27–45.
- Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka [Crimea, North-Eastern Pontic zone and Transcaucasia in medieval epoch: IV–XIII centuries], I. Makarova, S. A. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, 2003. 533 p. (Arkheologiya.)
- Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of strap details sets of late Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their*

- neighbours of the Don*]. Yu. K. Guguyev, eds. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, I.)
- Mastykova A. V., 2009. Zhenskiy kostyum tsentral'nogo i zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus Piedmont in the end of IV – middle of VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.
- Medvedev A. P., 2013. Pozdneantichnyy nekropol' Fanagorii IV–V vv. (raskopki2005 g.) [Late Classical necropolis of Phanagoria of IV–V cc. (excavations of 2005)]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations], 1. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]*. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 330–402.
- ParomovYa. M., 2003. Fanagoriyskaya okruga [Phanagoria vicinities]. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka [Crimea, North-Eastern Pontic zone and Transcaucasia in medieval epoch: IV–XIII centuries]*, T. I. Makarova, S. A. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, pp. 157–158. (Arkheologiya.)
- Shchukin M. B., 2005. Gotskiy put' (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura) [The Goths' path. (The Goths, Rome and Chernyakhov culture)]. St. Petersburg: Filologicheskiiy fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gos. universiteta. 576 p.
- Sokol'skiy N. I., 1954. Bosporskie mechi [Bosporus swords]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu [Materials and investigations on archaeology of North Pontic zone in Classical epoch]*. M. M. Kobylina, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 123–196. (MIA, 33.)
- Sorokina N. P., 1971. O steklyannykh sosudakh s kaplyami sinego stekla iz Prichernomor'ya [On glass vessels with blue glass drops from North Pontic zone]. *SA*, 4, pp. 85–101.
- Strokov A. A., 2018. K izucheniyu sotsial'noy struktury pozdneantichnogo Aziatskogo Bospora [Towards studying the social structure of Asian Bosporus in Late Antiquity]. *RA*, 1, pp. 17–35.
- Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik, Ss. 321–390.
- Tejral J., 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik Brno. 467 S.
- Treyster M. Yu., 2015. Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina [Pushkin State museum of fine arts]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations], 2. Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. M. Yu. Treyster, ed. Moscow: IA RAN, pp. 340–390.
- Voroshilova O. M., 2013. Sklep pozdneantichnogo vremeni iz raskopok Fanagorii v 2011 godu [Vault of late Classical time from excavations of Phanagoria in 2011]. *SP*, 4, pp. 123–131.
- Voroshilova O. M., Voroshilov A. N. Kadiyeva A. A., Bolelov S. B., 2015. Sklep [Vault]. *BRE*, 30. Moscow: BRE, pp. 350.
- ZasetskayaI. P., 1994. Materialy Bosporskogo nekropolya vtoroy poloviny IV – pervoy poloviny V vv. n. e. [Materials from Bosporus necropolis of second half of IV – first half of V cc. AD]. *MAIET*, III, pp. 23–105.
- ZasetskayaI. P., 2000. O dvukh klassifikatsiyakh steklyannykh sosudov s dekorom iz napayannykh kapel' i nitey sinego stekla [On two classifications of glass vessels with decor of soldered drops and threads of blue glass]. *NAV*, 3, pp. 209–236.
- Zastrozhnova (Pankratova) E. G., 2014. Fanagoriyskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. 1936–1937, 1939 gg. [Phanagoria archaeological expedition of State Historical museum. 1936–1937, 1939]. *Gosudarstvennyy istoricheskiiy muzey i otechestvennaya arkheologiya: K 100-letiyu ot dela arkheologicheskikh pamyatnikov [State Historical museum and national archaeology: Toward centenary of department of archaeological sites]*. Moscow: GIM, pp. 112–125.

About the author

Strokov Anton A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail:anton-strokov@yandex.ru

М. С. Яковчик, Н. В. Ениосова, А. Р. Канторович,
В. Е. Маслов, В. Г. Петренко

ЗОЛОТНЫЕ НИТИ ИЗ ЭЛИТНОГО АЛАНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У ХУТ. ПЕГУШИН НА СТАВРОПОЛЬЕ

Резюме. В погребальной камере аристократической аланской катакомбы (конец IV – рубеж IV–V вв. н. э.) из кургана 15 могильника Пегушин 1 на Ставрополье, несмотря на тотальную ограбленность комплекса, удалось обнаружить фрагменты золотных нитей, которыми была украшена некая ткань. В статье представлены итоги реконструкции техники изготовления нитей и идентификации химического состава металла, из которого были изготовлены золотные нити. Данные результаты получены с помощью низковакуумного наблюдения на настольном электронном микроскопе TM3030 Hitachi B на кафедре археологии МГУ и посредством энергодисперсного РФА при помощи микро-РФА спектрометра M1 MISTRAL в отделе археологических памятников ГИМ. Хотя достоверно определить происхождение золотных нитей из могильника Пегушин 1 пока не удалось, весь контекст данного комплекса указывает на западный вектор связей. При этом конструктивное сходство пегушинской катакомбы с катакомбами из памятников Среднего Терека отражает перемещение в гуннское время больших групп населения, возглавляемых военными вождями, в бассейн реки Кумы – на северную периферию аланского мира, граничившую со степью.

Ключевые слова: золотные нити, металлические нити, текстиль, аланы, могильник Пегушин, Ставрополье.

В 2010 г. Ставропольская экспедиция кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова при содействии ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края осуществила раскопки могильника Пегушин 1 у хутора Пегушин Кировского района Ставропольского края¹.

¹ Раскопки велись под руководством доцента кафедры археологии исторического факультета МГУ А. Р. Канторовича, научного сотрудника ИА РАН В. Е. Маслова и старшего научного сотрудника ИА РАН В. Г. Петренко. Эти исследования стали продол-

Это огромный курганный некрополь аланской культуры, насчитывающий сотни насыпей, в основном уничтоженных распашкой, и относящийся к укрепленному городищу, расположенному на береговой террасе р. Кумы.

В ходе этих работ в катакомбе под насыпью кургана № 15, находившегося примерно в 1 км к юго-западу от цитадели городища, были обнаружены золотные нити, которым посвящена данная статья. Некоторые материалы из данного комплекса были предварительно опубликованы (*Канторович и др.*, 2011), другие вводятся в научный оборот впервые.

Катакомба имела в плане Т-образную форму, с хорошо выделенным дромосом. Входная яма длинная и узкая – соотношение длины и ширины примерно 1 : 4. Длинной осью катакомба была ориентирована в направлении ССЗ – ЮЮВ. В юго-западном углу впускной ямы вдоль западной стены были вырублены не менее 15 ступеней, расположенных в два ряда в шахматном порядке. Погребальная камера имела двускатный стрельчатый свод высотой до 2,2 м. Свод и стены камеры были покрыты побелкой (?). Дно камеры находилось на глубине около 7,5 м от уровня погребенной почвы (Там же. Рис. 1: 1).

Находки встречались в заполнении входной ямы с самого верха, но большая их часть была сконцентрирована напротив входа в дромос. Здесь были обнаружены фрагменты железной кольчуги с прикипевшей к ней тканью подкладки, обломки двулезвийного меча и черешковых наконечников стрел, железных удилищ и псалиев, крупная 14-гранная бусина из зеленого стекла, фрагмент пружинных железных ножниц. Кроме того, были собраны фрагменты краснолощеной миски и чернолощеного кувшина.

У подножия ступеней на дне входной ямы были обнаружены стоящий крупный горшок и завалившийся набок кувшин (рис. 2: 1, 2). Близ них были найдены перемешанные кости лошади, часть из которых была окрашена бронзовыми окислами, что, вероятно, указывает на то, что здесь же находился и бронзовый котел. Перед входом в дромос были обнаружены также фрагменты стенок какого-то крупного сероглиняного сосуда типа пифоса. Здесь же были собраны выброшенные грабителями человеческие кости и фрагменты черепов со следами прижизненной деформации.

Пол погребальной камеры был покрыт слоем золы и древесного угля толщиной до 10 см. В этой засыпке были обнаружены разрозненные кости двух погребенных – женщины 20–25 лет и мужчины 30–39 лет² – и более двадцати предметов: золотые, серебряные, бронзовые и железные пряжки, фрагменты железного ножа, альчик мелкого рогатого скота, серебряные (?) наконечники на ремни, фрагменты железной узды.

Конструктивные особенности катакомбы находят ближайшие аналогии в курганных могильниках бассейна среднего течения Терека (*Абрамова*, 1975. Рис. 1: 1; 4: 1, 6; 2: 14; *Габуев*, 1985. Рис. 1: 1, 2; 2: 1, 2; 3: 1, 2; 4: 1, 2; *Воронин, Малашев*, 2006. Рис. 56).

жением раскопок, проведенных в 2006–2007 гг. экспедицией Государственного музея искусства народов Востока под руководством Т. А. Габуева.

² Определение Н. Я. Березиной (НИИ и музей антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова).

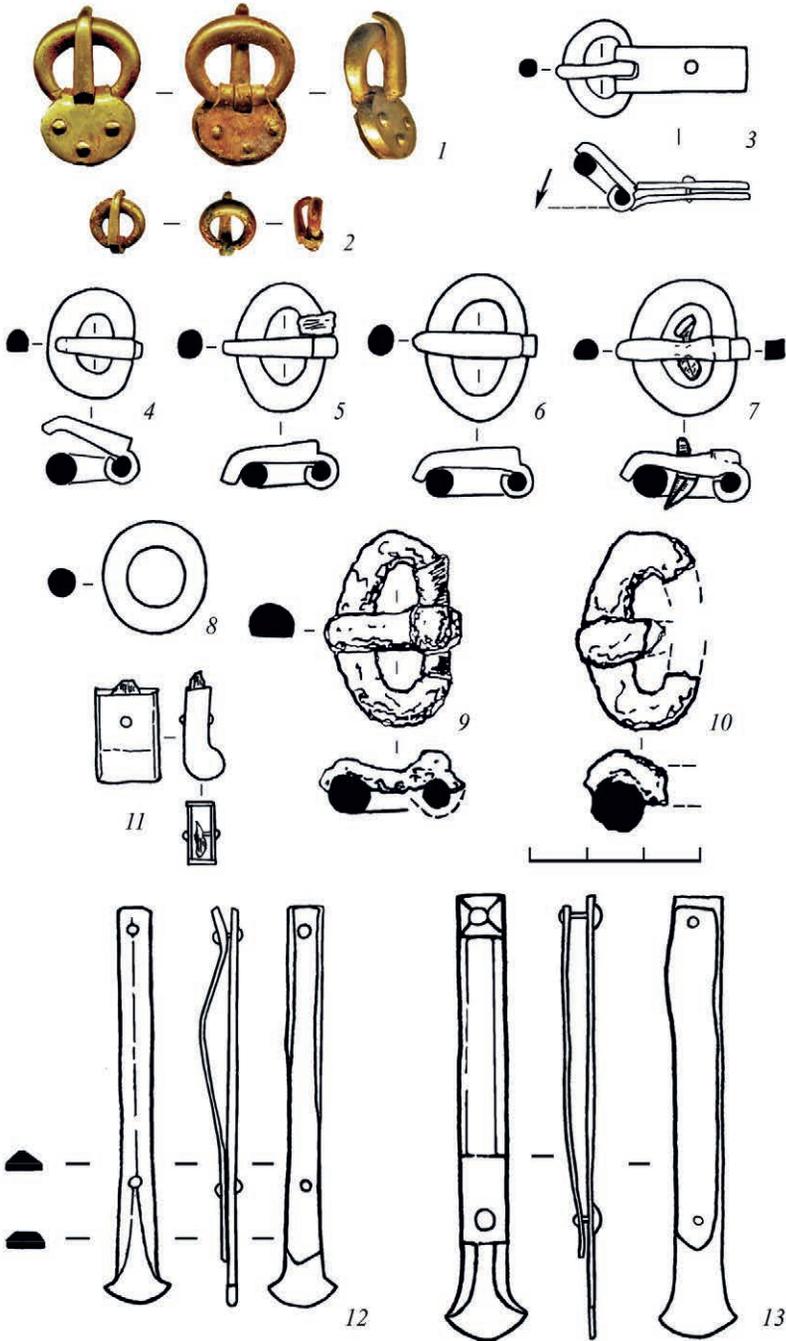

Рис. 1. Хроноиндикаторы из погребения 1 кургана 15 могильника Пегушин 1

1, 2 – пряжки, золото; 3 – пряжка, серебро; 4–7 – пряжки, бронза; 8 – кольцо, бронза; 9, 10 – пряжки, железо; 11–13 – накладки ременные, серебро (?)

Обряд посыпки пола погребальной камеры золой и углем был зафиксирован в катакомбных погребениях IV в. н. э. у ст. Виноградная (*Габуев*, 1985. С. 199) и в могильнике Брут 2, где его использование зафиксировано на протяжении всего существования памятника (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 74. Табл. 5).

Основой для хронологии комплекса послужила морфология связанных с ременной гарнитурой изделий, которым имеется широкий круг аналогий, в т. ч. в причерноморских комплексах с импортными предметами и монетами (*Безуглов*, 2008. С. 290).

В погребении были найдены две золотые, одна серебряная, четыре бронзовые и две железные пряжки (рис. 1: 1–7, 9, 10). Пряжки снабжены округлым язычком, уплощенным на изогнутом конце изнутри, охватывающим рамку в передней части и заходящим за середину ее сечения. Над петлей крепления язычки имеют ступенчатый вырез, а в двух случаях имеют у основания квадратную площадку. Рамки пряжек овальной формы, округлого сечения, утолщены в передней части. Данный тип пряжек непосредственно предшествует распространению характерных для V в. н. э. пряжек с вытянутыми хоботковыми язычками, с которыми они обнаруживают черты морфологического родства (*Малашев*, 2000. С. 209)³.

Так, аналогичные бесщитковые бронзовые пряжки происходят из катакомбы кургана 9 могильника Брут 2, который по другим деталям ременной гарнитуры и лучковой двучленной фибуле синхронизируется с материалами некрополей Крыма, Нижнего Дона и черняховской культуры конца IV – начала V в. н. э. (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 126. Рис. 34: 2, 3, 4а).

Серебряная пряжка имеет прямоугольный подвижный щиток, скрепленный заклепкой (рис. 1: 3), а большая из золотых пряжек – подвижный овальный щиток, скрепленный тремя заклепками (рис. 1: 1). Возможно, что количество заклепок и их расположение на щитках являются определенным хронологическим показателем. Сходная серебряная пряжка происходит из катакомбного погребения в кургане 5 могильника Маяк на Нижнем Дону второй половины IV в. н. э., где также найдена черняховская прогнутая подвязанная фибула (*Безуглов*, 2008. С. 289. Рис. 7: 1, 4).

Вместе с пряжками были найдены ременные наконечники двух типов из низкопробного серебра (?):

– вытянутые двупластинчатые зажимы, скрепленные двумя заклепками, с фасетированной наружной стороной и расширяющимся секировидным окончанием (рис. 1: 12, 13)⁴. Подобные наконечники включены В. Ю. Малашевым в четвертую группу комплексов ременной гарнитуры, суммарно датированную им серединой IV – началом V в. н. э. (*Малашев*, 2000. С. 203–205);

– пять экземпляров из согнутых пополам пластин с выделенным в передней части валиком, соединенных одной заклепкой; сбоку они закрыты напаянными щитками, что придает им коробчатую форму (рис. 1: 11). Сходные наконечники

³ Приносим искреннюю благодарность В. Ю. Малашеву и А. В. Пьянкову за консультацию. В. Ю. Малашев выполнил прорисовку миски и металлических вещей из комплекса, за что мы ему глубоко признательны.

⁴ На обоих наконечниках-зажимах сохранились отпечатки ткани, а внутри коробчатых наконечников – остатки ремней.

бытуют со второй половины III до рубежа IV–V вв. н. э. (Безуглов, 2008. С. 288, 289. Рис. 2: 15; 7: 11).

Фрагменты железных удил с колесовидными псалиями с прямоугольными петлями на крестовине псалиев (рис. 2: 5) относятся к типу, известному на Северном Кавказе с начала III в. н. э. (Малашев, 2000. С. 210, 211).

Также к поясным наборам или к сбруе, вероятно, относятся три бронзовых кольца (рис. 1: 8).

К редким и престижным предметам импорта следует отнести кольчугу. Кольчуга присутствовала в богатом погребении в кургане 13 Кишпекского могильника (Бетрозов, 1987. Рис. III: 3).

Из погребения происходит выразительный комплекс гончарной керамики.

Сероглиняный горшок с невыделенным горлом, широким устьем и узким дном находит многочисленные аналогии в материалах аланских городищ II–IV вв. н. э. (рис. 2: 1) (Деоник, 1988. Рис. 20).

Красноглиняный крупный кувшин с петельчатой ручкой и сливом, в виде прогиба верхней части горла и венчика, также имеет широкий круг аналогий в памятниках раннеаланской культуры (рис. 2: 2) (Габуев, Малашев, 2009. С. 120. Рис. 130).

Параллели чернолощеному кувшину с трубчатым носиком и зооморфной ручкой, декорированному рельефными валиками на тулове (рис. 2: 3), известны в комплексах второй половины III – V в. н. э. (Безуглов, 2008. Рис. 3: 6; Чеченов, 1987. Рис. 1: 2, 3). Эта форма получает дальнейшее развитие в более позднее время.

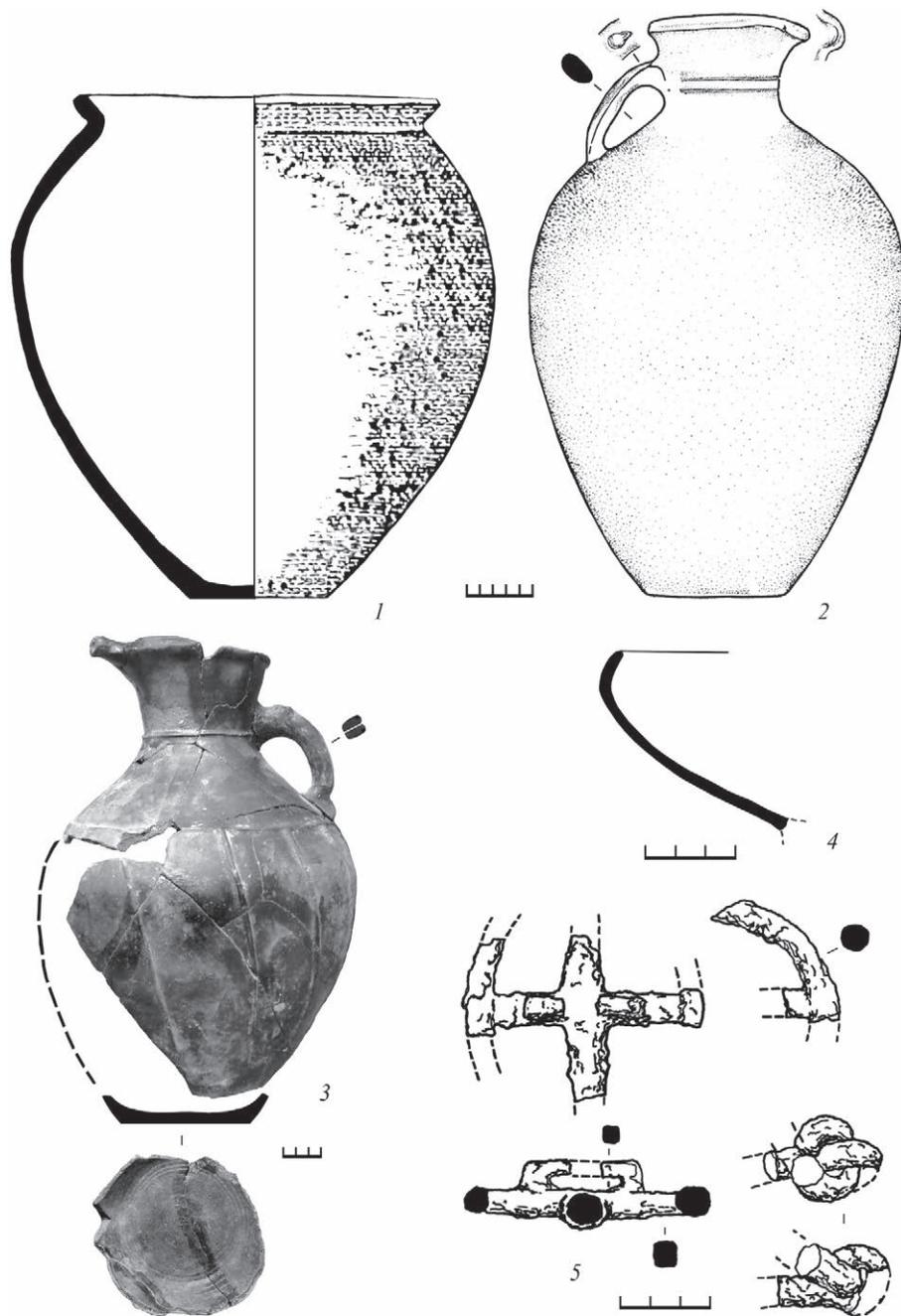
О неординарности погребения, наряду с золотыми изделиями, свидетельствует также импортная краснолаковая миска, сохранившаяся фрагментарно (рис. 2: 4). Похожая миска происходит из кургана 13 Кишпекского могильника (Бетрозов, 1987. Рис. IV: 6). Краснолаковые миски с близкой профилировкой известны в могильниках Крыма в комплексах IV в. н. э. (Юрочкин, Труфанов, 2007. Рис. 5: 8). Единичные краснолаковые миски представлены в погребениях первой половины этого столетия в некрополях Цебельды (Гей, Бажан, 1997. С. 22. Табл. 15: 8, 9; 25: 2).

Таким образом, суммарно по инвентарю погребение 15 могильника Пегушин I может быть датировано концом IV – рубежом IV–V вв. н. э.

В погребальной камере были обнаружены фрагменты золотных нитей, которыми была украшена ткань. В ходе ограбления эта ткань (вероятно, уже истлевшая) была разорвана на мелкие части, которые были рассеяны по камере и входной яме (рис. 3: 1). Не представляется возможным определить первоначальное местоположение текстиля с металлическими нитями и установить, относился ли он к погребальному костюму (и кому именно из двоих покойных он принадлежал) или же был деталью убранства погребальной камеры. Золотные нити расположены плотными параллельными рядами – так же, как первоначально на текстильном изделии (рис. 3: 2); однако в связи с тем, что волокна ткани не сохранились, его определение невозможно.

Золотные нити, а также грунт вокруг них были посыпаны охрой бордового цвета⁵, причем она покрывает не только внешнюю сторону нитей, но также про-

⁵ Наличие охры установлено доцентом кафедры археологии МГУ В. С. Житенёвым, за что авторы выражают ему благодарность.

**Рис. 2. Керамика и конское снаряжение
из погребения 1 кургана 15 могильника Пегушин 1**

1 – горшок сероглиняный; 2 – кувшин красноглиняный; 3 – кувшин чернолощеный; 4 – миска краснολаковая; 5 – фрагменты железных удил и псалиев

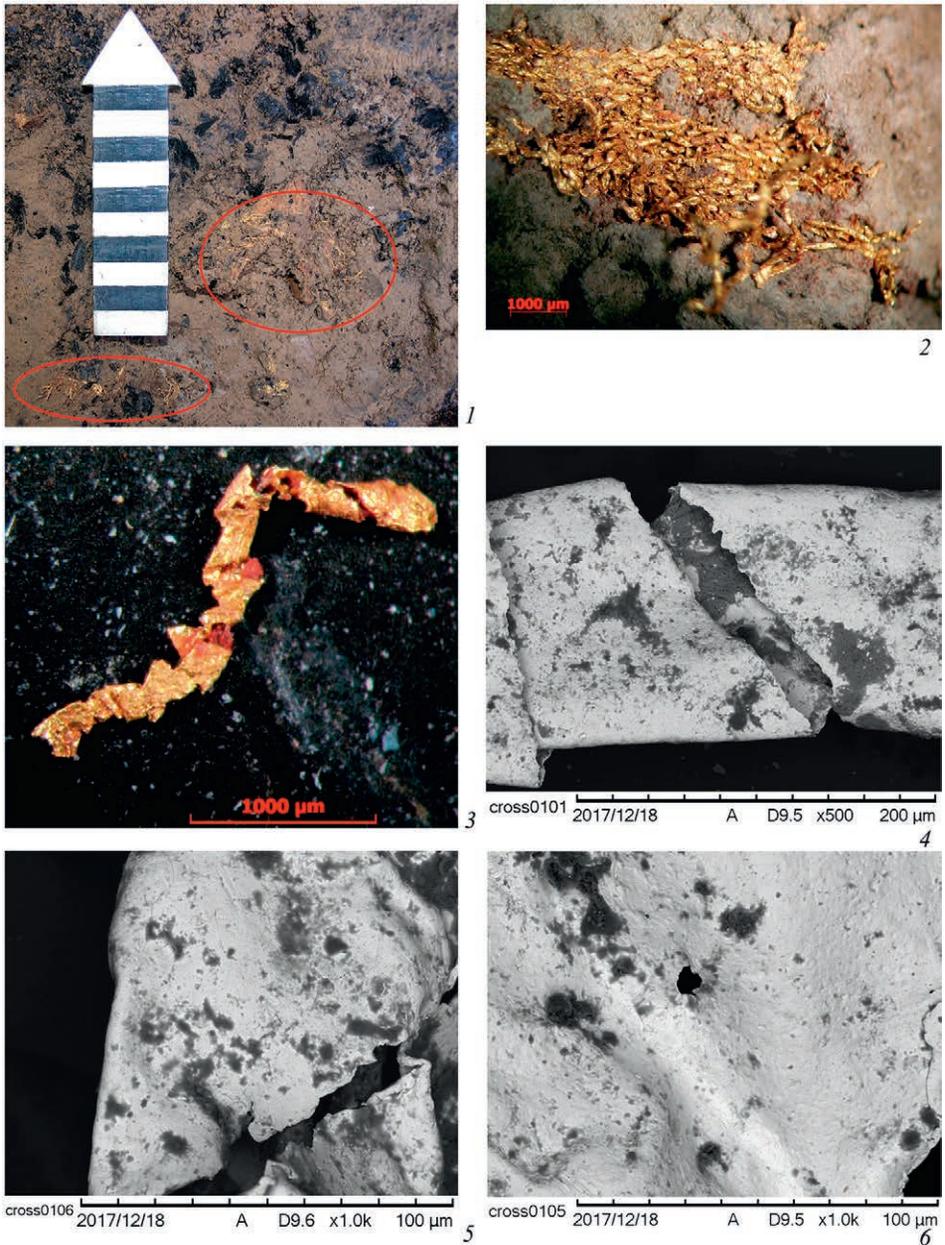

Рис. 3. Золотные нити из погребения 1 кургана 15 могильника Пегушин 1

1 – нити *in situ*; 2 – скопление нитей, лежащих параллельными рядами; 3 – золотная нить, посыпанная охрой; 4 – волнообразные края полоски металла на золотной нити; 5 – деформация и разрывы на краях полоски металла; 6 – сквозное отверстие на полоске металла (4–6 – фото, сделанные на сканирующем электронном микроскопе)

никала внутрь них (рис. 3: 3). Очевидно, присыпка охрой связана с погребальным обрядом.

Для определения техники изготовления и химического состава металла, из которого изготовлены золотные нити, был проведен анализ 9 образцов, при этом были взяты 15 проб. Часть образцов была исследована на кафедре археологии МГУ с помощью настольного электронного микроскопа TM3030 Hitachi. Прибор работает по принципу низковакуумного наблюдения, в котором узко сфокусированный электронный луч направляется на образец. Образующиеся обратно отраженные электроны улавливаются полупроводниковым детектором, позволяя получать трехмерное изображение с большим увеличением и высоким разрешением. Микроскоп снабжен РФА микроанализатором-спектрометром Quantax 70EDX, обеспечивающим идентификацию элементов в составе металла и определение их концентрации на основе безэталонного метода фундаментальных параметров. С помощью микроанализатора изучено 11 проб.

Четыре образца исследованы методом энергодисперсного РФА при помощи микро-РФА спектрометра M1 MISTRAL в отделе археологических памятников ГИМ⁶. Количественные результаты получены с помощью программного обеспечения, основанного на сравнении известных эталонов с содержанием элементов в исследуемой пробе. Полученные результаты зависят от предварительной очистки металла от загрязнений и от неравномерного распределения элементов сплава на поверхности исследуемого объекта.

Золотные нити – пряденые, состоят из очень тонкой, узкой полоски металла (фольги), навитой спирально на сердечник. Из-за деформации многие нити оказались расплющены, в связи с чем определить их толщину достаточно сложно; тем не менее по сохранившимся форму участкам удалось установить, что она составляет около 0,1 мм.

Ширина полосок металла зафиксирована в диапазоне от 0,1 до 0,25 мм. Такая полоска для пряденых золотных нитей могла быть изготовлена либо путем нарезания фольги специальными инструментами, либо плущением проволоки (Афанасьев и др., 2017. С. 205).

Проведенные при помощи сканирующего электронного микроскопа микро-морфологические исследования золотных нитей показали, что металлические полоски имеют очень неровные, волнообразные края (рис. 3: 4). Это дает основание реконструировать процесс изготовления полосок следующим образом: сначала лист фольги разрезали на узкие полосочки, края которых затем были дополнительно подвергнуты проковке, из-за чего приобрели такой вид и чрезвычайно маленькую толщину в 0,003 мм (3 μm). Необходимо отметить, что практически на всех исследованных образцах края деформированы – подогнуты наружу или вовнутрь, местами имеют небольшие разрывы (рис. 3: 5)⁷.

⁶ Исследование выполнено сотрудником ГИМ А. О. Шевцовым, за что авторы выражают ему благодарность.

⁷ При раскопках погребений в округе Херсонеса были обнаружены пряденые золотные нити, полоски фольги от которых имели края с похожими морфологическими особенностями (Афанасьев и др., 2017. С. 204–206. Рис. 3: 6, 7). Однако стоит отметить, что эти комплексы датируются либо более ранним, либо поздним временем.

Последнее может быть следствием общей тонкости и хрупкости металлических полосок, что выразилось также в наличии крошечных сквозных отверстий в металле (рис. 3: б).

Результаты исследования химического состава металла показывают, что для изготовления нитей использовался сплав золота, серебра и меди. Диапазоны процентного содержания основных компонентов сплава представлены в табл. 1. Золото варьирует в пределах от 76,49 до 91,45 %, концентрация серебра изменяется от 3,55 до 13 %. Медь присутствует не во всех пробах, ее минимальное содержание составляет 0,41 %, максимальное – 2,22 %. Зафиксированные интервалы концентрации серебра и меди, с одной стороны, указывают на использование самородного золота, которое может содержать до 50 % серебра и не более 2,5 % меди (Ogden, 1993. Р. 39–40). Кроме того, в самородном аллювиальном золоте обнаруживается до 18 % ртути (Spiridonov, Yanakieva, 2009. Р. 68). Так, например, в рассыпном золоте месторождения Сакдриси в Грузии, служившего источником драгоценного металла в IV–III тыс. до н. э., содержится 14–15 % ртути (Hauptmann, Klein, 2009. Р. 78–80). В золотных нитях из погребения 15 могильника Пегушин 1 ртуть зафиксирована в концентрациях от 1,03 до 12,21 %⁸. Можно предположить, что тонкая золотая фольга для их производства получена путем проковки золотого самородка – природного сплава электра.

Другая версия, объясняющая высокую концентрацию ртути в наших образцах, связана с методом амальгамации – извлечения золота из руды или золотоносного песка. Золото легко образует сплав с ртутью, отделяя драгоценный металл от примесей. Затем ртуть испаряется при температуре 357 °С, но в очищенном металле может оставаться до 15 % ртути (Craddock, 1995. Р. 114–115; Hauptmann, Klein, 2009. Р. 80).

Амальгамация также давала возможность извлекать золото и серебро из металла вещей, вышедших из употребления. В XXXIII книге «Естествознания» Плиния Старшего сообщается со ссылкой на Витрувия, что с помощью ртути извлекают золото из обветшалых золототканых изделий (Плиний Старший, 1994. С. 206). Эти предметы смачивали в ртути и нагревали, в результате чего получали амальгаму, из которой удаляли ртуть путем дистилляции через влажную замшу. При этом полученное золото содержало некоторый процент ртути, которая могла не улетучиться полностью даже спустя длительное время (Ramage, Craddock, 2000. Р. 233).

Полоска золота была навита в Z-направлении на сердечник; последний не сохранился, однако, учитывая, что сердечником пряденых металлических нитей служила в основном нить растительного или животного происхождения, можно

⁸ Содержание летучего элемента – ртути – значительно ниже в пробах, исследованных на приборе M1 MISTRAL, так как анализ проводится в воздушной среде; более высокие концентрации зафиксированы при измерении в вакуумной камере электронного микроскопа. Вакуумные условия значительно повышают чувствительность метода. Большой разброс содержаний ртути в пробах, исследованных на анализаторе электронного микроскопа, объясняется неравномерностью распределения этого элемента на поверхности золотных нитей.

с большой долей уверенности предполагать, что и в рассматриваемом случае использовалась подобная нить. Навивка полоски золота плотная, без промежутков между витками, количество витков составляет 3–4 на 1 мм. Можно предположить, что накручивание полоски фольги на сердечник могло производиться как вручную, так и при помощи специального механизма (*Афанасьев и др.*, 2017. С. 206); в пользу последнего способа может говорить тот факт, что угол крутки (34–36°) полоски равномерен по длине нитей.

Вряд ли представляется возможным определить с точностью, где именно было изготовлено данное текстильное изделие. То обстоятельство, что сохранились только золотные нити, а волокна ткани истлели, лишь усложняет задачу. Основываясь на письменных и археологических данных, есть возможность обозначить вероятные центры изготовления металлических нитей из погребения 1 кургана 15 могильника Пегушин 1.

Золотные нити и текстильные изделия с их включением производили в Римской империи, в частности в Риме, Тире, Александрии, Антиохии. Традиция украшения одежды золотными нитями в античном мире к тому времени насчитывала не одно столетие: самые древние сохранившиеся образцы металлических нитей, найденные в Греции, датируются V в. до н. э., а наиболее ранние римские золотные нити – IV в. до н. э. (*Gleba*, 2005. P. 63–66. Tab. 1; 2013. P. 198–200). Их остатки обнаруживали при раскопках погребальных памятников IV–V вв. н. э. в разных концах огромной империи, от Британских островов до Восточного Средиземноморья. Все золотные нити – пряденые, причем некоторые из этих находок демонстрируют морфологическое сходство с нашими находками.

Так, фрагменты золотных нитей из мужского погребения в Риме (IV в. н. э.) имели толщину 0,13 мм и были сработаны из полоски золота шириной 0,27 мм и толщиной 0,002 мм, накрученной на несохранившийся сердечник в Z-направлении. В погребении женщины из Альбенге (конец IV – V в. н. э.) на территории Апеннинского полуострова сохранились золотные нити, из которых предположительно была сплетена в технике «спрэнг» сетка для волос (*лат. reticulum*). Золотные нити имели толщину 0,1 мм и были сработаны из полоски металла шириной 0,2 мм, скрученной в Z-направлении. В двух случаях остатки золототканого текстиля происходят из погребений в саркофагах IV в. н. э. в провинции Паннония, открытых на территории современной Венгрии. В первом случае для остатков золототканого текстиля, изготовленного в гобеленовой технике, было зафиксировано строение золотных нитей: полоска металла шириной 0,3 мм и толщиной 0,01–0,02 мм была навита в Z-направлении на шелковую нить. Вторая находка золотных нитей происходит из захоронения, датированного 305–312 гг. н. э. Здесь на пурпурную нить в Z-направлении была накручена полоска металла шириной 0,2–0,3 мм и толщиной 0,01 мм (*Bedini et al.*, 2004. P. 79. Tab. 1; *Gleba*, 2005. P. 73. Tab. 1).

В саркофаге V в. н. э. из Массалии (современный Марсель) были зафиксированы остатки туники, декорированной вышивкой и лентой; золотные нити толщиной 0,15–0,2 мм были изготовлены из полоски металла шириной 0,1 мм, навитой на шелковый сердечник (*Desrosiers, Lorquin*, 1998. P. 67; *Gleba*, 2005. P. 71. Tab. 1).

Помимо этого, известны находки пряденых металлических нитей IV–V вв. н. э. с территории Римской империи, сведения о которых менее подробны. Остатки таких изготовленных из высокопробного золота нитей толщиной 0,1 мм были обнаружены в римском саркофаге в Спиталфилдсе (Лондон). Ряд погребальных памятников из диоцеза Галлия (территории современных Франции и Германии) также содержали фрагменты пряденых нитей из золота и серебра (*Desrosiers, Lorquin, 1998. P. 66; Gleba, 2005. P. 70–71. Tab. 1*).

На основании вышесказанного можно заключить, что золотные нити были достаточно распространенным элементом украшения одежды жителей Римской империи, причем не только в крупных городах. Определенная часть таких нитей и текстильных изделий с ними изготавливалась непосредственно на территории империи. Вместе с тем IV–V вв. н. э. были отмечены активными попытками государства монополизировать производство и приобретение шелковых тканей, в том числе с металлическими нитями, ограничить их ношение узким кругом знати, в первую очередь придворной, с императорской семьей во главе. С этой целью в восточных провинциях Римской империи (Византии) была издана серия соответствующих законов. Так, в 369 г. был введен запрет на изготовление шелковых вещей частными мастерами, другие указы закрепляли право закупок шелка за государством, а по законам от 369 и 382 гг. всем мужчинам и женщинам, не имеющим отношения к императорскому двору, запрещалось носить шелковые одежды, декорированные золотными нитями, в частности золотной вышивкой (*Gleba, 2013. P. 200; Galliker, 2014. P. 36–37*).

В то же время одежда с металлическими нитями была чрезвычайно популярна среди представителей варварской знати Европы (*Gleba, 2013. P. 200*), что наглядно демонстрируют находки текстиля с такими нитями за пределами Римской империи. Один из таких примеров – камерное погребение в Попрад-Матеёвце (Словакия), датированное концом IV – началом V в. н. э. Среди разнообразного инвентаря, включающего несколько римских вещей, остатки тканей и кожи, были зафиксированы обрывки золотных нитей (как полагают исследователи, от вышивки) (*Štolcová et al., 2014. P. 50, 57. Fig. 7a, 7b*).

Вместе с тем аланы Центрального Предкавказья могли получать текстиль с металлическими нитями не только из провинций Римской империи. Не следует исключать, что он мог быть привезен с Востока – из Китая, исторического центра шелкоткачества, с давними традициями изготовления золотных нитей.

Другим возможным местом производства золотных нитей из кургана 15 могильника Пегушин 1 может считаться Иран. К сожалению, пока не удалось обнаружить каких-либо подробных археологических свидетельств для IV–V вв. н. э., но известно, что в сасанидскую эпоху в Иране изготавливали текстиль с металлическими нитями (*Porada, 1965. P. 197, 201*). Кроме того, китайские ткани вполне могли попасть к аланам через провинции Сасанидской империи в ходе бурных политических событий этой эпохи.

Продукция китайских мастерских широко распространялась по Великому шелковому пути, возникшему еще во II в. до н. э. (*Лубо-Лесниченко, 1994. С. 232–245. Рис. 123*). Его маршруты и их ответвления отмечены находками золотных нитей в сочетании с разнообразными импортами. Так, в двух «княжеских»

погребениях саргатской культуры в Исаковском и Сидоровском могильниках близ Омска (относятся ко времени не позднее рубежа II–I вв. до н. э.) захоронения были покрыты сверху золототкаными тканями (Погодин, 1989. С. 21–23. Рис. 53; 1996. С. 125, 127; Матющенко, Татаурова, 1997. С. 8–13. Рис. 9). Ткани были выполнены на шелковой основе, окрашенной красителями из грецкого ореха. Характеристики нитей данных изделий близки к золотным нитям I в. н. э. из царского некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане и погребения знатной сарматки в Соколовой Могиле на Южном Буге (Погодин, 1996. С. 128–133; Елкина, 1986. С. 133; Голиков, 1986; Маслов, 2015. С. 289, 290). Следует отметить, что в составе разнообразного импорта в исаковском погребении присутствовал северокавказский сосуд (Погодин, 1989. Рис. 64).

Золотными нитями было расшито и покрывало над погребением сарматского вождя в Косике на Нижней Волге (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. С. 143–145).

В Центральном Предкавказье наиболее ранним погребением с золотными нитями является богатое женское погребение 24 в кургане 1 1983 г. у с. Комарово, где погребенная также была накрыта золототканым покрывалом (Гиджрати, Наглер, 1985. С. 131–132). Первоначальная датировка золотных нитей покрывала послужила основанием для неверной датировки всего комплекса, который по набору золотых украшений относится ко времени не позднее I в. до н. э. (Мордвинцева, Трейстер, 2007. С. 189).

Среди раннеаланских погребений нам известен только один комплекс, где были найдены остатки золотного шитья, – это парное катакомбное погребение второй половины II – первой половины III в. н. э. в кургане 7 некрополя городища Алхан-кала на окраине Грозного (Малашев, Мамаев, 2011. С. 244, 251).

Однако для IV–V вв. н. э. в аланских древностях Северного Кавказа пока достоверно не зафиксирован китайский импорт, в то время как римские и, вероятно, иранские предметы хорошо известны (Габуев, 2014. С. 44, 45, 90). Следует учитывать, что в III–VI вв. н. э. на фоне политического хаоса и экономического кризиса в Северном Китае меняются маршруты Великого шелкового пути, а через оазисы Восточного Туркестана начинается распространение шелководства далеко на запад (Лубо-Лесниченко, 1994. С. 168–175; 252–256). Одновременно Закавказье является ареной постоянного политического и военного соперничества двух великих держав древности – Сасанидского Ирана и Римской империи, а затем Византии, в которое были вовлечены и аланские племена.

В 375 г. н. э. происходит вторжение гуннов в Северное Причерноморье, послужившее прологом их похода в Западную Европу. Пока неясно, какое влияние это вторжение оказало на аланскую культуру Центрального Предкавказья, но само присутствие части гуннской орды на рубеже IV–V в. н. э. на территории Северного Кавказа вполне достоверно: в 395 г. н. э. гунны совершили поход «в Мидию», через перевалы Большого Кавказа (Артамонов, 1962. С. 40–55; Габуев, 2014. С. 82–85).

В итоге достоверно определить происхождение золотных нитей из могильника Пегушин 1 пока не удалось. Но весь контекст данного комплекса указывает на вероятный западный вектор связей. Едва ли золототканые изделия в погребении аланского вождя являлись результатом неких торговых операций. Это либо

военный трофей, либо дипломатический дар, либо вознаграждение, полученное за проход/охрану дальних торговых караванов (последнее наименее вероятно с учетом событий этой эпохи). Западную версию как будто подтверждает и находка вместе с золотными нитями фрагмента краснолаковой чаши.

Золототканые ткани могли попасть в Пегушинский могильник как в результате военных походов в Закавказье, так и из сохранившихся городских центров Северного Причерноморья. Предметы римского импорта, несомненно, поступали и через перевалы Большого Кавказа, что зафиксировано для более раннего времени на материалах погребения из кургана 13 Кишпекского могильника, где были найдены римский офицерский шлем и бронзовый ключ, краснолаковая чаша и сосуд чебельдинской культуры, изготовленный в Абхазии (*Бетров*, 1987. С. 21. Рис. III: 1; IV: 11, 16; VI: 25). Однако характер этого необычного комплекса до сих пор остается неясным (*Малашев*, 2000. С. 202).

Итак, наличие золотных нитей в погребении 1 кургана 15 могильника Пегушин 1 подтверждает неординарность данного захоронения. Тщательно проработанная конструкция катакомбы позволяет рассматривать ее как архитектурное сооружение, соответствующее определенным стандартам, связанным с социальным статусом погребенных. Возможно, ее созданием занимались представители клана профессиональных строителей гробниц (*Малашев*, 2008. С. 274). Катакомба из Пегушинского могильника глубже любой из катакомб элитного могильника у с. Брут V в. н. э., в составе которого Т. А. Габуев выделяет даже «королевское» захоронение (*Габуев*, 2014. С. 8–37, 79). Значительными были и размеры погребальной камеры – площадь около 6 кв. м по дну при высоте стрельчатого свода до 2,2 м. Судя по размерам гробницы и уцелевшим остаткам погребального инвентаря, погребенные в кургане 15 могильника Пегушин 1 были аристократами княжеского ранга.

Не исключено, что конструктивное сходство пегушинской катакомбы с катакомбами из памятников Среднего Терека отражает перемещение в гуннское время больших групп населения, возглавляемых военными вождями, в бассейн реки Кумы – на северную периферию аланского мира, граничившую со степью.

Наличие в гробнице племенного вождя (очевидно, контролировавшего определенную территорию) дорогих и редких предметов импорта, входящих в число атрибутов аристократической моды эпохи начального этапа Великого переселения народов, демонстрирует вовлеченность аланских племенных объединений в основные исторические события этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П.*, 1975. Катакомбные погребения IV–V вв. н. э. из Северной Осетии // СА. № 1. С. 213–233.
- Артамонов М. И.*, 1962. История хазар. Л.: ГЭ. 523 с.
- Афанасьев И. Б., Кадикова И. Ф., Шемаханская М. С., Юрьева Т. В.*, 2017. Золотые нити Херсонеса // Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М.: Внешторгиздат. С. 204–209.
- Безуглов С. И.*, 2008. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в Нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: сб. памяти В. А. Башилова / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 284–301. (Материалы и исследования по археологии России; № 10.)

- Бетров Р. Ж.*, 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3 / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус. С. 11–39.
- Воронин К. В., Малашев В. Ю.*, 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.: ИА РАН. 152 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 6.)
- Габуев Т. А.*, 1985. Аланские погребения IV в. н. э. в Северной Осетии // СА. № 2. С. 197–204.
- Габуев Т. А.*, 2014. Аланские княжеские курганы V в. н. э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева. 184 с.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.*, 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с. (Материалы и исследования по археологии России; № 11.)
- Гей О. А., Бажан И. А.*, 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: Отдел научной и технической информации Пушкинского научного центра РАН. 144 с.
- Гиджраты Н. И., Наглер А. О.*, 1985. Сарматское погребение у села Комарово Моздокского района СО АССР (предварительное сообщение) // Античность и варварский мир / Отв. ред. А. В. Исаенко. Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова. С. 131–137.
- Голиков В. П.*, 1986. Исследование золотных нитей шитья // *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка. С. 136–139.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.*, 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. № 3. С. 141–179.
- Деоник Д. В.*, 1988. Керамика Центрального Предкавказья в I–IV вв. н. э. по материалам городища Зилги // Материальная культура Востока. Ч. II / Отв. ред.: С. В. Волков, А. А. Наймарк, П. Д. Сахаров. М.: Наука. С. 171–220.
- Елкина А. К.*, 1986. О тканях и золотном шитье из Соколовой Могилы // *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка. С. 132–136.
- Канторович А. Р., Маслов В. Е., Петренко В. Г.*, 2011. Аланское княжеское погребение у хут. Пегушин (Ставропольский край) // Проблемы археологии Кавказа: сб. мат-лов Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум: АБИГИ. С. 158–162.
- Лубо-Лесниченко Е. И.*, 1994. Китай на шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и ранне-средневекового Китая). СПб.: Восточная литература. 326 с.
- Малашев В. Ю.*, 2000. Периодизация ременных гарнитур сарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. В. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона; вып. I.)
- Малашев В. Ю.*, 2008. Хронология погребальных комплексов могильника Клинь-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии: сб. памяти В. А. Башилова / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 265–283. (Материалы и исследования по археологии России; № 10.)
- Малашев В. Ю., Мамаев Х. М.*, 2011. Алхан-Калинский могильник // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х. М. Мамаев. М.; Грозный: ИА РАН: Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики. С. 237–279.
- Маслов В. Е.*, 2015. Композиция с номадами из Калалы-гыр 2 и ее культурно-исторический фон // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Отв. ред. Е. Ф. Королькова. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 269–295. (ТГЭ; LXXVII.)
- Матюченко В. И., Татаурова Л. В.*, 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука. 197 с.
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю.*, 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. – II в. н. э. Т. I. Симферополь; Бонн: Тарпан. 308 с.
- Плиний Старший*, 1994. Естественное. Об искусстве / Пер. с лат. Г. А. Тарояна. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир». 908 с.
- Погодин Л. И.*, 1989. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13932–13935.

- Погодин Л. И.*, 1996. Золотое шитье Западной Сибири (первая половина I тыс. н. э.) // Исторический ежегодник / Отв. ред. А. В. Якуб. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского. С. 123–134.
- Чеченов И. М.*, 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3 / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус. С. 40–169.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А.*, 2007. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма III–IV вв. н. э. // Древняя Таврика / Отв. ред.: Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 359–382.
- Bedini A., Rapinesi I. A., Ferro D.*, 2004. Testimonianze di filati e ornamenti in oro nell'abbigliamento di età romana // *Purpureae vestes: Actas del I Symposium Internacional sobre Textiles y Tintes del Mediterráneo en época romana (Ibiza, 8 al 10 de noviembre, 2002)* / Eds: C. Alfaro, J. P. Wild, B. Costa. València: Consell Insular d'Eivissa i Formentera i Universitat de València. P. 77–88.
- Craddock P.*, 1995. *Early Metal Mining and Production*. Ediburgh: Ediburgh University Press. 357 p.
- Desrosiers S., Lorquin A.*, 1998. Gallo-Roman Period Archaeological Textiles found in France // *Textiles in European Archaeology: Report from the 6th North European Symposium for Archaeological Textiles (7–11 May 1996 in Borås)*. Göteborg: Göteborg University. P. 53–72. (Gotarc Series A; vol. 1.)
- Galliker J. L.*, 2014. *Middle Byzantine Silk in Context: Integrating the Textual and Material Evidence: A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy [Electronic resource]*. Access mode: <http://etheses.bham.ac.uk/5560/5/Galliker15PhD.pdf>. Date of access: 01.05.2018.
- Gleba M.*, 2005. Auratae vestes: gold textiles in the ancient Mediterranean // *Purpureae vestes II: Vestidos, textiles y tintes. Estudios sobre la producción de bienes de consumo en la Antigüedad: Actas del II Symposium Internacional sobre Textiles y tintes del Mediterráneo en el mundo antiguo (Athenas, 24 al 26 de noviembre, 2005)*. Valencia: Universidad de Valencia. P. 61–77.
- Gleba M.*, 2013. Chasing gold threads: auratae vestes from Hellenistic rulers to Varangian guards // *From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black Sea*. Aarhus: Aarhus University Press. P. 193–212.
- Hauptmann A., Klein S.*, 2009. Bronze Age gold in Southern Georgia // *ArchaeoSciences, revue d'archéométrie*. Vol. 33. P. 75–82.
- Ogden J.*, 1993. Aesthetic and technical considerations regarding the colour and texture of ancient goldwork // *Metal Plating and Patination. Cultural, Technical and Historical Developments*. Oxford: Butterworth-Heinemann Ltd. P. 39–49.
- Porada E.*, 1965. *The Art of Ancient Iran: Pre-Islamic Cultures*. London: Crown. 279 p.
- Ramage A., Craddock P.*, 2000. King Croesus' Gold. Excavations at Sardis and the History of Gold Refining. London: British Museum Press. 272 p.
- Spiridonov E., Yanakieva D.*, 2009. Modern mineralogy of gold: overview and new data // *ArchaeoSciences, revue d'archéométrie*. Vol. 33. P. 67–73.
- Štolcová T., Schaarschmidt D., Mitschke S.*, 2014. Textile Finds from a Chieftain's Grave: Preliminary Report from Poprad-Matejovce, Slovakia // *Archaeological Textiles Review*. Copenhagen. № 56. P. 50–59.

Сведения об авторах

Яковчик Мария Сергеевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: jack_sparrow_3@mail.ru;

Ениосова Наталья Валерьевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: eniosova@gmail.com;

Канторович Анатолий Робертович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: kantorovich@mail.ru;

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru;

Петренко Владимира Гавриловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vladimira_petren@mail.ru

M. S. Yakovchik, N. V. Eniosova, A. R. Kantorovich, V. E. Maslov, V. G. Petrenko

GOLD THREADS FROM THE HIGH-STATUS ALAN BURIAL NEAR THE PEGUSHIN FARMSTEAD IN THE STAVROPOL REGION

Abstract. Though the burial chamber of an aristocratic Alan catacomb (the end of the 4th – turn of the 5th century AD) from kurgan 15, Pegushin 1 cemetery, in the Stavropol Region was completely plundered, fragments of gold threads which once decorated a cloth were identified there. The paper reports on the reconstruction of the thread production technique and identification of the chemical composition of the metal the threads were made of. The results were obtained by a low-vacuum observation with the use of a TM3030 Hitachi B tabletop electronic microscope conducted in the Department of Archaeology and energy-dispersive X-ray phase analysis carried out with the use of a M1 MISTRAL XRF spectrometer in the Department of Archaeological Sites of the State Historical Museum. Whereas it is not yet possible to identify the provenance of the gold threads from Pegushin 1 reliably, the entire context of this assemblage is indicative of the western direction of the links. At the same time constructive similarity of the Pegushin catacomb with catacombs from the Middle Terek sites reflects migration of large population groups led by military chieftains to the Kuma River basin, i.e. the northern periphery of the Alan world abutting the steppes, in the Hun period.

Keywords: gold threads, metal threads, textile, Alans, Pegushin cemetery, Stavropol Region.

REFERENCES

- Abramova M. P., 1975. Katakombnyye pogrebeniya IV–V vv. n. e. iz Severnoy Osetii [Catacomb burials of IV–V AD from North Ossetia]. *SA*, 1, pp. 213–233.
- Afanas'yev I. B., Kadikova I. F., Shemakhanskaya M. S., Yur'yeva T. V., 2017. Zolotyye niti Khersonesa [Gold threads of Chersonese]. *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (Yuvelirnyye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [Gold of Taurian Chersonese (Jewelry items from collection of State Historical museum)]*. Moscow: Vneshtorgizdat, pp. 204–209.
- Artamonov M. I., 1962. Istoriya khazar [History of the Khazars]. Leningrad: GE. 523 p.
- Bedini A., Rapinesi I. A., Ferro D., 2004. Testimonianze di filati e ornamenti in oro nell'abbigliamento di età romana». *Purpurae vestes: Actas del I Symposium Internacional sobre Textiles y Tintes del Mediterráneo en época romana (2002)*. C. Alfaro, J. P. Wild, B. Costa, eds. València: Consell Insular d'Eivissa i Formentera i Universitat de València, pp. 77–88.
- Betrozov R. Zh., 1987. Kurgany gunnskogo vremeni u seleniya Kishpek [Kurgans of Hun time near village Kishpek]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]*, 3. V. A. Kuznetsov, ed. Nal'chik: El'brus, pp. 11–39.
- Bezuglov S. I., 2008. Kurgannyye katakombnyye pogrebeniya pozdnerimskoy epokhi v Nizhnedonskikh stepyakh [Kurgan catacomb burials of Late Roman epoch in Lower Don steppes]. *Problemy sovremennoy arkheologii: sbornik pamyati V. A. Bashilova [Problems of modern archaeology:*

- annual in memory of V. A. Bashilov*]. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Taus, pp. 284–301. (Materialy i issledovaniya po arkhologii Rossii [Materials and investigations on archaeology of Russia], 10.)
- Chechenov I. M., 1987. Novyye materialy i issledovaniya po srednevekovoy arkhologii Tsentral'nogo Kavkaza [New materials and investigations on medieval archaeology of Central Caucasus]. *Arkhologicheskies issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkari v 1972–1979 gg.* [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979], 3. V. A. Kuznetsov, ed. Nal'chik: El'brus, pp. 40–169.
- Craddock P., 1995. Early Metal Mining and Production. Edinburgh: Edinburgh University Press. 357 p.
- Deopik D. V., 1988. Keramika Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I–IV vv. n. e. po materialam gorodishcha Zilgi [Ceramics of Central Fore-Caucasus in I–IV cc. AD based on materials from hillfort Zilgi]. *Material'naya kul'tura Vostoka [Material culture of the Orient]*, II. S. V. Volkov, A. A. Naymark, P. D. Sakharov, eds. Moscow: Nauka, pp. 171–220.
- Desrosiers S., Lorquin A., 1998. Gallo-Roman Period Archaeological Textiles found in France. *Textiles in European Archaeology: Report from the 6th North European Symposium for Archaeological Textiles (7–11 May 1996 in Borås)*. Göteborg: Göteborg University. P. 53–72. (Gotarc Series A; vol. 1.)
- Dvornichenko V. V., Fedorov-Davydov G. A., 1993. Sarmatskoye pogrebenie skeptukha I v. n. e. u s. Kosika Astrakhanskoj oblasti [Sarmatian burial of sceptuch of I c. AD near village Kosika, Astrakhan region]. *VDI*, 3, pp. 141–179.
- Elkina A. K., 1986. O tkanyakh i zolotnom shit'ye iz Sokolovoy Mogily [On textiles and gold embroidery from Sokolova Mogila]. *Kovpanenko G. T. Sarmatskoye pogrebenie I v. n. e. na Yuzhnom Buge [Sarmatian burial of I c. AD on South Bug]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 132–136.
- Gabuyev T. A., 1985. Alanskies pogrebeniya IV v. n. e. v Severnoy Osetii [Alanian burials of IV c. AD in North Ossetia]. *SA*, 2, pp. 197–204.
- Gabuyev T. A., 2014. Alanskies knyazheskie kurgany V v. n. e. u sela Brut v Severnoy Osetii [Alanian princely kurgans of V c. AD near village Brut in North Ossetia]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoye predpriyatie im. V. A. Gassieva. 184 p.
- Gabuyev T. A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Sites of early Alans in Central regions of North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p. (Materialy i issledovaniya po arkhologii Rossii [Materials and investigations on archaeology of Russia], 11.)
- Galliker J. L., 2014. Middle Byzantine Silk in Context: Integrating the Textual and Material Evidence: A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy. Electronic resource. URL: <http://etheses.bham.ac.uk/5560/5/Galliker15PhD.pdf>.
- Gey O. A., Bazhan I. A., 1997. Khronologiya epokhi «gotских pokhodov» (na territorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza) [Chronology of «Goths' raids» epoch (in territory of Eastern Europe and Caucasus)]. Moscow: Otdel nauchnoy i tekhnicheskoy informatsii Pushchinskogo nauchnogo tsentra RAN. 144 p.
- Gidzhrahi N. I., Nagler A. O., 1985. Sarmatskoye pogrebenie u sela Komarovo Mozdokskogo rayona SO ASSR (predvaritel'noye soobshchenie) [Sarmatian burial near village Komarovo, Mozdok district, SO ASSR (preliminary report)]. *Antichnost' i varvaskiy mir [Classical antiquity and barbarian world]*. A. V. Isaenko, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gos. universitet, pp. 131–137.
- Gleba M., 2005. Auratae vestes: gold textiles in the ancient Mediterranean. *Purpureae vestes II: Vestidos, textiles y tintes. Estudios sobre la producción de bienes de consumo en la Antigüedad: Actas del II Symposium Internacional sobre Textiles y tintes del Mediterráneo en el mundo antiguo*. Valencia: Universidad de Valencia, pp. 61–77.
- Gleba M., 2013. Chasing gold threads: auratae vestes from Hellenistic rulers to Varangian guards. *From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black Sea*. Aarhus: Aarhus University Press, pp. 193–212.
- Golikov V. P., 1986. Issledovanie zolotnykh nitey shit'ya [Investigation of gold threads in embroidery]. *Kovpanenko G. T. Sarmatskoye pogrebenie I v. n. e. na Yuzhnom Buge [Sarmatian burial of I c. AD on South Bug]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 136–139.
- Hauptmann A., Klein S., 2009. Bronze Age gold in Southern Georgia. *ArchaeoSciences, revue d'archéométrie*, 33, pp. 75–82.

- Kantorovich A. R., Maslov V. E., Petrenko V. G., 2011. Alanskoye knyazheskoye pogrebenie u kht. Pegushin (Stavropol'skiy kray) [Alanian princely burial near farmstead Pegushin (Stavropol' region)]. *Problemy arkheologii Kavkaza: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Yu. N. Voronova* [Problems of archaeology of Caucasus: transactions of International scientific conference dedicated to 70th anniversary of Yu. N. Voronov]. Sukhum: Abkhazskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 158–162.
- Lubo-Lesnichenko E. I., 1994. Kitay na shelkovom puti (Shelk i vneshnie svyazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaya) [China on Silk road (Silk and outer relations of ancient and early medieval China)]. St. Petersburg: Vostochnaya literatura. 326 p.
- Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur sarmatskogo vremeni [Periodization of strap sets of Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their neighbours of the Don]. V. K. Guguyev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona; vyp. I.)
- Malashev V. Yu., 2008. Khronologiya pogrebal'nykh kompleksov mogil'nika Klin-Yar III sarmatskogo vremeni [Chronology of burial complexes of cemetery Klin-Yar III of Sarmatian time]. *Problemy sovremennoy arkheologii: sbornik pamyati V. A. Bashilova* [Problems of modern archaeology: annual in memory of V. A. Bashilov]. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Taus, pp. 265–283. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii [Materials and investigations on archaeology of Russia], 10.)
- Malashev V. Yu., Mamayev Kh. M., 2011. Alkhan-Kalinskiy mogil'nik [Alkhan-Kalinskiy cemetery]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Kavkaza* [Problems of ancient and medieval archaeology of Caucasus]. Kh. M. Mamaev, ed. Moscow; Groznyy: IA RAN: Institut gumanitarnykh issledovaniy Akademii nauk Chechenskoj Respubliki, pp. 237–279.
- Maslov V. E., 2015. Kompozitsiya s nomadami iz Kalaly-gyr 2 i ee kul'turno-istoricheskij fon [Composition showing nomads from Kalaly-gyr 2 and its cultural historical background]. *Arkheologiya bez granits: kollektzii, problemy, issledovaniya, gipotezy* [Archaeology without borders: collections, problems, investigations, hypotheses]. E. F. Korol'kova, ed. St. Petersburg: GE, pp. 269–295. (Trudy GE, LXXVII.)
- Matyushchenko V. I., Tataurova L. V., 1997. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'ye [Cemetery Sidorovka near Omsk in Irtysh region]. Novosibirsk: Nauka. 197 p.
- Mordvintseva V. I., Treyster M. Yu., 2007. Proizvedeniya toreviki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye II v. do n. e. – II v. n. e. [Pieces of toreutics and jewelry art in North Pontic zone of II c. BC – II c. AD], I. Simferopol'; Bonn: Tarpan. 308 p.
- Ogden J., 1993. Aesthetic and technical considerations regarding the colour and texture of ancient goldwork. *Metal Plating and Patination. Cultural, Technical and Historical Developments*. Oxford: Butterworth-Hejnmann Ltd, pp. 39–49.
- Pliny The Elder, 1994. Estestvoznanie. Ob iskusstve [Natural history. About art]. G. A. Taroyan, trans. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsentr «Ladimir». 908 p.
- Pogodin L. I., 1989. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Nizhneomskom i Gor'kovskom rayonakh Omskoy oblasti v 1989 g. [Report on archaeological investigations in Nizhneomskiy and Gorky districts of Omsk region in 1989]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Pogodin L. I., 1996. Zolotoye shit'ye Zapadnoy Sibiri (pervaya polovina I tys. n. e.) [Gold embroidery of West Siberia (first half of I mill. AD)]. *Istoricheskij ezhegodnik* [Historical annual]. A. V. Yakub, ed. Omsk: Omskiy gos. universitet, pp. 123–134.
- Porada E., 1965. *The Art of Ancient Iran: Pre-Islamic Cultures*. London: Crown. 279 p.
- Ramage A., Craddock P., 2000. King Croesus' Gold. Excavations at Sardis and the History of Gold Refining. London: British Museum Press. 272 p.
- Spiridonov E., Yanakieva D., 2009. Modern mineralogy of gold: overview and new data. *ArchaeoSciences, revue d'archéométrie*, 33, pp. 67–73.
- Štolcová T., Schaarschmidt D., Mitschke S., 2014. Textile Finds from a Chieftain's Grave: Preliminary Report from Poprad-Matejovce, Slovakia. *Archaeological Textiles Review. Copenhagen*, 56, pp. 50–59.
- Voronin K. V., Malashev V. Yu., 2006. Pogrebal'nyye pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka ravninnoy zony Respubliki Ingushetiya [Burial sites of Bronze and Early Iron Ages in plain zone of Republic of Ingushetia]. Moscow: IA RAN. 152 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 6.)

Yurochkin V. Yu., Trufanov A. A., 2007. Khronologiya mogil'nikov Tsentral'nogo i Yugo-Zapadnogo Kryma III–IV vv. n. e. [Chronology of cemeteries of Central and South-western Crimea of III–IV cc. AD]. *Drevnyaya Tavrika [Ancient Taurica]*. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 359–382.

About the authors

Yakovchik Mariya S., M. V. Lomonosov Moscow State university, Lomonosovskiy prosp., 27, bld. 4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: jack_sparrow_3@mail.ru;

Eniosova Natalia V., M. V. Lomonosov Moscow State university, Lomonosovskiy prosp., 27, bld. 4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: eniosova@gmail.com;

Kantorovich Anatoliy R., M. V. Lomonosov Moscow State university, Lomonosovskiy prosp., 27, bld. 4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: kantorovich@mail.ru;

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: maslovlad@mail.ru;

Petrenko Vladimira G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: vladimira_petren@mail.ru

И. В. Исланова

О ПОЗДНИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ В ВОСТОЧНОЙ ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Резюме. Анализ характера погребальных комплексов (местоположение могильников и курганов, формы курганов, элементы погребального обряда и инвентаря) восточной области культуры псковских длинных курганов позволил выделить здесь поздние погребения VIII/IX–XI вв., схожие с известными объектами в западной области этой культуры. Такие поздние захоронения находятся в могильниках Поддубье, Березино, Черенцово и Шитовичи, расположенных в верхнем течении р. Шлины и на р. Шегре. Можно говорить, что население культуры псковских длинных курганов полностью не покидает ранее заселяемую им обширную территорию. Прослеживается процесс трансформации культуры и включения ее в древнерусскую в результате непосредственных или опосредованных контактов с переселенцами из Приильменя и Поволжья.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, культура сопок, древнерусская культура, раннее средневековье.

Вопрос о поздних памятниках культуры псковских длинных курганов (КПДК) тесно взаимосвязан с проблемой последующей трансформации этой культуры и т. н. вклада ее населения в древнерусскую культуру. Присутствие в могильниках КПДК поздних погребений неоднократно отмечалось исследователями (*Седов*, 1974. С. 35; *Хвоцинская*, 1997; *Михайлова*, 2014. С. 216–219). Речь шла в основном о наличии погребений IX–XI вв. в западной области этой культуры. По мнению Е. Р. Михайловой, памятники финального периода КПДК отсутствуют в бассейне Мологи, Молого-Мстинском междуречье и в бассейне верхнего течения Мсты (*Михайлова*, 2014. С. 213, 219). Наиболее позднее из известных здесь погребений, датируемое VIII в. по вещевому инвентарю, находится в могильнике Шихино в бассейне Мологи. Однако такое представление связано не с тем, что в VIII в. в восточной области территория культуры сокращается, а с недостаточной изученностью здесь поздних памятников.

Целью настоящего исследования является детальный анализ характера погребальных комплексов восточной области КПДК на предмет наличия здесь поздних памятников и возможного выяснения дальнейшей «судьбы» населения, их оставившего. Анализу подвергнуты два наиболее обследованных участка микрорайонов в бассейне Верхней Мсты на р. Шлине и во Мстинско-Тверецком междуречье на р. Шегре (рис. 1). Здесь раскапывались захоронения КПДК по обряду кремации и древнерусские погребения по обряду ингумации.

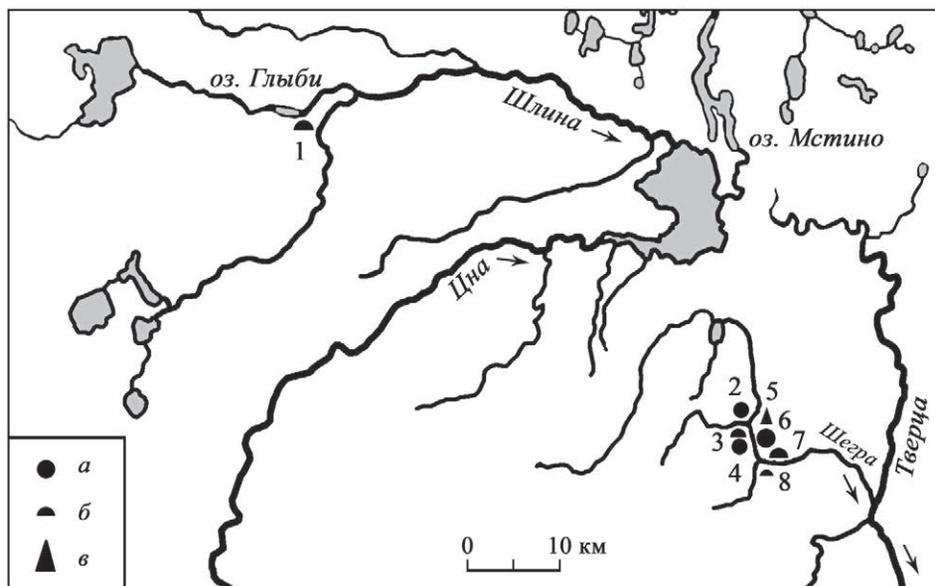

Рис. 1. Поздние могильники культуры псковских длинных курганов и расположенные поблизости памятники конца I – начала II тыс. н. э.

a – селище или селища, *б* – курганные могильники, *в* – сопки

1 – Поддубье – курганные могильники; 2 – Крутец – селище; 3 – курганно-грунтовой могильник Шитовичи; 4 – Шитовичи – селище 6; 5 – Шитовичи – сопки; 6 – Шитовичи – селища 2, 3, 5; 7 – Черенцово – курганные могильники; 8 – Березино – курганный могильник 1

Основанием для выявления здесь поздних объектов КПДК служат признаки, характерные для аналогичных памятников, исследованных в западной области: 1) наличие в одном и том же могильнике или скоплении могильников захоронений по обряду и кремации, и ингумации, а также использование курганов КПДК для впускных захоронений XI–XIII вв.; 2) наличие идентичного погребального инвентаря в курганах КПДК по обряду кремации и в погребениях – по обряду ингумации (Хвоцинская, 1997; Михайлова, 2015).

Анализируемые погребальные памятники нередко группируются в виде скоплений могильников, которые сооружены на небольшом расстоянии друг от друга (не более 150 м). Наличие разновременных погребений, в том числе

и по способу захоронений в могильниках одного скопления, фиксирует «преemptственность» в использовании населением участка для кладбища.

По берегам р. Шегры, правого притока р. Тверцы, известно не менее 12 могильников КПДК, включая отдельно стоящие курганы (Исланова, 2006. С. 151. Табл. 6). В 1967 г. М. В. Фехнер в могильнике Березино 1 было раскопано 11 курганов (АКР, 2010. С. 59). Группа состояла из 33 насыпей, где, помимо округлых в основании, находилось пять подпрямоугольных курганов. Такая форма основания курганов часто встречается в восточной области КПДК. В шести курганах были обнаружены погребения по обряду кремации; в четырех захоронения не найдены. В одном кургане, по мнению М. В. Фехнер, могло быть погребение по обряду ингумации, «следы которого не сохранились» (Фехнер, 1967. Л. 15–16). Внимания заслуживают два кургана, где, помимо остатков кремации, был обнаружен погребальный инвентарь и урна, позволяющие судить о времени захоронений.

В основании подпрямоугольного кургана № 8 на зольно-угольном слое были расчищены «мельчайшие обломки пережженных костей», фрагменты бус (рис. 2: 6, 7), «кусочек бронзовой проволоки», железный нож. В юго-восточной части слоя находилось скопление кремированных костей, где также лежал обломок бронзовой обоймы (рис. 2: 2). «Несколько в стороне» от зафиксированного слоя с остатками кремации найдена бронзовая бляшка от ремня (рис. 2: 1) (Там же. Л. 13–14). «Небольшая грудка» кремированных костей была также в насыпи кургана, где лежал и обломок стеклянной бусины, аналогичной найденным в основании кургана. По мнению автора раскопок, кремация была совершена на месте сооружения кургана, часть костей здесь собрана в грудку, а часть перенесена в насыпь (Там же. Л. 14).

Найденные оплавленные целые и во фрагментах синие стеклянные бусы (всего пять экз.) относятся к 14-гранным (полиэдрическим). Такие бусы известны в лесной зоне Восточной Европы преимущественно во второй половине V – первой половине VI в. (Мастыкова, Плохов, 2010. С. 344–348), но как пережиток встречены и на памятниках начала II тыс. н. э. (Михайлова, 2014. С. 111–113). Обнаруженный фрагмент бронзовой проволоки мог быть обломком проволочного височного кольца. Противоречивы сведения полевого отчета еще об одной находке: квадратной бляшке-обоймице с концентрическим кружком в центре и небольшим повреждением по одному краю (рис. 2: 2). Фото ее есть в полевом отчете, это изделие упоминается и в публикации (Мальм, Фехнер, 1969. С. 181). Однако в текстовом разделе полевого отчета и на чертеже речь идет об обломке обоймицы (Фехнер, 1967. Рис. 5). Схожие, но не аналогичные бляшки-обоймицы происходят из могильников КПДК Березицы IV, Березно I, Стёпаново III и др. (Михайлова, 2016. С. 401). Узкой даты изделие не имеет.

Несколько в стороне от остатков кремации в этом же кургане был найден обломок бронзовой ременной бляшки, поврежденной в огне (рис. 2: 1) (Фехнер, 1967. Рис. 8). Ременная бляшка не имеет близких аналогов на памятниках исследуемой культуры. Предположительно, близкие вещи известны в древностях Прикамья (в неволинской и ломоватовской культурах), где они датируются концом VII – первой половиной IX в. (Голдина, 1985. Таб. X: 43; Голдина, Водолога, 1990. С. 92–93. Табл. LXVIII: 21; LXIX: 17).

Железный нож имеет хорошо выраженные уступы, расположенные почти прямым углом к черенку, спинка – с приподнятым краем (рис. 2: 8). В КПДК такие изделия не встречены. В восточной области КПДК используются ножи с прямой спинкой (Исланова, 2006. Рис. 112; 113) В западной области также известны ножи, имеющие уступы, но они расположены под тупым углом к черенку (Михайлова, 2014. Рис. 31). Нож из могильника Березино 1 занимает как бы промежуточное положение между группами II и IV, выделенными Р. С. Минасяном. По его мнению, изделия группы II проникают в Верхнее Поднепровье и севернее только в VIII в., а изделия группы IV известны в северных территориях Восточной Европы с середины VIII в. (Минасян, 1980. С. 70, 73, 74. Рис. 2, 4). Захоронение в кургане датируется не ранее середины VIII в., но, скорее всего, – позже.

В кургане № 10 погребения по обряду кремации находились в насыпи и в основании кургана в урне. Мнение автора раскопок о кремации на месте высказано весьма предположительно, так как слой углей на площади 2,5 × 1,2 м «прослеживался чрезвычайно слабо» (Фехнер, 1967. Л. 14–15). Сведения, содержащиеся в тексте полевого отчета об инвентаре, противоречивы: первоначально обозначено, что вблизи урны в темном углистом слое обнаружены «два бронзовых предмета» а далее указано, что найдены «деформированные вещи погребального инвентаря». В альбоме к отчету приведены два обломка ременной накладкой со шпеньками но на чертеж нанесена «бронзовая обойма», которая в иллюстрациях отнесена к кургану № 8. С большой долей вероятности можно предполагать, что, помимо обломков накладки, в этом же погребении находилась и обойма (рис. 2: 3). Предмет, скорее всего, не относился к кургану № 8, так как он не фрагментирован, а в тексте и на чертеже кургана № 8 был обозначен «обломок обоймы». Данную ремennую пластинчатую обойму с рифлением в месте перегиба следует датировать не ранее VII в. н. э. Близкие обоймы известны в аварских древностях середины VII в. и в могильниках Северного Кавказа (Михайлова, 2014. С. 59).

Лепная глиняная урна (рис. 2: 9) из этого кургана относится к сосудам типа 10, по Н. В. Лопатину. Такая керамика имеет хорошо профилированную верхнюю часть. На памятниках культуры псковских длинных курганов третьей четверти I тыс. н. э. встречены единичные экземпляры этого типа, а основная масса подобных сосудов в лесной зоне Восточной Европы известна в VIII–X вв. (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 41). Схожая, но не аналогичная керамика известна на памятниках культуры смоленских длинных курганов VIII–X вв. (Енуков, 1990. Рис. 39: 7, 10, 12).

**Рис. 2. Погребальный инвентарь и керамика
из курганного могильника Березино 1 (фото И. В. Ислановой)**

1, 2, 6, 7, 8 – курган № 8; 3, 4, 5, 9 – курган № 10

1–5 – цветной металл; 6, 7 – стекло; 8 – железо; 9 – глина

1 – бляшка ременная; 2 – бляшка-обоймица; 3 – пластинчатая обойма; 4, 5 – фрагменты накладки со шпеньками; 6, 7 – фрагменты оплавленных синих бус; 8 – нож; 9 – урна

Точная датировка курганов, исследованных в могильнике Березино 1, неясна, однако на основании отдельных вещевых и керамических находок можно говорить о наличии здесь захоронений последней четверти I тыс. н. э., не исключено совершение здесь погребений и позднее – по обряду ингумации.

На другом, левом, берегу р. Шегры – почти напротив курганной группы Березино 1 – расположены четыре курганных могильника Черенцово 1–4 (АКР, 2010. С. 124–125). Помимо округлых насыпей, в могильнике 3 находится длинный курган (33 × 7 м), что позволяет говорить о принадлежности этой группы к КПДК. Большинство могильников и, соответственно, курганов расположены цепью в один-два ряда вдоль берега реки. В 1938 г. Н. П. Милоновым был раскопан курган в могильнике 1, отстоящем примерно на 90 м от могильника 3. В основании кургана было обнаружено погребение по обряду ингумации. Судя по сопроводительному круговому орнаментированному горшку, захоронение относилось к XI–XII вв. (Там же. С. 124). Таким образом, скопление могильников у д. Черенцова включает объекты как второй половины I тыс. н. э., так и начала II тыс. н. э.

В 8 км выше по течению р. Шегры около д. Шитовичи, на разных берегах реки «встретились» памятники КПДК и культуры сопок. На левом берегу р. Шегры в урочище Селиваниха расположен крупный курганно-грунтовый могильник, где находилось более 80 насыпей (рис. 3). Исследования здесь проводили в 1967 г. М. В. Фехнер, в 1989–1990 гг. О. М. Олейников¹, в 1990 г. – И. В. Исланова (Там же. С. 129–130).

В северной части могильника сосредоточены округлые и подпрямоугольные насыпи КПДК. В одном подпрямоугольном кургане (работы М. В. Фехнер) захоронение не обнаружено, но были встречены фрагменты лепной и круговой керамики. В другом кургане было зафиксировано погребение по обряду кремации на стороне. За пределами этого кургана выявлено грунтовое погребение в урне, помещенной в материковую ямку (Исланова, 2006. С. 56). Найденные керамика и инвентарь позволяют предложить широкую датировку грунтового захоронения – третью четверть I тыс. н. э.

В южной части могильника в кургане № 1 (нумерация насыпей по О. М. Олейникову) было обнаружено несколько захоронений. Первоначальное погребение – это остатки кремации, проведенной на стороне, помещенные в материковую ямку. Следующее погребение – ингумация в материковой яме, датированная по инвентарю XI в. Последующие ингумации (конец XI – XII в.) были также помещены в ямы на склоне досыпанного кургана и за пределами первого ровика с последующей досыпкой кургана при выкапывании еще одного ровика (Олейников, 1989. Л. 35).

В остальных 10 раскопанных курганах находились погребения по обряду ингумации древнерусского времени. Три ямы также с древнерусскими ингумациями были обнаружены в межкурганном пространстве. В четырех насыпях (раскопки М. В. Фехнер) захоронения не найдены.

¹ Пользуюсь случаем выразить признательность О. М. Олейникову, позволившему использовать в статье неопубликованный материал.

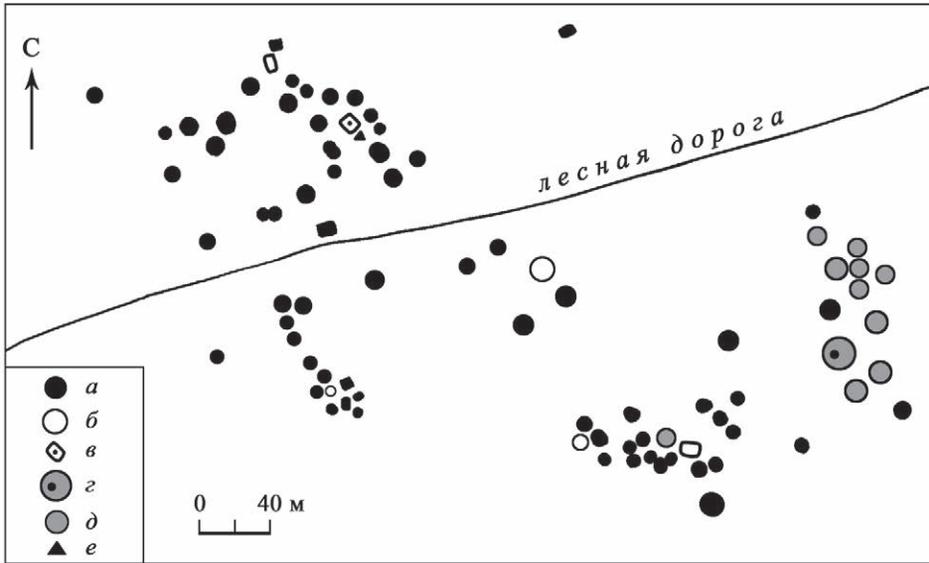

Рис. 3. Курганно-грунтовый могильник Шитовичи
(план А. Х. Репмана с дополнениями И. В. Ислановой)

а – неисследованный курган; *б* – исследованный курган без погребения; *в* – курган с кремацией; *г* – курган с кремацией и с ингумацией; *д* – курган с ингумацией; *е* – кремация в межкурганном пространстве

В этом курганно-грунтовом могильнике Шитовичи насыпи были расположены кучно, т. е. не цепью, как в большинстве могильников КПДК. Причем после перехода к христианскому обряду захоронений сохраняется преемственность в использовании остальных элементов погребального обряда: захоронения в ямах в межкурганном пространстве, выкапывание дополнительных (внешних) ровиков, досыпка кургана сбоку. В одном кургане зафиксировано сочетание погребальных традиций КПДК и древнерусской культуры, что прослеживается и в могильниках на западной области КПДК (Хвощинская, 1997).

Рядом с курганно-грунтовым могильником находится селище Шитовичи 6, где при раскопках исследованы слои в основном с материалами раннесредневекового и древнерусского времени. В том числе здесь найдены фрагменты сосудов т. н. ладожского типа, хорошо известные в культуре сопок (Олейников, 2002. Рис. 10: 3, 4; 11: 3–5; 12: 1, 2; 13: 1, 3; 15: 1–3).

Напротив смешанного курганно-грунтового могильника Шитовичи, на другом берегу реки, расположены погребальные памятники культуры сопок: две отдельно стоящие насыпи и могильник из двух насыпей. Поблизости находятся четыре селища, существовавшие при впадении р. Плотиченки в р. Шегру в конце I – начале II тыс. н. э. (АКР, 2010. С. 89, 128–131). Наличие сопок и керамики т. н. ладожского типа свидетельствует о проникновении в конце I тыс. н. э. в этот микрорайон населения из Приильменя и Поволховья. Появление на р. Шегре

населения с Северо-Запада не было случайным, так как здесь проходил один из участков водного и сухопутного пути с р. Мсты на р. Тверцу и далее – на р. Волгу (Исланова, 2016. С. 128–130).

В другом микрорайоне – на берегах верхнего течения р. Шлины – известно не менее 55 могильников КПДК, в том числе учитывая отдельно стоящие насыпи (Исланова, 2006. С. 149–150. Табл. 5). Памятники культуры сопок здесь неизвестны. Курганы здесь раскапывались в 1968 г. Р. Л. Розенфельдом, в 1988 и 1989 гг. – В. А. Буровым, в 1993 г. – И. В. Ислановой, в 1996 г. – А. В. Новиковым (АКР, 2012. С. 375, 400–401, 409–410, 412).

Для решения вопроса о поздних погребениях интерес представляют исследования В. А. Бурува у д. Поддубье. Курганные могильники Поддубье 1, 3, 4 находятся вблизи оз. Глыби (рис. 1; 4). Расстояние между ближайшими могильниками 85 и 110 м. Могильник 4 (3, по АКР, 2012. С. 401) отделен от могильника 1 ложбиной. Могильник 3 является как бы продолжением могильника 1, вытянутым по краю коренного берега озера. Помимо округлых в основании курганов, в могильнике 1 находятся две длинные и две удлинённые насыпи. Один удлинённый (прямоугольный) курган был раскопан. Погребение не обнаружено, а дата углей из одной небольшой ямки, расчищенной в основании кургана, по С14 770 г. н. э. \pm 60 лет (Буров, 1993. С. 20). В соседнем могильнике Поддубье 3 (2, по АКР, 2012. С. 400–401) раскопано два кургана. Обнаружены погребения по обряду ингумации. Могильная материковая яма с женским захоронением прорезала кострищный слой в основании кургана; по инвентарю это погребение датировано XII в. (АКР, 2012. С. 400–401). По всей видимости, могильники 1, 3 и 4 у д. Поддубье представляют единый погребальный комплекс.

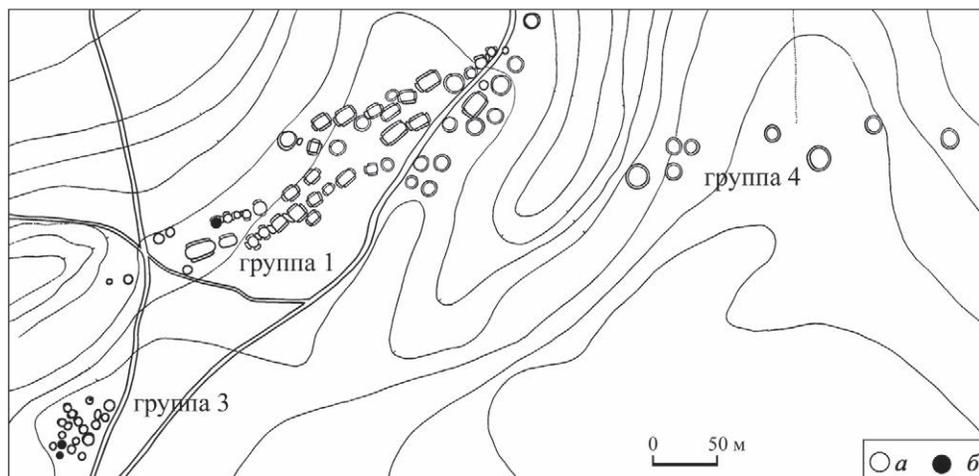

Рис. 4. Курганные группы 1, 3, 4 Поддубье (по В. А. Бурову)

a – неисследованный курган; *б* – исследованный курган

Смена погребального обряда (от трупосожжения к труположению) в конце I – начале II тыс. н. э. происходит не без внешнего влияния. Возникают т. н. смешанные погребальные комплексы, где в одних и тех же курганных могильниках или скоплениях могильников находились насыпи КПДК как с кремацией, так и с ингумацией.

При этом в восточной области фиксируется два разных фактора в процессе трансформации КПДК. Первый близок прослеженному в западной области – это постепенное включение в IX – начале XI в. «изолированных культурных групп в новом окружении» в процесс сложения и формирования древнерусской культуры (Михайлова, 2009. С. 13). Подобное изменение культуры местного населения, видимо, происходило на р. Шлине (Поддубье) и на Средней Шегре (Березино, Черенцово). Отсутствие на р. Шлине памятников культуры сопок позволяет относить начало изменений в материальной и духовной культуре населения КПДК ко времени не ранее начала XI в.

В окрестностях возникшего новгородского погоста Шитовичи трансформация КПДК в результате контактов с переселившимися сюда новгородцами могла происходить уже в IX – начале X в. Однако изменения в погребальном обряде вряд ли произошли до принятия христианства; причем после отказа от кремации население продолжает еще длительное время сохранять некоторые элементы своего традиционного обряда.

Таким образом, на основании рассмотренных погребальных памятников восточной области КПДК – в верхнем течении р. Шлины и на р. Шегре, – так же как и в западной области КПДК, прослеживается перерастание этой культуры в древнерусскую. Население культуры псковских длинных курганов бесследно не исчезает и полностью не покидает ранее заселяемую им обширную территорию.

ЛИТЕРАТУРА

- АКР. Тверская область. Ч. 3: Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Кесовогорский, Краснохолмский, Кувшиновский, Лесной, Максатихинский, Молоковский, Сандовский, Селижаровский, Сонковский районы / Авт.-сост. А. В. Кашкин и др. М.: ИА РАН. 2010. 312 с.
- АКР. Тверская область. Ч. 4: Бологовский, Осташковский, Пеновский, Удомельский, Фировский районы / Авт.-сост. И. В. Исланова и др. М.: ИА РАН, 2012. 484 с.
- Буров В. А., 1993. Памятники культуры длинных курганов на Верхней Шлине // Археологические памятники на Верхней Волге: сб. науч. тр. / Ред. О. В. Батыркина. Тверь: Тверской гос. ун-т. С. 9–25.
- Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 280 с.
- Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 173 с.
- Енуков В. В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Курский гос. пед. ин-т. 262 с.
- Исланова И. В., 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: Тверской гос. ун-т. 286 с.
- Исланова И. В., 2016. Два участка средневекового водного и сухопутного пути на Волго-Балтийском водоразделе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». № 1. С. 119–133.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. М.: ИА РАН. 251 с. (ПСМ; вып. 8.)
- Мальм В. А., Фехнер М. В., 1969. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине I тыс. н. э. // Экспедиции ГИМ. М. С. 159–188.

- Мастыкова А. В. Плохов А. В.*, 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника на оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рожд. Евгения Николаевича Носова / Отв. ред.: А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 337–357.
- Минасян Р. С.*, 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. С. 68–74.
- Михайлова Е. Р.*, 2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 17 с.
- Михайлова Е. Р.*, 2014. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 427 с.
- Михайлова Е. Р.*, 2015. Могильник Которск 12: длинные курганы в древнерусскую эпоху // Города и веи средневековой Руси. Археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Отв. ред.: Л. А. Беляев, П. Г. Гайдуков. Москва; Вологда: Древности Севера. С. 103–121.
- Михайлова Е. Р.*, 2016. Памятники культуры псковских длинных курганов близ деревни Березицы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 395–417. (ПСМ; вып. 17.)
- Олейников О. М.*, 1989. Отчет о раскопках селища Шитовичи-6 и курганной группы Шитовичи-1 в Калининской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13638.
- Олейников О. М.*, 2002. Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н. э. // ТАС. Вып. 5 / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Тверская обл. тип. С. 520–549.
- Седов В. В.*, 1974. Длинные курганы кривичей. М.: Наука. 94 с. (САИ; вып. Е1-8.)
- Фехнер М. В.*, 1967. Отчет об археологических работах в Калининской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 3566.
- Хвощинская Н. В.*, 1997. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли (по материалам могильника Безьва) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии / Ред. А. Н. Кирпичников и др. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 123–138.

Сведения об авторе

Исланова Инна Васильевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ivisl@mail.ru

I. V. Islanova

LATER BURIAL SITES IN THE EASTERN AREA OF THE PSKOV LONG KURGAN CULTURE

Abstract. Analysis of characteristics of funerary assemblages (location of cemeteries and barrows, barrow shape, elements of the funerary rite and offerings) in the eastern area of the Pskov Long Kurgans culture offered an opportunity to identify graves of later periods dated to the 8th/9th – 11th centuries similar to the graves discovered in the western area of this culture. The later burials were unearthed at various kurgan cemeteries such as Poddub'e, Berezino, Cherentsovo and Shitovichi located in the upstream of the Shlina River and the Shegra River basin. All data suggest that the population of the Pskov Long Kurgan culture did not abandon all areas of the vast region they occupied. The process of this culture transformations and its inclusion into the Medieval Russian culture through direct and indirect contacts with the population that resettled from the Ilmen Region and the Volkhov River Region was traced down.

Keywords: Pskov Long Kurgans Culture, sopka culture, Medieval Russian culture, early medieval period.

REFERENCES

- AKR. Tverskaya oblast' [AKR. Tver' region], 3. A. V. Kashkin, ed. Moscow: IA RAN, 2010. 312 p.
- AKR. Tverskaya oblast' [AKR. Tver' region], 4. I. V. Islanova, ed. Moscow: IA RAN, 2012. 484 p.
- Burov V. A., 1993. Pamyatniki kul'tury dlinnykh kurganov na verkhney Shline [Sites of long kurgans culture on Upper Shlina]. *Arkheologicheskie pamyatniki na Verkhney Volge: sbornik nauchnykh trudov [Archaeological sites on Upper Volga: collection of scientific works]*. O. V. Batorykina, ed. Tver': Tverskoy gos. universitet, pp. 9–25.
- Enukov V. V., 1990. Rannie etapy formirovaniya smolensko-polotskikh krivichey (po arkheologicheskim materialam) [Early stages of formation of Smolensk-Polotsk Krivichi (based on archaeological materials)]. Moscow: Kurskiy gos. pedagogicheskiy institut. 262 p.
- Fekhner M. V., 1967. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Kalininskoy oblasti [Report on archaeological works in Kalinin region]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Goldina R. D., 1985. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'ye [Lomovatovo culture in Upper Kama region]. Irkutsk: Irkutskiy universitet. 280 p.
- Goldina R. D., Vodolago N. V., 1990. Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'ye [Cemetaries of Nevolinskaya culture in Ural region]. Irkutsk: Irkutskiy universitet. 173 p.
- Islanova I. V., 2006. Verkhneye Pomost'ye v rannem srednevekov'ye [Upper Pomost'ye in early Middle Ages]. Moscow: Tverskoy gos. universitet. 286 p.
- Islanova I. V., 2016. Dva uchastka srednevekovogo vodnogo i sukhoputnogo puti na Volgo-Baltiyskom vodorazdele [Two sections of medieval water and land route in Volga-Baltic watershed]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya» [Bulletin of Tver' State university. Ser. History]*, 1, pp. 119–133.
- Khvoshchinskaya N. V., 1997. K voprosu formirovaniya drevnerusskoy kul'tury na zapade Novgorodskoy zemli (po materialam mogil'nika Bez'va) [On problem of formation of ancient Russian culture in the West of Novgorod land (based on materials of cemetery Bez'va)]. *Slavyane i finno-ugry. Arkheologiya, istoriya, kul'tura: doklady rossijsko-finlyandskogo simpoziuma po voprosam arkheologii [Slavs and Finno-Ugrians. Archaeology, history, culture: presentations of Russian-Finnish symposium on problems of archaeology]*. A. N. Kirpichnikov, ed. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 123–138.
- Lopatin N. V., Furas'yev A. G., 2007. Severnye rubezhi ranneslavianskogo mira v III–V vekakh n. e. [North borders of early Slavic world in III–V centuries AD]. Moscow: IA RAN. 251 p. (RSM, 8.)
- Mal'm V. A., Fekhner M. V., 1969. Ob etnicheskoy sostave naseleniya Verkhnego Povolzh'ya vo 2-y polovine I tys. n. e. [On ethnic structure of population of Upper Volga region in 2nd half of I mill. AD]. *Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Expeditions of State Historical museum]*. Moscow, pp. 159–188.
- Mastykova A. V. Plokhov A. V., 2010. Datirovka i proiskhozhdenie steklyannykh bus iz mogil'nika na oz. S'ezzheye [Dating and provenance of glass beads from cemetery on S'ezzheye Lake]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolayevicha Nosova [Dialog of cultures and peoples in medieval Europe: Toward 60th anniversary of Evgeniy Nikolaevich Nosov]*. A. E. Musin, N. V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 337–357.
- Mikhaylova E. R., 2009. Kul'tura pskovskikh dlinnykh kurganov. Problemy khronologii i razvitiya material'noy kul'tury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Culture of long kurgans of Pskov type. Problems of chronology and development of material culture: PhD thesis abstract]. St. Petersburg. 17 p.
- Mikhaylova E. R., 2014. Veshchevoy kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov. Tipologiya i khronologiya [Complex of artefacts of culture of long kurgans of Pskov type: typology and chronology]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 427 p.
- Mikhaylova E. R., 2015. Mogil'nik Kotorsk 12: dlinnye kurgany v drevnerusskuyu epokhu [Cemetery Kotorsk 12: long kurgans in ancient Russia epoch]. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi. Arkheologiya,*

- istoriya, kul'tura: k 60-letiyu Nikolaya Andreyevicha Makarova [Cities and villages of medieval Rus. Archaeology, history, culture: toward 60th anniversary of Nikolaj Andreevich Makarov].* L. A. Belyayev, P. G. Gaydukov, eds. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 103–121.
- Mikhaylova E. R., 2016. Pamyatniki kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov bliz derevni Berezitsy [Sites of culture of long kurgans of Pskov type near village Berezitsy]. *Rannesrednevekove drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of forest zone of Eastern Europe (V–VII cc.)]*. A. M. Oblomskiy, I. V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 395–417. (RSM, 17.)
- Minasyan R. S., 1980. Chetyre gruppy nozhey Vostochnoy Evropy epokhi rannego srednevekov'ya (k voprosu o poyavlenii slavyanskikh form v lesnoy zone). [Four groups of knives in Eastern Europe of early Middle Ages (on the problem of Slavic forms in forest zone)]. *ASGE*, 21, pp. 68–74.
- Oleynikov O. M., 1989. Otchet o raskopkakh selishcha Shitovichi-6 i kurgannoy gruppy Shitovichi-1 v Kalininskoy oblasti v 1989 g. [Report on excavations of open settlement Shitovichi-6 and kurgan group Shitovichi-1 in Kalinin region in 1989]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Oleynikov O. M., 2002. Lepnaya keramika naseleniya Tverskogo Povolzh'ya vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. [Hand-made ceramics of population of Volga region near Tver' in second part of I millennium AD]. *TAS*, 5. I. N. Chernykh, ed. Tver': Tverskaya oblastnaya tipografiya, pp. 520–549.
- Sedov V. V., 1974. Dlinnye kurgany krivichey [The Krivichians' long kurgans]. Moscow: Nauka. 94 p. (SAI.)

About the author

Islanova Inna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ivisl@mail.ru

А. И. Сакса, С. В. Бельский, В. Г. Мизин

НОВЫЕ НАХОДКИ ЧАШЕЧНЫХ КАМНЕЙ У Д. ОЛЬХОВКА ПРИОЗЕРСКОГО РАЙОНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Резюме. В статье представлена публикация пяти новых чашечных камней, относящихся к категории почитаемых природных объектов, найденных в 2016–2017 гг. на Карельском перешейке (Приозерский район Ленинградской области). Комплекс археологических памятников, в том числе чашечных камней, у д. Ольховка представляет собой уникальное явление, поскольку это крупнейшее скопление подобных объектов на Северо-Западе России. В ходе разведок 2016–2017 гг. были обнаружены еще пять ранее неизвестных камней с чашевидными углублениями. Новые находки чашечных камней указывают на то, что территория комплекса еще до конца не изучена. Имеются серьезные предпосылки для поиска новых памятников подобного типа. Необходимо признание всей территории локализации археологических объектов в данном районе единой охраняемой зоной. Комплекс должен быть сохранен как природно-исторический ансамбль, составляющий единое целое с окружающим ландшафтом.

Ключевые слова: культовые камни, чашечные камни, Карельский перешеек, Ольховка.

Среди почитаемых объектов Ленинградской области существует категория, имеющая аналоги почти по всему миру. Это т. н. чашечные камни – валуны с небольшими искусственно сделанными углублениями диаметром 5–10 см и глубиной 1–6 см. В исследовательских школах разных стран их называют «ямочные», «чашечные», «лунковые» камни, cup-marked stones (англ.), uhuri/kuppikivet (фин.). В России со времени выхода статьи П. А. Путятин (Путятин, 1887. С. 19–30) за такими объектами закрепилось название *чашечников* или *чашечных* камней. Авторы далее будут использовать именно это название. Целью статьи является обобщение сведений о чашечных камнях в районе д. Ольховка (Lapinlahti) Приозерского района Ленинградской области и публикация их новых находок, обнаруженных в 2016–2017 гг.

На территории современной Ленинградской области такие камни встречаются в разных районах, но наибольшее их количество сосредоточено на Карельском перешейке, в зонах концентрации археологических памятников железного века – Средневековья (рис. 1). У д. Кротово (*Hovinsaari*) их выявлено четыре (еще один разрушен) (Сакса, 2010. С. 218; *Uino*, 1997. Р. 309); возле д. Яркое (*Suotniemi*) известно четыре объекта, включая участки с чашками на скалах (Сакса, 2010. С. 236; *Uino*, 1997. Р. 261); наконец, у д. Ольховка (*Lapinlahti*) по состоянию на 2012 г. было известно 14 чашечных камней (*Uino*, 1997. Р. 321; Сакса, 2010. С. 167–170; *Мизин*, 2014. С. 71–83). Первый перечень из 16 объектов вошел в Археологическую карту Ленинградской области (*Лапшин*, 1995. С. 179–193, *Курбатов*, 1995. С. 179–193).

Находки на этой территории могут быть отнесены к юго-восточной части финляндского ареала распространения таких памятников. Тема почитаемых и чашечных камней является традиционной в финляндской историографии, начиная с работ Х. Аппельгрена и А. Эюряпя (*Appelgren*, 1895. S. 1–3; *Äyräpää*, 1942. S. 179–208). В настоящее время в Финляндии известно порядка 560 подобных объектов (*Poutiainen, Siljander*, 2009. S. 102–118).

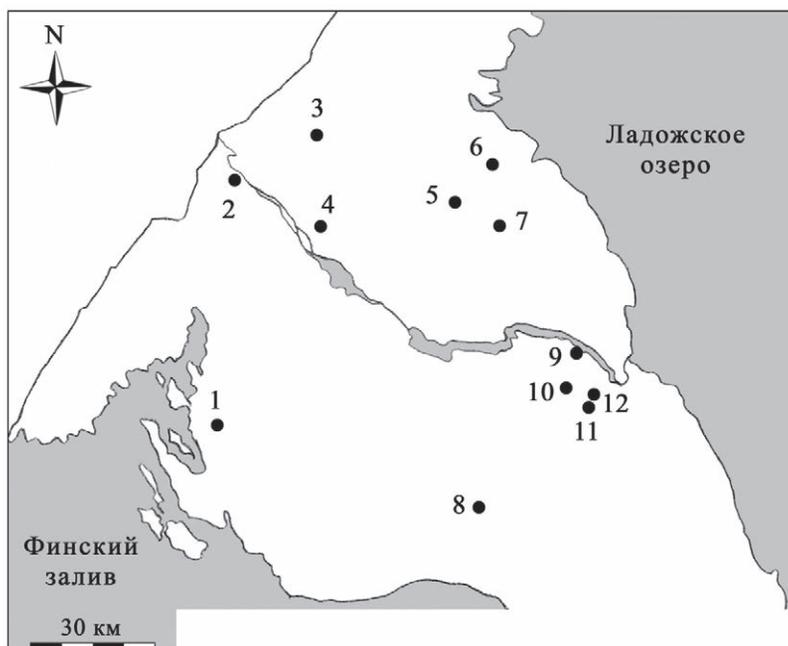

Рис. 1. Распространение чашечных камней на Карельском перешейке

1 – Токарево (1 шт.); 2 – Лесогорский (1 шт.); 3 – Свободное (1 шт.); 4 – Боровинка (1 шт.); 5 – Студёное (1 шт.); 6 – Яркое (4 шт.); 7 – Кротово (5 шт.); 8 – Первомайское (1 шт.); 9 – Ольховка (17 шт.); 10 – Кривко (1 шт.); 11 – Снегиревка-1 (1 шт.); 12 – Снегиревка-2 (1 шт.)

Функции искусственных углублений в камнях продолжают оставаться дискуссионными. Резюмируя результаты исследования чашечных камней в Карелии, П. Уйно отметила, что они располагаются в местах, где археологически зафиксированы следы присутствия населения с эпохи Меровингов (по периодизации, принятой в Финляндии, VI–VIII вв.) и ранней эпохи викингов (IX в.). Автор полагает, что они являлись проявлением традиции, связываемой с переселенцами из Западной Финляндии, но продолжительность ее существования крайне затруднительно определить (*Uino*, 1997. Р. 100). А. И. Сакса, опираясь на свои исследования каменно-земляных насыпей «культового комплекса» и «культовых» камней в д. Ольховка и в д. Кротово на полуострове Большом (Novinsaari) в южной части оз. Вуокса, относит их ко времени существования на Карельском перешейке поселенческих центров летописной корелы (XII–XIV вв.) (*Сакса*, 2010. С. 167–172).

Комплекс чашечных камней у д. Ольховка

Комплекс археологических памятников, в том числе чашечных камней, у д. Ольховка представляет собой уникальное явление (рис. 2). Как отметил А. И. Сакса, здесь открыты и изучены объекты всего периода позднего железного века и эпохи Средневековья, что делает этот район исключительно интересным и в какой-то степени эталонным в плане изучения истории населения древней Карелии и его культуры (Там же. С. 164). Он же выявил и описал комплекс чашечных камней к западу от этого населенного пункта (Там же. С. 167–170).

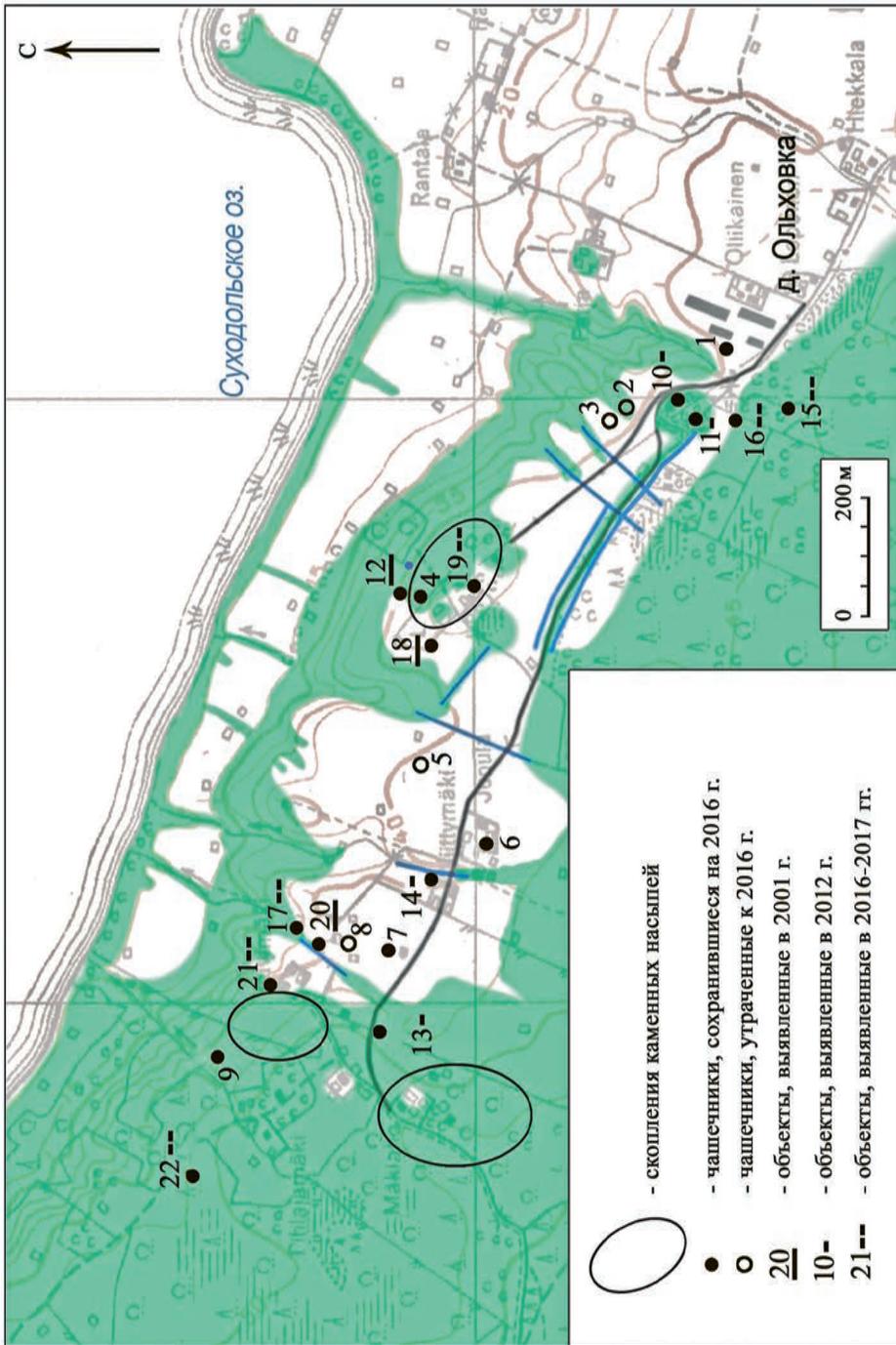
Комплекс не имеет аналогов на всем Северо-Западе сразу по нескольким критериям:

1. Это крупнейшее скопление чашечных камней, поскольку составляет почти половину от общего количества известных в Ленинградской области (19 из 45).

2. В его состав входит камень (№ 10) с 42 искусственными углублениями, что является наибольшим количеством из всех известных на настоящий момент в Ленинградской области.

3. Помимо чашечных камней, в комплекс входят три скопления каменных сложенных.

4. «Культовый комплекс». Скопление из 78 различных по размерам каменно-земляных насыпей занимает вершину высокого холма коренного берега оз. Суходольского. В центре его находится большой чашечный («культовый») камень (№ 16) с 6 отчетливыми углублениями. На обращенном к озеру северо-восточном склоне холма на дне небольшого оврага находится источник воды. В 1978 и 1980 гг. были раскопаны 8 насыпей в различных частях скопления. Во всех случаях зафиксированы следы поддержания огня, найдены кости и зубы животных, керамика и отдельные вещи XII–XIV вв. Подобная керамика найдена также в каменных кучах, выложенных, как правило, с северной стороны части чашечных камней. Тот факт, что такая керамика характерна и для исследованных в различных частях д. Ольховка средневековых поселений и могильников, позволяет предположить одновременное функционирование на этой части берега озера нескольких небольших могильников и поселений (деревень) с единым

культовым центром (Сакса, 2010. С. 150, 151, 167–170. Рис. 39–41). К сожалению, часть насыпей, как и родник на склоне, уничтожены в 2016 г. при масштабных земляных работах по формированию площадок-террас на обращенном к озеру Суходольскому склоне холма.

5. На одном из валунов, окруженном искусственной выкладкой из камней, выявлен петроглиф – «сетка» (Мизин, 2014. С. 74), сходный со знаком на одном из чашечных камней в Эстонии (Tvauri, 1999. Р. 138).

В 2013 г. экспедицией Отдела охранный археологии ИИМК РАН было проведено археологическое обследование выявленных объектов культурного наследия в данном районе и подготовлена государственная историко-культурная экспертиза с целью обоснования принятия решения о включении их в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

К сожалению, в настоящее время на данной территории продолжают производиться земляные работы, непосредственно угрожающие всему комплексу памятников, уникальный исторический ландшафт разрушается. В противодействие этому участвуют не только профессиональные археологи, но и многочисленные представители неравнодушной общественности, краеведы. Благодаря усилиям этих людей здесь стали возможными и новые открытия, зафиксированные Бельским С. В. в рамках разведочных работ Приладожской археологической экспедиции МАЭ РАН в 2016–2017 гг.

Хронология фиксации камней чашечников у д. Ольховка к 2016 г. выглядела следующим образом (нумерация приводится по: Сакса, 2010. С. 169–170; Мизин, 2014. С. 78–79):

1978 г. – Приозерским археологическим отрядом ЛОИА АН СССР под рук. А. И. Сакса было выявлено 9 камней-чашечников (№ 1–9). У основания камней № 1, 4, 5, 7 и 9 были произведены раскопки. Во всех случаях, кроме последнего камня, найдена средневековая керамика. Рядом с камнями № 7 и 8, примерно в 100 м к западу от них, выявлены остатки поселения с культурным слоем. Найденные в нем фрагменты курительных трубок относят его к XVI в. (Сакса, 1984. С. 112–117);

1992 г. – 4 камня (№ 2, 3, 5, 8) были сдвинуты с поля колхозниками;

2001 г. – при обследовании комплекса одним из авторов (В. Мизин) был зафиксирован 1 ранее не упоминавшийся чашечник (№ 12);

2012 г. – зафиксировано 4 ранее неизвестных чашечных камня (№ 10, 11, 13, 14). Они были выявлены среди камней, сдвинутых с полей, и в части комплекса, примыкающего к скоплению каменных куч Ольховка-15 (Мизин, 2014. С. 76);

2016–2017 гг. – были выявлены 5 новых чашечных камней (№ 15, 16, 17, 18 и 19), публикации которых посвящена данная статья.

Рис. 2. Карта комплекса камней-чашечников у д. Ольховка (топооснова *Topoграфinen kartta (4042 05) Naaparainen. ММН 1937. 1 : 20 000*)

18 – камень с петроглифом и каменной насыпью;

19 – камень с крестом и числом «98» (геодезический знак 1898 г. ?);

20 – камень с очажной выкладкой

Исследования 2016–2017 гг.

Осенью 2015 г. на территории комплекса были начаты работы по прокладке дорог. Нависшая угроза разрушения стала стимулом для проведения изысканий в апреле и мае 2016 г. с целью выявления новых объектов и уточнения общей структуры комплекса. Всего в работах приняли участие 10 человек¹. Кроме того, были зафиксированы значительные разрушения ландшафта и повреждения современной поверхности в зоне распространения уже известных объектов культурного наследия, произошедшие вследствие работы тяжелой техники. К сожалению, уничтожение памятников археологии на указанной территории в 2017 г. продолжалось усиленными темпами. Также при фиксации разрушений были выявлены новое селище (Ольховка 32) и место предположительного могильника (Ольховка 33).

В ходе работ по поиску новых чашечников очищались от растительности все валуны, обладавшие определенными внешними признаками:

- размер не менее самого небольшого выявленного ранее объекта;
- наличие относительно ровной верхней или боковой плоскости;
- однородная порода камня.

В итоге были обнаружены 5 ранее неизвестных чашечных камня.

1. Камень № 15 (Ольховка 29, в продолжение принятой нумерации)

Объект расположен в 0,8 км к югу от южного берега озера Суходольское, в 0,2 км к югу от чашечного камня № 10 (Ольховка 25), в густом лиственном лесу (рис. 2: 15). GPS-координаты: N 60.639153; E 30.289157. Размеры: 3,8 × 3,8 × 2 м. Количество чашек и их размеры: 6 шт., диаметр 5–7 см, глубина 1–3 см. Особенности: чашки расположены на гребне камня, создавая вытянутую, почти линейную структуру, ориентированную на север (рис. 3: I–I). Валун расположен в лесу, вблизи д. Ольховка, однако, судя по сложениям камней и картам периода до Второй мировой войны (Topografinen kartta (4042 05) Naaraainen. MMH

Рис. 3. Пять ранее не известных «чашечных» камня в деревне Ольховка

I – чашечный камень № 15;

I – вид сверху (схема); 2 – вид с запада (схема);

II – чашечный камень № 16;

I – вид сверху (схема); 2 – вид с запада (схема);

III – чашечный камень № 17;

I – вид сверху (схема); 2 – вид с севера (схема);

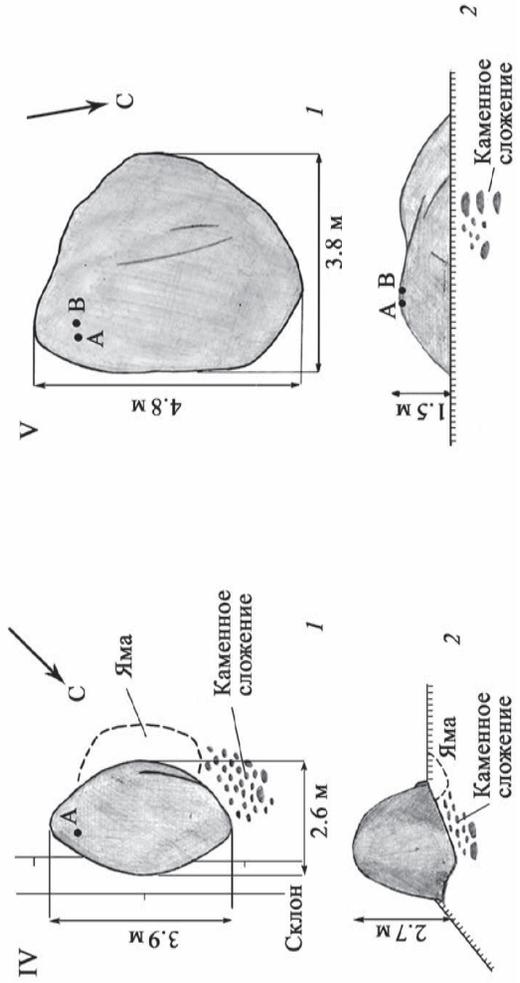
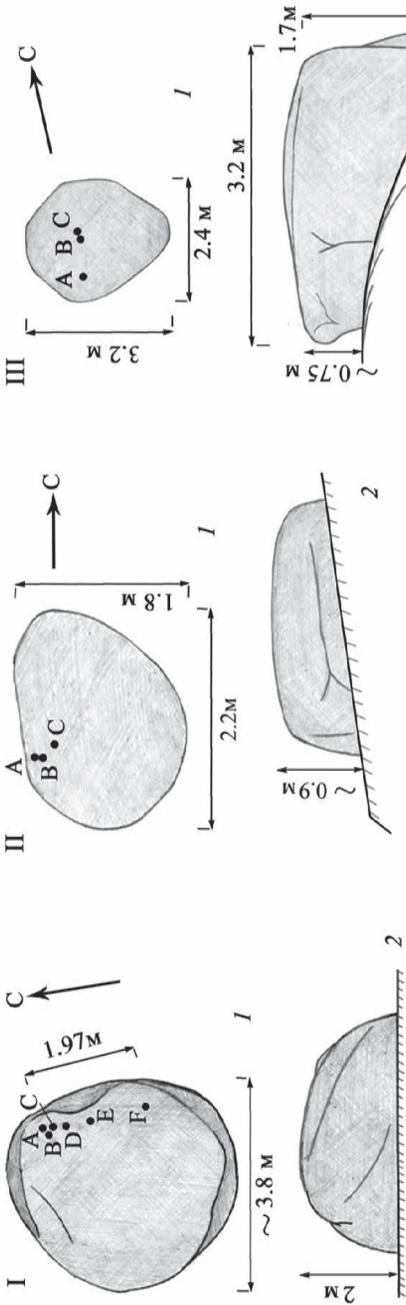
IV – чашечный камень № 18;

I – вид сверху (схема); 2 – вид с северо-запада (схема);

V – чашечный камень № 19;

I – вид с севера (схема); 2 – вид сверху (схема)

¹ Авторы выражают благодарность В. Симоновой, Т. Калашниковой, А. Оличеву, О. Додоновой, Е. Рудновой, М. Васильевой, А. Бондаренко, В. Одинцову, С. Хамитову, принявшим участие в обследовании территории и поиске ранее неизвестных чашечных камней.

1937. 1:20 000), ранее вблизи него было поле (рис. 2). На данный момент это самый высокий выявленный чашечный камень в рассматриваемом комплексе, поскольку его высота составляет около 2 м (рис. 3: I–2).

2. Камень № 16 (Ольховка 30)

Объект расположен в 0,7 км к югу от южного берега озера Суходольское, в 0,11 км к юго-западу от чашечного камня № 10 (Ольховка 25), в лиственном лесу (рис. 2: 16). GPS-координаты: N 60.640221; E 30.288513. Размеры: 1,8 × 2,2 × 0,9 м (рис. 3: II). Количество чашек и их размеры: 3 шт., диаметр 4–7 см, глубина 1–2 см. Они расположены компактной группой в западной части камня (рис. 3: II–I). Чашки слабовыраженные, две находятся близко друг к другу, одна отдельно.

3. Камень № 17 (Ольховка 31)

Объект зафиксирован в 0,23 км к югу от южного берега озера Суходольское, в 0,24 км к югу от чашечного камня № 9 (Ольховка 24), на поле, на восточном краю глубокого оврага (рис. 2: 17). GPS-координаты: N 60.646699; E 30.273477. Размеры: 2,4 × 3,2 × 0,75–1,7 м (рис. 3: III). Количество чашек и их размеры: 3 шт., диаметр 5–7 см, глубина 1–2 см (рис. 3: III–I).

Следует отметить, что место его расположения находится вблизи утраченного в 1992 г. камня № 8, однако при детальном сравнении было установлено, что это новый объект, поскольку он существенно отличается как размерами и формой, так и количеством и расположением чашек.

4. Камень № 18 (Ольховка 34)

Объект расположен в 0,28 км к югу от южного берега озера Суходольское, в густом лиственном лесу, на склоне высокой террасы (рис. 2: 21). GPS-координаты: N 60.647373; E 30.272289. Размеры: 3,9 × 2,6 × 1,8–2,7 м (рис. 3: IV). Количество чашек и их размеры: 1 шт., диаметр 6 см, глубина 1 см. К особенностям камня можно отнести его расположение на самом краю береговой террасы, а также примыкание к нему с СЗ каменной насыпи размерами 3,2 × 1,6 м, сложенной из булыжников диаметром 10–20 см (рис. 3: IV–I). С ЮЮЗ к камню примыкает яма, глубиной 0,5 м и размерами 2,2 × 1,4 м, неясного, возможно, рукотворного происхождения.

5. Камень № 19 (Ольховка 35)

Объект расположен в 0,38 км к югу от южного берега озера Суходольское, в густом лиственном лесу (рис. 2: 22). GPS-координаты: N 60.647694; E 30.266796. Размеры: 4,8 × 3,8 × 1,5 м (рис. 3: V). Количество чашек и их размеры: 2 шт., диаметр 7–8 см, глубина 2–3,5 см. Камень представляет собой плоский валун со сложным рельефом поверхности, располагается на визуально выделяющейся возвышенности. Выявленные углубления компактно располагаются вблизи вершины камня. Расстояние между ними составляет 16 см (рис. 3: V–I).

Выводы

Комплекс археологических памятников в д. Ольховка расположен в зоне интенсивного аграрного освоения, продолжавшегося на протяжении нескольких столетий. Новые находки подчеркивают привязку чашечников к полям, причем

здесь они образуют три условных локальных кластера из двух (№ 4, 12, тяготеющих к холму и скоплению каменных куч Ольховка 14), пяти (№ 7, 8, 13, 17, 18, группирующихся у склона и ручья) и семи (№ 1, 2, 3, 10, 11, 15, 16) объектов (рис. 2).

Новые находки чашечных камней указывают на то, что территория комплекса еще до конца не изучена. Имеются серьезные предпосылки для поиска новых памятников подобного типа, что повышает научный статус памятника. По-прежнему актуальным остается вопрос о датировке этих объектов. Он может быть решен путем не локальных, а масштабных раскопок вокруг самих камней и на прилегающей территории, получения археологических материалов и серий образцов для датирования.

Необходимо признание всей территории локализации археологических объектов в данном районе единой охраняемой зоной. Комплекс должен быть сохранен как природно-исторический ансамбль, составляющий единое целое с окружающим ландшафтом.

ЛИТЕРАТУРА

- Курбатов А. В., 1995. Культурные камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 179–193.
- Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ. 230 с.
- Мизин В. Г., 2014. Культурные камни и сакральные места. Ленинградская область и смежные регионы. СПб.: ЦСКН. 238 с.
- Путятин П. А., 1887. Чашечные камни новгородской губернии // Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. 1881 / Ред. П. С. Уварова. М. С. 19–30.
- Сакса А. И., 1984. Комплекс археологических памятников у деревни Ольховка (Лапинлахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. М.: Наука. С. 112–117.
- Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э.: Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История. 398 с.
- Appelgren Hj., 1895. Uhrkiviä // Suomen Museo. Helsinki. 1–2. S. 1–3.
- Äyräpää A., 1942. Uhrkivi – kipujenkivi // Kalevalaseuran vuosikirja. 22. Helsinki. S. 179–208.
- Poutiainen H., Siljander E., 2009. Kuppikivet ja muinaiset uskomukset // Hirviveneestä hullukaaliin. Muinaisuskomukset arkeologisen aineiston tulkinnaassa. Hämeenlinna. S. 82–102.
- Tvaari A., 1999. Cup-marked stones in Estonia // Folklore. Tartu. Vol. 11. October 1999. P. 113–169.
- Uino P., 1997. Ancient Karelia: archaeological studies = Muinais-Karjala: arkeologisia tutkimuksia. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys. 426 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; 104.)

Сведения об авторах

Сакса Александр Иванович, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия, e-mail: saksa@mail.natm.ru;

Бельский Станислав Викторович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия, e-mail: stbel@kunstkamera.ru, belstass@yandex.ru;

Мизин Вячеслав Григорьевич, независимый исследователь, Санкт-Петербург; e-mail: perpetum@rambler.ru

A. I. Saksa, S. V. Belskiy, V. G. Mizin

NEW FINDS OF CUP-MARKED STONES
NEAR THE VILLAGE OF OL'KHOVKA, PRIOZERSKY DISTRICT,
LENINGRAD REGION

Abstract. The paper reports on five new cup-marked stones referred to the category of natural features revered by people which were found on the Karelian Isthmus (Priozersky District, Leningrad Region) in 2016–2017. The complex of sites including cup-marked stones near the village of Ol'khovka is a unique phenomenon because it is the largest concentration of such features in the North-West of Russia. In the course of archaeological reconnaissance in 2016–2017 five more previously unknown cup-marked stones were discovered. New finds of cup-marked stones demonstrate that the area of the complex has not yet been studied comprehensively. It is essential to continue searching for new sites of this type. The district where archaeological features are located should be declared a single protected area. The complex should be preserved as a natural and historical ensemble fully integrated into the surrounding landscape.

Keywords: religious cult stones, cup-marked stones, Karelian Isthmus, Ol'khovka.

REFERENCES

- Appelgren Hj., 1895. Uhriviviä. *Suomen Museo*, 1–2. Helsinki, pp. 1–3.
- Äyräpää A., 1942. Uhrivivi – kipujenkivi. *Kalevalaseuran vuosikirja*, 22. Helsinki, pp. 179–208.
- Kurbatov A. V., 1995. Kul'tovyye kamni i pochitayemyye istochniki na territorii Leningradskoy oblasti [Cult stones and revered springs in territory of Leningrad region]. *Lapshin V. A. Arkheologicheskaya karta Leningradskoy oblasti [Archaeological map of Leningrad region]*, 2. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet, pp. 179–193.
- Lapshin V. A., 1995. Arkheologicheskaya karta Leningradskoy oblasti [Archaeological map of Leningrad region], 2. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet. 230 p.
- Mizin V. G., 2014. Kul'tovyye kamni i sakral'nyye mesta. Leningradskaya oblast' i smezhnyye region [Cult stones and sacral places. Leningrad region and adjacent regions]. St. Petersburg: Tsentr sokhraneniya kul'turnogo naslediya. 238 p.
- Poutiainen H., Siljander E., 2009. Kuppikivet ja muinaiset uskomukset. *Hirviveenestä hullukaaliin. Muinaisuskomukset arkeologisen aineiston tulkinnassa*. Hämeenlinna, pp. 82–102.
- Putyatyn P. A., 1887. Chashechnyye kamni novgorodskoy gubernii [Cup-marked stones of Novgorod province]. *Trudy V-go Arkheologicheskogo s'yezda v Tiflise. 1881 [Transactions of V Archaeological congress in Tiflis. 1881]*. P. S. Uvarova, ed. Moscow, pp. 19–30.
- Saksa A. I., 1984. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u derevni Ol'khovka (Lapinlakhti) [Complex of archaeological sites near village Ol'khovka (Lapinlakhti)]. *Novoye v arkheologii SSSR i Finlyandii [New in archaeology of the USSR and Finland]*. Moscow: Nauka, pp. 112–117.
- Saksa A. I., 2010. Drevnyaya Kareliya v kontse I – nachale II tysyacheletiya n. e.: Proiskhozhdenie, istoriya i kul'tura naseleniya letopisnoy Karel'skoy zemli [Ancient Karelia in late I – early II millennium AD: Origins, history and culture of population of Karelian land mentioned in chronicles]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 398 p.
- Tvauri A., 1999. Cup-marked stones in Estonia. *Folklore*, vol. 11, October. Tartu, pp. 113–169.
- Uino P., 1997. Ancient Karelia: archaeological studies = Muinais-Karjala: arkeologisia tutkimuksia. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys. 426 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 104.)

About the authors

Saksa Aleksandr I., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: saksa@mail.natm.ru;

Bel'skiy Stanislav V., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: stbel@kunstkamera.ru, belstass@yandex.ru;

Mizin Vyacheslav G., independent researcher, St. Petersburg, e-mail: perpettum@rambler.ru

Вл. В. Седов

ПОПЕРЕЧНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ ГРОБНИЦА В ХРАМЕ НА ПЯТНИЦКОМ РУЧЬЕ В СМОЛЕНСКЕ И ЕЕ АНАЛОГИ

Резюме. В статье публикуется поперечно ориентированная (по оси север – юг) гробница из плинфы, пристроенная к западной стене недавно открытого в Смоленске древнерусского храма второй половины XII в., названного храмом на Пятницком ручье. Редкая ориентация этой гробницы и погребений в ней связана с тем, что гробница примыкала к западной стене храма, то есть архитектура здесь преобладала над погребениями. В статье приводятся сведения о десятках погребений в аркосолиях и гробницах, расположенных в западных стенах самих храмов и их галерей, имеющих ориентацию по оси север – юг. В древнерусской архитектуре такие погребения датируются XII – началом XIII в. Эти поперечно ориентированные погребения и их саркофаги и аркосолии связаны с византийской традицией. Погребения, саркофаги и аркосолии с ориентацией север – юг датируются на византийском материале X – началом XIV в. Такие погребения представляют собой особую линию, в которой архитектура возобладала над обрядом.

Ключевые слова: Древняя Русь, Византия, архитектура, погребения, ориентация погребений, каменные церкви, аркосолии, гробницы из плинфы, византийская и древнерусская традиция.

В 2013 г. в Смоленске на участке у Краснофлотской улицы был открыт новый памятник древнерусского зодчества, каменный храм, датированный серединой – второй половиной XII в. и названный храмом на Пятницком ручье (в отличие от Пятницкой церкви, расположенной на другой стороне того же ручья). Результаты раскопок этого храма пока опубликованы только в виде тезисов (Седов, 2013. С. 520; 2015. С. 86–88.).

Храм на Пятницком ручье принадлежал к типу четырехстолпных и, вероятно, трехабсидных и одноглавых храмов, довольно широко распространенному в архитектуре Поднепровья середины – второй половины XII в. Он был построен из плинфы с размерами 3,5–4,5 × 20 × 28–29 см в равнослойной технике кладки

Рис. 1. Погребение 41 и плинфяная гробница у западной стены церкви на Пятницком ручье. Вид с запада и сверху

на серо-розовым известково-цемяночном растворе. Стены храма внутри не имели лопаток, отвечающих крестообразным столбам, а на фасадах углы традиционно были выделены обходящими угол лопатками, а средние прясла каждого фасада были обрамлены лопатками с наложенными на них полуколоннами.

В храме на Пятницком ручье было устроено несколько заметных, по всей видимости, ктиторских погребений. Так, в процессе расчистки развала южной стены храма поблизости от внутреннего юго-западного угла были обнаружены остатки днища аркосолия, арочной ниши для погребения в стене. Сохранилась лишь восточная часть аркосолия с двумя углами, на высоту 2–3 рядов кладки; на дне в этой части было обнаружено несколько костей, сохранившихся от погребения, получившего номер 1. Погребение 1 принадлежит взрослому человеку, скорее мужчине (определение И. К. Решетовой). Можно предположить, здесь были погребены останки ктитора храма.

Важной находкой стало обнаружение гробницы у западной стены храма на Пятницком ручье. Это небольшое сооружение, представляющее собой П-образную конструкцию из плинфы, приложенную снаружи к западной стене храма в районе крайнего южного прясла этой стены (рис. 1). Эта гробница, которую можно отнести к типу подпольных кирпичных (плинфяных) саркофагов домонгольского времени, была сложена из плинфы размерами $4-4,5 \times 18,5-19,5 \times 26,5-27$ см в «полкирпича» на известково-цемяночном растворе. Сохранилось минимум 4 ряда кладки стен гробницы. Отсутствие у сооружения какого-либо фундамента (нижний ряд плинфы поставлен прямо на грунт)

подтверждает мысль о том, что оно вряд ли имело значительную высоту и представляло собой, скорее всего, некое подобие саркофага, не возвышавшегося над землей (рис. 2).

Судя по взаиморасположению найденных внутри гробницы погребений, она была поставлена над детским погребением 40. При этом в нее практически полностью включено и пятно несколько более раннего и лежащего немного ниже женского погребения 41, однако при сооружении гробницы ее южная стенка оказалась поставлена «на ноги» данного погребения. Это может означать, что это была гробница, устроенная скорее как надгробное сооружение, и что поставлена над двумя погребениями сразу.

Нужно сказать, что стенки гробницы сползли в ров, вырытый в XVI в. западнее храма. Погребение 40 расположено на отметках -195–208, оно принадлежало младенцу (определение И. К. Решетовой). Костяк лежал в вытянутом положении на спине. Ориентация – северная (по храму). Череп раздавлен. Кости рук смещены. Кости голени и стоп не сохранились. Находок при расчистке погребения не обнаружено.

Погребение 41 расположено на более низких отметках: -226–231. Это значит, что оно совершено раньше, чем погребение 40. Ориентировка погребения 41 северная (вдоль западной стены храма), оно расположено внутри усыпальницы, в западной ее половине, погребение принадлежит женщине 35–45 лет (определение И. К. Решетовой). Погребенная лежит на спине в вытянутом положении. Кости очень плохой сохранности, череп раздавлен. Фрагменты ребер и костей рук перемешаны. Кости нижних конечностей перебиты. Погребение безынвентарное.

Судя по всему, сначала было совершено погребение женщины (41), потом был погребен ребенок, возможно ребенок погребенной женщины (погребение 40). Когда сооружали гробницу, то стенку ее возводили приблизительно (возможно, поэтому у гробницы нет дна) над погребениями: если погребение 40 вошло внутрь гробницы, то южная стенка гробницы встала на костях ног погребения 41. Западная стенка гробницы частично разрушена более поздним погребением 42, имеющим обычную ориентацию и, очевидно, совершенным намного позже.

Гробница у западной стены храма была построена некоторое время спустя после строительства самого храма (рис. 3: 1): об этом свидетельствует не столько то, что она была приложена к западной стене церкви без перевязки, сколько разница в размерах плинф. Напомним, что храм сложен из плинф с размерами $3,5-4,5 \times 20 \times 28-29$ см, тогда как размеры плинф гробницы $4-4,5 \times 18,5-19,5 \times 26,5-27$ см, то есть несколько меньше и относятся, по всей видимости, к несколько более позднему времени. С другой стороны, размеры плинф, из которых сложены галереи церкви на Пятницком ручье, еще меньше, $3-3,5 \times 20 \times 26$ см. Если следовать таблице, соотносящей размеры плинф Смоленска и датировку смоленских памятников (*Воронин, Раннопорт, 1979. С. 378–379*), то можно заключить, что галереи храма на Пятницком ручье были построены в начале XIII в., сам храм был сооружен во второй половине XII в., а гробница – немногим позже, в самом конце XII в.

Сам по себе тип подпольной плинфяной гробницы известен в Южной Руси и в самом Смоленске, есть примеры таких гробниц и в Новгороде (*Ивакин, 2008;*

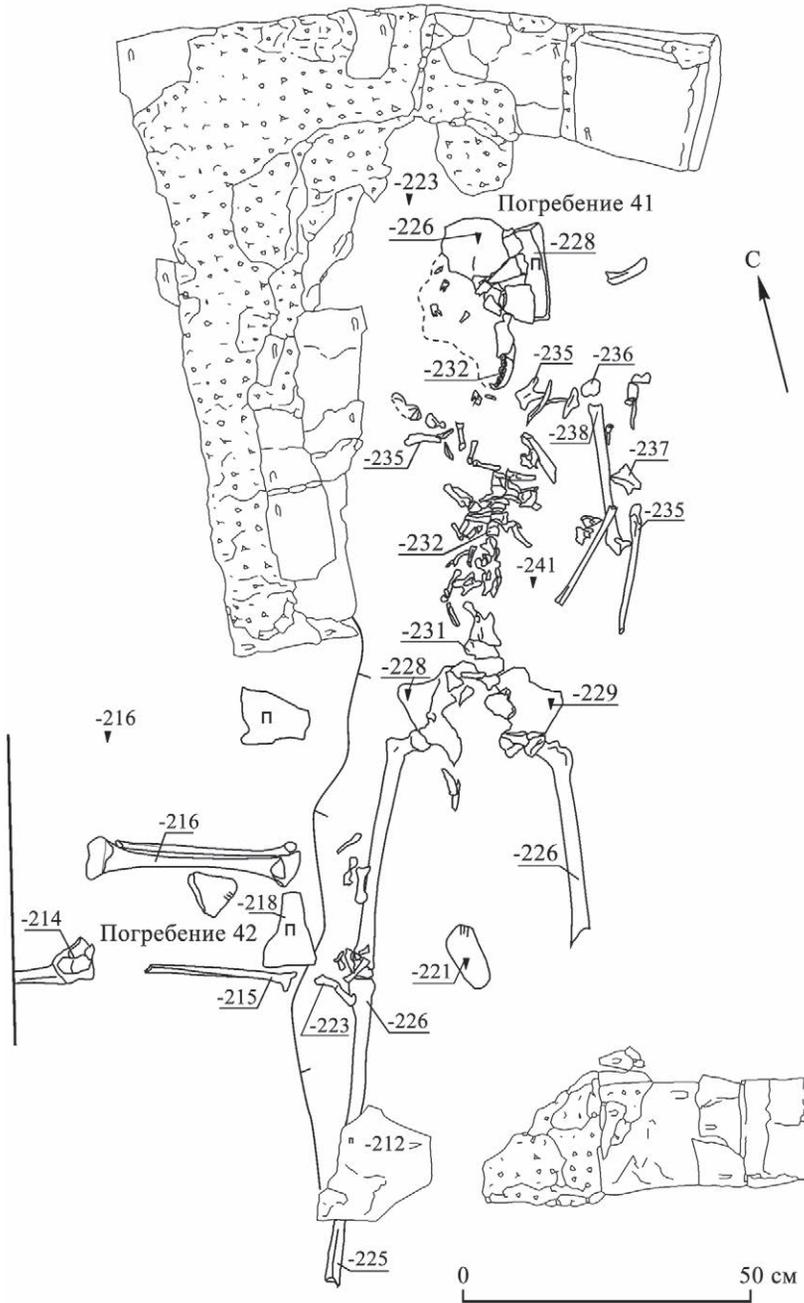

Рис. 2. План погребения 41 и плинфяной гробницы над ним

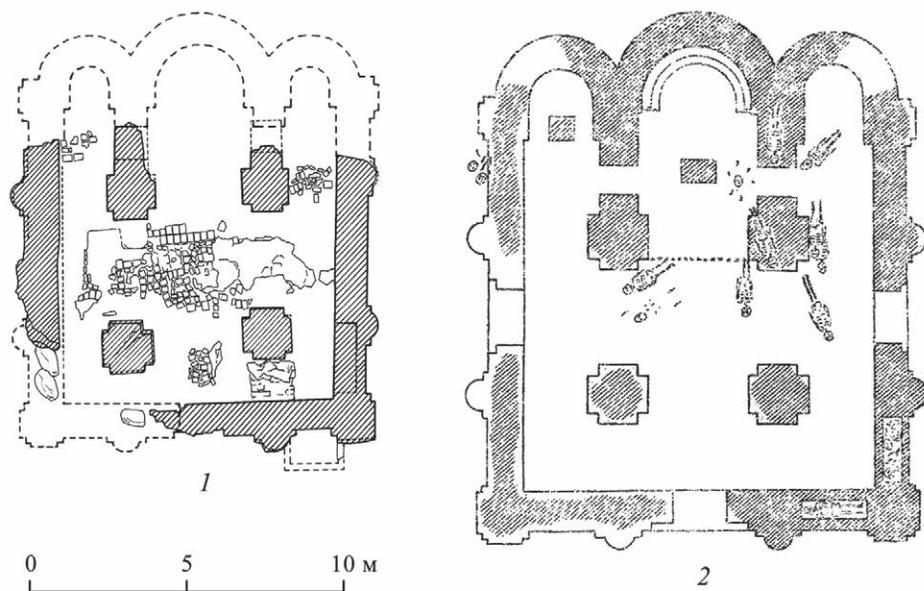

Рис. 3. Планы смоленских церквей второй половины XII в.

1 – церковь на Пятницком ручье с показанием аркосолия и гробницы; 2 – церковь Василия на Смядыни с показанием погребения в аркосолиях (по И. Ф. Борщевскому)

Панова, 2004. С. 94–97; Седов, 2016). Но поворот оси гробницы на 180 градусов, делающий ориентацию погребения поперечной, насколько мы знаем, был достаточно редок. Такой поворот, очевидно, был вызван тем, что желание быть похороненным в церкви было важнее, чем прямое следование обряду, а потому соседство с западной стеной, присоединенность к ней гробницы сделали обычную ориентацию запад – восток не столь существенной, заменив ее на ориентацию север – юг (погребенный был обращен ногами на север, туда же, вместо востока, был обращен взгляд погребенного в момент воскресения). Здесь присутствует определенная небрежность в отношении обряда, предполагавшего обращение погребенного в направлении на восток, собственно то, что и называется ориентацией. Это было возможно, повторимся, только в тех случаях, когда сама архитектура храма предполагала некоторую свободу обращения с обрядом: погребенный покоится в храме (или вплотную к храму, как в нашем случае), в западной стене или у нее, а потому некоторая такая свобода ориентации становится возможной.

Обратим внимание на так называемую церковь Василия в Смядынском монастыре в Смоленске, которая своей архитектурой представляет близкий аналог церкви на Пятницком ручье: на одном из чертежей, показывающих результаты раскопок этого храма И. Ф. Борщевским в 1909 г. (рис. 3: 2), показаны погребения в двух аркосолиях (Воронин, Раннопорт, 1979. С. 151–162. Рис. 72 на с. 154), причем если погребение в аркосолии в южной стене имеет обычную ориентацию, то скелет погребенного в аркосолии в западной стене развернут

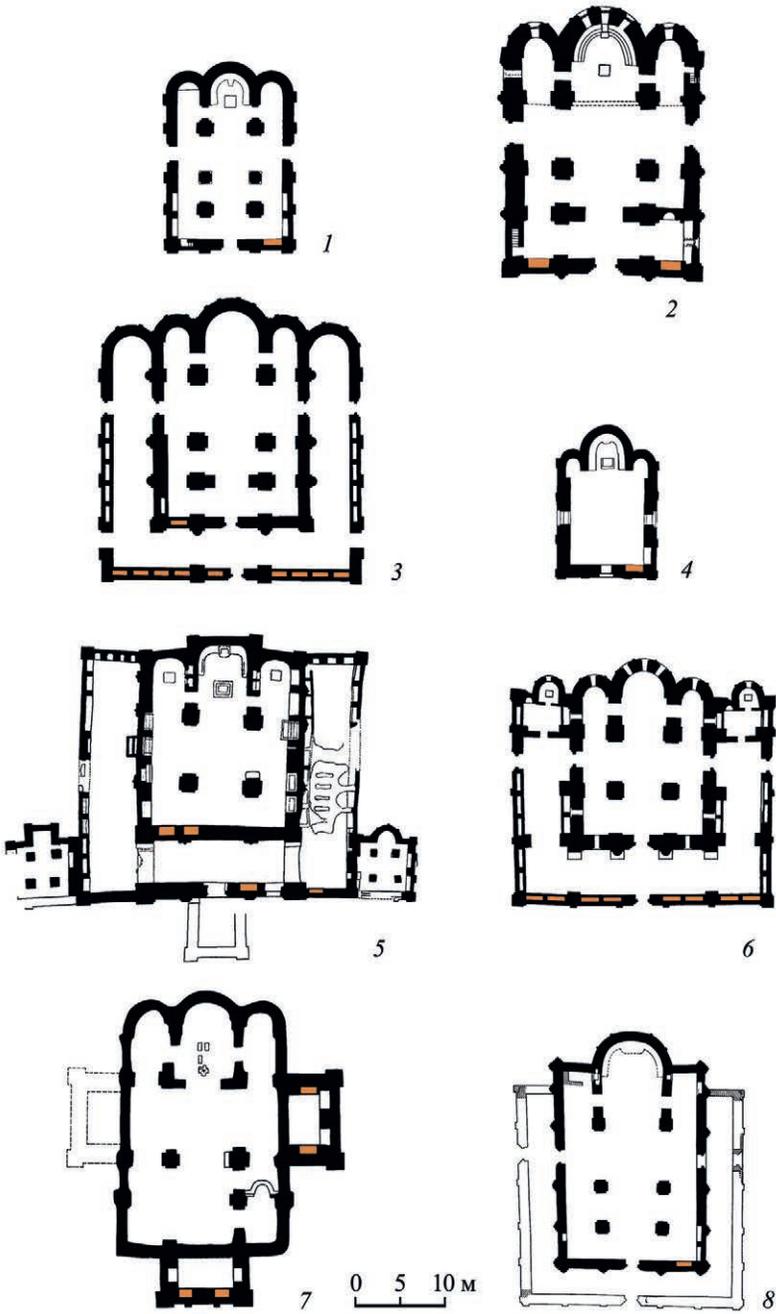
так, что возникает ориентация север – юг, поперечная: головой на север и ногами на юг (так же, как в погребениях 40 и 41 в церкви на Пятницком ручье). Погребения, вероятно ктиторские, в храмах на Пятницком ручье и Василия на Смядыни образуют схожие группы, с той только разницей, что если в южной стене у этих памятников расположены одинаковые аркосолии, то в западной стене у церкви Василия сразу был сделан аркосолий, а в церкви на Пятницком ручье чуть позже в этом месте с внешней стороны пристроили гробницу.

Топографией погребений в древнерусских храмах начал заниматься Н. А. Макаров (*Макаров*, 1980), позднее автор данной статьи попытался осветить влияние погребений на архитектурные формы зданий и также коснулся топографии (*Седов*, 2003). Но на поперечно ориентированные погребения до сих пор не обращали отдельного и пристального внимания. Исключение составляет работа Т. Д. Пановой, описавшей подобную практику в погребениях внутри церковей и сделавшей вывод о том, что «устройство аркосолий, при погребении в которых нарушался принцип ориентации христианского погребения, было достаточно распространенным явлением в храмах-усыпальницах древнерусских центров, особенно в XII–XIII вв.» (*Панова*, 2004. С. 54–56). Отметим, что в этой работе тема погребений с поперечной ориентацией была лишь намечена, а, кроме того, к нескольким примерам из домонгольской архитектуры был ошибочно добавлен аркосолий в западной стене церкви на Церковщине в Киеве конца XII – начала XIII в. Этот храм раскопан на уровне низа стен, археологически аркосолий не зафиксирован, он изображен только на гипотетической реконструкции (*Харламов*, 1985. С. 116–119). Не является аркосолием и ниша, названная аркосолием, в западной церкви Лазаря в Новгороде (этот храм середины XV в. здесь датируется XIV в., аркосолий в западной стене расположен уже на втором уровне и является неглубокой арочной нишей для сидения – *Седов*, 1993).

Нам неизвестны древнерусские тексты, регламентирующие ориентацию погребений. В трактате епископа Гийома Дюрана из Менда «Обиход божественной службы» (вторая половина XIII в.) содержится прямое указание на ориентацию погребенного: «*Debet autem quis sic sepeliri, ut capite ad occidentem posito, pedes dirigat ad orientem, in quo quasi ipsa positione orat, et innuit quod promptus est, ut de occasu festinet ad ortum, de mundo ad speculum*», что в переводе с латыни¹ будет: «Умерший должен быть похоронен таким образом, что голова расположена с запада, ноги направлены на восток, и тем самым он словно молится своей позицией, и делает знак, что он готов спешить с запада на восток, из мира к вечности» (*Durandus Gulielmus*, 1568, *Liber VII*, 39. P. 616; издание на французском: *Durand Guillaume de Mende*, 1854. T. V, 38. P. 113; *Аръес*, 1992. С. 46.).

В нашей статье поставлена задача – собрать по возможности все известные сведения о поперечно ориентированных погребениях в храмах Древней Руси и Византии. Сохранившиеся погребения (скелеты) пока известны в редчайших случаях, в большинстве же случаев мы имеем дело лишь с поперечно ориентированными аркосолиями и саркофагами, устроенными в западных стенах каменных церковей или около этих стен и когда-то содержащих захоронения.

¹ Благодарю И. Валлотон за помощь в поиске трактата и его переводе.

Один поперечно ориентированный аркосолий находится в южной части западной стены храма первой половины XII в., раскрытого раскопками М. К. Каргера на месте Воскресенской церкви в Переяславле Южном (Хмельницком); этот аркосолий соседствует с двумя аркосолиями в западной части южной стены храма (рис. 4, 1), вместе эти два последние образуют группу, которой зеркально соответствуют два аркосолия в западной части северной стены (Каргер, 1954а. С. 290, 294–295; 1954б. С. 27–28; 1954в. С. 25–26; о дате памятника см. недавние работы: Иоаннисян, 2008а. С. 178; 2008б. С. 17–20).

Два поперечно ориентированных аркосолия находятся в западной стене наоса Кирилловской церкви в Киеве (после 1146 г.), в ее крайних, северной и южной, частях (рис. 4: 2); южный «поперечный» аркосолий соседствует с двумя аркосолиями в южной стене, вместе эти три аркосолия расположены в небольшой капелле (Холостенко, 1960. С. 10. Рис. 5).

Большое количество поперечно ориентированных аркосолиев находится в западных стенах храмов и их галерей в Смоленске. Укажем, прежде всего, на Борисоглебский монастырский собор на Смядыни (рис. 4: 3), построенный в 1145 г. (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 50–51. Рис. 12 на с. 49): здесь в северо-западном углу собора расположено два аркосолия, один – в северной стене, а второй – в западной. В принципе такое расположение аркосолиев подобно тому, какое мы видели в Васильевской церкви на Смядыни и Кирилловской церкви в Киеве, только там группы аркосолиев располагались в противоположном, юго-западном углу. Еще девять аркосолиев расположены в западной стене галереи, пристроенной к собору позднее, возможно в конце XII в. (Там же. С. 62. Рис. 12 на с. 49 и 21 на с. 61).

Похожую на группу аркосолиев в северо-западном углу Борисоглебского собора, но уже в юго-западном углу, состоящую из одного аркосолия в южной стене и одного – в западной (рис. 4: 4), находим в бесстолпном храме в Детинце Смоленска, датируемом первой половиной XII в. (Там же. С. 92. Рис. 37 на с. 93).

Два аркосолия в западной стене самого храма и еще два в западной стене обходной галереи находим в соборе на Протоке в Смоленске (рис. 4: 5), который был построен, вероятно, в начале XIII в. (Там же. С. 309–311. Рис. 162 на с. 303).

В церкви Иоанна Богослова в Смоленске, построенной во второй половине XII в., археологами открыты галереи с аркосолиями, пристроенные, как нам кажется, позже храма, уже в конце XII – начале XIII в. (исследователи считают, что одновременно с храмом – Там же. С. 135–138), в западной стене галереи здесь исследователи восстанавливают восемь (раскопками открыто два)

Рис. 4. Планы древнерусских храмов с аркосолиями и гробницами в западной стене наоса, нартекса или галереи

1 – церковь на месте Воскресенской церкви в Переяславле Южном; 2 – Кирилловская церковь в Киеве; 3 – собор Бориса и Глеба в монастыре на Смядыни в Смоленске; 4 – бесстолпная церковь в Детинце в Смоленске; 5 – собор на Протоке в Смоленске; 6 – церковь Иоанна Богослова в Смоленске; 7 – Успенский собор в Рязани; 8 – церковь на Воскресенской горе в Смоленске

аркосолиев (рис. 4: 6) с поперечной ориентацией (Там же. С. 129. Рис. 161 на с. 130).

В Успенском соборе в Рязани (Старая Рязань), сооруженном в XII в., раскопками открыты два притвора, южный и западный, в стенах которых были поперечно ориентированные гробницы (рис. 4: 7), когда-то заключавшие в себе погребения (*Монгайт*, 1955. С. 78–83).

В церкви на Воскресенской горе в Смоленске, построенной уже в начале XIII в., есть группа аркосолиев в юго-западном углу наоса (рис. 4: 8): с двумя аркосолиями в южной стене соседствует аркосолий в западной стене (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 245–247. Рис. 126 на с. 240 и 128 на с. 244).

В соборе Рождества Богородицы в Суздале 1222–1224 гг. в стенах основного объема и притворов устроено много аркосолиев (рис. 5), два из них расположены в западной стене по сторонам входа, по два мы видим в западных и восточных стенах северного и южного боковых притворов (*Седов*, 2012).

В тех случаях, когда аркосолий с дном на уровне пола по каким-то причинам устроить было нельзя, у стен или внутри них устраивали гробницы из плинфы. Среди таких гробниц встречаются и поперечно ориентированные, у западной стены или внутри нее.

В соборе Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске, построенном в конце XII в. (или начале XIII в. – *В. С.*), аркосолии не были сделаны при строительстве (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 209. Рис. 100 на с. 200 и 107 на с. 208), но в западной стене северного притвора уже вскоре после постройки храма была вырублена поперечная ниша (аркосолий), поделенная перегородкой на две части, а рядом с нишами в полу притвора были устроены две плинфяные гробницы, тоже поперечно ориентированные (рис. 6: 1).

Глубокие плинфяные гробницы в стене, расположенные ниже уровня пола и перекрытые арочными сводиками, находим в хорошо документированном западном притворе Успенского собора в Рязани (рис. 6: 2), причем два поперечно ориентированных – в западной стене и по одному – в боковых (*Монгайт*, 1955. Рис. 47 и 48 на с. 79. С. 82–83. Рис. 52 на с. 83).

Заметим, что все известные нам древнерусские погребения с поперечной ориентацией датируются XII – началом XIII в., то есть не выходят за пределы домонгольского периода. Уже было сказано, что собственно погребений в большинстве случаев мы не видим, они разрушены, а сохраняются только гробницы в аркосолиях или саркофаги. Самих погребений с ориентацией север – юг при храмах мы знаем всего только три, все они находятся в Смоленске: это погребение в западном аркосолии церкви Василия на Смядыни и два погребения в западной гробнице церкви на Пятницком ручье.

Поперечные погребения и связанные с ними или свидетельствующие о них гробницы и саркофаги известны в Южной Руси, тогда как в Северо-Восточной Руси и в Новгороде они пока неизвестны. Можно думать, что с разгромом Южной Руси и прекращением традиции каменного строительства прекратилась и традиция сооружения саркофагов в западных стенах храмов и у западных стен. В Северо-Восточной Руси и Новгороде, где такая традиция, по всей видимости, в домонгольский период не привилась, она не перешла и в послемонгольское время.

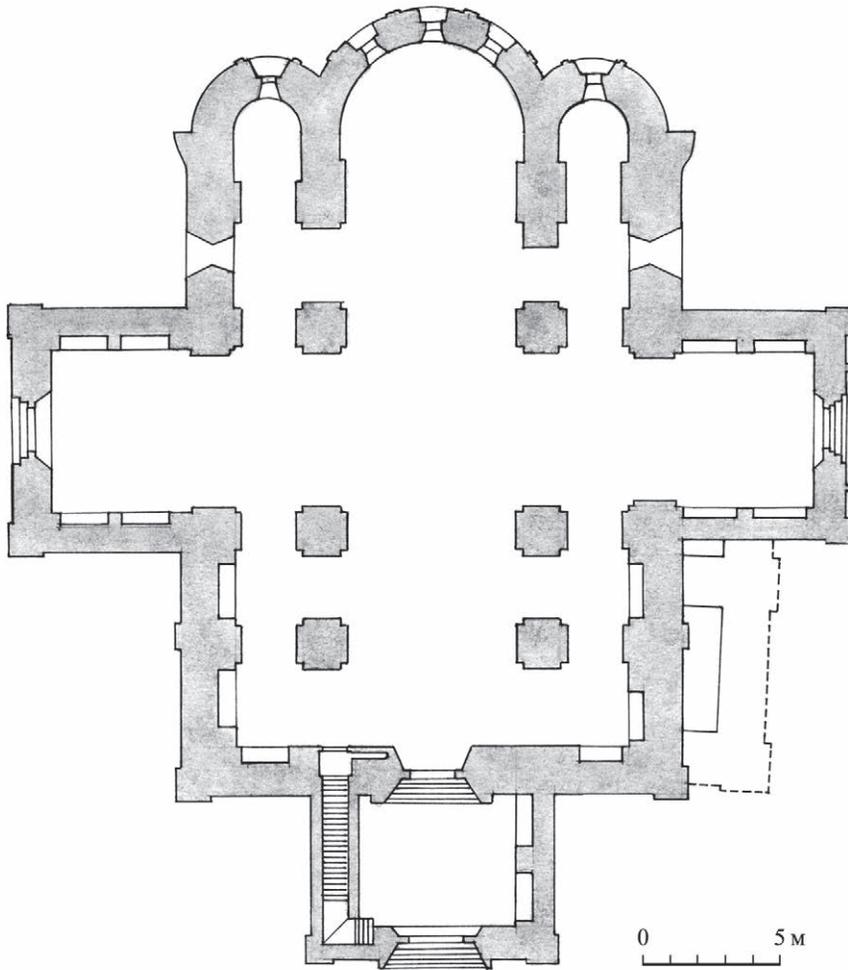
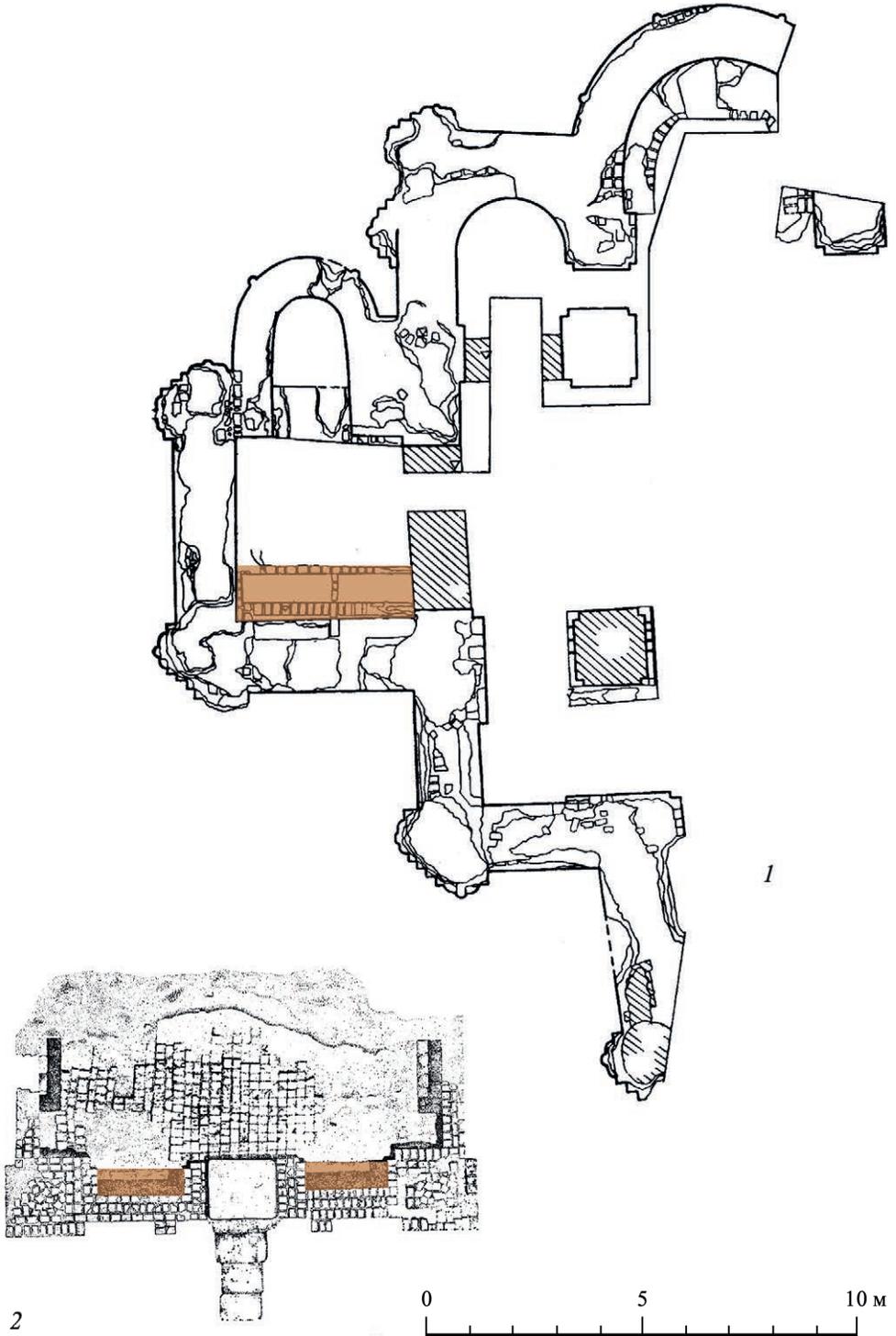

Рис. 5. План собора Рождества Богородицы в Суздале. Реконструкция автора

В древнерусскую архитектуру поперечно ориентированные аркосолии могли прийти из Византии. Нам известны такие аркосолии в семи памятниках средневизантийского времени, а также в одном – поздневизантийского времени. Нет сомнения в том, что существовали и другие памятники с поперечно ориентированными погребениями в западных стенах храмов, просто пока состояние наших знаний ограничено небольшим кругом примеров.

В Константинополе два аркосолия расположены в западной стене средней церкви монастыря Пантократора (рис. 6: 1), здесь, по предположению Р. Оустерхаута, были погребены император Иоанн II (умер в 1143 г.) и первая жена его сына, императора Мануила I, Ирина (Берта, умерла в 1160 г.). Оба императорских аркосолия находятся на восточной стороне западной стены храма и обра-

2

щены в наос, еще два аркосолия можно отыскать на восточной стороне западной стены обширного нартекса (*Ousterhout*, 2002. P. 9–11).

В недавно обнаруженной церкви средневизантийского времени в Никее (Изнике), названной храмом восточнее Багкюр Эвлери (рис. 7: 2), зафиксировано довольно много аркосолий с саркофагами в боковых стенах, но есть и три поперечно ориентированных аркосолия в нартексе и еще четыре – в экзонартексе храма (*Niewöhner et al.*, 2010. S. 475–490).

Нам известен также один аркосолий в западной стене подцерковья еще одной средневизантийской церкви в Никее, на развалинах театра (рис. 7: 3); этот аркосолий имеет, соответственно, поперечную ориентацию, в отличие от шести аркосолий в боковых стенах с обычной ориентацией по оси запад – восток (*Euse*, 1991. P. 22–23.).

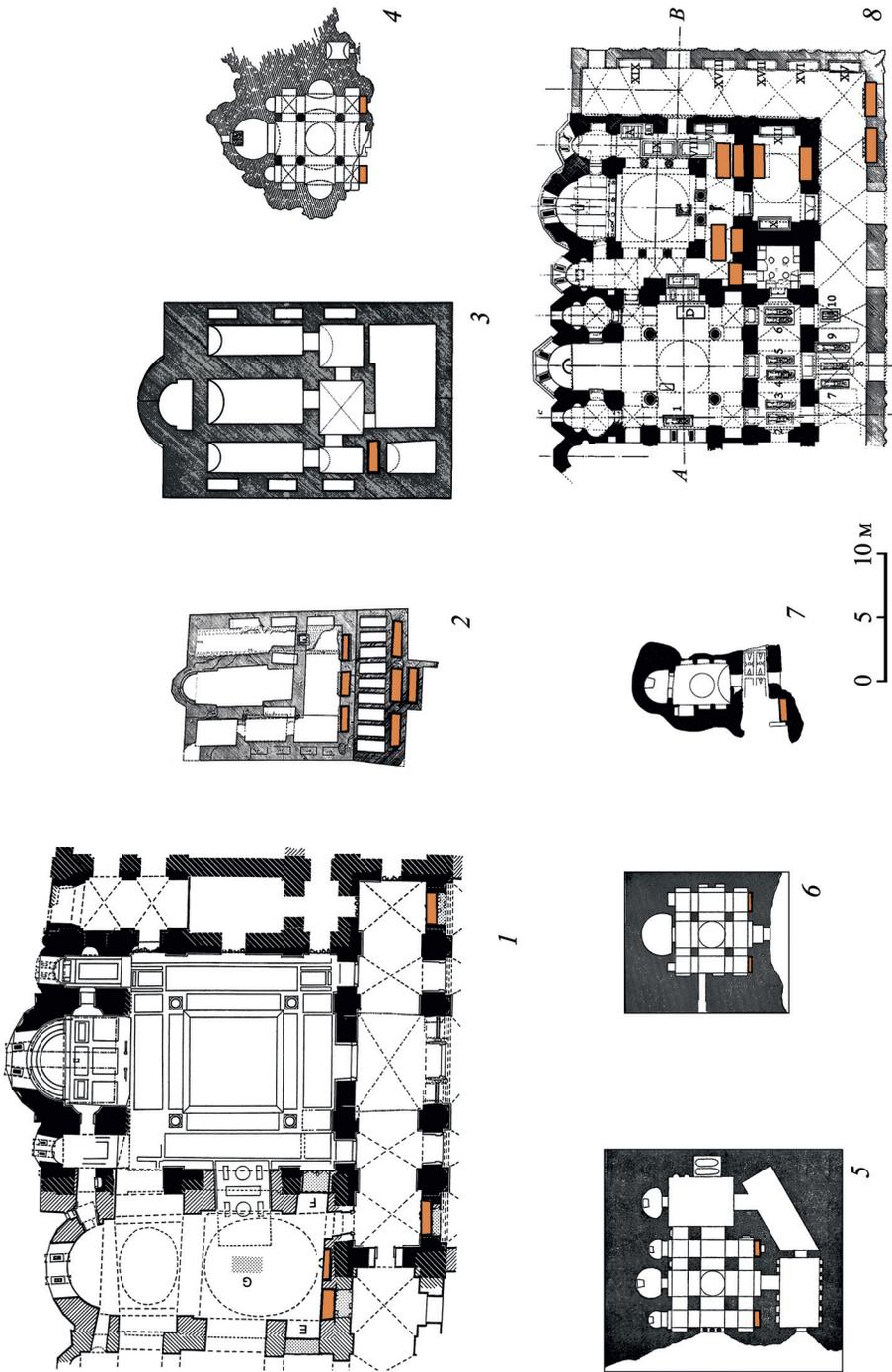
Встречаются аркосолии и в пещерных церквях Каппадокии, архитектура которых (тип вписанного креста с четырьмя опорами, так называемого простого варианта) подражает каменным храмам средневизантийского времени. Укажем на храм Сарика Килисе, или Сараджа Килисе (рис. 7: 4), где помимо аркосолий в боковых стенах есть два поперечно ориентированных аркосолия в западной стене – по сторонам от входа (*Rott*, 1908. S. 208–210. Abb. 70–71). Два аркосолия в западной стене по сторонам от входа находим и в церкви Нирекли Килисе (рис. 7: 5) конца X – начала XI в. (*Thierry, Thierry*, 1963. P. 183–192. Fig. 44–45. Pl. 82–89) и в похожем пещерном храме у Мамасуна (рис. 7: 6), который датируется примерно тем же временем (*Ibid.* P. 26–27. Fig. 4. Pl. 10.). Два аркосолия по сторонам западного входа есть и в церкви Эски Гюмюш (*Gough*, 1964; 1965). В несколько упрощенном храме Царикли Килисе (с запада это открытый крест, с востока – часть вписанного креста с двумя опорами) в западном рукаве креста расположена поперечно ориентированная могила (*Rott*, 1908. S. 216–219).

В пещерной церкви средневизантийского периода в 17-м районе монастыря в Каппадокии, исследованного рядом с церковью Чанли Килисе (*Ousterhout*, 2005. P. 108–109. Ill. 177), в нартексе бесстолпного храма находится углубленная в стену поперечно ориентированная гробница (рис. 7: 7).

В поздневизантийский период нам известен всего один, зато столичный, храм, в котором есть поперечно ориентированные погребения. Это южная (посвященная святому Иоанну) церковь монастыря Константина Липса в Константинополе (*The Monastery of Lips...*, 1964. P. 269–272, 301–303. Ill. 5; 8; *Marinis*, 2009. P. 161–165. Fig 2), построенная вдовой императора Михаила VIII Палеолога, императрицей Феодорой, между 1282 г. и началом XIV в. (в 1304 г. храм еще не был закончен). В западной части собственно храма находятся две гробницы в аркосолиях и перед ними в полу – плиты еще двух поперечно ориентированных гробниц и еще одна плита в проходе. Еще одна гробница в полу и еще один аркосолий находятся в нартексе южной церкви, а еще два аркосолия читаются

Рис. 6. Поперечно ориентированные гробницы в притворах

1 – план северного притвора Троицкого собора на Кловке в Смоленске; 2 – план западного притвора Успенского собора в Рязани

в западной части обходящей храм галереи (рис. 7: 8). Южная церковь монастыря Константина Липса показывает пример очень развитого погребального памятника поздневизантийского времени.

Все известные византийские и древнерусские аркосолии, ориентированные поперечно основной оси храма, располагались внутри храма, образуя арочные ниши в западной стене основной постройки или в галерее. Единственным известным исключением является гробница с внешней стороны западной стены храма на Пятницком ручье в Смоленске. Необычное положение гробницы было вызвано, по всей видимости, тем, что аркосолии в западной стене этого храма были уже заняты (напомним, что археологически эти аркосолии проследить не удалось, так что существование их в любом случае предположительно), или тем, что их устройство не было предусмотрено первоначальным планом, и они не могли быть сделаны хотя бы потому, что в западной стене могла располагаться внутрискладная лестница на хоры.

Однако западная стена храма на Пятницком ручье (и, заметим, церкви Василия на Смядыни) имеет ту же толщину, что и боковые стены, то есть, судя по всему, не была рассчитана для устройства внутрискладной лестницы. В церкви Василия на Смядыни, в которой западная стена тоже не была утолщена и, следовательно, не содержала внутрискладной лестницы, аркосолий в западной стене все же был устроен. А вот в церкви на Пятницком ручье аркосолий на внутренней поверхности западной стены храма заблаговременно сделан не был, а потому вскоре после строительства каменной церкви для того, чтобы отметить детское и женское погребения (возможно, эти погребения принадлежали ребенку и вдове заказчика, положенного в аркосолии в южной стене), совершенные раньше, решили устроить кирпичную (плинфяную) гробницу, несколько заглубленную в грунт. Есть возможность того, что гробницу сделали над и вокруг уже совершенных погребений, ее устроили без дна; это был род памятника или «гольца». Но возможно и сооружение гробницы для ребенка, чье погребение было расположено над погребением матери.

Эту гробницу расположили на поперечной оси, вдоль стены, но максимально близко к погребению в аркосолии в западной части южной стены. Образовался своеобразный «семейный участок» (говорить о капелле не приходится, поскольку гробница находится уже вне храма). Каменная же гробница с западной стороны западной стены церкви на Пятницком ручье в Смоленске продолжила долгую традицию поперечно ориентированных погребений, тесно связанных с каменной архитектурой храмов, определивших вынужденное нарушение ориентации.

Рис. 7. Планы византийских храмов с обозначением поперечно ориентированных аркосолиев в западных стенах

1 – южная церковь монастыря Пантократора в Константинополе; 2 – церковь восточнее Багкюр Эвлери в Никее; 3 – церковь на развалинах театра в Никее; 4 – церковь Сараджа Килисе в Каппадокии; 5 – церковь Нирекли Килисе; 6 – церковь у Мамасуна в Каппадокии; 7 – церковь в районе 17-го монастыря в Каппадокии рядом с Чанли Килисе; 8 – церкви монастыря Константина Липса в Константинополе

ЛИТЕРАТУРА

- Арьес Ф.*, 1992. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс: Прогресс-Академия. 526 с.
- Воронин Н. Н., Ратнопорт П. А.*, 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука. 414 с.
- Иоаннисян О. М.*, 2008а. Зодчество древнего Переяславля XI–XII веков и его место в общей картине развития зодчества Древней Руси // Наукові записки з української історії: збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький: Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет. С. 174–201.
- Иоаннисян О. М.*, 2008б. Собор Иоанна Предтечи в Пскове и его место в архитектуре Руси XII в. // Древнерусское искусство. Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи: к 1100-летию Пскова. М.: Северный паломник. С. 9–22.
- Каргер М. К.*, 1954. Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком // Зодчество Украины: сб. Киев: Изд-во академии архитектуры Украинской ССР. С. 271–296.
- Каргер М. К.*, 1954а. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952–1953 гг. // СА. Т. XX. С. 5–30.
- Каргер М. К.*, 1954б. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1952–1953 рр. // Археологія. Т. IX. С. 3–29.
- Макаров Н. А.*, 1980. Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, сентябрь 1980 г.). М.: Наука. С. 71–73.
- Монгайт А. Л.*, 1955. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР. 228 с. (МИА; № 49.)
- Панова Т. Д.*, 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». 180 с.
- Седов Вл. В.*, 1993. Церковь Лазаря 1461 г. и новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия и Ионы // Новгородские древности / Архив архитектуры. Вып. IV. М. С. 38–61.
- Седов Вл. В.*, 2003. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция. С. 447–481.
- Седов Вл. В.*, 2012. Необычные формы Суздальского Рождественского собора // Археология Владимирско-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 184–196.
- Седов Вл. В.*, 2013. Смоленская архитектура середины XII века: характеристика стиля // Древнерусское искусство. 1963–2013. Итоги и перспективы: Междунар. конф. М.
- Седов Вл. В.*, 2015. Церковь на Пятницком ручье в Смоленске // Институт археологии. Новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН. С. 86–88.
- Седов Вл. В.*, 2016. Саркофаг из плинфы в соборе новгородского Пантелеймонова монастыря // РА. № 1. С. 51–59.
- Харламов В. А.*, 1985. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг.: сб. науч. тр. Киев: Наукова думка. С. 106–120.
- Холостенко Н. В.*, 1960. Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М.: Изд-во АН СССР. С. 5–19.
- Durand Guillaume*, 1854. Rational ou Manuel des divins offices de Guillaume Durand... Paris: L. Vivès. 5 vols.
- Durantis Gulielmus*, 1568. Rationale divinatorum officiorum a Gulielmo Durando... Lugduni. 569 p.
- Eyce S.*, 1991. Iznik (Nicaea). Tarihçesi ve Eski Eserleri. Istanbul: Sanat Tahiri Araştırmaları Dergisi. 82 s.
- Gough M.*, 1964. The monastery of Eski Gümüş. A preliminary report // Anatolian Studies. Vol. XIV. P. 147–161.
- Gough M.*, 1965. The monastery of Eski Gümüş. Second preliminary report // Anatolian Studies. Vol. XV. P. 157–164.
- Івакін В. Г.*, 2008. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва. Київ: КИТ. 272 с.
- Marinis V.*, 2009. Tombs and Burials in the Monastery tou Libos in Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 63. P. 147–166.
- Niewöhner Ph., Rabbel W., Stümpel H., Pašteka R., Bariş Ş.*, 2010. Eine neu entdeckte byzantinische Kirche in Iznik/Nikaia // *Istanbulur Mitteilunge*. Bd. 60. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag. S. 475–490.

- Ousterhout R.*, 2002. Byzantine Funerary Architecture of the Twelfth Century // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 9–17.
- Ousterhout R.*, 2005. A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks. 474 p. (Dumbarton Oaks Studies; XLII.)
- Rott H.*, 1908. Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien. Leipzig: Dieterich'sche Verlags-Buchhandlung Theodor Weicher. 393 S.
- The Monastery of Lips (Fenary Isa Camii) at Istanbul // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 18. P. 251–315.
- Thierry M., Thierry N.*, 1963. Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Paris: C. Klincksieck. 246 p.

Сведения об авторе

Седов Владимир Валентинович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sedov1960@mail.ru

VI. V. Sedov

THE LATERALLY-ORIENTED TOMB
IN THE CHURCH-UPON-PYATNITSKY STREAM IN SMOLENSK
AND ITS ANALOGIES

Abstract. The paper reports on the laterally oriented (along the north–south axis) tomb made from plinth bricks attached to the western wall of a recently discovered 12th century medieval Russian church known as the Church-upon-Pyatnitsky Stream. A rare orientation of the tomb and the burials it contains is explained by the fact that the tomb abutted upon the western wall of the church, which means that architecture was more important than burials. The paper provides information on dozens of burials in arcosolia and tombs located in the western walls of churches and their galleries oriented to the north–south. In medieval Russian architecture such burials are dated to the 12th – early 13th centuries. Based on Byzantine materials, such laterally oriented burials, their sarcophagi and arcosolia are dated to the 10th – early 14th centuries. These burials demonstrate a special trend where architecture turned out to be more important than the rite.

Keywords: Medieval Russia, Byzantium, architecture, burials, orientation of the burials, stone churches, arcosolia, graves made from plinth bricks, Byzantine and Medieval Russian tradition.

REFERENCES

- Aryés F., 1992. Chelovek pered litsom smerti [Man in the face of death]. Moscow: Progress: Progress-Akademiya. 526 p.
- Durand Guillaume de Mende, 1854. Rational ou Manuel des divins offices de Guillaume Durand... Paris: L. Vivès. 5 vols.
- Durantis Gulielmus, 1568. Rationale divinatorum officiorum a Gulielmo Durando... Lugduni. 569 p.
- Eyce S., 1991. Iznik (Nicaea). Tarihçesi ve Eski Eserleri. Istanbul: Sanat Tahirî Araştırmaları Dergisi. 82 p.
- Gough M., 1964. The monastery of Eski Gümüş. A preliminary report. Anatolian Studies, XIV, pp. 147–161.
- Gough M., 1965. The monastery of Eski Gümüş. Second preliminary report. Anatolian Studies, XV, pp. 157–164.

- Ioannisyan O. M., 2008. Zodchestvo drevnego Pereyaslavlya XI–XII vekov i ego mesto v obshchey kartine razvitiya zodchestva Drevney Rusi [Architecture of ancient Pereyaslavl' of XI–XII centuries and its place in general picture of development of architecture of Ancient Russia]. *Naukovi zapiski z ukrains'koï istorii: zbirnik naukovikh statey [Scientific notes from Ukrainian history: collection of scientific articles]*, 20. Pereyaslav-Khmel'nits'kiy: Pereyaslav-Khmel'nits'kiy derzhavniy pedagogichniy universitet, pp. 174–201.
- Ioannisyan O. M., 2008a. Sobor Ioanna Predtechi v Pskove i ego mesto v arkhitekture Rusi XII v. [Cathedral of St. John the Precursor in Pskov and its place in Rus'architecture in XII c.]. *Drevnerusskoye iskusstvo. Khudozhestvennaya zhizn' Pskova i iskusstvo pozdnevzantiyskoy epokhi: k 1100-letiyu Pskova [Ancient Russian art. Art life of Pskov and art of Late Byzantine epoch: to the 1100th anniversary of Pskov]*. Moscow: Severnyy palomnik, pp. 9–22.
- Ivakin V. G., 2008. Khristiyans'ki pokhoval'ni pam'yatki davn'orus'kogo Kievа [Christian burial sites of Ancient Russia Kiev]. Kiev: KIT. 272 p.
- Karger M. K., 1954. Pamyatniki drevnerusskogo zodchestva v Pereyaslav-Khmel'nitskom [Monuments of ancient Russian architecture in Pereyaslav-Khmel'nitskiy]. *Zodchestvo Ukrainy: sbornik [Architecture of Ukraine: annual]*. Kiev: Akademiya arkhitektury Ukrainskoy SSR, pp. 271–296.
- Karger M. K., 1954a. Raskopki v Pereyaslave-Khmel'nitskom v 1952–1953 gg. [Excavations in Pereyaslav-Khmel'nitskiy in 1952–1953]. *SA*, XX, pp. 5–30.
- Karger M. K., 1954b. Rozkopki v Pereyaslavi-Khmel'nits'komu v 1952–1953 rr. [Excavations in Pereyaslav-Khmel'nitskiy in 1952–1953]. *Arkheologiya*, IX, pp. 3–29.
- Kharlamov V. A., 1985. Issledovaniya kamennoy monumental'noy arkhitektury Kievа X–XIII vv. [Investigations of stone monumental architecture of Kiev of X–XIII cc.]. *Arkheologicheskie issledovaniya Kievа 1978–1983 gg.: sbornik nauchnykh trudov [Archaeological investigations of Kiev in 1978–1983: collection of scientific works]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 106–120.
- Kholostenko N. V., 1960. Novyye dannyye o Kirillovskoy tserkvi v Kievе [New data on Kirillovskaya church in Kiev]. *Pamyatniki kul'tury. Issledovanie i restavratsiya [Monuments of culture. Studies and restoration]*. Moscow: AN SSSR, pp. 5–19.
- Makarov N. A., 1980. Topografiya pogrebeniy v drevnerusskikh khramakh XI–XIII vv. [Topography of burials in Ancient Russia churches of XI–XIII cc.]. *Tezisy dokladov sovet'skoy delegatsii na IV Mezhdunarodnom kongresse slavyanskoy arkheologii [Abstracts of Soviet delegation at IV International congress of Slavic archaeology]*. Moscow: Nauka, pp. 71–73.
- Marinis V., 2009. Tombs and Burials in the Monastery tou Libos in Constantinople. *Dumbarton Oaks Papers*, 63, pp. 147–166.
- Mongayt A. L., 1955. Staraya Ryazan' [Staraya Ryazan']. Moscow: AN SSSR. 228 p. (MIA, 49.)
- Niewöhner Ph., Rabbel W., Stümpel H., Pašteka R., Bariş Ş., 2010. Eine neu entdeckte byzantinische Kirche in Iznik/Nikaia. *Istanbuler Mitteilunge*, 60. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag, pp. 475–490.
- Ousterhout R., 2002. Byzantine Funerary Architecture of the Twelfth Century. *Drevnerusskoye iskusstvo. Rus' i strany Vizantiyskogo mira. XII vek [Ancient Russia art. Rus and countries of Byzantine world. XII century]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 9–17.
- Ousterhout R., 2005. A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks. 474 p. (Dumbarton Oaks Studies, XLII.)
- Panova T. D., 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vekov [Kingdom of death. Burial rite of medieval Russia in XI–XVI centuries]. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik «Moskovskiy Kreml'». 180 p.
- Rott H., 1908. Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien. Leipzig: Dieterich'sche Verlags-Buchhandlung Theodor Weicher. 393 p.
- Sedov V. I., 1993. Tserkov' Lazarya 1461 g. i novgorodskaya arkhitektura vremeni arkhiepiskopov Evfimiya i Iony [Church of Lazarus of 1461 and Novgorod architecture of the time of Archbishops Euphemius and Jonah]. *Novgorodskie drevnosti. Arkhiv arkhitektury. [Novgorod antiquities. Architecture archive]*. IV, pp. 38–61.
- Sedov V. I., 2003. Pogrebeniya «svyatykh knyazey» i arkhitektura knyazheskikh usypal'nits Drevney Rusi [Burials of «saint princes» and architecture of princely tombs in Ancient Russia]. *Vostochnokhristianskie relikvii [East Christian relics]*. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 447–481.

- Sedov V. V., 2012. Neobychnyye formy Suzdal'skogo Rozhdestvenskogo sobora [Unusual shapes of Suzdal Nativity cathedral]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: proceedings of scientific seminar]*, 4. Moscow: IA RAN, pp. 184–196.
- Sedov V. V., 2013. Smolenskaya arkhitektura serediny XII veka: kharakteristika stilya [Smolensk architecture of mid XII century: characteristic of style]. *Drevnerusskoye iskusstvo. 1963–2013. Itogi i perspektivy: mezhdunarodnaya konferentsiya [Ancient Russia art. 1963–2013. Results and perspectives: international conference]*. Moscow.
- Sedov V. V., 2015. Tserkov' na Pyatnitskom ruch'ye v Smolenske [Church-upon-Pyatnitsky Stream in Smolensk]. *Institut arkheologii. Novyye ekspeditsii i proekty [Institute of Archaeology. New expeditions and projects]*. Moscow: IA RAN, pp. 86–88.
- Sedov V. V., 2016. Sarkofag iz plinfy v sobore novgorodskogo Panteleymonova monastyrya [The sarcophagus from plinthiform brick in the cathedral of Novgorod Saint Panteleimon monastery]. *RA*, 1, pp. 51–59.
- The Monastery of Lips (Fenari Isa Camii) at Istanbul. *Dumbarton Oaks Papers*, 18, pp. 251–315.
- Thierry M., Thierry N., 1963. Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Paris: C. Klincksieck. 246 p.
- Voronin N. N., Rappoport P. A., 1979. Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv. [Architecture of Smolensk in XII–XIII cc.]. Leningrad: Nauka. 414 p.

About the author

Sedov Vladimir V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sedov1960@mail.ru

О. М. Олейников

НОВЫЕ НАХОДКИ ЭНКОЛПИОНОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XV в. В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Резюме. Представлены результаты исследований коллекции энколпионов втор. пол. XIII – XV в., обнаруженных Новгородской археологической экспедицией ИА РАН в 2008–2017 гг. Коллекция включает 5 реликвариев. Дана краткая топографическая привязка этих находок, а также морфологическое описание и иконографическая характеристика, приведен химический состав металла.

Ключевые слова: Новгород, культурный слой, энколпионы втор. пол. XIII – XV в., химический состав металла.

С 2008 по 2017 г. хоздоговорным отрядом Новгородской экспедиции ИА РАН были проведены археологические работы на 103 объектах, расположенных в четырех исторических концах Великого Новгорода. Общая площадь исследований составила более 11 тыс. кв. м при мощности культурного слоя от 0,35 до 6,5 м.

В ходе проведения этих работ была собрана представленная коллекция энколпионов, насчитывающая 21 экз. Большинство реликвариев (16 экз.) обнаружено в слоях домонгольского времени; при этом максимальное количество энколпионов приходится на период втор. пол. XI – перв. пол. XIII в. Им посвящено отдельное исследование.

В предлагаемой статье представлена выборка крестов-энколпионов втор. пол. XIII – XV в., включающая 5 экз. (рис. 1; 2).

Все энколпионы XIII–XV вв. обнаружены на территории усадеб в комплексе со статусными находками (предметы торговли, вооружения, вислые печати, берестяные грамоты), что говорит о социальной привилегированности их владельцев и позволяет отнести энколпионы к элитарной категории мелкой пластики, как это неоднократно отмечалось и исследователями (*Алексеев*, 1974. С. 213; *Гнутова*, 1993. С. 11; *Бурганова*, 1998. С. 5; *Жарнов*, 2000. С. 183, 186; *Корзухина, Пескова*, 2003. С. 5, 6, 37–39; *Колпакова*, 2008. С. 111; *Асташова и др.*, 2013. С. 7).

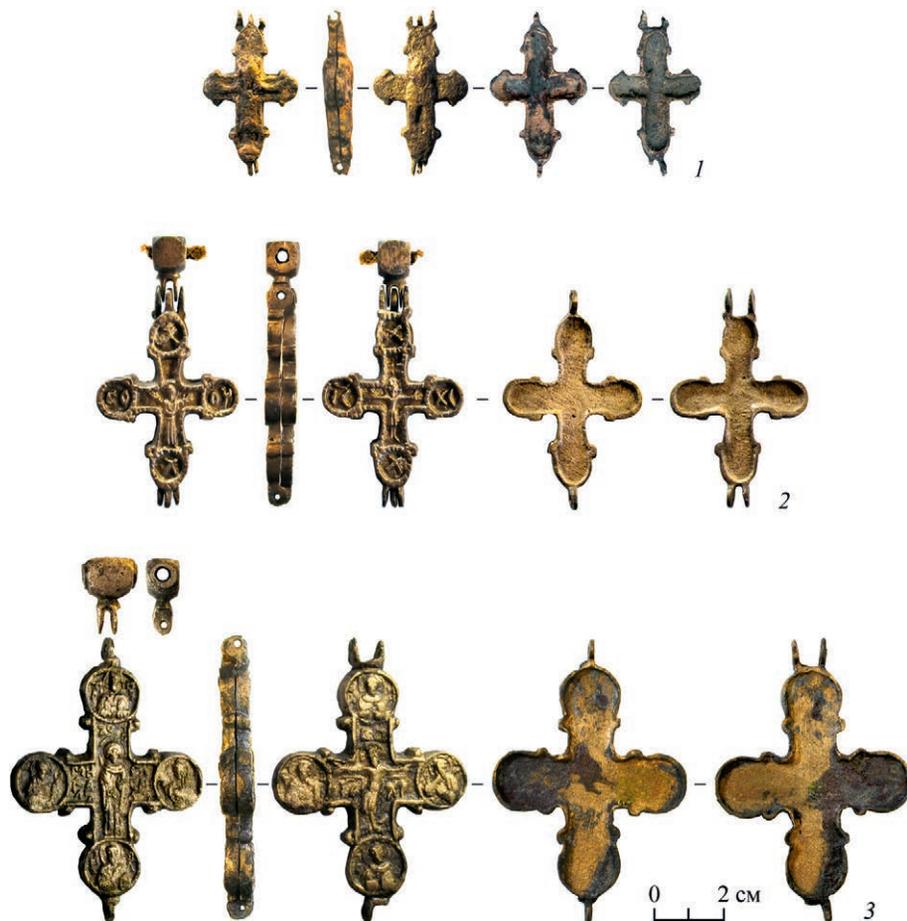

Рис. 1. Великий Новгород. Кресты-энколпионы втор. пол. XIII в.

1 – Троицк, 16/1-162; 2 – Пор-2/2-455; 3 – Пор-2/1-633

1 – многокомпонентная бронза; 2, 3 – оловянно-свинцовая бронза

Реликварии новгородской коллекции выполнены в технике литья¹. Для определения состава сплава энколпионов был использован современный неразрушающий метод рентгенофлуоресцентного анализа (РФА)².

¹ Технология изготовления энколпионов остается за рамками статьи. Эти вопросы детально рассмотрены Л. Дончевой-Петковой, А. А. Песковой и Т. Г. Сарачевой (Дончева-Петкова, 1992; Корзухина, Пескова, 2003. С. 16; Асташова, Сарачева, 2010. С. 318–324; Асташова и др., 2013. С. 35–99).

² РФА проведен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН на рентгенофлуоресцентном спектрометре последовательного действия (PW 2400, PhilipsAnalytical) А. И. Якушевым.

Рис. 2. Кресты-энколпионы XV в.

1 – Великий Новгород, Рог-2/4-46; 2 – Великий Новгород, Козьм-2015/1-40; 3 – Изборская крепость, прорисовка (по: Колтакова, 2015)

1 – оловянно-свинцовая бронза; 2 – свинцово-оловянная бронза; 3 – цветной металл

Полученные результаты (табл. 1) показали, что все реликварии изготовлены из многокомпонентных сплавов на основе меди, что в целом отвечает общей картине использования цветных металлов в Древней Руси (Коновалов и др., 2008. С. 21–23, 134, 148) и традиции изготовления энколпионов в целом (Пескова, 2005. С. 135).

Описываемые находки представляют два хронологических периода: вторую половину XIII в. и XV в.

Вторая половина XIII в. представлена тремя энколпионами (рис. 1), один из которых (Тр,16/1-162³) (рис. 1: 1) можно рассматривать как переходный вариант: размеры его выдержаны в традициях домонгольского периода (Корзухина, Пескова, 2003. С. 139, 140), но в изображении Богоматери появляется новый иконографический тип – Богоматерь Ассунта (тип VIII.3.1)⁴.

Два других энколпиона представляют совершенно иной тип. В иконографической схеме «Богоматерь Оранта-Распятие» меняется расположение изображений на створках – лицевой становится сторона с фигурой Богородицы⁵. На закругленных концах появляются медальоны с изображением святых (типы VI.5, VII.1). Такие энколпионы получают широкое распространение и продолжают

³ Шифр находки означает раскоп/номер участка–номер полевой описи.

⁴ Обозначение типов здесь и далее дается по общепринятой классификации А. А. Песковой (Корзухина, Пескова, 2003).

⁵ В отечественной историографии лицевой принято обозначать створку, которая несет по одной шарнирной петле сверху и снизу (Там же. С. 14). В ряде случаев по потертости изображений можно установить, какая из сторон была при ношении размещена наружу, но понятия главного и второстепенного изображений в эту терминологию не вкладывается.

Таблица 1. Великий Новгород. Кресты-энколпионы

Шифр находки	Троицк, 16/1-162 (рис. 1: 1)	Рог-2/2-455 (рис. 1: 2)		Рог-2/1-633 (рис. 1: 3)		Рог-2/4-46 (рис. 2: 1)	Козьм-2015/1-40 (рис. 2: 2)	
		створка	оглавие	створка	оглавие			створка
датировка	втор. пол. XIII в.	третья четверть XIII в.						XV в.
обл. исслед.	створка	створка	оглавие	створка	оглавие	створка	створка	
Cu	76,87	84,31	81,23	77,27	73,53	59,27	80,06	
Sn	11,11	7,23	7,21	17,59	20,28	33,2	5,69	
Pb	8,9	6,03	7,78	2,4	3,12	4,46	10,8	
Zn	2,39		0,05		0,07	0,22	0,07	
Ag	0,16	0,21		0,18	0,24		0,32	
Sb	0,3	2,17	2,4	2,06	2,1	1,7	2,6	
As	0,2		0,7		0,5	0,6	0,3	
Bi			0,1					
Mn					0,12	0,49		
тип сплава	многокомпонентная бронза	оловянно-свинцовая бронза				свинцово-оловянная бронза		

бытование до XV в. включительно. Кроме этого, во втор. пол. XIII в. значительно увеличивается размер реликвариев: общая высота их составляет ~ 10 см, вес ~ 60 г.

1. Миниатюрный рельефный запечатанный энколпион (Тр,16/1-162) с закругленными концами представляет тип VIII.3.1 – поздний Борисоглебский (рис. 1: 1). Обнаружен в 2016 г. в Людином конце (Софийская сторона) на раскопе по адресу: ул. Троицкая, д.16, в слое втор. пол. XIII в.

Размер створок – $3,8 \times 2,6 \times 0,35$ см (общая длина – 4,4 см). Вес – 12,76 г. Оглавие отсутствует. Изготовлен из многокомпонентной бронзы.

Энколпион очень сильно истерт, очевидно, в результате длительного бытования (ношения). Парные «слезки» на закругленных концах (особенно на поперечной ветви) и рельефные изображения в целом сглажены.

На лицевой створке помещено рельефное однофигурное распятие, на котором Христос изображен со склоненной к правому плечу головой, в набедренной повязке до колен. Ноги стоят на короткой перекладине. Ладони преувеличены, мышцы плечевого отдела также подчеркнуты. На оборотной створке помещена рельефная фигура святого в полный рост, в княжеской шапке (кн. Борис?). Едва различимы складки плаща (3 или 4 наклонных штриха), перекинутого через левое плечо.

Оформление контуров лицевой и оборотной створок различно. Лицевая створка по всему контуру (за исключением верхнего завершения) обрамлена тонким выступающим бортиком. Оборотная сторона лишена этого контура.

Внутренняя часть створок в целом неглубокая, увеличивается к центральной части.

2. Рельефный целый запечатанный энколпион с закругленными концами и парными выступами (Рог-2/2-455) относится по классификации к типу VI.5 (рис. 1: 2). Обнаружен в 2014 г. в Плотницком конце на раскопе Рогатицкий-2 (ул. Бол. Московская, 30) в слое 3/4 XIII в. в хозяйственной постройке на усадьбе «В».

Общий размер – $7,2 \times 3,9 \times 0,7$ см, высота створки – 4,5 см. Вес – 33,39 г. Оглавие в виде кубической бусины со сглаженными углами (усеченный куб). В нем сохранился фрагмент шерстяного шнура, перекрученного в две нити. Контур реликвария украшен высоким (~0,1–0,15 см) рубчатым бортиком. Створки не притерты, между ними сохраняется небольшая неровная щель. Оглавие отлито из того же сплава, что и створка (оловянно-свинцовая бронза).

Лицевая створка несет миниатюрное изображение Богоматери Оранта, выполненное в низком рельефе. Детали одежды тщательно проработаны. Складки туники, изображенные тремя тонкими вертикальными линиями, идут строго от гладкого пояса. Короткий мафорий, спускаясь с плеч, образует большую мягкую складку у пояса, переданную двумя плавными полукружьями. Кисти рук преувеличены. В круглых медальонах на поперечной ветви хорошо читаются рельефные буквы: БО – слева и ОУ – справа. В верхнем и нижнем медальонах – косые кресты.

Иконография Богоматери на лицевой створке энколпиона напоминает фреску XI в. Софийского собора «Богоматерь Оранта» в Киеве и изображение на печати новгородского архиепископа Митрофана (№ 61а, по Своду актов печатей: Янин, Гайдуков, 1998. С. 262), занимавшего кафедру в 1201–1212, 1220–1223 гг.

Приверженность средневекового искусства канонам культа вполне допускает повторяемость сюжетов на разных памятниках древнерусской металлопластики. Мастер мог заменить пришедшую в негодность литейную форму, но не сюжет. Появление нового типа вызывалось не технологией производства, а распространением нового культа или новой атрибуцией существующего (*Корзухина, 1958. С. 133; Зоценко, 1981. С. 114*).

Оборотная створка несет также миниатюрное изображение распятого Христа с крестчатым нимбом, выполненное в низком рельефе. Фигура полуобнаженная, в повязке до колен. Тело изображено без прогиба, голова без наклона. Широко расставленные стопы переданы тонкими линиями. Руки и ладони преувеличены. В боковых медальонах монограмма Христа – IC под титулом / XC без титула. В верхнем и нижнем медальонах изображены косые кресты.

Есть основания считать, что прототипом этого новгородского энколпиона был реликварий с перегородчато-выемчатой эмалью. Наблюдения сводятся к следующему:

1. Рельефный рубчатый бортик, проложенный по контуру и медальонам, четко выделяет на створках отдельные зоны, что позволяет рассматривать его в качестве перегородки.

2. Косые кресты в медальонах на вертикальной ветви обеих створок должны были образовывать при литье непересекающиеся между собой неглубокие ячейки, которые затем украшались эмалью. На новгородском энколпионе хорошо видно, что медный сплав целиком заполнил по одной ячейке в верхнем и нижнем медальоне на оборотной створке и две смежные – на лицевой. Это могло произойти в том случае, если створка, с которой делали оттиск, фрагментарно сохранила эмаль.

На памятниках Древней Руси известны энколпионы, у которых перегородки на концах ветвей создают эмалевый узор в виде крестов в круге. В Новгороде оборотная створка энколпиона такого типа была обнаружена в 1959 г. на Неревском раскопе в слое 60–80-х гг. XIII в. (*Седова, 1981. С. 58, 59. Рис. 80: 19*).

3. Обращает внимание контраст между тонкой проработкой центральных фигур (Богоматери и Христа) и грубым (вторичным) исполнением рифленого контура и букв в медальонах.

4. Особенности написания букв весьма интересны. Вместо правильного сокращения МР/ΘV (от *греч.* Μητηρ Θεου – Матерь Божия) на створке с изображением Богоматери в правом медальоне написано БО (и даже не принятое БЦА под титулом), а в левом медальоне – ОУ (вариант прерванного ΘV)⁶. На створке с Распятием – IC под титулом, а XC – без титула.

Скорее всего, резчик имел перед глазами оригинал, который утратил эмалевый узор, и, не владея греческим языком, разместил в незаполненных медальонах наиболее уместный, с его точки зрения, вариант.

5. Форма оглавия – граненая кубическая, аналогична энколпиону с перегородчато-выемчатой эмалью XII в., происходящему с Княжей Горы (*Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 110: V/15*).

⁶ Благодарим С. М. Михеева за консультации и помощь в прочтении.

Исчезновение деталей в проработке букв, следы использования створок с практически утраченным эмалевым рисунком, уменьшение толщины стенок внутренней емкости, а также небольшая щель между створками позволяет предположить, что новгородский энколпион был отлит по оттиску изделия, бывшего в употреблении.

Возникновение формы новгородского энколпиона (Рог-2/2-455) представляется следующим образом. В качестве возможного прототипа можно рассматривать энколпион с перегородчато-выемчатой эмалью без центральных фигур (Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 115: V/2, V/4, V/15). Его «сменяет» энколпион с выемчатой эмалью, заполняющей фон створок с низким рельефом, в боковых медальонах помещена монограмма Богоматери под титлами МР/ΘV, а верхнем медальоне – изображение архангела (Там же. Табл. 115: VI.4/1). При дальнейших отливках происходит упрощение изобразительной формулы. Исчезает эмалевый рисунок и изображения (архангелов?) в верхнем и нижнем медальонах – их заменяют косые кресты; над ΘV сглаживается титло (Там же. Табл. 115: VI.5/1); становятся более расплывчатыми буквы МР под титлом (Там же. Табл. 115: VI.5/10). Дальнейшее тиражирование некачественной копии приводит к появлению варианта, представленного на новгородской находке.

По классификации энколпионов новгородский реликварий (Рог-2/2-455) относится к крестам с выемчатой эмалью (тип VI.5). К этому типу Г. Ф. Корзухина отнесла энколпионы без следов эмали, но имеющие типологическое сходство с энколпионом, украшенным выемчатой эмалью («краснофонная» Богоматерь Оранта) (Там же. Табл. 115: VI.4/1). Эта позиция была сохранена А. А. Песковой при составлении каталога (Там же. С. 190–192. Табл. 115). Новгородский энколпион (Рог-2/2-455) доказывает правильность такого подхода и показывает, что правильно выстроенная классификация не просто определяет место артефакта в ряду подобных находок, но и позволяет проследить стилистическую преемственность типа.

3. Целый рельефный энколпион с закругленными концами и боковыми выступами (Рог-2/1-633) относится к типу VII.1.1 (рис. 1: 3). Обнаружен в 2014 г. в Плотницком конце (Торговая сторона) на раскопе Рогатицкий-2 (ул. Бол. Московская, 30) в слое 3/4 XIII в., в хозяйственной постройке на усадьбе «В». Дендродата сруба над находкой – 1278 г. Усадьба «В» примыкает к улицам Большая Пробойная и Рогатица. На усадьбе зафиксировано множество следов литейного производства. Здесь же был найден вышеописанный реликварий (Рог-2/2-455).

Судя по небольшим потерностям оборотной створки (с Распятием) и незначительным утратам (отсутствует лишь одна петля нижнего шарнира оборотной створки), энколпион носили недолго. Хорошая сохранность и высокое качество отливки позволяет предположить, что время попадания энколпиона в культурный слой близко ко времени его изготовления. Энколпион побывал в пожаре, о чем свидетельствуют следы плавления металла на внешних и внутренних частях створок.

Общий размер с оглавием – 10,1 × 5,55 × 0,9 см; длина створки – 6,2 см, толщина – 0,4–0,5 см. Диаметр клейм – 1,65 см. Ушко в виде удлинённой граненой бусины (1,05 × 1,5 × 1,0 см) с круглым отверстием (диаметром 0,4 см), подчеркнутым

с обеих сторон ободками (рис. 1: 3). Диаметр отверстия шарнирных петель – 0,2 см. Вес – 57,27 г. Изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы.

На лицевой створке представлено изображение Богоматери Ассунта с раскрытыми перед грудью руками и обращенных к ней святых в боковых медальонах, подписанных именами архангелов Михаила – справа МН/ХА/ЛЪ, и Гавриила слева – ГА/В[РИ]/[Л]. Лики святых во всех медальонах имеют крупные черты.

В верхнем и нижнем медальонах даны прямоличные поясные изображения святых, судя по надписям – Петра и Василия. В верхнем медальоне надпись ПЕТР начертана в две строки: слева от изображения – в столбец – Т/Р, справа – также столбец – П/Э. Надписи над головой Богородицы БОГ/О и в нижнем медальоне ВАСИЛИЙ мастер нанес в позитиве, «забыв», что на литейной форме буквы следует наносить в зеркальном отображении. В нижнем медальоне надпись выполнена в три строки: слева от изображения в столбец С/Н/Л – зеркально, причем «Л» перевернута на 90°; справа от изображения – также в столбец зеркально В/А.

На оборотной створке представлено каноническое изображение Распятия на фоне Крестного древа с предстоящими Богоматерью и Иоанном Крестителем. Фигура Христа имеет плавный изгиб. Под руками Христа надпись IC/ХС. В верхнем и нижнем медальонах прямоличные поясные изображения святителей Николая (сверху) и Григория Богослова. На обоих медальонах надписи начертаны по обе стороны от изображения, вертикально в одну букву на строке. Эта створка более истертая, что указывает на способ ношения конкретного энколпиона (створкой с изображением Богоматери наружу).

Аналогичный энколпион был найден в Новгороде в 1948 г. (раскопки А. В. Арциховского), еще три экземпляра, находящиеся в собрании Государственного исторического музея, беспаспортные (*Асташова и др.*, 2013. С. 196–198. № 109–112).

Присутствие архангелов в композиционно-иконографической схеме энколпионов – памятников христианской металлопластики – заслуживает особого внимания. Изображения архангелов Гавриила и Михаила в свите Богоматери известны с VI в. (мозаика базилики св. Евфразияна в Порече, Хорватия – 543–553 гг.; мозаика в конхе апсиды церкви Панагии Ангелоктисты на Кипре – I-я пол. VII в.). Полуфигуры архангелов в медальонах включались в различные изображения Богоматери. Например, на иконе «Богоматерь Великая Панагия» («Ярославская Оранта», нач. XIII в., ГТГ) архангелы изображены со сферами. Выбор иконографической схемы «Богоматерь с архангелами – Распятие» представляется с точки зрения евангельского сюжета весьма целостным и глубоко символическим. Символическая программа (благая весть о рождении Спасителя, принесенная Богоматери архангелом Гавриилом, Боговоплощение («Да будет по слову твоему») и спасение человечества через смерть Христа на кресте) реально вписывается в действительность.

XV век представлен двумя крупными рельефными энколпионами (целый экземпляр и фрагмент оборотной створки) с иконографической схемой Богоматерь Ассунта-Распятие (тип VII.1). На концах ветвей расположены круглые медальоны, в которые вписаны поясные изображения святых (рис. 2, 1, 2).

4. Рельефный энколпион с закругленными концами и боковыми выступами (Рог-2/4-46) представляет другой композиционно-иконографический тип (VII.1.2) (рис. 2: 1).

Обнаружен в Плотницком конце на раскопе Рогатицкий-2 (ул. Бол. Московская, 30) на усадьбе «А», в слое нач. XV в. Общий размер – $7,2 \times 5,7 \times 1,0$ см; длина створки – 6,35 см. Диаметр клейм – 1,65 см. Ушко цельнолитое, в виде биконической бусины с выраженным центральным швом и ободками у отверстий с обеих сторон ($1,4 \times 1,5 \times 1,6$ см), диаметр отверстия – 0,55 см (рис. 2: 1). Диаметр отверстия шарнирных петель – 0,2 см. Вес – 30,5 г. Отлит из оловянно-свинцовой бронзы.

Сохранность энколпиона довольно хорошая. Частично утрачены только петли шарниров, небольшой фрагмент оборотной створки, а сама створка с Распятием состоит из трех фрагментов.

Изображения напоминают предыдущий энколпион, но отличаются выбором святых, помещенных в боковых медальонах. В центре лицевой створки также изображена Богоматерь Ассунта. В верхнем и нижнем медальонах представлены прямолинейные поясные изображения святых Петра и Василия. Надписи на этих медальонах идентичны предыдущему энколпиону. В верхнем медальоне надпись ПЕТР начертана в две строки: слева от изображения – в столбец Т/Р, справа также столбец П/Э. В нижнем медальоне – возможно, ВАСИЛИЙ. Надпись над головой Богородицы – БОБ – начертана зеркально. По правую руку расположена надпись в столбец в одну букву П[ОМ]ОГА[Й]. Богородичные иконы с обращением «СВЯТАЯ БОГОРОДИЦА, ПОМОГАЙ» появляются в начале XIII в. и представляют несколько вариантов, развивающихся на одной иконографической основе (*Асташова и др.*, 2013. С. 24).

В боковых медальонах лицевой створки изображены святые целители Козьма и Дамиан. Надписи перед медальонами (по правую руку Богоматери – К[ОЗМА] и по левую – [Д]А[МИ]АНА) выполнены в зеркальном отображении, буквы размещены хаотично, но достаточно четко. Контур медальонов представляет собой сильно сглаженный (в результате многократных отливок) бордюр с насечками.

Оборотная створка несет также аналогичное предыдущему экземпляру изображение Распятия с предстоящими Богоматерью и Иоанном Крестителем. В верхнем и нижнем медальонах прямолинейные поясные изображения святителей Николая (сверху) и Григория Богослова. На обоих медальонах надписи расположены по обе стороны от изображения. Фигура Христа имеет плавный изгиб. Под руками Христа – нечитаемая надпись.

Аналогичный энколпион, датирующийся 1230-ми гг., был найден в 1948 г. (раскопки Б. А. Рыбакова) в Брянской обл. на городище Вщиж (*Рыбаков*, 1951. С. 40, 41. Рис. 19). В качестве аналогий можно рассматривать энколпионы из собрания Государственного исторического музея, но все они относятся к беспаспортным находкам (*Асташова и др.*, 2013. С. 187–196. № 92–108).

5. Фрагмент оборотной створки рельефного энколпиона с закругленными концами и боковыми выступами (Козьм-2015/1-40) очень напоминает предыдущий реликварий (тип VII.1): Распятие с предстоящими Богоматерью и Иоанном Крестителем (рис. 2: 2). В нижнем медальоне помещено прямолинейное поясное изображение святого. Под руками Христа – нечитаемая надпись. Обнаружен

в Неревском конце (Софийская сторона, раскоп Козьмодемьянский-2015) в слое XV в. на усадьбе «Б», которая примыкает с юга к Козьмодемьянской улице.

Ширина створки – 5,2 см, толщина – 0,5 см, реконструируемая длина створки без шарниров ~ 6 см. Вес – 12,76 г. Изготовлен из свинцово-оловянной бронзы.

В 2012 г. при раскопках в Изборской крепости, на территории поселения на Жеравьей горе, укрепления которого были заложены в начале XIV в., была найдена лицевая створка аналогичного энколпиона с изображением Богоматери Ассунта (Яковлева, 2014. С. 12–14. Рис. 8, б; Колпакова, 2015. С. 208, 209. Рис. 1: 5). Эта находка замечательна тем, что линия излома створки аналогична контуру излома оборотной створки новгородского энколпиона (Козьм-2015/1-40) (рис. 2: 3). Установить, являются ли эти створки составными частями одного изделия, трудно, даже при условии, что обе они отлиты из однотипного сплава. Поэтому на данном этапе исследований констатируется только сам факт.

Заключение. Анализ выборки новгородских энколпионов втор. пол. XIII – XV в. показывает, что энколпионы вышли из стен мастерских с налаженным процессом изготовления створчатых крестов, особенности которого отмечены Т. Г. Сарачевой (Асташова и др., 2013. С. 96). Все реликварии имеют достаточно глубокие внутренние полости для вложения священных реликвий, что указывает на возможное производство энколпионов при церковном центре, святыни которого привлекали паломников (Макаров, Зайцева, 2017. С. 197).

Новые находки новгородских энколпионов отражают реальные процессы христианизации и являются ценным археологическим источником в изучении процессов становления христианской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л. В., 1974. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. № 3. С. 204–219.
- Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачева Т. Г., 2013. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг. 319 с.
- Асташова Н. И., Сарачева Т. Г., 2010. Химико-технологическое изучение древнерусских рельефных энколпионов из археологического собрания Государственного Исторического музея // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: мат-лы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / Ред.-сост.: А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб: Нестор-История. С. 317–329.
- Бурганова М. А., 1998. Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XX веков в собрании музея Московского государственно-промышленного университета им. С. Г. Строганова: каталог. М. 101 л., 84 л. ил.
- Гнутова С. В., 1993. Мелкая пластика Древней Руси (Типология и бытование) // Русское медное литье. Вып. 1 / Ред. С. В. Гнутова. М.: Сол Систем. С. 7–20.
- Дончева-Петкова Л., 1992. Проблемы при производстве на крестове-энколпионы (материалы, технологии, ателиета) // Археология. 34, 4. София. С. 1–12.
- Жарнов Ю. Э., 2000. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. № 1. С. 183–193.
- Зоценко В. Н., 1981. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности среднего Поднепровья: сб. науч. тр. / Гл. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. С. 113–124.
- Колпакова Ю. В., 2008. К изучению топографии находок предметов личного благочестия в древней части Среднего города Пскова // Археология и история Пскова и псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 23: Материалы 53-го заседания (10–13 апреля 2007 г.) / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков: Дом печати. С. 108–124.

- Колтакова Ю. В., 2015. Новые находки энколпионов и крестов-складней в Пскове и Старом Изборске (2000–2014 гг.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29: Материалы XXIX науч. конф., посвящ. 150-летию Новгородского музея-заповедника / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород: Перв. изд.-полиграф. холдинг. С. 203–210.
- Коновалов А. А., Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. 191 с.
- Корзухина Г. Ф., 1958. О памятниках «корсунского дела» на Руси // Византийский временник. Т. 14. С. 129–137.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение. 432 с.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2017. Кресты-энколпионы с чернью из Суздальского Ополя // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 193–197.
- Пескова А. А., 2005. Древнерусские энколпионы XI–XIII веков в русле византийской традиции // Ставрографический сборник. Кн. 3: Крест как личная святыня / Науч. ред. С. В. Гнутова. М.: Московская Патриархия: Древнехранилище. С. 134–183.
- Рыбаков Б. А., 1951. Раскопки во Вщиже в 1948–1949 гг. // КСИИМК. Вып. XXXVIII. С. 34–41.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука. 193 с.
- Яковлева Е. А., 2014. Археология в Пскове в 2012 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар им. акад. В. В. Седова. Вып. 29: Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2013 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН; СПб: Нестор-История. С. 7–30, 479.
- Янин В. Л., Гайдужов П. Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада. 501 с.

Сведения об авторе

Олейников Олег Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: oleynikov1960@yandex.ru

O. M. Oleynikov
NEW FINDS OF ENCOLPIONS
OF THE SECOND HALF OF THE 13th–15th CENTURIES
IN VELIKY NOVGOROD

Abstract. The paper reports on the studies of the collection of reliquary crosses dating from the second half of the 13th–15th centuries discovered by the Novgorod archaeological expedition of the Institute of Archaeology, RAS, in 2008–2017. The collection includes five reliquaries. The paper provides information on the location of these finds as well as morphological and iconographic characteristics and the chemical composition of metal.

Keywords: Novgorod, occupation layer, collection of reliquary crosses, second half of the 13th–15th centuries, chemical composition of metal.

REFERECES

- Alekseev L. V., 1974. Melkoye khudozhestvennoye lit'ye iz nekotorykh zapadnorusskikh zemel' (kresty i ikonki Belorussii) [Small-size fine art casting from some West Russian lands (crosses and small icons of Byelorussia)]. SA, 3, pp. 204–219.

- Astashova N. I., Petrova L. A., Saracheva T. G., 2013. Kresty-enkolpiony iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Reliquary crosses from collection of State Historical museum]. Moscow: RIP-kholding. 319 p.
- Astashova N. I., Saracheva T. G., 2010. Khimiko-tehnologicheskoye izuchenie drevnerusskikh rel'yefnykh enkolpionov iz arkhologicheskogo sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Chemical technological study of Ancient Russia relief reliquary crosses from archaeological collection of State Historical museum]. *Slavyano-russkoye yuvelirnnoye delo i ego istoki: materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya G. F. Korzukhinoy [Slavic-Russian jewelry craft and its origins: transactions of international conference in honour of centenary of G. F. Korzukhina] (2006)*. A. A. Peskova, O. A. Shcheglova, A. E. Musin, eds. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 317–329.
- Burganova M. A., 1998. Proizvedeniya drevnerusskoy melkoy plastiki XI–XX vekov v sobranii muzeya Moskovskogo Gosudarstvennogo Khudozhestvenno-Promyshlennogo Universiteta im. S. G. Stroganova: katalog [Pieces of Ancient Russia small sculpture of XI–XX centuries in collection of Stroganov Museum of Moscow State Art and Industry university: catalogue]. Moscow. 101 l., 84 l. ill.
- Doncheva-Petkova L., 1992. Problemi pri proizvodstvoto na kr'stove-enkolpioni (materiali, tehnologii, atelieta) [Problems of producing of reliquary crosses (materials, technologies, workshops)]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 34, 4. Sofiya, pp. 1–12.
- Gnutova S. V., 1993. Melkaya plastika Drevney Rusi (Tipologiya i bytovanie) [Small-size sculpture of Ancient Russia (Typology and functioning)]. *Russkoye mednoye lit'ye [Russian copper casting]*, 1. S. V. Gnutova, ed. Moscow: Sol Sistem, pp. 7–20.
- Kolpakova Yu. V., 2008. K izucheniyu topografii nakhodok predmetov lichnogo blagochestiya v drevney chasti Srednego goroda Pskova [To study of topography of finds of personal piety objects in ancient part of Pskov Middle town]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: seminar imeni akademika V. V. Sedova [Archaeology and history of Pskov and Pskov land: Academician V. V. Sedov seminar]*, 23. *Materialy 53-go zasedaniya [Proceedings of 53rd session] (2007)*. I. K. Labutina, ed. Pskov: IA RAN, pp. 108–124.
- Kolpakova Yu. V., 2015. Novyye nakhodki enkolpionov i krestov-skladney v Pskove i Starom Izborske (2000–2014 gg.) [New finds of reliquary crosses and folded crosses in Pskov and Saryy Izborsk (2000–2014)]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 29. *Materialy XXIX nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika [Proceedings of XXIX scientific conference devoted to 150th anniversary of Novgorod museum-reserve]*. V. L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Pervyy izdatel'sko-poligraficheskiy kholding, pp. 203–210.
- Konovalov A. A., Eniosova N. V., Mitoyan R. A., Saracheva T. G., 2008. Tsvetnyye i dragotsennyye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya [Non-ferrous and precious metals and their alloys in territory of Eastern Europe in medieval epoch]. Moscow: Vostochnaya literatura. 191 p.
- Korzukhina G. F., 1958. O pamyatnikakh «korsunskogo dela» na Rusi [On monuments of «Korsun craft» in Russia]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine annual]*, 14, pp. 129–137.
- Korzukhina G. F., Peskova A. A., 2003. Drevnerusskie enkolpiony. Nagrudnyye kresty-relikvarii XI–XIII vv. [Ancient Russia enkolpions. Pectoral reliquary crosses of XI–XIII cc.]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 432 p.
- Makarov N. A., Zaytseva I. E., 2017. Kresty-enkolpiony s chern'yu iz Suzdal'skogo Opol'ya [Reliquary crosses with niello from Suzdal' Opolye]. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s'yezda v Barnaule – Belokurikhe [Transactions of V (XXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul – Belokurikha]*. A. P. Derevyanko, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy universitet, pp. 193–197.
- Peskova A. A., 2005. Drevnerusskie enkolpiony XI–XIII vekov v rusle vizantiyskoy traditsii [Ancient Russia reliquary crosses of XI–XIII centuries in stream of Byzantine tradition]. *Stavrograficheskiy sbornik [Stavrographic annual]*, 3. *Krest kak lichnaya svyatynya [Cross as personal religious relic]*. S. V. Gnutova, ed. Moscow: Moskovskaya Patriarkhiya: Drevlekhranilishche, pp. 134–183. xavations in
- Rybakov B. A., 1951. Raskopki vo Vshchizhe v 1948–1949 gg. [Excavations in Vshchizh in 1948–1949]. *KSIIMK*, XXXVIII, pp. 34–41.

- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnnye izdeliya drevnego Novgoroda [Jewelry items of ancient Novgorod]. Moscow: Nauka. 193 p.
- Yakovleva E. A., 2014. Arkheologiya v Pskove v 2012 g. [Archaeology in Pskov in 2012]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: seminar imeni akademika V. V. Sedova [Archaeology and history of Pskov and Pskov land: Academician V. V. Sedov seminar]*, 29. *Materialy 59-go zasedaniya [Proceedings of 59th session]* (2013). N. V. Lopatin, ed. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 7–30.
- Yanin V. L., Gaydukov P. G., 1998. Aktovyye pechati Drevney Rusi X–XV vv. [Act seals of Ancient Russia of X–XV cc.], III. Pechati, zaregistrovannyye v 1970–1996 gg. [Seals recorded in 1970–1996]. Moscow: Intrada. 501 p.
- Zharov Yu. E., 2000. Khudozhestvennoye mednoye lit'ye iz raskopok vo Vladimire-na-Klyaz'me [Figurative copper-casting art according to the excavations in Vladimir-on-Klyazma]. *RA*, 1, pp. 183–193.
- Zotsenko V. N., 1981. Ob odnom tipe drevnerusskikh enkolpionov [On one type of Ancient Russia reliquary crosses]. *Drevnosti Srednego Podneprov'ya: sbornik nauchnykh trudov [Antiquities of Middle Dnieper region: collected scientific works]*. I. I. Artemenko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 113–124.

About the author

Oleynikov Oleg M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru

П. Д. Малыгин, Н. А. Сарафанова, А. В. Банников (Вяземский)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАПОЛЬНОЙ ЧАСТИ ВЕРХНЕГО ГОРОДИЩА г. ТОРЖКА

Резюме. В статье рассматриваются результаты археологических раскопок в г. Торжке Тверской области на участке, располагающемся между Новоторжским кремлем (Нижнее и Верхнее городища) и Борисоглебским монастырем, основанным в 1038 г. Раскопом частично вскрыт городской домонгольский некрополь, в котором положение рук умерших крайне неустойчиво. Впервые осуществлена частичная прорезка напольного рва Новоторжской крепости.

Ключевые слова: археология, раскопки, город, Тверская область, Торжок, Гребля, погребение, некрополь, Средневековье.

Раскоп Гребля-1 2017 г. был заложен на месте производственного здания Всероссийского историко-этнографического музея (ВИЭМ) и располагался на ценной и, в определенной степени, уникальной в историко-археологическом отношении территории. Это один из древнейших участков центральной части правобережья Торжка, располагающийся между Новоторжским кремлем (Нижнее и Верхнее городища) и Борисоглебским монастырем, основанным в 1038 г. С восточной стороны раскопа находится бывшая усадьба Уварова-Цвылева, занятая в настоящее время отделом фондов ВИЭМ (рис. 1: *И*). Наименование «Гребля» раскоп получил в связи с расположением на южном склоне рва Новоторжского кремля. Средневековое название рва – «Гребля», от глагола *гresti, выгребать* (землю). Древнейшее упоминание гребли в дошедших письменных источниках относится к 1631 г. (РГАДА. Ф. 1470. Пушкарский приказ. Оп. 1. № 151. Л. 3). В документе 1647 г. упоминается «наугольная башня к гребли» (Там же). В Писцовой и межевой книге Торжка 1686 г. отмечается «градская гребля» или «городовой ров, что слывет Гребля» (Писцовые и переписные..., 2014. С. 188). В Переписной книге 1710 г. также отмечено, что «ров под осыпью (т. е. валам крепости) словет гребля» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 11455. Л. 6 об.).

В 1903 г. известный исследователь Торжка И. К. Линдеман отмечал, что «спуск к Тверце (по дну рва) новоторы и теперь, по старой памяти, называют Греблей» (Линдеман, 1906. С. 366). Старые фотографии Торжка свидетельствуют, что в XIX – начале XX в. по дну рва-гребли от улицы Городской Вал спускалась к берегу Тверцы дорога, обсаженная со стороны валов Нижнего и Верхнего городищ березами. Непосредственно ров-гребля в системе напольной линии Новоторжского кремля является общим как для вала Нижнего, так и вала Верхнего городищ (рис. 1: В, Г, Д). Достаточно четко особенности рва-гребли прослеживаются на топографическом плане Торжка 1932 г. (рис. 1). На всем протяжении рва-гребли можно выделить несколько основных участков.

Участок А соответствует рву вала Нижнего городища. При сооружении рва на этом участке использовался естественный овраг коренного правого берега реки Тверцы, поэтому именно этот участок имеет значительный уклон в сторону реки.

Участок Б соответствует рву вала Верхнего городища и, очевидно, является искусственно вырытым. Новоторжский кремль как дерево-земляная крепость просуществовало до середины XVIII в., когда с 60-х гг. этого столетия началась перепланировка Торжка. Именно в это время на месте моста через ров у Михайловских ворот (Там же. С. 369) (рис. 1) на месте засыпки рва (в западной части участка Б) появилась перемычка и мощная дорога, являвшаяся частью ул. Городской Вал.

В 1830–1840-х гг. появляется новая перемычка рва, которую мы обозначаем как участок В (рис. 1). Данная засыпка рва Верхнего городища появилась в связи со строительством каменных зданий усадьбы Уварова-Цвылева (Салимов, Салимова, 2001. С. 50). Таким образом, северо-восточная часть раскопа Гребля-1 захватывает южный склон рва у стыка участков А и Б (рис. 1). Длина участка А рва-гребли – около 100 м, а участка Б – 150 м, общая длина рва – около 250 м.

Несколько меньшую (видимую только от моста у Михайловских ворот) длину рва-гребли указывает Переписная книга 1710 г.: «ров под осыпью словет гребля мерою 100 сажень» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 11455. Л. 6 об.) – т. е. 213 м. Этот же источник, очевидно, у моста Михайловских ворот определяет глубину и ширину рва: «в глубину 2 сажень и менше, поперег 2 сажени» (Там же) – т. е. по 4,3 м.

Важно отметить, что участкам А и Б соответствуют разные характеристики рва-гребли в Писцовой и межевой книге 1686 г. Участок А, т. е. естественный овраг, приспособленный под ров, именуется «*рытвиной*, что слывет Гребля» (Писцовые и переписные..., 2014. С. 189). Участок Б, который мы считаем искусственным, т. е. специально вырытым рвом, назывался в 1686 г. «*прокопом*, что слывет Гребля» (Там же. С. 189).

Принципиален вопрос, наполнялся ли в Средневековье ров-гребля водой. Писцовые материалы XVII – начала XVIII в. ничего по этому поводу не говорят. И. К. Линдеман в своем докладе 1903 г. называет ров *сухим* (Линдеман, 1906. С. 366). «Краткое известие о городе Торжке» и план города 1674 г. шведского военного агента Э. Пальмквиста также фиксируют «*сухой ров*» (Пальмквист,

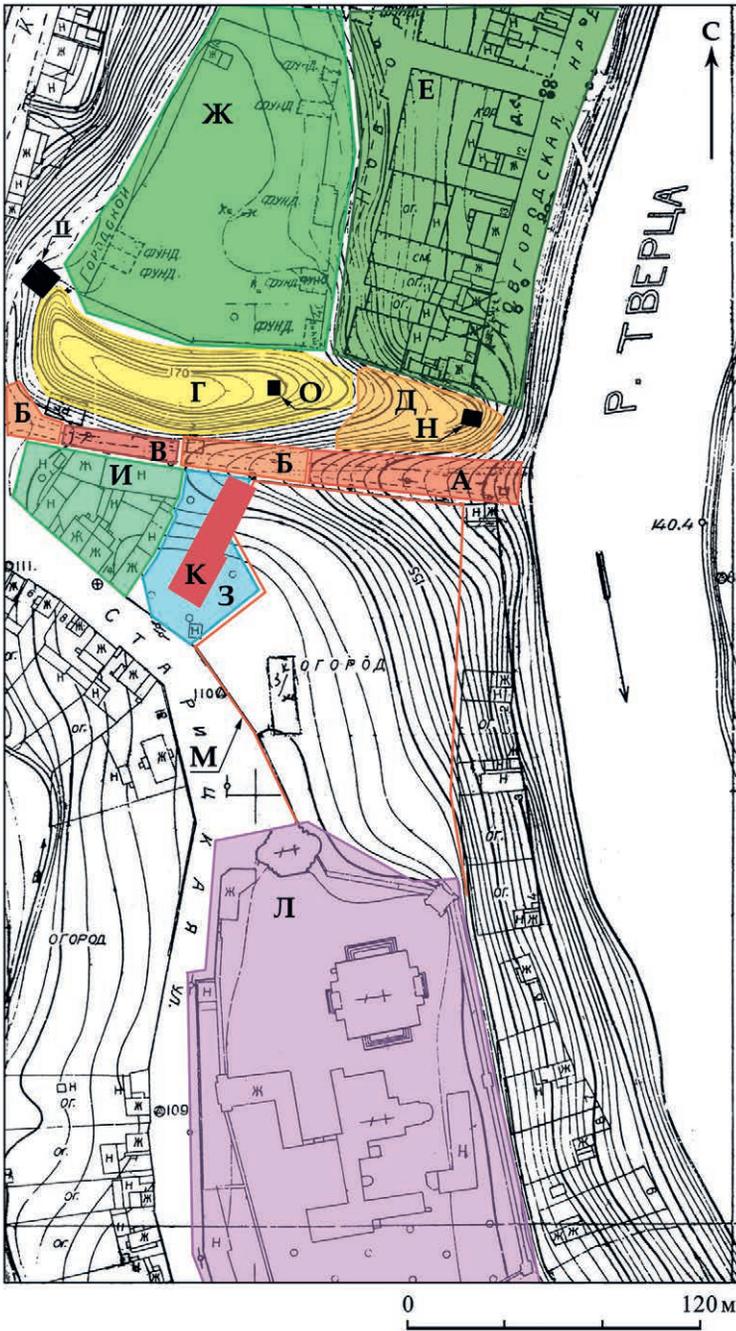

Рис. 1. План правобережной части г. Торжка с обозначением топографических объектов и размещением раскопа

А – ров-«Гребля» – «рытвина, что слывет Гребля»; Б – ров-«Гребля» – «прокол, что слывет Гребля»; В – ров-«Гребля» – участок засыпки рва; Г – вал Верхнего городища; Д – вал Нижнего городища; Е – территория Нижнего городища; Ж – территория Верхнего городища; З – территория бывшего сада Омнина-Цвyleва; И – фонды ВИЭМ; К – раскоп Гребля-1; Л – Борисоглебский монастырь; М – ограда монастырского огорода (трасса бывшей каменной ограды); Н – место деревянной Угольной (Наугольной) башни Новоторжского кремля; О – место деревянной Борисоглебской башни Новоторжского кремля; П – место деревянных Михайловских ворот Новоторжского кремля

2012. С. 198, 202). Однако у Э. Пальмквиста имеется одно ценное замечание: «когда вода в реке поднимается, то весь *ров наполняется водой*» (Пальмквист, 2012. С. 198). Таким образом, можно предполагать, что подъем воды в Тверце превращал ров-греблю уже не в сухую преграду.

Напольный южный склон рва-гребли, на котором был заложен раскоп 2017 г., обозначается в Писцовой и межевой книге 1686 г. термином «*монастырский привал*» (Писцовые и переписные..., 2014. С. 188).

Относительно напольной линии укреплений Новоторжского кремля: по длинной оси (ЮЗ – СВ) раскоп Гребля-1 приурочен (через ров) к месту, где до середины XVIII в. располагалась Борисоглебская башня (рис. 1: О). Эта башня стояла на стыке вала Нижнего и вала Верхнего городищ. Проведя в 1957 г. обследование городищ Торжка, П. А. Раппопорт отметил, что вал Верхнего городища расположен более или менее горизонтально, а вал Нижнего городища расположен на резко понижающемся к р. Тверце участке; при этом его гребень также резко снижается в сторону реки (*Pannonopt*, 1961. С. 67).

Выше было отмечено, что территория, на которой был заложен раскоп Гребля-1, уникальна в историко-археологическом отношении. Это обусловлено тем, что данная территория с юга и севера как бы зажата между двумя древнейшими объектами Торжка – Борисоглебским монастырем и Новоторжским кремлем. С востока она ограничена р. Тверцой, а с запада – долиной руч. Здоровец (рис. 1).

Размеры описываемого пространства приблизительно 320×320 м, и на первый взгляд эта территория могла бы рассматриваться как древнейший посад города. Однако данное пространство по отношению к городской крепости всегда оставалось напольной стороной, именно отсюда начинались штурмы и осады Торжка. В эпицентре феодальных войн Торжок (Новый Торг) оказывается уже с 1139 г. – своего первого прямого упоминания в летописях (ПСРЛ. Т. 3, 2000. С. 25, 211). Еще активнее Торжок участвует в междоусобных конфликтах с начала 1160-х гг., когда первый посаженный сюда из смоленской династии князь Давыд Ростиславич укрепил Верхнее городище, превратив его в княжеский замок, названный Новым Торгом, в отличие от церковно-боярской крепости – Нижнего городища, т. е. собственно Торжка (*Малыгин*, 2003. С. 92).

Таким образом, напольная часть между валами Новоторжского кремля и Борисоглебским монастырем, где заложен раскоп Гребля-1, была плацдармом для девяти захватов и разорений средневекового Торжка: в 1167 (князь Святослав Ростиславич), 1178 и 1181 (Всеволод Большое Гнездо), 1238 (хан Батый), 1316 (тверской князь Михаил Ярославич с татарами), 1372 (тверской князь Михаил Александрович с литовцами), 1445 (тверской князь Борис Александрович), 1569/70 (Иван Грозный) и 1609 (польско-литовские интервенты) годах (*Малыгин*, 1990. С. 25–26).

Целый ряд источников свидетельствует, что напольная сторона новоторжских городищ не была застроена вплоть до первой половины XX в. (!). Так, на рисунке из «Альбома» австрийского дипломата А. Мейерберга, побывавшего в Торжке в мае 1661 г., отчетливо показано свободное от застройки пространство с напольной стороны крепости (Альбом..., 1903. С. 13. Рис. 40; *Линдеман*, 1906.

С. 356; *Малыгин*, 2015. С. 49–51) (рис. 2: 1). На плане Торжка 1674 г. шведского военного агента Э. Пальмквиста напольная сторона Новоторжского кремля показана как пустырь (*Пальмквист*, 2012. С. 200. Л. 12) (рис. 2: 2). В Писцовой и межевой книге 1686 г. эта территория названа «монастырской огородной землей меж... монастырских служных слободок подле городского рва, что слышет Гребля» (Писцовые и переписные..., 2014. С. 190).

На планах Торжка 1798 г. (РГВИА ВУА. Ед. хр. 21528. Ч. I) и 1825 г. (РГВИА ВУА Ед. хр. 19097. Л. 21–22) можно видеть пустое пространство с напольной стороны городищ и два (для 1798 г.) или три (для 1825 г.) жилых дома по улице, ведущей на Верхнее городище от Борисоглебского монастыря.

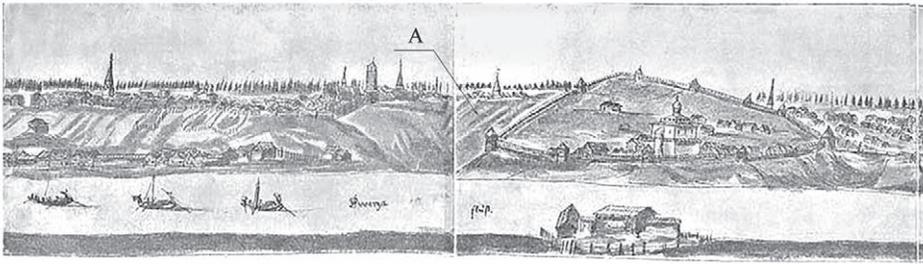
На фотографиях Торжка 1867 г. и рубежа XIX–XX вв. к югу от валов городищ отчетливо видна каменная ограда Борисоглебского монастырского огорода. Эта ограда зафиксирована и в описании монастыря 1861 г. (*Илиодор*, 1861. С. 172) и 1901 г. (Тверской епархиальный..., 1901. С. 609)

Судя по фотографиям рубежа XIX–XX вв., место раскопа 2017 г. совпадает с массивом больших деревьев. Этот массив, по данным 1903 г. И. К. Линдемана, – «сад Уварова-Цвылева» (*Линдеман*, 1906. С. 371). Сад и трасса каменной ограды монастырского огорода отмечены на топографическом плане Торжка 1932 г. Остатки основания каменной ограды монастырского огорода вскрыты в северо-восточной части раскопа 2017 г.

В 1970–1980-х гг. на месте раскопа Гребля-1 располагалось каменное здание, входившее в состав промзоны пенитенциарных учреждений, базировавшихся в Борисоглебском монастыре, который был закрыт в начале 1930-х гг.

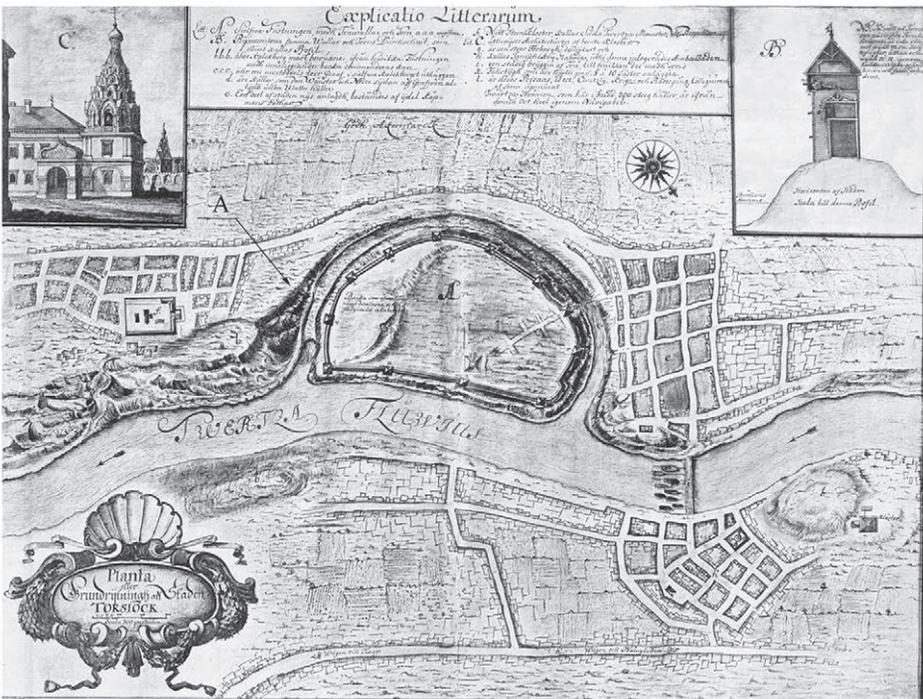
На территории напольной части Новоторжского кремля широкомасштабных раскопок до 2017 г. не проводилось. Исследования на раскопе Гребля-1 площадью 1000 кв. м подтвердили данные об отсутствии постоянной средневековой застройки на напольной стороне новоторжских городищ.

Раскопом частично вскрыт городской домонгольский некрополь, уже третий по счету, исследованный в Торжке. Всего было вскрыто 19 погребений. Из них 13 – мужских, 3 – женских и 2 – детских, еще одно погребение сильно разрушено. Полагаем, что на напольной стороне крепости, где сосредотачивались войска осаждавших Торжок неприятелей и делались вылазки оборонявшихся, некрополь мог появиться лишь до 1139 г. Данный некрополь имеет отличия от домонгольских кладбищ на Верхнем городище (*Малыгин*, *Бодунов*, 1985. С. 67–68) и в Борисоглебском монастыре (*Зайцев*, 1994. С. 64). Во-первых, его нельзя в полном смысле назвать безынвентарным, так как в трех мужских погребениях найдены соответственно бронзовые рубчатый перстень, поясное кольцо и железный нож. Во-вторых, погребения отличаются крайне неустойчивым положением рук умерших. У 16 погребенных насчитывается 12 вариантов положения костей рук: вдоль тела; сложены на груди; сложены под прямым или тупым углом на животе; сложены в области костей таза; одна вдоль тела, другая в области костей таза или на животе; одна на животе, другая у подбородка; одна на животе под прямым или тупым углом, другая в области костей таза; одна на груди, другая на животе; одна на груди, другая в области костей таза (рис. 3; 4). Для сравнения, в некрополе XII в. на Верхнем городище Торжка у 14 погребенных – лишь 4–5 вариантов положения рук,

Torzhok eine mit Holzern Volkwercken umgebene Stadt dem Erbfürst in, Klusken gehörig liegt fünf Meilen von Badessa, am fließ Torzwanitz welchem das
 dinstelgen dertor in die zweyhundert wachmündel bis an das Quartier in gewisze und dreyßigstift gefanden haben war mit Völge geben empfangen.

1

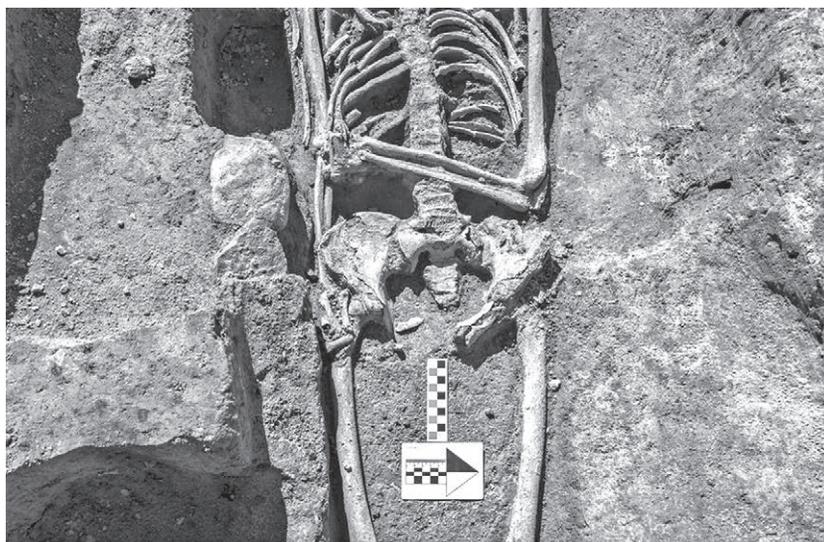

2

Рис. 2. Фрагменты изображений г. Торжка

1 – рисунок из альбома А. Мейерберга. 1661 г.; 2 – план Э. Пальмквиста. 1674 г.

А – приблизительное место раскопа Гребля-1

1

2

Рис. 3. Примеры расположения рук в погребениях

1 – погребение № 6; 2 – погребение № 8

1

2

Рис. 4. Примеры расположения рук в погребениях

1 – погребение № 4; 2 – погребение № 5

а в Тверском некрополе Козмодемьянской церкви XIII в. у 88 погребенных насчитывается лишь 7 вариантов положения рук (*Беляев и др.*, 2017. С. 67). Все эти обстоятельства для Торжка, где христианство распространяется с самого начала XI в., позволяют датировать некрополь раскопа 2017 г. XI – началом XII в.

Некрополь частично разрушен более поздними сооружениями, в том числе открытыми очагами, которые мы интерпретируем как следы пребывания войск, осаждавших и штурмовавших Торжок. Очаги круглые в плане, сложены камнями. Камни сильно пережжены. Внутри очагов зафиксирован уголь и найдены фрагменты глиняных сосудов XII–XIV вв.

Всего в раскопе Гребля-1 вскрыто более 140 материковых ям разного периода.

Древнейшая постройка в пределах раскопа датируется XIV – началом XV в. (яма 81), она связана с косторезным производством. Помимо пиленых и обработанных костей и рогов, костяных рукоятей, из нее происходят наконечник стрелы арбалета, нательные крестики с желтой эмалью, ножи, бронзовые и железные обоймицы.

Позднейшая, не считая сооружений советского периода, постройка (яма 30) датируется по монетам 1737–1847 гг. От нее сохранилась подпольная часть, полностью заполненная кухонной и столовой утварью. Кроме этого, в ней найдены нательные крестики, фрагменты оклада иконы, детские игрушки-погремушки из глины.

Технически весьма сложной оказалась прорезка непосредственно рва, поскольку заполняющий его грунт был чрезвычайно сыпучим. Прорезкой вскрыт napольный склон рва в длину на 12 м, в ширину на 8 м – в верхней части и на 1 м – в нижней части. Мощность культурного слоя в нижней части прорезки рва составила 9, а в верхней части – 0,8 м. Несмотря на мощный (до 5 м) «сухой» слой XX–XXI вв., удалось выяснить, что по napольному склону рва на материке залегают влагонасыщенный красно-желтый суглинок с прослойками серой супеси, в котором обнаружена керамика XII–XIV и XV–XVII вв. В самой нижней точке прорезки рва материк представлен серым песком с камнями (булыжниками).

Необычным можно считать незначительное количество предметов вооружения – всего три наконечника стрел. Это объясняется, по всей видимости, тем, что данный участок находился в центре города и оружие после военных конфликтов целенаправленно собиралось.

Из других находок следует отметить цилиндрический замок с бронзовой инкрустацией типа Г, по Б. А. Колчину (середина XIII – середина XV в.) (*Колчин*, 1982. С. 160, 162). Замок найден в яме, которую следует отнести к остаткам железодельного производства (таких ям на раскопе три). В них найдено большое количество криц, а также железных пластин. Одна из этих ям разрушила несколько погребений некрополя.

Торговые связи Торжка прослеживаются по находкам импорта, среди которых западноевропейский счетный жетон конца XVI – XVII в. Такие жетоны, как известно, широко использовались при ведении финансовых операций, однако в Торжке это первая подобная находка.

Таким образом, результаты, полученные на раскопе Гребля-1, позволяют отметить ряд существенных особенностей территории между Новоторжским кремлем и Борисоглебским монастырем в центральной части исторического ядра Торжка.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб.: А. С. Суворин, 1903. XVIII, 191 с.
- Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н., 2017. Некрополь середины XII–XIII вв. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: Тверской науч.-исслед. историко-археологический и реставрационный центр. С. 61–98.
- Зайцев А. А., 1994. Исследования Торжка // АО 1993 г. М.: ИА РАН. С. 64.
- Иллиодор, 1861. Историческо-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря... Тверь: Тип. губ. правл. 182 с.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Линдемман И. К., 1906. Разбор сведений, сообщаемых Пальмквистом о Торжке // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь: Тверская ученая архивная комиссия. Отд. II. С. 347–375.
- Мальгин П. Д., 1990. Древний Торжок: историко-археологические очерки. Торжок. 56 с.
- Мальгин П. Д., 2003. Судьбы Торжка и Твери в XIII веке // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука. С. 92–96.
- Мальгин П. Д., 2015. Материалы к библиографическому словарю западноевропейцев XV–XVII веков, писавших о России: учебное пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т. С. 49–51.
- Мальгин П. Д., Бодунов Е. В., 1985. Раскопки в г. Торжок // АО 1983 г. М.: Наука. С. 67–68.
- Пальмквист Э., 2012. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году (оригинальный текст, переводы, статьи). М.: Ломоносовъ. 340 с.
- Писцовые и переписные книги Торжка XVII – начала XVIII в. Ч. 1 / Сост.: И. Ю. Анкудинов, П. Д. Мальгин. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. XXXII, 615 с.
- ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. XI, 692 с.
- Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 242 с. (МИА; № 105.)
- РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 11455.
- РГАДА. Ф. 1470. Оп. 1. № 151. Л. 1–12.
- РГВИА. ВУА. Ед. хр. 19097. Л. 21–22 (1825 г.)
- РГВИА. ВУА. Ед. хр. 21528. Ч. I (1798 г.)
- Салимов А. М., Салимова М. А., 2001. Усадьба Уваровых на улице Старицкой в Торжке // Сборник научных трудов ВИЭМ. Вып. 2. Торжок. С. 49–55.
- Тверской епархиальный статистический сборник / Сост. И. Добровольский. Тверь, 1901. 609 с.

Сведения об авторах

Мальгин Петр Дмитриевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: pmalugin@tversu.ru;

Сарафанова Наталья Алексеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: e-mail: fortната@yandex.ru;

Банников (Вяземский) Алексей Вячеславович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vjazemskiy@icloud.com

P. D. Malygin, N. A. Sarafanova, A. V. Bannikov (Vyazemskiy)

SOME RESULTS OF HISTORICAL-ARCHAEOLOGICAL RESEARCH
OF FIELD PART OF THE UPPER HILLFORT IN TORZHOK

Abstract. The paper reports on the results of archaeological excavations in the town of Torzhok, Tver' Region, carried out on the section between the New Torzhok Kremlin (the Lower and the Upper Hillforts) and the Monastery of St. Boris and Gleb founded in 1038. The excavation trench partially revealed a pre-Mongol town necropolis where graves demonstrate high variability in the position of the arms of the deceased. Partial cross-section of the fieldside ditch of the New Torzhok Fortress was performed for the first time.

Keywords: archaeology, excavations, town, Tver' Region, Torzhok, Greblya, burial, necropolis, medieval period.

REFERENCES

- Al' bom Meyerberga. Vidy i bytovye kartiny Rossii XVII veka [Meierberg album. Views and picture of everyday life of Russia in XVII century]. St. Petersburg: A. S. Suvorin, 1903. XVIII, 191 p.
- Belyayev L. A., Safarova I. A., Khokhlov A. N., 2017. Nekropol' serediny XII–XIII vv. na meste Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Tverskom kremle [Necropolis of mid XII–XIII cc. in the place of Spaso-Preobrazhenskiy Cathedral]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver', Tver' land and adjacent territories in Middle Ages], 10. Tver': Tverskoy nauchno-issledovatel'skiy istoriko-arkheologicheskiy i restavratsionnyy tsentr, pp. 61–98.
- Iliodor, 1861. Istoricheskoye-statisticheskoye opisanie Novotorzhskogo Borisoglebskogo monastyrya... [Historical-statistical description of the Novyy Torg Borisoglebskiy monastery...]. Tver': Tipografiya gubernskogo pravleniya. 182 p.
- Kolchin B. A., 1982. Khronologiya novgorodskikh drevnostey [Chronology of Novgorod antiquities]. *Novgorodskiy sbornik: 50 let raskopok Novgoroda* [Novgorod annual: 50 years of excavations in Novgorod]. Moscow: Nauka, pp. 156–177.
- Lindeman I. K., 1906. Razbor svedeniy, soobshchayemykh Palmkvistom o Torzhke [Analysis of information provided by Palmkvist concerning Torzhok]. *Trudy vtorogo oblastnogo Tverskogo arkheologicheskogo s'yezda 1903 goda 10–20 avgusta* [Proceedings of Tver' second regional archaeological congress, 1903, August, 10–20]. Tver': Tverskaya uchenaya arkhivnaya komissiya. II, pp. 347–375.
- Malygin P. D., 1990. Drevniy Torzhok: istoriko-arkheologicheskie ocherki [Ancient Torzhok: historical-archaeological essays]. Torzhok. 56 p.
- Malygin P. D., 2003. Sud'by Torzhka i Tveri v XIII veke [Destinies of Torzhok and Tver' in XIII century]. *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni* [Rus in XIII century. Antiquities of the Dark Ages]. Moscow: Nauka, pp. 92–96.
- Malygin P. D., 2015. Materialy k biobibliograficheskomu slovaryu zapadnoyevropeytssev XV–XVII vekov, pisavshikh o Rossii: uchebnoe posobie [Material for biobibliographic dictionary of Westerners of XV–XVII centuries, who wrote about Russia: manual]. Tver': Tverskoy gos. universitet, pp. 49–51.
- Malygin P. D., Bodunov E. V., 1985. Raskopki v g. Torzhok [Excavations in town of Torzhok]. *AO 1983 g.* Moscow: Nauka, pp. 67–68.
- Palmkvist E., 2012. Zametki o Rossii, sdelannye Erikom Palmkvistom v 1674 godu (original'nyy tekst, perevody, stat'i) [Notes on Russia made by Eric Palmkvist in 1674 (original text, translations, articles)]. Moscow: Lomonosov?. 340 p.
- Pistovoye i perezpisnye knigi Torzhka XVII – nachala XVIII v. [Torzhok scribes and census books of XVII – early XVIII c.], part 1. I. Yu. Ankudinov, P. D. Malygin, comp. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2014. XXXII, 615 p.

- PSRL, 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [First Novgorod chronicle of older and younger versions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. XI, 692 p.
- Rappoport P. A., 1961. Ocherki po istorii voyennogo zodchestva Severo-Vostochnoy i Severo-Zapadnoy Rusi X–XV vv. [Essays on history of military architecture of North-Eastern and North-Western Rus in X–XV c]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 242 p. (MIA, 105.)
- RGADA, F. 1209, Op. 1, pt. 2, Storage unit 11455.
- RGADA, F. 1470, Op. 1, № 151, L. 1–12.
- RGVIA. VUA. Storage unit 19097, L. 21–22 (1825)
- RGVIA. VUA. Storage unit 21528, Pt. I (1798)
- Salimov A. M., Salimova M. A., 2001. Usad'ba Uvarovykh na ulitse Staritskoy v Torzhke [The Uvarovs' estate in Staritskya street in Torzhok]. *Sbornik nauchnykh trudov VIEM (Vserossiyskogo istoriko-etnograficheskogo muzeya) [Collection of scientific works of VIEM (All-Russian historical-ethnographic museum)]*, 2. Torzhok, pp. 49–55.
- Tverskoy eparkhial'nyy statisticheskiy sbornik [Tver diocesan statistical book], I. Dobrovol'skiy, ed. Tver', 1901. 609 p.
- Zaytsev A. A., 1994. Issledovaniya Torzhka [Investigations of Torzhok]. *AO 1993*. Moscow: IA RAN, p. 64.

About the authors

Malygin Petr D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: pmalygin@tversu.ru;

Sarafanova Natalia A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: fortnata@yandex.ru;

Bannikov (Vyazemskiy) Aleksey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: vjazemskiy@icloud.com

А. В. Чернецов

НАШЕСТВИЕ БАТЯЯ НА РЯЗАНСКУЮ ЗЕМЛЮ НА МИНИАТЮРАХ XVI В.

Резюме. Статья посвящена рассмотрению серии миниатюр Лицевого летописного свода Ивана Грозного – многотомного создания книжной культуры. Анализируемые миниатюры посвящены начальному этапу монголо-татарского нашествия на русские земли – завоеванию Рязанского княжества. Особенности композиций содержат дополнительную «сверхтекстовую» информацию об отношении книжников и миниатюристов XVI в. к изображаемым событиям. На миниатюрах изображены боевые эпизоды и полевые фортификационные сооружения. Подробно отражена история осады и взятия Старой Рязани. Сцены разрушений и разграбления древнерусских городов позволяют понять, какие потери в глазах потомков представлялись наиболее важными.

Ключевые слова: Лицевой летописный свод Ивана Грозного, исторические миниатюры, монголо-татарское нашествие, Рязанская земля, Старая Рязань.

Историко-археологическое изучение и комментирование миниатюр Лицевого летописного свода имеет давнюю традицию (см.: *Арциховский*, 2004. С. 75–223; *Амосов*, 1998; Лицевой летописный свод..., 2003). В частности, им посвящен ряд публикаций автора этой статьи (*Чернецов*, 1990; 2015; *Chernetsov*, 2015). Огромное количество этих миниатюр сильно затрудняет их исчерпывающее изучение и даже не позволяет дать всей этой серии какую-то обобщающую характеристику. По этой причине представляется целесообразным обратиться к рассмотрению отдельных групп миниатюр. Автор этой статьи предполагает подготовить обзор значительной серии миниатюр, посвященных истории Рязанского княжества до утраты им независимости. На эту тему им уже была написана небольшая статья, посвященная легендарному рассказу о военном столкновении войск Дмитрия Донского и Олега Ивановича Рязанского (*Чернецов*, 2005). В данном случае рассматривается небольшая серия миниатюр, посвященная событиям монголо-татарского нашествия на Рязанскую землю, которая первой оказалась на пути завоевателей. Эти миниатюры находятся в Голицынском томе

Свода (Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), IV, 225, лл. л. 302 об. – 311 об.; Лицевой летописный свод..., 2009. Кн. 5. С. 327–346. Соответствующий текст см.: ПСРЛ, 1885. Т. 10. С. 105, 106). Историческое значение этих событий освещено в многочисленных специальных работах (см., напр.: Чернецов, 2003; Чернецов, Стрикалов, 2003).

Первая композиция серии (л. 302 об.) представляет появление завоевателей у границ Рязанской земли (верховья Дона в районе впадения в него р. Воронеж). При этом упоминается захваченный монголами город Онуза (Онуга, Нухла, Нузла), не имеющий точной достоверной локализации. В *Списке городов русских дальних и ближних* этот город («Онузе») фигурирует в ряду «литовских» (Новгородская первая летопись..., 2001. С. 476), что свидетельствует о его нахождении на рязанско-черниговском пограничье.

В верхней части миниатюры изображен Батый, возглавляющий конное войско. Воины представлены в кольчугах и шлемах-шишаках (они вполне тождественны изображениям русских воинов). Батый также в кольчуге, на его голове городчатый царский венец, на плечах воинский плащ. Воины представлены молодыми, безбородыми. Батый с длинной бородой. Он беседует с воином, изображенным с небольшой бородкой. Очевидно, это один из его военачальников. Батый и его воины вооружены копьями.

Внизу – сидящий на престоле Батый, изображенный на фоне шатра (что обозначает, что он находится в шатре), отдает приказания пешим воинам. Еще одна группа пеших воинов рубит мирное население и поджигает жилища. Рядом с шатром решетчатые вертикальные сооружения с округлым завершением (возможно, сильно деградированные изображения юрт).

В верхнем правом углу изображение небольшого града, обнесенного стенами с башнями. Показана одноглавая церковь. Очевидно, град изображает загадочную Онузу.

На следующей миниатюре Батый направляет к рязанским князьям послов (л. 303). В руках сидящего на престоле Батия изображен посох – важный символ царской власти. В тексте упомянуты два посла и сопровождавшая их «жена-чародейца» (шаманка). Послы представлены в длиннополых одеждах, обычных при изображении горожан и бояр. Черты национального своеобразия одежды и головных уборов отсутствуют. То же касается одежды «чародейцы»; на ее голове изображен платок, обозначающий, что это замужняя женщина. На древнерусских миниатюрах языческие жрецы, волхвы и колдуны обычно изображались в костюмах рядового населения. Любопытно, что, несмотря на то что летописный текст сообщает только о двух послах и женщине, на миниатюре изображено более многочисленное посольство. Очевидно, в представлении миниатюристов XVI в. высокопоставленных послов могущественного правителя должна была сопровождать свита. Посольство направляется к рязанским князьям на конях. Женщина, как и другие участники посольства, представлена едущей верхом.

Согласно тексту Лицевого свода, князья «рязанские, муромские и пронские» собрались для выступления против захватчиков в Воронеже (очевидно, позднейшие книжники подразумевали город Воронеж, основанный в XVI в.). Соответственно, рязанские князья и неприятельские послы изображены в укрепленном городке, в действительности в то время не существовавшем (л. 303 об) (рис. 1).

Рис. 1. Рязанские князья и послы Батыя в Воронеже. Голицынский том Свода (Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), IV, 225, л. 303 об.)

Среди послов показана «жена-чародеица». В древнейшей версии данной летописной статьи в Новгородской первой летописи находим чтение «на Воронажь» (Новгородская первая летопись..., 2001. С. 74), т. е., очевидно, на р. Воронеж. В позднейшем легендарном рассказе «Повести о Николе Зарайском», очевидно созданном в Рязанской земле, место действия определено как «прииде на реку на Воронеж к царю Батыю» (Лихачев, 1949. С. 288). По совокупности данных разных источников место встречи рязанских князей с послами Батяя получает достаточно конкретную локализацию. Оно также подтверждается данными о местоположении Онузы.

При описании последующих событий изложение Свода расходится с более ранним летописным текстом. В последнем говорится только о том, что рязанские князья собрались для сопротивления монголо-татарам; в Своде сообщается о генеральном сражении («сеча зла»), данном завоевателям на границах княжества. Ранний текст о сражении не говорит, изложение событий отмечено недоговоренностью, включает отсылки к событиям библейской истории. Слова летописца «отъя Господь у нас силу, а недоумение и грозу, и страх, и трепет вложи в нас» (Новгородская первая летопись..., 2001. С. 75) прямо указывают на то, что уstraшенное рязанское воинство бежало без боя. Рассказ о кровопролитном сражении у границ княжества, по-видимому, восходит к легендарному повествованию о нашествии Батяя на Рязань в «Повести о Николе Зарайском» (Лихачев, 1949. С. 290, 291).

Согласно тексту Лицевого свода, войско Батяя приступило к осаде столицы княжества 6 декабря 1237 г. (в Новгородской первой летописи – 16-го числа того же месяца). Взятие [Старой] Рязани в летописях датируется 21 декабря. То есть, согласно древнейшим записям, осада длилась 5 дней, а в Своде 15. Данное расхождение наиболее вероятно связано с ошибкой переписчика. Осада, согласно тексту, сопровождалась возведением частокола по периметру укреплений города («острогом оградища») – (л. 306 об.) (рис. 2). Учитывая протяженность укреплений Старой Рязани (более 3 км), данное сообщение может показаться недостоверным. Однако это была распространенная практика, применявшаяся монголами при осаде крупных городских центров (аналогичный прием был вскоре использован при осаде Владимира). На миниатюре укрепления Старой Рязани представлены в виде условных стен и башен, сооруженный осаждающими «острог» изображен в виде частокола. Участок частокола на переднем плане имеет в нижней части косые бревенчатые контрфорсы, усиливающие конструкцию.

Взятие столицы Рязанского княжества представлено в виде прорыва конным воинством кольца укреплений, захватчики зажигают здания, изображены окровавленные обитатели города. Следующие четыре миниатюры изображают последствия взятия города. На первой представлено избивание представителей княжеского рода, их приближенных и служителей (л. 308 об.). На второй – расправа над представителями духовенства. Изображены монахи и монахини, которых рубят и расстреливают из луков и бросают в огонь. Единичная фигура изображает представителя белого духовенства. Он показан без священнических риз, в длиннополой одежде, сходной с одеждой мирян (как одевались священнослужители вне храма). Принадлежность к духовенству обозначена выстриженной макушкой (так называемое гуменце). Третья миниатюра посвящена проявлени-

Рис. 2. Осада Старой Рязани. Голицынский том Свода, л. 306 об.

ям жестокости завоевателей (л. 309). Один из воинов «врезывает груди» поверженному пленнику. Другой склоняется над простертой обнаженной женщиной. Две стоящие женские фигуры (одна в головном платке замужней женщины, другая простоволосая, видимо, изображает незамужнюю) представлены с рукой, прижатой к щеке (жест печали). Один из пленников изображен со связанными за спиной руками. Часть неприятельских воинов (очевидно, предводители) изображены в позолоченных шлемах-шишаках, остальные в обычных, стальных, покрашенных синим.

Следующая миниатюра посвящена разорению и разграблению захватчиками церквей и монастырей города (л. 309 об.) (рис. 3). На миниатюре изображены пять одноглавых церковных зданий, объятых пламенем, и поджигающие их пешие и конные воины. На переднем плане условное здание (очевидно, монастырская постройка), перед входом в которое изображен церковный престол (?). Пеший воин в золоченом шлеме (очевидно, один из предводителей) выносит из здания большой плоский ларец прямоугольной формы. Очевидно, это вместилище для драгоценностей церковной или монастырской ризницы (в тексте неопределенное «имение их поимаша»). Это единственная миниатюра, на которой изображена добыча, доставшаяся неприятелю в Старой Рязани. Характерно, что речь идет, несомненно, о церковных сокровищах. Между тем многочисленные клады, сокрытые жителями города во время его осады, не содержат драгоценностей богослужебного назначения. Точнее сказать, в них встречаются драгоценные изделия, украшенные изображениями святых, процветших крестов, наконец, дорогие наперсные кресты, но такие вещи, как потиры, диски и т. п., в составе кладов эпохи монгольского нашествия отсутствуют. Это касается не только Старой Рязани, но и подавляющего большинства кладов, происходящих из других городов. Данное обстоятельство, очевидно, объясняется тем, что инициатива сокрытия дошедших до нас кладов была связана с частными владельцами. Сокровища храмов и монастырей не являлись личной собственностью и в случае взятия города, вероятно, как правило, попадали в руки захватчиков.

Последующие миниатюры повествуют о боевых действиях остатков рязанского воинства и с опозданием пришедших ему на помощь владимирцев под Коломной, входившей в то время в состав Рязанской земли. Приступившие к городу завоеватели отгеснили русских «к надолобом» (л. 311) (рис. 4). Последние изображены отлично от «острога», которым была окружена Старая Рязань. «Надолобы» имеют вид ограждения столбовой конструкции, причем промежутки между столбами заполнены врубленными в них горизонтальными бревнами. Они представлены в роли дополнительного укрепления, возведенного с внешней стороны городских стен Коломны.

Участовавшие в боевых действиях рязанский князь Роман Ингворович и сын великого князя Владимирского Всеволод Юрьевич изображаются в княжеских шапках. На двух последних композициях, повествующих о поражении русских и гибели князя Романа, оба князя изображены в позолоченных шлемах полусферической формы. Владимирский воевода Глеб Еремеевич, также погибший в бою, изображен в позолоченном шлеме, но обычного для русского и татарского воинств типа (шишак). Любопытно, что в данном случае миниатюрист

Рис. 3. Разорение и разграбление церквей и монастырей.
Голицынский том Свода, л. 309 об.

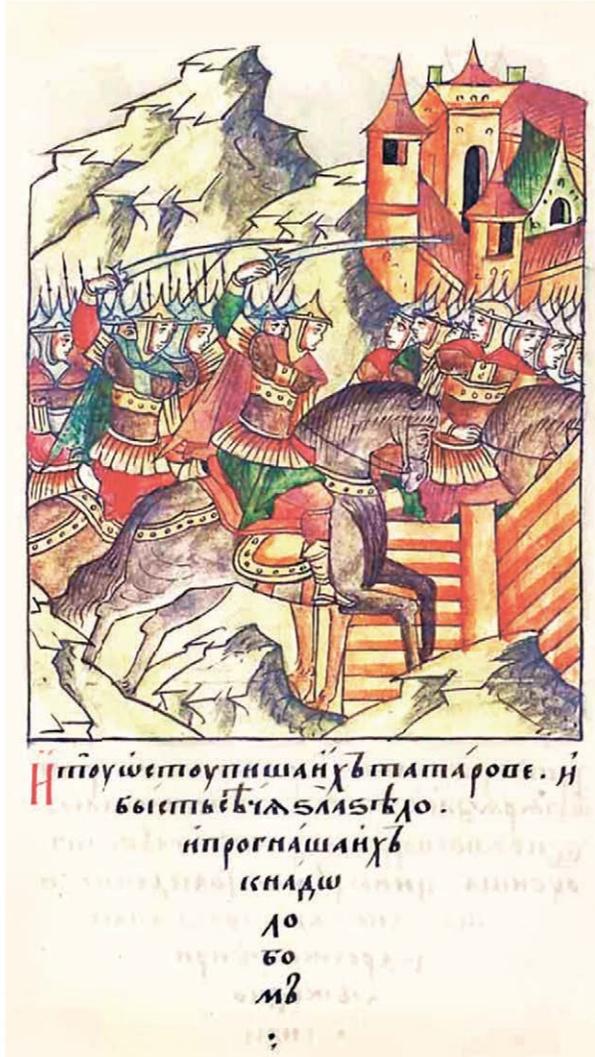

Рис. 4. Осада Коломны. Голицынский том Свода, л. 311

присваивает русским князьям экзотический тип шлема (подобные шлемы встречаются на изображениях западных рыцарей). Вероятно, это отражает представления об особо ценном, импортном вооружении. В «Задонщине» при описании вооружения войска Дмитрия Донского упоминаются «мечи литовские», «сулицы немецкие», «кинжалы фряския» (*Адрианова-Перетц*, 1947. С. 200, 201). В «Слове о полку Игореве» прославляются воины Романа Мстиславича Владимиро-Волынского и Мстислава Ярославича Луцкого «под шелома латинскими» (*Хрестоматия...*, 1947. С. 116).

Созданные в XVI в. миниатюры Лицевого летописного свода не так много добавляют к той информации, которая содержится в более ранних летописных статьях, повествующих о тех же событиях. Тем не менее в них представлена дополнительная, так называемая свертхтекстовая, информация. Она касается количественного состава Батыева посольства, конструкций оборонительных сооружений, иерархии, существовавшей в противоборствующих воинских отрядах. Миниюристам удалось успешно справиться с задачей изобразить масштаб катастрофических событий. Они, безусловно, не стремились преуменьшить масштабы военного поражения. Однако возможности драматизировать или героизировать события за счет включения в повествование хорошо известных книжникам легендарных эпизодов из популярной «Повести о Николе Зарайском» использованы не были.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианова-Перетц В. П.*, 1947. Задонщина. Текст и примечания // Труды отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 194–224.
- Амосов А. А.*, 1988. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. М.: Эдиториал УРСС. 392 с.
- Арицховский А. В.*, 2004. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М.: Водолей Publishers. 352 с.
- Лихачев Д. С.*, 1949. Повести о Николе Зарайском // Труды отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР. Т. VII. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 257–406.
- Лицевой летописный свод XVI века. Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Сост.: Е. А. Белоконь, В. В. Морозов, С. А. Морозов. М.: РГГУ, 2003. 223 с.
- Лицевой летописный свод. Русская летописная история. Кн. 5: 1217–1241 гг. М.: Актон, 2009. 542 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань: Александрия, 2001. 642 с. (Русские летописи; т. 10.)
- Полное собрание русских летописей. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1885. 244 с.
- Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков. 4-е изд., испр. и доп. / Сост. Н. К. Гудзий. М.: Учпедгиз, 1947. 504 с.
- Чернецов А. В.*, 1990. Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в. // Труды отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР. Т. XLIV. Л.: Наука. С. 422–432.
- Чернецов А. В.*, 2003. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука. С. 2–17.
- Чернецов А. В.*, 2005. Скорнищевская битва на миниатюрах Лицевого летописного свода // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 547–553.

- Чернецов А. В., 2015. Католицизм глазами миниатюристов Лицевого летописного свода // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура: К 60-летию Н. А. Макарова: сб. ст. М.; Вологда: Древности Севера. С. 410–414.
- Чернецов А. В., Стрикалов И. Ю., 2003. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука. С. 18–33.
- Chernetsov A. V., 2015. Religious and political concepts in miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible // Zbrojne i ideologiczne konflikty w dawnym piśmiennictwie Słowian i ich echa w nowszej kulturze / Eds: M. Kaczyńska, J. Stradomski. Kraków: Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagellońskiego w Krakowie. S. 133–149. (Krakowsko-Wileńskie Studia Sławistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim; t. 11.)

Сведения об авторе

Чернецов Алексей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: avchernetsov@yandex.ru

A. V. Chernetsov

INVASION OF THE RYAZAN LAND BY BATU KHAN
IN THE 16th CENTURY MINIATURES

Abstract. The paper explores a series of miniatures from the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible, which is a compilation of hand-written texts in many volumes. The miniatures analyzed depict the initial stage of the Tatar and Mongol invasion of Russian lands, i. e. the capture of the Ryazan principality. Specific features of the compositions contain additional ‘supertext’ information on 16th century scribes’ and miniature painters’ attitude to portrayed events. The miniatures feature combat episodes and field fortification constructions. The history of Staraya Ryazan siege and capture is presented in details. The scenes of destruction and sacking help understand what losses and damage, from the point of view of succeeding generations, were the most significant.

Keywords: Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible, historical miniatures, Tatar and Mongol invasion, Ryazan Land, Staraya Ryazan.

REFERENCES

- Adrianova-Peretts V. P., 1947. Zadonshchina. Tekst i primechaniya [Zadonshchina. Text and notes]. Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta literatury AN SSSR [Proceedings of department of ancient Russian literature of the Institute of literature, AS USSR]. Moscow; Leningrad, V, pp. 194–224.
- Amosov A. A., 1988. Litseyov letopisnyy svod Ivana Groznogo: kompleksnoye kodikologicheskoye issledovanie [Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible: complex codex research]. Moscow: Editorial URSS. 392 p.
- Artsikhovskiy A. V., 2004. Drevnerusskie miniatyury kak istoricheskiy istochnik [Ancient Russian miniatures as historical source]. Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers. 352 p.
- Chernetsov A. V., 1990. Drevneyshie sobytiya russkoy istorii na miniatyurakh XVI v. [Earliest events of Russian history in miniatures of XVI c.]. Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta literatury AN SSSR [Proceedings of department of ancient Russian literature of the Institute of literature, AS USSR]. Moscow; Leningrad, XLIV, pp. 422–432.
- Chernetsov A. V., 2003. K probleme otsenki istoricheskogo znacheniya mongolo-tatarskogo nashestiya kak khronologicheskogo rubezha [On problem of assessment of historical significance of Mongol-

- Tartar invasion as chronological border]. *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni [Rus in XIII century. Antiquities of dark ages]*. Moscow: Nauka, pp. 2–17.
- Chernetsov A. V., 2005. Skornishchevskaya bitva na miniatyurakh Litseвого letopisnogo svoda [Skornishchevo battle in miniatures of Illustrated Chronicle]. *Velikoye knyazhestvo Ryazanskoye: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [Grand principality of Ryazan: historical archaeological investigations and materials]*. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 547–553.
- Chernetsov A. V., 2015. Katolitsizm glazami miniatyuristov Litseвого letopisnogo svoda [Catholicism seen by painters of miniatures of Illustrated Chronicle]. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi. Arkheologiya, istoriya, kul'tura: K 60-letiyu N. A. Makarova: sbornik statey [Cities and villages of medieval Rus. Archaeology, history, culture: To 60th anniversary of N. A. Makarov: collected articles]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 410–414.
- Chernetsov A. V., 2015. Religious and political concepts in miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. *Zbrojne i ideologiczne konflikty w dawnym piśmiennictwie Słowian i ich echa w nowszej kulturze*. M. Kaczyńska, J. Stradomski, eds. Kraków: Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagellońskiego w Krakowie, pp. 133–149. (Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim, 11.)
- Chernetsov A. V., Strikalov I. Yu., 2003. Staraya Ryazan' i mongolo-tatarskoye nashestvie v svete novykh issledovaniy [Staraya Ryazan and Mongol invasion in light of new investigations]. *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni [Rus in XIII century. Antiquities of dark ages]*. Moscow: Nauka, pp. 18–33.
- Khrestomatiya po drevney russkoy literature XI–XVII vekov [Anthology on ancient Russian literature of XI–XVII centuries]. 4th edition, revised and enlarged. N. K. Gudziy, ed. Moscow: Uchpedgiz, 1947. 504 p.
- Likhachev D. S., 1949. Povesti o Nikole Zarazskom [Tales on Nikola of Zarazsk]. Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta literatury AN SSSR [Proceedings of department of ancient Russian literature of the Institute of literature, AS USSR]. Moscow; Leningrad, pp. 257–406.
- Litsevoy letopisnyy svod XVI veka. Metodika opisaniya i izucheniya raznoznennogo letopisnogo kompleksa [Illustrated Chronicle of XVI century. Method of description and investigation of complex of isolated chronicles]. E. A. Belokon', V. V. Morozov, S. A. Morozov, eds. Moscow: Rossiyskiy gos. gumanitarnyy universitet, 2003. 223 p.
- Litsevoy letopisnyy svod. Russkaya letopisnaya istoriya [Illustrated Chronicle. Russian history in chronicles], 5. (1217–1241). Moscow: Akteon, 2009. 542 p.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [First Novgorod chronicle of old and later versions]. Ryazan': Aleksandriya, 2001. 642 p. (Russkie letopisi, 10.)
- PSRL, 10. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Collection of chronicles, called Patriarshaya or Nikonovskaya Chronicle]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1885. 244 p.

About the author

Chernetsov Aleksey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: avchernets@yandex.ru

Л. А. Беляев, О. Н. Глазунова

«ЛЕСТНИЦА ЖИЗНИ»: АРХЕОЛОГИЯ И ИКОНОГРАФИЯ В НОВОМ ИЕРУСАЛИМЕ XVII–XVIII ВВ.

Резюме. Среди находок, сделанных при раскопках 2011–2012 гг. в Воскресенском монастыре на р. Истре (Новый Иерусалим), была обнаружена серия из 25 фрагментов, относящихся к изразцам с изображением на сюжет «Лестница возраста человека». Он никогда ранее не встречался на изразцах ни в России, ни, сколько известно, в Европе. В то же время этот сюжет очень распространен в нравоучительных гравюрах XVI и, особенно, XVII–XIX вв., в основном в протестантских странах. Среди русских гравированных и рисованных лубков (народных картинок) он также встречается. Анализ изображения позволяет видеть в изразцовой серии из Нового Иерусалима самостоятельную вариацию на тему этой притчи, составленную одним из европейских мастеров, работавших в монастыре с середины XVII до середины XVIII в. Изменение возрастной хронологии, введение дополнительных элементов симметрии и др. выявляют местное влияние.

Ключевые слова: ауксология, изразцы, иконография возраста человека, европейские связи, вестернизация, Новый Иерусалим.

В составе огромной коллекции стенных и печных изразцов, полученной при работах ИА РАН в Новом Иерусалиме в 2009–2016 гг. (см. предварительные публикации: Беляев, Глазунова, 2015. С. 147–154; Беляев, 2016. С. 400–417, там же библиография), немало необычных как по технологии изготовления, так и по изображенным сюжетам. Особое место занимают картинки эмблематического и аллегорического характера, рельефные изразцы с которыми начали делать в уже отстроенном монастыре, как считают, в первой трети XVIII в. Изготовителями видят наследников художников эпохи патриарха Никона и пленных шведских мастеров (Сергеенко, 1993. С. 52–70; Черненилова, 2016. С. 65–74). Важно отметить, что даже среди них сюжет, о котором пойдет речь в статье, резко выделяется: это аналог хорошо известных в XVI–XIX вв., сложных по составу назидательных гравюр «Возраст человека» (= «Лестница жизни», «Ступени

жизни»). Сколько нам известно, ни на русских, ни на европейских рельефных изразцах этот сюжет не встречается.

Фрагменты собраны при раскопках Новоиерусалимской экспедиции ИА РАН в 2011–2012 гг. (рис. 1). Всего находок 25, они сгруппированы в северной (жилой, бытовой и хозяйственной, не парадной) части монастырской территории, а именно: в зоне оранжереи XIX в. (здесь встречены экземпляры, покрытые сажей с тыльной стороны, то есть стоявшие в печи); возле керамического горна, работавшего в мастерских конца XVII – XVIII в. в зоне Солодовых палат (здесь преобладали бракованные фрагменты со вздувшейся поливой); вне стен, в засыпке северного склона Сионского холма (покрыты желто-зеленой поливой грязноватого оттенка – видимо, они были отбракованы из-за неудачного обжига, как это обычно случалось и с другими изразцами XVII–XVIII вв. с символическими сюжетами). До наших работ, во время реставрации 1980-х гг., часть такого изразца (рис. 2) попала в коллекцию музея Нового Иерусалима из кладки скита (Отходной пустыни) патриарха Никона, в которой их вторично использовали. Но фрагмент не позволял представить композицию в целом и был опубликован только в ходе исследований ИА РАН (*Черненилова*, 2016. Рис. 16).

Изразцы этой группы технологически мало отличаются от общей массы произведенных в Новом Иерусалиме. Все они изготовлены из красножгущейся глины жирных сортов, с добавлением в тесто песка. Лицевые пластины оттиснуты в деревянной форме, что хорошо видно на боковых сторонах. Тыльная часть заглажена по сырой глине специальным инструментом, видимо деревянной лопаточкой или шпателем шириной 3,0 см. Румпа отступающая, примазана к лицевой пластине вручную (сохранились следы пальцев). Ангоб не применялся.

Большая часть изразцов не имеет поливы. Поливные фрагменты можно разделить по цвету на три группы: с желто-зеленой поливой грязноватого оттенка (2 экз.), с белыми элементами и синим фоном (3 экз.) и с бирюзовой поливой (2 экз.). Не исключено, что они происходят всего от трех изразцов: найденные фрагменты друг с другом не стыкуются, а их рисунок не образует наложений. Изразцы со следами сажи (3 экз.) поливы не имели (на угловом изразце сажа на «полной» части, на половинке же тыльная сторона чистая), видимо, в готовых печах стояли именно терракотовые неглазурованные изразцы.

Обсуждаемые изразцы крупнее обычных, что, возможно, связано с их назначением для определенной части печи: реконструируемая лицевая пластина имела высоту 25,0–26,5 см при ширине 30 см (то есть была немного вытянута по горизонтали). Той же высоты только изразцы с сюжетом «Врата любви», но они гораздо уже (22,0 см) и вытянуты по вертикали. Общую же массу «эмблематических серий» образуют квадратные пластины, чья сторона существенно короче: 18,5 × 18,5 см. Следует добавить, что изразцы оттиснуты не в одной, а по крайней мере, в двух схожих формах, различающихся деталями резьбы.

По собранным фрагментам композицию удастся восстановить полностью, хотя и с небольшими лакунами (рис. 3). Почти все поле пластины заполняет фронтально развернутая пирамидально-ступенчатая структура, края которой образуют два марша лестницы, по три ступени с каждой стороны, ведущие к центральной верхней площадке. Считая с нею, ступеней семь (нумерологически важное число). Каждая площадка устроена как невысокий пьедестал, его фас

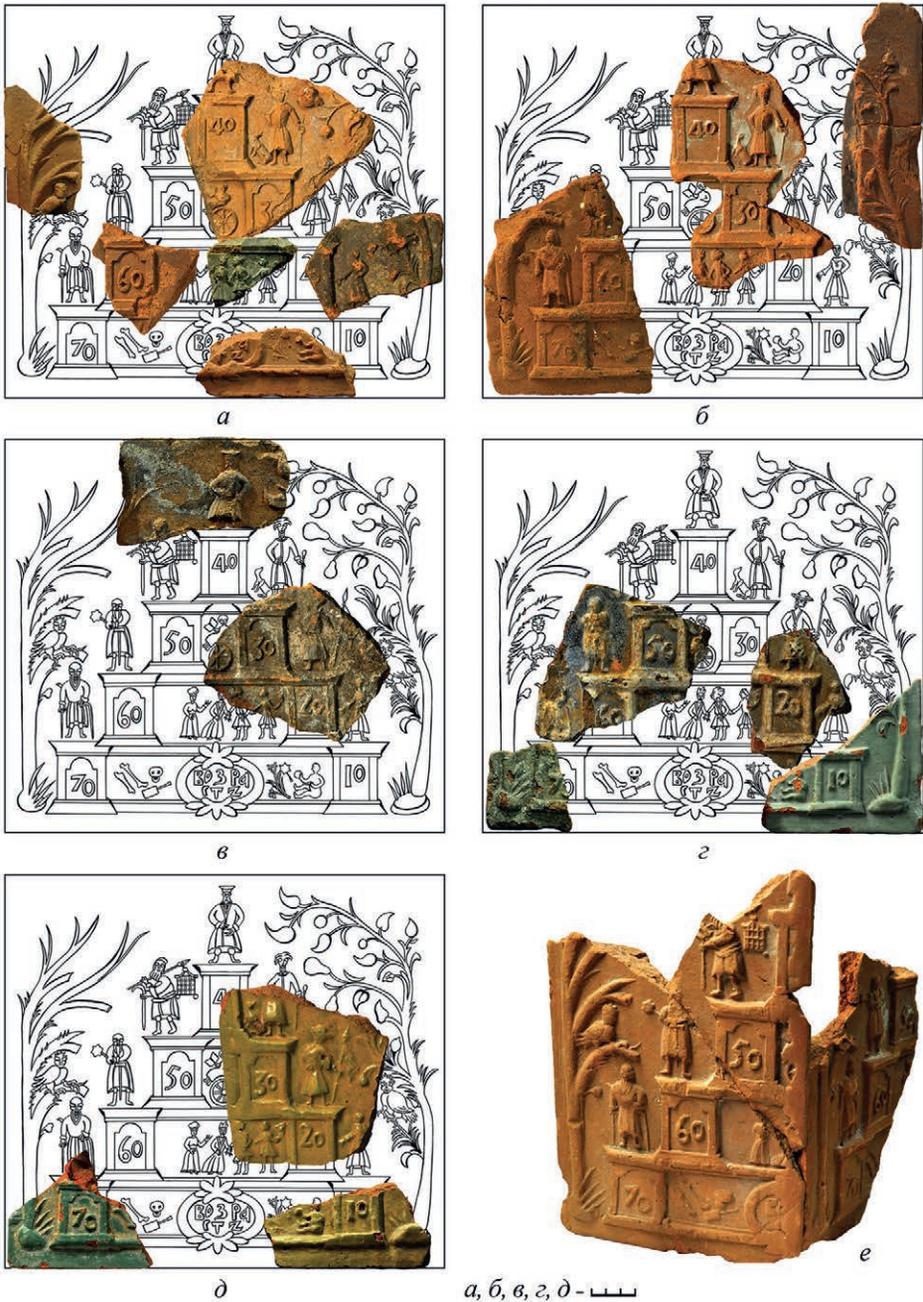

Рис. 1. Изразцы с сюжетом «Возраст». Начало XVIII в. (?).
Новоерусалимская экспедиция ИА РАН, 2011–2012 гг.

а–д - основные фрагменты

Рис. 2. Рельефный поливной изразец из Отходной пустыни в Новом Иерусалиме. Верхняя часть композиции «Возраст». По: Чернилова, 2016. Илл. 16

обрамляет плоская рамка с неширокими краями – пилястрами и аркой, а край имеет короткие выступы – карнизы.

Свободная плоскость внутри пирамидальной структуры (то есть ниже пьедесталов и между ними) разделена по горизонтали на три поля соответственно ступеням-постаментам. В верхнем, самом маленьком поле очень схематично изображено Колесо Фортуны, на котором «сидит» человеческая фигурка с книгой в руках. В среднем, достаточно протяженном, помещен фриз, заполненный изображениями дам и кавалеров (его прототип – сцена свадьбы на одном из гравированных лубков XVIII в., см.: *Ровинский*, 1881. Кн. 3. С. 102–104. Атлас № 237, нижний угол слева). Посредине самого длинного нижнего поля помещен небольшой картуш (в него вписано слово «возрасть», в две строки); слева от картуша Адамова голова и отдельные кости скелета, справа – сидящий в траве с цветами младенец, играющий с шаром (мыльным пузырем).

На каждом из семи постаментов – мужская фигура в подпоясанной, длинной (до колен и ниже) европейской одежде, в треуголке. Цифры на постаментах обозначают возраст фигур, проставленный арабскими цифрами по десяткам, от 10 до 70. Таким образом, средней (верхней) ступени отвечает цифра 40. Каждая фигура символизирует определенное возрастное состояние: ребячливость подростка; воинственность юноши; уверенность тридцатилетнего и спокойную взвешенность сорокалетнего мужчины. Затем человек движется по нисходящей, от одной ступени старости к другой. Возрастные состояния определяют очень скупо намеченные атрибуты: у двадцатилетнего юноши боевой стяг; у тридцатилетнего человека собака; у стариков палки и костыли. Несомненно, что к семи возрастам следует прибавить, по меньшей мере, еще

фотореконструкция

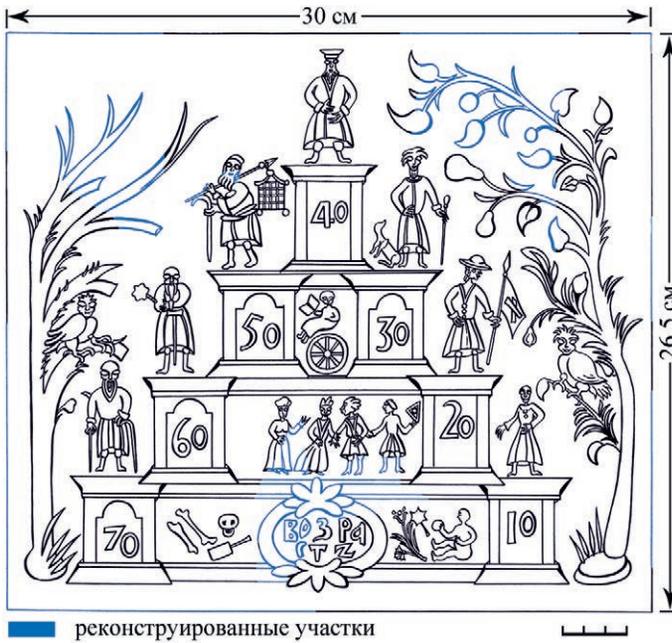

Рис. 3. Рельефный терракотовый изразец.
Реконструкция композиции по находкам 2011–2012 гг. Рисунок Светланы Борзовой

два, которые цифрами не обозначены и помещены вне лестницы: играющий младенец – это первые, самые ранние, годы жизни, а шар-пузырь в его руках – символ скоротечности и хрупкости; лежащие под лестницей кости указывают на последние, уже не размеренные десятилетиями, годы старости, соседствующей со смертью.

Лестницу с ее обитателями фланкируют своеобразные кулисы в виде деревьев. Справа – дерево в расцвете сил, с широкими листьями и условно изображенными плодами. Слева – сухое дерево без листьев, на ветвях которого сидит птица. Похожая, впрочем, дана и на цветущем дереве, вероятно, для симметрии, в ней можно видеть «птицу дня» или рассвета, противопоставленную «птице ночи» (правая сторона композиции представлена в находках хуже левой, возможно, «птица молодости» была только на одном из двух вариантов).

Ступени возраста также восходят справа и нисходят налево, против часовой стрелки. Это – одно из важных отличий, которые мастера Нового Иерусалима внесли в композицию западных гравюр на тот же сюжет, которые известны с 1540–1550-х гг. Их много, но систематического свода или хотя бы указателя пока, кажется, не существует (обсуждение генезиса и европейские аналоги см.: Беляев, 2018). В европейских «лестницах» сторона молодости – левая (от зрителя), а не правая. Здесь помещают, при наличии, цветущее дерево, и отсюда человек поднимается по ступеням. Соответственно, правая сторона – «сторона старости» с ее атрибутами (см.: *Visser*, 2017: <https://beeldtaalblog.wordpress.com/page/5/>). Это не случайный выбор: у европейских народов и лента времени, и строка письма разворачиваются по движению солнца и по вращению Земли, слева направо. Зеркальное нарушение этого базового правила объяснимо: мастер, видимо, резал форму по лицевой стороне рисунка, не перевернув его, – в результате при оттиске композиция вышла зеркально отраженной.

Но этим дело не ограничивается. Важно, что в качестве высшей ступени – ступени зрелости – избраны 40 лет. Во всех известных нам европейских примерах это неизменно 50 – середина столетия. Конечно, ни в XVI, ни в XVII в. юбилей не был реальной серединой и зенитом жизни – среднестатистический человек умирал гораздо ранее не только 100, но и 70 лет (в благополучной Голландии XVII в. средняя продолжительность жизни – 50 лет), так что помещать на вершину 50-летие – традиция умозрительная, идущая из глубин схоластики, но крайне устойчивая. Поэтому изменение маркировки верхней, осевой, ступени выглядит странным и, пожалуй, преднамеренным. Редукции и упрощения в схеме вызвали необходимость втиснуть сложный многофигурный сюжет в маленькое поле изразца, но это не кажется серьезным основанием менять один из важных нумерологических «ключей» композиции.

Обратимся к представлениям о возрастах в XVI–XVIII вв. В Европе они бытуют, по крайней мере, с античности, причем схемы узнаваемо представляют возрастные группы, используя деление на 3, 7, 9 и 10 возрастных периодов, часто соединяя эти цифры (у Солона 10 стадий по 7 лет каждая; у Гиппократа 7 стадий; классическая «семерка» и у Шекспира («Как вам это понравится»), где в пьесе из семи действий на сцене жизни люди-актеры играют 7 ролей: младенца, школяра, влюбленного, воина, благополучного средовика, стареющего скопидома и, наконец, вставшего в детство старца). Литература по истории вос-

приятия возрастных групп в Европе огромна, ей посвящаются конгрессы (The Life cycle – 3rd Congress of SIEF (Société Internationale d’Ethnologie et de Folklore): Zürich, 8–12 April 1987 г.; циклы конференций «Fundamentals of Medieval and Early Modern Culture» и мн. др.) и специальные работы по иконографии возрастных аллегорий (благодарю А. В. Чернецова за указание на сводку материала позднего средневековья и Ренессанса: *Marle*, 1931. P. 153–165).

В России пользовались аналогичными конструкциями, деля жизнь человека либо на периоды по 7 лет (при семи таких периодах человеческий век сводился к 49 годам с последующей старостью (см., напр., цитату из рукописи XVII в. «коло родства человека» с описанием особенностей семи возрастов: *Ровинский*, 1881. Кн. 4. С. 552), либо на 7 периодов по 10 лет каждый (в результате век равнялся 70 годам), и гораздо реже – к 10 частям по 10 лет. Определения периодов могли изменяться в деталях, но в целом довольно устойчивы: младенец (новорожденный), юноша (отрок), «муж совершен», «средовек», «седовласый» и, наконец, «матерой», окончательно состарившийся человек (Там же).

Под «совершенным» подразумевали чаще не юбилейный возраст, а гораздо более молодой. Так, усопшие, восстав в день Страшного суда, должны вернуть облик тридцатилетних (вариант – свой возраст на день смерти, см.: *Кабакова*, 1995. С. 406). Далее шли тридцатипятилетние, как пятое звено в цепочке семи седмиц. И наконец, сорокалетние. Числительное 40, впитавшее древние представления о счете вообще и нумерологической магии в особенности, было ключевым в представлениях о полноте жизненного цикла (недаром оно единственное не имеет десятиричного окончания, тем самым выпадая из общей системы наименований десятков, хотя в прошлом существовали менее привычные нам «четыре десятые»). Сорок известно как денежная единица (связка из четырех десятков шкур). Его использовали в условно-сакральном «счете» церковных округов – «сороков» (куда входило не 40 престолов или храмов, а их произвольное количество, так же как «сорок сороков» Москвы, конечно, не насчитывали 1600 престолов – это просто аналоги полноты, целостности). Числовая магия исключительно отчетливо отражена в представлениях о сорокадневных странствиях души после смерти, в обряде поминок-сороковин (стоит отметить, что в нем иногда играла роль символическая лестница), в празднике Сорока мучеников и мн. др. (*Толстая*, 2009. С. 165–169; 2012. С. 546; 315; викисловарь: <http://ru.wiktionary.org/wiki/сорок#/русский>).

Таким образом, для выделения более ранней, чем 50 прожитых лет, вершины жизненного цикла в Московии раннего Нового времени есть основания. Представления о времени расцвета колеблются здесь между 30 (и, как увидим, даже раньше) и 40, что отчетливо видно при анализе лубков. Например, лист начала XIX в. (иконографически явно более ранний) озаглавлен: «На оном театре равновесие жизни человеческой в 35 лет» (тут же дается более полное разъяснение: «Восхождение вверх и сходжение вниз по лестнице и по степеням человеческим и по седмицам», см.: *Ровинский*, 1881. Кн. 3. С. 106. Атлас № 739). Марши лестниц здесь разделены на 70 ступеней, возле которых расставлены вперемешку 11 мужских и женских фигур с очень подробными комментариями (европейские листы показывают в основном «возрасты» мужчины, реже – женщины или семейной пары, смешанных почти не бывает).

В явно связанном с этим изводом старообрядческом рисованном лубке середины XIX в. «Возрасты жизни человеческой» (ГИМ, сер. XIX в. Инв. № 29770, см.: *Иткина*, 1992. С. 100, 182; 183) ступени лестницы также размечены погодно, но высшая включает, кроме 35-летия, еще 6 лет, предваряющие его, между 27-м и 34-м годами. В этой довольно путаной картинке один год пропущен (восходящая лестница кончается 27-м, 28-й не указан вовсе), а 34-й дан уже на нисходящем марше. Отметим, что 6 – тоже не чуждое символическое число: 40 дней состоят, условно, из шести недель (в ряде случаев их так и называют). Человеческая жизнь здесь насчитывает как раз шесть десятков (точнее, 61 год), остальное – в воле Господа. Отражена ли здесь эмпирическая оценка человеческого века? Очевидно, нет. Скорее, перед нами еще один вариант условного деления, внесенный русским рисовальщиком в европейскую версию.

Представляется, что трактовки лестницы не как ступенчатой пирамиды, а как своего рода стремянки – русский, во всяком случае, восточнохристианский вклад в иконографию «возрастов». За это говорит композиционно-сюжетное родство с привычными и, часто, лубочными же лестницами: мытарствами души, горевосходными холмами и, глубже, с традиционными «лестницами» византийского извода, от миниатюр и икон на сюжет «Лестницы» Иоанна Синаита до ветхозаветной Лестницы видения Авраама (*Беляев*, 2011. С. 72–84).

Всего 7 седмиц, то есть только 49 лет, показаны на прямой русской кальке с европейских гравюр XVII в., рисующих восхождение и нисхождение супружеской четы (ср., напр., офорт неизвестного нидерландского художника «Trap des ouderdoms», ок 1642–1665: <http://collectie.boijmans.nl/nl/object/31496/Trap-des-ouderdoms/Anoniem>). Верхняя ступень здесь соответствует 28 годам, но в комментарии определена как средний возраст, а «муж совершенен и личною добротою и брадою украшен», 35-ти лет, помещен на первой нисходящей ступени (*Ровинский*, 1881. Кн. 3. С. 104–106. Атлас № 738).

В самом, видимо, архаичном из лубков с «возрастами» показано 12 ступеней с соответствующими фигурами, внешне очень похожими друг на друга. Выделены возрасты в 1 и 2 года, затем следует сразу 10 лет, и далее по десятилетиям до 100. Высшая ступень, как во всех европейских изводах, – юбилей (Там же. Атлас № 237). Мы не ставим перед собой задачу ни выявить неизвестные изобразительные источники, ни сопоставить все известные западноевропейские листы с русскими (например, к ним давно пора привлечь итальянские версии: *Bertarelli*, 1923. Pl. 33, 35, 71; даже титульным изображением к третьему конгрессу SIEF (см. выше) была избрана гравюра с Лестницей жизни).

Поэтому вернемся к композиции на изразцах из Нового Иерусалима. Вписав многофигурный и сложный, с массой деталей, сюжет в имевшееся поле, художник отказался от подавляющего большинства присущих гравюрам с «возрастами» символов (от аллегорий возрастных свойств в виде животных осталась только собака, скачущая вокруг тридцатилетнего человека; знаки зодиака исчезли полностью). Остались избранные, атактистические элементы. Фланкирующие лестницу справа и слева деревья обычны в XVII в., но позже в европейских листах они быстро исчезают. С большим упорством сохраняется сидящая на сухом дереве птица – атрибут старости (в исходных версиях это сова, символ мудрости, но и ночи, мрака, несчастья – да и просто старческой слепоты, так как

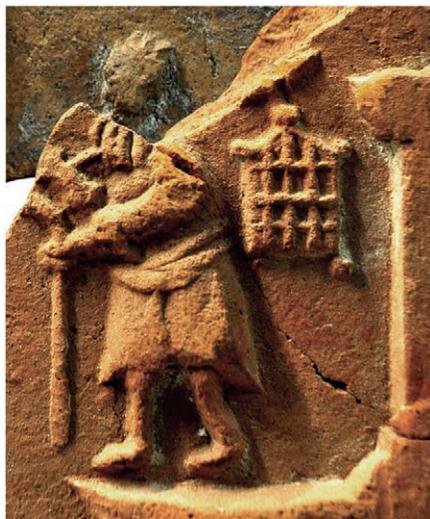

Рис. 4. Изразец «Возраст», фрагмент: изображение на ступени «50»

днем сова «слепнет»). Симметричная ей «птица радости» в Европе, как уже сказано, не встречается вообще, но для народной культуры типична общая тяга к бинарной симметрии и переосмысление сюжета: раз есть птица смерти, то нужна и птица жизни (примеры в русском крестьянском и городском искусстве многочисленны).

Не все атрибуты удалось полностью раскрыть. Так, неясно, что за предмет держит шестидесятилетний персонаж – подобие жезла, увенчанного довольно крупной звездой. За спиной пятидесятилетнего (в данной схеме – стареющего) человека на длинном шесте (копье?) висит объект, похожий на клетку (способ переноски за спиной на шесте обычен для Европы и многократно отражен в живописи и графике) (рис. 4) Мы не нашли прямого аналога, но считаем возможным сопоставление с такими «дарами старости», как состоятельность, скупость, бережливость. В тексте на лубке первой половины XVIII в., изображающем ступени старости от 60 до 100 лет, читаем о 60-летних людях: «Сребролюбия же и скупости не лишатся, богатство свое детям оставити тщатся» (*Ровинский*, 1881. Кн. 3. С. 109, со ссылкой на Атлас № 740). Атрибутами традиционно служили кошелек или сумка в руках или на поясе, но иногда и окованный сундук (например, в гравюре «Богач» из серии «Образы смерти» Гольбейна-младшего), достаточно схожий со схематично изображенной клеткой (возможно, стоит указать и на аллегорическое изображение кошелька-узелка, подвешенного к оружию, в гравюре Урса Грефа «Возвращение ландскнехта», 1519). Наконец, допустима связь с лубочными изображениями шутов, особенно восходящими к «портретам» Гонаса (1730–1740-е гг., имеет немецкий протограф), где он

Рис. 5. Сафтлевен К. Возрасты мужчины. Вторая-третья четверть XVII в. Университет Бирмингема, Великобритания

изображен с клеткой на шесте, в которой сидит ворона. Площадной характер картинки и текста в стиле комедии дель арте уместен – осмеивание старости имело в европейской культуре прочную традицию (см., напр.: *Old Age...*, 2012). Не исключены какие-то аллюзии на слепоту и мрак (если в предмете за плечами видеть фонарь) с ложной мудростью (клетки с совами – один из ее символов) и т. д. Возможность трактовок широка, и мы будем благодарны коллегам за указание на точный прототип, буде он обнаружится.

Подведем некоторые итоги. Общий генезис композиции совершенно очевиден: это европейская гравюра назидательного содержания XVI–XIX вв. на достаточно распространенный сюжет *Возрасты*, или *Ступени жизни* (*De Trap des ouderdoms*, *De Trap des Levens*, *das Lebenstreppe*, *the Steps of Life*). При этом несомненного, прямого протографа пока ни в русской, ни в зарубежной изобразительной среде не обнаруживается, что подтвердил и признанный специалист в этой области О. М. Хромов (мы благодарим коллегу за консультацию). Сохранены только базовые элементы: пирамидальная конструкция, ступени-пьедесталы, два дерева-кулисы, избранные атрибуты и набор символов, свойственный композициям *Memento mori* и *Vanitas*. Целый ряд элементов (ларец/«клетка», две птицы вместо одной, Колесо Фортуны), не говоря уже

о смене юбилея на сорокалетие – нововведения. В символике барокко, в том числе в графике, они хорошо известны сами по себе, но в «возрасты», похоже, введены впервые.

Таким образом, перед нами самостоятельно и уверенно упрощенный вариант общераспространенной схемы. Композиция по-своему совершенна, она приобрела лаконичность и ясность, отличающие ее от перегруженных (в основном) европейских «притч». Похожий по лаконизму вариант есть в живописи, это небольшое полотно голландского художника Корнелиса Сафтлевена (1607–1681) «Возрасты мужчины», где, кстати, использована исключительно схожая с новоиерусалимской манера подписывать пьедесталы арабскими цифрами (рис. 5).

Автор должен был владеть техникой пастиччо. Так, уже упоминавшийся фриз «свадьба» известен не только в «возрастах», но и в сюжетно близком «Зерцале грешного», где вообще много тех же мотивов (текущее и летящее время, взвешивание грехов и т. п.). Он хорошо ориентировался в графике, пользуясь как широко известными гравюрами XVII–XVIII вв., так и совсем ранними, восходящими к XVI в., или их позднейшими (нам неизвестными) дериватами.

Рано гадать, был это один из смутно известных нам шведских пленных (Ян Флегнер?; его соратник, некий Кристиан? – достоверность старых сведений явно нуждается в проверке, которая сейчас проводится). Но вне зависимости от авторства и истории создания композиции, встреченной в Новом Иерусалиме, она хронологически должна опережать известные нам на русской почве графические версии. Этот пример прямого переноса на русскую почву европейской модели позволяет увидеть еще один ручеек, просочившийся в Россию из безбрежного океана символов и аллегорий языка европейской культуры Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А.*, 2011. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 2 (5). С. 72–84.
- Беляев Л. А.*, 2016. Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: мат-лы науч. конф. / Отв. ред.: Л. А. Беляев, А. В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера. С. 400–417.
- Беляев Л. А.*, 2018. Занимательная ауксология в России начала XVIII века: серия изразцов из Нового Иерусалима // Сборник к юбилею А. М. Лидова. М. (В печати.)
- Беляев Л. А., Глазунова О. Н.*, 2015. Маркёры Запада: новые элементы европейской художественной и технологической традиции в археологических материалах Ново-Иерусалимского монастыря // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. С. 147–154.
- Иткина Е. И.*, 1992. Русский рисованный лубок конца XVIII – начала XX века: из собрания Государственного Исторического музея, Москва. М.: Русская книга. 256 с.
- Кабакова Г. И.*, 1995. Возраст // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения. С. 405–407.
- Ровинский Д. А.*, 1881. Русские народные картинки. Кн. 3: Притчи и листы духовные. СПб.: Тип. Акад. наук. 750 с.

- Ровинский Д. А.*, 1881. Русские народные картинки. Кн. 4: Примечания и дополнения. СПб.: Тип. Акад. наук. 788 с.
- Сергеев И. И.*, 1993. Об изразцах с «иероглифическими фигурами», эмблематами и о московском мастере Яне Флегнере // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5 Ч. I. М.: Гос. музей-заповедник «Коломенское». С. 52–70.
- Толстая С. М.*, 2009. Поминки // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения. С. 162–169.
- Толстая С. М.*, 2012. Траур // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения. С. 312–317.
- Толстая С. М.*, 2012. Число // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения. С. 544–547.
- Чернишова Л. М.*, 2016. Фонд изразцов Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим»: формирование и изучение // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья: материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. (Новый Иерусалим, 2014–2015): сб. ст. и тез. / Ред. Л. А. Беляев. М.: Коллектор. С. 65–74.
- Bertarelli A.*, 1923. *L'Imagerie populaire Italienne*. Paris: Duchartre & Van Buggenhout, 105 pp.
- Marle R. van*, 1931. *Iconographie de l'art profane au moyen âge et à la Renaissance et la décoration des demeures*. Vol. 1. La Haye: M. Nijhoff. 539 p.
- Old Age in the Middle Ages and the Renaissance. Interdisciplinary Approaches to a Neglected Topic / Ed. A. Classen. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2012. 575 p.
- Visser W.* Waarom het leven van links naar rechts gaat als je ouder wordt [Electronic resource]. Access mode: <https://beeldtaalblog.wordpress.com/2017/05/02/waarom-het-leven-van-links-naar-rechts-gaat-als-je-ouder-wordt/>. Access Date: 28.03.2018.

Сведения об авторах

Беляев Леонид Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru;

Глазунова Ольга Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru

L. A. Belyaev, O. N. Glazunova

THE LADDER OF LIFE: ARCHAEOLOGY AND ICONOGRAPHY IN THE NEW JERUSALEM MONASTERY IN THE 17th–18th CENTURIES

Abstract. The finds from the excavations conducted in 2011–2012 in the Resurrection Monastery on the Istra (New Jerusalem) revealed a series of 25 fragments attributed to ceramic tiles depicting 'The Ladder of Ages of Man'. This narrative scene has never been identified on tiles either in Russia or, to the best of our knowledge, in Europe. At the same time this narrative was very common in moralizing engravings of the 16th and, especially, the 17th–19th centuries, mainly, in protestant countries. It also occurs on Russian engraved and painted luboks (popular prints). The analysis of the image permits interpretation of the tile series from the New Jerusalem Monastery as an independent variation on the topic of this parable made by a European craftsman who worked in the monastery from the mid-17th century to the mid-18th century. Changes in the periodization of ages of man, introduction of additional symmetry elements, etc. reveal local influence.

Keywords: auxology, tiles, iconography of ages of man, European links, westernization, New Jerusalem.

REFERENCES

- Belyayev L. A., 2011. Kamen' pod golovoy i lestnitsa v nebo: arkhеologiya, ikonografiya, istochnik [Stone under the head and stairs to the sky: archeology, iconography, source]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva [Bulletin of Orthodox St. Tikhon university for humanities. Ser. V: Problems of history and theory of Christian art]*, 2 (5), pp. 72–84.
- Belyaev L. A., 2016. Arkheologiya Novogo Ierusalima i frantsiskanskaya ideya v Tsentral'noy Evrope XVII v. [Archaeology of Novyy Ierusalim and Franciscan idea in Central Europe of XVII c.]. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.: materialy nauchnoy konferentsii [From Time of troubles to Empire. New discoveries in the field of archaeology and history of Russia in XVI–XVIII cc.: transactions of scientific conference]*. L. A. Belyaev, A. V. Yurasov, eds. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 400–417.
- Belyayev L. A., 2018. Zanimatel'naya auzologiya v Rossii nachala XVIII veka: seriya izraztsov iz Novogo Ierusalima [Entertaining auxology in Russia in early XVIII century: series of tiles from Novyy Ierusalim]. *Sbornik k yubileyu A. M. Lidova [Collection of articles toward jubilee of A. M. Lidov]*. Moscow. (In print.)
- Belyaev L. A., Glazunova O. N., 2015. Markery Zapada: novye elementy evropeyskoy khudozhestvennoy i tekhnologicheskoy traditsii v arkheologicheskikh materialakh Novo-Ierusalimskogo monastyr'ya [Markers of West: new elements of European artistic and technological tradition in archaeological materials of Novo-Ierusalimskiy monastery]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN [Traditions and innovations in history and culture: program of fundamental researches of Presidium of RAS]*. A. P. Derevyanko, V. A. Tishkov, eds. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology of RAS], pp. 147–154.
- Bertarelli A., 1923. L'Imagerie populaire Italienne. Paris: Duchartre & Van Buggenhout, 105 pp.
- Chernenilova L. M., 2016. Fond izraztsov Muzeyno-vystavochnogo kompleksa Moskovskoy oblasti «Novyy Ierusalim»: formirovanie i izuchenie [Tiles collection of Museum-exhibition complex «Novyy Ierusalim» in Moscow region: formation and research]. *Keramicheskie stroitel'nyye materialy v Rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya: materialy I i II Vserossiyskikh nauchno-prakticheskikh konferentsiy (2014–2015): sbornik statey i tezisov [Ceramic construction materials in Russia: technology and art of Late Middle Ages: proceeding of I and II All-Russian scientific-practical conferences (2014–2015): collection of articles and abstracts]*. L. A. Belyayev, ed. Moscow: Kollektor, pp. 65–74.
- Itkina E. I., 1992. Russkiy risovannyi lubok kontsa XVIII – nachala XX veka: iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya, Moskva [Russian lubok drawings of late XVIII – early XX century: from collection of State Historical museum, Moscow]. Moscow: Russkaya kniga. 256 p.
- Kabakova G. I., 1995. Vozrast [Age]. *Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]*, 1. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, pp. 405–407.
- Marle R. van, 1931. Iconographie de l'art profane au moyen âge et à la Renaissance et la décoration des demeures, 1. La Haye: M. Nijhoff. 539 p.
- Old Age in the Middle Ages and the Renaissance. Interdisciplinary Approaches to a Neglected Topic. A. Classen, ed. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2012. 575 p.
- Rovinskiy D. A., 1881 Russkie narodnyye kartinki [Russian popular pictures], 3. *Pritchi i listy dukhovnyye [Parables and spiritual pictures]*. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk. 750 p.
- Rovinskiy D. A., 1881. Russkie narodnyye kartinki [Russian popular pictures], 4. *Primechaniya i dopolneniya [Notes and additions]*. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk. 788 p.
- Sergeenko I. I., 1993. Ob izraztsakh s «hieroglificheskimi figurami», emblematami i o moskovskom mastere Yane Flegnerе [On tiles with «hieroglyphic figures», emblems and on Moscow master Jan Flegner]. *Kolomenskoye. Materialy i issledovaniya [Kolomenskoe. Materials and investigations]*, iss. 5, part I. Moscow: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kolomenskoe», pp. 52–70.
- Tolstaya S. M., 2009. Pominki [Wake]. *Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]*, 4. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, pp. 162–169.

- Tolstaya S. M., 2012. Chislo [Number]. *Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]*, 5. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, pp. 544–547.
- Tolstaya S. M., 2012. Traur [Mourning]. *Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]*, 5. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, pp. 312–317
- Visser W. Waarom het leven van links naar rechts gaat als je ouder wordt. Electronic resource. URL: <https://beeldtaalblog.wordpress.com/2017/05/02/waarom-het-leven-van-links-naar-rechts-gaat-als-je-ouder-wordt/>.

About the authors

Belyaev Leonid A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru;

Glazunova Olga N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru

Е. Е. Антипина, С. О. Двуреченская, Н. Д. Двуреченская

РЕКОНСТРУКЦИЯ РЯДА АСПЕКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ БОСПОРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ «ГОСПИТАЛЬ-1» (ПО АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ 2017 г.)

Резюме. В статье приводятся результаты археозоологического исследования остеологического комплекса из неукрепленного поселения «Госпиталь-1» (IV–III вв. до н. э.) на территории Керчи (Крым, Россия). Обсуждается выборка костей крупных домашних копытных из кухонных отходов, обнаруженных в двух сооружениях и необычной яме. Проанализирована природа зафиксированных на костях этих животных многочисленных патологических изменений. Выявленные последствия тяжелой физической нагрузки и костные травмы у взрослых и старых особей (рис. 1–3) свидетельствуют об эксплуатации коров, быков, вола и лошадей как тягловых животных. Предлагается реконструкция специфической хозяйственной ситуации на поселении, связанной с землекопными работами и предельно интенсивным использованием тяглового скота.

Ключевые слова: археология Боспора, поселение «Госпиталь-1», археозоологическая реконструкция, костные патологии, тягловый скот.

Поселение «Госпиталь-1» было выявлено в 1989 г. В. Н. Зинько и Н. Ф. Федосеевым в ходе работ по незавершенному впоследствии строительству автомобильной дороги. В течение 1989–1993 гг. ими было заложено 9 раскопов в разных частях поселения, в пределах границ проектируемого строительства. Данные об общей площади раскопов противоречивы, но вряд ли тогда она превышала 2000 кв. м. В ходе работ были исследованы несколько полуземлянок, интерпретируемых авторами как жилые постройки, а также стойла и хлев для скота. Остеологические материалы не обрабатывались. Памятник датирован хронологическим периодом IV–III вв. до н. э. (Федосеев, 1991). Таким образом, «Госпиталь-1» предстает одним из многих небольших неукрепленных поселений на европейском побережье Боспора Киммерийского.

Традиционно на основе письменных и археологических источников для таких поселений принимается аграрная направленность хозяйственной жизни с доминированием земледельческого сектора, включавшего также деятельность по производству необходимой скотоводческой продукции. Однако вопросы этнического и социального статуса этих поселений, их роли в поземельной организации и функционировании боспорского государства, а также характер приоритетных занятий их жителей продолжают исследоваться и широко дискутироваться (см., например: *Гайдукевич*, 1949; *Кругликова*, 1975; Греки и варвары..., 2005; *Зинько*, 2010; *Масленников*, 2001; 2012; *Гарбузов*, *Завойкин*, 2009; *Федосеев*, 2014; *Гарбузов и др.*, 2013; *Завойкин*, 2015; и др.). Заметим, что одним из важных информативных источников для реконструкции экономических аспектов жизни населения Керченского полуострова в античный и последующие периоды истории остаются археобиологические материалы (остеологические и ботанические коллекции), результаты исследований которых требуют более пристального внимания со стороны археологов и историков.

Сегодня поселение «Госпиталь-1» находится уже в административных границах города Керчь, в 0,15–0,25 км к юго-западу от микрорайона Нижний Солнечный. В 2017 г. памятник вновь оказался в зоне строительства. И на нем сотрудниками Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН были проведены археологические раскопки в рамках государственного проекта по строительству автомобильной трассы «Таврида» и городского автомобильного подхода к мосту через Керченский пролив.

Культурный слой $\frac{1}{4}$ части заложенного раскопа оказался разрушенным как современными хозяйственными (водопроводными) траншеями, так и военными окопами Второй мировой войны. И все же раскопки 2017 г. вскрыли архитектурные остатки трех связанных общим двором сооружений и сопутствующих им хозяйственных объектов в виде нескольких ям. На площади 1815 кв. м были собраны кости животных (около 1140 обломков). Насыщенность ими культурного слоя небольшая, и значительная их часть (89,6 % всего остеологического материала) сконцентрирована в сооружениях 1 и 3, а также в яме 7. Обработка остеологического комплекса преподнесла важную информацию о некоторых аспектах хозяйственной жизни поселения «Госпиталь-1». Наиболее значимыми оказались данные об индивидуальных особенностях и патологиях, зафиксированных нами по костям забитых на мясо животных. Поэтому рассмотрение и интерпретацию именно этих «хозяйственных» маркеров мы поставили как первоочередную и основную задачу данной статьи.

Археозоологическое исследование остеологического комплекса проведено по методической схеме, разработанной специалистами лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН (*Антипина*, 2004; 2016) с детальной фиксацией как биологических, так и археологических характеристик и параметров, а также разной природы следов и изменений на костях.

Анализ индекса раздробленности костей и характера следов на них позволил выделить в коллекции две категории материалов: кухонные отбросы (около 900 костей из сооружения 3 и ямы 7) и некухонные костные останки (разрозненные скелеты поросенка и двух или трех собак из основного заполнения сооружения 1). Обнаружены также два фрагмента со следами обработки (костяное

изделие и заготовка). Результаты видовой идентификация и статистические данные по обеим категориям представлены в приложении к полевому отчету о раскопках 2017 г. на поселении «Госпиталь-1» (*Двуреченская, 2018*).

До видового уровня диагностировано 93% всей совокупности кухонных костных остатков. Их естественная сохранность оценивается по пятибалльной шкале как хорошая и удовлетворительная, что позволяет уверенно идентифицировать следы искусственного воздействия на поверхности фрагментов, а также фиксировать костные патологии. Подчеркнем, что среди разноразмерных обломков в этой выборке присутствует заметное количество почти целых длинных трубчатых костей из мясных отделов туш крупного рогатого скота и лошади, на которых также имеются следы срезания мяса и погрызы собаками. Такое состояние костей рассматриваемого комплекса резко отличает их от более раздробленных костных отбросов, обычно остающихся в культурном слое в результате долговременного накопления кухонных остатков от обычного мясного рациона. Вероятно, мы имеем дело со специфической выборкой кухонных остатков, связанных с относительно кратким периодом жизни поселения «Госпиталь-1».

Видовой же набор животных, чьи кости составили эти кухонные отбросы, оказался типичным для многих других как азиатских, так и европейских боспорских поселений с разным социальным статусом и функциональным назначением. Это пять видов домашних копытных – крупный рогатый скот (далее КРС) *Bos taurus*, лошадь *Equus caballus*, овца/коза *Ovis aries/Capra hircus* – мелкий рогатый скот (далее МРС) и свинья *Sus forma domestica*. Более того, КРС и МРС занимают, как правило, главные позиции в остеологических спектрах всех античных памятников Северного Причерноморья (*Цалкин, 1960; Антипина, 2009; Антипина, Яворская, 2017; Каспаров, 2010; 2014*). Соотношение этих групп рогатого скота в остеологических спектрах, подсчитанных по кухонным остаткам, позволяет оценить долю мяса этих видов в пищевом рационе жителей.

Для нас несомненно, что на столе у жителей поселения «Госпиталь-1» были разные мясные продукты – конина, баранина и козлятина, но, судя по остеологическому спектру, превалировала говядина: так, КРС занимает в спектре почти 57%, на лошадей приходится 25%, на овец и коз 16,5%, а на свиней всего 1,5%.

Индивидуальный возраст домашних копытных на момент забоя достаточно сильно различался. Для КРС зарегистрированы зубы и кости от животных с полугодовалого возраста и до 20 лет. Но основной массив костных остатков (около 70%) происходит не просто от взрослых, а от старых и очень старых коров и быков.

В скотоводческих хозяйствах старые животные, как правило, не содержатся, так как для скотовода они уже не имеют экономической ценности ни для получения молока, ни для репродукции, и в аграрных хозяйствах редко используют даже волов в возрасте более 10 лет.

Возрастные особенности на зубах и костях посткраниального скелета лошадей обозначили таких же взрослых и старых особей.

Взрослыми были и те немногочисленные овцы и козы, которые оказались забитыми на мясо для жителей поселения «Госпиталь-1». Подчеркнем, что все

эти сельскохозяйственные животные по размерам были некрупными, за исключением вола, которому принадлежала целая бедренная кость.

На костях из разных отделов скелета этих домашних копытных обнаружены многочисленные яркие патологии. Для КРС – тридцать два случая, для лошади – девять, и даже для мелкого рогатого скота – четыре. По своей природе зафиксированные костные патологии можно разделить на две группы, которые можно считать маркерами содержания и эксплуатации домашних копытных.

Первая объединяет последствия хронического воспаления (оссифицирующий периостит) надкостницы зубных альвеол у коров, быков, лошадей и овец в виде ее утолщения – оссификации (рис. 1), что чаще всего обусловлено травматическим фактором при поедании очень грубых недоброкачественных кормов.

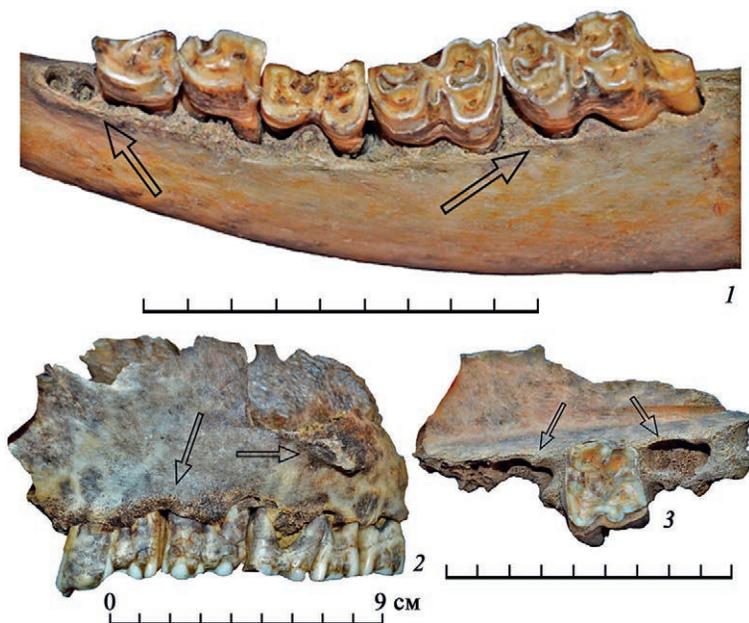

Рис. 1. Поселение «Госпиталь-1». Следы оссифицирующего периостита на челюстях крупных домашних копытных

1 – на нижней челюсти КРС; 2 – на верхней челюсти КРС; 3 – на верхней челюсти лошади

К этой же группе, по-видимому, надо отнести и следы сильнейшего разрушения (лизиса) костной ткани остистых отростков на грудных и поясничных позвонках, по-видимому, одной и той же коровы (рис. 2), наиболее вероятной причиной которого стал длительно практиковавшийся в отношении этой особи скудный и неполноценный пищевой рацион.

Ко второй группе относятся гипертрофия костного рельефа для прикрепления мышц на длинных трубчатых костях и окостенение коротких связок на фалангах

Рис. 2. Поселение «Госпиталь-1». Следы разрушения (лизиса) костной ткани остистого отростка на поясничном позвонке коровы

как у коров и быков, так и у лошадей. Эти явления связаны с тяжелой физической нагрузкой и обычно фиксируются у тягловых животных. Вероятно, именно такой формой использования животных на поселении «Госпиталь-1» обусловлены и последствия прижизненного перелома остистого отростка на грудном позвонке коровы. Репарационные процессы привели к заживлению этого перелома в виде костной мозоли, соединившей два позвонка (рис. 3).

Подобная травма могла произойти вследствие сильнеего удара по спине палкой погонщика либо в ситуации падения на спину крупного тяжелого предмета. Травматический характер могла иметь и такая патология, как артроз

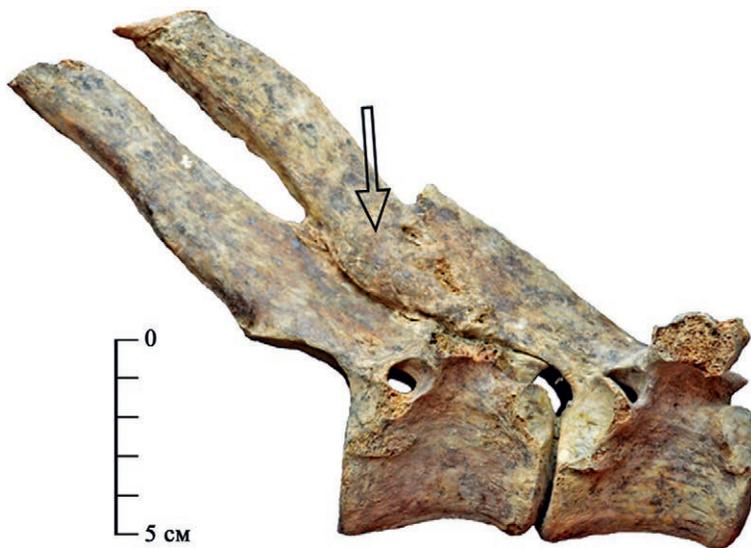

Рис. 3. Поселение «Госпиталь-1». Репарационная костная мозоль на месте прижизненного перелома остистого отростка на грудном позвонке КРС

тазобедренных суставов (коксартроз), последствия которого обнаружены на тазовых костях нескольких коров. Хотя отметим, что у КРС (особенно коров) этот сустав подвержен подобным повреждениям еще и при содержании в сырых и холодных условиях.

Визуализация представленной выше биологической информации (возрастные особенности и «хозяйственные» маркеры в виде костных патологий) позволяет охарактеризовать крупных домашних копытных на поселении «Госпиталь-1» как тягловый скот предельных возрастных групп, все еще использовавшийся на тяжелых работах, но при этом неполноценно и скудно кормленный. Эти животные и были в какой-то момент забиты на мясо. Трудно представить подобную ситуацию в состоятельных хозяйствах скотоводческого или аграрного направления, где неизбежно заботятся о нормальном кормовом рационе для рабочих животных.

Более понятна вынужденная эксплуатация старых животных – коров, быков и лошадей – в периоды катастрофических событий и после них (война, природные катаклизмы), нарушавших нормальное течение жизни сельчан. Допустимы такие ситуации и на поселениях с иными хозяйственными приоритетами – извоз, земляные работы и/или добыча каменного сырья. Если учесть среднюю естественную продолжительность жизни КРС (около 20 лет) и период его хозяйственной ценности (около 10 лет), то можно обозначить вероятную продолжительность такой деятельности как пару десятков лет.

Следы мощного землетрясения, произошедшего на территории Керченского полуострова на рубеже первой и второй четверти III в. до н. э., зафиксированы на поселении «Госпиталь-1» по характеру смещения архитектурных частей

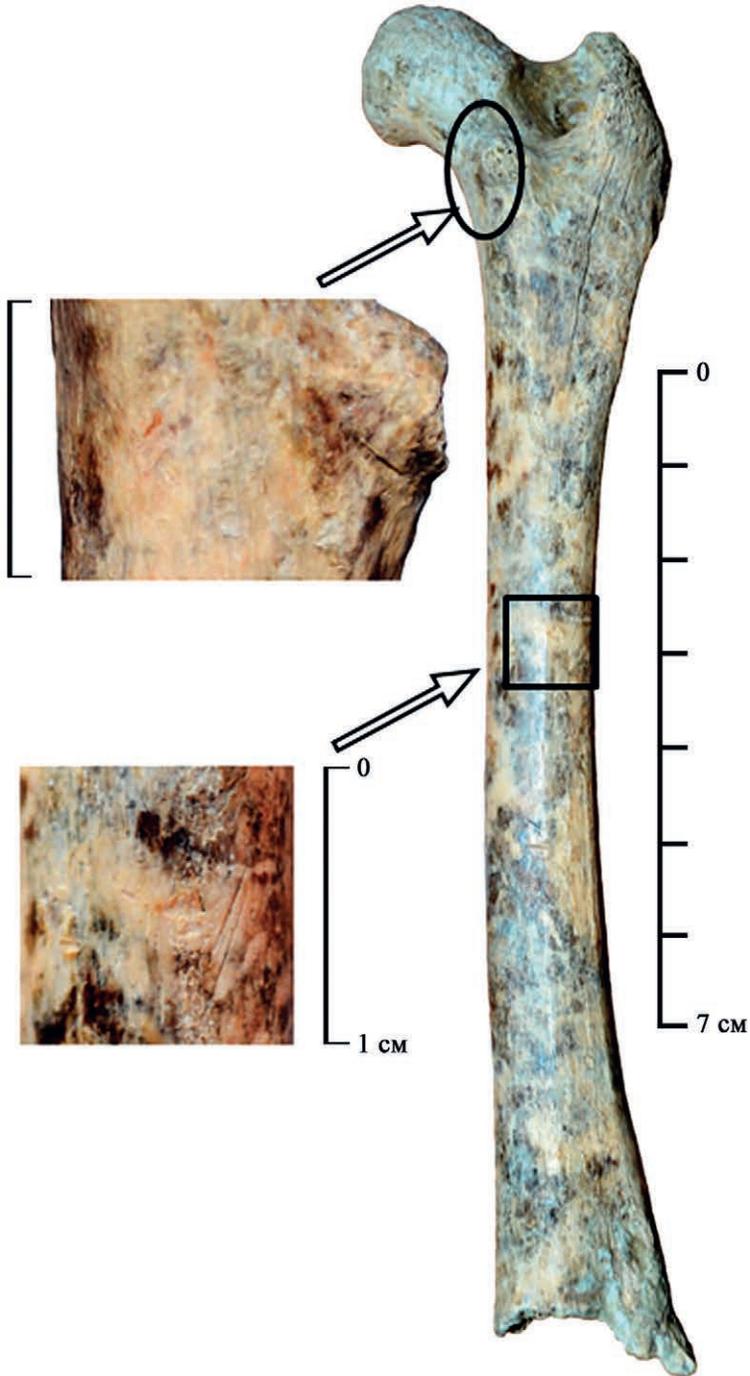

Рис. 4. Поселение «Госпиталь-1». Следы порезов металлическим лезвием компактного слоя бедренной кости домашней собаки

сооружений 1, 3 и ямы 7. Такие специфические разрушения разделяют нижние и верхние напластования заполнений этих археологических объектов. Указанные выше патологии домашних копытных встречены как в напластованиях до катастрофы, так и после нее. Но, даже учитывая обычные погрешности стратиграфии, следует подчеркнуть, что наиболее яркие примеры патологий зарегистрированы на костных остатках животных из придонных напластований – до землетрясения.

Вынужденные изменения в жизни поселения могли возникнуть и в периоды военного противостояния между скифским и греческим населением в конце IV – начале III в. до н. э. (Завойкин, 2004; Масленников, 2004). Нами обнаружены следы надрезов на ребрах и бедренной кости собак как из придонного, так и основного заполнения сооружения 3. Такие следы соответствуют кухонной разделке туши животного – обрезке мяса с костей (рис. 4). Возможно, это свидетельство использования собак в пищу в условиях войны и разрухи.

Вместе с тем нельзя не указать, что интерпретация назначения ямы 7, из которой получена значительная часть костей КРС и лошади с обсуждаемыми патологиями, неоднозначна. Имеются две рабочие версии: 1) яма возникла как котлован после выборки грунта для сооружения насыпи расположенного по соседству кургана «Госпитальный»; 2) изначально яма представляла собой небольшой овраг, из которого осуществлялась выемка глины для строительно-бытовых нужд. Обе версии предполагают вторичное использование ямы/котлована для утилизации бытового мусора. Обе версии косвенно указывают на то, что среди жителей поселения «Госпиталь-1» были люди, которые могли заниматься землекопными работами, вероятно, с помощью механизмов, приводимых в действие тягловыми животными, или же транспортировкой выбранного грунта. В связи с этими версиями будет уместно привести мнение Н. Ф. Федосеева: «В прибрежной зоне, где доминируют солонцеватые почвы, малопригодные для выращивания с/х культур, где в зимнее время дуют с моря ветры, несущие соленую влагу, а также близко расположены скальные породы, развитие сельского хозяйства весьма затруднительно...» (Федосеев, 2014. С. 161).

Можно обсуждать разные причины появления нетипичных кухонных остатков на территории поселения «Госпиталь-1» – последствия землетрясения, период военных действий или специфическая хозяйственная направленность; какие из них наиболее реалистичны, еще предстоит выяснить. Но то, что в любой из этих жизненных ситуаций жители поселения предельно интенсивно использовали тягловый скот, это уже такая фактологическая информация, которая должна учитываться в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е. Е., 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рожд. В. И. Цалкина / Отв. ред.: Е. Е. Антипина, Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 7–33.

Антипина Е. Е., 2009. Остеологические коллекции из археологических памятников Азиатского Боспора: возможности исследования животноводческой отрасли // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных древностей полуострова Абрау. М.: ИА РАН. С. 169–180.

- Антипина Е. Е.*, 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). Отв. ред.: Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–118.
- Антипина Е. Е., Яворская Л. В.*, 2017. Результаты экспертной оценки научной значимости остеологических коллекций из археологических раскопок в зоне строительства автотрассы Таврида на Керченском полуострове // КСИА. Вып. 249. Ч. 2. С. 313–324.
- Гайдукевич В. Ф.*, 1949. Боспорское царство. М.; Л.: АН СССР. 622 с.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.*, 2009. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации // ДБ. Т. 13. М.: ИА РАН. С. 141–175.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Масленников А. А., Смекалов С. Л.*, 2013. Сельская территория Европейского и Азиатского Боспора в эпоху Спартокидов (введение в тему) // ПИФК. № 4 (42). С. 88–105.
- Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетей, 2005. 463 с.
- Двуреченская С. О.*, 2018. Приложение Б. Заключение по остеологическому комплексу поселения «Госпиталь-1» // Отчет об археологических исследованиях памятников «Поселение Госпиталь», «Курган Госпитальный», «Курган Нижний Солнечный II», «Курганная группа Цементная слободка I» в г. Керчь, Ленинском районе Республики Крым в зоне строительства автомобильной дороги и автомобильного подхода к транспортному переходу через Керченский пролив // Архив ИА РАН.
- Завойкин А. А.*, 2004. Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III в. до н. э. // ПИФК. № 14. С. 58–94.
- Завойкин А. А.*, 2015. Природный фактор и физический облик сельских поселений азиатского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум: мат-лы конф. XVI Боспорские чтения. Керчь: Деметра. С. 121–129.
- Зинько В. Н.*, 2010. Дискуссионные вопросы в изучении хоры городов европейского побережья Боспора Киммерийского IV в. до н. э. // Боспорские исследования. Вып. XXIII. Симферополь: Деметра. С. 155–165.
- Каспаров А. К.*, 2010. Костные остатки млекопитающих из поселения «Генеральское-Западное, юго-западный склон» и некоторые хозяйственные реконструкции Боспора раннеэллинистического времени // ДБ. Т.14. М.: ИА РАН. С. 244–258.
- Каспаров А. К.*, 2014. Фаунистические остатки с некоторых античных сельских поселений Азовского побережья Восточного Крыма // ДБ. Т.18. М.: ИА РАН. С. 226–239.
- Кругликова И. Т.*, 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука. 300 с.
- Масленников А. А.*, 2001. Сельские поселения Европейского Боспора (некоторые проблемы и итоги исследований) // Боспорские исследования. Т. I. Симферополь: Деметра. С. 75–100.
- Масленников А. А.*, 2004. Война и военный фактор в археологии и истории Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченский историко-культурный заповедник. С. 180–187.
- Масленников А. А.*, 2012. Повседневность бытия боспорского поселенина (к постановке проблемы) // ПИФК. № 4. С. 138–161.
- Федосеев Н. Ф.*, 1991. Поселение «Госпиталь» // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь. С. 29–31.
- Федосеев Н. Ф.*, 2014. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Ред.: А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. С. 141–174.
- Цалкин В. И.*, 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. М.; Л.: АН СССР. С. 7–109. (МИА; № 53.)

Сведения об авторах

Антипина Екатерина Евстафьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: bikanty@mail.ru;

Двуреченская Серафима Олеговна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: sima_d@mail.ru;

Двуреченская Нигора Давлятовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: nigoradvur@mail.ru

E. E. Antipina, S. O. Dvurechenskaya, N. D. Dvurechenskaya

SOME HOUSEHOLD LIFE ASPECTS
AT THE HOSPITAL-1 BOSPORAN SETTLEMENT
(2017 ARCHAEOZOOLOGICAL DATA)

Abstract. The paper summarizes results of archaeozoological study of the osteological complex from unfortified settlement «Hospital-1» (the 4th–3rd centuries BC) in Kerch (Crimea, Russia). It discusses a sample of bones of large domestic ungulates from kitchen refuse discovered in two constructions and one atypical pit. The nature of numerous pathological changes on bones of these animals was analyzed. Impact of heavy physical workload and bone injuries identified on both adult and old individual animals (fig. 1–3) are indicative of the use of cows, bulls, ox and horses as draught animals. The reconstruction of the specific economic situation at the settlement associated with earth works and extremely intensive use of draught animals is proposed.

Keywords: archaeology of Bosporan Kingdom, Hospital-1 settlement, archaeozoological reconstruction, bone pathologies, draught animals.

REFERENCES

- Antipina E. E., 2004. Arkheozoologicheskie issledovaniya: zadachi, potentsial'nye vozmozhnosti i real'nye rezul'taty [Archaeozoological research: challenges, potential and real results]. *Noveyschie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii: K stoletiyu so dnya rozhdeniya V. I. Tsalkina* /The latest archaeozoological research in Russia: Toward centenary of V. I. Tsalkin]. E. E. Antipina, E. N. Chernykh, eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 7–33.
- Antipina E. E., 2009. Osteologicheskie kollektzii iz arkheologicheskikh pamyatnikov Aziatskogo Bospora: vozmozhnosti issledovaniya zhitovnovodcheskoy otrasli [Osteological collections from archaeological sites of Bosporus Asiaticus: Prospects of stock-breeding research]. *ABRAU ANTIQUA. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy drevnostey poluostrova Abrau* [ABRAU ANTIQUA. Results of complex investigations of antiquities of Abrau Peninsula]. Moscow: IA RAN, pp. 169–180.
- Antipina E. E., 2016. Sovremennaya arkheozoologiya: zadachi i metody issledovaniya [Modern archaeozoology: problems and research methods]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov)* [Interdisciplinary integration in archaeology (based on materials of lectures delivered for post-graduate students and young researchers)]. E. N. Chernykh, T. N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 96–118.
- Antipina E. E., Yavorskaya L. V., 2017. Rezul'taty ekspertnoy otsenki nauchnoy znachimosti osteologicheskikh kollektsiy iz arkheologicheskikh raskopok v zone stroitel'stva avtotrassy Tavrida na Kerchenskom poluostrove [Results of expert assessment of scientific importance of osteological collections from the archaeological excavations along the Taurida highway construction on the Kerch Peninsula]. *KSIA*, iss. 249, pt. 2, pp. 313–324

- Dvurechenskaya S. O., 2018. Prilozhenie B. Zaklyuchenie po osteologicheskomu kompleksu poseleniya «Gospital'-1» [Appendix B. Conclusion on osteological complex of settlement «Hospital-1»]. *Rukavishnikova I. V. Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh pamyatnikov «Poselenie Gospital'», «Kurgan Gospital'nyy», «Kurgan Nizhniy Solnechnyy II», «Kurgannaya gruppa Tsementnaya slobodka I» v g. Kerch', Leninskom rayone Respubliki Krym v zone stroitel'stva avtomobil'noy dorogi i avtomobil'nogo podkhoda k transportnomu perekhodu cherez Kerchenskiy proliv* [Report on archaeological investigations of sites «Settlement Hospital», «Kurgan Gospitalnyy», «Kurgan Nizhniy Solnechnyy II», «Kurgan group Tsementnaya slobodka I» in the city of Kerch', Leninskiy district, Republic Crimea in construction zone of motorway to transport crossing of Kerch Strait]. *Archive of IA RAS* (In Russian, unpublished).
- Fedoseev N. F., 1991. Poselenie «Gospital'» [Settlement «Hospital»]. *Problemy arkhologii i istorii Bospora* [Problems of archaeology and history of Bosphorus]. Kerch', pp. 29–31.
- Fedoseev N. F., 2014. Nekotorye diskussionnye voprosy organizatsii i razvitiya Bosporskogo gosudarstva [Some debatable problems of organization and development of Bosphoran state]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [Earliest states of Eastern Europe], 2012. *Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [Problems of Hellenism and formation of Bosphoran Kingdom]. A. V. Podosinov, O. L. Gabelko, eds. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, pp. 141–174.
- Garbuzov G. P., Zavoykin A. A., 2009. Antichnaya sel'skaya territoriya: formal'noye opisaniye i vozmozhnosti istoricheskoy interpretatsii [Antique rural territory: formal description and potential of historical interpretation]. *DB*, 13. Moscow: IA RAN, pp. 141–175.
- Garbuzov G. P., Zavoykin A. A., Maslennikov A. A., Smekalov S. L., 2013. Sel'skaya territoriya Evropeyskogo i Aziatskogo Bospora v epokhu Spartokidov (vvedenie v temu) [Rural territory of European and Asiatic Bosphorus under the Spartocides (introduction into the subject)]. *PIFK*, 4 (42), pp. 88–105.
- Gaydukevich V. F., 1949. Bosporskoye tsarstvo [Bosphoran Kingdom]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 622 p.
- Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epokhu [Greeks and barbarians of North Pontic zone in Scythian period]. K. K. Marchenko, ed. St.Petersburg: Aletyya, 2005. 463 p.
- Kasparov A. K., 2010. Kostnye ostatki mlekopitayushchikh iz poseleniya «General'skoe-Zapadnoe», yugo-zapadnyy sklon, i nekotorye khozyaystvennye rekonstruktsii Bospora ranneellinisticheskogo vremeni [Bone remains of mammals from settlement «General'skoe-Zapadnoe», south-western slope, and some economic reconstructions of early Hellenistic Bosphorus]. *DB*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 244–258.
- Kasparov A. K., 2014. Faunisticheskie ostatki s nekotorykh antichnykh sel'skikh poseleniy Azovskogo poberezh'ya Vostochnogo Kryma [Faunal remains from some antique rural settlements of Azov coast, Eastern Crimea]. *DB*, 18. Moscow: IA RAN, pp. 226–239.
- Kruglikova I. T., 1975. Sel'skoe khozyaystvo Bospora [Bosphorus Agriculture]. M.: Nauka. 300 p.
- Maslennikov A. A., 2001. Sel'skie poseleniya Evropeyskogo Bospora. (Nekotorye problemy i itogi issledovaniy) [Rural settlements of European Bosphorus. (Some problems and investigation results)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosphorus researches], I. Simferopol': Demetra, pp. 75–100.
- Maslennikov A. A., 2004. Voyna i voyenny faktor v arkhologii i istorii Bospora [War and war factor in archaeology and history of Bosphorus]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskie protsessy. V Bosporskie chteniya* [Cimmerian Bosphorus and barbarian world in Classical antiquity and Middle Ages. Ethnic processes. V Bosphorus readings]. V. N. Zin'ko, ed., comp. Kerch': Kerchenskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik, pp. 180–187.
- Maslennikov A. A., 2012. Povsednevnost' bytiya bosporskogo poselyanina (k postanovke problemy) [Everyday life of a Bosphorus rural dweller (raising the problem)]. *PIFK*, 4, pp. 138–161.
- Tsalkin V. I., 1960. Domashnie i dikiye zhivotnye Severnogo Prichernomor'ya v epokhu rannego zheleza [Domestic and wild animals of North Pontic zone in Early Iron Age]. *Istoriya skotovodstva v Severnom Prichernomor'e* [History of stock-breeding in North Pontic zone]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 7–109. (MIA, 53.)
- Zavoykin A. A., 2004. Kratkiy ocherk istorii Bospora VI – pervoy chetverti III vv. do n. e. [Brief essay on history of Bosphorus in VI – first quarter of III cc. BC]. *PIFK*, 14, pp. 58–94.

- Zavoykin A. A., 2015. Prirodnyy faktor i fizicheskiy oblik sel'skikh poseleniy aziatskogo Bospora [Natural factor and physical appearance of rural settlements of Asiatic Bosphorus]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium: materialy konferentsii. XVI Bosporskie chteniya [Cimmerian Bosphorus and barbarian world in Classical antiquity and Middle Ages. Geographical environment and society: proceedings of conference. XVI Bosphorus readings]*. Kerch': Demetra, pp. 121–129.
- Zin'ko V. N., 2010. Diskussionnye voprosy v izuchenii khory gorodov evropeyskogo poberezh'ya Bospora Kimmeriyskogo IV v. do n. e. [Debatable problems in research of chora of cities of European coast of Cimmerian Bosphorus in IV c. BC]. *Bosporskie issledovaniya [Bosphorus researches]*, XXIII. Simferepol': Demetra, pp. 155–165.

About the authors

Antipina Ekaterina E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ikanty@mail.ru;

Dvurechenskaya Serafima O., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sima_d@mail.ru;

Dvurechenskaya Nigora D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nigoradvur@mail.ru

А. С. Алешинская, М. Д. Кочанова, Е. А. Спиридонова

ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ КРЕМЛЕВСКОГО ХОЛМА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Резюме. В статье приводятся результаты палинологических исследований по трем разрезам из раскопа II на участках 1.1 и 2.1. В результате проведенных исследований восстановлена природная среда восточной части Кремлевского холма начиная с X–XI вв. и кончая XIV в. Самые ранние из изученных слоев относятся к средневековому климатическому оптимуму, т. е. к X–XI вв., когда климатические условия были теплее современных. В это время на изученной территории существовали ландшафты, еще не затронутые антропогенной деятельностью. Это были широколиственные липовые леса с небольшой долей ели и сосны, которые по мере похолодания климата сменялись смешанными хвойно-широколиственными, а в наиболее холодные периоды – хвойными лесами. Выявлены изменения, связанные с началом освоения территории, когда происходило уменьшение площадей, занятых лесом, появление пашенных угодий, рудеральной растительности. Также рассмотрены изменения природной среды, связанные с пожарами.

Ключевые слова: Московский Кремль, средневековье, палинология, природная среда.

В 2014–2016 гг. Институтом археологии РАН проводились масштабные раскопки на территории демонтированного 14-го корпуса Московского Кремля, на месте разрушенных в 1929–1930 гг. Чудова и Вознесенского монастырей (Макаров и др., 2017). В ходе раскопок были отобраны образцы на палинологический анализ. В данной статье приводятся результаты палинологических исследований по трем разрезам из раскопа II на участке 1.1: юго-восточный борт, кв. 2 (17 обр.); северо-западный борт, кв. 1 (18 обр.) и на участке 2.1 (юго-восточный борт, кв. 7 (19 обр.).

Разрезы из раскопов представляют собой чередование почвенных горизонтов, горизонтов тлена, супесчаной и песчаной подсыпки. Поскольку основные слои прослеживаются во всех разрезах, то в качестве примера в статье приводится фото одного, наиболее представительного разреза северо-западного профиля

на участке 1.1 (квадрат 1) (рис. 1). Образцы отбирались из всех слоев, представленных в разрезах.

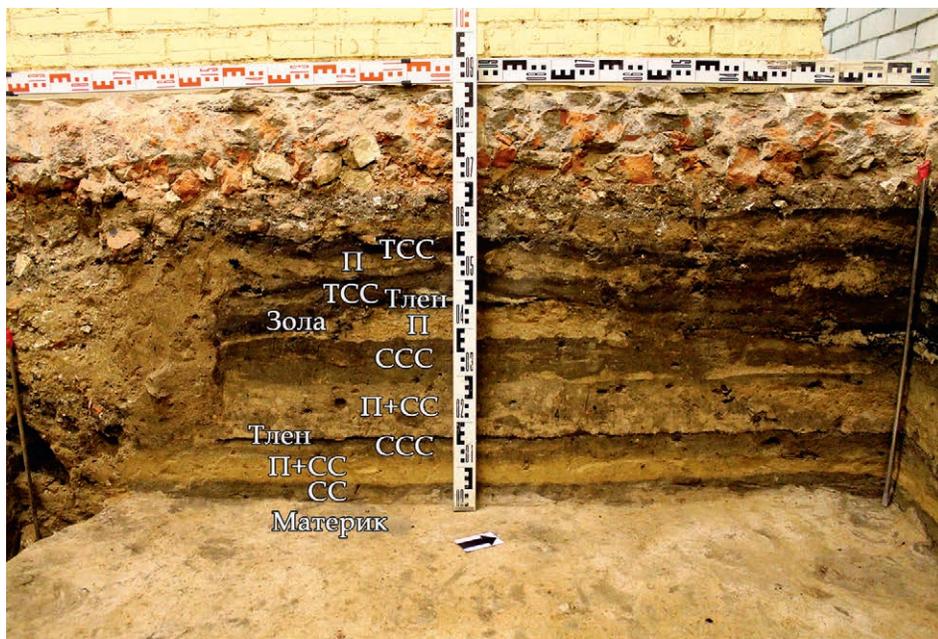

Рис. 1. Северо-западный профиль раскопа II на участке 1.1 (квадрат 1)

Условные обозначения: СС – серая супесь; ССС – светло-серая супесь; ТСС – темно-серая супесь; П – песок

Для выделения пылицы и спор и отделения их от породы применялась усовершенствованная сепарационная методика В. П. Гричука (Пыльцевой анализ..., 1950). Образцы обрабатывались 10 %-ной соляной кислотой (горячим способом), затем промывались дистиллированной водой, после чего кипятились в 10 %-ном растворе щелочи. Второй этап – сепарация пылицы от породы. Для этого обработанная кислотой и щелочью порода центрифугировалась в тяжелой жидкости (раствор йодистого кадмия и йодистого калия) с удельным весом 2,2–2,3. В такой жидкости порода разделяется: органические остатки (пыльца, споры и пр.) всплывают, а все минеральные частицы тонут. Верхняя фракция собиралась, разбавлялась дистиллированной водой, чтобы пыльца в ней могла тонуть, и снова центрифугировалась для осаждения пылицы и других органических остатков.

Полученный осадок разбавлялся глицерином и использовался для исследования под микроскопом при 400-кратном увеличении. В препаратах определялись и подсчитывались все встреченные пыльца и споры. Подсчет велся по трем группам: древесные и кустарниковые породы, травянистые и кустарничковые растения, споры.

Статистическая обработка полученных данных, составление ведомостей и построение диаграмм проводились с применением специальной программы FLORA, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Кочанова и др., 2005).

Практически все исследованные образцы, включая образцы из подсыпки, содержали пыльцу и споры в количестве, достаточном для статистической обработки. Исключение составляют образцы из нижних слоев материка, один образец из слоя золы и угля от пожара и образцы из верхнего слоя строительного мусора.

По результатам анализа всех разрезов были выделены палинологические зоны, в которые объединялись образцы с близким качественным и количественным составом спектров. Спорово-пыльцевой спектр представляет собой набор пыльцы и спор растений, произрастающих в пределах того региона, где произошло их захоронение. Таким образом, проанализировав спорово-пыльцевой спектр, мы можем сказать, какие растения росли на изучаемой территории в момент формирования данных отложений.

Полученные палинологические зоны приурочены к основным слоям, которые прослеживаются в раскопах. Тем не менее нужно учитывать тот факт, что комплексы, полученные по образцам из слоев подсыпки, не являются информативными с точки зрения восстановления природной среды. При реконструкции природных условий эти комплексы не учитывались. Также необходимо иметь в виду, что во время подсыпок песка и супеси часть слоя, на который они осуществлялись, могла быть уничтожена.

Убрав из рассмотрения слои песка (П) и перемешанные слои серой супеси с песком (П+СС), мы получили 9 палинологических зон, характеризующих изменения растительности Кремлевского холма и его окрестностей с X–XI по XIV в.

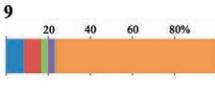
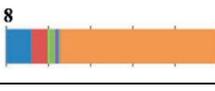
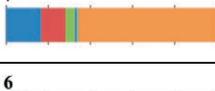
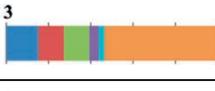
Для наглядности основные результаты представлены в виде сводной таблицы, куда вошли данные из раскопов на участке 1 (юго-восточный и северо-западный профили) и на участке 2 (юго-восточный профиль) (табл. 1). В таблице также приведены гистограммы распределения пыльцы древесных и травянистых растений в наиболее типичных образцах.

Первые две палинологические зоны характеризуют природные условия, еще не затронутые антропогенной деятельностью. Они выделены по образцам из материка и нижней части погребенной почвы, залегающей на нем.

Из материковых отложений образцы были взяты на участке 1 из ЮВ (обр. 1, 2) и СЗ (обр. 3) бровок. **Палинологическая зона 1 (преобладание древесных пород / широколиственные породы, сосна с участием ели)**, выделенная по этим образцам, а также по образцу из нижней части почвы, залегающей на материке, характеризует лесные ландшафты. В общем составе в спектрах преобладает пыльца древесных пород (до 50 %) и споры (36–44 %), пыльца травянистых растений составляет от 10 до 27 %.

Среди древесных пород преобладает пыльца широколиственных пород (41–48 %), которые представлены в основном липой (*Tilia*) и единично дубом (*Quercus*). Часто встречается пыльца сосны (*Pinus*) (25–40 %), а также ели (*Picea*) (около 10 %).

Таблица 1. Изменения природной среды Кремлевского холма и его окрестностей в средневековье

№ палинологической зоны / распределение пыльцы	Растительность	№ образцов			Слой
		Уч. 1.1		Уч.2.1	
		юв	сз	юв	
9 	Разнотравно-злаковые группировки, пашни, рудеральная растительность / хвойные леса с незначительной примесью широколиственных пород			1 2	ТСС
8 	Разнотравно-злаковые группировки, пашни, рудеральная растительность / смешанные широколиственно-хвойные леса		18 16	5 7	
7 	Разнотравно-злаковые группировки, пашни, рудеральная растительность / смешанные леса с незначительной долей липы	15 13	14	8 9	
6 	Злаково-разнотравные, рудеральные группировки, пашни / широколиственные леса (липа) с участием сосны, ели		12	10	Зола, уголь
5 	Разнотравно-злаковые группировки, пашни, рудеральная растительность / смешанные широколиственно-хвойные леса	11 10 9 8		13 14	ТСС
			11 10		ССС
4 	Пашни, разнотравно-злаковые и рудеральные группировки / широколиственно-хвойные леса с преобладанием ели и сосны		8		Тлен
			7	17	ССС
3 	Смешанные хвойно-широколиственные леса / рудеральные, злаково-разнотравные группировки	4	5	19	СС
2 	Смешанные хвойно-широколиственные леса с преобладанием липы		4		Материк
		3			
1 	Широколиственные липовые леса с небольшой долей ели и сосны	2 1	3		

 – сосна; – ель; – широколиственные породы; – береза; – прочие древесные породы; – травянистые растения

Пыльцы травянистых растений мало, и состав их очень бедный. В спектрах присутствует в основном пыльца дикорастущих злаков (Poaceae) и разнотравья, среди которого преобладает пыльца подсемейств цикориевых (Cichorioideae) и астровых (Asteroideae).

В большом количестве встречаются споры. В их составе доминируют споры папоротников семейства многоножковые (Polypodiaceae). Также отмечены

споры зеленых (*Bryales*) и сфагновых (*Sphagnum*) мхов, плаунов (*Lycopodiaceae*) и единично гроздовника (*Botrychium*).

Палинологическая зона 2 (преобладание древесных пород /сосна, широколиственные породы с участием ели) прослеживается по образцу 3 (уч. 1-ЮВ) из материка и образцу 4 (уч. 1-СЗ) из слоя серой супеси.

В общем составе по-прежнему больше всего пыльцы древесных пород (46 %) и спор (35 %). На пыльцу травянистых растений приходится 20 %.

Среди древесных пород на первое место выходит пыльца сосны (*Pinus*) (40 %), содержание пыльцы широколиственных пород сокращается до 23 %, а ели (*Picea*) возрастает до 16 %. Пыльца березы (*Betula*) составляет 17 %.

В группе травянистых растений больше всего пыльцы злаков (*Poaceae*) (51 %), пыльца разнотравья составляет 22 % (преимущественно пыльца подсемейств цикориевых (*Cichorioideae*), астровых (*Asteroideae*) и семейства крестоцветных (*Brassicaceae*)).

Среди споровых растений по-прежнему преобладают споры папоротников семейства многожковых (*Polypodiaceae*) (69 %). Также присутствуют споры зеленых (*Bryales*) (11 %) и сфагновых (*Sphagnum*) (около 6 %) мхов.

Состав спектров двух описанных палинозон свидетельствует о том, что в это время на изученной территории существовали обширные лесные массивы. На более ранних этапах это были широколиственные липовые леса с небольшой долей ели и сосны. Позднее они перешли в смешанные хвойно-широколиственные леса, где, как и прежде, преобладала липа, но увеличилась доля ели, сосны и березы. Травяной покров был очень бедный, а в нижнем ярусе произрастали мхи и папоротники.

Судя по составу спектров, климатические условия были теплее современных. Скорее всего, этот период соответствует средневековому климатическому оптимуму (средневековая климатическая аномалия), т. е. X–XI вв. Для материковых отложений, где прослеживается комплекс с преобладанием липы, не исключен и более ранний возраст. Достаточно теплые условия отмечались и в середине первого тысячелетия до н. э.

Палинологическая зона 3 (древесные породы; травянистые растения /сосна, широколиственные породы с участием ели) охарактеризована по трем образцам (обр. 4 – уч. 1-ЮВ; обр. 5 – уч. 1-СЗ; обр. 19 – уч. 2-ЮВ) из слоя серой супеси (СС), которая прослеживается во всех разрезах. Необходимо отметить, что в данном слое на северо-западном профиле участка 1, где было отобрано два образца, удалось проследить два этапа (см.: табл. 1). Первый пришелся на палинозону 2 (обр. 4), где еще нет признаков антропогенной деятельности. Второй этап (обр. 5) связан с палинозоной 3. Здесь отмечаются первые признаки присутствия человека: уменьшение количества пыльцы древесных пород, появление пыльцы культурных злаков и рудеральных растений.

Состав древесных пород остался практически таким же, как в предыдущей палинозоне, но количество пыльцы древесных пород в целом уменьшилось. В общем составе содержание пыльцы древесных пород и травянистых растений примерно одинаковое. Отличительной чертой данной палинозоны является появление в небольшом количестве пыльцы культурных злаков (*Poaceae*). Кроме этого, отмечается большое количество пыльцы различных сорных растений

из подсемейств цикориевых (Cichorioideae), астровых, а также горца (*Polygonum*). То есть это первая палинозона, где отмечается антропогенное присутствие.

На данном этапе отмечается сокращение лесных массивов, состав которых остался прежним. Это были смешанные хвойно-широколиственные леса, в составе которых основную роль играли липа, ель и сосна. Сосна могла образовывать и самостоятельные насаждения, например на песчаных почвах террас. Уменьшение лесных площадей, скорее всего, было связано с началом освоения территории и появлением пахотных угодий, о чем также свидетельствует присутствие пыльцы культурных злаков. Широкое распространение имели сообщества сорной растительности, особенно горца (*Polygonum*).

Следующий слой погребенной почвы (светло-серая супесь – ССС) хорошо прослеживается в северо-западном профиле на участке 1. (кв. 1) (обр. 7) и в юго-восточном профиле на участке 2 (кв. 7) (обр. 17).

По образцам из этого слоя была охарактеризована **палинологическая зона 4 (преобладание травянистых растений / сосна, ель, широколиственные породы / культурные злаки)**. В нее также вошел образец 8, отобранный из тлена в северо-западной борозке на участке 1.

На этом уровне происходит заметная смена ландшафтов. В общем составе отмечается резкое уменьшение (до 8 %) количества пыльцы древесных пород. Также меняется и состав древесных пород: содержание пыльцы широколиственных пород сокращается до 8–15 %, а пыльцы сосны (*Pinus*) увеличивается до 50–55 %. Пыльца ели (*Picea*) составляет 25–30 %.

Количество пыльцы травянистых растений достигает 90%, что происходит главным образом за счет пыльцы злаков (Poaceae), в том числе и культурных. В этих образцах отмечается очень высокая концентрация пыльцы злаков (Poaceae), что встречается крайне редко (рис. 2). 100–200 пыльцевых зерен на препарат – уже много, а здесь их более 1000. Не все они принадлежат культурным злакам, но их тоже очень много. Больше всего пыльцы злаков присутствует в образце из тлена.

Несмотря на отсутствие следов распашки, такой состав спектров позволяет предположить, что данная почва и тлен, залегающий на ней, возможно, связаны с сельскохозяйственной деятельностью.

Помимо большого количества пыльцы злаков этот образец интересен и в других отношениях. Спектр этого образца характеризует достаточно влажные условия. Здесь много пыльцы влаголюбивых растений, таких как лютиковые (Ranunculaceae), лобазник (*Filipendula*), василистник (*Thalictrum*), валериана (*Valeriana*).

Можно предположить, что повышенное увлажнение явилось причиной прекращения сельскохозяйственной деятельности на данном участке, а оставшаяся растительность, впоследствии перекрытая засыпкой (слой П + СС), и сформировала слой тлена. Но это лишь один из возможных вариантов его происхождения.

Что касается природного окружения, то в это время происходит дальнейшее резкое сокращение лесных массивов, безусловно, за счет антропогенной деятельности. Изменился и их состав. Это были широколиственно-хвойные леса с преобладанием ели и сосны. Липы в их составе стало меньше, что было связано с начавшимся похолоданием климата.

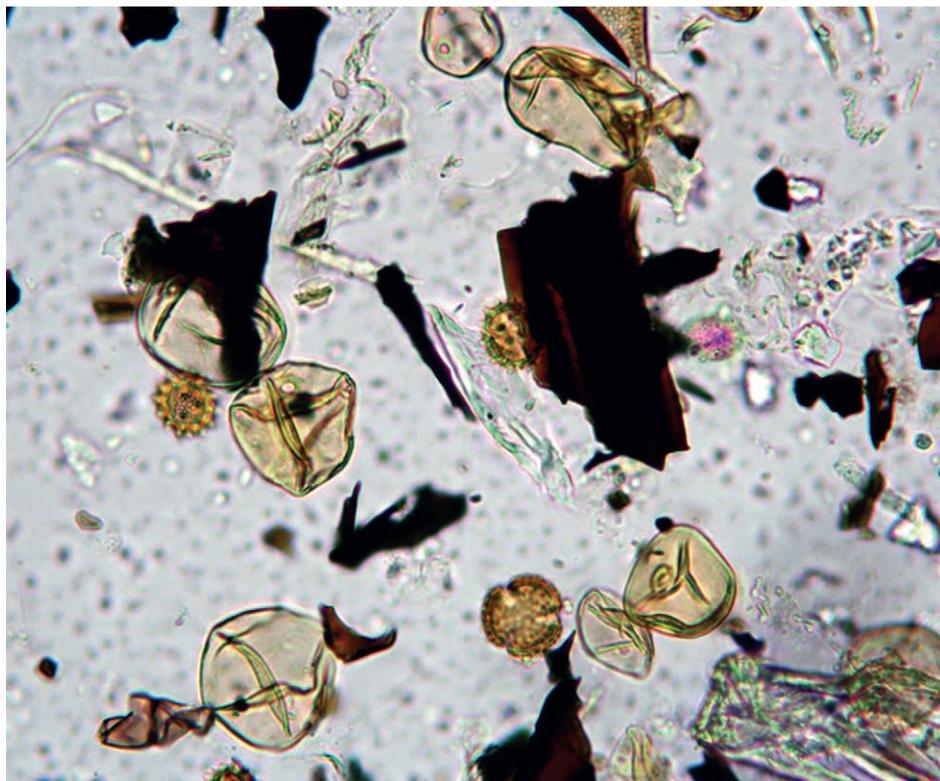

Рис. 2. Микрофотография пыльцы злаков в образце из тлена (обр. 8, уч.1-СЗ).
Увеличение $\times 400$

Еще одна погребенная почва (ССС) хорошо прослеживается в северо-западном профиле на участке 1 (обр. 10, 11). В юго-восточном профиле на участке 1 эта почва представлена фрагментарно и образцы из нее не отбирались. По составу спектров эти образцы близки к образцам из вышележащей темно-серой супеси (ТСС), которая прослеживается вверх по всем разрезам и разделяется слоями золы (пожар) и тлена. По образцам из погребенной почвы и темно-серой супеси, залегающей ниже слоя золы, выделена **палинологическая зона 5 (преобладание травянистых растений / сосна с участием ели и широколиственных пород)**.

В общем составе преобладает пыльца травянистых растений, составляя около 60–70 %. Пыльца древесных пород насчитывает 20–30 %. Среди древесных пород преобладает пыльца сосны (*Pinus*) и ели (*Picea*), 10–20 % приходится на пыльцу широколиственных пород, главным образом липы (*Tilia*).

В группе травянистых растений преобладают злаки (Poaceae) (до 70%), среди которых много культурных. Состав разнотравья достаточно богатый, несмотря на то что доминируют сорные растения из подсемейств цикориевых

(Cichorioideae), астровых (Asteroideae), семейства гречишных (Polygonaceae). Помимо них отмечена пыльца семейств зонтичных (Apiaceae), гвоздичных (Caryophyllaceae), крестоцветных (Brassicaceae), лютиковых (Ranunculaceae), яснотковых (Lamiaceae), бобовых (Fabaceae), гераниевых (Geraniaceae), кипрейных (Onagraceae).

Описанные палинологические спектры свидетельствуют о существовании открытых ландшафтов. Конечно, говорить о естественной растительности на заселенной людьми территории можно с определенной долей условности. Тем не менее, кроме различной сорной растительности, обычной на поселениях, здесь широкое развитие имели разнотравно-злаковые сообщества с достаточно богатым составом. В непосредственной близости существовали пашенные угодья, о чем свидетельствует большое количество пыльцы культурных злаков.

Существование пашен на территории городских поселений вызывает у многих археологов сомнение. Наличие пыльцы культурных злаков в хозяйственных ямах или в линзах тлена можно объяснить попаданием ее с соломой, зерном или навозом. В данном случае пыльца культурных злаков в большом количестве присутствует во всех разрезах в образцах из всех слоев, за исключением самых нижних, т. е. как по простирацию, так и по вертикали. Такую ситуацию авторы пока могут объяснить только существованием пахотных угодий если не на самом поселении, то в непосредственной близости от него.

Естественную растительность в большей мере характеризуют спектры древесных пород. Судя по количеству пыльцы древесных пород, лесные массивы располагались на незначительном расстоянии от Кремля. Это были леса, близкие современным, т. е. смешанные широколиственно-хвойные. В их составе преобладали ель, сосна с незначительной долей липы. В подлеске произрастала лещина. Вероятны и чисто сосновые боры и ельники.

Самый мощный слой золы прослеживается в разрезе юго-восточного профиля на участке 1, но в нем пыльцы не обнаружено. В двух других разрезах этот слой представлен небольшими угольно-зольными прослойками.

Радиоуглеродная датировка по углю из слоя составила 780 ± 25 ВР (калиброванная дата 1225–1269 гг., 1σ) (UGAMS-26047) (Макаров и др., 2017).

Образцы из этих прослоек (уч. 1-СЗ – обр. 12; уч. 2-ЮВ – обр. 10) очень хорошо сопоставляются между собой по спорово-пыльцевым спектрам. По этим образцам, а также по образцу 11 (уч. 2-ЮВ) выделена **палинологическая зона 6 (преобладание травянистых растений / широколиственные породы (липа) с участием сосны и ели)**.

Эти образцы существенно отличаются от ниже- и вышележащих. Основным отличием является высокое содержание пыльцы широколиственных пород (до 57%), хотя в целом пыльцы древесных пород мало. Преимущественно это пыльца липы (38–48%).

Для данной палинозоны характерно высокое содержание пыльцы травянистых растений (82–91%). Пыльца злаков (Poaceae) насчитывает 35–47%, включая культурные. Состав разнотравья очень богатый. Как и во всех других палинозонах, в его составе больше всего пыльцы растений подсемейств цикориевых (Cichorioideae) и астровых (Asteroideae), также часто встречается пыльца щавеля (*Rumex*) и других растений семейства гречишных (Polygonaceae). Помимо этого

отмечена пыльца растений 10 семейств: крестоцветных (Brassicaceae), бобовых (Fabaceae), яснотковых (Lamiaceae), гвоздичных (Caryophyllaceae), кипрейных (Onagraceae), розоцветных (таволга – *Filipendula*), зонтичных (Ariaceae), колокольчиковых (Campanulaceae), ворсянковых (Dipsacaceae), рода валерианы (*Valeriana*).

Авторы пока не нашли однозначного объяснения резкому увеличению содержания пыльцы липы. Можно рассмотреть два варианта.

Как правило, восстановление коренного леса после пожара или вырубке происходит через березовые или осиновые леса, но в нашем случае пыльцы березы в образцах очень мало. Возможно, это были осинники, но по пыльце мы этого сказать не можем, так как пыльца осины не сохраняется. Ель и сосна восстанавливаются долго и, как правило, под пологом вторичных лесов, особенно ель. А вот липа может возобновляться порослью от пней и корней, и восстановиться раньше ели или сосны, что может объяснить присутствие ее пыльцы в образцах.

Также возможно, что после пожара ель и сосну активно вырубали для строительства, а липа оставалась.

Палинологическая зона 7 (травянистые растения; древесные породы / сосна, ель с участием широколиственных пород) прослеживается во всех разрезах в слое темно-серой супеси (ТСС) (уч. 1-ЮВ – обр. 13, 15; уч. 1-СЗ – обр. 14; уч. 2-ЮВ – обр. 8,9).

В общем составе отмечается увеличение до 36% количества пыльцы древесных пород, хотя пыльца травянистых растений по-прежнему доминирует.

Рост содержания пыльцы древесных пород происходит в основном за счет пыльцы ели (*Picea*) (до 40%) и сосны (*Pinus*) (до 60%). Пыльца широколиственных пород составляет 10–15%.

В группе травянистых растений доминирует пыльца злаков (Poaceae), среди которых по-прежнему много культурных видов. Состав разнотравья близок предыдущему комплексу.

Судя по составу спектров, на данном этапе отмечалось некоторое расширение лесных массивов, даже по сравнению с «допожарным» этапом, что, скорее всего, связано (особенно учитывая увеличение количества ели) с похолоданием климата. Этому могло также способствовать и некоторое запустение после пожара, но большое количество пыльцы культурных злаков ставит под сомнение такое предположение.

Леса, произраставшие в это время, были ближе к хвойным, чем к смешанным. В их составе преобладали ель и сосна, а широколиственные породы присутствовали в качестве примеси. Открытые пространства были, как и прежде, заняты пашнями и сообществами сорной и разнотравно-злаковой растительности.

Палинологическая зона 8 (преобладание травянистых растений / сосна с участием ели и широколиственных пород) практически повторяет палинологическую зону 5, которая характеризовала «допожарный» этап. Она выделена по образцам из темно-серой супеси (ТСС) в разрезах на участке 1-СЗ (обр. 16, 18) и на участке 2-ЮВ (обр. 5, 7).

Количество пыльцы древесных пород снижается по сравнению с предыдущей палинозоной. Немного меняется и их состав, за счет уменьшения количества пыльцы ели (*Picea*).

По существу, природная среда возвращается к состоянию, которое было до пожара: со смешанными лесами в окрестностях, пашнями, злаково-разнотравными и сорными группировками растительности.

Палинологическая зона 9 (преобладание травянистых растений / ель, сосна с участием широколиственных пород) прослеживается только в разрезе на участке 2-ЮВ (обр. 1, 2) в слое темно-серой супеси (ТСС).

В общем составе содержание пыльцы травянистых растений составляет от 65 до 69%, древесных пород 21–22%, а спор 9–13%.

Состав древесных пород отличается очень большим количеством пыльцы ели (*Picea*) (33–34%), которой примерно столько же, сколько и сосны (*Pinus*) (37%). Пыльца широколиственных пород насчитывает 13–14%. В их составе преобладает пыльца липы (*Tilia*), реже встречается пыльца дуба (*Quercus*) и лещины (*Corylus*).

Травянистые растения представлены преимущественно пылью злаков (Poaceae) (63–75%), в том числе и культурных. На пыльцу разнотравья приходится от 19 до 32%. В составе разнотравья все так же подавляющее большинство составляет пыльца подсемейств цикориевых (Cichorioideae) (12–17%).

В составе споровых преобладают споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (20–38%) и папоротников семейства многожковых Polypodiaceae (27–45%). Также встречены споры зеленых мхов (*Bryales*) (16%), гроздовника (*Botrychium*) (13–15%), плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (4–7%).

Судя по составу спектров, это был самый холодный этап из всех описанных по разрезам. В это время в окрестностях произрастали хвойные елово-сосновые леса с незначительной примесью липы. Открытые пространства по-прежнему были заняты пашнями и луговой разнотравно-злаковой растительностью. На поселении широкое распространение имели различные сорные растения, в основном из подсемейства цикориевых.

Хотелось бы еще остановиться на нескольких моментах, касающихся особенностей спорово-пыльцевых спектров в целом.

1. Очень низкое содержание пыльцы березы (*Betula*).

Более или менее существенное количество пыльцы березы (до 20%) отмечается лишь в низах разрезов. Выше ее очень мало (2–10%), что совсем не характерно для спектров, полученных на поселениях. Как правило, после активных вырубок мы отмечаем резкое снижение пыльцы древесных пород, а затем увеличение в составе древесных пород пыльцы березы.

Возможно, как уже отмечалось выше, это были осиновые леса, которые по пыльце мы проследить не можем. Либо люди просто не давали вырасти березнякам и расчищали территорию под свои цели, либо вырубали березу на дрова и пр.

2. Очень большое количество пыльцы валерианы, особенно в слоях из тлена. Причем такое же большое ее количество отмечается и в слоях тлена в яме 50.

3. В некоторых образцах, в наибольшем количестве в образцах из тлена, присутствует пыльца, которую можно диагностировать как смородину. Но по своей морфологии она схожа с пылью подорожника, хотя в таком большом количестве пыльца подорожника практически не встречается.

4. Выпадает из общей картины образец 13 из разреза северо-западного борта на участке 1, взятый из древесного тлена, что вполне закономерно, учитывая его состав (древесная щепка) и скорее всего «антропогенное» происхождение. По этой же причине его нельзя сравнить с нижележащим тленом, состоящим из травянистых остатков и сформировавшимся, скорее всего, *in situ*. В спектрах образца 13 пыльцы мало, особенно пыльцы древесных пород. Среди травянистых растений преобладает пыльца злаков (Poaceae). Вопрос о происхождении слоев тлена достаточно интересен, и в перспективе стоит их более подробное изучение по образцам из ям 47, 50 и из шурфа 4 на Ивановской площади, где этих слоев много и они очень разнообразны.

Обобщив все вышеизложенное, мы можем восстановить картину изменения растительности Кремлевского холма и его окрестностей начиная с X–XI вв. и кончая XIV в.

Самые ранние из изученных слоев относятся к средневековому климатическому оптимуму, т. е. к X–XI вв., когда климатические условия были теплее современных.

В это время на изученной территории существовали ландшафты, еще не затронутые антропогенной деятельностью. Это были широколиственные липовые леса с небольшой долей ели и сосны. Позднее они перешли в смешанные широколиственно-хвойные, где по-прежнему преобладала липа, но увеличилась доля ели, сосны и березы. Травяной покров был очень бедный, а в нижнем ярусе произрастали мхи и папоротники.

В то же время нельзя игнорировать находки в верхней части материка керамики раннего железного века с сетчатой фактурой, характерной для дьяковской культуры середины – второй половины I тысячелетия до н. э. (Макаров и др., 2017). По данным различных климатических реконструкций в V–III вв. до н. э., также прослеживаются интервалы с достаточно теплыми климатическими условиями (Helama et al., 2012). Но такой возраст слоя предполагает большой перерыв в осадконакоплении или уничтожение большей части слоя и соответственно резкое изменение в составе спорово-пыльцевых спектров, чего на данном уровне на диаграммах не отмечается. В верхней части материка и в погребенной почве (СС) прослеживается постепенное уменьшение количества пыльцы древесных пород и изменение в их составе. Резкое уменьшение содержания пыльцы древесных пород отмечается выше по разрезу, во второй погребенной почве (ССС). Основываясь на этих фактах, авторы склонны придерживаться первой датировки (X–XI вв.), но и не исключая возможность более древней.

Следующий этап связан с началом освоения территории и появлением пахотных угодий. В это время отмечается сокращение лесных массивов, состав которых остался прежним. Это были смешанные широколиственно-хвойные леса, в составе которых основную роль играли липа, ель и сосна. Широкое распространение имели сообщества сорной растительности, особенно горца (*Polygonum*).

Активная антропогенная деятельность приводит к дальнейшему значительному сокращению лесных массивов. Меняется и их состав. В это время в окрестностях поселения произрастали хвойно-широколиственные леса с преобладанием

ели и сосны. Липы в их составе стало меньше, что было связано с начавшимся похолоданием климата.

В непосредственной близости существовали пахотные угодья, о чем свидетельствует большое количество пыльцы культурных злаков. Кроме обычной для поселений сорной растительности, широкое развитие имели разнотравно-злаковые луговые сообщества с достаточно богатым видовым составом, а на влажных участках хорошо росла валериана. Возможно, что в пойме Москва-реки встречалась смородина.

Природные условия следующего этапа были близки современным и сохранялись на протяжении достаточно длительного периода (ему соответствует практически вся толща темно-серой супеси), но были нарушены пожаром. Это были смешанные широколиственно-хвойные леса, в составе которых преобладали ель, сосна с незначительной долей липы. В подлеске произрастала лещина.

По палинологическим данным, после пожара площади лесов сильно сократились, а в их составе преобладала липа. Возможно, что пожар сказался на природном окружении поселения, уничтожив лесные массивы. Но не исключено, что леса не были затронуты пожаром, а активно вырубались уже после него при восстановлении поселения. При этом использовали главным образом ель и сосну, а липу оставляли. На пожарищах в качестве растения-пионера активно селился иван-чай (кипрей).

Позже отмечалось некоторое расширение лесных массивов даже по сравнению с «допожарным» этапом, что могло быть связано как с похолоданием климата, так и с запустением после пожара. Леса, произраставшие в это время, были ближе к хвойным, чем к смешанным. В их составе преобладали ель и сосна, а широколиственные породы присутствовали в качестве примеси. В зависимости от местных условий произрастания это могли быть чистые ельники и сосновые боры. Открытые пространства, как и прежде, были заняты пашнями и сообществами сорной и злаково-разнотравной растительности.

Постепенно природная среда возвратилась к состоянию, которое было до пожара. Площади смешанных лесов вновь сократились, а открытые пространства были заняты пашнями, злаково-разнотравными и сорными группировками растительности.

Следующий этап был самым холодным. В это время в окрестностях Кремлевского холма произрастали хвойные елово-сосновые леса с незначительной примесью липы. Открытые пространства по-прежнему были заняты пашнями и луговой разнотравно-злаковой растительностью. На поселении широкое распространение имели различные сорные растения, в основном из подсемейства цикориевых.

ЛИТЕРАТУРА

- Кочанова М. Д., Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., 2005. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // XI Всероссийская палинологическая конференция...: материалы. М.: ПИН РАН. С. 13–15.
- Макаров Н. А., Энгватова А. В., Коваль В. Ю., 2017. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // КСИА. Вып. 246. С. 18–27.
- Пыльцевой анализ / Ред. И. М. Покровская. М.: Госгеолитиздат, 1950. 553 с.

Helama S., Seppä H., Bjune A. E., Birks H. J. B., 2012. Fusing pollen-stratigraphic and dendroclimatic proxy data to reconstruct summer temperature variability during the past 7.5 ka in subarctic Fennoscandia // *Journal of Paleolimnology*. Vol. 48. Iss. 1. P. 275–286.

Сведения об авторах

Алешинская Анна Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: asalesh@mail.ru;

Кочанова Мария Дмитриевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mdkochanova62@mail.ru;

Спиридонова Елена Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: easpiridonova@mail.ru

A. S. Aleshinskaya, M. D. Kochanova, E. A. Spiridonova

CHANGES IN THE ENVIRONMENT OF THE KREMLIN HILL
AND ITS VICINITIES IN THE MEDIEVAL PERIOD

Abstract. The paper provides results of palynological studies of three cuts from excavation trench II at sections 1.1 and 2.1. This research reconstructs environments in the eastern part of the Kremlin Hill in the period from the 10th–11th centuries to the 14th century. The earliest layers examined are attributed to the medieval climatic optimum, i. e. the 10th–11th centuries, when climatic conditions were warmer than today. Landscapes not yet affected by man-made activities still existed in the studied area at that time. These landscapes consisted of broad-leaved lime tree forests with a low percentage of spruce and pine which were replaced by mixed coniferous–broad-leaved forests as the climate became colder and by coniferous forests during the coldest periods. Changes associated with the startup of this area development were identified, it was the period when the forest area reduced, cultivated land and ruderal vegetation appeared. Changes of the environment caused by fires were also reviewed.

Keywords: Moscow Kremlin, medieval period, palynology, environment.

REFERENCES

- Helama S., Seppä H., Bjune A. E., Birks H. J. B., 2012. Fusing pollen-stratigraphic and dendroclimatic proxy data to reconstruct summer temperature variability during the past 7.5 ka in subarctic Fennoscandia. *Journal of Paleolimnology*, vol. 48, iss. 1, pp. 275–286.
- Kochanova M. D., Aleshinskaya A. S., Spiridonova E. A., 2005. Novoye programmnoye obespechenie dlya obrabotki dannykh sporovo-pyl'tsevogo analiza [New software for data processing of pollen-spore analysis]. *XI Vserossiyskaya palinologicheskaya konferentsiya «Palinologiya: teoriya i praktika»: materialy [XI All-Russian palynological conference «Palynology: theory and practice»: transactions]*. Moscow: Paleontologicheskii institut RAN, pp. 13–15.
- Makarov N. A., Engovatova A. V., Koval V. Yu., 2017. Arkheologicheskie issledovaniya v vostochnoy chasti Moskovskogo Kremlya v 2014–2016 gg. [Archaeological excavations in the Eastern part of the Moscow Kremlin in 2014–2016]. *KSIA*, 246, pp. 18–27.
- Pyl'tsevyy analiz [Pollen analysis]. I. M. Pokrovskaya, ed. M.: Gosgeolizdat, 1950. 553 p.

About the authors

Aleshinskaya Anna S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: asalesh@mail.ru;

Kochanova Mariya D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mdkochanova62@mail.ru;

Spiridonova Elena A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: easpiridonova@mail.ru

Е. В. Уханова

ИЗОТОПНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛАГЕНА В ИЗУЧЕНИИ ПЕРГАМЕНА СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУКОПИСЕЙ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ*

Резюме. Специфика древнерусского письменного наследия состоит в том, что большая часть средневековых пергаменных кодексов XI–XIV вв. не содержит данных о месте их создания. Это обстоятельство является огромной проблемой отечественной медиевистики. Для ее решения нами была поставлена задача применить изотопный анализ коллагена (метод изотопной масс-спектрометрии) к большому комплексу древнейших пергаменных рукописей, хранящихся в Отделе рукописей Государственного исторического музея. В качестве первого объекта исследования были использованы пробы пергамена четырех новгородских кодексов последней четверти XII – последней четверти XIV в. из собрания Отдела рукописей Государственного исторического музея. Исследования двенадцати проб исторического пергамена были проведены в Институте геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского (ГЕОХИ) РАН. Первые полученные результаты в области масс-спектрометрического анализа исторического пергамена нам кажутся вполне убедительными и перспективными для дальнейшего его применения в изучении локализации и элементов технологии изготовления средневековых рукописей.

Ключевые слова: новгородские рукописные пергаменные кодексы XI–XIV вв., изотопный состав углерода и азота.

Введение

В настоящее время конвергенция гуманитарных и естественнонаучных дисциплин является одним из основных мировых направлений научного развития. К началу XXI в. традиционные методы извлечения исторической информации из

* Работа выполнена при поддержке гранта: РФФ 17-18-01399 «Ключевые памятники древности и средневековья из собрания Исторического музея: прочтение неисследованных явлений истории современными естественнонаучными методами».

письменных источников хотя и не утратили своей значимости, но в определенной степени исчерпали свои возможности. Поскольку вероятность появления новых древних рукописей близка к нулю, то актуальность повышения информативности уже существующей источниковой базы в мировой медиэвистике становится очень высокой. На современном этапе развития науки источниковедческие возможности древних рукописных памятников могут быть расширены за счет исследования свойств и характеристик материалов, из которых они созданы. Специфика древнерусского письменного наследия состоит в том, что большая часть средневековых пергаменных кодексов XI–XIV вв. не содержит данных о месте их создания. Это обстоятельство является огромной проблемой отечественной медиэвистики, поскольку лишает историков и лингвистов объективной информации не только о происхождении конкретного манускрипта, но и о существовании самих средневековых книжных центров или о взаимосвязи даже самых известных памятников эпохи. А это, в свою очередь, препятствует реконструкции реальных процессов в истории развития науки и культуры на протяжении средневековья, поскольку происхождение большинства письменных памятников интеллектуальной и культурной жизни Древней Руси вырвано из контекста, а вся история книжной культуры представляется дискретной. Методы палеографии и кодикологии позволяют в значительной степени решать проблему атрибуции пергаменных рукописей, однако во многих случаях, особенно при локализации памятников, они не имеют убедительных доказательств.

Для решения этой проблемы нами была поставлена задача применить изотопный анализ коллагена (метод изотопной масс-спектрометрии) к большому комплексу древнейших пергаменных рукописей, хранящихся в Отделе рукописей Государственного исторического музея. Речь, прежде всего, идет об изотопном анализе углерода и азота в мельчайших образцах коллагена пергамена средневековых рукописей. Метод изотопной масс-спектрометрии основан на явлении фракционирования этих изотопов в живом организме (углерода при фотосинтезе, углерода и азота при биохимической (микробной) трансформации органического вещества). Изотопный состав растительности определенной местности уникален; коллаген костей травоядных, а через них и хищных животных наследует исходный изотопный состав местных растений. Метод масс-спектрометрии изотопных отношений (IRMS) дает количественную информацию о метаболизме в биологических и экологических системах, не доступную для других аналитических методов. Изотопная метка позволяет исследовать природные ископаемые, изменения древнего климата, исчезнувшие виды животных, систему питания древних людей, происхождение растительных лекарственных, наркотических и взрывчатых веществ, фальсификацию продуктов питания и многое другое (Изотопная масс..., 2011; Талибова, Колеснов, 2011. С. 44; Stable isotopes..., 2007). В исторической науке изотопная масс-спектрометрия широко применяется при анализе археологических находок (Bentley et al., 2004. P. 365; Bentley, Knipper, 2005. P. 629; Eckardt et al., 2009. P. 2816; Evans et al., 2006. P. 265; Montgomery et al., 2005. P. 123; Price et al., 2012. P. 311; Энговатова и др., 2013. С. 96; Яворская и др., 2015. С. 54; Шишлина и др., 2012. С. 1145; 2016. С. 32).

Метод и материалы

Нами впервые была предпринята попытка привлечь объективные данные фракционирования стабильных изотопов $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ к локализации пергамена средневековых рукописей¹. Изотопная метка углерода ($\delta^{13}\text{C}$) характеризует определенный регион, отличающийся по своим климатическим условиям (влажность, температура) для фотосинтеза растений. Воспринятая без модификации травоядными животными, она сохраняется в составе их молекулы коллагена и может быть определена на масс-спектрометре. Соотношение стабильных изотопов другого легкого элемента – азота ($\delta^{15}\text{N}$) – характеризует систему питания животного перед смертью и, в частности, отражает количество животного белка в его рационе.

Нужно отметить, что задача изотопного анализа коллагена исторического пергамена для локализации средневековых пергаменных рукописей до сих пор еще никем не ставилась. В 2011 г. в Оксфорде были опубликованы результаты первых опытов в этом направлении, полученные на материале 10 проб современного пергамена из Европы и Америки (The Technological Study..., 2011) В этой работе были отмечены потенциальные возможности географической группировки пергамена на основе показателей стабильных изотопов углерода и азота. Однако исторический пергамен для изучения не привлекался, методика комплексного анализа и интерпретации данных для исторических исследований предложена не была. В 2015 г. английские и ирландские ученые из Йоркского университета и Тринити-колледжа в Дублине применили в исследовании исторического пергамена карманных Библий XIII в. метод генетической экспертизы с целью установить, шкура каких животных использовалась при изготовлении этих книг (*Fiddymenta et al.*, 2015. P. 15066–15071). Применение генетического метода стало основным трендом в современных исследованиях артефактов из органических веществ, в т. ч. пергамена. Тем не менее мы не считаем его перспективным для поставленных нами целей: знание породы животного, чья шкура была использована для написания каждой конкретной рукописи, возможно, имеет некоторое историческое значение, но никак не проясняет основных вопросов, стоящих перед исследователем древнерусских и византийских манускриптов, – о времени и месте их создания, которые позволяют реконструировать контекст их возникновения. Поэтому, учитывая хорошие результаты, которые уже дал метод изотопной масс-спектрометрии в археологических исследованиях, мы решили использовать именно его для исследования пергаменных кодексов. Нашей задачей является выяснение перспективности его применения для локализации пергамена средневековых рукописей и выявления книгописных центров Древней Руси, а затем, возможно, и Византии.

В качестве первого объекта исследования были использованы пробы пергамена четырех новгородских кодексов последней четверти XII – последней четверти XIV в. из собрания Отдела рукописей Государственного исторического музея: Студийского устава 1180-х гг. (ГИМ, Син. 330), служебной минеи на февраль

¹ Мы приносим свою благодарность в.н.с. Института археологии РАН, д. и. н. М. В. Добровольской за научные консультации и дружескую поддержку, без которых эта работа не могла бы состояться.

из Софийского комплекта конца XII в. (ГИМ, Син. 164), древнейшей части Новгородской I летописи второй трети XIII в., в датировке которой существуют разные трактовки – вскоре после 1234 г. или 1260-е гг. (ГИМ, Син. 786), Новгородской Кормчей 1280-х гг. (ГИМ, Син. 132), которая состоит из двух частей – 1280-х гг. и последней четверти XIV в. Выбор для первого анализа рукописей с уже известной датировкой и общей локализацией гарантирует гомогенность исследуемой группы, позволяет верифицировать полученный результат и выработать оптимальный способ его интерпретации, что особенно важно в условиях первого опыта в этой области и отсутствия эталонных данных для сравнения.

Исследования² были проведены в Институте геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского (ГЕОХИ) РАН заведующим лабораторией геохимии углерода д. т. н. В. С. Севастьяновым и к. х. н. О. В. Кузнецовой³. Для опытов были использованы пробы пергамента с фальцев листов или осыпи по их краям, площадь которых не превышает 5–7 кв. мм. Для выработки методики масс-спектрального изучения пергамента было проведено подготовительное исследование двух образцов современного пергамента. Оно показало, что этот материал не требует специальной химической чистки хлороформом и может использоваться без предварительной пробоподготовки (точность анализа в очищенных и неочищенных образцах не превышает допустимые нормы: $\delta^{13}\text{C} = 0,15\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N} = 0,25\text{‰}$). Результаты изотопного анализа двенадцати проб исторического пергамента приведены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты изотопного анализа двенадцати проб исторического пергамента (12 проб из 5 рукописей)

№	Название и датировка рукописи	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
1	Син. 330. 1180-е гг.	-21,15 -21,52	5,24 4,90
2	Син. 164. Конец XII (начало XIII – ?) в.	-21,43 -21,27 -20,52	4,33 6,17 6,67
3	Син. 132 (основная часть). 1280-е гг.	-20,75 -21,60 -21,99	6,29 6,66 5,99
3а	Син. 132 (дополнение). Последняя четверть XIV в.	-21,79	5,94
4	Син. 786. Вторая треть XIII в.	-21,83 -21,73	6,88 6,86

² Измерения изотопных отношений проводились на изотопном масс-спектрометре DELTA Plus XP, соединенном с элементным анализатором Flash EA 1112 (Thermo Fisher Scientific, Германия).

³ Результат совместной работы и текст настоящей статьи не нашли поддержки у выполнивших изотопный анализ проб В. С. Севастьянова и О. В. Кузнецовой, которые не сочли возможным поставить под ней свои имена. Это стало причиной нашего решения публиковать текст от нашего имени и принять ответственность за изложение и интерпретацию материала на себя.

Обсуждение результатов

Прежде всего необходимо отметить тот факт, что показатели отношения изотопов $\delta^{13}\text{C}$, полученные нами из образцов средневекового пергамена, полностью соотносимы с аналогичными показателями, полученными в результате анализа коллагена других органических останков, давно и плодотворно изучаемых археологической наукой (кости, волосы животных и человека). Так, данные изотопов углерода костей животных из погребений Ростова и Ярославля середины XIII в., находящихся в той же климатической зоне бореальных лесов, что и Новгород, колеблются в Ростове от $-20,1$ до $-22,3$ (среднее значение $-22,1$), а в Ярославле имеют более однозначный показатель $-21,65$ (*Яворская и др.*, 2015. С. 57; *Энговатова и др.*, 2013. С. 101). Исходя из сопоставимости и адекватности полученных новых показателей отношения изотопов $\delta^{13}\text{C}$, можно считать пергамен хорошим материалом для изотопной масс-спектрометрии, а изотопную масс-спектрометрию коллагена пергамена подходящим и перспективным методом в изучении его и, что намного важнее, средневековых рукописей в целом.

Полученные нами новые данные, хотя и не представляют еще массовый материал, все же отражают тот факт, что новгородский пергамен имеет тенденцию делиться в хронологическом отношении на две группы, датирующиеся последней четвертью XII в. и второй третью XIII – XIV в. В первой группе (№ 1, 2) показатели $\delta^{13}\text{C}$ заметно варьируются в пределах одной рукописи и в большинстве своем выше, чем во второй группе: они колеблются от $-20,52\text{‰}$ до $-21,52\text{‰}$ ($\sigma^{13}\text{C} = 1\text{‰}$), а средний показатель равен $-21,2\text{‰}$. Вторая группа более поздних рукописей (№ 3, 3а, 4) хотя и имеет примесь пергамена с высоким показателем $\delta^{13}\text{C}$ ($-20,75\text{‰}$), однако большинство проб дает схожие, более низкие величины $\delta^{13}\text{C}$, равные $-21,8 \pm 0,2\text{‰}$. Это свидетельствует о гомогенности пергамена новгородских рукописей этого периода.

Можно было бы предположить, что причиной такой динамики изменчивости $\delta^{13}\text{C}$ было изменение климата этого региона. Действительно, на Восточно-Европейской равнине к началу XIII в. заканчивался климатический оптимум и начинался период похолодания (т. н. малый ледниковый период). Последние исследования показывают, что ему предшествовал период существенного уменьшения количества осадков в 1150–1200-е гг., а его наступление с 1210-х гг. сопровождалось их значительным увеличением (*Слепцов, Клименко*, 2005. С. 118–135). Однако данные, которые приводят палеоклиматологи, свидетельствуют о том, что за весь XIII в. количество осадков увеличилось, вероятно, примерно на 50–55 мм в год (*Там же*. С. 127), что не могло кардинальным образом повлиять на значительное изменение показателя соотношения стабильных изотопов углерода $\delta^{13}\text{C}$ в пергамене.

Предполагаем, что различие в показателе $\delta^{13}\text{C}$ в их пергамене объясняется тем, что в последней четверти XII в. (первая группа) пергамен для производства книг в Новгороде мог быть привозным из более южных территорий (неоднородный, с высоким показателем $\delta^{13}\text{C}$)⁴, а в последней четверти XIII – XIV в. (вто-

⁴ Насколько массовым было это явление, покажет будущее исследование значительного числа пергаменных кодексов этого региона.

рая группа) он происходил из достаточно узкого ареала с влажным прохладным климатом (однородный, с низким показателем $\delta^{13}\text{C}$). Наши исследования кодированных и орнаментальных особенностей новгородских рукописей этого периода подтверждают наше предположение (Уханова, 2017). И хотя использование привозного, более южного, пергамена в Новгороде в конце XII в. – период расцвета новгородской книжной школы – факт довольно неожиданный для специалистов, причина изменения путей поставки писчего материала в Новгород во второй половине XIII в., после монголо-татарского нашествия и нарушения связей с более южными княжествами, вполне очевидна.

Нужно отметить большой разброс показателей азота $\delta^{15}\text{N}$ в полученных данных даже внутри выделенных нами однородных групп новгородского пергамена. Несомненно, необходимо дальнейшее изучение биологической изменчивости исследуемого нами материала. Напомним, что на изготовление пергамена шли шкуры разновозрастных животных. Очевидно, что молодые животные, которые относились к возрасту молочного вскармливания или недавно вышли из него, характеризовались более высокими показателями дельта азота. Вероятно, именно поэтому мы имеем такой значительный разброс в показателях $\delta^{15}\text{N}$: молодые бычки, чья шкура пошла на изготовление пергамена, могли питаться молоком матери или, напротив, только травой или даже сеном. Условия их содержания и вскармливания, зависящие, в свою очередь, от их возраста и времени забоя, напрямую влияли на показатель азота в шкуре. Если дальнейшие исследования подтвердят эту гипотезу, показатель соотношения изотопов азота $\delta^{15}\text{N}$ в пергамене можно будет признать нерелевантным для наших целей, призванных, прежде всего, уточнить его локализацию.

Заключение

Первые полученные результаты в области масс-спектрометрического анализа исторического пергамена нам кажутся вполне убедительными и перспективными для дальнейшего его применения в изучении локализации средневековых рукописей. Несомненно, для получения объективного и обоснованного результата в этой области, позволяющего делать более масштабные выводы, необходимо привлечение большого массива средневековых памятников, проверка полученных показателей статистическими методами и формирование базы данных изотопного состава коллагена, происходящего с разных территорий. В нашем распоряжении имеется ряд средневековых рукописей, локализация которых бесспорна. Они станут основой нашего дальнейшего изучения изотопного состава средневекового пергамена, тем ориентиром, с которым будет сравниваться основная масса нелокализованных рукописей. Мы допускаем, что по мере накопления данных результатов масс-спектрометрии картина территориальной принадлежности исторического пергамена будет отнюдь не линейной. Однако полученные нами первые результаты свидетельствуют о перспективности выбранного нами нового направления исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Изотопная масс-спектрометрия легких газообразующих элементов // Проблемы аналитической химии / Ред. В. С. Севастьянов. М.: Физико-математическая литература, 2011. Т. 15. 234 с.
- Слепцов А. М., Клименко В. В., 2005. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // История и современность. № 1. С. 118–135.
- Талибова А., Колеснов А., 2011. Оценка качества и безопасности пищевой продукции методом изотопной масс-спектрометрии // Аналитика. № 1. С. 44–48.
- Уханова Е. В., 2017. Западноевропейское влияние в книжном производстве Древней Руси XI–XIV вв.: К постановке проблемы // Средние века. Вып. 4. С. 231–240.
- Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., Идрисов И. А., Азаров Е. С., 2016. Вариации изотопного состава стронция в образцах современных улиток восточной части Кавказа // Аридные экосистемы. Т. 22. № 2 (67). С. 32–40.
- Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., Сафонов И. Е., Севастьянов В. С., 2012. Масс-спектрометрические исследования и проблема миграций населений степной зоны Кавказа в эпоху бронзы: первые результаты // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала: Мавраевъ. С. 145–146.
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., 2013. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. Вып. 228. С. 96–114.
- Яворская Л. В., Антипина Е. Е., Энговатова А. В., Зайцева Г. И., 2015. Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов Европейской части России: Первые интерпретации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 1 (31). С. 54–64.
- Bentley R. A., Knipper C., 2005. Geographical patterns in biologically available strontium, carbon and oxygen isotope signatures in prehistoric SW Germany // *Archaeometry*. Vol. 47. Iss. 3. P. 629–644.
- Bentley R. A., Price T. D., Stephan E., 2004. Determining the local $87\text{Sr}/86\text{Sr}$ range for archaeological skeletons: a case study from Neolithic Europe // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 31. No. 4. P. 365–375.
- Eckardt H., Chenery C., Booth P., Evans J. A., Lamb A., Muldner G., 2009. Oxygen and strontium isotope evidence for mobility in Roman Winchester // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 36. No. 12. P. 2816–2825.
- Evans J., Stoodley N., Chenery C., 2006. A strontium and oxygen isotope assessment of a possible fourth century immigrant population in a Hampshire cemetery, southern England // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 33. No. 2. P. 265–272.
- Fiddyment S., Holsinger B., Ruzsics C. etc., 2015. Animal origin of 13th-century uterine vellum revealed using noninvasive peptide fingerprinting // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 112. № 49.
- Montgomery J., Evans J. A., Powlesland D., Roberts Ch. A., 2005. Continuity or Colonization in Anglo-Saxon England? Isotope Evidence for Mobility, Subsistence Practice, and Status at West Heslerton // *American Journal of Physical Anthropology*. № 126. P. 123–138.
- Price T. D., Frei K. M., Tiesler V., Gestsdottir H., 2012. Isotopes and mobility: Case studies with large samples // *Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin; Boston: De Gruyter. P. 311–321.
- Stable isotopes in ecology and environmental science / Ed. by R. Michener, K. Lajtha. Oxford, 2007. 251 p.
- The Technological Study of Books and Manuscripts as Artefacts: Research questions and analytical solutions / Ed. by S. Neate, R. Ovenden, D. Howell and A. M. Pollard. Oxford, 2011.

Сведения об авторе

Уханова Елена Владимировна, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия, e-mail: evoukhanova@mail.ru

E. V. Ukhanova

STABLE ISOTOPE ANALYSIS OF COLLAGEN
IN THE STUDY OF MEDIEVAL MANUSCRIPT PARCHMENT:
INTERPRETATION OF THE FIRST RESULTS

Abstract. Specific features of Medieval Russia written heritage are stipulated by the fact that most medieval parchment codices do not contain data on the place where they were created. This fact is a true challenge for Russian medieval studies. To address this challenge, our task was to apply stable isotope analysis to a large corpus of the earliest parchment manuscripts kept in the Department of Manuscripts and Early Printed Books of the State Historical Museum. At first, parchment samples of four Novgorod codices dated to the last quarter of the 12th – last quarter of the 14th centuries from the collection of the Department of Manuscripts and Early Printed Books of the State Historical Museum were subjected to this analysis. The analysis of twelve samples of historical parchment was conducted in the Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry of the Russian Academy of Sciences. We find the first results of the stable isotope analysis of the parchment quite conclusive and encouraging; hence, this approach can be applied in follow-up studies of the place of production and technological elements of medieval manuscript production.

Keywords: Novgorod, manuscript parchment codices of the 11th–14th centuries, isotopic composition, carbon, nitrogen.

REFERENCES

- Bentley R. A., Knipper C., 2005. Geographical patterns in biologically available strontium, carbon and oxygen isotope signatures in prehistoric SW Germany. *Archaeometry*, vol. 47, iss. 3, pp. 629–644.
- Bentley R. A., Price T. D., Stephan E., 2004. Determining the local $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ range for archaeological skeletons: a case study from Neolithic Europe. *Journal of Archaeological Science*, vol. 31, no. 4, pp. 365–375.
- Eckardt H., Chenery C., Booth P., Evans J. A., Lamb A., Muldner G., 2009. Oxygen and strontium isotope evidence for mobility in Roman Winchester. *Journal of Archaeological Science*, vol. 36, no. 12, pp. 2816–2825.
- Engovatova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Antipina E. E., Zaytseva G. I., 2013. Kollektivnyye zakhroneniya v Yaroslavl. Rekonstruktsiya sistemy pitaniya na osnove rezul'tatov izotopnogo analiza [Mass burials in Yaroslavl. Reconstruction of nutrition system based on the isotope analysis]. *KSIA*, 228, pp. 96–114.
- Evans J., Stoodley N., Chenery C., 2006. A strontium and oxygen isotope assessment of a possible fourth century immigrant population in a Hampshire cemetery, southern England. *Journal of Archaeological Science*, vol. 33, no. 2, pp. 265–272.
- Fiddymenta S., Holsinger B., Ruzzier C. etc., 2015. Animal origin of 13th-century uterine vellum revealed using noninvasive peptide fingerprinting // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 112. № 49.
- Montgomery J., Evans J. A., Powlesland D., Roberts Ch. A., 2005. Continuity or Colonization in Anglo-Saxon England? Isotope Evidence for Mobility, Subsistence Practice, and Status at West Heslerton. *American Journal of Physical Anthropology*, 126, pp. 123–138.
- Price T. D., Frei K. M., Tiesler V., Gestsdottir H., 2012. Isotopes and mobility: Case studies with large samples. *Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin; Boston: De Gruyter, pp. 311–321.
- Shishlina N. I., Larionova Yu. O., Idrisov I. A., Azarov E. S., 2016. Variatsii izotopnogo sostava strontsiya v obraztsakh sovremennykh ulitok vostochnoy chasti Kavkaza [Variability of isotope strontium

composition in samples of modern snails of eastern part of the Caucasus]. *Aridnye ekosistemy [Arid ecosystems]*, vol. 22, no. 2 (67), pp. 32–40.

- Shishlina N. I., Larionova Yu. O., Safonov I. E., Sevast'yanov V. S., 2012. Mass-spektrmetricheskie issledovaniya i problema migratsiy naseleniy stepnoy zony Kavkaza v epokhu bronzy: pervye rezul'taty [Mass-spectrometric investigations and problem of migration of population groups of steppe zone of the Caucasus in Bronze Age: first results]. *Noveyshie otkrytiya v arkhologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya [Newest discoveries in archaeology of North Caucasus: investigations and interpretations. XXVII Krupnov readings]*. Makhachkala: Mavrayev", pp. 145–146.
- Sleptsov A. M., Klimenko V. V., 2005. Obobshchenie paleoklimaticheskikh dannyykh i rekonstruktsiya klimata Vostochnoy Evropy za poslednie 2000 let [Generalization of paleoclimatic data and reconstruction of climate in Eastern Europe for the last 2000 years]. *Istoriya i sovremennost' [History and modernity]*, 1, pp. 118–135.
- Stable isotopes in ecology and environmental science. R. Michener, K. Lajtha, eds. Oxford, 2007. 251 p.
- Talibova A., Kolesnov A., 2011. Otsenka kachestva i bezopasnosti pishchevoy produktsii metodom izotopnoy mass-spektrometrii [Assessment of quality and safety assessment of food products by method of isotope mass spectrometry]. *Analitika [Analytics]*, 1, pp. 44–48.
- The Technological Study of Books and Manuscripts as Artefacts: Research questions and analytical solutions* / S. Neate, R. Ovenden, D. Howell and A. M. Pollard, eds. Oxford, 2011.
- Ukhanova E. V., 2017. Zapadnoyevropeyskoye vliyanie v knizhnom proizvodstve Drevney Rusi XI–XIV vv.: K postanovke problemy [West-European influence in Ancient Russia book production in XI–XIV cc.: Rasing the problem]. *Srednie veka [Middle Ages]*, 4, pp. 231–240.
- Yavorskaya L. V., Antipina E. E., Engovatova A. V., Zaytseva G. I., 2015. Stabil'nye izotopy ugleroda i azota v kostyakh domashnikh zhivotnykh iz trekh gorodov Evropeyskoy chasti Rossii: Pervye interpretatsii [Stable isotopes of carbon and nitrogen in the bones of domestic animals from three cities of European part of Russia: First interpretations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd state university. Ser. 4: History. Regional studies. International relations]*, 1 (31), pp. 54–64.

About the author

Ukhanova Elena V., The State Historical Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: evoukhanova@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АКР – Археологическая карта России
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БРЭ – Большая российская энциклопедия
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВАУ – Вопросы археологии Урала.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГЕОХИ – Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского
ГИМ – Государственный исторический музей. Москва
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГЕМ РАН – Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам
КБН – Корпус боспорских надписей / отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НИИ – научно-исследовательский институт
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА. ВУА – Российский государственный военно-исторический архив. Военно-ученый архив
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

- PCM – Раннеславянский мир. М.
 СА – Советская археология (1957–1992). М.
 САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
 СКАЭ – Северокавказская комплексная археологическая экспедиция
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 ТАС – Тверской археологический сборник
- АЕАЕ – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
 АЖА – American Journal of Archaeology
 АКР – Arkheologicheskaya karta Rossii [Archaeological map of Russia]
 АН – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
 АН СССР [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
 АО – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
 АР – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN
 АСГЕ – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
 АВ – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg
 ВАР – British Archaeological Reports
 ВРЕ – Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]
 СІРВ – Corpus inscriptionum regni Bosporani. V. V. Struve, ed. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 951 p.
 DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphy, numismatics and philology of Bosporus Cimmerian]. Moscow: IA RAN
 GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]. St. Petersburg
 GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]. Moscow
 IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
 IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
 ІАК – Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya [Imperial Archaeological commission]
 ІGEM RAN – Institut geologii rudnykh mestorozhdeniy, petrografii, mineralologii i geokhimii RAN [Institute for ore sources, petrography, mineralogy and geochemistry RAS]
 ІІМК RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
 ІNІON – Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam [Institute of scientific information on social Sciences]
 KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
 KSIIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
 MAE RAN – Muзей antropologii i etnografii RAN im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstammer)]; St. Petersburg
 MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
 MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
 MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
 MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir
 NAV – Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]. Volgograd
 NII – Nauchno-issledovatel'skiy institut [Scientific-research institute]
 NIIYaLI – Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii [Scientific-research institute for language, literature and culture]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- NS – Numizmaticheskiy sbornik [Collected articles on numismatics]
ОАК – Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Report of Imperial archaeological commission]. St. Petersburg
PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete corpus of Russian chronicles]
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State archive of ancient acts]
RGGU – Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet [Russian State University for Humanities]
RGVIA. VUA – Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv. Voenno-ucheny arkhiv [Russian state military-historical archive. Military-scientific archive]
RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
TAS – Tverskoy arkheologicheskiiy sbornik [Tver' archaeological collection of articles]
VAAE – Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. Tyumen'
VAU – Voprosy arkheologii Urala [Questions of archeology of the Urals]
VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 241–250 ВЫПУСКАХ КРАТКИХ СООБЩЕНИЙ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

- Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Внуков С. Ю.* Золотая индикация с полуфоллиса Константина I из Восточного некрополя Фанагории. 2017, вып. 249, ч. 1, 282–290.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д.* Фанагорийские диоболы с розой – подражания родосскому типу. 2017, вып. 249, ч. 1, 275–281.
- Авербу А.* Обработка твердых материалов животного происхождения в верхнем палеолите Западной Европы: анализ и культурно-хронологические закономерности развития. 2017, вып. 246, 86–101.
- Авилова Л. И., Гей А. Н.* Об использовании весовых систем в эпоху бронзы. 2016, вып. 245, ч. 1, 82–93.
- Азаров Е. С., Пожидаев В. М., Шишлина Н. И., Мамонова А. А., Яцишина Е. Б.* Исследование сложносоставного изделия эпохи бронзы из могильника Березовый Рог методом газовой хроматографии. 2016, вып. 244, 391–407.
- Александрова О. И.* Результаты трасологического анализа каменного инвентаря верхнепалеолитического слоя навеса Чыгай на Северо-Западном Кавказе. 2016, вып. 242, 34–47.
- Алексеев А. В., Смирнов А. Н., Двуреченский О. В.* Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селца Игнатьево 2 в подмосковном Звенигороде. 2018, вып. 250, 43–59.
- Амиров Ш. Н.* Культурный процесс и климатические флуктуации эпохи раннего и среднего голоцена на Переднем Востоке, на примере Южного Леванта и Северной Месопотамии. 2018, вып. 250, 173–193.
- Амирханов Х. А., Таймазов А. И.* Палеолитические находки у с. Хадаги (Республика Дагестан). 2017, вып. 249, ч. 1, 7–15.
- Андреев С. И., Терехова Н. В.* Стекланные бусины Давыдовского городища. 2017, вып. 247, 342–354.
- Аникин И. С.* Технологическое-морфологическое изучение венчиков керамических сосудов из комплекса второй половины XI в. (г. Смоленск, исследование 2015 г.). 2016, вып. 245, ч. 2, 29–36.
- Антипина Е. Е., Яворская Л. В.* Результаты экспертной оценки научной значимости остеологических коллекций из археологических раскопок в зоне строительства автотрассы «Таврида» на Керченском полуострове. 2017, вып. 249, ч. 2, 299–310.
- Антипина Е. Е., Яворская Л. В.* Трасологический анализ и интерпретация инструментально обработанных бараньих лопаток из городов Золотой Орды. 2017, вып. 248, 12–19.
- Антипина Е. Е., Яворская Л. В., Ситдииков А. Г.* Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.). 2015, вып. 241, 402–408.
- Арипджанов О. Ю.* Костяные гребни из Бактрии: новый взгляд на иконографию изображений и технику изготовления. 2018, вып. 250, 276–292.
- Армарчук Е. А., Трунаева Т. Н.* О работе Ляйляжской экспедиции ИА РАН. 2017, вып. 248, 347–354.
- Артакин А. Н., Буланкина Е. В., Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В.* Фрагмент византийской каменной иконки из Старой Рязани. 2017, вып. 249, ч. 2, 116–122.
- Артакин А. Н., Стрикалов И. Ю.* Булава из Старой Рязани. 2016, вып. 245, ч. 2, 64–68.
- Ахмедов И. Р.* Поздние рязано-окские крестовидные фибулы и их роль в системе социально-иерархических маркеров. 2016, вып. 244, 222–236.
- Ахмедов И. Р., Васильева Е. Е., Хаврин С. В.* Клинковое оружие из погребения 33 могильника Кичмалка II в Кабардино-Балкарии. 2016, вып. 244, 237–253.

- Ахметгалеева Н. Б.* Значение экспериментально-трассологических методов исследований при изучении костяных индустрий палеолита на примере материалов стоянок Восточной Европы. 2017, вып. 246, 70–85.
- Бадеев Д. Ю., Яворская Л. В.* Две находки печатей-матриц из раскопок в центральной части золотоордынского Болгара. 2017, вып. 249, ч. 2, 288–298.
- Балабина В. И., Мишина Т. Н.* Грузики для ткацкого станка – свидетельства ткачества на телле Юнаците. 2016, вып. 245, ч. 1, 94–104.
- Барвенцова А. А.* Трансформация мужского костюма белорусской шляхты с жупаном. 2018, вып. 250, 114–128.
- Багажба О. Х.* Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии (II–VII вв.). 2016, вып. 244, 275–281.
- Бегунова В. В.* Из истории археологических исследований Смядынского предместья в Смоленске. 2015, вып. 241, 368–379.
- Бейлекчи Вал. В.* Топоры муромы. 2017, вып. 247, 355–371.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Дуйсенбай Д. Б.* Зооморфный декор футляра из кургана раннесакского времени (Центральный Казахстан). 2017, вып. 248, 134–148.
- Белай Ю.* Кольцевидные фибулы в контексте костюма и мировоззрения высокого и позднего средневековья. 2018, вып. 250, 104–113.
- Белая Н. Н., Шевченко А. А.* Городище Россошки I на Среднем Дону. 2016, вып. 242, 81–95.
- Беляев Л. А., Елкина И. И.* «Усыпальница Романовых» в Знаменской церкви Новоспасского монастыря: работы 2014 г. 2016, вып. 245, ч. 2, 131–149.
- Беляев Л. А., Шуляев С. Г.* Надгробие подъячего из Приказа Новодевичьего монастыря. 2015, вып. 241, 319–323.
- Березин С. Я., Маслов В. Е.* «Раннескифское» погребение в могильнике Прогресс-2. 2016, вып. 245, ч. 1, 191–202.
- Березин С. Я., Маслов В. Е.* Воинское предскифское погребение близ г. Железноводск. 2017, вып. 249, ч. 1, 174–186.
- Березуцкий В. Д., Золотарев П. М.* Сарматский котел из Донского левобережья. 2017, вып. 246, 298–305.
- Березуцкий В. Д., Мاستыкова А. В.* Погребение эпохи великого переселения народов на левобережье Среднего Дона. 2016, вып. 245, ч. 1, 219–243.
- Болелов С. Б., Колганова Г. Ю., Никифоров М. Г.* Анализ архитектурных памятников Хорезма на основе особенностей фортификации. 2016, вып. 242, 132–149.
- Болелов С. Б., Утубаев Ж. Р.* Поселение гончаров Бабиш-Мулла 7 в низовьях Сырдарьи (раскопки 2015 года). 2017, вып. 248, 20–35.
- Бонин А. В.* О времени существования неукрепленной части Ильичевского поселения. 2017, вып. 247, 274–284.
- Буланкина Е. В., Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В.* Колт из старорязанского клада 2013 г. 2016, вып. 245, ч. 2, 69–74.
- Буров В. А.* Полихромный изразец с двуглавым орлом из Соловецкого монастыря. Конец XVII – начало XVIII вв. 2017, вып. 247, 384–389.
- Буров В. А.* Черепичные кровли на Соловках в XVII–XIX вв. (по историко-археологическим данным). 2015, вып. 241, 344–349.
- Вдовиченко М. В.* Фрагменты фундаментов XII века собора Рождества Богородицы в Боголюбове, раскрытые в ходе работ 2015 года. 2017, вып. 249, ч. 2, 151–169.
- Вдовиченко М. В., Седов В. В.* Материалы к архитектуре комплекса Знаменской (Пятницкой) церкви во Владимире XVIII в. 2016, вып. 244, 437–448.
- Вергазов Р. Р.* Архитектурные детали из Султануиздага. К проблеме атрибуции, датировки и стилистики капителей. 2017, вып. 247, 285–295.
- Вергазов Р. Р.* Персидский парадиз в Пасаргадах. Об особенностях садово-паркового искусства ахеменидского Ирана. 2016, вып. 243, 148–157.
- Владимиров С. И.* Типология и истоки форм наконечников стрел населения Доно-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X в. (салтово-маяцкая культура). 2017, вып. 248, 36–48.

- Внуков С. Ю.* Редкая синопская амфора римского времени. 2017, вып. 249, ч. 1, 329–332.
- Внуков С. Ю., Антонов Е. Е.* Разведки в окрестностях городища Кара-Тобе (Северо-Западный Крым). 2017, вып. 249, ч. 1, 324–328.
- Внуков С. Ю., Ефремов Н. В.* Новые и старые имена в керамических клеймах Херсонеса Таврического и Синопы. 2017, вып. 249, ч. 1, 250–263.
- Войтов В. Е.* «Тени забытых предков» – к родословной Эльтерес-кагана и его братьев. 2017, вып. 248, 49–56.
- Волков П. В., Лбова Л. В.* Особенности технологии обработки бивня и основной инструментальной при изготовлении предметов мобильного искусства в Мальгинской коллекции. 2017, вып. 246, 157–168.
- Волкова Е. В.* Культурный состав населения и относительная периодизация жилищ поселения Галанкина Гора (по данным изучения керамики). 2017, вып. 249, ч. 1, 153–166.
- Волкова Е. В.* Социальная структура населения московской локальной группы фатьяновской культуры и относительная хронология могильников. 2016, вып. 245, ч. 1, 132–142.
- Волкова Е. В., Суханов Е. В.* Возможности и пределы применения метода геометрической морфометрии для анализа форм глиняных сосудов. 2017, вып. 248, 249–261.
- Волкова Е. В., Цетлин Ю. Б.* О разработке методики определения температуры обжига древней керамики. 2016, вып. 245, ч. 2, 254–264.
- Володин С. А.* Погребения с кремациями скифской эпохи на территории Среднего Подонья. 2018, вып. 250, 229–242.
- Воронин К. В., Мацковский В. В.* Дендрохронологическое датирование подписной вкладной иконы 1595–1596 гг. «Великомученик Дмитрий Солунский с житием». 2017, вып. 246, 356–364.
- Воронин К. В., Мацковский В. В., Долгих А. В.* Радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование краснофонной иконы «Святой Николай Мирликийский со сценами жития». 2016, вып. 242, 212–220.
- Гаврилов К. Н., Лев С. Ю.* Палеолитическая Даная: шедевр из раскопок Хотыльёво 2, 2016 г. 2017, вып. 249, ч. 1, 42–49.
- Гайдуков П. Г., Гомзин А. А.* Новгородский клад куфических монет 1998 г. 2017, вып. 249, ч. 1, 291–304.
- Гайдуков П. Г., Дэвлет Е. Г., Шорунова Ю. Н.* Новые материалы и интерпретации в археологических исследованиях. 2015, вып. 241, 445–449.
- Гак Е. И., Клещенко А. А.* Металл северокавказской культуры Закубанья (химико-технологическая оценка). 2016, вып. 243, 173–193.
- Гей А. Н.* Схематическая антропоморфная стела с Таманского полуострова. 2017, вып. 249, ч. 1, 102–111.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В.* Результаты комплексных исследований Мангупского городища и его округа в 2015 г. 2016, вып. 243, 127–147.
- Глазунова О. Н.* Заготовки архитектурных вставок-тарелок второй половины XVII в. из Новоиерусалимского монастыря. 2016, вып. 242, 161–164.
- Глазунова О. Н.* Переносная керамическая жаровня из Государева дворца в Новом Иерусалиме. 2017, вып. 249, ч. 2, 204–208.
- Глазунова О. Н., Денисов С. А.* Бондарные изделия из комплекса погребов Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. 2017, вып. 248, 298–305.
- Говор Л. И., Грешиников Э. А., Зайцева И. Е., Коваленко Е. С., Куркин В. А., Мурашев М. М., Подурец К. М., Соменков В. А., Глазков В. П., Благов А. Е., Яцишина Е. Б.* Исследование закрытых древнерусских крестов-энколпионов с применением ядерно-физических методов. 2017, вып. 249, ч. 2, 348–365.
- Голованова Л. В.* Костяные изделия в среднем и верхнем палеолите Кавказа. 2017, вып. 246, 169–184.
- Гомзин А. А.* Монеты из раскопок А. В. Селиванова 1888 г. на городище Старой Рязани. 2016, вып. 245, ч. 2, 44–56.
- Гопкало О. В.* Социальная стратификация носителей культуры Черняхов – Сынтана-де-Муреш. 2016, вып. 244, 65–82.

- Горская О. В., Медведева М. В.* Коллекция П. А. Маврогордато в Отделе античного мира Эрмитажа: история поступления и проблемы атрибуции. 2015, вып. 241, 409–422.
- Грибов Н. Н.* О времени появления финских грунтовых погребений на Нижней Оке. 2017, вып. 249, ч. 2, 28–43.
- Гудименко И. В., Файферт А. В.* Погребения эпохи энеолита – ранней бронзы грунтового могильника «Дюнное I». 2017, вып. 246, 251–260.
- Гуляев В. И.* Антропоморфные поясные пряжки скифского времени из Крыма. 2016, вып. 245, ч. 1, 185–190.
- Гуляев В. И.* Деревянные чаши скифского времени с золотыми обкладками в виде хищных птиц. 2017, вып. 248, 149–165.
- Гуляев В. И.* Мотив медведя в «жертвенной позе» (в фас) в скифо-сибирском зверином стиле. 2016, вып. 243, 60–65.
- Даньова М., Крупа В.* Анализ перстня из собрания Бальнеологического музея в контексте украшений из германских захоронений Словакии. 2018, вып. 250, 62–72.
- Датунашвили Н. Д., Чхаидзе В. Н.* Половецкое каменное изваяние из Национального музея Грузии. 2016, вып. 245, ч. 2, 150–159.
- Дворниченко В. В., Демиденко С. В.* Погребения савроматского времени из курганной группы Кривая Лука XI. 2017, вып. 249, ч. 1, 187–201.
- Двуреченский О. В.* Бронзовые наконечники стрел крепости Узундара. 2017, вып. 248, 207–219.
- Демиденко С. В.* Воинское погребение с парадной конской упряжью позднесарматского времени в бассейне реки Курмоярский Аксай. 2016, вып. 244, 195–221.
- Державин В. Л.* О культурной атрибуции «лагеря Чичагова» на Шпицбергене. 2015, вып. 241, 333–344.
- Державин В. Л.* Последние кресты Шпицбергена. 2017, вып. 248, 306–316.
- Детлова Е. В.* Геро фон Мергарт и российское археологическое научное сообщество 1920-х гг. 2016, вып. 243, 229–241.
- Добровольская Е. В., Сорокин А. Н.* Археозоологические материалы финально-плейстоценового – раннеголоценового времени из Подмосковья и некоторые вопросы геоархеологии. 2017, вып. 248, 332–346.
- Добровольская М. В.* Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории. 2016, вып. 244, 299–309.
- Добровольская М. В., Решетова И. К.* Изотопное исследование антропологических материалов из погребальных памятников эпохи бронзы на Среднем Дону. 2016, вып. 245, ч. 2, 172–181.
- Добровольская М. В., Решетова И. К., Дэвлет Е. Г.* К обсуждению новых материалов археологических исследований и их интерпретации. 2016, вып. 242, 253–258.
- Добровольская М. В., Решетова И. К., Медникова М. Б., Тарасова А. А., Васильева Е. Е., Коваль В. Ю., Энгватова А. В.* Об антропологическом своеобразии людей, погребенных в некрополе Чудова монастыря (предварительное сообщение). 2017, вып. 249, ч. 2, 18–27.
- Дубровин Г. Е.* Детские игрушки с Федоровского раскопа в Новгороде. 2016, вып. 245, ч. 2, 75–90.
- Дэвлет Е. Г.* Конвергентно возникающие созвучия зооморфным персонажам с декорированным туловищем: звериный стиль или свободная стилизация? 2017, вып. 248, 198–206.
- Дэвлет Е. Г.* Новые материалы к проблеме тихоокеанских аналогий изображениям личин в наскальном искусстве Амура и Усури. 2015, вып. 241, 68–78.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р.* Петроглифы на р. Кия в Хабаровском крае. 2017, вып. 249, ч. 1, 167–173.
- Дэвлет Е. Г., Фахри А. И.* К вопросу о внешнем облике каменных изваяний. 2016, вып. 245, ч. 2, 160–171.
- Елкина И. И.* Оплечье XVII в. из слободы Новодевичьего монастыря. 2015, вып. 241, 323–327.
- Еришов И. Н.* Новые исследования домонгольского храма на ул. Школьная, 2, в Смоленске в 2014 году. 2016, вып. 242, 150–160.
- Еськова Д. К., Гаврилов К. Н.* Кремень с гравировками и особенности использования каменного сырья на стоянке восточного граветта Хотылево 2А. 2018, вып. 250, 129–144.

- Желтова М. Н.* Специфика использования костей, зубов и бивней обитателями Костенок 4: стратегия или состояние источника? 2017, вып. 246, 102–116.
- Жилин М. Г.* Зубчатые острия в мезолите Верхнего Поволжья. 2016, вып. 242, 17–33.
- Жилин М. Г.* Наконечники колющих копий в мезолите лесной зоны Восточной Европы. 2017, вып. 249, ч. 1, 56–73.
- Жилин М. Г.* Результаты трасологического анализа костяных наконечников стрел из мезолитических стоянок Горбуновского торфяника. 2017, вып. 246, 195–213.
- Жилина Н. В.* Введение. 2018, вып. 250, 60–61.
- Жилина Н. В.* Подвески-амулеты: пунктирная линия от античности к Средневековью. 2016, вып. 245, ч. 2, 108–116.
- Жилина Н. В.* Реконструкция венца Владимира Святого (на основании изображений на монетах). 2015, вып. 241, 263–275.
- Житенев В. С.* Имитации в украшениях верхнего палеолита Русской равнины. 2017, вып. 246, 117–129.
- Завойкин А. А.* Афина и горгона Медуза в святилище «Береговой 4». 2016, вып. 245, ч. 1, 168–184.
- Завойкин А. А.* Металлические украшения и другие предметы из металла в святилище Деметры и Коры («Береговой 4»). 2017, вып. 249, ч. 1, 231–249.
- Завойкина Н. В.* Коммерческие маркировки на амфорах третьей четверти VI – IV в. до н. э. из Фанагории. 2017, вып. 249, ч. 1, 264–274.
- Завойкина Н. В.* Симпосий в археологическом контексте. 2015, вып. 241, 103–109.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* Древнейшие артефакты из метеоритного железа: мифы и реальность. 2016, вып. 243, 163–172.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* К проблеме перехода от эпохи бронзы к эпохе железа (технологический аспект). 2016, вып. 242, 199–211.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* Становление кузнечного ремесла в степной Скифии (на примере Каменского городища). 2017, вып. 248, 317–331.
- Зайцев И. В.* Памятники османской эпиграфики в собрании Музея истории города-курорта Сочи. 2017, вып. 248, 72–78.
- Зайцева И. Е.* Уздечный набор X в. из Шекшова в Суздальском Ополье. 2017, вып. 246, 306–322.
- Зайцева И. Е.* Цветной металл украшений могильника Шекшово 9 X–XI вв. в Суздальском Ополье (химический состав). 2015, вып. 241, 252–262.
- Зеленцова О. В., Милованов С. И., Добровольская М. В.* Методические вопросы определения погребений по обряду кремации на примере раскопок 2012–2014 гг. Подболотьевского могильника. 2017, вып. 249, ч. 2, 272–287.
- Зинченко С. А.* Антропозооморфы келермесского меча: к поиску иконографических аналогий. 2017, вып. 247, 189–202.
- Иштванович Э., Кульчар В.* Социальная стратификация варваров гуннского времени в свете новейших исследований в Венгрии. К проблеме «отдельных» или небольших групп погребений. 2016, вып. 244, 102–119.
- Кадиева А. А.* Пряжки и фибулы из могильника Алдар-Резен близ селения Кумбулта из раскопок К. И. Ольшевского по материалам собрания Государственного исторического музея. 2016, вып. 244, 282–298.
- Казанский М. М.* Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции. 2016, вып. 244, 83–101.
- Казарницкий А. А.* Антропологическая экспертиза скелетных материалов из позднеантичного могильника Сувлу-Кая (Юго-Западный Крым). 2016, вып. 243, 203–218.
- Казарницкий А. А.* Антропологические материалы Усть-Альминского могильника (из раскопок 2002–2015 гг.). 2017, вып. 247, 390–405.
- Канторович А. Р.* О принципах классифицирования и кодирования изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (на примере мегаобраза хищника). 2017, вып. 248, 111–133.

- Канторович А. Р., Дэвлет Е. Г., Рукавишников И. В.* Истоки и итоги Семинара по звериному стилю. 2017, вып. 247, 7–14.
- Капустина Е. П.* Боспорские сосуды с ручками в виде кабана – опыт применения программных инструментов картографирования. 2016, вып. 245, ч. 1, 59–66.
- Кашкин А. В., Самойлович Н. Г.* Об одном сооружении петровского времени в Ростове Великом. 2015, вып. 241, 353–358.
- Килуновская М. Е., Леус П. М.* Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве. 2017, вып. 247, 87–104.
- Кирсанов А. В.* Находки из цветного металла на селище Микулино 7 (XV–XVI вв.). 2017, вып. 249, ч. 2, 179–194.
- Клемешова М. Е.* Результаты исследования лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 из раскопок 2010–2012 гг. (по данным технико-технологического анализа). 2017, вып. 248, 262–277.
- Клещенко А. А.* Большие булавочные наборы из погребений курганной группы Кёнделенская I и «поясные наборы» эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья. 2017, вып. 249, ч. 1, 85–101.
- Клещенко А. А., Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю.* Курганный могильник Трехбалочный: новый памятник эпохи бронзы в верховьях реки Калитва. 2017, вып. 249, ч. 1, 124–141.
- Клещенко Е. А.* Историческая динамика погребальной обрядности населения Молого-Шекснинского междуречья в I тыс. н. э. (опыт применения биоархеологического подхода при изучении материалов кремаций). 2016, вып. 245, ч. 1, 36–58.
- Ковалев А. А.* Афанасьевская культура в Синьязяне. 2017, вып. 247, 245–266.
- Коваль В. Ю.* Византийские амфоры в Переяславле Рязанском. 2016, вып. 245, ч. 2, 117–130.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е.* Городские укрепления на склонах (новые данные по Ростиславлю Рязанскому). 2017, вып. 249, ч. 2, 123–130.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е.* Новые исследования оборонительных сооружений Ростиславля Рязанского. 2016, вып. 242, 113–123.
- Ковальчук А. В.* Религиозная жизнь на поселении «Сиреневая бухта». 2015, вып. 241, 109–125.
- Комаров К. И.* Памятники археологии Переславского района Ярославской области по данным мониторинга. 2015, вып. 241, 350–353.
- Корневский С. Н.* Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно-бронзового века понто-предкавказских степей. 2016, вып. 245, ч. 1, 105–119.
- Корневский С. Н.* Символика скульптур воинов и женского божества в комплексах с оружием у земледельцев Дунайского региона эпохи халколита. 2017, вып. 249, ч. 1, 142–152.
- Коробов Д. С.* Социальная стратификация населения Кисловодской котловины V–VIII вв. по материалам могильника Клин-Яр 3. 2016, вып. 244, 48–64.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю.* Новые комплексы аланской культуры эпохи Великого переселения народов из окрестностей Кисловодска. 2015, вып. 241, 214–230.
- Королева М. С.* Способы декорирования платья и головного убора древней мордвы Вадского бассейны в VIII–IX вв. 2015, вып. 241, 245–251.
- Король Г. Г.* Истоки зооморфного кода в средневековом искусстве Саяно-Алтая. 2017, вып. 247, 105–119.
- Королькова Е. Ф.* О происхождении некоторых особенностей сибирского звериного стиля. 2017, вып. 247, 50–60.
- Кренке Н. А., Глазунова О. Н., Еришов И. Н., Олейников О. М.* Стратиграфический раскоп на Подоле Московского Кремля. 2016, вып. 243, 107–126.
- Кренке Н. А., Еришов И. Н., Муренцева Т. Ю., Хаврин С. В.* Ювелирная мастерская XI в. на Рачевке в Смоленске. 2016, вып. 245, ч. 2, 7–28.
- Кренке Н. А., Певзнер М. М., Кренке А. Н., Чаукин С. Н.* Археолого-тефрохронологические исследования в районе Ключевской группы вулканов (Камчатка, Россия). 2017, вып. 249, ч. 2, 329–347.
- Кренке Н. А., Тавлицева Е. Ю., Чаукин С. Н.* Новые направления в изучении памятников дьяковской культуры. 2016, вып. 242, 60–70.
- Кудрявцев А. А.* Скандинавский амулет из раскопок церкви Благовещения на Городище под Новгородом. 2017, вып. 248, 290–297.

- Кузнецов В. Д. Оборонительные сооружения Фанагории. 2018, вып. 250, 215–219.
- Кузьминых С. В., Луньков В. Ю., Орловская Л. Б. О металле культового памятника эпохи бронзы на Шайтанском озере (Средний Урал). 2015, вып. 241, 89–94.
- Кузьминых С. В., Усачук А. Н. «Так много было о чем поговорить»: (Кембриджская коллекция писем Н. Е. Макаренко Э. Х. Миннзу). 2016, вып. 243, 242–556.
- Кулаков В. И. Внешние контакты эстиев по данным вооружения и конского снаряжения. 2015, вып. 241, 173–184.
- Кызласов И. Л. XIII Ежегодная Московская конференция «Восточные древности в истории России. Эпоха Средневековья». 2017, вып. 248, 7–11.
- Кызласов И. Л. Притяжение археологии. Довоенная провинциальная история. 2015, вып. 241, 437–444.
- Лев С. Ю., Еськова Д. К. Кремневый инвентарь стоянки Зарайск В. 2016, вып. 242, 7–16.
- Леонова Е. В., Успенская О. И. Кремневый отбойник из пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе. 2017, вып. 249, ч. 1, 50–55.
- Леонтьев А. Е. «...на реке Саре у святей Марии...». Археологические памятники народного памятного места. 2016, вып. 244, 425–436.
- Леонтьев А. Е. Сасанидская печать из Ростова Великого. 2016, вып. 245, ч. 2, 37–43.
- Лифанов Н. А. Раннесалтовский погребально-поминальный комплекс из могильника Винновка I на Самарской Луке. 2017, вып. 248, 79–90.
- Лозовская О. В., Лозовский В. М. Наконечники острог и копий позднего мезолита – неолита: вопросы интерпретации (по материалам стоянки Замостье 2). 2017, вып. 246, 230–241.
- Лопан О. В., Волков И. В. Об одном редком типе зеркал золотоордынского времени. 2017, вып. 248, 57–71.
- Лопатин Н. В. К юбилею «Археологических открытий». 2016, вып. 245, ч. 1, 272–276.
- Лопатин Н. В. О городищах V–VII вв. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России. 2018, вып. 250, 293–306.
- Макаров Н. А. Подвеска со знаком Рюриковичей из летописного Клещина. 2016, вып. 242, 180–190.
- Макаров Н. А., Энговатова А. В., Коваль В. Ю. Археологические исследования в восточной части московского Кремля в 2014–2016 гг. 2017, вып. 246, 7–27.
- Малашев В. Ю., Абиев А. К., Бакушев М. А. Зеликакинское поселение албано-сарматского времени в Прикаспийском Дагестане. 2017, вып. 249, ч. 1, 217–230.
- Малашев В. Ю., Болелов С. Б. I-е Паласа-сыртское городище в Южном Дагестане. 2017, вып. 248, 91–110.
- Мальшев А. А., Грешиников Э. А. Погребальные сооружения эпохи эллинизма Горгиппийской хоры. 2015, вып. 241, 125–137.
- Масленников А. А. Монетные находки из «башен» на постмитридатовской хоре Европейского Боспора. 2018, вып. 250, 327–335.
- Маслов В. Е. К вопросу о происхождении поясных накладок со сценой охоты из Сибирской коллекции Петра I. 2018, вып. 250, 25–42.
- Маслов В. Е. Черноголовское погребение в степном Предкавказье. 2015, вып. 241, 95–103.
- Мастыкова А. В. Введение. Социальная стратификация населения Кавказа в конце Античности и начале Средневековья. 2016, вып. 244, 7–10.
- Мастыкова А. В. Зеркало из «княжеского» погребения гуннского времени с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону. 2015, вып. 241, 207–213.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Юганов К. Л. Могильник Шлакалькен-5: о культурно-хронологической преемственности памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в северной части Самбийского полуострова. Приложение: Соловьева Л. Н. Результаты определения породы древесины из могильника Шлакалькен-5. 2017, вып. 246, 28–55.
- Мастыкова А. В., Земцов Г. Л. Богатое погребение на поселении Мухино 2 на Верхнем Дону и имущественная градация привилегированных могил гуннского времени в Барбарикуме (группа Унтерзибенбрунн). 2016, вып. 244, 131–145.

- Медникова М. Б.* О применении радиологической микроскопии в диагностике палеопатологий. 2017, вып. 249, ч. 2, 262–271.
- Медникова М. Б.* Паласа-Сыртский могильник. Опыт биоархеологического исследования по антропологическим материалам из раскопок 2014 года. 2016, вып. 244, 310–322.
- Медникова М. Б., Беляев Л. А., Елкина И. И., Тарасова А. А., Загвоздин В. П.* Комплексное биоархеологическое исследование женского погребения в белокаменном склепе Новоспасского монастыря. 2016, вып. 245, ч. 2, 182–200.
- Медникова М. Б., Тарасова А. А.* Рентгенография в оценке уровня физиологического стресса и влияния на ростовые процессы у детей (на примере москвичей в XV–XVIII вв.). 2017, вып. 249, ч. 2, 219–225.
- Медынцева А. А.* Автографы писцов-каллиграфов из Новгородской Софии (рубеж XI–XII вв.). 2016, вып. 244, 408–424.
- Медынцева А. А.* О надписи на одной из новгородских цер. 2016, вып. 245, ч. 2, 91–96.
- Медынцева А. А.* Рисунки-граффити Христа-иерея из новгородского Софийского собора. 2017, вып. 249, ч. 2, 170–178.
- Мельник В. И.* Культурный синкретизм в погребальной практике эпохи средней бронзы степного Прикубанья. 2016, вып. 245, ч. 1, 120–131.
- Мельник В. И.* Тенденции изменений в раннекатакомбной погребальной практике Восточного Приазовья. 2017, вып. 249, ч. 1, 112–123.
- Мельник В. И.* Цветовая триада в погребальной обрядности бронзового века степей Восточной Европы. 2015, вып. 241, 59–68.
- Мельникова О. М.* История археологии в Удмуртии в 1920-е гг.: исследовательские практики и власть. 2016, вып. 242, 221–231.
- Меркулов А. Н.* Хозяйственно-производственные комплексы среднедонского населения скифского времени. 2016, вып. 242, 96–112.
- Миклашевич Е. А.* Новые материалы по наскальному искусству скифского времени в горах Оглахты (Хакасия). 2017, вып. 248, 185–197.
- Михеева (Китаева) А. А.* К вопросу об интерпретации захоронений некрополя Древнего Мерва. 2017, вып. 247, 296–313.
- Модин Р. Н.* Находка Псковской вислой печати на селище Скрипино-1 Московской области. 2017, вып. 249, ч. 1, 305–310.
- Моргунов Ю. Ю.* Остерская волость Переяславской земли. 2017, вып. 249, ч. 2, 57–67.
- Моргунов Ю. Ю.* Сложение посульского рубежа Переяславской земли. 2015, вып. 241, 284–297.
- Мясников Н. С., Мамонова А. А., Гришаков В. В.* Реконструкция женского головного убора второй половины II в. н. э. из Сендимиркинского могильника в Сурско-Свияжском междуречье. 2018, вып. 250, 73–90.
- Нефёдов В. С.* Первая программа археологического изучения Смоленской губернии. 2015, вып. 241, 359–368.
- Николаенко Т. Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область: методика разработки, структура, научный потенциал. 2017, вып. 249, ч. 1, 318–323.
- Обломский А. М., Швырёв А. Д.* Византийская гиричка для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж. 2018, вып. 250, 307–326.
- Ожерельев Д. В.* Культурно-хронологическое определение каменных находок из слоя 129 многослойной раннепалеолитической стоянки Мухкай II. 2015, вып. 241, 7–20.
- Ожерельев Д. В.* Особенности формирования культурного слоя стоянок эпохи олдована Северо-Восточного Кавказа на примере стоянки Мухкай II, слой 80. 2017, вып. 249, ч. 1, 16–31.
- Олейников О. М.* Исследования в северо-западной части Неревского конца средневекового Новгорода в 2011 г. (раскоп Конюшенный-1). 2016, вып. 243, 77–91.
- Олейников О. М.* Новый тип письменных принадлежностей из Великого Новгорода. 2016, вып. 242, 191–198.
- Олейников О. М.* Стеклозеркало на свинцовой подложке из Великого Новгорода. 2017, вып. 249, ч. 2, 95–108.

- Олейников О. М., Гайдуков П. Г., Янин В. Л.* Основные итоги работ на Козмодемьянском-3 раскопе в Великом Новгороде в 2015 г. 2016, вып. 245, ч. 2, 97–107.
- Олейников О. М., Долгих А. В.* Результаты УМС радиоуглеродного датирования городни детинца Великого Новгорода из раскопок М. Х. Алешковского в 1959 г. 2015, вып. 241, 307–318.
- Олейников О. М., Руденко К. А.* Находки медных ковшей XII века в Великом Новгороде (к вопросу об источниках и составе сырья на новгородском рынке цветных металлов). 2017, вып. 247, 326–341.
- Осипов Д. О.* Новая атрибуция археологической находки из коллекции ГИМ. 2016, вып. 243, 158–162.
- Очир-Горяева М. А.* Изображения коня в искусстве скифской эпохи степной Евразии. 2017, вып. 247, 176–188.
- Очир-Горяева М. А., Андреева М. В.* Кенотаф позднекатакомбного времени из могильника Хар Зуха I в Калмыкии. 2016, вып. 244, 355–372.
- Палиенко С. В. В. Ф.* Генинг и формирование киевского центра теоретической археологии. 2016, вып. 242, 232–244.
- Панова Т. Д.* Раскопки в Тайничком саду Кремля и история археологического изучения территории Подола Боровицкого холма Москвы в XIX–XX вв. 2016, вып. 243, 92–106.
- Панченко К. И.* Клейма на донцах керамических сосудов с селища Новиково I конца XII – XIII вв. в Липецкой области. 2015, вып. 241, 297–307.
- Паромов Я. М.* Краеугольный камень Таманской палеогеографии. 2015, вып. 241, 137–153.
- Пахунов А. С., Житенев В. С., Дзвлет Е. Г., Лофрументо К., Риччи М., Бекуччи М., Парфенов В. А.* Анализ пигментов «кладов охры» из Каповой пещеры. 2016, вып. 245, ч. 2, 240–253.
- Пахунов А. С., Лев С. Ю.* Комплексная исследовательская фотосъемка скульптуры бизона с Зарайской стоянки: предварительные результаты. 2015, вып. 241, 20–28.
- Петрова Н. Ю.* Технологическое изучение керамики поселения Ярымтепе I (периоды протохассуны и архаической Хассуны). 2016, вып. 242, 48–59.
- Пигарев Е. М.* Кувшин из Твери на Селитренном городище. 2017, вып. 246, 336–343.
- Пилипко В. Н.* Старая Ниса. О декоративном убранстве верхних помещений Башенного сооружения. 2018, вып. 250, 260–275.
- Пинар Жил Ж.* Украшения, топография и архитектура: индикаторы социальной стратификации на могильниках раннего вестготского периода в Испании и Южной Франции. 2016, вып. 244, 13–47.
- Питулько В. В.* Об ископаемых технологиях обработки бивня мамонта (по материалам из Янского комплекса стоянок). 2017, вып. 246, 142–156.
- Платонова Н. И.* Архитектор-археолог П. П. Покрышкин: страницы биографии. 2015, вып. 241, 422–437.
- Пожидаяев В. М., Зайцева И. Е., Камаев А. В., Вишневская М. В., Яцишина Е. Б.* Исследование заполнения сосудов из погребений XI в. на могильнике Шекшово в Суздальском Ополе. 2016, вып. 245, ч. 2, 226–239.
- Полидович Ю. Б.* Один из мотивов изображения горного козла в раннескифском искусстве. 2017, вып. 248, 166–184.
- Поляков Ф. А.* К оценке численности курганных могильников эпохи бронзы на территории Окско-Донской равнины. 2016, вып. 245, ч. 1, 143–153.
- Полянская Е. Ю.* Опыт применения методов геометрической морфометрии при анализе форм каменных мотыжек Сочи-Адлерского типа (по материалам Имеретинской низменности). 2017, вып. 249, ч. 1, 74–84.
- Попова Е. А.* Керамические фимиатерии из Северо-Западного Крыма и культ нимф в Северном Причерноморье. 2018, вып. 250, 220–228.
- Прошкин О. Л.* Мещовское ополье – основные этапы освоения в IX–XIII вв. по археологическим данным. 2017, вып. 249, ч. 2, 68–85.
- Разуваев Ю. Д.* Бронзовые коньковые подвески скифского времени на Верхнем Дону. 2017, вып. 247, 267–273.

- Решетова И. К.* К вопросу о патологиях зубов некариозного происхождения в палеоантропологических сериях: по материалам из раскопок в Великом Новгороде в 2015–2016 гг. 2017, вып. 246, 344–355.
- Решетова И. К.* Комплекс № 15 на Семилукском городище скифского времени: антропологическое исследование. 2016, вып. 243, 219–228.
- Решетова И. К.* Случай символической трепанации черепа в материалах раскопок восточной части Московского Кремля. 2016, вып. 245, ч. 2, 201–205.
- Рукавишников И. В.* Звериный стиль Аржана-5 (комплексный подход в изучении предметов, декорированных в зверином стиле). 2017, вып. 247, 163–175.
- Рукавишников И. В., Гладченков А. А.* Исследования Аржана-5 в Турано-Уюкской котловине. 2016, вып. 243, 50–59.
- Румянцева О. С.* Литое стекло с поселения черняховской культуры Комаров: престижная посуда или сырье стеклоделательной мастерской? 2016, вып. 245, ч. 1, 203–218.
- Румянцева О. С., Щербаков И. Б.-Х.* Краткие итоги изучения состава стекла-сырца с поселения Комаров на Среднем Днестре. 2015, вып. 241, 184–190.
- Рыбин Е. П., Мецгерин М. Н.* Стоянка Колпаков Ручей: ранний верхний палеолит в среднем течении реки Ангары (Сибирь, Красноярский край). 2015, вып. 241, 28–42.
- Савинов Д. Г.* Нуклеарное искусство звериного стиля. 2017, вып. 247, 28–49.
- Савченко С. Н.* Костяная индустрия мезолитических стоянок Горбуновского торфяника в контексте мезолита Урала и Восточной Европы. 2017, вып. 246, 214–229.
- Сапрыкина И. А.* Состав цветного металла предметов из Ананьинского могильника. 2016, вып. 243, 194–202.
- Сvirкина Н. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М.* Население Фанагории римского времени: опыт палеодемографического изучения антропологических материалов Восточного некрополя. 2017, вып. 249, ч. 2, 236–250.
- Седов Вл. В.* Каменные стены Боголюбова. Исследования 2015 года. 2015, вып. 241, 191–201.
- Седов Вл. В.* Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года). 2017, вып. 249, ч. 2, 131–150.
- Седов Вл. В.* Саркофаг князя Всеволода Большое Гнездо в Успенском соборе (по данным Н. Н. Воронина). 2017, вып. 248, 278–289.
- Седов Вл. В.* Северный портал собора Рождества Богородицы в Боголюбове. 2017, вып. 246, 56–69.
- Седов Вл. В., Кузина И. Н., Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А.* Перстень-печатка со стеклянной вставкой из новгородского Пантелеймонова монастыря. 2015, вып. 241, 275–283.
- Селезнёв А. Б.* Кремневый инвентарь стоянки Мухай I (сравнительный анализ комплекса вторичной обработки). 2017, вып. 249, ч. 1, 32–41.
- Семенов Вл. А.* Кабан: «копытный хищник» в скифском искусстве и мифологии. 2017, вып. 247, 61–73.
- Семенов И. Г.* К этнической карте кавказской периферии Гуннской державы: соросги, акациры и «гунны» Восточного Кавказа. 2016, вып. 244, 323–339.
- Сергеев А. Ю., Лебедева Е. Ю.* К вопросу о раннеаланском земледелии: находки культурных и сорных растений на укреплении Подкумское-2 (II–IV вв. н. э.). 2017, вып. 249, ч. 2, 311–328.
- Сергин В. Я.* Некоторые детали устройства жилища Костенок 2. 2016, вып. 243, 7–15.
- Сидоров В. В.* Специфика неолитизации лесной зоны Восточной Европы. 2018, вып. 250, 194–201.
- Симоненко А. А., Хайкунова Н. А.* Костяной инвентарь стоянки Третий мыс. 2017, вып. 246, 185–194.
- Синика В. С., Чорев М. М.* Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра. 2018, вып. 250, 336–348.
- Сиротин С. В.* Женское раннекочевническое погребение с шаманским комплексом IV в. до н. э. на Южном Урале. 2017, вып. 249, ч. 1, 202–216.
- Скаков А. Ю., Джошуа А. И.* Новые находки памятников кобано-колхидского графического искусства в Абхазии. 2016, вып. 245, ч. 1, 154–167.

- Скаков А. Ю., Чишев В. Т. Новый комплекс с орнаментированным кобано-колхидским топором (погребение 45 могильника Эльхотово). 2017, вып. 246, 280–297.
- Скворцов К. Н. Формирование социальных элит у эстиев в конце римского времени и в эпоху Великого переселения народов. 2016, вып. 244, 146–165.
- Скочина С. Н., Еньшин Д. Н. Костяной инвентарь неолитического погребения поселения Мергень 7. 2017, вып. 246, 242–250.
- Советова О. С. Декорированные изображения и «алтайский» стиль в наскальном искусстве Минусинской котловины в скифскую эпоху. 2017, вып. 247, 132–149.
- Солдатова Т. Е. Технологические стадии изготовления бусин из бивня мамонта на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь. 2017, вып. 246, 130–141.
- Соловьёв В. С., Тихонов Р. В. Новые данные с городища Дабилькурбан в Северной Бактрии (по материалам археологических исследований 2014–2015 гг.). 2016, вып. 244, 383–390.
- Сорокин А. Н. К вопросу о различиях дюнных стоянок и болотных поселений. 2016, вып. 245, ч. 1, 67–81.
- Сорокин А. Н. Финальный палеолит и мезолит Мещерской низменности: современный взгляд. 2018, вып. 250, 145–172.
- Сорокин А. Н., Хамакава М. Жилища стоянки Шагара 4. 2015, вып. 241, 42–59.
- Сорокина И. А. Археологический подотдел в системе Наркомпроса (1918–1926 гг.). 2016, вып. 245, ч. 1, 244–256.
- Сорокина И. А. Археология и «музейное строительство» первых лет советской власти (1918–1925 годы). 2017, вып. 249, ч. 1, 311–317.
- Сотникова С. В. Алакульские захоронения в колыбели: археологические и этнографические параллели. 2016, вып. 244, 373–382.
- Сотникова С. В. Джетыгарское копье и синташтинско-петровская погребальная традиция: к реконструкции образа и представлений. 2015, вып. 241, 78–89.
- Сотникова С. В. Памятники с радиально-круговой планировкой: формирование модели сакрального пространства и реконструкция представлений (от синташтинской традиции к эпохе раннего железного века). 2017, вып. 248, 220–231.
- Старков В. Ф. Удаленные промыслы русских поморов в XV–XVIII вв. 2015, вып. 241, 328–333.
- Степанова Ю. В. Нашивные украшения в древнерусском женском костюме. 2018, вып. 250, 91–103.
- Столярова Е. К., Коваль В. Ю. Стекланные браслеты восточной части Московского Кремля (предварительные результаты работ 2016 года). 2017, вып. 249, ч. 2, 86–94.
- Стрижова Н. Б. Диалог археологов: из переписки П. С. Уваровой и В. А. Городцова (по материалам ОПИ ГИМ). 2016, вып. 242, 245–252.
- Стрикалов И. Ю. Острог Переяславля Рязанского в свете исследований 2015 года. 2016, вып. 242, 124–131.
- Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В. Гончарное клеймо со знаком Рюриковичей из Старой Рязани. 2017, вып. 249, ч. 2, 109–115.
- Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В. Новые находки ювелирных матриц из Старой Рязани. 2015, вып. 241, 202–207.
- Супренков А. А., Столяренко П. Г. Античные сельские поселения на востоке Керчи (по результатам разведочных работ 2014 г.). 2016, вып. 243, 66–76.
- Суханов Е. В., Свиридов А. Н. Комплексы раннесредневековых амфор с поселения Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове. 2017, вып. 247, 314–325.
- Сыроватко А. С., Потемкина О. Ю., Трошина А. А., Свиркина Н. Г. Новые данные о хронологии могильников Щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года. 2015, вып. 241, 165–173.
- Тарабардина О. А., Карпунин А. А., Мацковский В. В., Соловьева Л. Н. Дендрохронология средневекового Новгорода: анализ хронологического и количественного распределения дендродат. 2016, вып. 245, ч. 1, 22–35.
- Тишкин А. А., Матренин С. С. Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннского времени (по материалам памятника Яломан-II). 2017, вып. 247, 74–86.

- Требелева Г. В., Сакания С. М., Юрков Г. Ю., Хондзия З. Г., Шведчикова Т. Ю.* Маркульское городище. 2017, вып. 249, ч. 2, 251–261.
- Тропин Н. А., Лукин С. В.* Находка средневекового ларца второй половины XIV — середины XV в.: исследования и опыт моделирования. 2017, вып. 246, 323–335.
- Успенский П. С., Чаукин С. Н.* Ареал городищ дьякова типа. 2016, вып. 242, 71–80.
- Учанева Е. Н., Бусова В. С.* Новые антропологические материалы из могильника раннего железного века Саускен. 2017, вып. 247, 406–417.
- Фараджеева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдюков П. Г.* Улицы Людина конца средневекового Новгорода: задачи, проблемы и методика исследований. 2016, вып. 245, ч. 1, 7–21.
- Фатюнина О. А.* Герметичный тигель из Переяславля Рязанского. 2017, вып. 247, 372–383.
- Федорченко А. Ю.* Экспериментально-трасологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка). 2016, вып. 243, 16–32.
- Флёров В. С.* Из историографии середины XX – начала XXI в. Семикаракорской крепости и других хазарских памятников Нижнего Дона. 2016, вып. 245, ч. 1, 257–271.
- Флёров В. С.* Из итогов исследования Семикаракорской крепости Хазарского каганата. 2017, вып. 249, ч. 2, 209–218.
- Флёров В. С.* Семикаракоры: восточная стена крепости и донжон. 2015, вып. 241, 230–245.
- Фролов Я. В., Тишкин А. А., Иванов Г. Е.* Особенности изображений в скифо-сибирском зверином стиле на железных кинжалах юга Обь-Иртышского междуречья. 2017, вып. 247, 150–162.
- Хайрединова Э. А.* Детское погребение первой половины VII в. с пальчатыми фибулами днепровского круга из могильника у села Лучистое в Юго-Западном Крыму. 2017, вып. 248, 232–248.
- Хомякова О. А.* Вопросы социальной интерпретации погребений с «самбийскими» поясами римского времени из ареала культуры Доллякайм-Коврово. 2016, вып. 243, 33–49.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Могила № 9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму. 2016, вып. 244, 166–194.
- Черна С.* К вопросу о распространении мелкой антропоморфной пластики на поселениях культуры Кукутень-Триполье. 2017, вып. 247, 223–244.
- Цетлин Ю. Б.* О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов. 2016, вып. 245, ч. 2, 265–274.
- Цетлин Ю. Б., Медведев В. Е.* Некоторые данные о керамике осиповской и маринской культур бассейна Нижнего Амура. 2018, вып. 250, 202–214.
- Чернецов А. В.* Фрагмент наконечника ножен меча из Старой Рязани. 2016, вып. 245, ч. 2, 57–63.
- Чернов С. З.* Куфический дирхем 862/863 г. из Буркова на Клязьме. 2016, вып. 242, 165–179.
- Черных Е. М.* О своеобразии приемов орнаментального и скульптурного декора изделий из кости с вятских ананьинских городищ. 2017, вып. 247, 120–131.
- Чернышева Е. В., Леонова Е. В.* Предварительные результаты геохимического анализа культурных слоев пещеры Двойная в Губском ущелье. 2016, вып. 244, 340–354.
- Чхаидзе В. Н.* Полемика о «каменных бабах» – как поссорился Николай Иванович с Василием Алексеевичем. 2017, вып. 247, 418–428.
- Шарапова С. В.* Искусственная деформация черепа в саргатской среде (биоархеологический аспект). 2018, вып. 250, 243–259.
- Шарганова О. Л.* Об истории населения Ростова Великого по данным технологического изучения лепной керамики конца I – начала II тыс. н. э. 2017, вып. 249, ч. 2, 44–56.
- Шаров О. В.* Погребения элиты Боспора римского времени и эпохи Великого переселения народов. 2016, вып. 244, 120–130.
- Шведчикова Т. Ю., Хартанович В. И., Галеев Р. М.* Роль палеопатологических проявлений в идентификации исторических личностей на примере останков архимандритов Соловецкого монастыря. 2017, вып. 249, ч. 2, 226–235.

- Шер Я. А.* Угасает ли дискуссия о происхождении скифов, скифской культуры и скифского звериного стиля? 2017, вып. 247, 15–27.
- Шмонецкий Б. Ш.* Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территорий (VI–VIII вв.). 2016, вып. 244, 254–274.
- Шутелева И. А., Щербakov Н. Б., Гольева А. А., Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В., Леонова Т. А., Орловская Л. Б., Радивоевич М.* Результаты междисциплинарных исследований памятников срубно-алакульского типа Башкирского Приуралья (на примере Казбуруновского археологического микрорайона). 2017, вып. 246, 261–279.
- Щелинский В. Е.* Раннепалеолитическое местонахождение Родники 4 в Южном Приазовье. 2017, вып. 247, 203–222.
- Энговатова А. В., Васильева Е. Е.* Некрополь Чудова монастыря Московского Кремля. Исследования деревянных погребальных конструкций. 2017, вып. 249, ч. 2, 7–17.
- Энговатова А. В., Медникова М. Б., Тарасова А. А.* Опыт биоархеологической реконструкции состояния здоровья и профессиональной специализации жителей средневекового Ярославля (погребенный № 2 из сооружения 76). 2015, вып. 241, 387–402.
- Эрлих В. Р.* Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе. 2018, вып. 250, 7–24.
- Яворская Л. В., Антипина Е. Е., Энговатова А. В., Леонтьев А. Е.* Изотопный анализ и вопросы реконструкции палеодиеты домашних животных в средневековых городах Восточной Европы. 2015, вып. 241, 380–387.
- Яворская Л. В., Макаров Н. А., Шполянский С. В.* Археозоологические материалы суздальских селищ в контексте изучения хозяйства Северо-Восточной Руси: первое обобщение. 2016, вып. 245, ч. 2, 206–225.
- Яганов А. В.* Новые данные о керамическом фасадном декоре в древнерусском зодчестве второй половины XV – начала XVI века. 2017, вып. 249, ч. 2, 195–203.
- Янишевский Б. Е.* Новые данные о памятниках раннего железного века и эпохи переселения народов в Верхнем Москворечье. 2015, вып. 241, 153–164.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.

2. Рукопись в электронном варианте в формате Microsoft Word.

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме и ключевых слов (не более 10) на русском языке (см. п. 11), списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7), сведений об авторе (авторах; см. п. 12). Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).

5. Статья (включая список литературы, подрисуночные подписи и др.) должна быть напечатана четким, контрастным шрифтом кегля 14 через полтора интервала. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте рукописи должны быть четко вписаны от руки в распечатку рукописи. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию.

7. Иллюстрации предоставляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно

скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в журнале. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIFF. В текстовый файл иллюстрации не вставляются.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы представляются в отдельных файлах. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Например: *Мелюкова А. И.*, 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л. *Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы. М. *Чернов С. З.*, 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Смирнов, 1964. С. 50*). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже един-

ственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) и ключевых слов (key words).

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны всеми авторами. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 251

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки –
изразец с сюжетом «Лестница жизни» (к статье Л. А. Беляева и О. Н. Глазуновой)

Редакторы Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен В. Б. Степановым

Подписано в печать 25.06.2018. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 30,96. Уч.-изд. л. 30. Тираж 250. Заказ № 4163.

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

Распространение: ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес редакции и издательства: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

Отпечатано с электронной версии заказчика
в типографии ООО "Красногорский полиграфический комбинат"
107140, г. Москва, пер. 1-й Красносельский, д. 3, оф. 17